

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

50

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2015 Issue 50

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexico

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Constance BLACKWELL
International Society
for Intellectual History

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewicza
w Poznaniu

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Nina A. KHACHATURIAN
Lomonosov Moscow State University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2015 Выпуск 50

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный университет
Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН

Констанс БЛЭКВЭЛ
Международное общество
интеллектуальной истории

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
Высшая школа экономики
Национальный исследовательский
университет

Дюла СВАК
Будапештский университет
имени Лоранда Этвеша

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Упсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России

Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ББК 63.3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВЕДЮШКИНА И. В., научный сотрудник
ВИШЛЕНКОВА Е.А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ЗВЕРЕВА В. В., кандидат исторических наук, доцент
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
МАКАРЕНКОВА Е. М., доктор исторических наук
МАЛОВИЧКО С. И., доктор исторических наук, профессор
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент
(заместитель главного редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
(ответственный секретарь)
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 50

М.: ИВИ, 2015. — 400 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

DIALOGUE WITH TIME 50

Moscow: IWH, 2015. — 400 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

ISSN 2073–7564

Эл. № ФС 77-53624

Подписной индекс
в общероссийском каталоге «Роспечать»

36030

- © Общество интеллектуальной истории, 2015
- © Институт всеобщей истории, 2015
- © Журнал «Диалог со временем», 2015

АКВИЛОН

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

«ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ» – 50

Первый выпуск «Диалога со временем» увидел свет в 1999 году. И вот – прошло всего пятнадцать лет, и мы представляем сегодня читателю пятидесятый – юбилейный! – выпуск нашего журнала «Диалог со временем». Редакция сердечно поздравляет с этим замечательным событием всех преданных авторов и читателей журнала.

Да, многое за эти годы изменилось: «Диалог со временем» превратился из альманаха в настоящий журнал, стал выходить в свет уже не раз и не два раза в год, а ежеквартально, поменялось оформление и «лицо» – обложка издания, неизмеримо выросло число сотрудничающих с нами авторов, появились новые рубрики.

Но главное осталось неизменным – приверженность редколлегии и авторов «Диалога со временем» выдвинутой при его создании комплексной и интердисциплинарной, по самой своей природе, научной программе – в соответствии с обоснованным уже в его первом выпуске широким пониманием культурно-интеллектуальной истории и ее укрепившемся статусом в системе современного социогуманитарного знания. Проблематика журнала (как и всех исследовательских и издательских проектов его учредителей – Межрегиональной общественной организации содействия научно-исследовательской и преподавательской деятельности «Общество интеллектуальной истории» и Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН – определяется сквозной (от Античности до Современности) генеральной программой «Традиции и творцы интеллектуальной культуры», стимулирующей исследования творческой деятельности и интеллектуальных процессов в сфере гуманитарного, социального и естественнонаучного знания на базе интеграции истории идей, социально-интеллектуальной истории и микроаналитических подходов новой культурной истории. В рамках реализации данной научной программы была, в частности, подготовлена теоретико-методологическая база для целой серии масштабных коллективных проектов по приоритетным научным направлениям¹. Те же принципиальные подходы были поло-

¹ Из числа последних отметим такие как: *Образы времени и исторические представления...* 2010; *Кризисы переломных эпох в исторической памяти...* 2012;

жены в основу работы над специальными выпусками нашего журнала, которые продолжили традицию тематических номеров, сложившуюся в «Диалоге со временем» уже в самом начале 2000-х годов².

По-прежнему в центре внимания «Диалога со временем» – изучение исторических аспектов всех видов творческой деятельности человека, всестороннее исследование ее условий, форм и результатов, без каких-либо хронологических и географических ограничений. Мы, как всегда, исходим из того, что «простая инвентаризация интеллектуальных богатств, которыми мы располагаем сегодня, не может объяснить, по какому праву мы пользуемся ими. Это можно сделать только одним способом – анализируя, а не просто описывая и показывая, как они были созданы в ходе исторического развития»³.

В свое время, определяя научную программу «Диалога со временем», редакция выбрала в качестве своеобразного девиза фразу из яркого творческого наследия Р. Эмерсона: «Будем же измерять время мерой духовной!»⁴. Это важное измерение времени было впоследствии развернуто в базовом для данной программы понятии интеллектуальной культуры. Изучение интеллектуальной культуры разных эпох и цивилизаций включает как анализ текстов, разнообразного мыслительного инструментария, навыков мышления, способов концептуализации окружающего мира природы и социума (т.е. субъективности разных уровней), так и исследование всех форм, средств, институтов (формальных и неформальных) интеллектуального общения в их целостном социокультурном контексте.

Речь идет об исследовании исторически определенной общекультурной «почвы» (базовых идей, представлений, ценностей, стереотипов, символов, мифов, различных элементов «ментальной программы») в режиме длительной временной протяженности, с учетом взаимодействий, которые наиболее ярко проявляются в едином культурно-

Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем... 2014; Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы... 2014.

² Обозначим некоторые из них: Вып. 4. Преемственность и разрывы в интеллектуальной истории. 2001; Вып. 5. Историческая биография и персональная история. 2001; Вып. 8. Персональная история и интеллектуальная биография. 2002; Вып. 19. Индивид, общество, власть в контексте гендерной истории. 2007; Вып. 21. Исторические мифы и этнонациональная идентичность. 2007; Вып. 29. Мир и война: аспекты интеллектуальной истории. 2009; Вып. 36. Интеллектуальная культура и ученые сообщества Европы в Новое время. 2011; Вып. 39. Национальный характер, дух народа и образ Другого: способы познания и описания. 2012.

³ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 219.

⁴ Диалог со временем. 1999. Вып. 1. С. 3.

интеллектуальном пространстве – в форме продолжающейся (непрерывно или с существенными временными разрывами) серии сложных коммуникаций между автором и последующими поколениями читателей и интерпретаторов. Важное современное направление изучения интеллектуальной культуры – анализ видов, типов и способов интеллектуальной коммуникации, конкретных механизмов распространения и процессов обращения идей в виде знаний, мнений, различного рода информации в многослойном пространстве культуры. Интеллектуальная коммуникация с помощью циркулирующих внутри нее текстов, имеющих форму переписки, книг и статей, публичных выступлений или частных разговоров, не только передает информацию, но и поддерживает некое интеллектуальное сообщество, формируя общепринятый для данного сообщества язык, тип поведения, систему ценностей.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что наше совместное с читателями пятнадцатилетнее «путешествие» по этому необъятному исследовательскому пространству, втягивающему в свою орбиту «территории» истории, культурологии, философии, филологии и других социальных и гуманитарных наук, было по-настоящему увлекательным и полезным как для маститых ученых, так и для молодых, начинающих исследователей и преподавателей российских университетов, уверенно вошедших в обширный круг наших авторов и читателей.

Основные направления исследовательского поиска наших авторов отражены в постоянных и периодических рубриках журнала: «Интеллектуальная история сегодня», «В пространстве культурной истории», «Из истории идей и представлений», «Идеи и люди», «Наука: история и современность», «Интеллектуальные традиции: от Античности до Модерна», «История и теория», «Перекрестки интердисциплинарности», «История и память», «Интеллектуалы и власть», «Время – История – Память», «Диалог культур в историческом контексте», «История и личность», «История и литература», «Образы в истории и образы истории», «Из истории образования», «Истории религии и церкви», «История и политика», «Проблемы терминологии», и мн. др. Мы также надеемся продолжить рубрики «Исторические заметки», «Переводы и публикации», «Читая книги», «Приглашение к дискуссии», «Интервью», «К Юбилею», «Хроника научных событий».

Благодарим всех постоянных авторов и подписчиков «Диалога со временем» и приглашаем к активному сотрудничеству наших новых читателей и коллег.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2010. 960 с.
- Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. Вып. 1 / Отв. ред. М.С. Петрова. М.: Аквилон, 2014. 288 с.
- Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2014. 848 с.
- Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 488 с.
- Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2012. 336 с.
- Преемственность и разрывы в интеллектуальной истории // Диалог со временем. 2001. № 4.
- Персональная история и интеллектуальная биография // Диалог со временем. 2002. № 8.
- Исторические мифы и этнонациональная идентичность // Диалог со временем. 2007. № 21.
- Мир и война: аспекты интеллектуальной истории // Диалог со временем. 2009. № 29.
- Интеллектуальная культура и ученые сообщества Европы в Новое время // Диалог со временем. 2011. № 36.
- Национальный характер, дух народа и образ Другого: способы познания и описания // Диалог со временем. 2012. № 39.

REFERENCES

- Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya: Rossiya – Vostok – Zapad / Pod red. L. P. Repinoi. M., 2010. 960 s.
- Intellektual'nye traditsii v proshlom i nastoyashchem. Vyp. 1 / Otv. red. M.S. Petrova. M.: Akvilon, 2014. 288 s.
- Idei i lyudi: intellektual'naya kul'tura Evropy v Novoe vremya / Pod red. L.P. Repinoi. M.: Akvilon, 2014. 848 s.
- Kollingvud R. Dzh. Ideya istorii. Avtobiografiya. M.: Nauka, 1980. 488 s.
- Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoi pamyati / Pod red. L.P. Repinoi. M.: IVI RAN, 2012. 336 s.
- Preemstvennost' i razryvy v intellektual'noi istorii // Dialog so vremenem. 2001. № 4.
- Personal'naya istoriya i intellektual'naya biografiya // Dialog so vremenem. 2002. № 8.
- Istoricheskie mify i etnonatsional'naya identichnost' // Dialog so vremenem. 2007. № 21.
- Mir i voina: aspekty intellektual'noi istorii // Dialog so vremenem. 2009. № 29.
- Intellektual'naya kul'tura i uchenye soobshchestva Evropy v Novoe vremya // Dialog so vremenem. 2011. № 36.
- Natsional'nyi kharakter, dukh naroda i obraz Drugogo: sposoby poznaniya i opisaniya // Dialog so vremenem. 2012. № 39.
- Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya: Rossiya – Vostok – Zapad / Pod red. L. P. Repinoi. M., 2010. 960 s.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

И.М. САВЕЛЬЕВА

СТАЛА ЛИ ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАУКОЙ?

ЭНЕРГИЧНЫЕ ОБЪЯТИЯ СЦИЕНТИЗМА¹

Задача статьи – показать, как происходила трансформация истории в социальную науку и в чем история по-прежнему остается наукой гуманитарной. Двуликость истории, ее не только формальная, но и фактическая принадлежность к двум кластерам наук о человеке, проблематизируется как конфликт между теорией и методом в случаях, когда историки используют теории социальных наук. Хотя историки необыкновенно активно обращаются к социальным наукам, они обычно не могут использовать многие средства и приемы исследования, составляющие инструментарий той или иной теории, на которые опираются социологи, психологи или антропологи – психометрическое тестирование, социометрический мониторинг, этнографическое описание, глубинные интервью, long-term observation и др. Как же в этом случае выбирать путь исследования? И что происходит, если историк опирается на теорию, разработанную для другой дисциплины, которая предполагает совсем иные возможности для работы с объектами в настоящем? Для ответа на этот вопрос анализируются примеры из разных исторических субдисциплин.

Ключевые слова: история, социальные науки, гуманитарные науки, теория, метод, символический интеракционизм, культурная интерпретация.

Ледяные объятия научности (Х.У. Гумбрехт)

Историческое знание традиционно относилось к области гуманитаристики, хотя в современных классификаторах наук история чаще включается в состав социальных дисциплин. Конечно, деление наук о человеке на социальные (social sciences) и гуманитарные (humanities) – явление относительно недавнего времени. Как заметил известный французский историк Э. Ле Руа Ладюри, «вплоть до предшествующего столетия научное познание как таковое основывалось на диалоге двух культур: точных и гуманитарных наук, математики и интуиции, духа геометрии и духа изящного. Со времен Фукидида и до Мишле история являлась частью гуманитарных наук. А позднее появилась, сначала украдкой, затем открыто и демонстративно, “третья культура” – социальные науки»².

¹ Данное научное исследование 14-01-0063 выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014/2015 гг.

² Ле Руа Ладюри 1993. С. 153-173. С. 172. См.: также ключевую в данном контексте работу Вольфа Лепениса: Lepenies 1985.

Все же и сегодня историю не всегда классифицируют как социальную науку: тем самым, позиция ее и формально, и по существу остается двойственной. Более того, со времени становления истории как научной дисциплины устойчиво присутствует и крайняя точка зрения, согласно которой, история – не наука, а искусство (причем, в значении «осмысление мира в художественном образе», а не *liberal arts*). Все эти позиции представлены как внутри самого исторического сообщества, так и вне его – социальными учеными, учеными-историками, общественностью. Моя задача в данной статье обнаружить, в чем история по-прежнему *не* соответствует социальной науке, в которой многие ведущие представители нашей профессии видят модель для исторической дисциплины. Другая задача – показать, что гуманитарная составляющая исторического знания, как и прежде, обладает ценным когнитивным потенциалом и утрата его привела бы к невосполнимым лакунам в знании о человеке.

Континуум наук о человеке

В основе всех классификаций наук (знаний) – от Платона и Аристотеля до наших дней – лежали два принципа: *по предмету* и *по методу*. Намеченные древними мыслителями подходы сохранялись, по существу, в основе всех последующих представлений о классификации знаний (по крайней мере, в европейской и отчасти в арабской культуре). Однако после многих веков создания бесчисленных классификационных схем, занятия, которому предавались и философы, и геометры (вплоть до Огюста Конта, Андре Мари Ампера, Генриха Риккерта), в XX в. попытки классификаций наук стали уходить в прошлое, ибо, по остроумному замечанию немецкого историка Йозефа Фогта, все они напоминали, буллу 1493 г. «*Inter caetera divini*» папы Александра VI Борджиа, согласно которой через Атлантический океан был проведен условный меридиан. На запад от него все «возможные» (в смысле их открытия) земли должны были принадлежать испанцам, а на восток – португальцам. Но вскоре выяснилось неожиданное обстоятельство: если плыть как можно дальше на запад, то... попадешь на восток³.

Многочисленные способы классификации знания, утверждения новых наук и дисциплинарных кластеров – все это было только предвосхищением нынешнего устройства «древа познания»⁴. Современное поле наук представляет собой континуум, и провести разграничительные линии между науками, равно как и сгруппировать их, далеко не

³ Утченко 1966. С. 238.

⁴ См.: Makkreel, Luft 2010. P. 554-597; Makkreel 2012. P. 293-322.

просто. Сегодня представляется, что единственным разумным подходом к проблеме классификации является прагматический, при котором классификационные системы создаются в связи с нуждами университетов, издательств, библиотек, энциклопедий, библиометрических исследований и статейных рейтингов, электронных баз данных и информационных служб. Это – прикладные классификаторы наук, а не бесчисленные спекулятивные систематизации, предлагавшиеся испокон веков. Все такие классификаторы подразделяют науки на три блока – science, social science⁵ и humanities (в шутку знаменитый физик Лев Ландау делил науки на естественные, неестественные и противоестественные).

Способ классификации наук *по предмету* и *по методу* используется сегодня и для различения гуманитарных и социальных наук. Если границу пытаются провести по предмету, то *гуманитарные науки* определяются, например, как академические дисциплины, которые изучают культуру («the humanities are academic disciplines that study human culture»). При этом к гуманитарным наукам относятся те, предметом которых являются древние и современные языки, литература, философия, религиоведение, визуальные и перформативные искусства, такие как музыка и театр. Эти дисциплины до сих пор составляют предметное ядро образования *liberal arts*, которое предназначено научить «как думать творчески и критически, убеждать и вопрошать»⁶.

Очевиден изъян выделения области *humanities* по предмету. Существует большая группа *социальных наук* именно о культуре (*cultural anthropology, media studies, cultural studies, cinema studies* и т.д.). Существует социология культуры, и отдельно – социология литературы, музыки, театра и т.д. То же можно сказать и об экономике и других базовых социальных науках. Не случайно в целом по предмету они иногда определяются как академические дисциплины, изучающие общество и взаимоотношения индивидов в обществе, но иногда предельно широко – как академические дисциплины, изучающие все аспекты мира, связанные с человеком. Тем самым предмет гуманитарных наук оказывается единым с предметом наук социальных.

Другое общепринятое различие между гуманитарными и социальными науками проходит не по предмету, а по методу. Считается, что гуманитарные науки используют преимущественно критические или

⁵ О классификациях подр. см.: Савельева, Полетаев 1997. Гл. 1.

⁶ The Stanford Humanities Center. <http://shc.stanford.edu/why-do-humanities-matter>. Кстати, именно этой фразой в разных американских университетах многие профессора в своих слайдах описывают задачи курса.

спекулятивные методы и нагружены историзмом. (Оставим за скобками, что гуманитарным наукам часто приписывают не только научные задачи – классификация, описание и объяснение, но и более широкую – критическую – функцию.) Предполагается, что этим они отличаются от социальных наук, которые для познания общества используют способы, напоминающие методы *естественных наук*, – преимущественно эмпирические и формализующие. Но и с этой дистинкцией все не так однозначно. Во-первых, странно, что различие между гуманитарными и социальными науками определяется по отношению к третьему – естественным наукам. Во-вторых, в социальных науках существует немало направлений, полагающихся на интерпретативные методы социальной критики или символические интерпретации. В современной практике наук о человеке, с их многообразием и акцентом на междисциплинарность, исследования чаще всего отличаются эклектикой, смешением разных приемов, от квантификации до спекулятивных построений.

Примечательно, что практически все новые науки о человеке, появившиеся в основном во второй половине XX в. и изучающие коммуникацию, культуру, образование, окружающую среду, международные отношения, интернет, медиа, лингвистику, социальную работу (*communication, cultural studies, education, environment, human geography, international relations, internet, linguistics, media, social work*) идентифицируются как *социальные науки*. Уже сама эта идентификация свидетельствует об устремленности к вхождению именно в корпус социальных наук, соответственно, о теоретических и методических претензиях на *hard science*. Хотя, как легко догадаться, представители многих из них полагаются преимущественно, а порой и исключительно, на интерпретативные методы. В то же время в современных гуманитарных науках важен интерес к областям, связанным с антропологией, социальной географией, экологией, науками о поведении и пр. При этом, как уже было сказано, историю относят то к социальным, то к гуманитарным наукам.

Впрочем, проблемы с определением места истории в поле знаний о человеке существовали всегда. История не вполне укладывалась в классификационные схемы, основанные на принципах членения по предмету и методу, намеченные еще древними мыслителями. В результате ее либо вообще «истребляли» как самостоятельную область знания или научную дисциплину (от Эпикура до позитивистов XIX в.), либо, наоборот, относили к истории почти все мыслимые науки, в том числе и естественные (как это делали, например, Фрэнсис Бэкон и Дени Дидро). Проблемы возникали даже при сужении предмета истории

до сферы изучения общества – она или вообще выпадала из классификационных схем, или начинала занимать в них непропорционально большое место. В книге «История и время: в поисках утраченного»⁷ мы с Андреем Полетаевым утверждали, что сложности с определением места истории в системе научного знания во многом преодолеваются, если науки о человеке, наряду с классификацией по предмету и методу, классифицировать *по времени*, к которому принадлежит объект их изучения, – прошлому или настоящему. Введение этой классификационной оси многое объясняет в специфике научного исторического знания, однако вопрос о принадлежности истории к социальным или гуманитарным дисциплинам остается. Задача, поставленная в данной статье, предполагает одинаковое внимание к двуликости истории, ее не только формальной, но и фактической принадлежности к наукам «неестественным и противоестественным».

Здесь речь пойдет только о когнитивном статусе исторической науки, а не о социологии сообщества историков, подразумевающей организационно-институциональный анализ, положение исторической дисциплины в университете и обществе, ее социальную значимость, критическую функцию и т.п., хотя понятно, что способ организации сообществ создает атмосферу, влияющую на производство и содержание знаний⁸.

В XIX в., в ходе так называемой второй научной революции в университетах, совершился переход от общего знания о человеке к наукам о человеке, включавший такие процессы как специализация и профессионализация. Как показала Лорен Дастон, профессионализация и специализация в английской, французской и немецкой Академиях происходили по-разному, но везде эти процессы вели к институционализации социально-научного знания⁹. В начале XX столетия академические дисциплины, оснащенные собственными факультетами, кафедрами, учебными программами, системами оценивания превратились в отдельные универсумы¹⁰ и «...совершенно преобразили благодатную интеллектуальную панораму конца XVIII – начала XIX в. Оправдывая свое название, они разработали мощный дисциплинирующий механизм контроля и ограничений. Обладая монополией на сертификацию и контролем над

⁷ Савельева, Полетаев 1997. Подробно о классификациях наук см. гл. 1.

⁸ Critical Inquiry...; Пост 2011; Qu'est-ce qu'une discipline?...; Lloyd 2009. Применительно к гуманитариям: Steven 2006. P. 15-21; Богданов 2006. С. 18-29.

⁹ Daston 1999.

¹⁰ Abbott 2001; Lepenis 1989; Novick 1988.

учебными планами, наймом, штатным расписанием и распределением финансов, они обезопасили себя с помощью четко проведенных границ»¹¹. Речь, конечно, идет не только об институциональных барьерах и механизмах администрирования и контроля. Параллельно между науками происходило размежевание и в когнитивной сфере: формировались собственные правила построения дисциплинарных дискурсов, теории, методы, ключевые понятия. Тогда же началось размежевание гуманитарных наук с социальными, которые были существенно моложе. Тем не менее, науки о человеке опирались на общие концепты (историзм, эволюция, структура, порядок и др.)¹², на общепризнанные *grand theories*. Достаточно посмотреть на исторические работы XIX века, будь то набирающие силу марксистские школы, геоистория или социокультурная история, чтобы увидеть, что интеллектуальный багаж социального знания находился в общем распоряжении – скольжение от Чарльза Дарвина к Герберту Спенсеру или Джорджу Миду было нормальным явлением.

История как социальная наука

Однако не менее, а более важно, что, используя общие концепты, каждая наука обзаводилась и собственным теоретическим инструментарием, и набором исследовательских методов – отсюда знаменитый призыв Иоганна Густава Дройзена к историкам: «Ищите методы!»¹³. Уже в Предисловии ко второму тому «History of Hellenism», опубликованному в 1843 г. всего в нескольких экземплярах¹⁴, он говорил о недостатке в исторических штудиях собственно *исторической* теории при избытке философии истории. В знаменитом «Очерке истории» Дройзен писал, что история, именем которой иногда называют XIX столетие, как наука все еще не находит своей «жизненной точки» и по-прежнему заимствует ее то в философии истории, то в теологии истории, и бог весть, где еще. Дройзен видел задачу историков своего времени в обеспечении суверенитета исторической науки. Для этого он считал необходимым обобщить имеющиеся в распоряжении историков «методы, объединить их в систему, разработать их теорию и таким образом установить не законы истории, а только законы историческо-

¹¹ Sewell 2005. P. 2.

¹² Ziche 2014.

¹³ См.: Савельева, Полетаев 2008. С. 26-54.

¹⁴ В остальных экземплярах этого издания присутствовал только первый абзац предисловия с посвящением Ю. Ольсгаузену. Justus Olshausen (1800–1882) – немецкий востоковед и филолог, профессор Кильского и Кёнигсбергского университетов.

го процесса познания и знания»¹⁵. «Нам требуется такой как Кант, который бы пересмотрел не исторические материалы, а теоретическое и практическое отношение к истории...»¹⁶.

Кант у историков, кажется, не появился. Дройзен надолго остался неизвестным, но стремление к сциентизации дисциплины историков не миновало. Понятие «сциентизация», в духе социологии знания, конечно, стоит заключить в условные кавычки. Как правило, под сциентизацией наук о человеке имеется в виду их формализация, но у этой позиции, естественно, есть и будут серьезные оппоненты, считающие знание, не укрепленное строгими теориями, формулами и наблюдениями, ничуть не менее научным.

Процесс теоретической и методологической автономизации наук шел долго, и даже в 1930-е годы социальные дисциплины находились в стадии формирования, а многих из них еще просто не существовало. Основатели школы Анналов, М. Блок и Л. Февр, в попытках онаучивания истории все еще ориентировались на естественные науки¹⁷. Более всего их впечатляли открытия в физике. Важным следствием такой ситуации было относительное равноправие социальных и гуманитарных наук о человеке. История в то время не чувствовала себя падчерицей в мире социальных наук, а в глазах некоторых влиятельных мыслителей обладала даже центрирующим потенциалом (на такой презумпции базировалась, например, идея исторического синтеза, которую деятельно продвигал А. Берр). Паритет с социальными науками и отчасти запоздавшее освоение их достижений имел для развития исторической дисциплины важное значение. В первой половине XX века историки ощущали себя намного увереннее в области производства собственных теорий. Так, довоенная социальная история (Л.П. Карсавин, А. Пиренн, М. Блок, Л. Февр) по критерию теоретической самостоятельности безусловно превосходила «новую» социальную историю 1970-х. П. Шоню называет период 1930-х годов «ключевым временем» и для экономической истории¹⁸, указывая на ряд важнейших исследований, а зарождение геоистории связывает «в конечном итоге, с созданием одного научного произведения, в котором автор – Фернан Бродель – совершил переход от средиземноморской политики Филиппа II к Средиземноморью и Средиземноморскому Миру эпохи Филиппа II»¹⁹.

¹⁵ Дройзен 2004. С. 578.

¹⁶ Там же. С. 505-525.

¹⁷ Блок 1986. С. 11.

¹⁸ Шоню 1993. С. 137-151. С. 138.

¹⁹ Там же. С. 142.

Однако с 1930-х гг. формализация социальных наук стала стремительно нарастать, решая вопросы об адекватном инструментарии исследования и структуре знания, когда упорядоченной социальной реальности соответствует четкая структура дисциплины и алгоритмизированные процедуры. В конце 1930-х гг. появились первые работы Пола Самуэльсона, положившие начало изложению экономической теории в математических формулах, Талкот Парсонс опубликовал «Структуру социального действия» (1937), Роберт Мертон в тексте «Социальная теория и социальная структура» (1949) предложил свою версию функционализма. Стоит упомянуть и Пола Лазарфельда с его идеей формализации и квантификации эмпирической социологии. Это действительно был огромный шаг в трансформации наук о человеке. Методом таких «сциентизированных» социальных наук могло быть что угодно – математика, кибернетика или лингвистика. Важно, что акцент ставился именно на формальных методах.

К 1960-м годам социология, экономика, антропология, политическая наука завоевали научное лидерство в науках о человеке, они стали задавать образцы и определять научную моду. На фоне их научных результатов историки, восприимчивые к новациям, почувствовали себя отставшими. Экономическая и социальная история стали двумя магистральями, ведущими историю в «дивный новый мир» социальных наук, а локомотивом оказалась клиометрика. Если посмотрим на исторические исследования 1960–70-х гг., то увидим, что многие из них опираются на серьезную статистическую базу. Таблицы, графики, и стоящая за ними кропотливая работа с цифрами – воспринимались как безусловные свидетельства научности исследования. Многим прогрессивным историкам казалось, что именно на этом пути можно обрести сильные объяснения и доказательства. В экономической истории главными темами становятся конъюнктурная динамика, экономические кризисы, экономический рост.

В других областях исторического знания в ответ возникает неудовлетворенность замкнутостью экономической истории, предельной условностью представленного ее средствами экономического человека, новое стремление к синтезу материального и духовного мира прошлого, но в то же время очевиден и соблазн использовать математические методы. К клиометрике обращаются исследователи политической (серийная административная история и регрессионная картография) и культурной истории (регрессионный анализ антропологических данных). Историки-демографы вычисляют нетто-коэффициент воспроиз-

водства и вероятность выживания в самых разных регионах и в очень далекие времена. Клиометрика приспосабливается к изучению ментальности: ведутся количественные исследования печатных письменных источников. Пытаясь постичь скрытые в словах смыслы, историки овладевают количественной семантикой.

Затем, как это обычно и бывает в науке, становится ясно, что посчитать можно далеко не все. Да и сами подсчеты – еще не объяснение. С использованием статистических методов происходит то, что происходит с любым научным новшеством после полосы обольщений – границы зоны их эвристической эффективности приходят в соответствие с их эвристической эффективностью. Клиометрические исследования постепенно занимают свою нишу. Весьма достойную, но все же нишу.

Результатом сложившейся ситуации для историков стала существенная трансформация способов сциентизации своей дисциплины, которая реализовалась теперь не столько в клиометрике, сколько в теоретическом обновлении дисциплины с помощью теорий разных социальных наук. Этот процесс получил название «стратегии присвоения» и был неоднократно описан в историографических трудах²⁰. Одним из результатов «стратегии присвоения» стало то, что в последние полвека историки произвели очень мало исторических теорий. Самые известные из них созданы достаточно давно: церемониалистское направление, заложенное Эрнстом Канторовичем (1957); теория трех уровней социальных изменений Фернана Броделя (1958); теория детства в раннее новое время Филиппа Арьеса (1960); «долгое средневековье» Жака Ле Гоффа (1985); история понятий Райнхарда Козеллека (1979).

«Стратегия присвоения» предполагает, что теории социальных наук, предназначенные для изучения современности, можно применять к познанию прошлого. Начиная с 1960-х гг. устанавливается следующая модель взаимодействия истории с социальными науками: выбор предмета исследования и соответствующей ему социальной науки – выбор макро- или микро- теории – применение теории к историческому материалу. Утверждение этой модели перевернуло отношения между историей и социальными науками, которые существовали со времен позитивистской парадигмы. Если согласно Конту, уделом историков было «материальное сопровождение» социальных

²⁰ См., напр.: Faire de l'histoire...; La nouvelle histoire...; Wehler 1980; The New History...; Novick 1988; New Perspectives...; Iggers 1997; Passés recomposés...; L'Histoire et le métier d'historien...; Репина 2011; Pomian 1999; Тош 2000; XX век: Методологические проблемы исторического познания.

наук, предоставление данных, на которых те могли базировать свои теории, то теперь, наоборот, социальные науки стали поставщиками теоретических концептов для историков. Хотя, как показали библиометрические исследования, в гуманитарных науках кривые восприимчивости (*receptivity curves*) сдвинуты по времени (цитирование сильных теорий начинается позднее, и продолжается тогда, когда они уже теряют популярность в смежных дисциплинах), историки достаточно быстро реагировали на новации в социальных науках (а в теориях в последней половине XX века недостатка не было).

В исторический обиход быстро вошли теории модернизации, мира-системы, стадий роста, неонституционализма, культурной интерпретации, сетевых отношений, символической власти, социального капитала, дискурсивный подход и многие другие. Существует немало интересных попыток микроисторических работ, проведенных с привлечением микро-социологических и микроэкономических теорий. Поистине выдающимся примером использования в исторических исследованиях самых разных наработок в области микроанализа стал Джованни Леви, который к тому же активно участвовал в дискуссиях по теоретическим проблемам микроанализа²¹.

Каждое направление в развитии исторической науки обращается к своему набору авторов, у которых они находят вдохновляющие идеи, методы и цитаты. Исторические труды пестрят ссылками на труды таких классиков экономики как Йозеф Шумпетер, Саймон Кузнец, Уолтер Ростоу, Карл Поланьи, Даглас Норт; социологии – Эмил Дюркгейм, Макс Вебер, Талкотт Парсонс, Шмуэль Айзенштадт, Иммануэль Валлерстайн, Пьер Бурдьё, не говоря уже о непреходящей популярности Карла Маркса. Ведущие антропологи (Клиффорд Гирц,

²¹ В наиболее явном виде понятийный, концептуальный и теоретический аппарат социальных наук применяется в работах Дж. Леви, посвященных экономической и социальной истории, а также обсуждению теоретических проблем микроанализа. В этом смысле творчество Леви чрезвычайно репрезентативно. Приведем лишь некоторые примеры продуктивного использования социальных теорий микроанализа в его работах. Из микроэкономики он использовал концепцию «ограниченной рациональности» поведения экономических субъектов, разработанную Гербертом Саймоном, который впоследствии получил Нобелевскую премию по экономике, и неонституциональную теорию функционирования рынков, которая восходит к работам Рональда Коуза, а с 1960-х гг. разрабатывалась Арменом Алчяном, Дагласом Нортом и др. Из аппарата микросоциологии Леви заимствует теории символического интеракционизма (Джордж Г. Мид, Герберт Блумер); «масштабов социального взаимодействия» Фредерика Барта; символической власти Пьера Бурдьё, сетевых взаимодействий Джорджа Хоманса и т.д.

Арнольд ван Геннеп, Эдмунд Лич, Клод Леви Стросс, Марсель Мосс, Маршалл Салинз и др.) выполняют роль классиков в исследованиях по исторической антропологии и истории ментальности. Можно назвать известных лингвистов, психологов, представителей культурных исследований, теории которых стимулируют научный поиск в разных исторических субдисциплинах²².

Вторжение социальных наук в историческую науку (*minimum optimum* на третьем этапе ее развития, согласно Рольфу Тоштендалю²³) традицию историописания не разрушило, а преобразовало. Это вовсе не были «ледяные объятия научности» (Гумбрехт), скорее я бы назвала объятия энергичными. Свободное обращение к разным теориям и теоретическим конструкциям сделало возможной дальнейшую историческую специализацию и привело к появлению множества исторических субдисциплин. Благодаря активному освоению инструментария социальных наук история сегодня демонстрирует колоссальный потенциал развития в предметной области, в способах самовыражения, в освоении новых материалов, в умении извлекать радикально новую информацию из уже известных документов.

Теории и методы, или «Петухи и коты»

До сих пор речь шла о массированном использовании социальных теорий историками и о результативности «стратегии присвоения». Однако этот процесс не был беспроблемным, а главное – он все время обнаруживал границы и тупики. Многие направления историографии, в которых сначала были получены впечатляющие результаты, позднее столкнулись с ограниченными возможностями применения социальных теорий для исследования прошлого, с явлением анахронизма или отсутствием адекватного инструментария для работы в рамках той или иной теории. Далее речь пойдет о пределах подобной сциентизации, которые обеспечивают востребованность гуманитарной составляющей исторической науки и сохраняют суверенность исторической дисциплины. Я формулирую эту проблему как конфликт между теорией и методом. Поясню сразу, что под методами имеются в виду именно методы (слово «метод», как известно, по-гречески означает «путь»), применительно к научной работе синонимами ему могут быть слова «прием», «способ». Вопрос о соотношении теории и метода при обращении историков к аппарату социальных наук представляется мне центральным в обосновании устойчивости гуманитарного компонента истории.

²² Подробнее см.: Савельева 2011. С. 491-515.

²³ Torstendahl 2015.

Опыт последних десятилетий показывает, что, если заимствование теорий и концептов казалось достаточно простым, то применение к историческому материалу методов, на которых базировались эти теории, очень часто не представлялось возможным. Хотя историки 1960-70-х гг. с энтузиазмом «учились считать» (вспомним знаменитую фразу Э. Ле Руа Ладюри, брошенную сторонникам дискурсивного анализа: «Ведь я с таким трудом научился считать, где уж мне выкроить время на овладение чтением»²⁴) и математическими методами овладели неплохо, с другими техниками исследования возникала проблема. Ведь историк обычно не может использовать средства и приемы познания, составляющие инструментарий той или иной теории, на которые опираются социологи, психологи или антропологи (они-то часто могут заимствовать техники исследования друг у друга) – психометрическое тестирование, социометрический мониторинг, этнографическое описание, глубинные интервью, *long-term observation*. Как же в этом случае выбирать путь исследования? И что происходит, если историк опирается на теорию, разработанную для другой дисциплины, которая предполагает совсем иные возможности для работы с объектами в настоящем?

Для ответа на этот вопрос можно привести примеры из разных исторических субдисциплин. Здесь, ведя речь о непростой связи теорий и методов, я обращаюсь к *cultural history*. Располагаясь на перекрестке истории и культуры, это направление широко использует теоретические возможности многих гуманитарных и социальных дисциплин. К тому же, будучи современным, возникнув на волне увлечения междисциплинарностью, оно впитало в себя и последовательно отразило большинство историографических поворотов и волн. Тем самым *cultural history* предлагает широкую панораму релевантных теорий в динамике.

Мой любимый пример «Петухи и коты» – когда-нибудь я напишу статью с таким названием. Следуя по стопам Клиффорда Гирца, историки пытались применить метод «насыщенного описания» (позаимствованный Гирцем у философа Герберта Райла)²⁵ для культурной интерпретации социального опыта разных общественных групп прошлых эпох. О роли Гирца в культурной истории кто только не писал. Один из прямых наследников Гирца в историографии Роберт Дарнтон не только опирался на его теорию, они с Гирцем много лет вели совместный семинар в Принстоне. Чтобы понять, насколько Дарнтон преуспел в применении методов своего наставника и коллеги, достаточно задать два

²⁴ Ле Руа Ладюри 1993. С. 153-173. С. 155.

²⁵ Гирц 2004. С. 56-57.

вопроса: «Что вы узнали о балийцах?» (из исследования Гирца «Глубокая игра: заметки о петушиных боях у балийцев»)²⁶ и «Что вы узнали о парижских ремесленниках 30-х гг. XVIII века? (из статьи Дарнтон «Рабочие бунтуют: великое кошачье побоище на улице Сен-Севрен»)²⁷.

Гирц месяцами жил в деревне на Бали. Его методы: постоянное наблюдение, общение и плотное описание глубоких²⁸ и «неглубоких» игр. Результат исследования – достаточно подробные и достоверные сведения о балийцах: из книги Гирца можно узнать практически все, начиная от устройства повседневной жизни и практик коммуникации до организации общественной структуры и еще важнее – символического мира балийцев. В распоряжении Дарнтон – трехстраничный рассказ очевидца, печатника Никола Конта²⁹, который в конце 1730-х годов обучался ремеслу на улице Сен-Севрен в Париже и поведал о том, что «за всю историю книгопечатни Жака Венсана там не случилось ничего более уморительного, чем великое кошачье побоище»³⁰. Рассматривая это повествование как художественный текст, Дарнтон использует его «для этнологического explication de texte»³¹. В дополнение к прямому, но более чем краткому источнику, привлекаются материалы огромного архива ТТН (Типографское товарищество Невшателя), по документам которого можно делать косвенные выводы («книгопечатное дело везде велось примерно одинаково»³²) о корпоративной организации ремесленников, но не Невшателя (Швейцария), а Парижа, их повседневной жизни, ритуалах и ценностях. Для проникновения в «смыслы, которые вкладывала народная культура в кошек» автор обращается к сказкам народов Европы, записанным (или написанным?) в XIX веке.

Не сказку ли мы получаем в итоге? Дарнтон в конечном счете опирается не на методы «плотного общения», а на весьма размытую идею Бахтина о раблезианской смеховой культуре и сам не очень уверен в своих выводах, заключая: «Возможно, когда типографы судили, причащали и вешали множество полудохлых кошек, они хотели вы-

²⁶ Там же. С. 478-522.

²⁷ Дарнтон 2002. С. 91-125.

²⁸ «Понятие Бенгата “глубокая игра” мы находим в его книге «Теория законодательства». Под ним он имеет в виду игру, в которой ставки настолько высоки, что, с его утилитаристской точки зрения, людям вообще неразумно в нее ввязываться». (Гирц 2004. С. 478-522. С. 493).

²⁹ Кошачье побоище в изложении Конта: Contat 1980. P. 51-53.

³⁰ Там же. С. 91.

³¹ Там же. С. 91.

³² Там же. С. 98.

смять систему правового и социального мироустройства³³. Ключевое слово здесь «возможно».

Бесспорно, если иметь в виду объем, глубину и точность информации, равно как и убедительность выводов, Дарнтон проигрывает Гирцу, и в этом смысле метод насыщенного описания в истории куда менее продуктивен, чем в социологии. Причина в том, что насыщенное описание историка не могло базироваться на включенном наблюдении, а подразумевало работу с источниками, которые к тому же были скудными и в большинстве своем прямо не относились к описываемому инциденту. Прошлое «других» сообществ невозможно объяснить методами, используемыми в культурной антропологии применительно к «другим» культурам, хотя бы потому, что невозможно закрыть лакуны в документах.

Если все же «додумать мысль до конца» и оценивать возможности использования теории культурной интерпретации именно в исторических исследованиях, то следует признать, что обращение к ней необычайно расширило и тематические горизонты, и источниковедческие возможности, а в результате историками были получены важные исследовательские результаты. Но они были получены, в том числе и потому, что в процессе познания участвовали гуманитарные практики. Включение воображения и работа в области допущений, что является приемлемыми гуманитарными методами, позволяют получить знание, которое невозможно добыть более «строгими» способами. Это очень важное подтверждение значимости гуманитарных основ истории.

Другой важной методологической опорой культурной истории стала теория символического интеракционизма (Джордж Герберт Мид, Герберт Блумер, Ирве Энгстрём (Yrjö Engeström), Дэвид Миддлтон, Томас Парк, Джеймс Хортон, Чарльз Кули, Флориан Знанецки и др.)³⁴. Ключевым положением теории символического интеракционизма, если встать на позицию гуманитарных наук, является тезис о том, что человеческое действие представляет собой не только взаимодействие между индивидами, но и взаимодействие в индивидуальном сознании. Важны не столько наши идеи, установки, или ценности, сколько постоянный непрекращающийся процесс размышления. Мы не просто обусловлены, мы не просто существа, на которых влияют окружающие, мы не просто продукты общества. Мы, по самой своей сути, мыслящие животные, всегда ведущие внутренний диалог, когда мы взаимодействуем с дру-

³³ Там же. С. 116.

³⁴ Mead 1934; Blumer 1969; Griffin 2006. P. 60; Charon 2009.

гими. Если мы хотим понять причину действия или события, надо концентрировать внимание на (раз)мышлении человека. Прошлое влияет на наши действия, прежде всего потому, что мы думаем о нем и обращаемся к нему для определения текущей ситуации.

Традицию символического интеракционизма в важном для историков плане продолжил Ирвинг Гофман, чья работа «The Presentation of Self in Everyday Life» (1959) «глубоко исторична в одном смысле: она подразумевает процесс. Любая идентичность рассматривается как результат договоренностей, которые происходят непрерывно. Ничто не рассматривается как окончательно зафиксированное. Каждая гофмановская интеракция содержит в себе свои фиксированные структуры, собственные изменяющиеся конъюнктуры (has within it its fixed structures, its changing conjunctures) и свои рутинные события. И структуры, которые кажутся фиксированными, на самом деле изменяются вследствие конъюнктурных и даже событийных обстоятельств (change in conjunctural or even “evenemential” ways), если распространить наш интерес на более долгий период, как это делает, например, Норберт Элиас»³⁵.

Теория символического интеракционизма может с успехом использоваться историками для исследования той же проблематики в прошлом, для изучения которой она более всего применяется в социологии и социальной психологии: социальных сообществ, коллективных действий, социальных движений, эмоций, девиантного поведения. Особенно эвристически перспективна эта теория для воссоздания прошлого сообществ с ярко выраженной склонностью к «самокомментированию» и рефлексии (интеллектуалов, художников, ученых).

По моему мнению, интерпретативные возможности символического интеракционизма пока используются историками недостаточно (в двух смыслах: редко и поверхностно). Причины этого отчасти коренятся именно в очевидности разрыва в области методов исследования социологов, психологов и историков. Используя теорию символического интеракционизма, историк сталкивается с тем, что применить предлагаемый ею инструментарий к историческому материалу напрямую невозможно. Приходится адаптировать к этой теории методы исторического исследования, искать замену «включенному наблюдению», вычитывая процессы социального взаимодействия и индивидуальных размышлений в имеющихся источниках и через них постигая, «почему люди делали то, что они делали» и как производились социальные смыслы, т.е. переключаясь в регистр гуманитарного подхода.

³⁵ Abbott 1991. P. 224.

Конечно, в истории достаточно примеров удачного использования «чужих» теорий в совокупности с их методами. Так, в *cultural history* применение методов семиотики, лингвистики, визуальных исследований позволило осуществить интересные исследования в области символических репрезентаций власти, проблематики империй, истории ритуалов, повседневности, отдельных событий и т.д. Использование данных методов стало возможным, потому что речь в этих случаях идет не о наблюдениях, а именно о способах изучения текстов в широком смысле, будь то письменные источники или визуальные объекты.

Однако в целом очень немногие социальные теории, становясь инструментом в руках историка, сохраняют свою целостность. Клиометрика как раз позволяла сохранить единство теории и метода и в этом смысле держала в «хорошей форме» экономическую и социальную историю, но как только спектр исторических субдисциплин и релевантных теорий стал расширяться, ситуация изменилась. Сегодня же в поле исторических исследований мы наблюдаем не упорядоченный и продуманный процесс перенесения теоретических конструкций из одной области в другую, а довольно хаотичное заимствование разного уровня теорий, концептов, инструментальных гипотез, гносеологических реконструкций, без намерения обратить внимание на методы, тем более – их освоить. На мой взгляд, современный историк придает своей теоретической карте лишь временную ценность, а не онтологический статус («карта не есть территория»), видя цель теории лишь в том, чтобы обеспечить свои действия предпосылками, логической связью и непротиворечивостью. В таком способе обращения с багажом социальных наук есть и безусловные плюсы: теории «смягчаются», что дает другую познавательную перспективу. Одним из выразительных свидетельств «свободы от строгости» является микроистория, где за уже упомянутым Дж. Леви, действительно обращавшимся к теориям микроанализа, пошли единицы, а к метафорике микроскопа обратились сотни, и именно их усилиями выросла история повседневности. И разве мало замечательных открытий было сделано!

История как гуманитарная наука

Сохранение гуманитарной ипостаси, будь оно сознательным или вынужденным, не кажется мне внутренним делом самой истории. В знаменитой статье «История и социальные науки»³⁶ Бродель, призывая представителей гуманитарных и социальных наук к сотрудничеству, констатировал начавшееся движение к созданию «публичного

³⁶ Braudel 1958. P. 725-753.

домена» не только идей (это было всегда), но и теорий, методов, предметных полей и специализаций. Этот «публичный домен», ставший одним из ярких проявлений междисциплинарности, многим обязан и гуманитарным наукам.

Мы знаем, что к концу прошлого века эйфория по поводу возможности открытия и применения универсальных законов, всеобъясняющих теорий, достижения междисциплинарного синтеза, всеилия математических методов и многих других универсальных отмычек поубавилась не только в гуманитаристике, но и в самих социальных науках. Осознание пределов возможностей социальных наук укрепило когнитивный статус гуманитарных: свидетельство тому не только лингвистический, но и исторический поворот в социальных науках. Последний обнаруживается в целом ряде дисциплин, и в нем на самом деле проявляется, казалось бы, давно утраченный *империализм* истории, поскольку налицо очередной виток *историзации* ряда наук (и не только социальных, но и естественных), выраженный в активном использовании неodarвинистской эволюционной теории³⁷, «глубокой» биологической или когнитивной истории³⁸, успехах эволюционной экономики³⁹, историзации экологии⁴⁰. «Эта историцистская переориентация и усложнение современного аналитического инструментария подразумевает также обращение к тем познавательным комплексам и структурам социального самопознания и самопредставления, которые были выработаны, например, в XVII столетии или в период романтизма. Комплексы прошлых научных и социальных идей – не просто предыстория мысли, которую можно заключить в скобки, они действительны и за пределами своих собственных эпох. Особенно это касается, во-первых, востребованности в разные периоды XX века и в начале XXI столетия классических методологических и философских работ раннего Нового времени (например, Декарта, Вико или Гоббса), во-вторых, актуальности историко-научного самосознания для развития конкретных социогуманитарных дисциплин»⁴¹.

Устойчивая эффективность гуманитарных способов познания объясняется тем, что гуманитарные науки имеют дело со смыслами (тексты разного вида), а социальные – с процессами, институтами, ме-

³⁷ The Return of Science...; Fracchia, Lewontin 1999.

³⁸ Smail 2008.

³⁹ См., например: Witt 2008; Frontiers of Evolutionary Economics...

⁴⁰ Szabo 2010.

⁴¹ Дмитриев 2015.

ханизмами, *agency* и пр. Гуманитарные науки, в отличие от социальных, не предлагают модели и не ведут наблюдения, а постигают смыслы, в том числе и «высшие смыслы», определенно находящиеся вне компетенции социальных наук. Использование специфических гуманитарных подходов позволяет уловить вещи более эфемерные, чем тренды, паттерны, механизмы или статистические закономерности.

Обращение к смыслам, столь типичное для гуманитаристики, во все не представляет собой отказ от научного подхода, во всяком случае, если руководствоваться общепринятыми определениями научности: «Истинно научный анализ должен соответствовать фактам, отвечать критерию простоты и иметь объясняющую силу»⁴². Сила гуманитарных наук состоит, в том числе, и в их “мягкости”, от которой они не могут избавиться, и которая обеспечивает исследовательскую гибкость, что влечет за собой совсем иное устройство познавательного механизма и открывает иные перспективы исследования. Так, гибкость гуманитарных наук часто ведет к метафоризации даже высокоформализованных концепций социальных наук («зависимости от предшествующего пути», «плотного описания», «символической власти», «социального взаимодействия» и пр.), колоссально расширяя не только поле, но и результативность их применения.

Сами гуманитарные науки остаются мощным источником эвристически сильных *vague theories* (неопределенные, туманные теории), которые именно в силу своей «не строгости» чрезвычайно легко находят себе место в самых разных дисциплинах, от этнологии до литературоведения (*Die Sattelzeit*, *longue durée*, теория карнавала, археология знания, «смерть автора» и т.д.). Чем теория менее строгая, тем более популярной и успешной она может быть. До сих пор востребованы многие интуиции М. Бахтина или Вальтера Беньямина, изложенные в манере, о которой Сьюзен Зонтаг пишет: «Фразы у него рождаются не так, как мы привыкли: одна не следует из другой. Любая возникает как первая – и последняя. (“В каждом предложении писатель должен ставить точку и начинать заново”, – сказано в предисловии к работе “Происхождение немецкой барочной драмы”). Движение мысли и истории развернуто как панорама идей, тезисы заострены до предела, от интеллектуальных перспектив кружится голова»⁴³.

Благодаря энтузиазму, с которым историки осваивали теории социальных наук, происходил очень важный для науки процесс демар-

⁴² Леви-Стросс 2001. С. 42.

⁴³ Зонтаг 1997.

кации «области применения». Об этом просто и убедительно написала Сьюзен Лангер, а Гирц счел важным воспроизвести большой пассаж из ее книги «Философия в новом ключе»⁴⁴ в программной главе книги «Интерпретации культур». Лангер отмечала, что «некоторые идеи с удивительной силой распространяются в интеллектуальной среде. Они сразу решают столько фундаментальных проблем, что создается впечатление, будто они могут решить все фундаментальные проблемы вообще, прояснить все непонятные вопросы. Их сразу подхватывают, видя в них ключ к новой, перспективной науке, концептуальный центр, вокруг которого можно построить всеобъемлющую систему анализа. Неожиданная привлекательность такой *grande idee*, вытесняющей на время все другие идеи, обуславливается... тем фактом, что “активно работающие и восприимчивые к новому умы сразу же пускают ее в эксплуатацию. Они пытаются использовать ее в любой связи, для любой цели, экспериментируют с возможными расширениями ее строгого значения, с ее абстракциями и видоизменениями”. Однако, как только мы освоились с новой идеей, и она вошла в общий фонд расхожих теоретических концепций, наши ожидания приходят в большее соответствие с ее реальной пользой, и наступает конец ее чрезмерной популярности. Несколько энтузиастов, по-прежнему видящих в ней ключ ко всем тайнам вселенной, всегда остается, но более самостоятельные мыслители постепенно начинают привязывать ее лишь к тому конкретному комплексу проблем, который эта идея действительно поставила на повестку... Таким образом она приобретает статус программной идеи, занимающей постоянное и прочное место в нашем интеллектуальном арсенале (разумеется, если у нее был действительный потенциал). Но она утрачивает те грандиозные, всеобъемлющие масштабы охвата и те безграничные перспективы применения, которые имела поначалу»⁴⁵.

В этом процессе определения зоны использования модных социальных теорий, историки во второй половине прошлого века сыграли важную роль, попутно много узнав о непреодолимой гуманитарной специфике своей науки.

То, что историческое познание по-прежнему нуждается в методах исследования скорее гуманитарных, чем социальных наук, обеспечивает устойчивость аксиоматического ядра истории. Критика источников, герменевтическое прочтение текстов – очень многое из того, что до сих

⁴⁴ Langer 1960.

⁴⁵ Гирц 2004. С. 9-10.

пор входит в понятие «мастерство историка» и чему обучают студентов – это гуманитарные практики, они остаются в арсенале исторической науки, так как незаменимы при изучении прошлого. Работа историков с социальными теориями и методами является манифестацией единства поля наук о человеке. Размышления в этом направлении, как мне кажется, можно экстраполировать на гуманитарные науки в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

- XX век: Методологические проблемы исторического познания / Ред. А.Л. Ястребицкая. В 2-х ч. М.: ИНИОН РАН, 2001.
- Блок М.* Апология истории или ремесло историка. Москва: Наука, 1986.
- Богданов К.А.* Гуманитарий – где, когда и почему: социометрия и (русский) язык // Новое литературное обозрение. 2006. № 5. С. 18–29.
- Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А.* Русские профессора: университетская корпоративность и профессиональная солидарность. М.: НЛЮ, 2012.
- Вишленкова Е.А., Мальшиева С.Ю., Сальникова А.А.* Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань: КГУ, 2005.
- Гириц К.* Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004.
- Гириц К.* Глубокая игра: заметки о петушиных боях у балийцев. / Он же. Интерпретация культур. С. 478–522.
- Гириц К.* Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Он же. Интерпретация культур. С. 3–10.
- Гумбрехт Х.У.* Ледяные объятия «научности», или Почему гуманитарным наукам предпочтительнее быть «Humanities and Arts» // Новое литературное обозрение. 2006. № 5. С. 7–17.
- Дарттон Р.* Рабочие бунтуют: великое кошачье побоище на улице Сен-Северн. М.: НЛЮ, 2002.
- Дмитриев А.Н.* Введение // Науки о человеке: история дисциплин / Ред. А.Н. Дмитриев, И.М. Савельева. М.: ВШЭ. 2015 (в печати).
- Дройзен И.Г.* Очерк истории [1858] // Дройзен И.Г. Историка. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 571–583.
- Дройзен И.Г.* Теология истории (Предисловие ко 2-му тому «Истории эллинизма») [1843] // Дройзен И. Г. Историка. С. 505–525.
- Зонтаг С.* Под знаком Сатурна // Зонтаг С. Мысль как страсть. Избранные эссе 1960-70-х годов. М.: Русское феноменологическое общество, 1997.
- Кулакова И.П.* Университетское пространство и его обитатели: Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М.: Новый хронограф, 2006.
- Ле Руа Ладюри Э.* Застывшая история // THESIS, 1993, вып. 2. С. 153–173.
- Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М.: Эксмо-Пресс, 2001.
- Пост Р.* Дискуссии о дисциплинарности // Новое литературное обозрение. 2011. №107. С. 107–122.
- Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011.
- Савельева И.М.* Классики в исторической науке: «свои» и «чужие» // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ЛКИ, 2011. С. 491–515.

- Савельева И.М., Полетаев А.В.* «Возведение истории в ранг науки» (к юбилею Иоганна Густава Дройзена) // Диалог со временем. 2008. Вып. 25. С. 26–54.
- Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время: в поисках утраченного. М.: Языки русской культуры. 1997.
- Сословие русских профессоров: создатели статусов и смыслов / Ред. Е.А. Вишленкова, И.М. Савельева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013.
- Тош Дж.* Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: Весь Мир, 2000.
- Утченко С.Л.* Глазами историка. М.: Наука, 1966.
- Шоню П.* Экономическая история: эволюция и перспективы // THESIS, 1993, вып. 1. С. 137–151.
- Abbott A.* Chaos of Disciplines. Chicago: University of Chicago Press, 2001.
- Abbott A.* History and Sociology. The Lost Synthesis. Social Science History. 1991, 15/2: P. 201–238.
- Blumer H.* Symbolic Interactionism; Perspective and Method. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1969.
- Braudel F.* Histoire et sciences sociales: La longue durée // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 1958. №4. P. 725–753.
- Charon J.M.* Symbolic Interactionism: An Introduction, an Interpretation, an Integration. Boston: Prentice Hall, 2009.
- Contat N.* Anecdotes typographiques où l'on voit des coutumes, moeurs et usages singuliers des compagnons imprimeurs / Ed. G. Barber, Oxford: Oxford University Press, 1980. P. 51–53.
- Daston L.* Die Akademien und die Einheit der Wissenschaften. Die Disziplinierung der Disziplinen // Die Königlich Preußische Akademie der Wissenschaften zu Berlin im Kaiserreich / J. Kocka, R. Hohlfeld, P.Th. Walther. Berlin: Akademie Verlag, 1999.
- Faire de l'histoire / J. Le Goff, P. Nora. 3 Vol. P.: Éditions Gallimard, 1974.
- Fracchia J., Lewontin R.C.* Does Culture Evolve? // History and Theory. 1999. Vol. 38. P. 1–13.
- Frontiers of Evolutionary Economics / Eds. J. Foster, J. Stanley Metcalfe. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2001.
- Goldman H.* Max Weber and Thomas Mann: Calling and the Shaping of the Self. Berkeley: University of California Press, 1988.
- Griffin E.A.* A First Look at Communication Theory. Boston: McGraw-Hill, 2006.
- Iggers G.G.* Historiography in the Twentieth Century. From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge. Hanover (NH): Wesleyan University Press; University Press of New England, 1997.
- L'Histoire et le métier d'historien en France 1945–1995 / Ed. F. Bédarida. P.: Editions de la MSH, 1995.
- La nouvelle histoire / R. Chartier, J. Le Goff, J. Revel. P.: Retz/CEPL, 1978.
- Langer S.* Philosophy in a New Key. Cambridge (Mass.), 1960.
- Lepenies W.* Die drei Kulturen. Soziologie zwischen Literatur und Wissenschaft. München: Hanser, 1985.
- Lepenies W.* Gefährliche Wahlverwandtschaften. Essays zur Wissenschaftsgeschichte. München: Hanser, 1989.
- Lloyd G.* Disciplines in the making: cross-cultural perspectives on elites, learning and innovation. Oxford: Oxford University Press, 2009.

- Makkreel R.* The Emergence of the Human Sciences from the Moral Sciences // Cambridge History of Nineteenth-Century Philosophy / Eds. A. Wood, S. Hahn. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 293–322.
- Makkreel R., Luft S.* Dilthey and the Neo-Kantians: The Dispute Over the Status of the Human and Cultural Sciences // The Routledge Companion to Nineteenth Century Philosophy / Ed. D. Moyal. London: Routledge, 2010. P. 554–597.
- Mead G.H.* Mind, Self, and Society / Ed. Ch.W. Morris. Chicago: University of Chicago Press. 1934.
- New Perspectives on Historical Writing / Ed. P. Burke. Cambridge: Polity Press, 1991.
- Novick P.* That Noble Dream: The “Objectivity Question” and the American Historical Profession. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Passés recomposés: Champs et chantiers de l’histoire / J. Boutier, J. Dominique. P.: Éditions Autrement, 1995.
- Pomian K.* Sur l’histoire. P.: Éditions Gallimard, 1999.
- Qu’est-ce qu’une discipline? P.: Éditions Gallimard, 2006.
- Sewell J.* Logics and History: Social Theory and Social Transformation. Chicago: University of Chicago Press. 2005.
- Smail D.* On Deep History and the Brain. Berkeley: University of California Press, 2008.
- Steven M.* Humanities from Classics to Cultural Studies: Notes toward the History of an Idea // Daedalus. 2006. Vol. 135, № 2. P. 15–21.
- Szabo P.* Why history matters in ecology: an interdisciplinary perspective // Environmental Conservation. 2010. Vol. 37. P. 1–8.
- The New History: The 1980’s and Beyond. Studies in interdisciplinary history / Eds. T.K. Rabb, R. Rothberg. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1982.
- The Return of Science: Evolution, History, and Theory / Eds. P. Pomper, D.G. Shaw. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2002.
- The Stanford Humanities Center. <http://shc.stanford.edu/why-do-humanities-matter>.
- Torstendahl R.* The Rise and Propagation of Historical Professionalism. N.Y., L.: Routledge, 2015.
- Wehler H.-U.* Historische Sozialwissenschaft und Geschichtsschreibung. Studien zu Aufgabe und Traditionen der deutschen Geschichtswissenschaft. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1980.
- Witt U.* Evolutionary Economics. The New Palgrave Dictionary of Economics / Eds. S. Durlauf, L. Blume. L., N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008.
- Ziche P.* Sharing concepts across disciplinary divides – case studies from the history of philosophy around 1920-s. URL: <http://igiti.hse.ru/IntellectualHistory/aug29>.

REFERENCES

- XX век: Metodologičeskie problemy istoričeskogo poznanija / Red. A.L. Jastrebyckaja. V 2-h ch. M.: INION RAN, 2001.
- Blok M. Apologija istorii ili remeslo istorika. Moskva: Nauka, 1986.
- Bogdanov K.A. Gumanitarij – gde, kogda i pochemu: sociometrija i (russskij) jazyk // Novoe literaturnoe obozrenie. 2006. № 5. S. 18–29.
- Vishlenkova E.A., Galiullina R.H., Il’ina K.A. Russkie professora: universitet-skaja korporativnost’ i professional’naja solidarnost’. M.: NLO, 2012.
- Vishlenkova E.A., Malysheva S.Ju., Sal’nikova A.A. Terra Universitatis: dva veka universitetskoj kul’tury v Kazani. Kazan’: KGU, 2005.
- Girc K. Interpretacija kul’tur. M.: ROSSPJeN, 2004.

- Girc K. Glubokaja igra: zametki o petushinyh bojah u balijcev. / On zhe. Interpretacija kul'tur. S. 478–522.
- Girc K. Nasyshhennoe opisanie»: v poiskah interpretativnoj teorii kul'tury // On zhe. Interpretacija kul'tur. S. 3–10.
- Gumbrecht H.U. Ledjanye ob#jatija «nauchnosti», ili Pochemu gumanitarnym naukam predpochitel'nee byt' «Humanities and Arts» // Novoe literaturnoe obozrenie. 2006. № 5. S. 7–17.
- Darnton R. Rabochie buntujut: velikoe koshach'e poboishhe na ulice Sen-Sevren. M.: NLO, 2002.
- Dmitriev A.N. Vvedenie // Nauki o cheloveke: istorija disciplin / Red. A.N. Dmitriev, I.M. Savel'eva. M.: VShJe. 2015 (v pechati).
- Drojzen I.G. Ocherk istoriki [1858] // Drojzen I.G. Istorika. SPb.: Vladimir Dal', 2004. S. 571–583.
- Drojzen I.G. Teologija istorii (Predislovie ko 2-mu tomu «Istorii jellinizma») [1843] // Drojzen I. G. Istorika. S. 505–525.
- Zontag S. Pod znakom Saturna // Zontag S. Mysl' kak strast'. Izbrannye jesse 1960-70-h godov. M.: Russkoe fenomenologicheskoe obshhestvo, 1997.
- Kulakova I.P. Universitetskoe prostranstvo i ego obitateli: Moskovskij univer-sitet v istoriko-kul'turnoj srede XVIII veka. M.: Novyj hronograf, 2006.
- Le Rua Ladjuri Je. Zastyvshaja istorija // THESIS, 1993, vyp. 2. S. 153–173.
- Levi-Stross K. Strukturnaja antropologija. M.: Jeksmo-Press, 2001.
- Post R. Diskussii o disciplinarnosti // Novoe literaturnoe obozrenie. 2011. №107. S. 107–122.
- Repina L.P. Istoricheskaja nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaja praktika. M.: Krug#, 2011.
- Savel'eva I.M. Klassiki v istoricheskoi nauke: «svoi» i «chuzhie» // Istoricheskaja nauka segodnja: teorii, metody, perspektivy / Pod red. L.P. Repinoj. M.: LKI, 2011. S. 491–515.
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. «Vozvedenie istorii v rang nauki» (k jubileju Ioganna Gustava Drojzena) // Dialog so vremenem. 2008. Vyp. 25. S. 26–54.
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Istorija i vremja: v poiskah utrachennogo. M.: Jazyki russkoj kul'tury. 1997.
- Soslovie russkikh professorov: sozdateli statusov i smyslov / Red. E.A. Vishlenkova, I.M. Savel'eva. M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2013.
- Tosh Dzh. Stremlenie k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika. M.: Ves' Mir, 2000.
- Utchenko S.L. Glazami istorika. M.: Nauka, 1966.
- Shonju P. Jekonomicheskaja istorija: jevoljucija i perspektivy // THESIS, 1993, vyp. 1. S. 137–151.
- Abbott A. Chaos of Disciplines. Chicago: University of Chicago Press, 2001.
- Abbott A. History and Sociology. The Lost Synthesis. Social Science History. 1991, 15/2: P. 201–238.
- Blumer H. Symbolic Interactionism; Perspective and Method. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1969.
- Braudel F. Histoire et sciences sociales: La longue durée // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 1958. №4. P. 725–753.
- Charon J.M. Symbolic Interactionism: An Introduction, an Interpretation, an Integration. Boston: Prentice Hall, 2009.

- Contat N. *Anecdotes typographiques où l'on voit des coutumes, moeurs et usages singuliers des compagnons imprimeurs* / Ed. G. Barber, Oxford: Oxford University Press, 1980. P. 51–53.
- Daston L. *Die Akademien und die Einheit der Wissenschaften. Die Disziplinierung der Disziplinen* // *Die Königlich Preussische Akademie der Wissenschaften zu Berlin im Kaiserreich* / J. Kocka, R. Hohlfeld, P.Th. Walther. Berlin: Akademie Verlag, 1999.
- Faire de l'histoire* / J. Le Goff, P. Nora. 3 Vol. P.: Éditions Gallimard, 1974.
- Fracchia J., Lewontin R.C. *Does Culture Evolve?* // *History and Theory*. 1999. Vol. 38. P. 1–13.
- Frontiers of Evolutionary Economics* / Eds. J. Foster, J. Stanley Metcalfe. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2001.
- Goldman H. *Max Weber and Thomas Mann: Calling and the Shaping of the Self*. Berkeley: University of California Press, 1988.
- Griffin E.A. *A First Look at Communication Theory*. Boston: McGraw-Hill, 2006.
- Iggers G.G. *Historiography in the Twentieth Century. From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge*. Hanover (NH): Wesleyan University Press; University Press of New England, 1997.
- L'Histoire et le métier d'historien en France 1945–1995* / Ed. F. Bédarida. P.: Editions de la MSH, 1995.
- La nouvelle histoire* / R. Chartier, J. Le Goff, J. Revel. P.: Retz/CEPL, 1978.
- Langer S. *Philosophy in a New Key*. Cambridge (Mass.), 1960.
- Lepenes W. *Die drei Kulturen. Soziologie zwischen Literatur und Wissenschaft*. München: Hanser, 1985.
- Lepenes W. *Gefährliche Wahlverwandtschaften. Essays zur Wissenschaftsgeschichte*. München: Hanser, 1989.
- Lloyd G. *Disciplines in the making: cross-cultural perspectives on elites, learning and innovation*. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Makkreel R. *The Emergence of the Human Sciences from the Moral Sciences* // *Cambridge History of Nineteenth-Century Philosophy* / Eds. A. Wood, S. Hahn. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 293–322.
- Makkreel R., Luft S. *Dilthey and the Neo-Kantians: The Dispute Over the Status of the Human and Cultural Sciences* // *The Routledge Companion to Nineteenth Century Philosophy* / Ed. D. Moyal. London: Routledge, 2010. P. 554–597.
- Mead G.H. *Mind, Self, and Society* / Ed. Ch.W. Morris. Chicago: University of Chicago Press. 1934.
- New Perspectives on Historical Writing* / Ed. P. Burke. Cambridge: Polity Press, 1991.
- Novick P. *That Noble Dream: The "Objectivity Question" and the American Historical Profession*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Passés recomposés: Champs et chantiers de l'histoire* / J. Boutier, J. Dominique. P.: Éditions Autrement, 1995.
- Pomian K. *Sur l'histoire*. P.: Éditions Gallimard, 1999.
- Qu'est-ce qu'une discipline?* P.: Éditions Gallimard, 2006.
- Sewell J. *Logics and History: Social Theory and Social Transformation*. Chicago: University of Chicago Press. 2005.
- Smail D. *On Deep History and the Brain*. Berkeley: University of California Press, 2008.

- Steven M. Humanities from Classics to Cultural Studies: Notes toward the History of an Idea // *Daedalus*. 2006. Vol. 135, № 2. R. 15–21.
- Szabo P. Why history matters in ecology: an interdisciplinary perspective // *Environmental Conservation*. 2010. Vol. 37. P. 1–8.
- The New History: The 1980's and Beyond. Studies in interdisciplinary history / Eds. T.K. Rabb, R. Rothberg. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1982.
- The Return of Science: Evolution, History, and Theory / Eds. P. Pomper, D.G. Shaw. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2002.
- The Stanford Humanities Center. <http://shc.stanford.edu/why-do-humanities-matter>.
- Torstendahl R. The Rise and Propagation of Historical Professionalism. N.Y., L.: Routledge, 2015.
- Wehler H.-U. Historische Sozialwissenschaft und Geschichtsschreibung. Studien zu Aufgabe und Traditionen der deutschen Geschichtswissenschaft. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1980.
- Witt U. Evolutionary Economics. The New Palgrave Dictionary of Economics / Eds. S. Durlauf, L. Blume. L., N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008.
- Ziche P. Sharing concepts across disciplinary divides – case studies from the history of philosophy around 1920-s. URL: <http://igiti.hse.ru/IntellectualHistory/aug29>.

Савельева Ирина Максимовна, доктор исторических наук, директор ИГИТИ им. Полетаева, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; isavelieva@yandex.ru

Has history become a social science? Energetic embrace of ‘scientificity’

In modern Academia, history is occasionally classified as a social science. My aim is to demonstrate why history has not become a real social science, although in 1960-80s historians who embraced the most advanced trends within the discipline aspired to this. Two-faced status of history is problematized as a conflict between theory and method, which emerges when historians adopt the theories of social sciences. Although historians have sought theoretical renewal by turning to the theories of various social sciences, they rarely can use techniques and ways of cognition that are normally used by sociologists, psychologists or anthropologists – psychometric testing, sociometric monitoring, ethnographic description, in-depth interview, long-term observation. What does happen if a historian bases his/her research on a theory developed for another discipline, which has other ways of working with subjects in the present? Examples from a number of historical sub-disciplines could be offered to answer this question.

Keywords: history, social sciences, humanities, theory, method, symbolic interactionism, cultural interpretation.

Irina Savelieva, Dr.Sc. (History), Professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow; isavelieva@yandex.ru

И. Н. Ионов

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ МАКРОИСТОРИИ. СТАТЬЯ 1. ШАГ ВПЕРЕД, ДВА ШАГА НАЗАД?*

В статье анализируется динамика развития макроистории в 1990–2010 гг. Сопоставляются ранние и более поздние работы крупнейших историков, работающих в этой области. Показано, что в макроистории произошло два серьезных сдвига – сначала от универсализма и европоцентризма в сторону постколониальной критики, а затем – к новому европоцентризму, к пренебрежению достижениями постколониальной критики. Показано, что эти изменения связаны с «процессом цивилизации», как его понимают социологи школы Норберта Элиаса, с переходом от эпохи информализации 1960–1970-х гг. к эпохе реформализации 1980–2010-х гг. Современная мировая и глобальная история сильно отличаются от всеобщей истории середины XX в., хотя зарождавшийся диалог редуцирован к сравнению сильнейших глобальных центров, например, Запада и Китая.

Ключевые слова: мировая история, глобальная история, процесс цивилизации, информализация, реформализация, истеблшмент, ориентализм, субалтерн, ментальные карты.

В начале один абзац о словоупотреблении. В современной макроистории существует четкое представление о рубеже, который перешло это направление знаний в 1970–1990-е гг. Но в разных странах эти процессы сильно отличались, накладывались на разные историографические традиции, на несовпадающие смыслы понятий. Проще всего было в США, где национальная история господствовала до 1990-х гг. и всемирная история (*World history*) отчетливо противостояла ей во времени. Она также противопоставлялась всеобщей истории (*Universal History*) в ее библейском варианте от Сотворения мира, с ее сильной метафизической нагруженностью. Глобальная история (*global history*) и особенно новая глобальная история ассоциировались с отдельным направлением исследований, связанным с ее пониманием Брюсом Мазлишем¹. Во Франции всемирная история (*histoire mondiale*) как направление исследований четко отличается от глобальной или тотальной истории (*histoire globale*) как особого подхода, предполагающего целостный, междисциплинарный подход к явлениям прошлого, связанный с традицией Ф. Броделя. Н. Копосов, следующий французской традиции, представ-

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 13–06–00301а).

¹ Manning. 2003. P. 14; Mazlish. 1993. P. 1-2.

ляет глобальную историю прежде всего как наследие марксизма и советской историографии и подвергает ее жесткой критике². Однако российской историографической традиции ближе не американский или французский, а *немецкий* подход. Это объясняется вековой традицией ориентации на немецкий историзм, усиленной влиянием марксизма, который придал российской макро-истории совершенно особые формы. Поэтому для дистанцирования от традиции XIX в. нам, как и немцам, трудно опираться на понятия всеобщей истории (*Allgemeine Geschichte*) или даже всемирной истории (*Weltgeschichte*), которое употребляли Г.В.Ф. Гегель, Л. Ранке и К. Маркс и которые не дают возможности обозначить особенности современной макроистории. Для такого дистанцирования нам, как и немцам, удобнее понятие «глобальная история» (*Globalgeschichte*), которое не несет таких «проблематичных коннотаций», как универсальная история³, не несет и представления о тотальности, как во Франции и сближается с понятиями международной (*international*), транснациональной (транслокальной) и транскультурной истории. Этой немецкой традицией наименования новых тенденций в макро-истории я и буду пользоваться в данной статье⁴.

Появление глобальной истории тесно связывается историографами, такими как Патрик Мэннинг и Доминик Заксенмайер, с процессами 1960–1980-х гг., то есть *лингвистическим, историческим, антропологическим, культурным, транснациональным, пространственным поворотами* в истории, с кризисом европоцентрического и нациецентрического исторического знания, «сверхупроценной» теории модернизации и тотальной деконструкцией сциентистских предписаний историку в отношении интерпретации времени, пространства, причинно-следственных отношений, роли репрезентации, соотношения предпосылочного и фактуального знания. Результатом были полицентризм и мультиперспективизация исторического знания, сетевое мышление и ориентация на обратные связи, признание права каждой группы населения на свою собственную глобальную историю, оптика которой приобретала поэтому фасеточный характер⁵. На эти процессы влияла как деколонизация,

² Копосов 2005. P. 110–111, 125–127, 139; 2011. P. 80.

³ Sachsenmaier 2011. P. 158.

⁴ См. также Ионов 2012. С. 134–136.

⁵ Manning 2003. P. 150, 265–300, 375–376; Sachsenmaier 2011. P. 13, 132, 160.

Поэтому сближение глобальной и универсальной (линейно-стадиальной, сциентистской, универсалистской) историй нуждается в объяснении. См.: Универсальная... 2012. О соотношении содержания и предписаний исторического знания будет подробно рассказано во второй статье.

стимулировавшая становление альтернативных точек зрения на историю, так и глобализация, со своей стороны подрывавшая европоцентризм и национальные рамки традиционных историографий. Крупнейшую роль в этом процессе сыграли субалтерные исследования и постколониальная критика, проблематизировавшие социальное знание и его отношение к глобальному доминированию и власти, разбившие «железный ящик» западных концептов (прогресс, модернизация, рационализация) и предложившие собственный путь репрезентации прошлого неевропейского мира. Это была *история снизу*, открыто ориентированная на *аутсайдеров* и подрывавшая культурную гегемонию истеблишмента (прежде всего американского). На этой основе развернулась гигантская работа по переосмыслению истории мира⁶.

Наиболее ярким *противоречием* развития макроистории в конце XX – начале XXI в. является странное попятное движение, очевидное для всякого наблюдателя. Если в начале 1990-х гг., в эпоху своего становления, глобальная история прямо опиралась на достижения разнообразных «поворотов» и постколониальную критику, то в 2000-е гг. мы наблюдаем существенный отход от этих достижений, возвращение к старому. Появилось осознание того, что радикальные планы развития исторического знания утопичны. Стала важной защита некоторых традиций. Так, ведущий современный историограф Георг Иггерс и Эдвард Ван пишут, что отказ от европоцентризма ограничен стремлением защитить процедуры рационального исследования⁷. Насколько масштабным было отступление, можно отчетливо видеть и на примере двух книг, созданных историком, профессором Массачусетского технологического института Б. Мазлишем в соавторстве с исследователями, представлявшими очень разные тенденции в историографии.

Глобальная история «снизу»: Мазлиш и Буултъенс

Наиболее влиятельные проекты глобальной истории, в которых участвовал Б. Мазлиш, представлены в двух сборниках статей, 1993 и 2005 г. издания. Первый, «Концептуализируя глобальную историю», создан Мазлишем и Ральфом Буултъенсом и представляет глобальную историю как форму исторического познания и одновременно — исторического сознания, «новую перспективу, сознание и дисциплину»⁸. Мазлиш во Введении обозначил несколько ее важнейших особенностей.

⁶ Sachsenmaier 2011. P. 51-52; Young 2003; Иггерс, Ван 2012. С. 36-37. См. также: Ионов 2009. С. 33-60.

⁷ Иггерс, Ван 2012. С. 37.

⁸ Mazlish 1993. P. 3-4.

Во-первых, это преодоление рамок национальной истории и обновление восприятия национального государства как важной формы социального действия. Во-вторых, это противостояние прогрессистской и телеологической (*whiggish*) всеобщей истории, где все линии нарастания свободы и просвещения ведут к определенной цели — например, либеральной демократии. В связи с этим Мазлиш критикует концепции М. Вебера и К. Маркса. Существует «множество форм глобального опыта, т.е. столкновений между локальными ситуациями и... давлением сил глобализации», а потому не может существовать «единственной глобальной истории». Тем самым создание глобальной истории требует возникновения коммуникативного сообщества или *интеллектуальной сети*, в которую будут входить историки, имеющие разные идентификации и принципиально различные взгляды на предмет⁹.

Особую роль для формирования глобальной истории играет проблема идентичности. Мазлиш подчеркивает, что человек имеет целый ряд *идентичностей*, как член семьи, племени, нации, и наконец человечества. Эти идентичности могут быть иерархизированы в зависимости от решения индивида, за какую группу он хотел бы умереть. Однако являются ли эти идентичности реальными или воображаемыми? Есть ли исконные, *примордиальные* по своей природе, существующие до всякого осознания символические связи и идентичности, о которых писали Ф. Тённис и К. Гирц? Или они являются исходными для каждого отдельно человека, как писали А. Хобен и Р. Хефнер? Мазлиш рассматривает такие формы идентичности, как этничность и национализм, подчеркивая, что они часто являются реакцией на травмы и унижения, размывающие чувство собственного достоинства. «Одно микроисторическое исследование за другим показывают, что ключевой фактор подъема этнической или национальной идентичности – это чувство унижения. Если члены группы чувствуют себя оскорбленными или униженными, их самоуважение размывается. В ответ они становятся самоуверенными и претендуют на то, чтобы выглядеть особенными, высшими, обряжаются в ризы уникальности и идентичности»¹⁰.

Глобальная история поэтому – это поле *преодоления исторического унижения, поле диалога*. В рамках чистого универсализма она просто не может состояться. Поэтому Мазлиш предлагал проект глобального определения времени, основанный на взаимодействии христианского и исламского календарей, а также глобальной географии,

⁹ Ibid. P. 5.

¹⁰ Ibid. P. 12-14, 16-17.

освобожденной от воздействия национальных, имперских и колониальных ментальных карт, принижающих роль незападного мира; планировал создание пространственных моделей, основанных на лингвистическом, этническом или религиозном делении, которые дают совершенно особое, многослойное представление о размещении групп людей. Здесь Мазлиш максимально сближается с постколониальной критикой¹¹. Он признает ее историческую оправданность в качестве «культурной ипостаси глобальной эпохи» и ее родство с постмодернизмом как проявлением антиколониального движения. М. Фишер показал, – пишет Мазлиш, – что постмодернизм «является отчасти следствием алжирской революции. Теоретики постмодерна во Франции вышли из поколения людей, родившихся в Алжире, учившихся там и сформировавшихся политически на опыте алжирской борьбы за независимость... Ж. Деррида, Ж.Ф. Лиотар, П. Бурдьё... Постмодернистская теория исторически родилась в мусульманском мире Северной Африки и затем была быстро признана и развита в мире мигрантов из Индии – Х. Бабой, С. Рушди, Г. Спивак – и в других частях ранее колониального мира»¹².

Какие выводы делались на основе этого замечания, можно видеть на примере статьи соредатора сборника Р. Буултьенса «Глобальная история и “третий мир”». На ней влияние постколониальной критики отразилось особенно сильно. Она одновременно развивает и проблематизирует проект Б. Мазлиша. Отправной точкой для Буултьенса служит *цивилизационный подход*, воплощенный в анализе специфики западных воззрений на историю. Он развивает мысль О. Шпенглера о том, что только для западной культуры существование Афин, Флоренции и Парижа более важно, чем существование таких городов, как Лоян в Китае и Паталипутра в Индии. По мнению Буултьенса, именно сопоставление мировых культур как равных позволило Шпенглеру совершить тот коперниковский переворот в историческом знании, который подготовил появление глобальной истории: перейти от представления о Западе и Востоке как центре и периферии мира – к образу *мира-как-истории* или подлинной глобальной истории. В центре процесса глобализации для Буултьенса находится «глобальное видение» как специфическое человеческое свойство, совмещающее универсалистские представления и планетарное действие начиная с древности (прежде всего в области религии и исследований природы). Это един-

¹¹ Ibid. P. 19.

¹² Ibid. P. 115-118.

ство, по его мнению, заложено уже в Библии, но лишь в XX в. стало лейтмотивом истории. Население Земли не делимо на нации, передовых и отсталых, оно функционирует как единое глобальное сообщество – результат развития технологий, прежде всего транспорта и коммуникаций. Телевизионная спутниковая связь в этом смысле приравнивается Буултьенсом по исторической значимости к изобретению земледелия, как основа глобализации экономики и политики. Для каждой страны важно участие в ООН, в мировой политической системе. Все меньше государств придерживаются политики автаркии. Изоляция государств, в отличие от XIX в. перестала быть желанной¹³.

Распространение экологических взглядов и идеи прав человека, единых универсальных стандартов и ценностей приводит к двойственным последствиям. Ширится убежденность, что необходимо проложить *множество путей* к глобализации как «позитивной новой цивилизации». Но глобализация может способствовать и распространению негативных тенденций, включая глобальную экономическую эксплуатацию и распространение высокотехнологичного оружия. Глобализация – не идеал, она ценностно амбивалентна. Ее требуется направлять. «Таким образом, глобальное сознание есть фактор, необходимый, чтобы направить глобализацию в сторону создания более высокой цивилизации»¹⁴. В сущности, Буултьенс смыкается здесь с признанием Мазлишем ключевой роли этики в становлении новых форм самоидентификации и коммуникации, в диалоге цивилизаций и эпистемологии истории. Вслед за Шпенглером Буултьенс вводит понятие «плюрального исторического сознания», так как этика глобализма должна соизмеряться с разными культурно обусловленными формами политического и культурного сознания у разных народов. Особенно это важно для «третьего мира», пространственно и по численности населения преобладающего на планете и сделавшего многое для планетарного прогресса. «Таким образом, развитие новой... истории требует раскрытия значения существенной части истории “третьего мира” и ее интеграции в глобальную историю». Для этого необходим диалог западных и местных форм сознания, воплощенных в образах истории. Лишь этот путь соответствует потребностям «новой глобализированной цивилизации»¹⁵.

Эта цель, по Буултьенсу, достигается за счет релятивизации существующих форм исторического сознания, в частности: 1) соединения

¹³ Buultjens. 1993. P. 71-73.

¹⁴ Ibid. P. 73.

¹⁵ Ibid. P. 74.

привычных научных векторных представлений о времени с азиатско-африканской традицией, не связанной с понятиями порядка, целостности и прогресса; 2) взаимодействия национально-государственного самосознания с расовым, культурным и религиозным, более привычным в III мире; 3) учета маргинальных политических взглядов, в частности близости III мира к марксизму и религиозно окрашенному наступательному традиционализму; 4) признанию важности гендерной проблематики; 5) переоценке факта упадка науки в прошлом незападного мира, что может быть связано с временными факторами («темные века»); 6) внимания к религиозной проблематике, в частности к зависимости Запада от восточных религиозных центров; 7) осознания важности проблематики миграций с глобального Юга и Востока на Запад; 8) переоценки века Великих открытий в связи с мореходным опытом Китая¹⁶.

Результатом такой трансформации будет «честное равновесие свидетельств». Но это не решает всех проблем. «Что возможно более важно, – писал далее Буултгенс, – так это то, что любая осмысленная глобальная история должна также столкнуться с установленными понятиями и предрассудками (*preconceptions*), которые глубоко укоренены в историческом сознании как западного общества, так и общества “третьего мира”». В результате этого столкновения возникают важные вопросы историографии и техники исторического исследования, которым посвящена значительная часть его статьи. Главный вопрос в связи с этим – соотношение глобальной истории и западной истории человечества. Поскольку «в глобальной истории опыт “третьего мира” является существенным элементом, глобальная история в этом отношении резко расходится с западной историей», которая рассматривала «незападный мир как вторичный и примитивный». Ее задача – разрушать предрассудки и упрощения. Путь к этому Буултгенс видит в деконструкции понятия «прогресс» и в последовательной критике теории модернизации, которая представляет собой специфически западное явление, неразрывное с позитивным представлением о западной цивилизации¹⁷.

По мнению Буултгенса, доктрина прогресса изначально ущербна, так как западная цивилизация не сумела выработать общие принципы для анализа отношений людей внутри и вне Запада, а, следовательно, не способна создать и продуктивный образ *незападного прогресса*. По словам Ф. Аджани, применение арбалета в схватках европейских рыцарей было запрещено еще в начале XII в., однако он успешно применялся в

¹⁶ Ibid. P. 75-76, 78-81.

¹⁷ Ibid. P. 82-83.

походах крестоносцев. Эта политика *двойных стандартов* сохранилась и была воспроизведена в XX в. при использовании США атомных бомб в Японии. Такая внешняя политика основана на близоруком нарциссизме. Однако Дж. Киркпатрик, рейгановский посол при ООН в 1989 г. утверждала, что «наши моральные стандарты гораздо более высоки, чем любые другие»¹⁸. Такой подход, замечает Буултьенс, не учитывает то, что «в прошлом было больше прогресса в незападных обществах, чем на Западе», причем Восток был способен поддерживать прогресс в течение более длительных периодов, как в древнем Китае. Европоцентризм не считается с успехами демократии в Индии и Шри Ланке, с экономическими успехами стран Восточной Азии. «Одномерное отношение» к прогрессу и попытки объяснить восхождение Запада к современному его доминированию *из истории самого Запада* не учитывают мировой контекст этого явления. Гордыня Запада в результате порождает неприятие Востока, что ведет к реакции и регрессу¹⁹.

Возвращаясь к понятийному аппарату, Буултьенс подчеркивал, что понятие «третий мир» не соответствует контексту глобальной истории. Оно описывает Африку, большую часть Азии, Ближний Восток как некую *культурную целостность*, как территории, в меньшей степени подверженные влиянию модернизации. Глобальная история невозможна при противопоставлении истории Запада, «третьего мира», континентальной истории Европы (что характерно для Англии) и т.п. Это выражается в возникшем еще в XIX веке делении на всеобщую историю, востоковедение и антропологию, суть которого – разница предписаний при историческом изучении отдельных регионов. Ликвидировать это противопоставление можно лишь в диалоге, двигаясь с двух сторон и сопоставляя полученные данные. Изучение истории других народов с позиции когнитивного доминирования часто порождает сопротивление, когда оно предстает «вторжением, особенно потому, что цель такого изучения сейчас, как и в прошлом – стремление подчинять, доминировать, клеветать, эксплуатировать». Предпосылка написания глобальной истории – это «забота о Другом и создание атмосферы доверия», чтобы убедить оппонента, что мы хотим знания, а не осуществляем новый этап колонизации²⁰.

В итоге Буултьенс различает при создании глобальной истории четыре возможных подхода: 1) конструирование глобальной истории

¹⁸ Kirkpatrick 1989.

¹⁹ Buultjens 1993. P. 84-85.

²⁰ Ibid. P. 86-87.

на той же ценностной базе, которой пользовались для описания истории в прошлом (сохранение всеобщей истории); 2) стремление к освобождению от ценностной нагруженности историописания (идеал профессионального сообщества историков); 3) создание глобальной истории с нескольких ценностных позиций, при условии четкого обозначения каждой (вариант *перекрестной истории*, как его обозначили позднее М. Вернер и Б. Циммерманн); 4) создание новой глобальной ценностной базы до или в процессе написания глобальной истории²¹.

В сущности, это методология, служащая для преодоления колониальной травмы исторической памяти и создания теоретических предпосылок для достижения *полноты* знания о прошлом, достигаемой при помощи сочетания глобальной и множества региональных и исследовательских перспектив на основе поэтапной смены вектора восприятия и описания. Ее внутренняя предпосылка – актуализация и рефлексивное освоение историком всего многообразия своих идентификаций и своего опыта (“перекрестная история”). В итоге образуется история глобального сообщества во всей сложности ее истоков и перспектив (“связанная” или “разделяемая история” – *shared history*).

Глобальная история «сверху»: Мазлиш и Айрийе

Однако в начале XXI в. произошел сдвиг во взглядах самого Мазлиша, характеризующий вместе с тем важные процессы в общественном сознании Запада. В результате осуществления проекта 1993 года глобальная история стала популярным брендом, который широко использовался в трудах по мировой и всеобщей истории. Многие из них носили явный отпечаток постколониальной критики, который многим уже не казался привлекательным. Поэтому Мазлиш ограничил поле исследований второй половиной XX и началом XXI века, обозначив предмет своих занятий как «новая глобальная история». Начался его отход от *антропологического и исторического поворотов*, частичное возвращение к всеобщей истории. Мазлиш стал призывать к холистскому подходу к глобализации и прямо опираться на достижения А. Смита, К. Маркса, Ф. Энгельса и М. Вебера, которых он ранее критиковал, а теперь называл предтечами идеи глобального мира. Появляется противопоставление им современной историографии и восприятия прошлого в традиционных культурах (которое не принимал еще А. Дж. Тойнби). Набор цитируемых авторов становится более консервативным. Самоуверенность Б. Мазлиша питает его объективизм. Он

²¹ Ibid. P. 89; Вернер, Циммерманн 2007.

настаивает, что его идея новой глобальной истории является прямым результатом действия сил глобализации²².

Сдвиг во взглядах Мазлиша наиболее ярко отражает «Хрестоматия по глобальной истории», созданная под редакцией Б. Мазлиша и другого ученого старшего поколения – Акира Айрийе (профессора американской истории Гарварда, специалиста по истории Второй мировой войны и интернациональной истории, работающей на границе политической истории и культурной)²³. В паре с Айрийе Мазлиш выглядит более консервативным и буржуазным, но также – более защищенным и готовым к отпору леволиберальной критике. После событий 2001 г. для многих американских историков, стремящихся выражать интересы истеблишмента, стал важным образ США как *гегемона модернизации*, лидера военной и информационной революции, чья деятельность определяет мощь глобальных рынков капитала и возникновение новых технологий. Единственным соперником США является мировой терроризм. Война с терроризмом – это, по мнению историков, уникальный феномен, принципиально непонятный вне контекста новой глобальной истории. При этом интерпретация глобализации как американизации (кроме стремлений отдельных американских политиков) категорически отрицается, подчеркивается непоследовательность внешней политики США. Сохраняются представления об идеалах гибридности (не-целостности) и синкретичности (нецентрированности) глобального пространства. Историки призывают проводить различие между партийными и объективными характеристиками глобализации. Но критерии этого различия не приводятся.

Мазлиш и Айрийе заявляют о готовности отойти от черно-белой картины мира, описывать его более сбалансированно, учитывая переливы теней, пересечения линий и полей, постколониальные идеалы гибридности и синкретизма. Они учитывают сочетание универсализации и локализации в глобальных процессах, позитивную роль мультикультурализма. Отрицая интерпретацию глобализации как гомогенизации мира, они дистанцируются от телеологизма и детерминизма классической теории модернизации. Наряду с традиционными приметами глобализации Мазлиш и Айрийе указывают на роль новой глобальной идентичности и трансформацию повседневной жизни, которая в перспективе может стать наиболее значимой характеристикой глобализации. Они готовы признать право на существование за широким кругом современ-

²² Mazlish 2014.

²³ The Global... 2005.

ных феноменов, вплоть до антиглобализма, в котором видят «жизненную составляющую самой глобализации... необходимую поправку некоторых эксцессов полностью нерегулируемого капитализма»²⁴.

Но предмет новой глобальной истории при этом максимально сужается, так что из него выдавливается масса мировоззренческих и методологических подходов и проблем, связанных с колониализмом и империализмом, истоками глобальных кризисов, историей эпидемий и миграций, прорывов границ локального. Они вытесняются в область *мировой истории*, если не относятся к событиям последних 50 лет. Подвергается ревизии отход от национальной истории и воссоединение историй Запада и Востока. Из числа классиков новой глобальной истории выводятся регионалисты – «в прошлом специалисты по азиатской и африканской истории» (такие как И. Валлерстайн)²⁵. Тем самым проводится зримая граница между постколониальными исследованиями, миросистемным подходом, антропологизацией истории – и новой глобальной историей.

Знания в области методологии у Мазлиша и Айрийе заметно устарели, при этом объективистский и детерминистский настрой укрепился по сравнению с прошлыми работами Мазлиша. Целью познавательной деятельности остается «новый мир», глобализация как прогрессивный, целенаправленный линейный причинно-следственный процесс, в котором надо постоянно учитывать, «что является новым, а что – старым». Он носит некоторые черты утопии. Формируются нормативные оценки, причем «плохая» глобализация связывается с борьбой против гегемонизма США. «Антиглобализм подпитывается предательством собственных принципов глобализации»²⁶. Такое видение истории далеко расходится с позицией *исторического поворота* как движения против телеологии и детерминированности истории. Оно не совпадает и с более ранней точкой зрения Мазлиша, с его критикой линейности и телеологичности всеобщей истории. Правда, историки оговариваются, что описание тенденций не есть телеология, но это звучит не совсем искренне. К ним самим можно обратить замечание об опасности «перепутать идеал и практику»²⁷.

Гораздо большее значение для глобальной истории стали играть сюжеты интернациональной истории – международные отношения и проблема суверенитета. Глобализация ставит под сомнение компетен-

²⁴ Mazlish 2005. P. 3-5, 6, 10.

²⁵ Ibid. P. 10-11.

²⁶ Ibid. P. 2-3, 5, 9, 10.

²⁷ Ibid. P. 10, 11.

цию национальных государств и уменьшает их роль за счет роста роли «интернационализма», т.е. идеала «международного сообщества» – союзничества великих государств. Мазлишу и Айрийе важно поднять престиж этой формы интернационализма, которая считалась к началу XXI века «вышедшей из моды», а потому недооцененной в условиях глобализации. При этом как идеал глобализации, так и ее конкретные проявления противостоят, по их мнению, империализму, как традиционному, «старомодному», который «больше невозможен», так и экономическому, который противоречит «движению глобализации». Даже идеи культурного или консьюмеристского империализма кажутся им упрощенными. Историки противопоставляют идею трансформации собственной культуры – теории культурного заимствования (*reception theory*). Здесь они готовы идти довольно далеко, отходя от идеи всеобщей истории – до сочетания идей гомогенности и гетерогенности, как в транснациональной истории. Но целью освобождения стран от колониальной зависимости им представляется не столько возможность саморазвития, сколько «их свободное участие в процессе глобализации»²⁸.

Сам Мазлиш в статье «Глобальная история и мировая история» занимает несколько иную, но тоже консервативную позицию. Он продолжает борьбу за самоопределение новой глобальной истории, стремясь сделать ее образы максимально догматичными за счет деконструкции понятийного аппарата мировой истории. Продолжается отделение новой глобальной истории от истоков глобалистики, особенно традиции 1950–60-х гг. Неприемлемой для Мазлиша оказывается идея «плюральной глобальности» Д. Слейтера и практически все релятивистские варианты ее развития, которые и сформировали глобалистику 1980–90-х гг.²⁹ В круг отвергаемых входят миросистемный подход как в варианте Ф. Броделя, так и в вариантах классиков глобалистики И. Валлерстайна и Дж. Абу-Лугод, анализ трансквицизационных взаимодействий, которые изучали антропологи Р. Линтон и Р. Редфилд, и по их следам – У. Макнил, а также экуменические представления А.Дж. Тойнби³⁰. Однако Мазлиш по-прежнему против деления народов на цивилизованные и нецивилизированные, на своих и «иных», против выделения «варваров», то есть низших народов, которые не фигурируют в глобальной истории. Последняя составляющая глобального сообщества описывается как «народы, менее развитые в данный момент»³¹. Истоки этой «меньшей

²⁸ Ibid. P. 5-6.

²⁹ Валлерстайн 2006. С. 231-247.

³⁰ Mazlish 2005. P. 17.

³¹ Ibid. P. 20.

развитости» историка принципиально не интересуют. Запад, как и прежде, выступает «действующей причиной» глобальной истории.

В статьях А. Айрие новая глобальная история еще сильнее связана с традициями международной жизни и всеобщей истории XIX – начала XX в., хотя им и предполагается ряд нововведений, прежде всего изменение состава взаимодействующих и изучаемых институтов, а также в области методологии исследований. В отличие от текста Введения, глобализация в своей традиционной форме у него *связана с империализмом*; это понятие нагружено цивилизационной символикой XIX века: глобализация прорывает национальные границы, осуществляя «проникновение в “нецивилизованные” части мира сил “цивилизации”». Это классический образ «цивилизационной миссии» западных колонизаторов. Айрие представляет XX столетие как “век интернационализма” и в целом характеризует его положительно. Травматические эпизоды колониализма, геноцида, тотальной войны либо не упоминаются, либо сглажены. Айрие вслед за Р. Фальком признает «хищность» характера глобализации, который необходимо контролировать, но считает «интернационализм» (в частности, создание правил ведения войны) движением в этом направлении. Образ *интернационализма по-имперски* у него получается отлакированным и благостным, неразрывно связанным с идеей мира (он подается в восприятии такого сомнительного персонажа, как Г. Эрве).³²

В целом чтение большинства статей этого сборника заставляет вспомнить книгу Майкла Хардта и Антонио Негри «Империя» о новом посттоталитарном и постбинарном мироустройстве, основанном на усвоении постмодернистских принципов мышления, но неизменно ориентированном на угнетение, использующем для этого сетевую власть и открытые постколониальными критиками инструменты мимикрии, амбивалентности, гибридизации, фрагментированных идентичностей. Эта власть превосходит старые региональные империи гибкостью, силой и способностью манипулировать деятельностью людей³³. Правда, у Мазлиша и Айрие образ мира менее футуристичен. По меркам XXI века он скорее традиционен: более узок, центрирован и иерархичен, детерминирован, выстроен из предписанной пространственной и теоретической перспективы, история имеет отчетливо презентистский и телеологический характер (вплоть до принципиальной защиты презентизма)³⁴.

³² Iriye 2005^b. P. 182-190; Iriye 2005^a. P. 202-208.

³³ Hardt, Negri 2000.

³⁴ Manning 2003. P. 269.

При анализе этой реакционной тенденции в историческом знании вспоминаются и другие поразительные факты, например, превращение левого немецкого историка Х.-У. Вейлера в ксенофоба, прикрывающегося цивилизационной риторикой, чтобы доказать, что культурная плюрализация представляет собой угрозу, а ислам несовместим с просвещенческими идеалами Запада (при этом он игнорировал хорошо известное отношение И.В. Гёте к мусульманскому Востоку)³⁵. Кажется, что время повернулось вспять. Возникает вопрос: неужели мировая революция 1968 года, с которой И. Валлерстайн связывал возникновение глобальной истории, превратилась в мировую реакцию³⁶?

Глобальная история и «процесс цивилизации»

Однако сводить причины подобной эволюции глобальной истории к последствиям событий 2001 года представляется неоправданным. Объяснить более глубокие корни подобных процессов поможет обращение к одной из традиций макроистории – концепции «процесса цивилизации» Норберта Элиаса, а также к идеям его преемников, прежде всего голландского социолога Каса Вутерса. В центре внимания последнего – нелинейные, разнонаправленные и циклические явления в “процессе цивилизации”, как его понимал Элиас. Вутерс сосредоточил свои усилия на изучении “процесса цивилизации” в конце XIX–XX вв. и выявил сложную динамику – несколько циклов роста и падения интереса к фиксации норм цивилизованного поведения. Он выделил помимо отмеченной Элиасом тенденции к “формализации” поведения, которую тот обнаружил в придворном обществе XVI–XVIII вв., периодически возникающую обратную тенденцию к *информализации* поведения, т.е. постепенного снятия контроля и самоконтроля за поведением. Она является реакцией на издержки и тупики «процесса цивилизации», который, помимо прочего, ведет к дистанцированию цивилизованных верхов общества от масс и к появлению невротичного зависимого сознания у слоев общества, ориентирующихся на нормы цивилизованного поведения аристократии, но не получающих от нее позитивной оценки своего стремления стать цивилизованными. Элиас называл порожденное зависимым сознанием невротичное, экстравагантное, а порой и опасное поведение «левантинизмом»; впоследствии утвердилось понятие «боваризм»³⁷.

³⁵ Sachsenmaier 2011. P. 141.

³⁶ Валлерстайн 2006. С. 73.

³⁷ Ионов 2013. С. 140-143; 2014. С. 125-128.

Информализация поведения наиболее ярко обнаруживается, по мнению Вутерса, на протяжении трех периодов: “Конец века” (*Fin de siècle*) 1890-х гг., “Ревущих двадцатых” (*Roaring Twenties*) 1920-х гг. и того, что он называл “Революцией самовыражения” (или экспрессивной революцией – *Expressive revolution*) 1960–1970-х гг. Эти процессы связаны с эпохами экономического расцвета, массового благосостояния и с социальной модернизацией – вторжением в элиту общества массы нуворишей и других поднимающихся групп бывших аутсайдеров, разрушающих привычные нормы поведения, введенные истеблишментом в «процессе цивилизации». Очередное «скептическое поколение» (нигилисты и декаденты на рубеже XIX–XX вв., женщины-суфражистки и профсоюзные лидеры 1920-х гг., борцы с колониализмом и за гражданские права, феминистки, рокеры и хиппи 1960-х гг.) задает молодежи нормы поведения, казавшиеся еще вчера девиантными. Они определяют повестку дня в культуре, обществе и во многом – в политике. Им стремятся подражать, идентифицируют себя с бывшими аутсайдерами. Сначала это затрагивает узкий слой молодежи мировых столиц, потом – массы населения по всему миру. Реабилитируется биологическая сущность человека и эмоции, ранее трактовавшиеся как “низкие”. Левые идеи общности социальных интересов подрывают и заменяют идеал общности национальных интересов, третируемый в эти эпохи как проявление «рабской ментальности». Идеи превосходства любого рода – расового, национального, экономического – теряют массовую поддержку. Границы между истеблишментом и аутсайдерами стираются. Последние вдруг становятся первыми³⁸.

Для периодов информализации, по Вутерсу, характерно развитие коллективной эмансипации и сопутствующих ей коммуникативных стратегий, рост ценности конфликта, революционные движения, разрушение социальных и расовых иерархий и вызывающее поведение, маркирующее инаковость, ставшую абсолютной ценностью. Часто оно носит оскорбительный характер для носителей традиционной культуры. Но эта непримиримость – лишь инструмент для преодоления господства истеблишмента и навязанных им форм мышления и отношений, для перехода к более прагматичным и гибким формам мировоззрения и способам урегулирования конфликтов, для утверждения ценностей взаимного доверия, близости, интимности отношений, особенно в семье, рефлексивности и компромисса³⁹.

³⁸ Wouters 2007. P. 167-170, 174-175, 187.

³⁹ Ibid. P. 6, 14, 77, 88, 109, 119, 146, 198, 220.

Разрушение предписанной истеблишментом картины мира затрагивает и область исторического знания. Именно в эти периоды появляются первые попытки деконструкции и релятивизации нормативных образов прошлого. Рушатся театральные декорации дешевой «исторической истины», продукта фабричного производства (Э. Трельч) предыдущего периода⁴⁰. Конечно, эти прорывы не всегда строго совпадают по времени с эпохами информализации, но связаны с ними идейно. Так, разделение науки и гуманитарного знания начинается на рубеже *Конца века*, в 1880-е гг. В. Дильтеем; зачатки антропологического поворота и исторического релятивизма в целом можно видеть начиная с рубежа XIX–XX вв. в деятельности отца американской антропологии Ф. Боаса. *Ревущие 1920-е* гг. открываются зачатками исторического и пространственного поворотов у О. Шпенглера, продолжаются подъемом школы Ф. Боаса и завершаются уже в 1930-е гг. возникновением истории идей у А.О. Лавджоя, первыми попытками ориентироваться во множестве исторических парадигм безотносительно к их «научности» и «объективности» и созданием «реляционизма» К. Маннгеймом, а также релятивизацией ключевого для XIX века понятия «цивилизация» Н. Элиасом. Наконец, *Революция самовыражения* обрушивает на историков кризис исторического знания в полной его силе: исчезает вера в универсальные методологии и модернизацию, переходят в наступление постмодернизм, деконструкция, борьба с мастер-нарративом. Различные стратегии трансконцептуализации национальных историй, темпорализации и спационализации, реконцептуализации, плюральной перспективизации и репрезентации, интерпретации и контекстуализации получают свои права и врастают в плоть исторической эпистемологии. Они прямо связаны с интересом к аутсайдерам («история снизу», гендерная история, постколониальная критика, особенно субалтерные исследования). Глобальность рассматривается как поле взаимодействия концептуальных и дискурсивных миров, между которыми идет диалог⁴¹.

Однако процесс информализации не вечен и обратим. По мнению Вутерса, обычно он продолжается до очередного экономического и (или) политического кризиса, когда напуганное угрозой нищеты население вновь объединяется вокруг истеблишмента, идентифицирует себя с его лидерами (вплоть до фюрера) и начинается *реформализация*, возрождение интереса к изучению формальных норм поведения и усвоению связанных с ними психологических установок. Вновь при-

⁴⁰ Osterhammel 2010. S. 15.

⁴¹ Sachsenmaier 2011. P. 39, 50, 170.

обретают власть ценности дисциплины и порядка, строгости и иерархии, реабилитируется чувство безопасности, которое дают хорошие манеры. Ценятся нормативные самоидентификации, инаковость вызывает подозрения. Реформализация характерна для начала XX века, 1930–1940-х гг., она происходит и сейчас, в 1980–2010-е гг. Аутсайдеры теряют политический вес и сохраняют авторитет лишь в областях искусства, прежде всего молодежной моды. Идея национальных интересов вновь становится господствующей, а вместе с ней ценности смирения и консенсуса. Популярны элитистские, правые, националистические и имперские идеологии, открытая ксенофобия, исключаящая возможность самоидентификации с Иными. Крайним вариантом формализации поведения являются сведение права и справедливости к полной формальности, выходы за пределы правового поля во внутренней и внешней политике и возникающие на волне национальной консолидации мировые войны⁴².

Наиболее ярко влияние реформализации на историческое сознание и знание проявляется в империях, особенно тоталитарных, таких как Германия, Япония и СССР. История как форма массовой пропаганды родилась накануне Первой мировой войны. В 1930-е гг. нормативные исторические предписания в качестве единой и вечной исторической истины стали защищаться всей мощью карательного механизма государства. В Германии появилась «народная история» (*Volksgeschichte*), в СССР – история формаций, революций и борьбы классов. Возникли сакрализованные книги по отечественной истории, заучиваемые наизусть, как Краткий курс истории ВКП(б) (1938)⁴³. Отсутствие возможностей критики довольно быстро приводит подобную триумфалистскую историографию к произвольному ограничению поля исторического исследования и уровню фальсификаций, который я бы назвал «летальным». Эти области знания со временем просто выпадают из исторической традиции.

Однако такие тупиковые формы историографии встречаются не всегда. Обычно речь идет о частичном отступлении аутсайдеров и о попытках примирить позиции истеблишмента и возникшую историческую традицию. Ситуация складывается неблагоприятная. Угасает глобальный диалог, несмотря на уверения в заинтересованности в нем. Нарастает академический дисбаланс между западными и незападными странами. Колониальные страны и Африка в целом вписываются в ев-

⁴² Ibid. P. 31, 106, 206, 213-214; 171-174, 176-197.

⁴³ Краткий... 1942.

ропоцентристский нарратив, как у А. Диопа в 1950-е гг., а после их освобождения создается странный симбиоз мифологизированной истории национальных государств и европоцентризма, проявляющегося в идеале нации-государства. Возникают сомнения в валидности и значимости местных национальных традиций в Турции, Иране, Китае, Индии. Изобретаются «негативные» традиции национальной истории. Ориентализм распространяется на Восточную Европу и Россию, проникая и в местное историческое сознание. Западная история признается единственной, призванной к универсализации, а западному историческому опыту придается парадигмальное значение как мере любого другого исторического опыта. Идея множественности различных равных по значимости центров исторической мысли оказывается неосвоенной⁴⁴.

В последние десятилетия, утверждает Вутерс, достижения предыдущей эпохи информализации не были полностью утрачены, неформальная молодежная культура сохранила свои позиции, утвердилась мысль о легитимности сопротивления элитизму и неравенству, произошло уменьшение социальной и психической дистанции между истеблишментом и аутсайдерами, полами и поколениями, возникли и сохраняются смешанные культурные коды, идеалы и идентификации⁴⁵. Однако человеческая психология многообразна. Далеко не всем свойственна рефлексивность – гибкое и осмысленное отношение к своим природным импульсам и поведенческим нормам общества (Вутерс называет это «третьей натурой» человека). Обычно все ограничивается первыми двумя: инстинктивными импульсами («первая натура») и автоматически действующими конформистскими нормами поведения («вторая натура»). Результат – зависимое сознание, неумение разобраться в себе, неспособность адекватно анализировать окружение. Свойства собственной личности, воспринимаемые как негативные (иррациональные), проецируются при этом на низшие классы и иностранцев, в пределе рассматриваемых как нелюди. По отношению к *Иным* данный тип личности (его вслед за Э. Фроммом можно назвать авторитарным), проводит политику избегания и исключения «социального заражения», эмоционального неприятия и презрения, «самоотстранения», а также стратегию манипулирования чувствами превосходства и приниженности⁴⁶. Именно его влиянием в конечном счете определяется отступление от достижений теории истории и историографии XX века.

⁴⁴ Sachsenmaier 2011. P. 13, 30, 40-43, 157.

⁴⁵ Wouters 2011. P. 141-145.

⁴⁶ Wouters 2007. P. 21, 24-25, 36, 186, 197-221.

Глобальный диалог внутри глобального истеблишмента

При этом мера отступления от завоеванного очень различна. Есть работы, в которых разрушение идеалов постколониальной критики малозаметно. Это, например, книга Дж. Бентли, Г. Циглера и Х. Стритс «Традиции и встречи: Краткая глобальная история» (2008). Периодизация избрана таким образом, чтобы дать место для истории всех стран и прежде всего — для истории их взаимодействий между собой. Крупнейшие страны мира: Франция, Великобритания, Германия, США, Китай (в меньшей мере Индия и Россия) упоминаются с примерно одинаковой частотой. Большое значение уделяется структуре глобального пространства, побуждавшей людей к тем или иным действиям. В частности, завоевания кочевых народов представлены как путь к *евразийской интеграции*, дается высокая оценка роли Китая в мореплавании и международной торговле, а модернизация Европы показана как следствие глобальных изменений⁴⁷. В описании европейской культуры дается подробная характеристика мифологем властизнания как дискурса господства⁴⁸. В число исторических деятелей, упоминаемых в текстах, сопровождающих главы, входят мифические персонажи, политические деятели, классики культуры, путешественники, чиновники, солдаты, рядовые люди из самых разных стран⁴⁹. Но уже здесь заметно стремление авторов опираться на письменные традиции мировых цивилизаций.

Эта тенденция становится особенно заметной в трудах историков, в значительной мере приверженных идеалу универсализма, таких как Й. Рюзен, Ю. Остерхаммель и Г. Иггерс. Они проявляют особое внимание к Китаю как стране с наиболее яркой культурной и историографической традицией⁵⁰. В книге «Преображение мира. История XIX века» (2009), которую Ю. Кокка назвал одной из самых важных за последние десятилетия, Ю. Остерхаммель (китаист по образованию) сравнивает представления о памяти, времени и пространстве прежде всего в европейской и китайской (а также японской) культурах. При этом, что особенно важно, речь идет о взаимном восприятии, о метагеографическом конструировании ментальных карт, имеющих политическое значение (например, понятия «Запад», которое возникло только в 1830-х гг. или

⁴⁷ Bentley, Ziegler, Streets 2008. P. 157-176, 216-222, 227, 267-284, 335-398.

⁴⁸ Ibid. P. 532, 538-546, 556-557, 584.

⁴⁹ Ibid. P. 109, 328-330.

⁵⁰ Rösen 2007.

«Дальний Восток»)⁵¹. Эта релятивизация ключевых исторических понятий помогла Остерхаммелю, опираясь на достижения исторического и пространственного поворотов, избежать ловушек универсальной периодизации и нормативного понятия пространства. Он выступает против «слепой по отношению к содержанию» периодизации, за «периодизацию, ориентированную на содержание» и выбирает не время последовательностей (факт за фактом), и не время эпох, а *время трансформаций*. Остерхаммель изучает «пространственную семантику» исторических понятий и очень осторожно относится к понятию «мировое сообщество», считая его конструкцией XX века. Обращаясь к разным теоретическим и практическим аспектам жизни мира в XIX веке, он каждый раз заново конструирует время и пространство, выбирая стратегию темпорализации или спационализации в соответствии с предметом исследования и познавательной перспективой⁵².

И все же для Остерхаммеля XIX век – это прежде всего «европейский век» (при полном понимании многозначности понятия «Европа»), еще точнее – век Великобритании и Франции. Субъектом мировой истории выступают мировые империи, интересы которых движут науку. Для Остерхаммеля остается главным веберовский вопрос: как Европа смогла стать в авангарде мира? Он прокламирует свою близость к подходу Кр.А. Бейли в книге «Рождение современного мира. 1780–1914 гг. Глобальные связи и сравнения» (2004), которую историк правых взглядов Н. Фергюсон в свое время назвал «настоящим шедевром». Но характерен сдвиг интересов: если индолог Бейли поставил в центр исследования национализм, религии и телесные практики, то Остерхаммель – экологию, международную политику и науку. Он ориентирован на центростремительные, конвергентные силы и процессы в истории, сущностную одновременность явлений; Бейли, наоборот, пространственно дивергентен, его подход ближе постмодернизму – децентрирующий, горизонтальный, ветвящийся, лишенный иерархичности, он сосредоточен на индивидуальных феноменах и интерпретирует их в глобальном контексте. Бейли ориентирован на диалог с постмодернистами и постколониалистами⁵³. Для Остерхаммеля доминирование и подчинение, иерархия власти и власть-знание – это реальности мира, которые нужно признавать и изучать. Но при всем этом, игнорируя постколониальный

⁵¹ Osterhammel 2010. S. 26-27, 86, 88, 90, 94, 99, 101, 104, 107, 110, 113-114, 116, 134, 137, 140 и далее.

⁵² Sachsenmaier 2011. P. 160; Osterhammel 2010. P. 84-88, 138-140.

⁵³ Bayly 2004. P. 8, 9.

подход (который он считает утопическим), Остерхаммель старается занять центристскую позицию между экуменизмом и триумфалистской исключительностью Европы, пытается выяснить, что сближало ее с остальным миром, а что разделяло⁵⁴. Такая стратегия была оправдана в 2001 г., когда он пытался защищать симметричное положение наблюдателя против асимметричного, дивергентное против конвергентного и частичное сравнение против тотального. Однако эта стратегия очевидно слаба после критики М. Вернера и Б. Циммерманн⁵⁵.

Специфика эволюции исследований по глобальной истории ясно видна на примере книги Г. Иггерса и Э. Вана «Глобальная история современной историографии» (2008). С одной стороны, по ней видно, что фронт откатился к положению 1970-х гг.: не оправдавшими ожидания историков признаются как *теория модернизации*, не сумевшая предсказать негативные последствия экономической модернизации в политической, социальной и культурной областях, так и *постмодернизм с микроисторией*, оказавшиеся неспособными описать широко-масштабные процессы глобализации и «принять во внимание институциональный контекст культуры и повседневной жизни»⁵⁶. Спор оказался застопоренным в равновесной позиции, подвешенным в воздухе. Надежда на победу одной из позиций оказалась утопичной. С другой стороны, сохраняется понимание важности анализа разных темпоральностей и специализаций, постановка проблем осуществляется скорее в рамках постмодернистской, а не позитивистской модели, но этот анализ реализуется, как правило, применительно не ко всем культурам, а в основном к мировым цивилизациям: в данной книге это западная (с фрагментами российской), китайская, арабо-исламская, индийская (и в довесок – Юго-Восточная Азия)⁵⁷.

Глобальный диалог в духе *Realpolitik* во многом свелся к диалогу внутри истеблишмента политических сил, определяющего мировое развитие. Его цель – не столько преодоление травмы, закрывающей от нас прошлое, и возможно большая полнота знания, сколько полнота учета интересов держав, претендующих на политическое и культурное влияние. Тем не менее, проблематика «поворотов», особенно *транснационального, исторического и пространственного*, в значительной степени сохранена и изучается на конкретном материале. Все это за-

⁵⁴ Osterhammel 2010. S. 16-19.

⁵⁵ Osterhammel 2001. S. 47-66; Вернер, Циммерманн 2007. С. 64.

⁵⁶ Иггерс, Ван 2012. С. 427-428.

⁵⁷ Там же. С. 430-431.

ставляет верить в перспективу преодоления отступления на новом витке истории. Некоторые перемены на историческом фронте оказались необратимыми и не зависимыми от идеологических пристрастий авторов. Они-то и создают плацдарм для движения вперед.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М.: Территория будущего, 2006. 248 с.
- Вернер М. Циммерманн Б. После компаратива: Histoire croisée и вызов рефлексивности // *Ab Imperio*. 2007. № 2. С. 59-90.
- Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии / Пер.с англ. О.В. Воробьевой. М.: Канон, 2012. 432 с.
- Ионов И.Н. Новая глобальная история и постколониальный дискурс // История и современность. 2009. № 2 (10). С. 33-60
- Ионов И.Н. Глобальная история и изучение прошлого России. Статья 2 // *Общественные науки и современность*. 2012. № 6. С. 134-149.
- Ионов И.Н. Глобальная история и изучение прошлого России. Статья 3 // *Общественные науки и современность*. 2013. № 5. С. 138-153.
- Ионов И.Н. Глобальная история и изучение прошлого России. Статья 4 // *Общественные науки и современность*. 2014. № 6. С. 123-140.
- История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: ОГИЗ, 1942. 352 с.
- Копосов Н.Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М.: НЛЮ, 2005. 320 с.
- Копосов Н.Е. Память строгого режима. История и политика в России. М.: НЛЮ, 2011. 248 с.
- Универсальная и глобальная история. Эволюция вселенной, земли, жизни и общества. Под ред. Л.Е. Гринина, И.В. Ильина, А.В. Коротаева. Волгоград: Учитель, 2012. 688 с.
- Bayly C.A. *The Birth of the Modern World, 1780-1914: Global Connections and Comparisons*. Malden, Oxford, Carlton: Blackwell, 2007. XXIV, 540 p.
- Bentley J.H., Ziegler H.F., Streets H.E. *Traditions and Encounters: A Brief Global History*. Beijing: Peking University Press (reprint edition), 2008. 675 p.
- Buultjens R. *Global History and the Third World // Conceptualizing Global History*. Mazlish B. and Buultjens R. (eds.). Boulder: CO: Westview Press, 1993. P. 71-92.
- The Global History Reader. Ed. by B. Mazlish, A. Iriye. New York, London: Routledge, 2005. x+302 pp.
- Iriye A. The Role of International Organizations // *The Global History Reader*. Ed. by B. Mazlish, A. Iriye. New York, London: Routledge, 2005^a. P. 182-190.
- Iriye A. Internationalism // *The Global History Reader*. Ed. by B. Mazlish, A. Iriye. New York, London: Routledge, 2005^b. P. 202-208.
- Kirkpatrick J.J. *New York Times*. 1989. April 15.
- Manning P. *Navigating World History: Historians Create a Global Past*. New York: Palgrave Macmillan, 2003. 384 p.
- Mazlish B. *An Introduction to Global History // Conceptualizing Global History*. Mazlish B. and Buultjens R. (eds.). Boulder: CO: Westview Press, 1993. P. 1-24.

- Mazlish B.* Global History and World History // The Global History Reader. Ed. by B. Mazlish, A. Iriye. New York, London: Routledge, 2005. P. 16-20.
- Mazlish B., Iriye A.* Introduction // The Global History Reader. Ed. by B. Mazlish, A. Iriye. New York, London: Routledge, 2005. P. 1-14.
- Mazlish B.* The New Global History (URL: <http://toynbeeprize.org/wp-content/uploads/2014/03/mazlich-the-new-global-history1.pdf>).
- Osterhammel J.* Geshichtswissenschaft jenseits des Nationalstaats. Studien zu Beziehungsgeschichte und Zivilisationsvergleich. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2001. 384 S.
- Osterhammel J.* Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München: C.H. Beck, 2010. 1570 S.
- Rüsen J.* Crossing Cultural Borders: How to Understand Historical Thinking in China and the West // History and Theory. 2007. Vol. 46 (2). P. 189-193.
- Sachsenmaier D.* Global Perspectives on Global History: Theories and Approaches in a Connected World. New York: Cambridge University Press, 2011. 331 p.
- Wouters C.* How Civilizing Processes Continued: Towards an Informalization of Manners and a Third Nature Personality // Norbert Elias and Figurational Research: Processual Thinking in Sociology / N. Gabriel and S. Menell (eds.) Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. vi + 271 p. P. 140-159.
- Wouters C.* Informalisation: Manners and Emotions since 1890. London: Sage Publications, 2007. 270 p.
- Young R.J.C.* Postcolonialism. A Very Short Introduction. New York: Oxford University Press, 2003. 178 p.

REFERENCES

- Bayly C.A.* The Birth of the Modern World, 1780-1914: Global Connections and Comparisons. Malden, Oxford, Carlton: Blackwell, 2007. XXIV, 540 p.
- Bentley J.H., Ziegler H.F., Streets H.E.* Traditions and Encounters: A Brief Global History. Beijing: Peking University Press (reprint edition), 2008. 675 p.
- Buultjens R.* Global History and the Third World // Conceptualizing Global History. Mazlish B. and Buultjens R. (eds.). Boulder: CO: Westview Press, 1993. P. 71-92.
- Iggers G., Van E.* Globalnaya istoriya sovremennoy istoriografii [Global History of Modern Historiography] / Per.s angl. O.V. Vorobevoj. M.: Kanon, 2012. 432 s.
- Ionov I.N.* Globalnaya istoriya i izuchenie proshlogo Rossii [Global History and the Study of Russia's Past]. Statya 2 // Obschestvennye nauki i sovremennost. 2012. no 6. S. 134-149.
- Ionov I.N.* Globalnaya istoriya i izuchenie proshlogo Rossii [Global History and the Study of Russia's Past]. Statya 3 // Obschestvennye nauki i sovremennost. 2013. no 5. S. 138-153.
- Ionov I.N.* Globalnaya istoriya i izuchenie proshlogo Rossii [Global History and the Study of Russia's Past]. Statya 4 // Obschestvennye nauki i sovremennost. 2014. no 6. S. 123-140.
- Ionov I.N.* Novaya globalnaya istoriya i postkolonialniy diskurs [New Global History and Postcolonial Discourse] // Istoriya i sovremennost. 2009. no 2 (10). S. 33-60
- Iriye A.* Internationalism // The Global History Reader. Ed. by B. Mazlish, A. Iriye. New York, London: Routledge, 2005^a. P. 202-208.
- Iriye A.* The Role of International Organizations // The Global History Reader. Ed. by B. Mazlish, A. Iriye. New York, London: Routledge, 2005^b. P. 182-190.

- Istoriya Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (Bolshevikov). Kratkiy kurs. [History of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks)] M.: OGIZ, 1942. 352 s.
- Kirkpatrick J.J. New York Times. 1989. April 15.
- Koposov N.E. Hvatit ubivat koshek! Kritika socialnih nauk [Will be Enough to Kill Cats! Critic of the Social Sciences]. M.: NLO, 2005. 320 s.
- Koposov N.E. Pamyat strogogo rezhima. Istoriya i politika v Rossii [Memory of a High Security. History and Policy in Russia]. M.: NLO, 2011. 248 s.
- Manning P. Navigating World History: Historians Create a Global Past. New York: Palgrave Macmillan, 2003. 384 p.
- Mazlish B. Global History and World History // The Global History Reader. Ed. by B. Mazlish, A. Iriye. New York, London: Routledge, 2005. P. 16-20.
- Mazlish B. The New Global History (<http://toynbeeprize.org/wp-content/uploads/2014/03/mazlich-the-new-global-history1.pdf>).
- Mazlish B., Iriye A. Introduction // The Global History Reader. Ed. by B. Mazlish, A. Iriye. New York, London: Routledge, 2005. P. 1-14.
- Mazlish B. An Introduction to Global History // Conceptualizing Global History. Mazlish B. and Buultjens R. (eds.). Boulder: CO: Westview Press, 1993. P. 1-24.
- Osterhammel J. *Geshichtswissenschaft jenseits des Nationalstaats. Studien zu Beziehungsgeschichte und Zivilisationsvergleich*. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2001. 384 S.
- Osterhammel J. *Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts*. München: C.H. Beck, 2010. 1570 S.
- Rüsen J. Crossing Cultural Borders: How to Understand Historical Thinking in China and the West // History and Theory. 2007. Vol. 46 (2). P. 189–193.
- Sachsenmaier D. Global Perspectives on Global History: Theories and Approaches in a Connected World. New York: Cambridge University Press, 2011. 331 p.
- The Global History Reader. Ed. by B. Mazlish, A. Iriye. New York, London: Routledge, 2005. x+302 pp.
- Universalnaya i globalnaya istoriya. Evolyuciya vselennoy, zemli, zhizni i obschestva [Universal and Global history. Evolution of the Universe, Earth, Life and Society]. Pod red. L.E. Grinina, I.V. Ilina, A.V. Korotaeva. Volgograd: Uchitel, 2012. 688 s.
- Wallerstein I. Mirosystemniy analiz: vvedenie [World-System Analysis: An Introduction]. M.: Territoriya buduschego, 2006. 248 s.
- Werner M. Zimmermann B. Posle komparativa: Histoire croise i vizov refleksivnosti [After comparative: Entangled History and the Challenge of Reflexivity] // Ab Imperio. 2007, no 2. C. 59-90.
- Wouters C. Informalisation: Manners and Emotions since 1890. London: Sage Publications, 2007. 270 p.
- Wouters C. How Civilizing Processes Continued: Towards an Informalization of Manners and a Third Nature Personality // Norbert Elias and Figurational Research: Processual Thinking in Sociology / N. Gabriel and S. Mennell (eds.) Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. vi + 271 p. P. 140-159.
- Young R.J.C. Postcolonialism. A Very Short Introduction. New York: Oxford University Press, 2003. 178 p.

Ионов Игорь Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН; cih@igh.ru

Problems of Modern Macrohistory.

Article 1. Step Forward, Two Steps Backwards?

The article presents an analysis of the development of macrohistory in 1990–2010s. Its results are compared with earlier and later works by the best experts working in this field. It is shown that there were two serious shifts in macrohistory – at first from universalism and Eurocentrism towards post-colonial criticism, and then – to the new Eurocentrism, neglecting achievements of post-colonial criticism. It is shown that these changes are connected with "the process of civilization" as sociologists of school of Norbert Elias understand it, with transition from an era of informalization 1960s–1970s by an era of reformation 1980s–2010s. The world and global history today strongly differs from general history of the middle of the XX century but the project of macrohistory is reduced to a dialogue of the strongest global centers, for example, of the West and China.

Keywords: world history, global history, process of civilization, informalization, reformation, establishment, orientalism, subaltern, mental maps.

Igor Ionov, candidate of historical sciences, senior research fellow of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; cih@igh.ru

О. Б. ЛЕОНТЬЕВА

«МЕМОРИАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ*

В статье охарактеризованы основные направления изучения исторической памяти в современной отечественной науке. Автор выявляет, как отечественные исследователи трактуют социальную природу памяти, какие сообщества рассматриваются в качестве субъекта исторической памяти. Выделены основные группы источников, используемых в работах по исторической памяти, а также методы, которые применяются для их анализа. Рассмотрено, как трактуются в современных российских исследованиях проблемы структуры, содержания и «стратегий» исторической памяти. Научные труды, выполненные в русле «историографии памяти», интерпретируются как вклад ученого сообщества в социально значимую «работу над прошлым».

Ключевые слова: *историография, методология истории, историческая память.*

Историческая наука во второй половине XX в. прошла через несколько методологических поворотов: среди них выделяют «социологический», «антропологический», «лингвистический», «когнитивный», «интерпретативный», «постмодернистский»... Каждый из таких поворотов мог выражаться в изменении проблематики исследований, круга источников и исследовательского инструментария, системы междисциплинарных связей; переосмыслению подвергались представления о познавательных возможностях истории и их границах, о роли самого историка в процессе познания прошлого, о способах трансляции исторического знания и о социальной миссии исторической науки¹.

В числе методологических поворотов, кардинально изменивших облик современной исторической науки, исследователи все чаще выделяют «мемориальный поворот», развернувшийся на рубеже XX – XXI вв. (пишут также о «мемориальном уклоне», о «парадигме памяти» в современном социально-гуманитарном знании, и даже о современности как «мемориальной эпохе»²). Сущность этого поворота состоит в том, что предметом исследования для историков все чаще становится не историческое событие или явление как таковое, а сама память о прошлом, живущая в сознании общества: ее содержание, способы трансляции, социальные функции³.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ проект № 14-01-00418.

¹ Зверева 1999; Репина 2011; и др.

² Про 2000. С. 312; Хаттон 2003. С. 33-50; Васильев 2008; Нора 2005. С. 395.

³ Репина 2005.

Мемориальный поворот назревал в европейской культуре на протяжении всего XX века⁴. Травмы, связанные с мировыми войнами и невиданным массовым насилием, разрыв исторического континуума, утрата привычных структур идентичности, ощущение невозможности возвращения к былому или же, напротив, недостижимости проектов будущего, – все это вело к актуализации темы памяти в культуре. Поэтому мемориальный поворот можно воспринимать не только как новую тенденцию в исторической и других гуманитарных науках, но и как показатель перемен в самом обществе, как одно из проявлений широкого «мемориального движения» или, по удачному выражению П. Нора, «всемирного торжества памяти»⁵. «Мемориальное движение» проявляется в интересе разных социальных групп к поискам своих «корней»; в небывалом размахе коммеморативных практик, в создании разнообразных «институций памяти»⁶. Другой стороной этих процессов в современном мире стала активизация «исторической политики» во всех ее формах, в том числе «войны памяти» между соседними государствами и принятие «мемориальных законов», предполагающих административную или даже уголовную ответственность за публичное выражение тех или иных взглядов на прошлое⁷. Исследования, посвященные исторической памяти, тем самым включаются не только в «узкий» научный, но и в «широкий» социокультурный контекст; более того, многие их особенности могут быть поняты именно с учетом этого широкого контекста.

Достаточно очевидны причины, по которым исследования исторической памяти оказались актуальными в современной России. В числе этих причин – неоднократные «ревизии прошлого»⁸, которые предпринимались на протяжении исторического пути нашей страны от 1917 г. до 2000-х гг., а также усилия современных политиков и политтехнологов по формированию новой непротиворечивой версии «общего прошлого». Тема исторической памяти (а также «войн памяти», «фальсификаций прошлого» и борьбы с ними, взаимоотношений историка и власти, проектов «единого учебника истории») в наши дни находится в центре острых общественных дискуссий, широко обсуждается в СМИ и блогосфере. Многие представители нашей профессии так или иначе вовлечены в «мемориальное движение», но выбирают в нем для себя разные роли: хранителя и интерпретатора исторической памяти общества –

⁴ Потапова 2012.

⁵ Нора 2005.

⁶ Нора 1999.

⁷ Копосов 2011. С. 39, 41, 51.

⁸ Хмелевская 2004. С. 7.

или же активного участника и инициатора общественно значимых коммемораций, бойца на фронтах «войн памяти»; эксперта, критически оценивающего содержание тех или иных проектов «общего прошлого», – или же мемуариста, «носителя памяти», наделенного более острой способностью к рефлексии, чем его современники.

Показателями актуальности «мемориальной» проблематики в современной отечественной науке стали: публикация монографий и коллективных сборников, продолжающихся изданий и тематических выпусков журналов, проведение конференций и организация научных школ⁹. Изучение исторической памяти в современном научном сообществе (далее я буду использовать понятие «историография памяти») стало полем сотрудничества представителей многих гуманитарных дисциплин, над ним успешно работают не только историки, но и социологи, политологи, психологи, культурологи, антропологи; этот список можно продолжить.

С точки зрения Е.А. Ростовцева и Д.А. Сосницкого, авторов историографического обзора, посвященного изучению исторической памяти в современной отечественной науке, общая методология и даже терминология в данной сфере исследований до сих пор не сложились: «Исследования памяти являют яркий пример “раскошенной историографии”, это сотни камерных работ, посвященных отдельным аспектам и объектам исторической памяти, авторы которых, как правило, мало интересуются текстами и темами друг друга, используют мало согласуемые методологические подходы и терминологию»¹⁰.

В исследованиях И.М. Савельевой и А.В. Полетаева также неоднократно отмечалось отсутствие исследовательского консенсуса в изучении исторической памяти. Как подчеркивали они, само понятие «историческая память» «по-разному интерпретируется отдельными авторами: как способ сохранения и трансляции прошлого в эпоху утраты традиции..., как индивидуальная память о прошлом, как часть социального запаса знания, существующая уже в примитивных обществах, как “коллективная память” о прошлом, если речь идет о группе, и как “социальная память”, когда речь идет об обществе, как идеологизированная история..., наконец, просто как синоним исторического сознания»¹¹.

Цель предлагаемого исследования состоит в том, чтобы выяснить, можно ли в настоящее время говорить о сложившейся отече-

⁹ Захаров 2013; Курилла 2014; Ростовцев, Сосницкий 2014.

¹⁰ Ростовцев, Сосницкий. 2014. С. 117.

¹¹ Савельева, Полетаев 2008. С. 68-69.

ственной научной традиции в изучении исторической памяти; сформировались ли в этой сфере исследований общее методологическое поле, проблематика исследований, терминология и т.д. В соответствии с этим важно выяснить следующее: как отечественные исследователи трактуют социальную природу памяти? Какие группы, сообщества или же индивиды рассматриваются в качестве «субъекта», «носителя» исторической памяти? На каких источниках базируется изучение исторической памяти, и какие методы предлагаются для работы с этими источниками? Наконец, каков «вопросник» исследователя, обращающегося к этим источникам, – иными словами, что мы пытаемся выявить, изучая историческую память?

Для поиска ответов на эти вопросы я обращаюсь только к отечественным исследованиям, посвященным исторической памяти самого российского общества (за исключением немногих особо оговоренных случаев). На мой взгляд, именно при обращении к сюжетам, связанным с прошлым своей страны, наиболее рельефно выступает рефлексивная природа исследований по исторической памяти: при осуществлении таких исследований учеными руководит не только познавательный интерес, но и стремление понять, каковы мы сами, каковы структура и содержание нашей исторической памяти, что и как мы помним о прошлом – а что предпочли бы забыть.

Большинство российских исследователей, занимающихся данной проблематикой, при обосновании **теоретико-методологической основы своих исследований** ссылаются на труды зарубежных «отцов-основателей» мемориального поворота. Среди тех, чьи труды в наибольшей степени повлияли на методологический инструментарий и понятийный аппарат российских авторов – М. Хальбвакс (концепция социальной, интерессубъектной природы памяти); Я. Ассманн (разграничение «культурной» и «коммуникативной», «холодной» и «горячей» памяти); Б. Андерсон и Э. Хобсбаум (концепции «воображенных сообществ» и «изобретения традиции»); Й. Рюзен (концепция кризисов исторического сознания); и, конечно же, П. Нора и его соратники по знаменитому проекту «Места памяти».

Из отечественных ученых, чьи методологические подходы являются востребованными в современной «историографии памяти», следует назвать Ю.М. Лотмана и его семиотику культуры; А.С. Ахиезера и его концепцию «маятника инверсии»; Ю.А. Леваду, предложившего разграничивать при изучении сознания наших современников «программу опыта» (оценку средств, избираемых для достижения тех или

иных целей) и «программу культуры» (базовые ценности, определяющие значимость самих целей). Можно отметить также подход А. Эткинды и предложенное им методологически продуктивное разграничение «твердой» и «мягкой» памяти общества. Под «твердой» памятью исследователь подразумевает образы и символы прошлого, воплощенные в монументальной форме и получившие тем самым статус «обще-признанных», находящихся под контролем государства; под «мягкой» – память, хранящуюся в форме текстов, личных воспоминаний, которая принадлежит гражданскому обществу¹².

Приведенный перечень значимых имен и востребованных концепций дает возможность увидеть некоторые важные особенности отечественной «историографии памяти».

Прежде всего, в современных исследованиях подчеркивается связь памяти с идентичностью (не только персональной, но социальной, коллективной). Идентичность при этом трактуется не как нечто изначально данное, а как находящееся в процессе созидания, нуждающееся в постоянном поддержании, подвластное конструированию. Это, постмодернистское по своей сути, понимание идентичности легло в основу исследований, посвященных «исторической политике», то есть феномену использования истории в политических целях, ярко проявившемуся в начале XXI в. Сквозной темой целого ряда исследований стала историческая память как объект активного формирования, конструирования, манипуляций; в лексикон современного исследователя прочно вошли понятия «политика памяти» и «войны памяти» / «мемориальные войны». Так, исследования Г.А. Бордюгова, Е.С. Сенявской и А.С. Сенявского посвящены «войнам памяти» на внешнеполитической арене (на постсоветском пространстве, в «постсоциалистическом» мире, наконец, во всех странах-участницах двух мировых войн)¹³. «Историческая политика» является предметом анализа в монографии Н.Е. Копосова, коллективных проектах, сборниках под редакцией А.И. Миллера и И. Герасимова¹⁴. В фокусе рассмотрения оказываются такие средства воздействия на историческую память общества, как публичные дискурсы, ритуалы и практики коммеморации (наиболее выразительные примеры – снос или воздвижение монументов), преподавание истории (прежде всего в школе), презентации исторических сюжетов в кино и на телевидении¹⁵. В таких исследованиях

¹² Эткинды 2004.

¹³ Бордюгов 2011; Сенявская 2006; Сенявская, Сенявский 2007.

¹⁴ Копосов 2011; Империя и нация...; Историческая политика...

¹⁵ Историческая политика... С. 15-17.

происходит стирание традиционной грани между «историей», которая занимается прошлым, и «политикой», которая имеет дело с настоящим.

Безусловно, работы по исторической политике обладают своей специфической исследовательской оптикой. В качестве основных «действующих субъектов» или «актеров» в этих работах рассматриваются, как правило, политические силы – правительства и партии, политические лидеры, СМИ, комиссии и другие «институты памяти», а историческая память общества часто предстает в них как пассивный объект воздействия. Чтобы избежать опасной иллюзии всемогущества политических технологий, исследователю важно задаваться вопросом: какие условия нужны, чтобы те или иные «проекты» моделирования памяти оказались успешны или же, напротив, потерпели крах? Необходима ли для этого некая предрасположенность – или даже встречная активность – со стороны самого общества? Не случайно в сборнике под редакцией А. Миллера и М. Липман ставится проблема сопротивления исторической политике со стороны членов научного сообщества, а составители сборника «Империя и нация в зеркале исторической памяти» отмечают наличие соперничающих «памятей» (локальных, региональных, коллективных, частных) внутри одного и того же общества¹⁶.

Проблема «субъекта» или «носителя» исторической памяти в современной отечественной науке является дискуссионной. Так, с точки зрения И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, сами термины «коллективная память, социальная память, культурная память, историческая память» являются не слишком удачными: при употреблении этих концептов невольно возникают архаичные представления об антропоморфном «коллективном субъекте»¹⁷. «Конечно, можно использовать метафору “историческая память”, чтобы подчеркнуть, что общество “помнит” о своем прошлом, “хранит в памяти” события своей истории, – писали они, – но на самом деле знания запечатлены в текстах и других материальных носителях, а память – это способность индивидуальной психики»¹⁸. Поэтому в трудах самих И.М. Савельевой и А.В. Полетаева мы встречаем иные термины: «обыденные представления о прошлом», «массовые социальные представления о прошлом» или «массовое знание о прошлой социальной реальности»¹⁹.

Н.Е. Копосов полемизирует с подобным подходом: «Говоря о коллективном сознании, мы вовсе не обязаны постулировать суще-

¹⁶ Империя и нация... С. 9.

¹⁷ Савельева, Полетаев 2005. С. 184-192.

¹⁸ Савельева, Полетаев 2008. С. 64-69.

¹⁹ Савельева, Полетаев 2003. С. 242; 2005. С. 170-220.

ствование «народной души» или чего-то подобного. Можно ограничиться допущением высокой степени сходства между некоторыми индивидуальными сознаниями и интенсивности взаимодействий между ними». Эти взаимодействия проявляются в том, – продолжает исследователь, – что «ценности и интересы коллектива незаметно для субъекта налагают отпечаток на вспоминаемое, превращая его тем самым в социальный конструкт и обеспечивая определенное сходство воспоминаний разных людей»²⁰. Как уточняет Б. Дубин, «“память” здесь адекватнее понимать как метафору либо гнездо метафор»; в действительности речь идет об изучении «*социальных рамок памяти*», то есть о «соотношении общественных сил и положения отдельных групп с их предпочтениями и оценками, ресурсами действия и понимания», и о том, как при изменениях конфигурации общественных сил смещаются векторы самоидентификации людей – трансформируется «образ макросоциального целого, общего “мы”»²¹.

В качестве «субъекта» исторической памяти могут выступать группы, выделенные по самым разным критериям. Так, предметом анализа является память крупных социальных групп – дворянства и крестьянства, память групп, выделенных по гендерному или возрастному принципу (например, женщин или детей), память профессиональных или субкультурных сообществ (например, университетской корпорации), наконец, память людей, которых объединил общий опыт – как правило, травматический (память эмигрантов, узников ГУЛАГа или нацистских концлагерей, ветеранов мировых или локальных войн). Все более актуальным становится также «поколенческий» подход к изучению памяти²². Особый блок исследований составляют работы, посвященные семейной памяти, а также памяти автобиографической. Наконец, в ряде работ предметом исследования является память современного российского общества «в целом».

Тема взаимодействия различных групп, «субъектов памяти» при формировании «образов прошлого» поднимается в целом ряде исследований. А.В. Святославский выделяет несколько субъектов, во взаимодействии которых формируется историческая память общества: во-первых, государство и иные политические силы; во-вторых, социальные группы и индивиды; наконец, в-третьих, научное сообщество, выступающее в роли эксперта²³. В статье А.В. Антощенко, посвященной исто-

²⁰ Копосов 2011. С. 23-24.

²¹ Дубин 2004.

²² «Работа над прошлым»...

²³ Святославский 2012. С. 289.

рии знаменитого новгородского монумента «Тысячелетие России», также очерчивается своеобразный «треугольник» субъектов исторической памяти: власть как носительница определенной политической стратегии – художник со своей эстетической стратегией – и, наконец, научное сообщество, обладающее собственной эпистемологической стратегией познания прошлого²⁴. Работа С.А. Еремеевой посвящена памятникам деятелям науки и искусства, воздвигнутым в России в XIX в.; здесь в качестве заказчиков и инициаторов коммеморативных акций, «субъектов памяти», выступают государство и узкие круги местных элит, но успешность проектов измеряется тем, насколько адекватным было восприятие памятников в сознании рядовых горожан²⁵. В исследованиях, посвященных мемориальным репрезентациям Великой Отечественной и Афганской войны, в качестве «субъектов мемориальной деятельности» выступают государство, боевые товарищи, земляки и близкие погибших; подчеркивается, что для каждой из этих групп коммеморации выполняют разные задачи и наделены различным смыслом, выражая триумф, скорбь или покаяние²⁶. В этих исследованиях прослеживается, как в результате напряженного диалога, взаимодействия или соперничества нескольких субъектов возникает, казалось бы, самая статичная форма сохранения памяти о прошлом – памятник монументального искусства; монументальное произведение предстает в таком случае как плод своеобразного «общественного договора» или, напротив, как зримый показатель отсутствия социального консенсуса.

Источники, на основании которых историки реконструируют и анализируют историческую память, разноплановы по своему характеру. Для исследователя, обратившегося к изучению памяти наших современников, ценный источник представляют материалы социологических опросов. Так, серия исследований Л.Д. Гудкова и Б.В. Дубина построена на материалах регулярных опросов ВЦИОМ, ВЦИОМ-А, Аналитического центра Юрия Левады (Левада-Центра), каждый из которых охватывает репрезентативную выборку от 1000 до 4500 человек. В работе Н.Е. Копосова «Память строгого режима» используются материалы опросов, осуществленных Академией общественных наук при ЦК КПСС (1990 г.), Фондом общественного мнения, ВЦИОМ / Левада-Центром, Социологическим центром Российской академии государственной службы, Фондом Карнеги, а также опроса, проведен-

²⁴ Антощенко. 2005. С. 396–418.

²⁵ Еремеева 2012. С. 499–532.

²⁶ Конрадова 2005; Данилова 2005.

ного самим историком и его коллегами на «репрезентативных городских выборках» в трех российских городах. На опросы Академии общественных наук при ЦК КПСС (1990 г.) и на данные Российского независимого института социальных и национальных проблем (опрос 1996 г.) ссылается Ж.Т. Тощенко²⁷.

Очевидные преимущества этого вида источников заключаются в том, что они дают возможность взять для изучения достаточно широкий срез общественного мнения и проследить картину в динамике: некоторые опросы проводятся регулярно на протяжении более чем двадцати лет. Современные социологические методики позволяют не только зафиксировать изменение отношения граждан России к отдельным политическим фигурам, событиям и явлениям прошлого, но и увидеть эти перемены в контексте других процессов: изменения ценностных ориентиров, социальных потребностей, горизонта ожиданий и т.д.

Следующая специфическая группа источников, обращение к которой стало своеобразной жанровой приметой «историографии памяти», – материалы устной истории. Значимость и огромный информативный потенциал этого вида источников были оценены историками относительно недавно, с середины XX века. Устная история перевернула смысловую иерархию исторического исследования: в качестве носителей уникального исторического опыта предстали не крупные общественные деятели, а «обычные люди», рядовые участники и свидетели поворотных событий прошлого.

Важная особенность отечественной традиции изучения исторической памяти состоит в том, что обращение к изучению устной, «живой», коммуникативной памяти о прошлом в нашей стране началось не с гуманитарных наук, а с литературы и журналистики. В 1970–1980-е годы, на изломе советского периода, сложился особый литературный жанр: документальная повесть, основанная на записях рассказов живых свидетелей, переживших запредельный, трагический опыт. Этот жанр, для которого было найдено свое название – «жанр человеческих голосов», – был представлен «Блокадной книгой» Даниила Гранина и Алеся Адамовича, книгами Светланы Алексиевич («У войны не женское лицо», «Последние свидетели» и др.)²⁸. Традиции «жанра человеческих голосов» продолжает и современная российская литература – правда, в форме работы уже не с устными рассказами, а с письменными авторскими повествованиями, слагающимися в «полифоническую повесть» (литера-

²⁷ Тощенко 2000.

²⁸ Алексиевич 1988; Адамович, Гранин 1982.

турные проекты Л. Улицкой, Б. Акунина)²⁹. Именно литераторы первыми в нашей стране осознали ценность воспоминаний «рядовых», «незаметных» людей; именно им принадлежат ценные методологические наблюдения относительно изучения человеческой памяти.

Личные свидетельства современников, полученные в результате интервьюирования, используются как незаменимый источник в исследованиях, посвященных семейной памяти. На материалах биографических интервью и личных воспоминаний (около ста глубинных интервью с выходцами из дворянских семей 1905–1918 годов рождения) построено исследование С.А. Чуйкиной «Дворянская память: “бывшие” в советском городе»³⁰; материалы, полученные в результате глубокого интервьюирования и письменного анкетирования, легли в основу коллективного проекта челябинских историков, посвященного трансляции семейной памяти в «век катастроф»³¹; И.В. Нарский взял на себя миссию интервьюера в ходе предпринятой им реконструкции истории собственной семьи³². В каждом из этих исследований материалы устной истории позволяют не только получить уникальные сведения о жизненном опыте других поколений и реконструировать уходящую фактуру повседневной жизни, но и выявить гибкую взаимосвязь индивидуальной памяти и «социальных рамок» воспоминаний.

На первый взгляд такие виды источников, как социологические опросы и материалы устной истории, диаметрально противоположны друг другу: в одном случае человек предстает как усредненная статистическая единица, в другом – как носитель неповторимых индивидуальных воспоминаний, личной истории. Тем не менее, эти группы источников обладают важными общими особенностями. Когда историк проводит опрос, осуществляет анкетирование или берет интервью у своих информантов, он тем самым лично участвует в формировании источниковой базы своего исследования, задает ее структуру, определяет, какую именно информацию он рассчитывает получить. (Как замечает С.А. Эрлих, «даже самые убежденные сторонники социологии признают, что характер вопроса существенно влияет на ответ»³³). Позиция историка по отношению к источнику в данном случае несравненно более активна, чем в рамках классической парадигмы исторического знания; диалог между исследователем и героем его исследования перестает

²⁹ Детство 45-43; Фото как хокку...

³⁰ Чуйкина 2006.

³¹ Нагорная 2004.

³² Нарский 2008.

³³ Эрлих 2009. С. 15.

быть метафорой и становится реальностью, а субъектность историка самым наглядным образом воздействует на исследовательский процесс.

В исследованиях, посвященных изучению исторической памяти, активно используются и разные виды «традиционных» исторических источников: письменные источники личного происхождения (дневники, мемуары, письма), делопроизводственные документы (например, сводки спецслужб о «настроениях» населения), материалы периодической печати (прежде всего корреспонденции «с мест»)...

Характер этих источников во многом зависит от того, насколько изучаемая социальная группа была заинтересована в сохранении своей исторической памяти и какими культурными навыками располагала для осуществления этой задачи. Например, среди узников ГУЛАГа были представлены практически все социальные группы советского общества 1920–1940-х гг., но при этом группа мемуаристов, оставивших воспоминания о своем лагерном опыте, была достаточно однородна по своему социальному составу: как отмечает И.Л. Щербакова, «это в большей степени уцелевшие партийные и советские работники среднего звена или представители городской советской интеллигенции, арестованные, как правило, в годы Большого террора (1937–1938)». (Именно в силу общности социального опыта и культурных установок, по мнению исследовательницы, мемуары бывших узников «как бы сливаются в один гипертекст – с дополнениями, уточнениями, продолжениями, а иногда с одними и теми же героями») ³⁴. При обращении к памяти семейств с дворянскими корнями исследователи описывают такие виды источника, как генеалогическое древо или «семейные хроники», которые вели члены семьи на протяжении жизни нескольких поколений; здесь перед нами классический тип источника-памятника, созданного в расчете на восприятие потомков (работы С.А. Чуйкиной, Ю.А. Хорлиной и И.В. Нарского). В некоторых случаях само возникновение источников-памятников, основанных на семейных воспоминаниях, было инициировано в ходе общественных акций или исследовательских проектов: так, в основу исследований И.Л. Щербаковой и И. Прусс легли 15000 работ старшеклассников, присланных в период с 1999 по 2005 гг. на ежегодный исторический конкурс общества «Мемориал» «Человек в истории. Россия – XX век» ³⁵.

Для реконструкции социальной памяти массовых слоев населения города и деревни ценными источниками оказываются документы такого специфического жанра, как «письма во власть» – жалобы и обращения,

³⁴ Щербакова 2004. С. 174–177.

³⁵ Щербакова 2005; Прусс 2005.

занимающие промежуточную нишу между делопроизводственными и личными источниками (например, в исследовании И.Е. Козновой о социальной памяти крестьянства), а также материалы историко-этнографических экспедиций (у той же И.Е. Козновой, принимавшей участие в исследованиях деревни Европейского центра России в 1992–1998 гг.) и фольклористических обследований (так, работа А.С. Майер построена на сопоставлении «городских легенд», записанных соответственно в 1914–1925 и в 2000–2007 гг.)³⁶. Во всех названных случаях не только содержание, но уже сам тип источника свидетельствуют о тех формах, в которых сохранялась социальная память изучаемой группы населения, о мировоззренческих горизонтах и степени рефлексии респондентов.

Особую группу источников, весьма информативных для изучения состояния исторической памяти современного общества, составляют Интернет-ресурсы. Такие источники все активнее используются в научной литературе последних лет, но обычно носят вспомогательный характер: ссылки на них приводятся, чтобы проиллюстрировать выводы и наблюдения, сделанные на материалах других, «традиционных» источников. Новаторским является исследование С.Е. Эрлиха о восприятии декабристов в современной России, целиком построенное на Интернет-источниках. Настаивая на том, что Интернет открывает немислимые для «цивилизации Гутенберга» перспективы изучения общественного сознания, Эрлих призывает научное сообщество «выработать методы интернет-источниковедения, которые позволят гуманитариям соответствовать требованиям современности»³⁷. Заслуживает внимания предложенная классификация Интернет-источников, построенная на сопоставлении их с традиционными историческими источниками: чаты и форумы Эрлих трактует как аналог стенограммы; электронную почту и публичные гостевые книги – как электронный аналог писем; блогосферу – как аналог дневников. В результате весь массив Интернет-источников предстает как «совокупность средств кибернетического выражения “мнения народного”» (по крайней мере, уточняет Эрлих, мнения молодой и грамотной в компьютерном отношении части населения, которая «в ближайшие годы будет общественной элитой, творцами новой России»)³⁸.

Характер источников, привлекаемых для изучения памяти, предопределяет выбор применяемых **методов**. Их диапазон постоянно расширяется за счет «использования методов и наработок смежных

³⁶ Майер 2008; 2008 (дисс.).

³⁷ Эрлих 2009. С. 15, 17.

³⁸ Эрлих 2009. С. 17-19.

социальных и гуманитарных наук – социальной и исторической психологии, социологии, культурной антропологии, лингвистики»³⁹. Так, статистические или количественные методы применяются для анализа больших массивов количественных данных, результатов социологических опросов, числа упоминаний каких-либо персонажей или событий в источниковом массиве и т.д. Методики устной истории – например, часто используемые методы «глубинного» (нестандартизированного), «жизненного» интервью, а также приемы исследовательской работы с собранными материалами, позволяющие выявить скрытые пласты информации, – почерпнуты из смежных дисциплин: социологии, антропологии, психологии и даже психоанализа. При обработке информации биографического характера могут применяться контент- и инвент-анализ, конструирующий метод (исследование возможно большего числа автобиографических материалов под углом зрения изучаемой проблемы)⁴⁰. Для работы с текстовыми источниками современный историк располагает богатым арсеналом методов, выработанных в русле «новых подходов к интерпретации культуры и концепции дискурса, порожденных эпохой постмодернизма»: таковы, например, дискурсивный метод анализа исторических источников или же подход интерпретативной школы гуманитарных исследований, предполагающий пошаговый путь от филологического, лингвистического, грамматического и тропологического анализа к интертекстуальному прочтению источника⁴¹. Метод «плотного описания», пришедший из этнологии, оказывается уместным при изучении исторических представлений «безмолвствующего большинства», «маленького человека» (в тех случаях, когда для реконструкции «культурных кодов» людей прошлого необходимо изучение самых разнообразных социальных действий этих людей)⁴². Для изучения автобиографической памяти человека возможно проведение эмпирических исследований по проективным методикам В.В. Нурковой (построение респондентом своей «линии жизни» или работа с «сущностными» фотографиями)⁴³.

Отметим, что многие из этих методов применимы (или даже специально разработаны) для обработки таких источников, которые, будучи массовыми по своему происхождению, в то же время содержат

³⁹ Поршнева 2004. С. 26.

⁴⁰ Нагорная 2004. С. 230.

⁴¹ Поршнева 2004. С. 22-37.

⁴² Нарский 2001.

⁴³ Нуркова 2000; Нуркова 2006; 2009.

информацию индивидуального характера; методы работы с подобными источниками будут востребованы и в будущем по мере развития технологической и информационной революции.

Наконец, при изучении личной памяти исследователь может прибегнуть к самонаблюдению и самоанализу – методам, до сих пор редко встречавшимся в арсенале историка (одним из проявлений «мемориального движения» в современном российском обществе стала публикация мемуаров многих известных российских историков). Вопрос о том, «какое место в кругу других источников должны занимать личные наблюдения и воспоминания историка, если он, конечно, пишет о современных ему событиях и явлениях?», стал уже предметом методологической рефлексии историков⁴⁴.

Примером нестандартного ответа на этот вопрос может служить работа И.В. Нарского «Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство (Автобио-историографический роман)». В этой книге, определенной самим автором как «автобиографический эго-документ», соединяются несколько тематических пластов: детские воспоминания автора; реконструкция его семейной истории; очерки советской повседневности; методологические эссе, посвященные проблемам интерпретации визуальных изображений и изучения индивидуальной и коллективной памяти; наконец, «дневник исследователя» – история созревания замысла книги и его поэтапного воплощения. Создание научного текста является здесь и предметом исследовательской рефлексии («строительные леса» остаются на виду даже после того, как здание возведено), и экзистенциальным событием («возвращением к себе, узнаванием себя»⁴⁵), и актом семейной коммуникации. В современной историографии книга Нарского интерпретируется как пример новаторской «самодиагностики» историка, где историк позиционирует себя не как «идеального наблюдателя», рассматривающего исторический процесс с объективных позиций, а как одно из действующих лиц истории, чье «я» включено в изучаемые им процессы⁴⁶.

В целом же методы, используемые в «историографии памяти», нацелены на то, чтобы обнаружить в источниках не только явные, но и скрытые смысловые пласты – «видимое, но не замечаемое». Исследователя в данном случае интересует не только то, о чем вспоминают люди и насколько достоверна сообщаемая ими информация, но прежде все-

⁴⁴ Савчук. 2011.

⁴⁵ Нарский 2008. С. 486-487.

⁴⁶ Кукулин 2008. С. 223-224.

го – то, какая ментальная картина мира, «культурные коды, система представлений и ценностей “маленького человека”» встает за его воспоминаниями⁴⁷. Как комментирует И.Л. Щербакова, «это представляет вечную проблему правды и лжи в воспоминаниях в несколько ином свете. Сегодня нам уже не так важно доказать, что то, что человек пишет, неправда... Гораздо более существенно понять, почему он лжет, какие у него срабатывают механизмы вытеснения и самооправдания. Почему он именно так, а не иначе, моделирует свою биографию»⁴⁸...

Итак, что же стремится выявить современный историк, обратившись к изучению исторической памяти? Какова проблематика и «вопросник» этих исследований?

Обобщающим исследованием по «мемориальной тематике», освещающим всю историю нашей страны, является книга А.С. Святославского «История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов». С тематической точки зрения эта работа посвящена исключительно истории коммеморации (культуры намеренного увековечения), воплощенной в «недвижимых объектах рукотворной среды обитания» – мемориалах, памятниках, некрополях; хронологически она охватывает огромный период – от Киевской Руси до наших дней. Организующим принципом исследования служит концепция «ряда социокультурных парадигм», или «парадигм памяти», сменявших друг друга на протяжении многих веков; каждой из этих парадигм памяти присущи свои формы коммеморации, свои представления о том, что/кто подлежит увековечению, свои организаторы и инициаторы коммемораций, наконец, свой художественный стиль.

Каждый период российской истории, по Святославскому, характеризовался не однозначным преобладанием той или другой парадигмы, а скорее соперничеством или «причудливым сплетением» нескольких разных парадигм: так, период Древней Руси и Московского царства был временем формирования церковно-православной и народно-бытовой парадигм памяти; для имперской эпохи было характерно смешение классицистической и церковно-православной парадигм; в советскую эпоху установка на инновационность культуры вступала в противоречие с традиционными формами коммемораций, унаследованных от имперского периода; наконец, монументальное искусство современности предстает как «среда, в которой православные, античные, советские и разного рода эклектические модернистские формы причудливо спле-

⁴⁷ Нарский 2001.

⁴⁸ Щербакова 2004. С. 184.

лись... нередко потеряв в массовом сознании (да и в сознании самих авторов...) изначальный смысл»⁴⁹. В основе же любой «парадигмы памяти», как убежден Святославский, заложены определенные мировоззренческие установки – представления о жизни, смерти и бессмертии⁵⁰.

В целом ряде работ в фокусе исследовательского внимания оказываются **временные структуры памяти**: темпоральная глубина исторической памяти той или иной группы респондентов; наличие «разрывов» и «пробелов» в их картине прошлого; представления респондентов о грани между «раньше» и «теперь»; восприятие ими хода времени.

Так, в монографии И.Е. Козновой предпринята попытка выявить временные структуры социальной памяти российского крестьянства. Изучив воспоминания и свидетельства, записанные на протяжении четырех различных исторических периодов: 1920-х, 1930–1940-х, 1950–1960-х и, наконец, 1990-х гг., исследователь приходит к выводу, что «у крестьянства в XX в. – *собственное историческое время*», которое формируется оппозицией «раньше» и «теперь». При этом крестьянская память редко «опускается глубже самого XX века». Граница между «раньше» и «теперь» в крестьянской памяти является подвижной, а прошлое подвергается мифологизации: в 1920-е годы крестьяне вспоминали дореволюционную жизнь как «золотой век», в 1930-е годы как «золотой век» воспринималось время нэпа, в 1950-е гг. в роли «золотого века» в крестьянской памяти выступала довоенная пора, а в 1990-е гг. роль «золотого века» перешла к брежневскому периоду. Но в любом случае, подчеркивает исследователь, образы «раньше» и «теперь» в крестьянской памяти несут этическую, эстетическую и даже онтологическую нагрузку: «раньше» воспринимается как синоним «прочности, устойчивости, порядка», «чистоты и красоты», «теперь» – как время распада моральных ориентиров и социальных связей⁵¹. В работе О.Ф. Шаталовой о памяти белорусских крестьян (написанной по проведенным в 2002–2004 гг. опросам людей 1907–1931 годов рождения) сделан вывод, что прошлое в памяти этой социальной группы предстает как череда пережитых трагедий и катастроф; в их ряду – Первая мировая война, распад империи и «приход Советов», репрессии, Вторая мировая война, взрыв на Чернобыльской АЭС, распад СССР. Каждое такое событие, доказывает исследовательница, воспринималось крестьянами как «апокалиптическое», поскольку каждое из

⁴⁹ Святославский 2013. С. 462.

⁵⁰ Святославский 2013. С. 462-463.

⁵¹ Кознова. 2000. С. 115-128, 161-170, 182-188 и др.

них приводило к необратимым переменам, вынуждало менять адаптационные практики и жизненный ритм, формировало привычку «подсознательно готовиться к возможно худшим жизненным перспективам»⁵². Представления российских и белорусских крестьян о ходе истории, как их воссоздают ученые, оказываются полностью противоположны привычным стандартам «прогрессистского» мышления.

Важные выводы о темпоральных структурах памяти современного российского общества сделаны в работах Л.Д. Гудкова и Б.В. Дубина, построенных на материалах социологических опросов. Так, в исследованиях Б.В. Дубина (выполненных на сравнительных данных опросов 1989, 1994, 1999, 2003 гг.) воссоздается «конструкция культурного времени россиян», «представленная и зафиксированная мерами и метками общего, пережитого сообща времени». Как отмечает социолог, «началом» этого общего времени в массовом сознании является Октябрьская революция, «концом» – распад СССР и последовавшая за ним чеченская война; фокусирующей точкой, смысловым центром всей темпоральной конструкции является победа в Великой Отечественной войне; а в качестве «золотого века», «лучшего времени», в котором респондентам хотелось бы жить, выступает брежневский период⁵³. Сходная картина возникает и в других исследованиях: так, «по данным В.Э. Бойкова (2002), полученным в результате опроса 2400 респондентов в 26 субъектах РФ, было выяснено, что наша историческая память, во-первых, неглубока (все упомянутые респондентами события и исторические деятели относятся к периоду с начала XVIII века), во-вторых, тематически ориентирована на военные победы (23% респондентов сообщили, что главным объектом национальной гордости является победа над фашизмом)»⁵⁴. И.В. Нарский также констатирует, что «в большинстве случаев семейная память в современной России простирается лишь до рубежа XIX-XX веков, реже – до середины XIX в., в исключительно редких случаях... – до конца XVIII столетия»; он объясняет это «драматичным ростом социальной подвижности и падением значения родственных связей» на протяжении XX века⁵⁵. Во всех этих случаях анализ темпоральных структур исторической памяти позволяет понять логику формирования коллективной идентичности и ценностных ориентиров современных россиян.

⁵² Шаталова 2010.

⁵³ Дубин 2004.

⁵⁴ Нуркова 2009. С. 16.

⁵⁵ Нарский 2008. С. 481-482.

Коммеморативные практики, способствующие сохранению и трансляции исторической памяти, исследуются в трудах современных ученых в различных аспектах. В целом ряде исследований историческая память трактуется как акт коммуникации – «горизонтальной»/синхронической (между представителями одного поколения, носителями одной культуры) или «вертикальной»/диахронической (между разными поколениями, от старших к младшим). В таких случаях исследователи выделяют «отправителя», «транслятора» воспоминаний о прошлом – и их «получателя», «реципиента»; «рассказчика» и его «аудиторию»⁵⁶. Так, исследования, посвященные семейной памяти (работы С.А. Чуйкиной, И.В. Нарского, В.В. Нурковой и др.), непременно содержат анализ тех практик, которые позволяли передавать эту память от поколения к поколению. В числе таких практик – сохранение домашних архивов и фамильных реликвий, ведение семейных хроник, «семейные сборы» по поводу радостных или скорбных событий, оформление семейных фотоальбомов и особые ритуалы их просмотра, сопровождающегося рассказами-комментариями (без рассказа смысл изображения остается недоступным), трансляция культурных навыков и моральных норм со ссылками на опыт старших поколений и т.д.⁵⁷. С.А. Чуйкина подчеркивает, что именно благодаря таким повседневым практикам в течение XX в. смогла сохраниться социальная память «дворян в советском городе» – сообщества, потерявшего институциональные возможности воспроизводства⁵⁸. С другой стороны, в ее монографии предметом исследования становятся и стратегии «забвения» и «редактирования прошлого», использовавшиеся, чтобы скрыть свое «нежелательное» происхождение: вынужденные миграции, потеря и подделка документов, смена фамилии, приобретение фиктивной биографии, уничтожение документов и вещей, свидетельствующих о символическом статусе семьи, разрыв с родственниками и друзьями, «фигуры умолчания» в общении с младшими поколениями⁵⁹. Таким образом, в исследовании Чуйкиной анализ структур памяти вплетен в социально-исторический контекст, в историю ресоциализации – «жизненной переориентации индивида, его переключения на иной образ жизни и разрыв прежних социальных связей»⁶⁰; обращение к коммеморативным сюжетам позво-

⁵⁶ Свирепо 2004; Хубова 2004.

⁵⁷ Нурков. 2006; Нарский 2008.

⁵⁸ Чуйкина 2006. С. 174-178.

⁵⁹ Чуйкина 2006. С. 159-178.

⁶⁰ Ровный 2004. С. 46-47.

ляет выявить два кардинально различных сценария ресоциализации «бывших» в советском обществе.

Исследования, посвященные социальной памяти корпоративных сообществ (в частности, университетского сообщества), также выявляют набор практик, использовавшихся для сохранения и трансляции памяти. Среди таких практик, выделенных коллективом исследователей на примере Казанского университета, – написание «университетской истории», публичные празднования юбилейных дат, ритуалы чествования и поминовения значимых персон, преемственность корпоративной символики и эмблематики, наделение символическим значением отдельных элементов университетского пространства, обретающих таким образом статус «мест памяти», а также передача из уст в уста корпоративных мифов и преданий, произведений студенческого фольклора, сленга, суеверий и т.д. В результате университетская культура предстает как «плотная паутина значений и смыслов, которые передаются из поколения в поколение многочисленными каналами связи» – официальными и неформальными, но не менее действенными⁶¹.

В ряде недавно опубликованных исследований М.В. Ковалева, В.Ю. Волошиной, Н.Н. Алеврас предметом анализа стали формы сохранения коллективной памяти в русской эмиграции «первой волны»⁶². Несомненно, что эмигрантское сообщество во многом было объединено вокруг общих воспоминаний и общей утраты, равно как вокруг задачи «сохранения национальной идентичности в условиях инонационального и инокультурного окружения». Осознание этой задачи и превращало эмигрантов «первой волны» в особое «воображаемое сообщество», в «Русское Зарубежье»⁶³. В поисках ответа на вопрос, как именно конституировалось это чувство общности, современные историки исследуют «места памяти» эмигрантского сообщества (разнообразные исторические праздники, юбилеи и памятные даты); образы различных эпох и событий отечественной истории в восприятии эмигрантов; «фигуры умолчания» эмигрантской памяти (болезненные воспоминания о революции и гражданской войне); наконец, «конфликты памяти» – ситуации, когда одни и те же события или фигуры исторического прошлого в восприятии разных групп эмигрантов приобретали разное смысловое наполнение. В работах М.В. Ковалева и В.Ю. Волошиной приводятся примеры как «успешных» коммеморативных акций, способствовавших

⁶¹ Вишленкова, Малышева, Сальникова 2005. С. 496.

⁶² Волошина 2010; Ковалев 2012; Алеврас 2008; Алеврас, Гришина 2004.

⁶³ Ковалев 2012. С. 240-241.

интеграции эмигрантского сообщества, так и «неудачных» коммемораций, замеченных лишь в узком кругу и имевших субкультурный характер. При этом сюжеты, связанные с изучением коммемораций, рассмотрены в ряду других практик социальной адаптации в новой среде.

В рассмотренных исследованиях коммуникативные практики анализируются и как способ трансляции социально значимых воспоминаний, и как средство сохранения символической целостности сообщества; подчеркивается, что в случае утраты коммеморативных практик происходит разрыв связей между поколениями. Челябинские историки в результате изучения современной семейной памяти сделали вывод, что в XX веке «нормальная структура воспоминаний» старшего поколения россиян (как и старшего поколения европейцев в целом) «была в значительной степени нарушена политическими катаклизмами»; что поэтому, в условиях «дефицита памяти», все более существенную роль играют «сконструированные властью институты и практики формирования коллективных воспоминаний», которые «транслируют индивидуальной памяти устойчивое собрание внешних стереотипов и образов»⁶⁴.

Изучение исторической памяти предполагает и такую познавательную процедуру, как исследование **дискурсивных структур памяти**, то есть способов повествования о событиях прошлого и стратегий организации такого рассказа. Изучение дискурсивных структур предполагает разные направления исследования: историка может заинтересовать, например, каким образом организован нарратив, как выбраны «узловые» или «ключевые» события повествования и в какой «сюжет» (по терминологии Хейдена Уайта) они складываются⁶⁵. Так, через целый ряд исследований красной нитью проходит противопоставление двух «языков памяти» о Великой Отечественной войне: «официально-героического», «казенного», «государственно ориентированного» – и «живого», «личного», «лично ориентированного». Как подчеркивают исследователи, если в рамках «официального» дискурса память о войне выступает как инструмент государственного строительства (в полном соответствии с классическими концепциями Э. Хобсбаума и Б. Андерсона), то в русле «личного», «лично ориентированного» дискурса воспоминания о войне являются способом преодоления травматической реакции на испытания военного времени, на страдания и смерть близких⁶⁶.

⁶⁴ Нагорная 2004.

⁶⁵ Репина 2008. С. 15; Савельева, Полетаев 2008. С. 88-99.

⁶⁶ Булыгина 2010.

В современной российской историографии по-прежнему актуальными остаются проблемы, поставленные еще Светланой Алексиевич: как и почему один и тот же человек может рассказывать об одних и тех же событиях прошлого совершенно по-разному, в официально-безличном или же доверительно-исповедальном ключе; как при изменении манеры повествования изменяются смысловые акценты и само содержание воспоминаний⁶⁷. Практически все исследователи, работавшие с устной памятью старших поколений россиян, констатировали феномен своеобразного «двоемыслия», ситуационного «переключения» вспоминающего человека с одного дискурса на другой, с «официального» на «личный» и наоборот – в зависимости от «адресной аудитории» и «культурных функций» повествования⁶⁸.

Таким образом, изучение дискурсивных структур также выводит на проблемы социальных рамок памяти. Во-первых, оно позволяет понять, что память о прошлом по сути своей диалогична, что воспоминания о прошлом всегда предполагают (пусть в скрытой форме) «идеального слушателя», к которому обращен рассказ. Во-вторых, при изучении таких сюжетов можно наглядно проследить, как официальные дискурсы памяти трансформируют личные воспоминания; или, напротив, как обращение к личным пластам памяти позволяет разрушить монолитность официального дискурса.

Анализируя **содержание исторической памяти общества**, исследователи, как правило, оперируют понятиями «образы прошлого» и «исторические мифы». К настоящему времени сформировался целый жанр «исторической имагологии» – исследований, в центре которых находится образ каких-либо ярких исторических персонажей (обычно тех, оценка чьей исторической роли является предметом общественных дискуссий: Александра Невского, Ивана Грозного, Петра Великого, Е.Ф. Азефа, И.В. Сталина и др.)⁶⁹. Предметом исследования при этом могут быть не только индивидуализированные, но и типизированные образы исторической памяти: например, «образ другого» и особенно «образ врага»⁷⁰. Жанр «исторической имагологии» предполагает анализ того, как тот или иной образ эволюционировал во времени, встраиваясь в различные идеологические и историографические

⁶⁷ Алексиевич 1988. С. 75.

⁶⁸ Гудков 2005; Щербакова 2005; Прусс 2005; Кормина 2005; и др.

⁶⁹ Данилевский 2005; Леонтьева 2010; Леонов 2013. С. 191-199; Святославский 2012. С. 288-313; и др.

⁷⁰ Сенявская 2006; Волков 2008.

дискурсы; как изменялась при этом семантическая нагрузка и художественная трактовка образа.

Категория «исторического мифа» или «мифов исторической памяти» на сегодняшний день стала едва ли не ключевой в инструментарии исследователей, занимающихся проблемами исторической памяти; но при этом разные историки вкладывают в это понятие несхожее, порой даже противоположное содержание. С одной стороны, мифологию часто рассматривают как одну из форм архаичного исторического сознания. С другой стороны, под «историческим мифом» могут подразумевать утверждения, которые являются продуктом мистификации или идеологической манипуляции, но воспринимаются обществом в качестве непреложного факта (самый невинный пример – «Екатерина II продала Аляску американцам») ⁷¹. В силу этих причин часть исследователей испытывает потребность ввести какое-либо новое понятие, позволяющее разграничить мифы традиционного общества и мифы общества современного; так, А.Д. Лашевская предлагает термин «фальшструкт» для обозначения мифологизированных представлений о прошлом, целенаправленно созданных в современном массовом обществе и служащих легитимации существующих политических режимов ⁷².

Однако чаще мифы трактуются в ракурсе культурно-антропологического подхода: как способы восприятия реальности, присущие архаичному сознанию, но способные актуализироваться в современных условиях. В таком случае «исторические мифы» выступают в исследованиях как образно-символическое видение прошлого, необходимое для осознания коллективной идентичности того или иного сообщества, репрезентации его целостности, очерчивания его воображаемых границ (в этом же смысле используется понятие «идентификационные мифы»). Классический пример тому – «мифы происхождения» или «мифы сотворения», то есть легендарные или полуполулегендарные представления о происхождении того или иного народа или государства (например, «сарматский миф» как основа нововременной польской идентичности или «кельтский миф» как основа идентичности шотландской) ⁷³.

Как показывают исследования, мифологизации в общественном сознании могут подвергаться реальные исторические события – при условии, что обращение к этим сюжетам служит способом манифестации ценностей, значимых для какой-либо социальной группы. Так,

⁷¹ Конорев 2012.

⁷² Лашевская 2013.

⁷³ См., напр.: Исторические мифы... 2007.

согласно работам С.Е. Эрлиха, для русской интеллигенции ключевым «идентификационным мифом» является «декабристский миф», основанный на представлении о том, что политическое поражение может обернуться моральной победой⁷⁴. Как показали в своих исследованиях Б.В. Дубин, Л.Д. Гудков, Н.Е. Копосов и др., в сознании современного российского общества в качестве «мифа происхождения» выступает память о Великой Отечественной войне, причем именно в форме официального мифа о войне, основные дискурсы, коммеморативные практики и «институциональная инфраструктура» которого сложились в 1960–1970-е гг.⁷⁵ Социокультурные механизмы мифологизации реального исторического события или же, напротив, «демифологизации», развенчания события и его героев, подробно изучались в работах П.И. Гришанина, С.Ю. Малышевой, В.В. Нурковой, С.Е. Эрлиха⁷⁶.

Наличие в общественном сознании диаметрально противоположных образов прошлого и различных «исторических мифов», сложившихся вокруг одних и тех же событий и персонажей, может свидетельствовать о противоборстве нескольких моделей и сценариев коллективной идентичности. В своем исследовании об исторической памяти в российской культуре XIX – начала XX в. я стремилась изучить пути взаимодействия исторической науки и художественной культуры при создании образов прошлого, а также выявить, как происходила мифологизация этих образов в общественном сознании. Это позволило выделить несколько «проектов коллективной идентичности», соперничавших в общественной мысли России XIX – начала XX в.: важнейшие из них – династический, основанный на традиционной преданности правящему дому; национальный, предполагающий понимание истории как воплощения творческого духа нации; наконец, демократически-народнический проект, основанный на противопоставлении народной Правды и «неправды» существующего социального строя. Каждый из этих проектов идентичности был связан с определенным типом исторического повествования, пантеоном исторических героев, мифов и символов, славных дат и «мест памяти»⁷⁷.

Тема «идентификационных мифов» часто вплетается в изучение официальных коммеморативных практик, инициатором и главным

⁷⁴ Эрлих 2006. С. 79-90.

⁷⁵ Тощенко 2000; Гудков 2005; Дубин 2004; 2008; 2011. С. 47-69; Копосов 2011. С. 91-108, 163-167, 263-264.

⁷⁶ Нуркова 2001; Гришанин 2008; Малышева 2005; Эрлих 2006; 2009.

⁷⁷ Леонтьева 2011.

действующим лицом которых являются государственные структуры; цель исследователя в таком случае состоит в том, чтобы выявить, какое видение прошлого и какие сценарии коллективной идентичности государство диктует своим гражданам⁷⁸. В исследовании С.Ю. Малышевой организация «революционных празднеств» в первое десятилетие Советской власти предстает как мощное средство формирования новой идентичности, насаждения новой «исторической мифологии» и создания нового семантического поля, «в рамках и в понятиях которого мыслил исторический процесс рядовой советский гражданин»⁷⁹.

В то же время, замечает Е.В. Волков, «инициируют мифы “верхи”, но они утверждаются в обществе только тогда, когда “низы” их принимают... Если “низы” отвергают миф, они отвечают молчанием или его высмеиванием. Для укоренения мифа в обществе необходимы два важных обстоятельства: насыщенный поток текстов и актуальность ключевых идей мифа»⁸⁰. Как показано И.В. Нарским на примере населения Урала в годы гражданской войны, усилия государства по насаждению новой коллективной памяти оказываются успешными именно в тех ситуациях, когда само общество дезориентировано и деморализовано, а прежние базовые представления о мире утрачивают убедительность. В такой ситуации «культура воспоминания (мнемотехника) общества» превращается в одну из «техник выживания»: «новая историческая мифология» позволяет осуществить сублимированное вытеснение «прозаического кошмара прошлого», предлагает систему ориентиров в настоящем и рождает надежду дожить до лучшего будущего. В результате семена новых мифов попадают на благоприятную почву, и «на обломках живой биографической памяти возводится помпезный монумент памяти культурной»⁸¹.

Таким образом, исследования, посвященные структурам, практикам или же содержанию памяти, выводят нас на ключевую проблему «историографии памяти» – на вопрос о том, как общество «осваивает» свое прошлое: принимает или отвергает, гордится или стыдится, стремится понять прошлое, чтобы примириться с ним, – или понять, чтобы не допустить его повторения.

Центральной проблемой целого ряда современных исследований являются так называемые **«стратегии памяти»** или **«мнемонические**

⁷⁸ Цимбаев 2012; Булыгина, Кожемяко 2012.

⁷⁹ Малышева 2008.

⁸⁰ Волков С. 19.

⁸¹ Нарский 2004; 2001. С. 390-442.

стратегии» – пути трансформации воспоминаний в рамках социальной памяти. В некоторых случаях речь идет о трансформации, которой подвергается тот или иной фрагмент индивидуальных воспоминаний, чтобы занять свое место (как кусочек мозаики) в повествовании об «общем прошлом». Работа памяти предстает как процесс селекции событий и их деталей, их «объективизации», «типизации», «обезличивания», «группирования и обобщения» – в соответствии с явной или скрытой схемой их интерпретации⁸².

В других случаях под «сценариями памяти» исследователи понимают более масштабное явление – внутреннюю логику формирования представлений о прошлом, направленную на утверждение того или иного типа коллективной идентичности, на то, «чтобы от имени прошлого санкционировать определенные образцы поведения, установки, оценки в настоящем и, еще более широко, в будущем, с проекцией в будущее»⁸³. В числе таких «сценариев» выделяют «героизацию» или «виктимизацию» прошлого, «рессентимент» и «ностальгию», «нормализацию прошлого», и, наконец, «проработку прошлого».

Героизация (или «гlorификация») прошлого является востребованной в периоды формирования национально-государственных мифологий; официальный «большой нарратив» нации или государства строится в данном случае как рассказ о великих событиях и славных свершениях, а память об этих событиях приобретает сакральный характер. Травматический опыт различных групп, а также сюжеты, связанные с переживанием вины или позора, вытесняются из социальной памяти. Противоположной стратегией памяти по отношению к героизации является «виктимизация» прошлого – восприятие его как череды трагедий, мученичества и «исторических обид»; «виктимная память» также может превратиться в официальную версию прошлого, что ведет к международным «войнам памяти» и взаимным обвинениям⁸⁴.

Другую «пару» взаимно противоположных стратегий памяти составляют ностальгия и рессентимент: «Если в основании ностальгии лежит идеалистически переживаемый образ прошлого, то в основании рессентимента – чувство обиды и негодования, связанные с неким условным фактом этого прошлого»⁸⁵. Изучение феномена ностальгии стало достаточно популярным в последние годы; чаще всего речь идет

⁸² Нагорная 2004. С. 229, 238-239; Гудков 2005. С. 85-86.

⁸³ Дубин. 2008.

⁸⁴ Хмелевская 2014.

⁸⁵ Чикишева. 2012.

о ностальгических переживаниях наших соотечественников в отношении советского прошлого. Ностальгия трактуется в современных исследованиях не просто как тоска по невозвратному прошлому, но как более сложный социокультурный феномен, включающий в себя и «избирательную амнезию в отношении прошлого», и стремление преодолеть фрустрацию, порожденную утратой веры в будущее, и вид социальной игры, нацеленной на создание «воображаемого сообщества» вокруг общих воспоминаний⁸⁶.

В качестве специфической «стратегии памяти» часто выделяют «нормализацию прошлого» - преодоление травматических воспоминаний о трагедиях и жертвах с помощью формулы «все было как у всех, разве что еще труднее». Так, применительно к истории нашей страны стратегия «нормализации» состоит в том, что в современных политических дискурсах советская история «лишается своей исторической специфики как идеологический, политический и социальный опыт» и рассматривается как вариант общего процесса модернизации или же как органическая часть российской национально-государственной истории. Тем самым современная политика пытается «безболезненно переварить опыт недавнего прошлого, сделать его столь же безопасным и бессильным, как та “старина”, с которой мы сталкиваемся в архитектурных заповедниках Кижей или Суздаля», – и использовать советское наследие как «основу для общественного консенсуса, переваривающего любые различия и преодолевающего любые разрывы»⁸⁷.

Наконец, внимание исследователей привлекает такая «стратегия памяти», как «проработка прошлого» или «работа над прошлым». Эта стратегия предполагает широкое научное и общественное обсуждение трудных вопросов прошлого: снятие запрета с табуированных тем, открытие архивов, проведение публичных дискуссий, а в конечном счете – «серьезное философское осмысление... проблемы коллективной вины, памяти и идентичности в обществе, прошедшем через массовый террор»⁸⁸. Смысловым центром стратегии «проработки прошлого» является идея нравственной ответственности человека за все, что происходит с обществом на протяжении его жизни; «работа над прошлым» неразрывно связана с «критической моральной рефлексией»⁸⁹. «Непроработанность» памяти, незавершенность этого процесса,

⁸⁶ Янковская 2004; Чикишева 2013.

⁸⁷ Калинин 2010; Копосов 2011. С. 144-153, 165.

⁸⁸ Эткинд 2004.

⁸⁹ Копосов 2011. С. 129, 207, 227.

как подчеркивают историки и социологи, ведет к ремифологизации прошлого, к социальной пассивности, интеллектуальному и моральному релятивизму⁹⁰.

Именно когда историки или социологи обращаются к проблеме «сценариев памяти», со всей очевидностью проявляется их собственная гражданская позиция: как правило, когда речь заходит о сценарии «проработке памяти», ученый оставляет привычную роль «объективного наблюдателя» и переходит на позицию заинтересованного участника этого процесса. Научный труд, выполненный в русле «историографии памяти», может восприниматься самим ученым и его коллегами по цеху как вклад в социально значимую «работу над прошлым».

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что мемориальный поворот в отечественной науке оказался достаточно плодотворным. Говорить о сложившемся исследовательском консенсусе в данной сфере едва ли возможно, но и оценка отечественных исследований памяти как «раскрошенной историографии» представляется излишне пессимистической: общность подходов просматривается и в выборе источников, на материале которых осуществляются исследования, и в выборе методов анализа, и в понятийном аппарате работ (несмотря на широкий диапазон трактовки некоторых важных терминов).

Изучение исторической памяти в современной отечественной науке интенсивно развивается в нескольких направлениях. Одно из этих направлений связано с исследованием памяти той или иной группы в контексте ее социальных практик – таких, как социализация и ресоциализация, «тактики выживания» в экстремальных ситуациях, «горизонтальная» и «вертикальная» коммуникация. Характерной темой исследований, выполненных в этом русле, является тема травматического опыта и «проработанности» исторических травм. Другое направление ориентировано на выявление внутренней логики, структуры картин «общего прошлого»: здесь в фокусе внимания исследователя находятся «образы прошлого», «исторические мифы», темпоральные структуры памяти. Ключевым элементом, позволяющим воссоединить два этих направления в едином проблемном поле, является категория идентичности. Большая часть упомянутых выше исследователей стремится рассматривать коллективную идентичность в развитии, подчеркивая, что в ее формировании можно выделить сменяющиеся «сценарии», «парадигмы» и «стратегии». Сквозной темой целого ряда исследований явля-

⁹⁰ Глебова 2009; Дубин 2004.

ется проблема взаимодействия различных субъектов памяти – прежде всего «власти» и «общества» – в формировании коллективной идентичности, а также причин успеха или же провала различных «мемориальных стратегий». Наконец, характерной чертой историографии памяти является активная, «включенная» позиция историка по отношению к предмету своего исследования, нехарактерная для классической историографии. Изучение исторической памяти выступает в таком случае как акт и личностной, и социально значимой рефлексии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адамович А.М., Гранин Д.А.* Блокадная книга. М.: Советский писатель, 1982. 432 с.
- Алеврас Н.Н.* Революция в диалогах эмигрантов о прошлом и будущем России // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 711-733.
- Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* «Историческая правда» и «домыслы историка»: Ключевский и его школа в окуляре критики историков-эмигрантов 20-30-х гг. // Век памяти, память века: Опыт общения с прошлым в XX столетии. Сб. статей / под ред. И.В. Нарского, О.С. Нагорной, О.Ю. Никоновой, Ю.Ю. Хмелевской. Челябинск: Изд-во «Каменный пояс», 2004. С. 111-125.
- Алексиевич С.* У войны не женское лицо. Последние свидетели. М.: Советский писатель, 1988. 368 с.
- Антощенко А.В.* Увековечивая в бронзе: правительственный замысел памятника «Тысячелетию России» и его воплощение // Феномен прошлого / Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 396-418.
- Бордюгов Г.А.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М.: АИРО-XXI, 2011. 256 с.
- Булыгина Т.А.* Модели исторической памяти в воспоминаниях о войне // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1 / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2010. С. 5-19.
- Булыгина Т.А., Кожемяко Т.Н.* Историческая память и юбилей в России в XX–XXI веках // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6 / под ред. А.В. Гладышева, Т.А. Булыгиной. Саратов; Ставрополь: Сарат. гос. ун-т; СКФУ, 2012. С. 63-76.
- Васильев А.Г.* Современные memory studies и трансформация классического наследия // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 19-23.
- Век памяти, память века: Опыт общения с прошлым в XX столетии. Сб. статей / под ред. И.В. Нарского, О.С. Нагорной, О.Ю. Никоновой, Ю.Ю. Хмелевской]. Челябинск: Изд-во «Каменный пояс», 2004. 544 с.
- Вишленкова Е., Дмитриев А.* Удобное прошлое для одной корпорации: постсоветские университеты в поисках классического статуса // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 7. М.: РГГУ, 2010. С. 381-395.
- Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А.* История университета как история памяти корпорации // Ab Imperio. 2004. № 3.
- Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А.* Университет как память и как знание // Диалог со временем. 2007. Вып. 18. С. 35-67.

- Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. 500 с.
- Волков Е.В. «Гидра контрреволюции». Белое движение в культурной памяти советского общества. Челябинск: Челябин. Дом печати, 2008. 392 с.
- Волошина В.Ю. Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории». Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 219 с.
- Глебова И.И. Историческая память в современной России: История и историк в системе общественных ограничений. Интервью // Труды по россиеведению: Сб. научн. тр. / РАН, ИНИОН. Центр россиеведения; Гл. ред. И.И. Глебова. М., 2009. Вып. 2. С. 237-248.
- Гришанин П.И. Белое движение и гражданская война: историческая феноменология и историческая память // Вопросы истории. 2008. № 2. С. 167-172.
- Гудков Л.Д. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / Ред. М. Габович. М.: НЛЮ, 2005. С. 83-103.
- Данилевский И.Н. Александр Невский: парадоксы исторической памяти // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 119-132.
- Данилова Н. Мемориальная версия Афганской войны (1979-1989 годы) // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / Ред.-сост. М. Габович. М.: НЛЮ, 2005. С. 241-261.
- Детство 45-53: А завтра будет счастье / авт.-сост. Л. Улицкая. М.: АСТ, 2013. 538 с.
- Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 21. Специальный выпуск: Исторические мифы и этнонациональная идентичность. М.: ЛКИ, 2007. 416 с.
- Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под редакцией Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. 800 с.
- Дубин Б.В. «Кровавая» война и «великая» победа // Отечественные записки. 2004. № 5 // «Журнальный зал». URL: http://magazines.russ.ru/oz/2004/5/2004_5_5.html
- Дубин Б.В. Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий // Отечественные записки. 2008. № 4 (43). С. 6-21.
- Дубин Б.В. Россия нулевых: политическая культура – историческая память – повседневная жизнь. М.: РОССПЭН, 2011. 391 с.
- Еремеева С.А. Каменные гости: монументальные памятники коммеморации // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом: коллект. моногр. в честь проф. И.М. Савельевой / отв. ред. А.Н. Дмитриев. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 499-532.
- Захаров О.И. Засеивая новое дисциплинарное поле // Диалог со временем. 2013. Вып. 42. С. 386-390.
- Зверева Г.И. Обращаясь к себе: самопознание профессиональной историографии в конце XX века // Диалог со временем. 1999. Вып.1. С. 250-265.
- Империя и нация в зеркале исторической памяти: Сб. статей / Ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М.: Новое издательство, 2011. 416 с.
- Историческая память и диалог культур: сб. материалов Международной молодежной научной школы (Казань, 2012 г.): в 3 т. Т. 1. Казань: Изд-во КНИТУ, 2013. 364 с.

- Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом: коллект. моногр. в честь проф. И.М. Савельевой / отв. ред. А.Н. Дмитриев. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 551 с.
- Историческая политика в XXI веке: Сб. статей / Ред. А. Миллер, М. Липман. М.: НЛЮ, 2012. 648 с.
- Исторические мифы и этнонациональная идентичность // Диалог со временем. 2007. Спецвыпуск 21. 416 с.
- История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6 / под ред. А.В. Гладышева, Т.А. Булыгиной. Саратов; Ставрополь: Саратов. гос. ун-т; СКФУ, 2012. 292 с.
- Калинин И. Ностальгическая модернизация: советское прошлое как исторический горизонт // Неприкосновенный запас. 2010. № 74. С. 6-16.
- Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920-1940 гг.). Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2012. 408 с.
- Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М.: ИФ РАН, 2000. 207 с.
- Коноров С.В. Исторический миф в современном российском обществе: происхождение и социокультурная роль // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 325-333.
- Конрадова Н., Рылеева А. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / Ред.-сост. М. Габович. М.: НЛЮ, 2005. С. 241-261.
- Копосов Н.Е. Память строгого режима: История и политика в России. М.: НЛЮ, 2011. 320 с.
- Кормина Ж., Штырков С. Никто не забыт, ничто не забыто: История оккупации в устных свидетельствах // Память о войне. 2005. С. 195-240.
- Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2011. 336 с.
- Кукулин И. Фотографическое печенье «Мадлен» // Новое литературное обозрение. 2008. № 4 (92). С. 211-224.
- Курилла И. История и память в 2004, 2008 и 2014 годах // Отечественные записки. 2014. № 3 (60). // «Журнальный зал». URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2014/3/4k.html>
- Лашевская А.Д. Миф и фальшструкт как категории анализа исторической памяти // Историческая память и диалог культур. 2013. С. 181-190.
- Леонов М.И. Е.Ф. Азеф в исторической памяти // Историческая память и диалог культур. 2013. С. 191-199.
- Леонтьева О.Б. Власть и народ в зеркале исторических представлений российского общества XIX века // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2010. С. 844-884.
- Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара: «Книга», 2011. 448 с.
- Майер А.С. Московские городские легенды как исторический источник (Историческая память и образ города). Дис. ... канд. истор. наук. М., 2008.
- Майер А.С. Время, события, герои в исторической памяти (на материале московских городских легенд) // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 762-790.

- Мальшиева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань: Рутен, 2005. 400 с.
- Мальшиева С.Ю. Мифологизация прошлого: советские революционные празднества 1917-1920-х годов // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 682-710.
- Нагорная О.С. «Век катастроф» в культурной памяти современного российского общества // Век памяти. 2004. С. 228-241.
- Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 632 с.
- Нарский И.В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство (Автобио-историографический роман). Челябинск: «Энциклопедия», 2008. 516 с.
- Нарский И.В. Конструирование мифа о гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917-1922 гг. // Век памяти. 2004. С. 394-412.
- Нора П. Всемирное торжество памяти // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / Ред. М. Габович. М.: НЛЮ, 2005. С. 391-404.
- Нора П. Эра коммемораций // Нора П., Озуф М., Пюнимеж Ж. де, Винок М. Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 95-148.
- Нуркова В.В. Зеркало с памятью: Феномен фотографии: Культурно-исторический анализ. М.: РГГУ, 2006. 287 с.
- Нуркова В.В. Историческое событие как факт автобиографической памяти // Воображаемое прошлое Америки: История как культурный конструкт. М.: РГГУ, 2001. С. 20-33.
- Нуркова В.В. История как личный опыт // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С. 5–27.
- Нуркова В.В. Совершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во Ун-та РАО, 2000. 320 с.
- Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / Ред.-сост. М. Габович. М.: НЛЮ, 2005. 784 с.
- Поршинева О.С. Методология и методы изучения культурной памяти // Век памяти, память века: Опыт общения с прошлым в XX столетии. 2004. С. 22-37.
- Посохов С.И. О памяти и памятниках в университетской истории // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6 / под ред. А.В. Гладышева, Т.А. Булыгиной. Саратов; Ставрополь: Сарат. гос. ун-т; СКФУ, 2012. С. 117-131.
- Потапова Н. Тема «памяти» в культуре модернизма // Россия XXI. 2012. № 3. С. 86-117; № 4. С. 58-79.
- Про А. Двенадцать уроков по истории / Пер. с фр. Ю.В. Ткаченко. М.: РГГУ, 2000. 336 с.
- Прусс И. Советская история в исполнении современного подростка и его бабушки // Память о войне. 2005. С. 210-221.
- «Работа над прошлым»: XX век в коммуникации и памяти послевоенных поколений Германии и России: сб. статей / Ред. О.С.Нагорная и др. Челябинск: Каменный пояс, 2014. 296 с.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
- Репина Л.П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого. 2005. С. 122-169.

- Репина Л.П. Память о прошлом и история // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 7-18.
- Ровный Б.И. Инструменты исследования коллективной памяти: возможности и искушения // Век памяти, память века. 2004. С. 38-49.
- Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербург. ун-та. 2014. Сер. 2, вып. 2. С. 106-126.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: Теория и история. В 2 т. СПб.: «Наука», 2003. Т.1: Конструирование прошлого. 623 с.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. Обыденные представления о прошлом: эмпирический анализ // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 88-99.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого. 2005.
- Савчук В.С. Анатолий Москаленко и другие. Личные воспоминания историка как источник по проблеме групповой идентичности // Диалог со временем. 2001. Вып. 37. С. 224-254.
- Свирепо О.А. Проблема культурной памяти в свете естественнонаучных представлений / Век памяти. 2004. С. 50-65.
- Святославский А.В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М.: «Древлехранилище», 2013. 592 с.
- Святославский А.В. Трансформация образа И.В. Сталина в коллективной памяти (с 1930-х гг. до современности) // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 288-313
- Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.
- Сенявская Е.С., Сенявский А.С. Историческая память о войнах XX в. как область идейно-политического и психологического противостояния // Отечественная история. 2007. № 2. С. 139-151; № 3. С. 107-121.
- Тоценко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3-14.
- Феномен прошлого / Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. 476 с.
- Фото как хокку / Сост. Б. Акунин. М.: Изд-во «Захаров», 2011. 384 с.
- Хаттон П. История как искусство памяти / Пер. с англ. Ю.В. Быстрова. СПб.: «Владимир Даль», 2003. 423 с.
- Хмельевская Ю.Ю. О меморизации истории и историзации памяти // Век памяти, память века. 2004. С. 7-20.
- Хмельевская Ю.Ю. Поколение как генератор памяти: о «технических» характеристиках, продуктивности и сфере применения // «Работа над прошлым». 2014. С. 27-37.
- Хубова Д.Н. Память для забвения, забвение для памяти? // Век памяти. 2004. С. 66-83.
- Цимбаев К.Н. Реконструкция прошлого и конструирование будущего в России XIX века: опыт использования исторических юбилеев в политических целях // Историческая культура императорской России. 2012. С. 475-498.
- Чикишева А.С. Феномен ностальгии и его проблематизация в современном культурологическом знании // Культурологический журнал. Электр. издание. 2012. № 3 (9). С. 1-9. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/152.html&j_id=11

- Чикишева А.С. Ностальгический миф и формы его репрезентации в пространстве Рунета // Историческая память и диалог культур. 2013. С. 305-314.
- Чуйкина С.А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. 259 с.
- Шаталова О.Ф. «Непреодоленное прошлое»: войны и катастрофы как «места памяти» белорусских крестьян // История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2 / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2010. С. 162-175.
- Щербакова И.Л. Память ГУЛАГа. Опыт исследования мемуаристики и устных свидетельств бывших узников // Век памяти, память века. 2004.
- Щербакова И. Над картой памяти // Память о войне. 2005. С. 195-209.
- Эрлих С.Е. История мифа. («Декабристская легенда» Герцена). СПб.: Алетейя, 2006. 268 с.
- Эрлих С.Е. Метафора мятежа: декабристы в политической риторике путинской России. СПб.: Нестор-История, 2009. 274 с.
- Эткинд А. Столетняя революция: юбилей начала и начало конца // Отечественные записки. 2004. № 5 // URL: http://magazines.russ.ru/oz/2004/5/2004_5_3.html.
- Янковская Г.А. Ностальгия в стиле социалистического реализма в культурной памяти постсоветской России 1990-х гг. // Век памяти. 2004. С. 347-357.

REFERENCES

- Adamovich A.M., Granin D.A. Blokadnaya kniga. M.: Sovetskii pisatel', 1982. 432 s.
- Alevras N.N. Revolyutsiya v dialogakh emigrantov o proshlom i budushchem Rossii // Dialogi so vremenem: Pamyat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L.P. Repinoi. M.: Krug", 2008. S. 711-733.
- Alevras N.N., Grishina N.V. «Istoricheskaya pravda» i «domysly istorika»: Klyuchevskii i ego shkola v okulyare kritiki istorikov-emigrantov 20-30-kh gg. // Vek pamyati, pamyat' veka: Opyt obshcheniya s proshlym v KhKh stoletii. Sb. statei / pod red. I.V. Narskogo, O.S. Nagornoi, O.Yu. Nikonovoi, Yu.Yu. Khmelevskoi. Chelyabinsk: Izd-vo «Kamennyi poyas», 2004. S. 111-125.
- Aleksievich S. U voiny ne zhenskoe litso. Poslednie svideteli. M.: Sovetskii pisatel', 1988. 368 s.
- Antoshchenko A.V. Uvekovechivaya v bronze: pravitel'stvennyi zamysel pamyatnika «Tsyacheletiyu Rossii» i ego voploshchenie // Fenomen proshlogo / Otv. red. I.M. Savel'eva, A.V. Poletaev. M.: Izd. dom GU VShE, 2005. S. 396-418.
- Bordyugov G.A. «Voiny pamyati» na postsovetском prostranstve. M.: AIRO-XXI, 2011. 256 s.
- Bulygina T.A. Modeli istoricheskoi pamyati v vospominaniyakh o voine // Istoriya i istoricheskaya pamyat': mezhvuz. sb. nauch. tr. Vyp. 1 / Pod red. A.V. Gladysheva. Sara-tov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2010. S. 5-19.
- Bulygina T.A., Kozhemyako T.N. Istoricheskaya pamyat' i yubilei v Rossii v KhKh–XXI vekakh // Istoriya i istoricheskaya pamyat': mezhvuz. sb. nauch. tr. Vyp. 6 / pod red. A.V. Gladysheva, T.A. Bulyginoi. Saratov; Stavropol': Sarat. gos. un-t; SKFU, 2012. S. 63-76.
- Vasil'ev A.G. Sovremennye memory studies i transformatsiya klassicheskogo naslediya // Dialogi so vremenem: Pamyat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L.P. Repinoi. M.: Krug", 2008. S. 19-23.

- Vek pamyati, pamyat' veka: Opyt obshcheniya s proshlym v KhKh stoletii. Sb. statei / pod red. I.V. Narskogo, O.S. Nagornoi, O.Yu. Nikonovoi, Yu.Yu. Khmelevskoi]. Chelya-binsk: Izd-vo «Kamennyi poyas», 2004. 544 s.
- Vishlenkova E., Dmitriev A. Udobnoe proshloe dlya odnoi korporatsii: postsovetskie universitety v poiskakh klassicheskogo statusa // Russkaya antropologicheskaya shkola. Trudy. Vyp.7. M.: RGGU, 2010. S. 381-395.
- Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. Istoriya universiteta kak istoriya pamyati korporatsii // Ab Imperio. 2004. № 3.
- Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. Universitet kak pamyat' i kak znanie // Dialog so vremenem. 2007. Vyp. 18. S. 35-67.
- Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. Terra Universitatis: Dva veka universitetskoi kul'tury v Kazani. Kazan': Kazanskii gosudarstvennyi universitet im. V.I. Ul'yanova-Lenina, 2005. 500 s.
- Volkov E.V. «Gidra kontrevolyutsii». Beloe dvizhenie v kul'turnoi pamyati sovetskogo obshchestva. Chelyabinsk: Chelyab. Dom pechati, 2008. 392 s.
- Voloshina V.Yu. Uchenyi v emigratsii: problemy sotsial'noi adaptatsii uchenykh-emigrantov skvoz' prizmu «personal'noi istorii». Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2010. 219 s.
- Glebova I.I. Istoricheskaya pamyat' v sovremennoi Rossii: Istoriya i istorik v sisteme obshchestvennykh ogranichenii. Interv'yu // Trudy po rossievedeniyu: Sb. nauchn. tr. / RAN. INION. Tsentr rossievedeniya; Gl. red. I.I. Glebova. M., 2009. Vyp. 2. S. 237-248.
- Grishanin P.I. Beloe dvizhenie i grazhdanskaya voina: istoricheskaya fenomenologiya i istoricheskaya pamyat' // Voprosy istorii. 2008. № 2. S. 167-172.
- Gudkov L.D. «Pamyat'» o voine i massovaya identichnost' rossiyan // Pamyat' o voine 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa / Red. M. Gabovich. M.: NLO, 2005. S. 83-103.
- Danilevskii I.N. Aleksandr Nevskii: paradoksy istoricheskoi pamyati // «Tsep' vremen»: problemy istoricheskogo soznaniya / Otv. red. L.P. Repina. M., 2005. S. 119-132.
- Danilova N. Memorial'naya versiya Afganskoi voiny (1979-1989 gody) // Pamyat' o voine 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa / Red.-sost. M. Gabovich. M.: NLO, 2005. S. 241-261.
- Detstvo 45-53: A zavtra budet schast'e / avt.-sost. L. Ulitskaya. M.: AST, 2013. 538 s.
- Dialog so vremenem: Al'manakh intellektual'noi istorii. 21. Spetsial'nyi vypusk: Istoricheskie mify i etnonatsional'naya identichnost'. M.: LKI, 2007. 416 s.
- Dialogi so vremenem: Pamyat' o proshlom v kontekste istorii / Pod redaktsiei L.P. Repinoi. M.: Krug", 2008. 800 s.
- Dubin B.V. «Krovavaya» voina i «velikaya» pobeda // Otechestvennye zapiski. 2004. № 5 // «Zhurnal'nyi zal». URL: http://magazines.russ.ru/oz/2004/5/2004_5_5.html
- Dubin B.V. Pamyat', voina, pamyat' o voine. Konstruirovaniye proshlogo v sotsial'noi praktike poslednikh desyatiletii // Otechestvennye zapiski. 2008. № 4 (43). S. 6-21.
- Dubin B.V. Rossiya nulevykh: politicheskaya kul'tura – istoricheskaya pamyat' – povsednevnyaya zhizn'. M.: ROSSPEN, 2011. 391 s.
- Eremeeva S.A. Kamennye gosti: monumental'nye pamyatniki kommemoratsii // Istoricheskaya kul'tura imperatorskoi Rossii: formirovaniye predstavlenii o proshlom: kollekt. monogr. v chest' prof. I.M. Savel'evoi / otv. red. A.N.Dmitriev. M.: Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki, 2012. S. 499-532.

- Zakharov O.I. Zaseivaya novoe distsiplinarnoe pole // Dialog so vremenem. 2013. Vyp. 42. S. 386-390.
- Zvereva G.I. Obrashchayas' k sebe: samopoznanie professional'noi istoriografii v kontse XX veka // Dialog so vremenem. 1999. Vyp.1. S. 250-265.
- Imperiya i natsiya v zerkale istoricheskoi pamyati: Sb. statei / Red.-sost. I. Gerasimov, M. Mogil'ner, A. Semenov. M.: Novoe izdatel'stvo, 2011. 416 s.
- Istoricheskaya pamyat' i dialog kul'tur: sb. materialov Mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchnoi shkoly (Kazan', 2012 g.): v 3 t. T. 1. Kazan': Izd-vo KNITU, 2013. 364 s.
- Istoricheskaya kul'tura imperatorskoi Rossii: formirovanie predstavlenii o proshlom: kollekt. monogr. v chest' prof. I.M. Savel'evoi / otv. red. A.N. Dmitri-ev. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2012. 551 s.
- Istoricheskaya politika v XXI veke: Sb. statei / Red. A. Miller, M. Lipman. M., 2012. 648 s.
- Istoricheskie mify i etnonatsiona'naya identichnost' // Dialog so vremenem. 2007. Spetsvypusk 21. 416 s.
- Istoriya i istoricheskaya pamyat': mezhvuz. sb. nauch. tr. Vyp. 6 / pod red. A.V. Gladysheva, T.A. Bulyginoi. Saratov; Stavropol': Sarat. gos. un-t; SKFU, 2012. 292 s.
- Kalinin I. Nostal'gicheskaya modernizatsiya: sovetskoe proshloe kak istoricheskii gori-zont // Neprikosnovennyi zapas. 2010. № 74. S. 6-16.
- Kovalev M.V. Russkie istoriki-emigranty v Prage (1920-1940 gg.). Saratov: Sarat. gos. tekhn. un-t, 2012. 408 s.
- Koznova I.E. XX vek v sotsial'noi pamyati rossiiskogo krest'yanstva. M., 2000. 207 s.
- Konorev S.V. Istoricheskii mif v sovremennom rossiiskom obshchestve: proiskhozhdenie i sotsiokul'turnaya rol' // Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoi pamyati / Pod red. L.P. Repinai. M.: IVI RAN, 2011. S. 325-333.
- Konradova N., Ryleeva A. Geroi i zhertvy. Memorialy Velikoi Otechestvennoi // Pamyat' o voine 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa / Red.-sost. M. Gabovich. M.: NLO, 2005. S. 241-261.
- Koposov N.E. Pamyat' strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii. M., 2011. 320 s.
- Kormina Zh., Shtyrkov S. Nikto ne zabyt; nichego ne zabyto: Istoriya okkupatsii v ustnykh svidetel'stvakh // Pamyat' o voine. 2005. S. 195-240.
- Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoi pamyati / Pod red. L.P. Repinai. M.: IVI RAN, 2011. 336 s.
- Kukulin I. Fotograficheskoe pechen'e «Madlen» // Novoe literaturnoe obozrenie. 2008. № 4 (92). S. 211-224.
- Kurilla I. Istoriya i pamyat' v 2004, 2008 i 2014 godakh // Otechestvennye zapiski. 2014. № 3 (60). // URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2014/3/4k.html>
- Lashevskaya A.D. Mif i fal'shstrukt kak kategorii analiza istoricheskoi pamyati // Istoricheskaya pamyat' i dialog kul'tur. 2013. S. 181-190.
- Leonov M.I. E.F. Azef v istoricheskoi pamyati // Istoricheskaya pamyat' i dialog kul'tur. 2013. S. 191-199.
- Leont'eva O.B. Vlast' i narod v zerkale istoricheskikh predstavlenii rossiiskogo obshchestva XIX veka // Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya: Rossiya – Vostok – Zapad / Pod red. L.P. Repinai. M.: Krug", 2010. S. 844-884.
- Leont'eva O.B. Istoricheskaya pamyat' i obrazy proshlogo v rossiiskoi kul'ture XIX – nachala KhKh vv. Samara: «Kniga», 2011. 448 s.
- Maier A.S. Moskovskie gorodskie legendy kak istoricheskii istochnik (Istoricheskaya pamyat' i obraz goroda). Dis. ... kand. istor. nauk. M., 2008.

- Maier A.S. Vremya, sobytiya, geroi v istoricheskoi pamyati (na materiale moskovskikh gorodskikh legend) // Dialogi so vremenem: Pamyat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L.P. Repinoi. M.: Krug", 2008. S. 762-790.
- Malysheva S.Yu. Sovetskaya prazdnichnaya kul'tura v provintsii: prostranstvo, simvoly, istoricheskie mify (1917–1927). Kazan': Ruten, 2005. 400 s.
- Malysheva S.Yu. Mifologizatsiya proshlogo: sovetskie revolyutsionnye prazdnestva 1917-1920-kh godov // Dialogi so vremenem: Pamyat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L.P. Repinoi. M.: Krug", 2008. S. 682-710.
- Nagornaya O.S. «Vek katastrof» v kul'turnoi pamyati sovremennogo rossiiskogo obshchestva // Vek pamyati. 2004. S. 228-241.
- Narskii I.V. Zhizn' v katastrofe. Budni naseleniya Urala v 1917-1922 gg. M.: ROS-SPEN, 2001. 632 s.
- Narskii I.V. Fotokartochka na pamyat': Semeinye istorii, fotograficheskie poslaniya i sovetskoe detstvo (Avtbio-istoriograficheskii roman). Chelyabinsk: «Entsiklopediya», 2008. 516 s.
- Narskii I.V. Konstruirovaniye mifa o grazhdanskoj voine i osobennosti kollektivno-go zabyvaniya na Urale v 1917-1922 gg. // Vek pamyati. 2004. S. 394-412.
- Nora P. Vsemirnoe torzhestvo pamyati // Pamyat' o voine 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa / Red. M. Gabovich. M.: NLO, 2005. S. 391-404.
- Nora P. Era kommemoratsii // Nora P., Ozuf M., Pyuimezh Zh. de, Vinok M. Frantsiya-pamyat'. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. S. 95-148.
- Nurkova V.V. Zerkalo s pamyat'yu: Fenomen fotografii: Kul'turno-istoricheskii analiz. M.: RGGU, 2006. 287 s.
- Nurkova V.V. Istoricheskoe sobyitie kak fakt avtobiograficheskoi pamyati // Voobrazhaemoe proshloe Ameriki: Istoriya kak kul'turnyi konstrukt. M.: RGGU, 2001. S. 20-33.
- Nurkova V.V. Istoriya kak lichnyi opyt // Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii. 2009. № 1. S. 5–27.
- Nurkova V.V. Sovershennoe prodolzhaetsya: psikhologiya avtobiograficheskoi pamyati lichnosti. M.: Izd-vo Un-ta RAO, 2000. 320 s.
- Pamyat' o voine 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa / Red.-sost. M. Gabovich. M.: NLO, 2005. 784 s.
- Porshneva O.S. Metodologiya i metody izucheniya kul'turnoi pamyati // Vek pamyati, pamyat' veka: Opyt obshcheniya s proshlym v KhKh stoletii. 2004. S. 22-37.
- Posokhov S.I. O pamyati i pamyatnikakh v universitetskoi istorii // Istoriya i istoricheskaya pamyat': mezhvuz. sb. nauch. tr. Vyp. 6 / pod red. A.V. Gladysheva, T.A. Bulyginoi. Saratov; Stavropol': Sarat. gos. un-t; SKFU, 2012. S. 117-131.
- Potapova N. Tema «pamyati» v kul'ture modernizma // Rossiya XXI. 2012. № 3. S. 86-117; № 4. S. 58-79.
- Pro A. Dvenadtsat' urokov po istorii / Per. s fr. Yu.V. Tkachenko. M.: RGGU, 2000. 336 s.
- Pruss I. Sovetskaya istoriya v ispolnenii sovremennogo podrostka i ego babushki // Pamyat' o voine. 2005. S. 210-221.
- «Rabota nad proshlym»: KhKh vek v kommunikatsii i pamyati poslevoennykh pokolenii Germanii i Rossii: sb. statei / Red. O.S.Nagornaya i dr. Chelyabinsk: Kamennyi poyas, 2014. 296 s.
- Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX-XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: Krug", 2011. 560 s.

- Repina L.P. Kontseptsii sotsial'noi i kul'turnoi pamyati v sovremennoi istoriografii // Fenomen proshlogo. 2005. S. 122-169.
- Repina L.P. Pamyat' o proshlom i istoriya // Dialogi so vremenem: Pamyat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L.P. Repinoi. M.: Krug", 2008. S. 7-18.
- Rovnyi B.I. Instrumenty issledovaniya kollektivnoi pamyati: vozmozhnosti i iskushe-niya // Vek pamyati, pamyat' veka. 2004. S. 38-49.
- Rostovtsev E.A., Sosnitskii D.A. Napravleniya issledovaniy istoricheskoi pamyati v Rossii // Vestnik Sankt-Peterburg. un-ta. 2014. Ser. 2, vyp. 2. S. 106-126.
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Znanie o proshlom: Teoriya i istoriya. V 2 t. SPb.: «Nauka», 2003. T.1: Konstruirovaniye proshlogo. 623 s.
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Obydennyye predstavleniya o proshlom: empiricheskii analiz // Dialogi so vremenem: Pamyat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L.P. Repinoi. M.: Krug", 2008. S. 88-99.
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. «Istoricheskaya pamyat'»: k voprosu o granitsakh ponyatiya // Fenomen proshlogo. 2005.
- Savchuk V.S. Anatolii Moskalenko i drugie. Lichnye vospominaniya istorika kak istochnik po probleme gruppovoi identichnosti // Dialog so vremenem. 2001. Vyp. 37. S. 224-254.
- Svirepo O.A. Problema kul'turnoi pamyati v svete estestvennonauchnykh predstavlenii / Vek pamyati. 2004. S. 50-65.
- Svyatoslavskii A.V. Istoriya Rossii v zerkale pamyati. Mekhanizmy formirovaniya istoricheskikh obrazov. M.: «Drevlekhranilishche», 2013. 592 s.
- Svyatoslavskii A.V. Transformatsiya obraza I.V. Stalina v kollektivnoi pamyati (s 1930-kh gg. do sovremennosti) // Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoi pamyati / Pod red. L.P. Repinoi. M.: IVI RAN, 2011. S. 288-313
- Senyavskaya E. S. Protivniki Rossii v voinakh KhKh veka: evolyutsiya «obraza vraga» v soznanii armii i obshchestva. M.: ROSSPEN, 2006. 288 s.
- Senyavskaya E.S., Senyavskii A.S. Istoricheskaya pamyat' o voinakh KhKh v. kak oblast' ideino-politicheskogo i psikhologicheskogo protivostoyaniya // Otechestvennaya istoriya. 2007. № 2. S. 139-151; № 3. S. 107-121.
- Toshchenko Zh.T. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamyat'. Analiz sovremen-nogo sostoyaniya // Novaya i noveishaya istoriya. 2000. № 4. S. 3-14.
- Fenomen proshlogo / Otv. red. I.M. Savel'eva, A.V. Poletaev. M.: Izd. dom GU VShE, 2005. 476 s.
- Foto kak khokku / Sost. B. Akunin. M.: Izd-vo «Zakharov», 2011. 384 s.
- Khatton P. Istoriya kak iskusstvo pamyati / Per. s angl. Yu.V. Bystrova. SPb.: «Vladimir Dal'», 2003. 423 s.
- Khmelevskaya Yu.Yu. O memorizatsii istorii i istorizatsii pamyati // Vek pamyati, pamyat' veka. 2004. S. 7-20.
- Khmelevskaya Yu.Yu. Pokolenie kak generator pamyati: o «tekhnicheskikh» kharakteristikakh, produktivnosti i sfere primeneniya // «Rabota nad proshlym». 2014. S. 27-37.
- Khubova D.N. Pamyat' dlya zabveniya, zabvenie dlya pamyati? // Vek pamyati. 2004. S. 66-83.
- Tsimbaev K.N. Rekonstruktsiya proshlogo i konstruirovaniye budushchego v Rossii XIX veka: opyt ispol'zovaniya istoricheskikh yubileev v politicheskikh tselyakh // Istoricheskaya kul'tura imperatorskoi Rossii. 2012. S. 475-498.

- Chikisheva A.S. Fenomen nostal'gii i ego problematizatsiya v sovremennom kul'turologicheskom znanii // Kul'turologicheskii zhurnal. Elektr. izdanie. 2012. № 3 (9). S. 1-9. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/152.html&j_id=11
- Chikisheva A.S. Nostal'gicheskii mif i formy ego reprezentatsii v prostranstve Runeta // Istoricheskaya pamyat' i dialog kul'tur. 2013. S. 305-314.
- Chuikina S.A. Dvoryanskaya pamyat': «byvshie» v sovetskom gorode (Leningrad, 1920–30-e gody). SPb.: Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2006. 259 s.
- Shatalova O.F. «Nepreodolennoe proshloe»: voiny i katastrofy kak «mesta pamyati» belorusskikh krest'yan // Istoriya i istoricheskaya pamyat': Mezhevuz. sb. nauch. tr. Vyp. 2 / Pod red. A.V. Gladysheva. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2010. S. 162-175.
- Shcherbakova I.L. Pamyat' GULAGa. Opyt issledovaniya memuaristiki i ustnykh svidetel'stv byvshikh uznikov // Vek pamyati, pamyat' veka. 2004.
- Shcherbakova I. Nad kartoi pamyati // Pamyat' o voine. 2005. S. 195-209.
- Erlikh S.E. Istoriya mifa. («Dekabristskaya legenda» Gertsena). SPb.: Aleteiya, 2006. 268 s.
- Erlikh S.E. Metafora myatezha: dekabrysty v politicheskoi ritorike putinskoj Rossii. SPb.: Nestor-Istoriya, 2009. 274 s.
- Etkind A. Stoletnyaya revolyutsiya: yubilei nachala i nachalo kontsa // Otechestvennye zapiski. 2004. № 5 // URL: http://magazines.russ.ru/oz/2004/5/2004_5_3.html.
- Yankovskaya G.A. Nostal'giya v stile sotsialisticheskogo realizma v kul'turnoi pamyati postsovetskoi Rossii 1990-kh gg. // Vek pamyati. 2004. S. 347-357.

Леонтьева Ольга Борисовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры Российской истории Самарского государственного университета; oleontieva@yandex.ru

«Memorial turn» in the contemporary Russian historical studies

The article discusses the general trends in the study of historical memory in contemporary Russian historical studies. The author shows how Russian researchers interpret the social nature of memory, which communities and social groups are studied as subjects of historical memory. She reveals the main groups of sources used in the works on historical memory, as well as methods applied to analyze them. The article is also focused on the interpretations of the structure, content, and strategies of historical memory, which are offered in the contemporary Russian historiography. Historical researches created in the genre of "historiography of memory", are interpreted by the author as contribution of the scientific community to a socially significant "work on the past".

Keywords: historiography, methodology of history, historical memory.

Olga Leontieva, Dr.Sc. (History), Professor of the Department of Russian History, Samara State University; oleontieva@yandex.ru

Ф. В. НИКОЛАИ, А. В. ХАЗИНА

ИСТОРИЯ ЭМОЦИЙ И «АФФЕКТИВНЫЙ ПОВОРОТ»

ПРОБЛЕМЫ ДИАЛОГА

Статья посвящена полемике об «эмоциональном» и «аффективном» повороте в современных гуманитарных исследованиях. Работы ведущих исследователей данного направления – Т. Диксона, П. Стернса, М. Нуссбаум, У. Редди, Б. Массуми и др. – представляют интерес не только сами по себе, но и как попытка преодолеть противопоставление эмоций и рационального мышления путем проработки конкретных социальных и психосоматических механизмов их взаимосвязи. Актуальность такого диалога представляется несомненной как для обновления терминологического и концептуального аппарата истории ментальностей, так и для укрепления общественного интереса к истории в целом. Кроме того, история эмоций и «аффективный поворот» наглядно демонстрируют историчность (и потому неизбежную ограниченность) психологических теорий личности XIX–XX вв. и пытаются обозначить перспективы их развития.

Ключевые слова: история эмоций, аффективный поворот, общественные представления, эмотив.

В одной из своих недавних статей И.М. Савельева с некоторой грустью констатирует всеобщую усталость от индустрии *cultural studies* и многочисленных «поворотов» последних десятилетий, а также фиксирует отсутствие в современной теоретической историографии *сильных теорий*¹. Подобная меланхолия сегодня широко распространена не только в исторической науке, но и в гуманитарных исследованиях в целом. В этих условиях сам разговор об «эмоциональном» или «аффективном» поворотах² (сторонники которых иногда даже называют их «революцией»³), казалось бы, заранее обречен на неудачу.

Данную статью не следует воспринимать как рекламу некоей новой *сильной программы* в англо-американских *cultural studies*, – скорее она посвящена одной из попыток преодоления замкнутой на теоретический дискурс меланхолии. История эмоций и аффективный поворот важны здесь не сами по себе (как очередной пример историографических «инноваций»), но как одно из возможных и действенных средств возобновления нашего общего интереса к истории.

¹ Савельева 2012. С. 43.

² The Affective Turn...; Plamper 2010; Винницкий 2012; Politics and the Emotions...; etc.

³ Reddy 2004. P. ix–xi.

История эмоций: переосмысливая базовые понятия

В последнее время проблематика эмоций становится темой обсуждения на многих конференциях: «Эмоции и исторические изменения в Европе до Нового времени (1100–1800)» в Мельбурне (2011); «Блуждающие ощущения: передача эмоций в долгом XIX в.» (2011) и «Эмоции, здоровье и благополучие» (2012) в Лондоне и т.д. В 2007 г. под руководством профессора Джорджтаунского университета Дж. Паррота создано Международное общество исследования эмоций (International Society for Research on Emotion). С 2009 г. в Беркли издается журнал «Emotion Review». Во многих университетах разрабатываются учебные курсы по данной проблематике: «Эмоции и власть в средние века» Р. Бартона; «Культурная политика и поэтика эмоций» К. Вудварт; «Эмоции: сравнительная история» К. Кеннеди; «Эмоции и политическая теория» Р. Кингстон; «История эмоций» У. Редди и т.д. Издаются десятки как теоретических, так и собственно исторических работ⁴. В отечественной литературе выходят пока лишь отдельные статьи, посвященные эмоциям в истории – Л.В. Нургалиевой, Е.Е. Савицкого, И.Е. Сироткиной, Ю.Ю. Хмелевской и др.⁵

Как утверждают П. Стернс и Я. Льюис, история эмоций возникла в середине 1980-х гг. на стыке психоистории (гораздо более популярной в США, чем в Европе), социальной психологии, истории ментальностей и новой культурной истории⁶. Огромную роль в ее формировании сыграли и гендерные исследования⁷. Казалось бы, перечисленные течения уже давно в той или иной степени работают с проблематикой эмоций. В чем же состоит новизна и методологическая программа нового течения? Как оно определяет свои базовые понятия? Насколько оправдана столь масштабная интервенция историков в сферу социальной психологии (и наоборот)?

Говоря о специфике данного методологического подхода, директор центра истории эмоций в колледже Queen Mary лондонского университета и редактор книжной серии «История эмоций» в Oxford University Press Томас Диксон подчеркивает, что распространенное сегодня противопоставление разума и эмоций – всего лишь недавнее изобретение. Еще 200 лет назад единой концепции эмоций не суще-

⁴ Oatley 2004; Rosenwein 2006; Handbook of Emotions...; Eustace 2008; Emotions in American History...; etc. Неплохая библиография исследований эмоций представлена в работе Т. Диксона: Dixon 2003.

⁵ Нургалиева 2013; Хмелевская 2011; Савицкий 2005; Сироткина 2009; и др.

⁶ An Emotional History... P. 3.

⁷ Cvetkovich 2003; Ahmed 2004; etc.

ствовало: до начала XIX века в англоязычном мире преобладало христианское понимание *страстей* [passions], которое активно оспаривали просвещенческая трактовка *сентиментов* [sentiments] и *привязанностей* [affections], а также секулярная «прото-бихевиористская» наука⁸. Эта борьба трех совершенно разных дискурсов носила достаточно противоречивый характер. Диксон выступает категорически против идеи линейного прогресса и поступательной секуляризации: речь идет в равной мере о замещении и частичной апроприации базовых установок христианской концепции страстей психологической наукой модерна, которая добилась преобладания лишь во второй половине XIX века⁹. Более того, «теологический и философский дискурсы о душе и духе/разуме [mind] не исчезли – они не были полностью вытеснены или стерты»¹⁰. В ходе этой борьбы позитивистской психологией был сконструирован специфический «сплав» или спектр аксиом: сексуальное желание и ревность, ужас и жестокость, чувство прекрасного и стремление к справедливости, искренность и деликатность провозглашались однородными явлениями именно в качестве эмоций. «Именно отход от традиционного понимания страстей (а не влияние этих взглядов) привел к созданию категории эмоций, воспринимаемых как оппозиция разуму, интеллекту и воле»¹¹.

Критика позитивистской психологии эмоций у Диксона предполагает отказ от монизма и возвращение к идее гетерогенности мен-

⁸ «Христианская теология рассматривала склонности, страсти и привязанности [appetites, passions and affections] как движения воли и интеллекта реально существующей души. [Господство] страстей являлось знаком или симптомом непокорства падшей души, тогда как привязанности казались просвещенным движением целесообразной воли. Привязанность и милосердие воспринимались как движения души, сопричастной Святому Духу. В центре спектра находились принципиально 'атеологические' взгляды Просвещения – наполовину морального, наполовину духовного знания, в котором страсти и привязанности оказывались автономными компонентами сотворенной по божественному замыслу человеческой машины. Они воспринимались как самостоятельные агенты, а не посредники; как движущая сила, а не как движение или перемещение; как режим восприятия, а не как отдельные действия. Преобладающей методологией при этом была индуктивистская интроспекция своего собственного сознания/духа [mind]. На секулярном конце спектра были нейрофизиологический редукционизм, эволюционизм и прото-бихевиористское понимание эмоций». – Dixon 2003. P. 233.

⁹ Символом победы позитивизма, по мнению Диксона, стала публикация «О выражении эмоций у человека и животных» Ч. Дарвина (1872) и «Что такое эмоция?» У. Джемса (1884).

¹⁰ Dixon 2003. P. 21.

¹¹ Ibid. P. 3.

тальных состояний¹². Впрочем, на первом плане для него оказывается не онтологическая проблематика (гетерогенность самой психики), но гносеологические моменты (неоднородность дискурса). Диксон выступает за разграничение и размежевание понятий (эмоций, страстей, привязанностей), собранных вместе позитивистской психологией.

Несколько в ином ключе история эмоций интересует Питера Стернса – профессора университета Джорджа Мейсона, редактора «Журнала социальной истории» и основателя книжной серии «История эмоций» в New York University Press, автора огромного числа работ по всеобщей и американской истории, истории детства и исследований эмоций. Показательным примером в этом отношении может выступать его работа «Американский страх: причины и последствия повышенной тревожности» (2006)¹³. Стернс рассматривает страх как «весьма изменчивую социальную эмоцию – часто инфицирующую [affecting] групповое поведение и социальную политику, но столь же часто являющуюся именно индивидуальным опытом»¹⁴. На материале «красных рейдов» в США начала 1920-х гг., кампании маккартизма, кубинского кризиса, событий 9/11 и последующей войны с террором Стернс рассматривает длительный процесс качественной трансформации широкого спектра эмоций, связанных со страхом. Исследователь обращает внимание на два взаимосвязанных процесса: с одной стороны, исчезновение страха в детской литературе¹⁵ и в процессе воспитания¹⁶, и, с другой стороны –

¹² С этой точки зрения, само понятие «эмоциональных сообществ», предлагаемое Б. Розенвейн применительно к раннему средневековью (Rosenwein 2006), представляется излишне презентистским.

¹³ Проблематика страха весьма популярна среди сторонников истории эмоций. См.: Weart 1988; Glassner 1999; Siegel 2005; Bourke 2006; Gardner 2009; etc.

¹⁴ Stearns 2006. P. 4.

¹⁵ Например, исчезновение страшных «волшебных сказок» в XX в. и замена их комиксами, герои которых не знают страха, но воплощают суперсилу, всегда побеждающую без какой-либо эмоциональной борьбы. Ibid. P. 105.

¹⁶ Еще в первой половине XX в. риск в ходе воспитания был социально приемлемым явлением (опасные приключения в духе Тома Сойера или мальчишеские проделки в детских лагерях, куда родители не боялись отправлять детей). Современные же американцы ни в коем случае не хотят подвергать детей неоправданному риску. Вопросы, связанные раньше с индивидуальными спорами и конфликтами, переместились теперь в сферу гражданского права и т.д. Кульминацией этой тенденции Стернс считает специфическое развитие детской психиатрии, которая в массовом порядке использует антидепрессанты и нейролептики (например, риталин) для «успокоения» детей. «Мы все чаще используем медицинские препараты в отношении детей, с которыми трудно справиться... Мы хотим успокоить детей, и там, где правила не срабатывают, мы даем седативные средства». Ibid. P. 119.

значительном усилении страха в мире взрослых – в СМИ и рекламе (истерия вокруг «птичьего гриппа» и т.п.), появление новых жанров искусства (хоррор, триллер, фильмы-катастрофы), государственной внешней политике (образ врага и т.д.). Кроме того, Стернс подчеркивает значимость демографического фактора: снижение детской смертности в XX в. и значительное удлинение среднего возраста жизни вместе с изменениями ритуалов траура сделали смерть более редким и потому более страшным [травмирующим] феноменом¹⁷.

Иллюстрируя свой тезис о широком распространении страха в общем контексте трансформации эмоций (росте зависти и чувства вины, снижении ревности и т.д.), Стернс подробно сравнивает реакцию общественного мнения США на Перл-Харбор и на теракты 11 сентября 2001 г. В интервью и опросах декабря 1941 г. страх фактически отсутствует (или люди его не показывают) – они с оптимизмом записываются в армию, веря в победу, и выражают обеспокоенность скорее ценами и бытовыми трудностями. События же 9/11 вызвали в США всеобщий страх и панику, которые люди выражают открыто, и объектом которых выступают не нация, не цены или бизнес, но, в первую очередь, жизнь близких. «Природа страха изменилась», – делает вывод Стернс¹⁸.

Аналогичным образом в других своих работах он прослеживает изменение ревности, гнева и специфического американского эмоционального стандарта «cool»¹⁹. Выступая против широко распространенного противопоставления викторианской чопорности, для которой, якобы, характерны репрессия сексуальности, активное использование стыда и дисциплины в воспитании, тотальный контроль эмоций²⁰, и «полной свободы выражения эмоций» в конце XX в., Стернс показывает сложные трансформации стандартов воспитания и поведения, связанные с общими социальными изменениями: активной урбанизацией, демографическими изменениями семьи, ростом среднего класса с его специфическим этосом, развитием консьюмеризма, реформами институтов воспитания, изменением скорости и интенсивности контактов в современном обществе. По его мнению, следует говорить скорее о замещении (активном использовании и перекодировании многих его стандартов) викторианства в XX в., а не о разрыве с ним, о формировании новой нормативности в сфере эмоций, а не полной свободы.

¹⁷ Ibid. P. 83.

¹⁸ Ibid. P. 34.

¹⁹ Stearns C.Z., Stearns P.N. 1986; Stearns 1989; 1994; 1999; 2003.

²⁰ И в этом смысле вся позитивистская наука для Стернса неразрывно связана с викторианской идеей о разделении эмоций и рациональности. Stearns 1994. P. 18.

Таким образом, для Стернса история эмоций – это, прежде всего, история социальных ритуалов и практик в духе Ф. Ариеса и Н. Элиаса. В отличие от Диксона, дискурсивные различия понятий его не очень интересуют. И в равной степени для обоих исследователей проблематична попытка понять или описать эмоции «изнутри». Их анализ идет «снаружи» – с позиций социальной и гносеологической критики. Лишь изредка Диксон и Стернс обращаются к проблемам субъективной вовлеченности исследователя – вспоминают свое собственное детство, пытаются лично описать страхи холодной войны или передать важность *sensus communis*, критикуют массовую истерию войны с террором и прагматику современной буржуазной культуры.

Существенно отличается в этом отношении подход профессора Чикагского университета Марты Нуссбаум. В своих работах «Терапия желания: теория и практика в эллинистической этике» (1994), «Буря мыслей: о разумности эмоций» [Upheavals of Thought: The Intelligence of Emotions] (2001), «Скрытое от человечества: отвращение, стыд и закон» (2004) она стремится анализировать эмоции изнутри – исходя из их логики и тех ценностей, к которым они апеллируют²¹. Принципиальным условием такого подхода является глубокая убежденность Нуссбаум в «разумности эмоций», работающих на уровне ценностных и этических суждений. Они всегда имеют объект, и в этом смысле они интенциональны и интеллигибельны²². Даже такие, казалось бы, предельно личностные ощущения, как отвращение и стыд, Нуссбаум рассматривает как полуосознанные эффекты этической концепции субъекта, результатом чего оказывается их неизбежное (и необходимое) нормативное использование в юридической сфере²³. Эта нормативность оказывается возможной ввиду сравнимости эмоций, которые могут быть истинны или ложны в своем соответствии (или несоответствии) с ценностями и убеждениями субъекта²⁴.

Таким образом, трактовка эмоций у М. Нуссбаум существенно отличается от социального конструктивизма П. Стернса и акцента на истории понятий Т. Диксона. Не менее существенны отличия от указанных подходов позиции Уильяма Редди – очень известного и широ-

²¹ Nussbaum 2003; 2004; 2009.

²² Nussbaum 2003. P. 27.

²³ Напрашиваются любопытные сравнения такой трактовки вины и отвращения у Нуссбаум с их трактовкой у Ю. Кристевой. *Кристева*. 2003; *Revolt, Affect, Collectivity...* Проблематика стыда и вины в целом очень популярна в последние годы. Например, см.: Leys. 2007; *Вина и позор...*

²⁴ Nussbaum 2004. P. 29-31.

ко цитируемого профессора истории и культурной антропологии Duke University, редактора книжной серии «Palgrave Studies in the History of Emotions», ученика Джоанн Скотт и Клиффорда Гирца. Упоминание учителей важно для характеристики не только широты исследовательских интересов Редди, занимающегося Францией XVIII–XIX вв. и ранним средневековьем, этнографией и антропологией, проблемами методологии истории и т.д.²⁵, но и для понимания специфики его теоретической позиции.

Свой проект истории эмоций Редди начинает с критики физикализма когнитивных психологов, настаивающих на универсальности человеческой природы и эмоций. С другой стороны, по его мнению, постструктурализм преувеличивает роль социальных отношений знания-власти, нивелируя самостоятельность субъекта, его возможность сопротивляться и менять культурные коды. Постструктурализм с его приматом означающего не позволяет добраться до означаемого — выйти из гносеологической тюрьмы языка на онтологический уровень. «Эмоциональная речь и эмоциональные жесты не очень вписываются в понятие ‘дискурса’ постструктуралистской теории Фуко или концепцию ‘практик’ Бурдьё, Гидденса и др. Эти понятия не схватывают двусторонний характер эмоциональных высказываний и действий — их уникальную способность менять свой референт, — то, что они ‘репрезентируют’. Способность, которая делает их ни ‘констативными’, ни ‘перформативными’ высказываниями, но неким совершенно особым типом коммуникативного акта, который пока не получил адекватной теоретической формулировки»²⁶.

Редди утверждает, что эмоции не являются ни чисто биологическим, ни чисто культурным явлением; они требуют особого, специфического подхода. Пытаясь выйти за рамки лингвистического поворота и структуралистской философии языка с ее разделением на констативные и перформативные высказывания, он рассматривает выражение эмоций как специфический класс высказываний – *эмотив*. Его спецификой является интенсификация эмоций – их усиление в ходе высказывания. «Остин утверждал, что перформатив не может рассматриваться в категориях истинно/ложно, – он лишь эффективен или неэффективен (“удачен” или “неудачен” в его терминологии). Так же и эмотив не является истинным или ложным. Кроме того, он всегда оказывается неадекватным или проваливается [fail] как описание вви-

²⁵ См.: Reddy 1987; 1997; 2012.

²⁶ Reddy 1997. P. 327.

ду сложности субъективных состояний, которые он описывает, и ввиду того, что сам оказывает на эти состояния воздействие в процессе поиска формулировок и собственно высказывания»²⁷. В этом смысле эмотив является не нейтральной репрезентацией, но активной практикой выражения и изменения собственных эмоций, управления ими.

Способы или режимы этого управления в значительной степени историчны. Специфическую конфигурацию эмоций Редди называет *эмоциональным режимом*: «Эмоциональный режим – это набор нормативных эмоций, официальных ритуалов, практик и эмотивов: необходимая основа любого стабильного политического режима»²⁸. Важно отметить, что подобные режимы сравнимы между собой по степени эмоциональной свободы и искренности, с которой человек может выражать свои эмоции в обществе. С этой точки зрения, деликатность для французского общества второй половины XVIII – начала XIX в. – одновременно внутренняя и глубоко личная эмоция, но в равной степени и стиль социального поведения – режим координации своих собственных и общественных интересов.

Таким образом, у Редди на первый план в истории эмоций выходит проблема лингвистического инструментария (не сводимая к аналитической истории понятий). Однако, в отличие от Диксона, для него этот инструментарий должен формироваться «изнутри» – исходя из признания субъективного опыта эмоциональной вовлеченности, который, впрочем, сравним с опытом других. Важно отметить, что эмотивы и эмоциональные режимы у Редди оказываются ровно посередине между персональным и социальным уровнем – это одновременно и социальная установка, и проявление подлинно личных эмоций.

Различия в теоретических позициях Т. Диксона, П. Стернса, М. Нусбаум и У. Редди представляются весьма существенными. Так что предметное поле истории эмоций оказывается скорее широкими дискурсивными рамками, а не четким ядром *сильной программы*.

Аффективный поворот

Гипотетически на статус такой *сильной программы* с чуть большим успехом может претендовать так называемый «аффективный поворот», о котором в 2000-е гг. стали говорить как сторонники истории эмоций, так и представители более широких кругов *cultural studies*. К.Р. Ширер и Б. Массуми даже провозгласили аффект «центральным понятием со-

²⁷ Reddy 2004. P. 108.

²⁸ Ibid. P. 129.

временной политической теории»²⁹. В университетах и за их стенами появилось множество академических курсов и семинаров, посвященных теории аффекта: «Аффект, террор, биополитика» Д. Пуэра; «Теория аффекта» М. Ротберга; «Политика аффекта и воображение повседневного сопротивления» Дж.З. Братича и С. Шукайтис; «Чувства и медиа: теория аффекта и исследования медиа» К.А. Риншлер и т.д.

Что же включается в понятие аффекта? Насколько оно едино? Выходит ли эта проблематика за рамки истории эмоций или легко апроприруется данным предметным полем?

В широкой трактовке исследования аффекта не менее (если не более) гетерогенны и разнонаправленны, чем история эмоций. Р. Нойман и его коллеги насчитывают 23 различных теории аффекта³⁰. В историко-философском плане это понятие интересует, прежде всего, исследователей сенсуализма XVII века и сентиментализма XVIII века³¹. В совершенно ином ключе с ним работают психобиология дифференциальных аффектов С. Томкинса, социальная психология Ив Седжвик и мимическая концепция П. Экмана, делающие акцент на физиологические механизмы формирования эмоций³². Принципиальное значение полемика об аффекте имеет для современных теоретиков искусства (особенно перформанса³³). Вызывает интерес она и у исследователей исторической реконструкции [reenactment], выходящих на проблемы темпорального измерения аффекта как ре-актуализации и неосознанного повторения прошлого³⁴.

Как видно из этого краткого перечисления, здесь также идет полемика между физикализмом и социальным конструктивизмом. Однако, в отличие от истории эмоций, позиции последнего оказываются гораздо слабее. Чаще всего «аффективный поворот» стремится преодолеть эту оппозицию путем соединения постклассического психоанализа в иссле-

²⁹ Massumi 2002. P. 27; Scherer 2007. P. 314.

³⁰ Neuman, Marcus, Crigler, Mackuen 2007. P. 6.

³¹ И в таком виде оно полностью укладывается в рамки истории эмоций. Разве что источниками здесь выступают, прежде всего, философские тексты Т. Гоббса, Дж. Локка, Б. Спинозы, И. Канта и т.д. См.: James 1997.

³² Например, Экман на основании многочисленных экспериментов доказывает, что лицевые мышцы неосознанно передают аффект, улавливаемый универсально – вне зависимости от культурной принадлежности (Ekman 2007). Внятный анализ и последовательная критика подобного рода физикализма представлены в работах Р. Лейз. См.: Leys 2011.

³³ См., напр.: Thompson 2009; Apel 2012.

³⁴ Historical Reenactment. 2010.

дованиях культуры и философии имманентизма Ж. Делеза³⁵. Одна из наиболее известных попыток преодоления этой оппозиции принадлежит профессору Флоридского Атлантического университета Терезе Бреннан. В своей последней (изданной посмертно) работе она прослеживает психосоматические механизмы взаимосвязи аффекта с эмоциями и ощущениями, равно как и с разумом, а также социальными отношениями. По ее мнению, психосоматический аффект всегда влияет на суждение: «Под аффектом я подразумеваю психологический сдвиг [shift], сопровождающий суждение»³⁶. Основанием этого влияния становится для Бреннан «разумность тела» [bodily intelligence], язык которого можно до определенной степени рассматривать по аналогии с остальными языками³⁷. Но высказывание всегда имеет адресата – так язык (в том числе, язык тела) становится социальным медиумом.

С другой стороны, аффект не принадлежит одному человеку – он всегда является реакцией на внешнее воздействие или отношением к другому (в лакановском смысле). И здесь Бреннан подчеркивает процесс интернализации аффекта: «Я использую понятие “передачи аффекта” для процесса, социального по своему происхождению, но имеющему психологические и физиологические последствия. Источником передаваемого аффекта является общество: он не просто возникает внутри отдельного человека, но в равной степени приходит извне»³⁸. Для Бреннан бессмысленно спорить, принадлежит ли аффект в большей степени Я или Другому, субъективен он или социален. Из этого замкнутого в гносеологическом плане круга она пытается выйти на онтологический уровень. Называя свою модель «новой парадигмой», Бреннан стремится увязать между собой психоанализ, биохимию мозга, эмоции, когнитивную сферу и социальные отношения. Но ее монография лишь обозначила гипотезу и наметила первые шаги в ее разработке, не дав детально проработанной картины механизмов взаимосвязи этих сфер.

³⁵ Напомним, что понимание аффекта в этих двух интеллектуальных традициях существенно различается: если последователи Фрейда и Лакана неразрывно связывали влечения, эмоции и аффект, то для Делеза было принципиально важно их разделить – перенести акцент на материальность взаимодействия тела и духа, проявляющуюся в аффекте (см., например, его трактовку стыда у Лоуренса Аравийского. Делез 2002. С. 155-169). Однако, в отличие от позиции Нуссбаум, в обеих этих традициях не эмоции и аффекты зависят от рациональных и ценностных суждений, но наоборот – они сами влияют на рациональное мышление и трансформируют его.

³⁶ Brennan 2004. P. 4.

³⁷ Ibid. 141.

³⁸ Ibid. P. 3.

Многие последователи Делеза обращаются к проблематике психо-социальных связей в близком ключе³⁹. Наибольший интерес в этом плане представляют современные исследования биополитики. Так, профессор Брайан Массуми из Монреаля в работе, посвященной страху как главному продукту попкультуры и основе современной политики, подчеркивает «материальность тела – главного объекта технологии страха, понимаемой как аппарат власти, инкорпорирующий в тело обычаи, предрасположенности и совместные эмоции (в частности, ненависть, способствующую установлению социальных границ, поддержанию иерархий и увековечиванию господства)»⁴⁰. Именно тело, по его мнению, становится основной целью манипуляций современной политики, главным ресурсом постфордистской экономики, ключевым фетишем культуры потребления. В этих условиях страх и предложение комфорта оказываются не просто нейтральным медиумом, который на расстоянии манипулирует телом Другого (превращающегося в марионетку), но средством интернализации и ее результатом одновременно. Этот разделяемый аффект оказывается и действием, и состоянием⁴¹. «Власть не является всего лишь формой. Она не абстрактна. Это движение [и вторжение] формы в содержание, <...> абстрактного в конкретное, без которого оно не может существовать. Это перевод родовой идентичности в идентичность персональную, вне актуализации которой ее не существует; человечества – в личность. Это не форма, но механизм формирования; не бытие, но становление»⁴².

Парадигматическим примером этой аффективной политики для Массуми становится Р. Рейган, у которого не было четкой политической программы; его действия часто противоречили друг другу; электорат видел его многочисленные промахи как плохого актера, что становилось предметом популярных анекдотов. Почему же, несмотря на все это, за него голосовали? По мнению Массуми, Рейган стал «первым постмодернистским политиком»: «Рейган преуспел как политик благодаря способности производить идеологический эффект неидеологическими средствами. <...> Эти средства были аффективными»⁴³. Ему была безразлична идеология и психологическая эмпатия. Его харизма работала на другом – аффективном, неосознанном, телесном –

³⁹ Например, см.: The Affect Effect...

⁴⁰ Politics of Everyday Fear... P. viii.

⁴¹ Напомним, что в английском языке слово *affect* может выступать и существительным, и глаголом.

⁴² Massumi 1993. P. 21.

⁴³ Ibid. P. 40.

уровне, отличном от логического и эмоционального. Основой его самоуверенности и образцом для подражания становились собственные кинороли — клишированные позы, каждый раз наполняемые заново энергией аффекта, саспенсом, которые срабатывали на уровне автоматического узнавания и мимесиса. Здоровый, глянцевоый, «самоуверенный и туповатый актер», Рейган «политизировал власть мима»: сила его воздействия была в отдельных действиях — разрезанных на куски и воспроизведенных образах, каждый из которых становится беньяминовской «монадой»⁴⁴.

Истоки подобной политэкономии аффекта в западном обществе Массуми возводит к Дж.М. Кейнсу, экономические идеи которого сформировались как ответ на политический кризис или «революционный подъем» 1917–23 гг. и мировой экономической кризис 1929–33 гг. С этой точки зрения, кейнсианство не просто стимулировало спрос и ограничивало предложение, оно превратило внешние угрозы капиталистической системе в ее внутренний импульс развития. Следующим принципиальным шагом подобной интернализации стали выросшие на волне социальных протестов 1968 г. и экономического кризиса 1973 г. политика консьюмеризма, индустрия визуальной имажинерии и гиперпрофилированное распространение потребительского кредита. Важно подчеркнуть, что в центре этой политэкономии впервые оказалось само тело потребителя — его физическая привлекательность, здоровье, репродуктивные функции, сензитивность и т.д. «Бытие становится прибавочной стоимостью — капиталистическим выражением виртуального»⁴⁵.

В этих условиях, как справедливо отмечает Массуми, существенно меняются задачи социальной критики и гуманитарного знания в целом. Отстраненная модернистская критика в духе Т. Адорно (презиравшего джаз и культуриндіустрию Голливуда), в изменившихся условиях не срабатывает. И полемика об аффекте как раз призвана выйти на новый уровень — не отвлеченного анализа бессознательного, но активной работы с феноменами предсознательного и до-социального, которые не полностью вписываются в схемы сигнификации.

Таким образом, пока вряд ли оправданно рассматривать позицию Т. Бреннан или Б. Массуми как полностью сложившуюся и оригинальную *сильную программу*. Как отмечает К. Хеммингс, «фактически Массуми пропагандирует некую новую позицию, а не метод, позицию веры в нечто не сводимое к социальному или культурному; веры в чу-

⁴⁴ Ibid. P. 43.

⁴⁵ Ibid. P. 17.

до, которое может возникнуть, если мы откажемся от прагматического негативизма»⁴⁶. Пока аффект – это скорее «зонтичное понятие», нуждающееся в уточнении. Оптимисты считают, что речь идет о «пред-парадигматической» ситуации⁴⁷. Скептики полагают, что это всего лишь новая догма: «Единой обобщающей теории аффекта пока нет и, к счастью, никогда не будет»⁴⁸. Однако сама логика этой позиции представляется достаточно продуктивной.

В разной форме и в отношении разных сюжетов она присутствует в работах А. Столер, С. Томпсона, П. Хоггета и др.⁴⁹ При всем различии трактовок, понятие аффекта для них становится орудием критики постструктурализма и деконструкции — тотальной увлеченности *cultural studies* социальным конструктивизмом⁵⁰. «Теоретики аффекта утверждают, что конструктивистские модели упускают [некий важный] избыток или остаток, который не производится социально и который составляет самую ткань нашего бытия»⁵¹. Как и Т. Диксон, У. Редди, П. Стернс, последователи «аффективного поворота» стремятся преодолеть противопоставление эмоций и рационального мышления путем проработки конкретных психосоматических механизмов их взаимосвязи: «Чувства не противостоят политической рациональности, но являются одновременно ее модальностями и следами»⁵².

Суммируя, можно утверждать, что история эмоций и аффективный поворот сегодня вовлекаются во все более активный и продуктивный диалог. По-отдельности представляя собой лишь широкое предметное поле (где преобладает социальный конструктивизм) и набор не проверенных пока гипотез (с креном в физикализм), вместе они вполне способны создать оригинальную теоретическую программу, выходящую за рамки преобладающих до сих пор в исследованиях культуры оппозиций репрезентируемости памяти / нерепрезентируемости травмы; непосредственности опыта / всеобщей медийности; констативного языка / речи перформатива. Различие первоначальных установок – акцент истории

⁴⁶ Hemmings 2005. P. 563.

⁴⁷ Neuman, Marcus, Crigler, Mackuen 2007. P. 6.

⁴⁸ Seigworth, Gregg 2010. P. 3.

⁴⁹ The Affect Effect...; Stoler 2009; Hoggett, Thompson 2012; etc.

⁵⁰ Автор самого термина «аффективный поворот» П. Клаф настаивает, что главной причиной его появления стало недовольство «смертью субъекта» в постструктуралистском дискурсе. – Clough 2010. P. 206.

⁵¹ Hemmings 2005. P. 548-549.

⁵² Stoler 2009. P. 40.

эмоций на гносеологическую проблематику и важность онтологии для аффективного поворота – в этом контексте оказывается вполне продуктивным, не позволяя стереть одну из частей отмеченных оппозиций.

Вряд ли подобный диалог будет легким. Его результаты могут иметь ограниченную валидность, будучи более актуальными для истории новейшего времени и менее значимыми для исследований античности. Но сама проблема вовлеченности исследователя, взаимосвязи разума и эмоций и выхода за рамки бинарных оппозиций представляется предельно актуальной.

И, наконец, предельно важным аспектом истории эмоций и исследований аффекта является осознанное вовлечение аудитории в диалог через признание важности рассматриваемых проблем для каждого рядового человека, испытывающего (и делящего с другими) любовь и страх, ревность и желание, траур и привязанность.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ahmed S.* The Cultural Politics of Emotion. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004. 256 p.
- An Emotional History of the United States / Ed. by P.N. Stearns and J. Lewis. N.Y., L.: New York University Press, 1998. 486 p.
- Apel D.* War Culture and the Contest of Images. Rutgers University Press, 2012. 273 p.
- Berlant L.* Compassion: The Culture and Politics of an Emotion. N.Y.: Routledge, 2004. 256 p.
- Bourke J.* Fear: A Cultural History. Emeryville: Shoemaker and Hoard, 2006. 500 p.
- Brennan T.* The Transmission of Affect. N.Y.: Cornell University Press, 2004. 227 p.
- Clough P.T.* The Affective Turn: Political Economy, Biomedicine, and Bodies // The Affect Theory Reader / Ed. by M. Gregg and G. Siegworth. Durham, NC: Duke University Press, 2010. P. 206-228.
- Cvetkovich A.* An Archive of Feelings: Trauma, Sexuality, and Lesbian Public Cultures. Raleigh, NC: Duke University Press, 2003. 354 p.
- Dixon T.* From Passions to Emotions: The Creation of a Secular Psychological Category. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 287 p.
- Ekman P.* Emotions Revealed: Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional Life. 2-nd edition. N.Y.: Henry Holt and Company, 2007. 320 p.
- Emotions in American History: An International Assessment / Ed. by J.C.E. Gienow-Hetch. Oxford, N.Y.: Berghahn Books, 2010. 290 p.
- Eustace N.* Passion Is the Gale: Emotion, Power, and the Coming of the American Revolution. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2008. 624 p.
- Gardner D.* The Science of Fear: How the Culture of Fear Manipulates Your Brain. L.: Plume, 2009. 368 p.
- Glassner B.* The Culture of Fear: Why Americans Are Afraid of the Wrong Things. N.Y.: Basic Books, 1999. 312 p.
- Handbook of Emotions. 3-d ed. / Ed. by M. Lewis, J.M. Haviland-Jones, L.F. Barrett. N.Y., L.: The Guilford Press, 2008. 848 p.
- Hemmings C.* Invoking Affect: Cultural Theory and the Ontological Turn // Cultural studies. 2005. Vol. 19. № 5. P. 548-567.

- Historical Reenactment: From Realism to the Affective Turn / Ed. by I. McCalman, P.A. Pickering. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2010. 272 p.
- Hoggett S.C.P., Thompson S. Politics and the Emotions: The Affective Turn in Contemporary Political Studies. N.Y., L.: Bloomsbury Academic, 2012. 248 p.
- James S. Passion and Action: The Emotions in Seventeenth-Century Philosophy. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 1997. 318 p.
- Leys R. From Guilt to Shame: Auschwitz and after. Princeton: P.U.P., 2007. 200 p.
- Leys R. Turn to Affect: a Critic // Critical Inquiry 2011. Vol. 37. P. 434-472.
- Massumi B. Everywhere You Want to Be: Introduction to Fear // Politics of Everyday Fear / Ed. by B. Massumi. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993. P. 3-38.
- Massumi B. Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation. Duke University Press, 2002. 328 p.
- Neuman W.R., Marcus G.E., Crigler A.N., Mackuen M. Theorizing Affect's Effects // The Affect Effect: Dynamics of Emotion in Political Thinking and Behavior / Ed. by W.R. Neuman. Chicago: The University of Chicago Press, 2007. P. 1-20.
- Nussbaum M.C. Hiding from Humanity: Disgust, Shame, and the Law. Princeton: Princeton University Press, 2004. 432 p.
- Nussbaum M.C. The Therapy of Desire: Theory and Practices in Hellenistic Ethics. Princeton: Princeton University Press, 2009. 600 p.
- Nussbaum M.C. Upheavals of Thought: The Intelligence of Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 766 p.
- Oatley K. Emotions: A Brief History. Oxford: Blackwell Publishing, 2004. 190 p.
- Plamper J. The History of Emotions: An Interview with William Reddy, Barbara Rosenwein, and Peter Stearns // History and Theory. 2010. Vol. 49. P. 237-265.
- Politics and the Emotions: The Affective Turn in Contemporary Political Studies / Ed. by S. Thompson, P. Hoggett. N.Y., L.: Bloomsbury Academic, 2012. 248 p.
- Politics of Everyday Fear / Ed. by B. Massumi. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993. 336 p.
- Reddy W.M. Against Constructionism: The Historical Ethnography of Emotions // Current Anthropology. 1997. Vol. 38. No. 3. P. 327-351.
- Reddy W.M. Money and Liberty in Modern Europe: A Critique of Historical Understanding. New York: Cambridge University Press, 1987. 280 p.
- Reddy W.M. The Invisible Code: Honor and Sentiment in Postrevolutionary France, 1815-1848. Berkeley: University of California Press, 1997. 292 p.
- Reddy W.M. The Making of Romantic Love: Longing and Sexuality in Europe, South Asia, and Japan, 900-1200 ce. University Of Chicago Press, 2012. 456 p.
- Reddy W.M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 2004. 380 p.
- Revolt, Affect, Collectivity: The Unstable Boundaries of Kristeva's Polis / Ed. by T. Chanter and E.P. Ziarek. Albany: State University of New York Press, 2005. 217 p.
- Rosenwein B. Emotional Communities in the Early Middle Ages. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2006. 248 p.
- Scherer K.R. Unconscious Process in Emotion: The Bulk of the Iceberg // Emotion and Consciousness / Ed. by L. Feldman. N.Y.: The Guilford Press, 2007. P. 312-334.
- Sieigworth G. J., Gregg M. An Inventory of Shimmers // The Affect Theory Reader / Ed. by M. Gregg, G. Siegworth. Durham, NC: Duke University Press, 2010. P. 1-28.
- Stearns C.Z., Stearns P.N. Anger: The Struggle for Emotional Control in America's History. Chicago: The University of Chicago Press, 1986. 304 p.

- Stearns P.* Jealousy: The Evolution of an Emotion in American History. New York: New York University Press, 1989. 225 p.
- Stearns P.N.* American Cool: Constructing a Twentieth-Century Emotional Style. New York: New York University Press, 1994. 378 p.
- Stearns P.N.* American Fear: The Causes and Consequences of High Anxiety. N.Y., L.: Routledge, 2006. 243 p.
- Stearns P.N.* Anxious Parents: A History of Modern Childrearing in America. N.Y., L.: New York University Press, 2003. 251 p.
- Stearns P.N.* Battleground of Desire: The Struggle for Self-Control in Modern America. New York University Press, 1999. 400 p.
- Siegel M.* False Alarm: The Truth about the Epidemic of Fear. N.Y.: Wiley, 2005. 256 p.
- Stoler A.L.* Along the Archival Grain: Epistemic Anxieties and Colonial Commonsense. Princeton: Princeton University Press, 2009. 306 p.
- The Affect Effect: Dynamics of Emotion in Political Thinking and Behavior / Ed. by W.R. Neuman. Chicago: The University of Chicago Press, 2007. 453 p.
- The Affective Turn: Theorizing the Social / Ed. by P.T. Clough, J. Halley. Duke University Press, 2007. 328 p.
- Thompson J.* Performance Affects: Applied Theatre and the End of Effect. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009. 205 p.
- Weart S.R.* Nuclear Fear: A History of Images. Harvard University Press, 1988. 552 p.
- Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI–XX вв.) / Под ред. М.Г. Муравьевой. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2011. 296 с.
- Винницкий И.* Заговор чувств или русская история на «эмоциональном повороте» // Новое литературное обозрение. 2012. № 117. С. 441–460.
- Делез Ж.* Критика и клиника / Пер. О.Е. Волчек и С.Л. Фокина. СПб.: Machina, 2002. 240 с.
- Крестева Ю.* Силы ужаса: эссе об отвращении. СПб.: Алетейя, 2003. 256 с.
- Нургалиева Л.В.* Эмоциональный интеллект или интеллектуальные эмоции? // Диалог со временем. 2013. № 42. С. 80–90.
- Савельева И.М.* Исторические исследования в XXI в.: теоретический фронтир // Диалог со временем. 2012. № 38. С. 25–53.
- Савицкий Е.Е.* Удовольствие от прошлого и чувство свободы в историографии 1990-х гг. // Диалог со временем. 2005. № 15. С. 179–209.
- Сироткина И.Е.* Из истории одной психологической категории: музыкальные аффекты, чувства, эмоции // Методология и история психологии. 2009. Т. 4. Вып. 2. С. 146–159.
- Хмельевская Ю.Ю.* «История эмоций» в современной историографической парадигме // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ЛКИ, 2011. С. 452–461.

REFERENCES

- Ahmed S. The Cultural Politics of Emotion. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004. 256 p.
- An Emotional History of the United States / Ed. by P.N. Stearns and J. Lewis. N.Y., L.: New York University Press, 1998. 486 p.
- Apel D. War Culture and the Contest of Images. Rutgers University Press, 2012. 273 p.

- Berlant L. Compassion: The Culture and Politics of an Emotion. N.Y.: Routledge, 2004. 256 p.
- Bourke J. Fear: A Cultural History. Emeryville: Shoemaker and Hoard, 2006. 500 p.
- Brennan T. The Transmission of Affect. N.Y.: Cornell University Press, 2004. 227 p.
- Clough P.T. The Affective Turn: Political Economy, Biomedicine, and Bodies // The Affect Theory Reader / Ed. by M. Gregg and G. Siegworth. Durham, NC: Duke University Press, 2010. P. 206-228.
- Cvetkovich A. An Archive of Feelings: Trauma, Sexuality, and Lesbian Public Cultures. Raleigh, NC: Duke University Press, 2003. 354 r.
- Dixon T. From Passions to Emotions: The Creation of a Secular Psychological Category. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 287 p.
- Ekman P. Emotions Revealed: Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional Life. 2-nd edition. N.Y.: Henry Holt and Company, 2007. 320 p.
- Emotions in American History: An International Assessment / Ed. by J.C.E. Gienow-Hetch. Oxford, N.Y.: Berghahn Books, 2010. 290 p.
- Eustace N. Passion Is the Gale: Emotion, Power, and the Coming of the American Revolution. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2008. 624 r.
- Gardner D. The Science of Fear: How the Culture of Fear Manipulates Your Brain. L.: Plume, 2009. 368 p.
- Glassner B. The Culture of Fear: Why Americans Are Afraid of the Wrong Things. N.Y.: Basic Books, 1999. 312 p.
- Handbook of Emotions. 3-d ed. / Ed. by M. Lewis, J.M. Haviland-Jones, L.F. Barrett. N.Y., L.: The Guilford Press, 2008. 848 p.
- Hemmings C. Invoking Affect: Cultural Theory and the Ontological Turn // Cultural Studies. 2005. Vol. 19. № 5. R. 548-567.
- Historical Reenactment: From Realism to the Affective Turn / Ed. by I. McCalman, P.A. Pickering. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2010. 272 p.
- Hoggett S.C.P., Thompson S. Politics and the Emotions: The Affective Turn in Contemporary Political Studies. N.Y., L.: Bloomsbury Academic, 2012. 248 p.
- James S. Passion and Action: The Emotions in Seventeenth-Century Philosophy. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 1997. 318 p.
- Leys R. From Guilt to Shame: Auschwitz and after. Princeton: P.U.P., 2007. 200 p.
- Leys R. Turn to Affect: a Critic // Critical Inquiry 2011. Vol. 37. P. 434-472.
- Massumi B. Everywhere You Want to Be: Introduction to Fear // Politics of Everyday Fear / Ed. by B. Massumi. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993. P. 3-38.
- Massumi B. Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation. Duke University Press, 2002. 328 p.
- Neuman W.R., Marcus G.E., Crigler A.N., Mackuen M. Theorizing Affect's Effects // The Affect Effect: Dynamics of Emotion in Political Thinking and Behavior / Ed. by W.R. Neuman. Chicago: The University of Chicago Press, 2007. P. 1-20.
- Nussbaum M.C. Hiding from Humanity: Disgust, Shame, and the Law. Princeton: Princeton University Press, 2004. 432 p.
- Nussbaum M.C. The Therapy of Desire: Theory and Practices in Hellenistic Ethics. Princeton: Princeton University Press, 2009. 600 r.
- Nussbaum M.C. Upheavals of Thought: The Intelligence of Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 766 r.
- Oatley K. Emotions: A Brief History. Oxford: Blackwell Publishing, 2004. 190 p.

- Plamper J. The History of Emotions: An Interview with William Reddy, Barbara Rosenwein, and Peter Stearns // *History and Theory*. 2010. Vol. 49. P. 237-265.
- Politics and the Emotions: The Affective Turn in Contemporary Political Studies / Ed. by S. Thompson, P. Hoggett. N.Y., L.: Bloomsbury Academic, 2012. 248 p.
- Politics of Everyday Fear / Ed. by B. Massumi. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993. 336 p.
- Reddy W.M. Against Constructionism: The Historical Ethnography of Emotions // *Current Anthropology*. 1997. Vol. 38. No. 3. P. 327-351.
- Reddy W.M. Money and Liberty in Modern Europe: A Critique of Historical Understanding. New York: Cambridge University Press, 1987. 280 p.
- Reddy W.M. The Invisible Code: Honor and Sentiment in Postrevolutionary France, 1815–1848. Berkeley: University of California Press, 1997. 292 p.
- Reddy W.M. The Making of Romantic Love: Longing and Sexuality in Europe, South Asia, and Japan, 900-1200 ce. University Of Chicago Press, 2012. 456 p.
- Reddy W.M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 2004. 380 p.
- Revolt, Affect, Collectivity: The Unstable Boundaries of Kristeva's Polis / Ed. by T. Chanter and E.P. Ziarek. Albany: State University of New York Press, 2005. 217 r.
- Rosenwein B. Emotional Communities in the Early Middle Ages. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2006. 248 p.
- Scherer K.R. Unconscious Process in Emotion: The Bulk of the Iceberg // *Emotion and Consciousness* / Ed. by L. Feldman. N.Y.: The Guilford Press, 2007. R. 312-334.
- Seigworth G. J., Gregg M. An Inventory of Shimmers // *The Affect Theory Reader* / Ed. by M. Gregg, G. Siegworth. Durham, NC: Duke University Press, 2010. P. 1-28.
- Siegel M. False Alarm: The Truth about the Epidemic of Fear. N.Y.: Wiley, 2005. 256 p.
- Stearns C.Z., Stearns P.N. Anger: The Struggle for Emotional Control in America's History. Chicago: The University of Chicago Press, 1986. 304 p.
- Stearns P. Jealousy: The Evolution of an Emotion in American History. New York: New York University Press, 1989. 225 r.
- Stearns P.N. American Cool: Constructing a Twentieth-Century Emotional Style. New York: New York University Press, 1994. 378 p.
- Stearns P.N. American Fear: The Causes and Consequences of High Anxiety. N.Y., L.: Routledge, 2006. 243 p.
- Stearns P.N. Anxious Parents: A History of Modern Childrearing in America. N.Y., L.: New York University Press, 2003. 251 p.
- Stearns P.N. Battleground of Desire: The Struggle for Self-Control in Modern America. New York University Press, 1999. 400 p.
- Stoler A.L. Along the Archival Grain: Epistemic Anxieties and Colonial Commonsense. Princeton: Princeton University Press, 2009. 306 p.
- The Affect Effect: Dynamics of Emotion in Political Thinking and Behavior / Ed. by W.R. Neuman. Chicago: The University of Chicago Press, 2007. 453 p.
- The Affective Turn: Theorizing the Social / Ed. by P.T. Clough, J. Halley. Duke University Press, 2007. 328 p.
- Thompson J. Performance Affects: Applied Theatre and the End of Effect. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009. 205 p.
- Wearst S.R. Nuclear Fear: A History of Images. Harvard University Press, 1988. 552 p.
- Vina i pozor v kontekste stanoveniya sovremennykh evropeiskikh gosudarstv (XVI–XX vv.) / Pod red. M.G. Murav'voi. SPb.: Izd-vo Evropeiskogo universiteta, 2011. 296 s.

- Vinnitskii I. Zagovor chuvstv ili russkaya istoriya na «emotsional'nom povorote» // Novoe literaturnoe obozrenie. 2012. № 117. S. 441-460.
- Delez Zh. Kritika i klinika / Per. O.E. Volchek i S.L. Fokina. SPb.: Machina, 2002. 240 s.
- Kristeva Yu. Sily uzhasa: esse ob otrrashchenii. SPb.: Aleteiya, 2003. 256 s.
- Nurgaliev L.V. Emotsional'nyi intellekt ili intellektual'nye emotsii? // Dia-log so vremenem. 2013. № 42. S. 80-90.
- Savel'eva I.M. Istoricheskie issledovaniya v XXI v.: teoreticheskii frontir // Dialog so vremenem. 2012. № 38. S. 25-53.
- Savitskii E.E. Udovol'stviye ot proshlogo i chuvstvo svobody v istoriografii 1990-kh gg. // Dialog so vremenem. 2005. № 15. S. 179-209.
- Sirotkina I.E. Iz istorii odnoi psikhologicheskoi kategorii: muzykal'nye af-fekty, chuvstva, emotsii // Metodologiya i istoriya psikhologii. 2009. T. 4. Vyp. 2. S. 146-159.
- Khmelevskaya Yu.Yu. «Istoriya emotsii» v sovremennoi istoriograficheskoi paradig-me // Istoricheskaya nauka segodnya: teorii, metody, perspektivy / Pod red. L.P. Repinoi. M.: LKI, 2011. S. 452-461.

Николаи Федор Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина; fvnik@list.ru.

Хазина Анна Васильевна, кандидат исторических наук, зав. кафедрой всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина; Annh1@yandex.ru.

History of Emotions and 'Affective Turn': Prospects of a Dialogue

The article is devoted to the argument concerning a new "emotional" and "affective" turn in modern humanitarian studies. The works of leading researchers of this area, such as T. Dixon, P. Stearns, M. Nussbaum, W. Reddy, B. Massumi, are being considered not only as interesting examples of the mentioned approach, but also as an attempt to overcome the opposition of emotional and rational thinking through the development of specific social and psychosomatic mechanisms of their interrelations. The relevance of this dialogue seems to be unquestionable as a way to update the terminology and conceptual apparatus of the history of mentalities, as well as to generally promote the public interest towards history. Besides, both the history of emotions and "affective turn" demonstrate the historical (and therefore inevitably limited) features of the psychological theories of personality of the 19th-20th cc. trying at the same time to outline the prospects of their development.

Keywords: History of Emotions, Affective turn, public opinions / feelings, emotives.

Feodor Nikolai, PhD in History, Associate Professor; Minin Nizhny Novgorod State Pedagogic University; fvnik@list.ru.

Anna Khazina, PhD in History, Associate Professor, Head of the Department of World History, Classics and Law; Minin Nizhny Novgorod State Pedagogic University; Annh1@yandex.ru.

Д. В. ТИМОФЕЕВ

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРИНЦИПЫ ПРИМЕНЕНИЯ

В статье рассматриваются методологические основания истории понятий в контексте решения проблемы адекватного понимания прошлого, зафиксированного в текстах исторических источников. Проведен анализ основных проблемно-тематических направлений в современной историографии, в рамках которых исследователи обращаются к методологии истории понятий. На основе интеграции основных положений немецкой и англосаксонской школы «истории понятий», автором предложены принципы проведения конкретно-исторических исследований по истории России.

Ключевые слова: история понятий, методология истории; история общественной мысли; Р. Козеллек, К. Скиннер, история России

Основным информационным каналом, позволяющим изучить историю письменных обществ является текст исторического источника. Созданный в процессе сознательной деятельности человека, он всегда отражает с одной, стороны субъективные взгляды, предпочтения, оценки и целевые установки его автора, а с другой – фиксирует различные аспекты политической и экономической реальности, особенности социокультурной среды в определенный исторический период. В современном источниковедении существует целый ряд принципов и методов работы с историческими источниками, позволяющие, с учетом особенностей их социальной функции и внутренней структуры, реконструировать процесс создания текста, степень субъективности и достоверности изложенной информации. При этом внимание историков концентрируется, преимущественно, на истории создания текста и его содержании, отражении в нем событий, процессов, позиций автора по различным вопросам.

Такой алгоритм источниковедческого анализа, безусловно, продуктивен, но может оказаться недостаточным в случае невнимательного отношения исследователя к языку изучаемой эпохи, к тому, какое значение имели ключевые для понимания авторского замысла слова и словосочетания. Одни из них могли со временем исчезать и оказываются незнакомыми современному человеку, другие – дополнялись новыми, ранее не существовавшими смысловыми акцентами. Например, понятие «конституция» первоначально было политически нейтральным и использовалось в значении «сложение», «состав», «строение тела», а

с помощью понятия «революция» обозначался «кругооборот планет». Только со второй половины XVII–XVIII вв. в странах западной Европы, а позднее и в России, эти понятия приобретают близкое, но все-таки, полностью нетождественное современному политическое значение. Еще сложнее дело обстоит с понятиями, которые активно используются исследователями для описания прошлого, но возникли они не в изучаемое время, а гораздо позднее. В таком случае происходит осовременивание языка прошлого, что неизбежно приводит к искажению исторической реальности. Яркой иллюстрацией такого рода осовременивания может служить, например, некритическое использование понятия «реформа» применительно к преобразованиям XV–XVI вв., когда еще не сформировалась идея прогрессивного, последовательного и сознательного изменения социально-экономических процессов и политических институтов¹. В конечном итоге, некорректное использование понятий приводит к нарушению базового принципа любого исторического исследования – принципа историзма.

Теоретико-методологические основы истории понятий

Все сказанное обуславливает необходимость обращения к методологическим установкам *истории понятий*, провозглашающей, что адекватное познание истории общества возможно только в том случае, если исследователь понимает язык прошлого, те понятия, которые использовали современники изучаемой эпохи для выражения своих представлений и обоснования практических действий. При этом перед историком стоит задача изучения не истории слов, а изменений смыслового наполнения ключевых для понимания мировосприятия человека прошлого понятий. Принципиальное отличие понятия от слова выражается в его теоретической, концептуальной «нагруженности». С помощью понятий индивиды обозначают не конкретные объекты, а выражают свои представления о прошлом и настоящем окружающей их социальной реальности, а также перспективах общественного развития. Именно поэтому, по мнению Р. Козеллека, «значения слов могут быть достаточно точно определены, тогда как понятия можно только интерпретировать»². В XIX в. к такого рода понятиям, например, относились понятия «государство», «свобода», «закон», «конституция», «просвещение», «революция» и т.п. Отсутствие у понятия четко определенного смыслового содержания, возможность его корректировки в зависимости от целей и контекста употребления, обуславливает использование понятий в про-

¹ См. подробнее: *Кром, Пименова* 2013. С. 7–14; *Кром* 2013. С. 116–117.

² Цит. по: *Бёдекер* 2010(а). С. 42.

цессе конкурентной борьбы между различными общественными группами и идеологиями. В данном контексте история понятий может рассматриваться не в качестве самостоятельного предмета изучения, а как особый метод работы с историческими источниками, позволяющий исследовать эволюцию общественного сознания и связанные с ней изменения в политической, социально-экономической и духовной сферах.

На сегодняшний день в современной зарубежной историографии «истории понятий» сложилось *два основных направления*: немецкая школа *Begriffsgeschichte* и англосаксонская *History of Concepts*³. Идеи-основы первого направления были сформулированы в ряде теоретических работ Р. Козеллека⁴, который был одним из руководителей (совместно с О. Брунером и В. Конце) проекта по написанию «Исторического лексикона социально-политического языка в Германии», объединившего усилия нескольких десятков немецких историков⁵.

Р. Козеллек отмечал, что «все ключевые слова политического или социального языка имеют многослойную темпоральную внутреннюю структуру и отсылают к современным реальностям либо в прошлое, либо в будущее», а, следовательно, «... значение понятия может представлять собой смешение прошлого опыта, современной реальности и ожиданий от будущего»⁶. Наличие в содержании социально-политических понятий разнонаправленных «временных слоев», составляющих «пространство опыта» (*Erfahrungsraum*) и «горизонт ожиданий» (*Erwartungshorizont*), обусловлено изменениями в политической, социальной, экономической и культурной сферах. Благодаря этим изменениям социально-политические понятия приобретали многозначность и становились не только инструментами описания наличной действительности, но и способом выражения представлений о том, каким должно быть общество в будущем.

Таким образом, принципиально важными для последователей немецкой школы истории понятий являются категории «пространство опыта» и «горизонт ожиданий». Значение категории «пространство опыта», в соответствии с тем, как оно представлено в работах Р. Козеллека, можно выразить с помощью словосочетания «современное прошлое». Оно включает в себя, с одной стороны, исторически сло-

³ См. подробнее о сходствах и отличиях *Begriffsgeschichte* и *History of Concepts*: Дмитриев 2004; Копосов 2006; Роцин 2006; 2009; Дубина 2010; Бёдекер 2010; Миллер, Сдвижков, Ширле 2012.

⁴ См.: Козеллек 2004, 2004(а); 2006; 2010.

⁵ См.: *Geschichtliche Grundbegriffe... 1972–1993*.

⁶ Козеллек 2010. С. 27.

жившиеся, полученные от предшествующего поколения знания, а с другой, – сформированные в результате повседневной практики представления о том, каким образом может действовать индивид в условиях окружающего его социума.

Несколько другое наполнение в содержании социально-политических понятий имеет «горизонт ожиданий», который в большей степени отражает не реальность, а своеобразный проект ближайшего будущего⁷. Однако «горизонт ожиданий» не является полностью оторванным от реальности, напротив – в большинстве случаев, проекции будущего возникали как результат либо критики окружающей действительности, либо стремления закрепить и продолжить позитивные тенденции в развитии общества.

Со второй половины XVIII в. в Европе, как и в России, основные социально-политические понятия все чаще использовались для описания идеальных моделей будущего. Данная тенденция была тесно связана с формированием в общественном сознании нового понимания истории как процесса, результат которого не предопределен заранее, а зависит от деятельности людей⁸. Отсутствие предопределенности, признание возможности сознательной корректировки процесса развития общества стало философским основанием для появления не только множества проектов преобразований, но и напротив – трактатов, доказывавших опасность и нецелесообразность проведения сколько-нибудь масштабных изменений в политической и социально-экономической сфере. Однако в обоих случаях описание позиции авторов происходило с помощью одних и тех же социально-политических понятий.

Предложенный Р. Козеллеком тезис о существовании в структуре понятия двух временных горизонтов, на мой взгляд, может стать эффективным инструментом в конкретно-исторических исследованиях. Например, в работе по истории общественной мысли России первой четверти XIX в. «пространство опыта» может быть представлено пространственными с XVIII в., и очевидными для современников к началу XIX в., значениями понятий «свобода», «рабство», «государство», «закон», «конституция», «гражданин», «гражданские права», «собственность», «революция» и «просвещение», которые неоднократно воспроизводились в предшествовавшем законодательстве, в словарях и учебных программах для начальных и средних учебных заведений⁹.

⁷ См.: *Kosellek* 1989. S. 354.

⁸ *Козеллек* 2004. С. 233.

⁹ См. подробнее: *Тимофеев* 2011.

Соответственно «горизонт ожиданий» – это фиксируемые с помощью этих же понятий представления о перспективах развития страны, целях, принципах и методах решения наиболее актуальных социально-экономических и политических проблем. В письменной форме «горизонт ожиданий» был представлен в проектах реформ, докладных записках, программных документах тайных обществ, воззваниях и прокламациях, материалах периодической печати, переведенных на русский язык работах европейских экономистов и правоведов, научно-публицистических работах российских авторов, а также в учебных пособиях для высших учебных заведений.

Несколько позднее, чем немецкая *Begriffsgeschichte*, в англо-американской научной литературе был сформирован *второй подход* к исследованию различных аспектов общественного сознания посредством обращения к истории понятий – *History of Concepts*. Большое влияние на его становление оказала философия Джона Л. Остина и Джона Серля, чьи теории языковых актов (*Speech Act*) связывали как устные высказывания, так и зафиксированные в письменной форме проявления языковой активности людей с их действиями¹⁰. Такой подход к изучению истории политической мысли представлен работами Дж. Покока¹¹ и К. Скиннера. По их мнению, политический язык нужно рассматривать одновременно и как средство коммуникации, и как целенаправленное политическое действие. В этой связи текст следует изучать в тесной взаимосвязи с теми субъективными целями, которые преследовал его автор. Аргументируя данное утверждение, Скиннер, писал: «Чтобы понять тексты, помимо прочего, мы должны воссоздать интенции, с которыми они создавались, а следовательно, должны понять, какое *действие* совершали их авторы посредством написания этих текстов»¹². Таким образом, основным предметом *History of Concepts* является не столько собственно значения отдельных понятий, сколько способ их использования в тесной взаимосвязи с различными нормативно-ценностными и политическими установками. Язык рассматривается как средство формирования и выражения общественного сознания в тесной взаимосвязи с практическими действиями людей, мотивы совершения и результаты которых были зафиксированы в словесно-письменной форме.

Следуя методологическим установкам *History of Concepts*, при работе с текстом исторического источника исследователь должен об-

¹⁰ См.: Остин 2006; Хархордин 2012. С. 7–23.

¹¹ Росок 1972.

¹² Скиннер 2004. С. 65.

ращать внимание не только на то, что хотел выразить автор текста, но и с помощью каких смысловых акцентов он подчеркивал свое отношение к чему-либо, а также на какую реакцию современников рассчитывал. Именно поэтому создание текста и его идейная направленность изучаются как практическое коммуникативное действие, нацеленное на выражение своей позиции или обоснование необходимости совершения каких-либо поступков.

В рамках конкретно-исторических исследований по истории общественно-политической мысли дореволюционной России в качестве коммуникативных действий могут рассматриваться: написание статьи в журнал или газету; выступление с публичной речью; составление проекта преобразований, прокламации, завещания; обращение с судебным иском в соответствующие инстанции или всеподданнейшим прошением на имя императора; организация официально разрешенного или тайного общества, программные установки которого формулировались с помощью исследуемых понятий.

Российская история и историография истории понятий

На сегодняшний день история понятий динамично развивается, о чем свидетельствуют многочисленные конференции¹³ и сборники статей¹⁴. Применительно к истории России сложилось несколько проблемно-тематических направлений, в рамках которых историки используют различные элементы методологии истории понятий.

¹³ В 2008 г. в Институте всеобщей истории РАН в рамках конференции «Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век» – круглый стол: «Историческая семантика: к 85-летию со дня рождения Р. Козеллека»; в 2009 г. в Смольном институте свободных искусств и наук при СПбГУ – научная конференция «Begriffsgeschichte(n). History of Concepts in Comparative Perspective»; 23–24 октября 2009 г. в Институте русского языка им. В.В. Виноградова (ИРЯ РАН) – конференция «Эволюция понятий в свете истории русской культуры»; 23 марта 2009 г. (РГГУ, Европейский университет в Санкт-Петербурге) – «круглый стол» «История понятий: практики исследования и инструментализации»; 29 марта 2010 г. в РГГУ – конференция «Теория и методология гуманитарного знания: история понятий»; 22–24 апреля 2010 г. в Германском институте в Москве – конференция «Общественно-политическая сфера в России от Петра I до 1914 г. История ключевых понятий и концепций»; 16–18 сентября 2010 г. (РГГУ, ГИИ в Москве, Европейский ун-т в Санкт-Петербурге) – международная конференция «История понятий: концепты, метафоры, дискурсы».

¹⁴ Понятие государства в четырех языках. 2002; Исторические понятия и политические идеи в России... 2006; Очерки исторической семантики русского языка. ... 2009; История понятий, история дискурса, история метафор. 2010; Эволюция понятий в свете истории русской культуры. 2012; «Понятия о России»... 2012.

К *первому* из них относятся исследования по истории культуры и формирования национальной идентичности. В рамках этого, условно выделяемого направления, можно назвать работы А. Миллера, В. Рикардо, Ш. Вальтера, В. Тольц¹⁵, И. Ширле¹⁶ об особенностях эволюции понятий «империя», «народность», «нация», «раса», «Отечество», «сын Отечества», «патриот». Исследовательское поле *второго направления* связано с изучением социальных процессов и структур. Заметное место в ряду таких исследований занимают работы Г. Фриз¹⁷, который на примере понятия «сословие» убедительно аргументировал необходимость тщательного анализа того, что подразумевали современники изучаемого времени, используя различные социальные категории, а также ряд статей И. Ширле, М.Б. Велижева, О.Б. Леонтьевой о понятиях «класс», «средний класс», «третий чин»¹⁸.

Внимание исследователей *третьей проблемно-тематической группы* привлекает процесс формирования государства и его отражение в языковой практике. Ярким примером такого подхода является сборник статей «Понятие государства в четырех языках»¹⁹, в котором опубликованы работы Кв. Скиннера, Д. Кола, Т. Пуллкинен и О. Хархордина. Не менее интересной представляется работа М.М. Крома²⁰, посвященная анализу изменений смыслового значения понятия «государство» в тесной взаимосвязи с важнейшими социально-политическими процессами в России XVI в., а также статья К. Ингерфлома²¹ о некорректной трактовке в историографии понятия «государство» применительно к первой четверти XVIII в.

Четвертое направление охватывает широкий спектр вопросов по истории общественной мысли, эволюции взаимоотношений власти и общества в России. Интерес к данной проблематике проявился с начала 1970-х гг. в рамках исследований по истории отдельных слов и словосочетаний. Наиболее значимыми в этот период времени можно назвать работы А.А. Алексеева и Р.А. Будагова об эволюции смыслового значения понятий «гражданин» и «гражданское общество» в России²². В со-

¹⁵ См. например, статьи Миллера, Рикарда, Вальтер, Тольц в сборнике статей «Понятия о России»... Т. 2. 2012. С. 7–49, 50–70, 71–98, 145–193; Миллер 2009.

¹⁶ См., например: Ширле 2006; Schierle 2007.

¹⁷ Фриз 2000.

¹⁸ См.: «Понятия о России»... Т. 2. 2012. С. 225–293.

¹⁹ См.: Понятие государства в четырех языках. 2002.

²⁰ Кром 2006.

²¹ Ингерфлом 2012.

²² Алексеев 1972; Будагов 1971.

временной отечественной историографии приверженность методологическим установкам истории понятий отчетливо прослеживается в работах Е.Н. Марасиновой²³. Проведенный ею анализ ряда понятий, определяющих репрезентацию образа монарха, представления власти о роли дворянства и социальной структуре российского общества, убедительно показал механизм формирования двойственности в сознании представителей дворянской элиты последней трети XVIII в.

В рамках исследования различных общественно-политических процессов XVIII–XIX вв. история понятий «закон», «конституция», «свобода», «рабство», «общество», «гражданское общество», «гражданский долг», «общественное мнение» представлены в работах Т.В. Андреевой, В.Я. Гросул, М.А. Киселева, Т.Н. Жуковской²⁴. Достаточно результативным представляется использование методологии «истории понятий» для реконструкции мировоззрения декабристов²⁵.

В общем виде, обозначенные выше исследовательские проблемы, конечно, не исчерпывают эвристический потенциал методологии истории понятий. В более широком теоретическом контексте она может стать необходимым инструментом при исследовании процесса «заимствования понятий» и выявления культурных механизмов «переводимости» политических идеологий из одной социокультурной среды в другую, «трансфера» и адаптации европейских идей в России. Важность проведения такого рода исследований обусловлена тем, что они позволят выявить не только особенности в трактовках заимствованных извне экономических и политических теорий, но и определить, как российские подданные, используя одни и те же социально-политические понятия, обосновывали свои разнонаправленные практические действия.

Методология истории понятий и принципы конкретно-исторического исследования

Широкий спектр применения теоретических оснований современной «истории понятий» обуславливает необходимость выработки четких принципов проведения конкретно-исторических исследований посредством интеграции взаимодополняющих друг друга методологических установок *Begriffsgeschichte* и *History of Concepts*. Отправной точкой в процессе выработки такого рода принципов следует рассмат-

²³ Марасинова 1999; 2008.

²⁴ Андреева 2007. С. 7–22; Гросул 2003. С. 50–71; Киселев 2012; Жуковская 2002.

²⁵ Бокова 2008; Одесский 2008; Каменев 2013.

ривать практические вопросы, возникающие перед историком при постановке проблемы и формировании источниковой базы исследования.

Один из таких вопросов связан с определением критериев для формирования комплекса исследуемых понятий. Необходимость выработки таких критериев обусловлена тем, что в языковой практике одно понятие не существует изолированно от другого. Более того, в зависимости от контекста и позиции автора, смысловое наполнение понятия может корректироваться с помощью использования других понятий. Так, например, в начале XIX в. корректировка либерального принципа личной свободы в России происходила посредством употребления понятий «просвещение», «закон» и «государство», с помощью которых аргументировался тезис о том, что объем и границы «свободы» должны устанавливаться государством дифференцированно для каждой сословной, и даже внутрисословной, группы²⁶.

В данном контексте изучение только понятия «свобода» не позволит выявить весь спектр общественно-политических настроений. Следовательно, важнейшим принципом использования методологии истории понятий должен быть *принцип системности*, базирующийся на признании существования логических и ассоциативных взаимосвязей между ключевыми социально-политическими понятиями, которые могут использоваться людьми для выражения отношения к различным явлениям окружающей их действительности. Наличие взаимосвязей, по мысли Р. Козеллека, неизбежно приводит исследователя к констатации того, что «...писать историю отдельных, изолированных понятий весьма сложно и даже невозможно»²⁷. Следуя данной логике, Х.Э. Бёдекер отмечал: «...история понятий в качестве истории познания посредством языка, должна постоянно принимать во внимание наличие связей между различными понятиями. Не одно отдельное понятие является предметом устремлений истории понятий, а весь понятийный аппарат, со всеми его внутренними взаимосвязями»²⁸. Реализация принципа системности в конкретно-исторических исследованиях возможна при условии выдвижения историком четких критериев, в соответствии с которыми происходит формирование комплекса исследуемых понятий. Одним из таких критериев, на мой взгляд, может быть включенность понятия в семантическое поле какой-либо экономической или социально-политической проблемы.

²⁶ См.: Тимофеев 2011. С. 192–228, 366–404, 442–453.

²⁷ Козеллек 2010. С. 21, 26.

²⁸ Бёдекер 2010(а). С. 45.

Второй вопрос, неизбежно возникающий перед исследователем – какие тексты привлекать для выявления существовавших в изучаемое время значений и контекстов употребления понятий? При обращении лишь к текстам «великих исторических персонажей» может возникнуть иллюзия, что их авторы, используя основные социально-политические или экономические понятия, отражали общепринятые значения и контексты. Конечно для того, чтобы идеи были услышаны, выдающиеся люди своего времени должны были употреблять уже известные современникам понятия, но при этом они могли наделять их и новыми коннотациями. Данное обстоятельство предопределяет недостаточность привлечения в рамках истории понятий произведений только известных авторов, а, следовательно, и необходимость выдвижения еще одного важного принципа истории понятий – *принципа жанрового многообразия используемых текстов*. В конце 1960-х гг. К. Скиннер в докладе «О маловажности великих текстов» подчеркивал, что для понимания смысла, заложенного в тексте, «...совершенно недостаточно сколь угодно пристального чтения отобранных “значимых” трудов “великих” авторов, а требуется радикальное расширение как набора изучаемых текстов, так и круга их создателей, включая сюда словари, толковники, пособия и прочую “подручную” литературу той или иной эпохи»²⁹.

В конкретно-исторических исследованиях использование инструментария истории понятий предполагает привлечение широкого круга исторических источников, авторами которых могли быть как известные, так и неизвестные авторы, поскольку принципиальное значение имеет не степень влияния автора на общественное мнение, а сам факт использования в различных контекстах исследуемых понятий. Источниками информации для историка могут быть законодательные акты, словари и учебные пособия, докладные записки, материалы периодической печати, проекты реформ и программные документы официальных и тайных обществ, мемуары, частная переписка и др. Такой комплексный подход к формированию источниковой основы исследования позволяет выявить различные оттенки социально-политических настроений, а также особенности трактовок политических принципов в разных социальных средах.

Наряду с необходимостью определения критериев отбора понятий и выработки принципов формирования комплекса источников, еще один важный вопрос – о возможности применения в рамках конкретно-исторических исследований таких основополагающих катего-

²⁹ См.: Дмитриев 2004. С. 11, 12.

рий Begriffsgeschichte как «пространство опыта» и «горизонт ожиданий»). Способность основных социально-политических понятий отражать эволюцию общественного сознания, фиксируя изменение значений и контекстов их употребления современниками, обуславливает необходимость реализации *принципа сочетания синхронного и диахронного подхода*. По мнению Р. Козеллека, совмещение, «синхронического» и «диахронического» подходов, помогает «...увидеть появляющиеся расхождения между старыми значениями слова, относящимися к некоторому исчезающему факту, и новым содержанием этого же самого слова»³⁰. Данный принцип предполагает, с одной стороны, изучение изменений содержания понятия в исторической ретроспективе, а с другой – сопоставление того, какие значения имело понятие, и в каких контекстах его употребляли современники в рамках относительно непродолжительного временного периода, который хронологически охватывал жизнь одного-двух поколений.

Рассмотрим возможность совмещения диахронического и синхронического подхода на примере сравнения смысловых значений понятия «гражданин», распространенных со второй половины XVIII в., с теми значениями и контекстами употребления, которые использовались в текстах первой четверти XIX века. Результатом сравнительного анализа может стать выявление одновременно существовавших и конкурирующих друг с другом значений, отражавших знания человека об окружающей индивида социальной реальности и приемлемых нормах поведения («пространство опыта»), и представлений о перспективах развития общества («горизонта ожиданий»).

Во второй половине XVIII века понятие «гражданин» имело политически нейтральное содержание и употреблялось, прежде всего, для обозначения городских жителей. В «Грамоте на права и вольности городам Российской Империи» «гражданином» назывался любой житель города, имевший в нем недвижимую собственность или постоянное занятие и записанный в «городскую обывательскую книгу»³¹. Одновременно с принадлежностью к городским жителям, понятие «гражданин» употреблялось и для обозначения более узкой социальной группы «именитых граждан», в состав которой входили жители города, обладавшие выдающимися способностями, высоким уровнем образования, или большим денежным капиталом³². В начале XIX века политически

³⁰ Козеллек 2004(а). С. 114.

³¹ Полное собрание законов Российской империи... С. 363.

³² Там же. С. 364, 381–382.

нейтральное значение слова «гражданин» было воспроизведено в одном из наиболее известных словарей того времени – «Словаре Академии Российской». Составители объясняли читателям значение слова «гражданин» так: «Гражданин – городской житель, обитатель»³³.

Одновременно с отождествлением гражданина с городским жителем в конце XVIII – начале XIX в. было распространено и более широкое по смыслу значение: «гражданин» – это еще и соотечественник, житель страны, подданный, вне зависимости от места проживания и сословной принадлежности. В таком обобщенном значении слово «гражданин» многократно употреблялось в учебных пособиях и публичных речах, произносимых на торжественных собраниях различных «официозных» и «вольных» обществ³⁴.

По мере знакомства образованной части российского общества с произведениями А. Смита, Ч. Беккариа, Д. Дидро, Ш. Монтескье и др. европейских авторов, понятие «гражданин» приобретает дополнительные коннотации и все чаще употребляется в юридическом контексте: гражданин – это не только человек, проживающий на территории города или страны, но и субъект правоотношений, обладающий «гражданскими правами». С приходом к власти ориентированного на европейские либеральные ценности императора Александра I, перспектива «восстановления силы закона» и провозглашения «гражданских прав» стала неотъемлемой частью «горизонта ожиданий» представителей образованной части российского общества.

Сравнительно-контекстуальный анализ источников, в которых употреблялось словосочетание «гражданские права», позволяет утверждать, что оно использовалось для обозначения целого комплекса характеристик, описывающих идеальную модель взаимоотношений, как между гражданами, так и между ними и государством. В полном соответствии с европейскими идейными основами признавалась необходимость законодательного закрепления прав граждан на «безопасность лица и имущества», «свободу мыслить и рассуждать», «право свободного исповедания религии», «свободу печати» («тиснения») ³⁵. Однако в процессе осмысления либеральных европейских теорий и практического опыта, произошел синтез традиционного и заимствованного значения понятия «гражданин», обусловивший формирование представлений о

³³ Словарь Академии Российской... Стб. 1233.

³⁴ См.: *Каразин* 1813. С. 3–35; Начертание статистики российского государства... С. 38, 51.

³⁵ См., напр.: *Куницын* 1818. С. 57–59, 65; *Герман* 1809. С. 104–105; 1806. С. 81–82; *Каченовский* 1805. С. 199–204.

том, кто, по каким критериям и в каком объеме мог быть наделен «гражданскими» и «политическими правами». Своеобразие этих представлений заключалось в установлении логических и ассоциативных связей либеральных концептов «гражданин» и «гражданские права» с ориентированными на патерналистские ценности принципами³⁶.

Во-первых, в текстах российских авторов категория «гражданские права» содержательно была связана с «правом» как системой юридических отношений и, одновременно, с целым комплексом морально-этических качеств «истинного гражданина». Дополнительным подтверждением существования взаимосвязи «права» и «нравственности» был хорошо известный современникам тезис о том, что «законы» каждой страны должны соответствовать «нравам народов», её населяющих. В результате бесспорным и безусловно справедливым был признан принцип постепенного, последовательного наделения российских подданных «гражданскими» и «политическими правами» в соответствии с присущими каждому сословию «нравственными качествами». С позиции образованного российского подданного, подобная логика не противоречила теоретическому равенству «общих гражданских прав». При этом авторы отмечали, что в сложившихся условиях «политические права» следует рассматривать лишь как «отличительные преимущества и выгоды» наиболее просвещенной части российского общества.

Во-вторых, обязательным условием для реализации «гражданских прав» было признано существование сильного и «благоустроенного государства», которое главной целью считало бы обеспечение личной и имущественной безопасности своих «граждан». Категория «гражданские права» оказывалась связанной не только с «нравами», но и с «силой», способной предотвратить нарушение законных прав граждан и осуществлять функцию независимого арбитра в конфликтах между частными лицами. Одновременно с этим государство было признано единственным субъектом, способным адекватно оценить нравственные качества «граждан», осуществить необходимую дифференциацию «гражданских» и «политических прав», а также установить «справедливые законы». Наличие у государства всех перечисленных возможностей предопределяло правило, в соответствии с которым инициатива предоставления российским подданным каких-либо «прав» и «свобод» может исходить только от государства. Все это в совокупности оказало большое влияние на процесс выработки общих подходов к решению крестьянского вопроса и дальнейшей политической модернизации.

³⁶ Тимофеев 2009. № 5. С. 98–107; 2010. С. 20–29.

Таким образом, сопоставление синхронного и диахронного принципа позволило реконструировать процесс эволюции политически нейтрального значения понятия «гражданин» и возникновения новых смысловых акцентов, которые сделали его важным инструментом в идеологических спорах между сторонниками либеральных и патерналистских ценностей в России первой четверти XIX века.

Следующая важная проблема, которая неизбежно встает перед исследователем, использующим методологические установки «истории понятий», связана с необходимостью сочетания истории языковых практик со сложившейся в изучаемое время социально-экономической и политической реальностью. Решение этого вопроса, на мой взгляд, возможно посредством реализации *принципа контекстуализации*, в соответствии с которым «историю понятий» следует изучать как «историю взаимосвязей... с исторической действительностью»³⁷. Такая взаимосвязь с действительностью должна быть представлена не на уровне характеристики общего положения в стране, а посредством выявления того, какими мотивами руководствовался автор исторического источника, какую цель он преследовал, и на какую реакцию современников мог рассчитывать, используя в тексте основные социально-политические понятия³⁸. С этих позиций процесс создания текста и общественная реакция на его появление рассматривается как целенаправленное практическое действие.

В качестве примера проявления политической активности, выраженной в письменной форме, можно рассматривать листовки с переведенными на русский язык выдержками из текста конституции Царства Польского, которые нелегально распространялись на территории Минской губернии весной-летом 1815 года. Одна из таких листовок попала в распоряжение полиции и была отправлена в письме Минского гражданского губернатора главнокомандующему Санкт-Петербурга. Внутренняя структура этого небольшого по объему (примерно 1,5 листа рукописного текста) документа состояла из трех разделов («Разделение государства», «Репрезентация или Депутация народная», «Права народные») и, в отличие от оригинального текста Польской конституции, не имела разбивки на статьи³⁹. Все это позволяет утверждать, что данный документ являлся не просто копией какой-то части «Конституционной хартии Царства Польского», а был создан в ре-

³⁷ См.: Бёдекер 2010(а). С. 55.

³⁸ См. подробнее: Скиннер 2004. С. 63–65; Дмитриев 2004. С. 11–12.

³⁹ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 10–10 об.

зультате сознательного отбора наиболее важных, с точки зрения его составителя, положений.

Содержательно, большую часть листовки занимал раздел «права народные». В нем были перечислены принципы верховенства закона, неприкосновенности собственности и свободы личности: «Всякого состояния поляки в отношении закона суть равные. Все равно пользуются личною свободою. Ни один поляк не судим и преследован быть не может, токмо в случае и по обряду учрежденному законом. Наказание конфискации имений навсегда уничтожается и превращено быть не может. Дом всякого жителя польской земли есть убежище неприкосновенное: никто не имеет права войти в оной, разве токмо по причине законом указанной»⁴⁰. В такой краткой форме, используя оригинальный текст «Конституционной хартии Царства Польского», авторы листовки объясняли потенциальным читателям, что следует считать главной функцией «конституции». Все остальные ее положения должны были лишь обеспечить реализацию указанных прав и свобод граждан. Именно поэтому в документе отсутствовало подробное описание многоуровневой системы государственного управления, но упоминалось о принципе выборности в Сейм «депутации народной» из числа дворян, «...вносящих подати 100 злотых»⁴¹. Предполагалось, что участие выбранных таким образом депутатов может стать дополнительной гарантией соблюдения прав личности на свободу, собственность и безопасность.

Используя принцип контекстуализации, важно отметить, что составители листовки не призывали к каким-либо решительным действиям. Напротив, их цель состояла в распространении информации о содержании конституции недавно присоединенного к Российской империи Царства Польского, которая была дарована верховной властью, и, предположительно, могла стать образцом для составления общероссийской конституции. В данном случае использование понятий «закон» и «свобода» отражает стремление способствовать реализации в России провозглашенного правительством курса на либерализацию экономических и социально-политических отношений.

Однако примерно в это же время возникают тексты, авторы которых, прикрываясь модной либеральной риторикой, создавали «тайные общества» для совершения противоправных действий и получения прямой материальной выгоды. При этом для привлечения наибольше-

⁴⁰ Там же. Л. 10 об.

⁴¹ Там же. Л. 10.

го количества членов, как правило, активно использовались эмоционально ярко окрашенные и противоположные по своему значению понятия, такие как, например, «свобода» и «рабство».

Одним из таких «тайных обществ» было организованное майором астраханского гарнизонного полка Александром Кучевским (Кученовским) и бригадным писарем О. Пружковским общество «Двойной союз, вечный и непоколебимый Тайлера и Александра»⁴², о существовании которого власти узнали из доноса одного из его членов рядового Петра Львова. Из материалов следствия по данному делу известно, что майор Кучевский, сознательно преувеличивая масштабы и степень политического влияния тайного общества на положение в стране, объяснял его членам главную цель организации следующим образом: «...общество состоит из нескольких миллионов простых и многих тысяч знатных членов единственно для того, чтобы Российским людям сделать свободу и прекратить рабство. Дабы ни царей, ни господ не было»⁴³. Призывая к достижению указанных целей, руководитель тайного общества ориентировался на малограмотных людей, для которых идея «освобождения от рабства» и уравнительного распределения была близка и понятна. С этих позиций, принципиально важные положения устава общества, характеризующие истинные намерения А. Кучевского, были связаны с признанием физического насилия в качестве приемлемого способа достижения поставленных целей. «Ничто так не чувствительно, как употреблять все меры для получения свободы», – писал Кучевский, подчеркивая, что «как бы оныя меры не были жестоки, но они по существу своему и цели не менее должны быть святы и достойны исполнения»⁴⁴. Следуя данной установке, члены общества нередко совершали кражи и грабежи, а все полученное таким способом они обязаны были приносить Кучевскому. Более того, каждый из них должен был добровольно пожертвовать собственным «капиталом» и имуществом. Если кто-то этого не делал, то с ним следовало «...поступать как с отступниками Законов Божиих»⁴⁵. Все эти обстоятельства позволяют утверждать, что главной целью Кучевского и его ближайших помощников было личное обогащение, а тайное общество, организованное им под лозунгом борьбы за «свободу от рабства», было лишь удобным средством ее достижения.

⁴² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 229. Ед. хр. 33. Л. 1 об.

⁴³ Там же. Л. 2 об.

⁴⁴ Там же. Л. 1 об.

⁴⁵ Там же. Л. 3 об.

Приведенные выше примеры позволяют утверждать, что на уровне практических действий с помощью понятий «закон» и «свобода» могли обосновываться противоположные по своей идейной направленности действия. Таким образом, применение принципа контекстуализации и рассмотрение процесса создания текста исторического источника как целенаправленного действия способствует выявлению внутренних противоречий в представлениях и действиях людей прошлого.

В совокупности, предлагаемый вариант интеграции основных положений немецкой и англосаксонской школы истории понятий может стать эффективным инструментом исследования сложного и всегда внутренне противоречивого процесса эволюции общественного сознания. Комплексное использование в конкретно-историческом исследовании принципов *контекстуализации, системности, жанрового многообразия используемых текстов, сочетания синхронного и диахронного подхода*, поможет понять глубинные причины того, что одни и те же идеи, как в разных странах, так и внутри одной страны, могли восприниматься фрагментарно, или напротив – дополняться новыми смысловыми акцентами.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев А.А.* Из истории общественно-политической лексики русского языка XVIII века. Дисс.... канд. ист. наук. Л., 1972.
- Андреева Т.В.* Формирование общества как социального института, эволюция политических понятий «общество» и «общественное мнение» в конце XVIII – первой трети XIX вв. // Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография. Мат-лы всеросс. научн. конф. 6–7 декабря 2006 г. СПб, 2007. С. 7–22.
- Бёдекер Х.* Отражение исторической семантики в исторической культурологии // История понятий, история дискурса, история метафор / Сб. ст. под ред. Х. Э. Бёдекера / Пер. с нем. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 5–17.
- Бёдекер Х.* Размышление о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история метафор. Сб. ст. под ред. Х. Э. Бёдекера / Пер. с нем. – М.: Новое литературное обозрение, 2010(а). С. 34–65.
- Бокова В.М.* «Ликурговы законы» Павла Пестеля // Декабристы: актуальные проблемы и новые подходы. / Отв. ред. О. И. Киянская. М.: РГГУ, 2008. С. 215–227.
- Будагов Р. А.* История слов в истории общества. М.: Просвещение, 1971. - 270 с.
- Герман К.* Всеобщая теория статистики для обучающихся сей науке, изданная от главного правления училищ, СПб., 1809.
- Герман К.* Материалы для российской статистики // Статистический журнал. 1806. Т. 1. Ч. 1. С. 72-93.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 25.

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 229. Ед. хр. 33.
- Гросул В.Я.* Русское общество XVIII–XIX в.: традиции и новации. М.: Наука, 2003. 517 с.
- Дмитриев А.* Контекст и метод (предварительные соображения об одной становящейся исследовательской индустрии) // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 6–16.
- Дубина В.* Из Билефельда в Кембридж и обратно: пути утверждения «истории понятий» в России. Послесловие // История понятий, история дискурса, история метафор / Сб. статей под ред. Х.Э. Бёдекера. Пер. с нем. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 298–320.
- Жуковская Т.Н.* Дворянский либерализм при Александре I: споры о конституциях и «рабстве» в русских журналах 1800–1810-х годов. Петрозаводск., ПетрГУ, 2002. – 44 с.
- Ингерфлом К.* Историографический миф о верности государству при Петре Великом. Опыт применения Begriffsgeschichte к русской истории // Эволюция понятий в свете истории русской культуры / Отв. ред. В.М. Живов, Ю.В. Каргалицкий. – М.: Языки славянских культур, 2012. С. 252–278.
- Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века: Сб. науч. работ. СПб.: изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2006. – 256 с.
- История понятий, история дискурса, история метафор. / Сб. статей под ред. Х.Э. Бёдекера. Пер. с нем. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 328 с.
- Каменев Е.В.* Понятие закон в мировоззрении декабристов // Россия XXI. 2013. №6. С.74–103.
- Каразин В.Н.* Речь о необходимости в настоящих обстоятельствах усилить домоводство // Вестник Европы. 1813. Ч. LXVII. № 1–2. С. 3–35.
- Каченовский М.* О книжной цензуре в России // Вестник Европы. 1805. Ч. XIX. № 3, февр. С. 199–204.
- Киселев М.А.* Правда и закон во второй половине XVII первой четверти XIX века: от монарха судьи к монарху-законодателю // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 49–65.
- Козеллек Р.* К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор. Сб. статей под ред. Х.Э. Бёдекера / Пер. с нем. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 21–33.
- Козеллек Р.* Можем ли мы распоряжаться историей? (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени») // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 226–241.
- Козеллек Р.* Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века: сб. научн. работ. СПб.: изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2006. С. 33–53.
- Козеллек Р.* Теория и метод определения исторического времени // Логос: журнал по философии и прагматике культуры. 2004.(а) № 5(44). С. 97–130.
- Копосов Н.Е.* История понятий вчера и сегодня // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века: сб. научн. работ. (Источник. Историк. История: Вып. 5). СПб.: изд-во Европ. ун-та в СПб; Алетейя, 2006. С. 9–32.

- Кром М.М.* Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века: сб. научн. работ. СПб.: изд-во Европ. ун-та в СПб; Алетейя, 2006. С. 54–69.
- Кром М.М.* Использование понятий в исследованиях по истории допетровской Руси: смена вех и новые ориентиры // Как мы пишем историю? Сб. ст. М.: РОССПЭН, 2013. С. 116–117.
- Кром М.М., Пименова Л.А.* Феномен реформ в Европе раннего нового времени // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVII вв.): Сб. ст. СПб.: изд-во Европ. ун-та в СПб, 2013. С.7–14.
- Куницын А. П.* Право естественное Ч. 1. СПб.: Тип. Иос. Иоаннесова, 1818.
- Марасинова Е.Н.* Власть и личность. Очерки русской истории XVIII века. М.: Наука, 2008. – 460 с.
- Марасинова Е.Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. (По материалам переписки). М.: РОССПЭН, 1999. – 302 с.
- Миллер А.И., Сдвижков Д.А., Ширле И.* «Понятия о России» к исторической семантике имперского периода. Предисловие //«Понятия о России» к исторической семантике имперского периода. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 5–46.
- Миллер А.И.* «Народность» и «нация» в русском языке XIX века: подготовительные наброски к истории понятий // Российская история. 2009. № 1. С. 151–165.
- Начертание статистики российского государства, составленное главного педагогического института адъюнкт-профессором Константином Арсеньевым. Ч. 2: О состоянии правительства. СПб.: тип. Императорского воспитательного дома, 1819.
- Одесский М.П.* Вольнодумный тезариус декабристов. Révolution–революция–переворот–превращение // Декабристы: актуальные проблемы и новые подходы / Отв. ред. О. И. Киянская. М.: РГГУ, 2008. С. 494–502.
- Остин Дж.* Три способа пролить чернила. Философские работы. СПб.: СПб.: Алетейя; Санкт-Петербургский университет, 2006 – 333 с.
- Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М.: Языки славянских культур, 2009. – 432 с.
- Полное собрание законов российской империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. XXII, 1785. № 16.188.
- Понятие государства в четырех языках: Сб. ст. / Под ред. О. Хархордина. – М.; СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2002 – 216 с.
- «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т.1. – 576 с.; Т.2.– 496 с.
- Роцин Е.* История понятий Квентина Скиннера // Полис. 2006. № 3. С. 150–158.
- Роцин Е.* История понятий: новый старый подход общественных наук // Политическая наука. 2009. № 4. С. 43–58.
- Скиннер К.* Коллингудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 55–66.
- Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 1.: А–Д. СПб., 1806.
- Тимофеев Д.В.* Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск: Энциклопедия, 2011. – 456 с.

- Тимофеев Д.В. «Гражданин» и «государство» в России первой четверти XIX века: к истории понятий // Вопросы истории. 2009. № 5. С. 98–107.
- Тимофеев Д.В. Трактовка понятий «государство», «гражданин» и «гражданские права» в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 10. (191). История. Вып. 39. С. 20–29.
- Фриз Г.Л. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара, 2000. С. 123–162.
- Хархордин О. История понятий как метод истории практик // Эволюция понятий в свете истории русской культуры / Отв. ред В.М. Живов, Ю.В. Каргалицкий. – М.: Языки славянских культур, 2012. С. 7–23.
- Эволюция понятий в свете истории русской культуры / Отв. ред В.М. Живов, Ю.В. Каргалицкий. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 328 с.
- Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Stuttgart, 1972–1993. Bd. 1–8.
- Kosellek R. Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten.- Frankfurt/M.: Suhrkamp Verlag. STW, 1989.
- Pocock J. G. A. Politics, Language and Time. Essays in Political thought and History. London, 1972.
- Schierle Ingrid. «For the Benefit and Glory of the Fatherland»: the concept of Otechestvo // Eighteenth-century Russia: society, culture, economy. Papers from the VII international conference of the study group on Eighteen-century Russia, Wittenberg 2004. Berlin, 2007. P. 283–295.
- Schierle Ingrid. «Syn otečestva»: Der, «wahre Patriot» // Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Beiträge zu einem Forschungsdesiderat. Köln, 2006. P. 347–367.

REFERENCES

- Alekseev A.A. Iz istorii obshchestvenno-politicheskoi leksiki russkogo yazyka XVIII veka. Diss.... kand. ist. nauk. L., 1972.
- Andreeva T.V. Formirovanie obshchestva kak sotsial'nogo instituta, evolyutsiya politicheskikh ponyatii «obshchestvo» i «obshchestvennoe mnenie» v kontse XVIII – pervoi treti XIX vv. // Vlast', obshchestvo i reformy v Rossii: istoriya, istochniki, istoriografiya. Mat-ly vseross. nauchn. konf. 6–7 dekabrya 2006 g. SPb, 2007. S. 7–22.
- Bedeker Kh. Otrazhenie istoricheskoi semantiki v istoricheskoi kul'turologii // Is-toriya ponyatii, istoriya diskursa, istoriya metafor / Sb. st. pod red. Kh. E. Bedekera / Per. s nem. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. S. 5–17.
- Bedeker Kh. Razmyshlenie o metode istorii ponyatii // Istoriya ponyatii, istoriya diskursa, istoriya metafor. Sb. st. pod red. Kh. E. Bedekera / Per. s nem. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010(a). S. 34–65.
- Bokova V.M. «Likurgovy zakony» Pavla Pestelya // Dekabristy: aktual'nye problemy i novye podkhody. / Отв. ред. О. И. Киянская. М.: RGGU, 2008. S. 215–227.
- Budagov R. A. Istoriya slov v istorii obshchestva. M.: Prosveshchenie, 1971. - 270 s.
- German K. Vseobshchaya teoriya statistiki dlya obuchayushchikh sei nauke, izdannaya ot glavnogo pravleniya uchilishch. SPb., 1809.
- German K. Materialy dlya rossiiskoi statistiki // Statisticheskii zhurnal. 1806. T. 1. Ch. 1. S. 72-93.
- Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. 1165. Op. 1. Ed. khr. 25.

- Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. 109. Op. 229. Ed. khr. 33.
- Grosul V.Ya. Russkoe obshchestvo XVIII–XIX v.: traditsii i novatsii. M.: Nauka, 2003 – 517 s.
- Dmitriev A. Kontekst i metod (predvaritel'nye soobrazheniya ob odnoi stanovya-shcheysia issledovatel'skoi industrii) // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2004. № 66. S. 6–16.
- Dubina V. Iz Bilefel'da v Kembridzh i obratno: puti utverzhdeniya «istorii ponya-tii» v Rossii. Posleslovie // *Istoriya ponyatii, istoriya diskursa, istoriya me-tafor* / Sb. statei pod red. Kh.E. Bedekera. Per. s nem. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. S. 298–320.
- Zhukovskaya T.N. Dvoryanskii liberalizm pri Aleksandre I: spory o konstitutsiyakh i «rabstve» v russkikh zhurnalakh 1800–1810-kh godov. Petrozavodsk; PetrGU, 2002. – 44 s.
- Ingerflom K. Istoriograficheskii mif o vernosti gosudarstvu pri Petre Veli-kom. Opyt primeneniya Begriffsgeschichte k russkoi istorii // *Evolutsiya ponya-tii v svete istorii russkoi kul'tury* / Otv. red. V.M. Zhivov, Yu.V. Kargalits-kii. – M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012. S. 252–278.
- Istoricheskie ponyatiya i politicheskie idei v Rossii XVI–KhKh veka: Sb. nauch. rabot. SPb.: izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge; Aleteiya, 2006. – 256 s.
- Istoriya ponyatii, istoriya diskursa, istoriya metafor. / Sb. statei pod red. Kh.E. Bedekera. Per. s nem. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. – 328 s.
- Kamenev E.V. Ponyatie zakon v mirovozzrenii dekabristov // *Rossiya KhKhI*. 2013. №6. S.74–103.
- Karazin V.N. Rech' o neobkhodimosti v nastoyashchikh obstayatel'stvakh usilit' domo-vozdstvo // *Vestnik Evropy*. 1813. Ch. LXVII. № 1–2. S. 3–35.
- Kachenovskii M. O knizhnoi tsenzure v Rossii // *Vestnik Evropy*. 1805. Ch. XIX. № 3, fevr. S. 199–204.
- Kiselev M.A. Pravda i zakon vo vtoroi polovine XVII pervoi chetverti XIX veka: ot monarkha sud'i k monarkhu-zakonodatelyu // «Ponyatiya o Rossii»: k istoriche-skoi semantike imperskogo perioda. T. 1. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. S. 49–65.
- Kozellek R. K voprosu o temporal'nykh strukturakh v istoricheskom razvitii ponya-tii // *Istoriya ponyatii, istoriya diskursa, istoriya metafor*. Sb. statei pod red. Kh.E. Bedekera / Per. s nem. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. S. 21–33.
- Kozellek R. Mozhem li my rasporyazhat'sya istoriei? (Iz knigi «Proshedshee budu-shchee. K voprosu o semantike istoricheskogo vremeni») // *Otechestvennye zapiski*. 2004. № 5. S. 226–241.
- Kozellek R. Sotsial'naya istoriya i istoriya ponyatii // *Istoricheskie ponyatiya i poli-ticheskie idei v Rossii XVI–XX veka: sb. nauchn. rabot*. SPb.: izd-vo Evropei-skogo un-ta v Sankt-Peterburge; Aleteiya, 2006. S. 33–53.
- Kozellek R. Teoriya i metod opredeleniya istoricheskogo vremeni // *Logos: zhurnal po filosofii i pragmatike kul'tury*. 2004.(a) № 5(44). S. 97–130.
- Koposov N.E. Istoriya ponyatii vchera i segodnya // *Istoricheskie ponyatiya i poli-ticheskie idei v Rossii XVI–XX veka: sb. nauchn. rabot*. (Istochnik. Istoriik. Is-toriya: Vyp. 5). SPb.: izd-vo Evrop. un-ta v SPB; Aleteiya, 2006. S. 9–32.
- Krom M.M. Rozhdenie «gosudarstva»: iz istorii moskovskogo politicheskogo dis-kursa XVI veka // *Istoricheskie ponyatiya i politicheskie idei v Rossii XVI–KhKh veka*.

- Istoricheskie ponyatiya i politicheskie idei v Rossii XVI–XX veka: sb. nauchn. rabot. SPb.: izd-vo Evrop. un-ta v SPB; Aleteiya, 2006. S. 54–69.
- Krom M.M. Ispol'zovanie ponyatii v issledovaniyakh po istorii dopetrovskoi Rusi: smena vekh i novye orientiry // *Kak my pishem istoriyu?* Sb. st. M.: ROSSPEN, 2013. S. 116–117.
- Krom M.M., Pimenova L.A. Fenomen reform v Evrope rannego novogo vremeni // *Fenomen reform na zapade i vostokey Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI–XVII vv.)*: Sb. st. SPb.: izd-vo Evrop. un-ta v SPB, 2013. S. 7–14.
- Kunitsyn A. P. Pravo estestvennoe Ch. 1. SPb.: Tip. Ios. Ioannesova, 1818.
- Marasino EN. Vlast' i lichnost'. Ocherki russkoi istorii XVIII veka. M.: Nauka, 2008. – 460 s.
- Marasino E.N. Psikhologiya elity rossiiskogo dvoryanstva poslednei treti XVIII veka. (Po materialam perepiski). M.: ROSSPEN, 1999. – 302 s.
- Miller A.I., Sdvizhkov D.A., Shirle I. «Ponyatiya o Rossii» k istoricheskoi semantike imperskogo perioda. Predislovie // «Ponyatiya o Rossii» k istoricheskoi semantike imperskogo perioda. T. 1. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. S. 5–46.
- Miller A.I. «Narodnost'» i «natsiya» v russkom yazyke XIX veka: podgotovitel'nye nabroski k istorii ponyatii // *Rossiiskaya istoriya*. 2009. № 1. S. 151–165.
- Nachertanie statistiki rossiiskogo gosudarstva, sostavlennoe glavnogo pedagogicheskogo instituta ad'yunkt-professorom Konstantinom Arsen'evym. Ch. 2: O sostoyanii pravitel'stva. SPb.: tip. Imperatorskogo vospitatel'nogo doma, 1819.
- Odesskii M.P. Vol'nodumnyi tezarius dekabristov. Révolution–revolyutsiya–perezovorot–prevrashchenie // *Dekabristy: aktual'nye problemy i novye podkhody* / Otv. red. O. I. Kiyanskaya. M.: RGGU, 2008. S. 494–502.
- Ostin Dzh. Tri sposoba prolit' chernila. Filosofskie raboty. SPb.: SPb.: Ale-teiya; Sankt-Peterburgskii universitet, 2006 – 333 s.
- Ocherki istoricheskoi semantiki russkogo yazyka rannego Novogo vremeni. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2009. – 432 s.
- Polnoe sobranie zakonov rossiiskoi imperii, s 1649 goda. SPb., 1830. T. XXII, 1785. № 16.188.
- Ponyatie gosudarstva v chetyrekh yazykakh: Sb. st. / Pod red. O. Kharkhordina. – M.; SPb.: Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge, 2002 – 216 s.
- «Ponyatiya o Rossii»: k istoricheskoi semantike imperskogo perioda. V 2 t. M.: No-voe literaturnoe obozrenie, 2012. T.1. – 576 s.; T.2. – 496 s.
- Roshchin E. Istoriya ponyatii Kventina Skinnera // *Polis*. 2006. № 3. S. 150–158.
- Roshchin E. Istoriya ponyatii: novyi staryi podkhod obshchestvennykh nauk // *Politicheskaya nauka*. 2009. № 4. S. 43–58.
- Skinner K. Kollingvudovskii podkhod k istorii politicheskoi mysli: stanovlenie, vyzov, perspektivy // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2004. № 66. S. 55–66.
- Slovar' Akademii Rossiiskoi, po azbuchnomu poryadku raspolozhenni. Ch. 1.: A–D. SPb., 1806.
- Timofeev D.V. Evropeiskie idei v sotsial'no-politicheskom leksikone obrazovannogo rossiiskogo poddannogo pervoi chetverti XIX veka. Chelyabinsk: Entsiklo-pediya, 2011. – 456 s.
- Timofeev D.V. «Grazhdanin» i «gosudarstvo» v Rossii pervoi chetverti XIX veka: k istorii ponyatii // *Voprosy istorii*. 2009. № 5. S. 98–107.
- Timofeev D.V. Traktovka ponyatii «gosudarstvo», «grazhdanin» i «grazhdanskaya prava» v sotsial'no-politicheskom leksikone obrazovannogo rossiiskogo poddannogo

- pervoi chetverti XIX veka // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 10. (191). Istoriya. Vyp. 39. S. 20–29.
- Friz G.L. Soslovnaya paradigma i sotsial'naya istoriya Rossii // Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskii period: Antologiya. Samara, 2000. S. 123–162.
- Kharkhordin O. Istoriya ponyatii kak metod istorii praktik // Evolyutsiya ponyatii v svete istorii russkoi kul'tury / Otv. red V.M. Zhivov, Yu.V. Kargalitskii. – M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012. S. 7–23.
- Evolutsiya ponyatii v svete istorii russkoi kul'tury / Otv. red V.M. Zhivov, Yu.V. Kargalitskii. – M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012. – 328 s.
- Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Stuttgart, 1972–1993. Bd. 1–8.
- Kosellek R. Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. - Frankfurt/M.: Suhrkamp Verlag. STW, 1989.
- Pocock J. G. A. Politics, Language and Time. Essays in Political thought and History. London, 1972.
- Schierle Ingrid. «For the Benefit and Glory of the Fatherland»: the concept of Otechestvo // Eighteenth-century Russia: society, culture, economy. Papers from the VII international conference of the study group on Eighteenth-century Russia, Wittenberg 2004. Berlin, 2007. P. 283–295.
- Schierle Ingrid. «Syn otečestva»: Der, «wahre Patriot» // Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Beiträge zu einem Forschungsdesiderat. Köln, 2006. P. 347–367.

Тимофеев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН; dmitrtrim@yandex.ru

Methodology of the history of concepts in the context of the history of pre-revolutionary Russia: prospects and application of principles

This article discusses methodological grounds of the history of concepts in the context of solving the problem of adequate understanding of the past, recorded in the texts of historical sources. The article presents the analysis of the topics and trends in modern historiography, where researchers are turning to the methodology of the history of concepts. Through the integration of the main provisions of the German and Anglo-Saxon school of the "history of concepts", the author offers specific principles of historical research on the history of Russia.

Keywords: methodology of history; history of concepts; the European ideas to Russia, history of political thought of Russia; the basic sociopolitical concepts.

Dmitry Timofeev, Dr.Sc. (History), Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; dmitrtrim@yandex.ru

М. С. ПЕТРОВА

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПЛАТОНИКОВ О ДЕЛЕНИИ МИРА В ИЗЛОЖЕНИИ ЛАТИНСКОГО ЭНЦИКЛОПЕДИСТА МАКРОБИЯ

В статье обсуждаются теории платоников относительно деления мира, изложенные в Макробиевом «Комментарии на ‘Сон Сципиона’» (V в.). Анализируется учение первой группы платоников, разделявших космос на две части: неизменяемую (и «действующую») часть, простирающуюся от сферы неподвижных звезд (Апланес) до сферы Луны, и изменяемую («претерпевающую»), распространяющуюся от Луны («эфирной Земли») до собственно Земли. Разбирается космография второй группы платоников («пифагорейцы»), деливших мир на три четверки элементов. Первая четверка: земля, вода, воздух, огонь. Вторая четверка (элементы более чистой природы): луна (земля), сфера Меркурия (вода), сфера Венеры (воздух), солнце (огонь). Третья четверка элементов (в обратном порядке): Апланес (земля, Елисейские поля), сфера Сатурна (вода), сфера Юпитера (воздух), сфера Марса (огонь). Рассматривается учение третьей группы платоников, представляющих космос как двухчастную структуру, первая часть которой – небо (неподвижная сфера, Апланес), а вторая часть – семь сфер «блуждающих» планет и Земля. Применительно к изложенным теориям обсуждается вопрос о локализации преисподней и «смертях» индивидуальной души, ниспадающей в земное тело. Отмечаются источники Макробия: Оккел из Лукании, Филолай, Плутарх, Плотин, Порфирий. Применяется метод релевантных контекстов.

Ключевые слова: теории, разделение, мир, комментарий, элементы, Платон, платоники, Макробий.

Как известно, термин «когнитивность» (лат. *cognitio* – познание, изучение, осознание, представление), обозначающий способность к умственному восприятию и переработке внешней информации, часто используется в весьма широком значении, подразумевая и сам акт познания, и само знание. В таком ракурсе он может быть понят в историко-философском смысле, как охватывающий не только появление и утверждение определенных познавательных концепций, например, о делении мира на части, но и их переработку и усвоение.

В макробиевом «Комментарии на ‘Сон Сципиона’» (V в.)¹, представляющем собой свод греческого знания, предпринята попытка изложить и систематизировать самые разные теории платоников, которые имеют то или иное отношение к мирозданию, жизни и смерти индивидуальной души². Это разделы по астрономии, географии и аритмологии (поскольку в основе мира, согласно Платону и его последователям, лежат числовые структуры); главы о Мировой душе³, сочетающиеся с рассуждением о допустимости использования вымысла в философских рассуждениях⁴, а также многое другое. Часто, прибегая к возможности продемонстрировать собственную эрудицию, Макробий предлагает читателю больше информации по той или иной теме⁵, чем, казалось бы, требуется. Сам Макробий не формулирует собственных теорий и не делает определенных выводов. Однако он следует своим предшественникам⁶, умело заимствуя у них нужный материал, опуская то, что кажется ему пространным, скучным или сложным для чтения⁷.

¹ Оригинальный текст см.: Willis 1963 (ed.); Armisen-Marchetti 2001–2003 (ed.). Наш перевод см.: Комм. I, 1 – 4; 8 – 14 и 17; II, 12 – 13 и 17 // Петрова 2007. С. 176–321. О Макробии см.: Там же. С. 8–41.

² Отметим, что «Комментарий» включает в себя три классификации: мифов-сказаний (I, 2), сновидений (I, 3) и добродетелей (I, 8). Все они занимали важное место в учении греков. Эти классификации Макробий органично вплетает в текст так, что они неразрывно связаны с учением об индивидуальной душе. Так, в самом начале «Комментария», после обсуждения различий и сходств в изображении и устройении государства у Платона и Цицерона (I, 1) и традиционного формулирования «цели» сочинения (I, 1, 4 и I, 4, 1), Макробий задается вопросом – может ли философ использовать в своем рассуждении вымысел (I, 1, 3), приводя доводы «за» и «против» того, а также делая различие между «сказками» и «сказаниями» (I, 2). Затем он разбирает и классифицирует различные типы сновидений (I, 3). Применительно к словам Цицерона о том, что в священную небесную обитель (I, 1, 8) могут возвратиться души тех государственных мужей, что управляли государством с благоразумием, справедливостью, мужеством и умеренностью (I, 1, 8), он классифицирует добродетели, указывая на четыре основные из них (I, 8, 3–4). См. Петрова 2007. С. 123–134.

³ Подробнее см.: Петрова 2000Б. С. 362–366; Она же 2007. С. 45–52.

⁴ См.: Петрова 2002. С. 39–40; Она же 2013. С. 264–274.

⁵ Примеры этому содержатся в обширных секциях по географии (Комм. II, 5 – 9) и аритмологии (*Ibid.* I, 5, 3 – 6, 83), а также в описании видов снов и сновидений (*Ibid.* I, 3 – см. Петрова 2002. С. 41–45; Она же 2010. С. 180–207) и добродетелей и их классификации (*Ibid.* I, 8 – см.: Петрова 2007. С. 131–134).

⁶ О греческих источниках у Макробия см.: Петрова 2006. С. 247–276. Или см.: Петрова 2007. С. 52–74.

⁷ См., например, его высказывания в Комм. I, 11, 7.

Наша задача – рассмотреть рассуждения платоников о делении мира на части так, как они изложены и систематизированы Макробием в его «Комментарии» (I, 11, 5-12), и, применив метод релевантных контекстов⁸, сопоставить их с выдержками из текстов как самого Макробия, так и других авторов, принадлежащих общей с ним интеллектуальной традиции. Это позволит нам прояснить его рассуждения.

Изложение теорий платоников о делении мира Макробий увязывает с их же представлениями о его структуре, учением о жизни и смерти индивидуальной души⁹ и рассуждением о месте преисподней (называемой «обителью Дита»). Отметив, что среди платоников нет согласия в локализации преисподней, Макробий переходит к описанию известных ему мнений, разделяя их на три школы (Комм. I, 11, 4). Он говорит, что представители первой группы делят мир на две части¹⁰, из которых одна действует, а другая – претерпевает. «Действует то, что, будучи неизменяемым, задает другому причины и необходимость изменяемости, а претерпевает то, что, как следствие этой изменяемости, меняется» (I, 11, 5-6). Неизменяемая часть мира простирается от верхней сферы *ἀλλανής* (кажушейся неподвижной¹¹) вплоть до начала лунной сферы, а изменяемая [часть] – от Луны до находящейся в центре Вселенной (I, 17, 4) Земли¹², представляющей

⁸ О методе привлечения релевантных контекстов см. *Петров* 2008 С. 140-141. Суть его в том, что адекватное прочтение рассматриваемого фрагмента текста возможно в том случае, если известна интеллектуальная традиция, в которой это произведение формировалось; если понятен замысел автора или обстоятельства, которые оказали на него влияние, и т.д. Всё это, в меру возможного, может быть обнаружено не из самого текста, а из интеллектуальных, культурных, исторических контекстов, в которые он вплетен. В отдельных случаях только привлечение того или иного источника позволяет понять смысл текста. О подобном подходе применительно к трактовке отдельных сюжетов Макробиева «Комментария» см. *Петрова* 2000В. С. 48-53.

⁹ Подробнее см.: *Петрова* 2000. С. 364-366; *Петрова* 2007. С. 50-52.

¹⁰ См. *Procl. In Plat. Remp.* Т. III. Р. 132-133. См. также: *Mras* 1933. Р. 254; *Elferink* 1968. Р. 37-39; *Cumont* 1929. Р. 301 (н. 28).

¹¹ Более подробно о вращении неба Макробий пишет в Комм. I, 17, 8-17, следуя в этом Плотину (Enn. II, 2, 1, 1-4; 23-25; 27-30, 45-49).

¹² См. *Comm. I, 22, 6*: “...iam vero quod de omni silvestri tumultu vastum, impenetrabile, densetum, ex defaecatis abrasum resedit elementis, haesit in imo, quod demersum est stringente perpetuo gelu, quod eliminatum in ultimam mundi partem longinquitas solis coacervavit...” – «...от всего материального беспорядка остался мертвый, непроницаемый сгусток, выпавший вниз осадок от очистившихся элементов, погруженный в опенение вечной мерзлоты. Выброшенный в крайний предел мира, он скопился в силу удаленности от солнца. То, что затвердело подобным образом, получило название Земли...» (перевод наш).

собой «осадок божественного и первую субстанцию живого» (I, 12, 15)¹³ (Рис. 1).

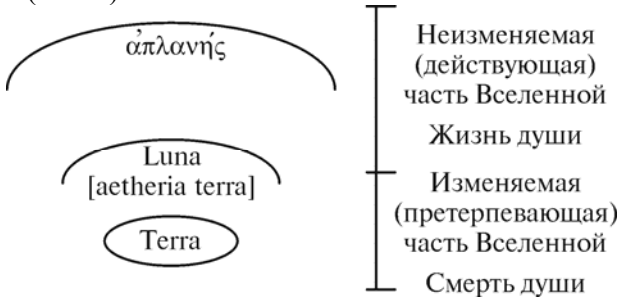

Рис. 1.

Деление мира на две части.
представителями первой группы платоников.

Соответственно, отдельные души «живут», пока они находятся в неизменяемой части Вселенной, а «умирают», ниспав в ту ее часть, которая подвластна изменямости. Поэтому пространство между Луной и Землей является местом смерти души (и преисподней), а Луна (поскольку ниже нее начинается природа брэнного [natura caducorum – I, 11, 6]) – границей ее жизни и смерти¹⁴. Это изложение может быть сопоставлено с фразами из трактата «О природе Вселенной» (De univ. nat. II, 2, 1-4) возможно принадлежащему Оккелу из Лукании (V в. до н. э.), который пишет¹⁵:

«...мойры ограничивают и отделяют ту часть космоса, которая всегда испытывает воздействие, от той, что вечно приводит в движение, так что перешейком между бессмертным и рожденным служит беговая дорожка Луны», –

¹³ Заметим, что при описании отторгнутой на край мира Земли, представляющей собой ступок льда, Макробий, скорее всего, обращался к трактату Плутарха «О первичном холоде», в котором изложено, почему это происходит (см. De primo frig. 19 [953E – 954]). Представление о том, что стихия земли – субстанция холода, до Плутарха не встречается. См. Ibidem 953E: ... ὅθεν ἢ μὲν ἐν βάθει γῆ πάχος ἐστὶν ὡς εἰπεῖν καὶ κρύσταλλος ἅπασα· τὸ γὰρ ψυχρὸν ἄκρατον οἰκουρεῖ καὶ ἀμάλακτον ἀπεωσμένον ἐκεῖ τοῦ αἰθέρος ἀποτάτω· – «Именно поэтому на большой глубине земля оказывается... сплошной скалой и льдом, потому, что там обитает неодолимый жестокий холод, отстоящий дальше всего от [области] эфира» (пер. И. Д. Рожанского).

¹⁴ См. также: Лосев 2000. С. 50, 55-56.

¹⁵ Ad loc.: ... αἱ δὲ μοῖραι αὐτοῦς διορίζουσι καὶ τέμνουσι τὸ τε ἀεὶπαθὲς μέρος τοῦ κόσμου καὶ τὸ ἀεὶκίνητον ἰσθμὸς γὰρ ἐστὶν ἀθανασίας καὶ γενέσεως ὁ περὶ τὴν σελήνην δρόμος.

и далее:

«...все, что производит рождение в другом,
находится над Луной», –

и фрагментом (44 В 21ДК) Филолая (2-я пол. V в. до н. э.):

«Неизменное простирается от души, объемлющей все Целое, до Луны, а изменчивое – от Луны и до Земли»^{16/17}, –

также демонстрирующим разделение мира на две части (активную и пассивную). Когда, согласно Макробию, души пересекают эту границу, они становятся подвержены течению времени. По этой причине Макробий упоминает натурфилософов, которые называли Луну «эфирной землей», а ее обитателей – «лунным народом». Вероятно, его слова о том, что Луна является границей жизни и смерти души, восходят к Плутарху¹⁸, который в трактате «О лике, видимом на диске Луны», пишет о двух смертях человека и о том, как и где они происходят (De facie 28 [943bc])¹⁹:

«Первая [смерть] происходит на Земле, которая принадлежит Деметре... Вторая... происходит на луне, которая принадлежит Персефоне. Сожитель первой – Гермес земной, у второй – Гермес небесный. Деметра быстро и насильственно разрешает душу и тело; Персефона медленно и в течение длительного времени отделяет ум от души, и оттого называется “единородною”, ибо лучшая часть человека рождается единой, когда та ее отделяет. Каждое из двух отделений происходит согласно природе так: всякой душе, имеющей ум или лишенной ума, суждено по выходе из тела блуждать в области между Землей и Луной, но не одинаковое время. Неправедные и невоздержные души отбывают наказания за неправды, а праведные должны пребывать некоторое положенное время в наиболее мягкой части воздуха, которую называют “лугами Аида”, сколько нужно для очищения и отвесания – как дурного запаха – связанных с телом скверн. Затем, как бы возвращаемые из изгнания в отечество, они вкушают такую же радость, как посвящаемые в таинства, испытывающие страх и смущение в соединении в надежде. Ибо многие, уже достигающие Луны, души та отбрасывает и стряхивает; они видят, как некоторые души на Луне разворачиваются, словно погружаясь обратно в глубину. [Души], оказавшиеся наверху и прочно размещенные, во-

¹⁶ Пер. С. В. Месяц. См. также: *Лебедев* (пер.). С. 445.

¹⁷ Ср. изложенное в тех же терминах рассуждение Аристотеля о природе движения из «Физики» III, 3, 202a, 20-25; VIII, 5, 267b, 10-15 (русск. пер. – С. 107, 262). Оригинальный текст см.: *Ross* (ed.).

¹⁸ Ср. *Serv. In Aen. III, 63*: “...nam animabus plena sunt loca inter lunarem et terrenum circum, unde et defluunt...” («...ибо места те между Луной и Землей наполнены живительными [силами], оттуда они и нистекают...»).

¹⁹ Подробнее см.: *Петрова* 2000А. С. 125-130.

первых, как победители, расхаживают кругом, украшенные венками из перьев, называемых “перьями стойкости”, потому что они при жизни упорядочили неразумное и страстное начала души и заставили их вполне слушаться разума. Во-вторых, видом они подобны лучу, а природой, которая там наверху легка, как и здесь у нас, подобны эфиру вокруг Луны. От него они приобретают напряженность [τόνον] и силу... Ибо то, что дотоле было в них еще рыхлым и размытым, укрепляется и становится твердым и прозрачным. Впоследствии они питаются любым испариением, и Гераклит верно выразился, что “души в Аиде обоняют”».

Скорее всего, Макробий, сославшись на натурфилософов, называющих Луну «эфирной землей» (*aetheria terra*), изложил общее представление, существовавшее в его время. Источники этого утверждения не обнаружены. Однако Прокл приписывает это высказывание Орфею²⁰, Порфирий – египтянам, а Симпликий – пифагорейцам²¹. Представления о Луне и ее обитателях, вероятно, вначале бытовавшие в народной религии, а впоследствии ставшие популярными в античной поэтической традиции, нашли отражение в натурфилософии. Так, Анаксагор (Fr. 59 A 77 [DK]; Лебедев, пер. – С. 523) говорил, что «...Луна – плоская страна, с которой... упал Немейский лев»; Афиней (*Athen. Deipnosoph. II, 57f*) писал о том, что «...яйцо, из которого вылупилась Елена, упало с Луны, – ибо хотя лунные женщины и кладут яйца, тамошние младенцы в пятнадцать раз крупней наших». Ахилл Татий (*Achil. Tat. Isag. 21*) замечал, что разные авторы говорили о том, что Луна обитаема, на ней есть реки, и все то, что есть на Земле. Под «авторами», вероятно, подразумеваются пифагорейцы. Такое утверждение возможно сравнить со словами Филолая (Fr. 44A 20 [DK], *Лебедев*, пер. – С. 439):

«...Луна кажется землеобразной потому, что она, как и наша Земля, населена животными и растениями, но только более крупными и красивыми: живущие на Луне животные в пятнадцать раз больше [земных] и совершенно не выделяют экскрементов. Столько же [т. е. в пятнадцать раз больше] длится и день».

Платон (*Symp. 189d – 190b*), излагая миф Аристофана о первобытном существовании людей, говорит о происходивших от Луны андрогинах – людях третьего пола, сочетавшего в себе вид и наиме-

²⁰ См. *Procl. In Plat. Tim. Vol. I. P. 147 (ll. 7-9)*. Ср. *Ibidem. Vol. II. P. 48 (ll. 15-17)*. См. также соответствующий фрагмент у Орфея (1 В 93 DK; *Лебедев*, пер. – С. 80): «[Луна] — небесная [эфирная] земля».

²¹ На это указывает У. Шталь — см. *Stahl 1990 P. 131 (n. 8)*.

нование обоих полов – мужского и женского, которые возникли от расщепления надвое²².

Представители второй группы платоников, а это, скорее всего, пифагорейцы²³, делили мир на три четверки элементов так (Комм. I, 11, 8-9), что в первом ряду элементов нижнее место занимает Земля, затем идут – вода, воздух и огонь. Далее следует второй ряд, в котором помещаются элементы более чистой природы. В нем на первом месте находится Луна (вместо Земли), над ней – сфера Меркурия (вода), сфера Венеры (воздух) и Солнце (огонь). Затем – третий ряд, в котором на первом месте ἀπλανής (земля), на втором сфера Сатурна, на третьем сфера Юпитера, на четвертом – сфера Марса (см. Рис. 2).

Это изложение Макробия также возможно сравнить с текстом Плутарха (De facie 942F; 944C).

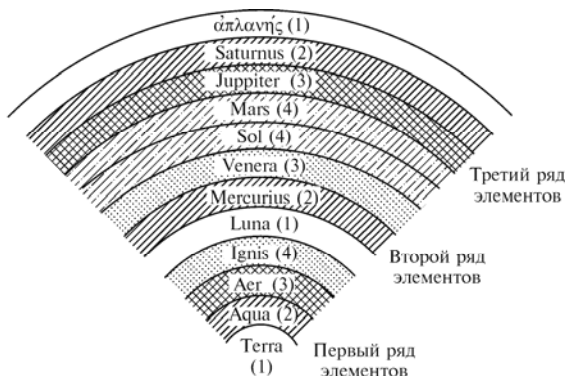

Рис. 2.

Деление мира на три четверки элементов представителями второй группы платоников.

Элементы обозначены цифрами. Первый ряд: 1 – Земля, 2 – вода, 3 – воздух, 4 – огонь. Второй ряд (элементы более чистой природы): 1 – Луна (вместо Земли), 2 – сфера Меркурия (вода), 3 – сфера Венеры (воздух), 4 – Солнце (огонь). Третий ряд: 1 – ἀπλανής (земля), 2 – сфера Сатурна, 3 – сфера Юпитера, 4 – сфера Марса.

²² В частности, эта идея Платона была воспринята средними платониками. См. *Plut.* De facie 937D; о взглядах Плутарха в отношении лунных обитателей см. Петрова 2000А. С. 126-127.

²³ См. *Mras* 1933. Р. 254.

Представители третьей группы платоников также, как и первые, делят мир на две части (Комм. I, 11, 10-12), но проводят иные границы. Они полагали небо (называемое *ἀπλανής*) одной частью, а другой – семь планетных сфер вместе с тем, что находится между ними и Землей, включая саму Землю. Согласно их мнению,

«...блаженные души, совершенно свободные от какого-либо телесного загрязнения, обладают небом²⁴. Но если находящаяся среди нескончаемого света душа, презирующая со своей высоты тягу к телу и к тому, что мы на земле называем жизнью, помыслит²⁵ [о них хотя бы] в тайном желании²⁶, то понемногу соскальзывает под тяжестью этого земного помысла²⁷ в низшие [сферы]. Не сразу от совершенной бестелесности она одевается в грязевое тело²⁸, но понемногу, в процессе незаметных потерь и все большего удаления от простой и совершеннейшей чистоты, она набухает в, так сказать, прирастаниях звездного тела. Ибо на каждой лежащей под небом сфере она облачается в [очередную] эфирную оболочку²⁹, чтобы посредством этих [оболочек] постепенно приноровиться к соединению со здешним глиняным одеянием³⁰».

И потому она [претерпевает] столько смертей, сколько сфер пересекает, достигая того, что мы на земле именуем жизнью.

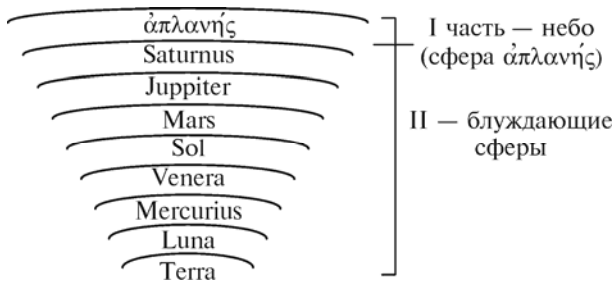

Рис. 3.
Деление мира на две части
представителями третьей группы платоников.

²⁴ *Plot. Enn* III, 4, 6; IV, 3, 13-17; *Porph. Sent.* XXIX (Lambertz).

²⁵ У Макробия – “terrenae cogitationes” – земные мысли, т.е. размышление о нижних сферах равно загрязнению [contagio]. Таким образом, душа загрязняется, думая о земном.

²⁶ Ср. Комм. I, 9, 10 и I, 12, 16. См. *Plot. Enn.* IV, 3, 13, 17-20. Ср. *Numen. Fragm.* 11 (ap. *Eusebius. Praep. Evang.* XI, 17, 11 – 18, 5).

²⁷ Ср. *Plot. Enn.* IV, 3, 12 – 15; III, 2, 4; I, 8, 4.

²⁸ Здесь “luteus” – «илистый», «глинистый» т.е. тело, состоящее из грязи и ила.

²⁹ Эту мысль Макробий продолжает в Комм. I, 12, 13.

³⁰ “Testeus” – «глиняный», «созданный из глины».

Как представляется, Макробий достаточно подробно изложил и тщательно систематизировал космографические представления трех различных школ последователей Платона, заметив, что последняя, третья теория, по его мнению, является предпочтительной. Таким образом, соответствующие разделы его «Комментария» не только являются важным доксографическим источником для реконструкции не дошедших до нас в греческом оригинале сочинений, но и демонстрируют усвоение им теорий платоников о делении мира.

Сокращения

- DK – Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und Deutsch von Hermann Diels / Hrsg. von Walter Kranz. Bd I–III, Weidmann, Zürich 2004.
- PHI 5.3 – The Packard Humanities Institute's CD ROM 5.3 (Database of the Latin literary texts written before A. D. 200).

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники, их издания, переводы

- Арист.* Физика – *Аристотель.* Физика / Пер. В. П. Карпова // *Аристотель.* Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1981.
- Лебедев* (пер.) – Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. От этических теокосмогоний до возникновения атомистики / Изд. подг. А. В. Лебедев. М.: Наука, 1989.
- Макр.* Комм. – *Макробий.* Комментарий на *Сон Сципиона* I, 1 – 4; 8 – 14 и 17; II, 12 – 13 и 17 / Пер. с лат., примеч. М. С. Петровой // *Петрова М. С.* Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в Поздней Античности. М.: Кругъ, 2007.
- Achill. Tat. Isag.* – *Achilles Tattius.* Isagoga excerpta / Ed. E. Maass // *Commentariorum in Aratum reliquia.* Berlin: Weidmann, 1898 (repr. 1958).
- Armisen-Marchetti* 2001–2003 (ed.) – *Macrobe.* Commentaire au *Songe de Scipion* / Texte établi, trad. et comm. par M. Armisen-Marchetti [Collection des Universités de France. Série latine. Vol. 360]. T. I – Livre I; T. II – Livre II. Paris, 2001–2003.
- Athen.* Deipnosoph. – *Athenaeus.* Deipnosophistae / Ed. G. Kaibel // *Athenaei Naucraticae deipnosophistarum libri XV.* 3 vols. Leipzig: Teubner, 1887–1890 (repr. 1965–1966).
- Macr. Comm.* – *Macrobius.* Commentarium // *Ambrosii Theodosii Macrobiani Commentarii in Somnium Scipionis* / Ed. I. Willis. Leipzig, 1963.
- Num. Fragm.* – *Numenius.* Fragmenta. Paris: Les Belles Lettres, 1974.
- Ocell.* De univ. nat. – *Ocellus Lucanus.* De universi natura [Sp.] / Ed. R. Harder // *Ocellus Lucanus* [Neue philologische Untersuchungen. Vol. 1]. Berlin: Weidmann, 1926.
- Plat. Symp.* – *Plato.* Symposium / Ed. J. Burnet // *Platonis opera.* Vol. 2 (Oxford: Clarendon Press, 1901 (repr. 1967)).

- Plot. Enn.* – *Plotinus. Enneades* / Ed. P. Henry and H.-R. Schwyzer // *Plotini opera*. 3 vols. Leiden: Brill, 1951–1973.
- Plut. De facie* – *Plutarchus. De facie* / Ed. M. Pohlenz // *Plutarchi moralia*. Vol. 5. 3. Leipzig: Teubner, 21960.
- Plut. De primo frig.* – *Plutarchus. De primo frigido* / Ed. C. Hubert // *Plutarchi moralia*. Vol. 5. 3. Leipzig: Teubner, 21960.
- Porph. Sent.* – *Sententiae* / Ed. E. Lambertz // *Porphyrus. Sententiae ad intelligibilia ducentes*. Leipzig: Teubner, 1975.
- Procl. In Plat. Remp.* – *Proclus. In Platonis Rem publicam commentarii* / Ed. W. Kroll // *Procli Diadochi in Platonis Rem publicam commentarii*. 2 vols. Leipzig: Teubner, 1899–1901 (repr. 1965). *Proclus. Commentaire sur la République* / Traduction et notes par A. J. Festugière. T. 1 – 3. Paris: J. Vrin, 1970.
- Procl. In Plat. Tim.* – *Proclus. In Platonis Timaeum commentaria* / Ed. E. Diehl // *Procli Diadochi In Platonis Timaeum commentaria*. 3 vols. Leipzig: Teubner, 1903–1906 (repr. Amsterdam: Hakkert, 1965).
- Ross (ed.) – Aristotelis physica* / Ed. W. D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1950 (repr. 1966).
- Serv. In Aen.* – *Servius. In Vergilii Aeneidos libros* / Maurus Servius Honoratus. In *Vergilii Aeneidos libros* // PHI 5. 3.
- Willis 1963 (ed.) – Macrobius. Commentarium* // *Ambrosii Theodosii Macrobii Commentarii in Somnium Scipionis* / Ed. I. Willis. Leipzig, 1963.

Литература

- Лосев 2000* – *Лосев А. Ф.* Оккел Луканский // *А. Ф. Лосев. История античной эстетики: Поздний эллинизм*. М.: Фолио, 2000; 11980.
- Петров 2008* – *Петров В. В.* Учение Максима Исповедника в контексте философско-богословской традиции поздней античности и раннего средневековья // Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук (специальность 09.00.03 – история философии). Москва: ИФРАН, 2008.
- Петрова 2000А* – *Петрова М. С.* Природа души и мира в диалоге Плуларха *О лике, видимом на диске Луны* // *Философия природы в Античности и в Средние века*. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Петрова 2000Б* – *Петрова М. С.* Природа мира в «Комментарии на *Сон Сципиона*» Макробия // *Философия природы в Античности и в Средние века*. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Петрова 2000В* – *Петрова М. С.* Совпадение или заимствование: Гиерокл и Макробий // Преемственность и разрывы в интеллектуальной истории. Материалы научной конференции. 20-22 ноября. М.: ИВИ РАН. 2000.
- Петрова 2002* – *Петрова М. С.* Макробий о мифах и снах (к переводу глав [I, 1 – 4] из «Комментария на ‘Сон Сципиона’») // *Историко-философский ежегодник’2000*. М.: Наука, 2002.
- Петрова 2006* – *Петрова М. С.* Греческие источники Макробия (на примере психологических и натурфилософских глав «Комментария на *Сон Сципиона*») // *Диалог со временем* 17 (2006).

- Петрова 2007 – Петрова М. С. Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в Поздней Античности. М.: Кругъ, 2007.
- Петрова 2010 – Онейрокритика в Античности и в Средние века (на примере Макробия) // Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (исследования и переводы). М.: Кругъ, 2010.
- Петрова 2013 – Петрова М. С. Полемика эпикурейцев и платоников о допустимости использования вымысла в философских рассуждениях (на примере «Комментария на Сон Сципиона» Макробия) // Платоновский сборник II. Приложение к Вестнику Русской христианской гуманитарной академии (Том 14, 2013). М. – СПб.: РГГУ–РХГА, 2013.
- Cumont 1929 – *Cumont F.* Les religions orientales dans le paganisme romain. Paris, ⁴1929.
- Elferink 1968 – *Elferink M. A.* La descente de l'âme d'après Macrobe. Leiden, 1968.
- Mras 1933 – *Mras K.* Macrobius' Kommentar zu Ciceros *Somnium* // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische. Klasse 6. Berlin, 1933.
- Stahl 1990 – *Stahl W. H.* [Notes] // Commentary on the *Dream of Scipio*. New York: Columbia University Press, 1990 (¹1952).

BIBLIOGRAFIJA

Istochniki, ih izdanija, perevody

- Arist.* Fizika – Aristotel'. Fizika / Per. V. P. Karpova // Aristotel'. Sobranie sochinenij v 4 t. T. 3. M.: Mysl', 1981.
- Lebedev* (per.) – Fragmentsy rannih grecheskih filozofov. Ch. I. Ot jepicheskih teokosmogonij do vozniknovenija atomistiki / Izd. podg. A. V. Lebedev. M.: Nauka, 1989.
- Makr.* Komm. – Makrobij. Kommentarij na Son Scipiona I, 1 – 4; 8 – 14 i 17; II, 12 – 13 i 17 / Per. s lat., primech. M. S. Petrovoj // Petrova M. S. Makrobij Feodosij i predstavlenija o dushe i o mirozdanii v Pozdnej Antichnosti. M.: Krug#, 2007.
- Achill. Tat.* Isag. – Achilles Tatius. Isagoga excerpta / Ed. E. Maass // *Commentariorum in Aratum reliquiae*. Berlin: Weidmann, 1898 (repr. 1958).
- Armisen-Marchetti* 2001–2003 (ed.) – Macrobe. Commentaire au Songe de Scipion / Texte établi, trad. et comm. par M. Armisen-Marchetti [Collection des Universités de France. Série latine. Vol. 360]. T. I – Livre I; T. II – Livre II. Paris, 2001–2003.
- Athen.* Deipnosoph. – Athenaeus. Deipnosophistae / Ed. G. Kaibel // *Athenaei Naucraticae deipnosophistarum libri XV*. 3 vols. Leipzig: Teubner, 1887–1890 (repr. 1965–1966).
- Macr.* Comm. – Macrobius. Commentarium // *Ambrosii Theodosii Macrobiani Commentarii in Somnium Scipionis* / Ed. I. Willis. Leipzig, 1963.
- Num.* Fragm. – Numenius. Fragmenta. Paris: Les Belles Lettres, 1974.
- Ocell.* De univ. nat. – Ocellus Lucanus. De universi natura [Sp.] / Ed. R. Harder // *Ocellus Lucanus* [Neue philologische Untersuchungen. Vol. 1]. Berlin: Weidmann, 1926.
- Plat.* Symp. – Plato. Symposium / Ed. J. Burnet // *Platonis opera*. Vol. 2 (Oxford: Clarendon Press, 1901 (repr. 1967)).
- Plot.* Enn. – Plotinus. Enneades / Ed. P. Henry and H.-R. Schwyzer // *Plotini opera*. 3 vols. Leiden: Brill, 1951–1973.
- Plut.* De facie – Plutarchus. De facie / Ed. M. Pohlenz // *Plutarchi moralia*. Vol. 5. 3. Leipzig: Teubner, 21960.

- Plut.* De primo frig. – Plutarchus. De primo frigido / Ed. C. Hubert // *Plutarchi moralia*. Vol. 5. 3. Leipzig: Teubner, ²1960.
- Porph.* Sent. – Sententiae / Ed. E. Lambertz // *Porphyrus. Sententiae ad intelligibilia ducentes*. Leipzig: Teubner, 1975.
- Procl.* In Plat. Remp. – Proclus. In Platonis Rem publicam commentarii / Ed. W. Kroll // *Procli Diadochi in Platonis Rem publicam commentarii*. 2 vols. Leipzig: Teubner, 1899–1901 (repr. 1965). Proclus. Commentaire sur la République / Traduction et notes par A. J. Festugière. T. 1 – 3. Paris: J. Vrin, 1970.
- Procl.* In Plat. Tim. – Proclus. In Platonis Timaeum commentaria / Ed. E. Diehl // *Procli Diadochi In Platonis Timaeum commentaria*. 3 vols. Leipzig: Teubner, 1903–1906 (repr. Amsterdam: Hakkert, 1965).
- Ross* (ed.) – *Aristotelis physica* / Ed. W. D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1950 (repr. 1966).
- Serv.* In Aen. – Servius. In Vergilii Aeneidos libros / Maurus Servius Honoratus. In Vergilii Aeneidos libros // PHI 5. 3.
- Willis* 1963 (ed.) – Macrobius. Commentarium // *Ambrosii Theodosii Macrobii Commentarii in Somnium Scipionis* / Ed. I. Willis. Leipzig, 1963.

Literatura

- Losev* 2000 – Losev A. F. Okkel Lukanskij // A. F. Losev. Istorija antichnoj jestetiki: Pozdnij jellinizm. M.: Folio, 2000; ¹1980.
- Petrov* 2008 – Petrov V. V. Uchenie Maksima Ispovednika v kontekste filofsokobogoslovskoj tradicii pozdnej antichnosti i rannego srednevekov'ja // Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni doktora filofsokih nauk (special'nost' 09.00.03 – istorija filofsokii). Moskva: IFRAN, 2008.
- Petrova* 2000A – Petrova M. S. Priroda dushi i mira v dialoge Plutarha O like, vidimom na diske Lunny // *Filosofija prirody v Antichnosti i v Srednie veka*. M.: Progress-Tradicija, 2000.
- Petrova* 2000B – Petrova M. S. Priroda mira v «Kommentarii na Son Scipiona» Makrobija // *Filosofija prirody v Antichnosti i v Srednie veka*. M.: Progress-Tradicija, 2000.
- Petrova* 2000V – Petrova M. S. Sovpadenie ili zaimstvovanie: Gierokl i Makrobij // *Preemstvennost' i razryvy v intellektual'noj istorii. Materialy nauchnoj konferencii*. 20-22 nojabrja. M.: IVI RAN, 2000.
- Petrova* 2002 – Petrova M. S. Makrobij o mifah i snah (k perevodu glav [I, 1 – 4] iz «Kommentarija na 'Son Scipiona'») // *Istoriko-filofsokij ezhegodnik'2000*. M.: Nauka, 2002.
- Petrova* 2006 – Petrova M. S. Grecheskie istochniki Makrobija (na primere psihologicheskikh i naturfilofsokih glav «Kommentarija na Son Scipiona») // *Dialog so vremenem* 17 (2006).
- Petrova* 2007 – Petrova M. S. Makrobij Feodosij i predstavenija o dushe i o mirozdanii v Pozdnej Antichnosti. M.: Krug#, 2007.
- Petrova* 2010 – Onejrokritika v Antichnosti i v Srednie veka (na primere Makrobija) // *Intellektual'nye tradicii Antichnosti i Srednih vekov (issledovaniya i perevody)*. M.: Krug#, 2010.
- Petrova* 2013 – Petrova M. S. Polemika jepikurejcev i platonikov o dopustimosti ispol'zovaniya vymysla v filofsokih rassuzhdenijah (na primere «Kommentarija na Son

- Scipiona» Makrobija) // Platonovskij sbornik II. Prilozhenie k Vestniku Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii (Tom 14, 2013). М. – SPb.: RGGU–RHGA, 2013.
- Cumont 1929 – Cumont F. Les religions orientales dans le paganisme romain. Paris, 1929.
- Elferink 1968 – Elferink M. A. La descente de l'âme d'après Macrobe. Leiden, 1968.
- Mras 1933 – Mras K. Macrobius' Kommentar zu Ciceros Somnium // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische. Klasse 6. Berlin, 1933.
- Stahl 1990 – Stahl W. H. [Notes] // Commentary on the Dream of Scipio. New York: Columbia University Press, 1990 (1952).

Петрова Майя Станиславовна, доктор исторических наук, руководитель Центра гендерной истории ИВИ РАН, beionyt@mail.ru

Platonic theories concerning division of the World as presented by the Latin encyclopedist Macrobius

The paper examines theories of the Platonists concerning division of the world as presented in Macrobius' "Commentary on the *Dream of Scipio*" (V c. CE). The teaching of the first group of Platonists is discussed. According to these, the universe is divided into two parts: the active (and immutable) part occupies the space between the outer and fixed sphere called Aplanes, the changeable (and passive) part extends from the sphere of the Moon ("ethereal Earth") and down to the Earth. The cosmography of the second group of Platonists ("Pythagoreans") is considered, according to whom the world is divided into three tetrads of elements. The first series consists of earth, water, air, and fire. The second tetrad (made of the more pure elements) is Moon (earth), the sphere of Mercury (water), the sphere of Venus (air), the Sun (fire). The elements of the third tetrad are arranged in reversed order: Aplanes (earth, Elysian fields), the sphere of Saturn (water), the sphere of Jupiter (air), and the sphere of Mars (fire). The third group of Platonists (like the first group) also consider cosmos as a two-part structure. The first one is the sky (the "fixed" sphere, Aplanes), the second one contains seven spheres of the "errant" planets and the Earth. The related theories are discussed: particularly, the location of the underworld and the "deaths" that the individual soul suffers on its way from heaven to the earthly body. Macrobius' sources are analyzed: Ocellus Lucanus, Philolaus, Plutarch, Plotinus, Porphyry. This discussion uses the method of relevant contexts.

Key words: theories, division, world, commentary, elements, Plato, Platonists, Macrobius.

Maya S. Petrova, Dr. Sc. (History), Head of the Center for Gender Studies of the Institute for World History RAS, beionyt@mail.ru

А. А. ПАЛАМАРЧУК

ДВОРЯНСКАЯ ЧЕСТЬ, КОРОЛЕВСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ РЫЦАРСКИЙ СУД И ПРАВОВЫЕ ИДЕИ В РАННЕСТЮАРТОВСКОЙ АНГЛИИ

В статье рассматривается влияние правовых идей, развиваемых английскими цивилистами, на процесс реставрации в раннестюартовской Англии Рыцарского суда. Продолжительная дискуссия о дуэли демонстрировала не только то, как менялись акценты в традиционных представлениях о чести и служении знатной персоны, но и то, какие механизмы представлялись адекватными для регулирования конфликтов. Восстановление Суда чести акцентировало внимание на патриархальных и феодальных аспектах монархической власти. В результате монарх получил возможность явить себя в качестве творца и главы корпорации знати, гаранта корпоративной чести и границ знатного сообщества, блюстителя нормативных практик английской nobilitas.

Ключевые слова: *Рыцарский суд, дуэль, диффамация, цивилисты, гражданское право, раннестюартовская Англия.*

Одной из задач, стоявших перед первыми Стюартами на английском престоле, был поиск династией таких инструментов для решения ряда актуальных проблем, которые воспринимались и были бы по сути глубоко традиционными и опирающимися на хорошо известные модели и факты. Приверженность стюартовской монархии архаичным, восходящим к классическому Средневековью представлениям о способах реализации королевской власти вполне отвечала существующим в обществе запросам. В этой связи история активизации Рыцарского суда в первой половине XVII в. является наглядной иллюстрацией того, как профессиональная корпорация английских цивилистов стала посредником в трансформации и адаптации ряда укорененных в общественном сознании правовых идей к современным условиям. В процессе поиска путей воссоздания Рыцарского суда английский король получил возможность явить себя в качестве творца и главы корпорации знати, а также как гарант корпоративной чести и границ знатного сообщества, блюститель нормативных практик английской nobilitas.

Использование Яковом и впоследствии Карлом Стюартом артурианской мифологии в пропаганде и придворной культуре не было обойдено вниманием в современных стюартоведческих исследованиях; «институциональный» аспект внедрения рыцарской идеи, поиск путей регулирования «рыцарского» поведения, реализованный через

восстановление Рыцарского суда, можно также рассматривать как составляющую построения раннестюартовской «мифологии власти».

«Королевский проект» реорганизации и деятельности Рыцарского суда при Стюартах, который на первый взгляд может показаться не слишком значительным эпизодом в социально-политической истории Англии начала XVII века, одновременно являет собой часть масштабного и затяжного корпоративного конфликта между Общиной докторов и судебными иннами, между институтами гражданского и общего права, а также конфликт политико-правовых идей, сформированных обеими корпорациями. Непростая история разработки проектов реанимирования традиционного средневекового суда показала, что идеи цивилистов в полной мере способствовали тому, чтобы реформируемые институты принимали, в конечном итоге, ту форму и объем постулируемого «возвращения к традиции», которую определяла верховная власть.

Начало XVII века в Англии стало временем публикации многочисленных трактатов, посвященных знати и знатности, истории и структуре знатного сообщества как такового. Как на Британских островах, так и на континенте подобного рода литература отражала ряд тенденций и целей, свойственных периодам династического строительства. Прежде всего, речь шла о своего рода социально-политическом моделировании: предлагавшиеся читателям труды содержали такие схемы построения «политического тела», в которых иерархия знатных титулов и достоинств оказывалась замкнутой на короля – единственный источник титулов, должностей и всех возможных материальных и нематериальных благ. Кроме того, трактаты, посвященные знати и знатности, были призваны определить внешние и внутренние границы nobilitas, а точнее – используя восходящие к классическому Средневековью термины и риторические фигуры, уточнить или скорректировать статус тех или иных категорий внутри знатного сообщества, переопределить престижность тех или иных должностей или видов служения. В частности, это касалось границы между титулованной и нетитулованной знатью, границ между различными категориями рыцарства, но особенно обширные и яркие рассуждения касались определения нижней границы знатного сообщества, формулировки критериев, отделявших «политический класс» от всех прочих подданных короля. В этой связи объектом постоянного внимания раннестюартовских теоретиков были понятия «знатность» (nobility) и «родовитость» (gentility); при наличии определенной вариативности оценок общим местом оказывалась постулируемая невозможность достичь полноценной знатности без родовитости. Последняя же должна была гарантироваться наличием как минимум трех поко-

лений предков, чей знатный статус можно было подтвердить, законно-рожденностью, наличием родового герба и «джентльменским» стилем жизни, который предполагал, прежде всего, отсутствие необходимости жить трудом рук своих. Среди многочисленных авторов построений на тему знатности следует упомянуть, прежде всего, авторов антикварной школы – Джона Сэлдена¹, Уильяма Сегара², Томаса Миллза³, Мэтью Картера⁴, Джона Гвиллима⁵, Фрэнсиса Маркэма⁶ и др. Трактаты о знатности были ориентированы на разные круги внутри читающей аудитории: в то время как обширные антикварные трактаты, издаваемые in folio, предназначались для интеллектуальной элиты, богато иллюстрированные геральдические трактаты – для придворной знати, сокращенные версии, публиковавшиеся с дешевыми гравюрами in octavo попадали в руки небогатых джентльменов, провинциального дворянства, и зачастую использовались для обучения юношей. Бесспорно, стремление поддерживать незапятнанной честь свою и своей семьи всегда числилось среди приоритетов поведения знатного человека; однако ранне-стюартовские трактаты отчетливо проводили мысль о том, что поддержание «честь» – вопрос не только личный, но и социально значимый; необходимое самоограничение знатного сообщества, изгнание из него тех персонажей, которые претендовали на знатный статус не по праву, становилось в репрезентации теоретиков способом поддержания должного порядка организации власти и ее распределения в королевстве.

В этой связи раннестюартовские теоретики были склонны определять дуэль – традиционный способ защиты поруганной чести – как «восстановление справедливости», практически как судебный поединок, призванный наказать неправых и выявить истину. «Поединок – это схватка одного мужчины с другим во имя правды»⁷, – такое определение дуэли дал королевский герольд Подвязка Уильям Сегар. Сегар и Джон Сэлден в своих трактатах подчеркивали, что поединки между знатными персонами любого ранга должны быть публичными, и осуждали практику тайных дуэлей, тем самым подчеркивая общественный характер восстанавливаемой «честь».

¹ Selden 1614; 1610.

² Segar 1590.

³ Milles 1608.

⁴ Carter 1673.

⁵ Guillim 1611.

⁶ Markham 1625. Подробно о социальных и историко-правовых концепциях британских антиквариетов см.: Паламарчук, Федоров 2013.

⁷ Segar 1590. P. 1.

К началу правления Якова число дуэлей, постепенно увеличивавшееся в последние елизаветинские годы, достигло максимума – по подсчетам Л. Стоуна, в 1610 г. источники зафиксировали 31 поединок⁸, преимущественно между представителями титулованной знати.

Впрочем, отнюдь не все английское общество единодушно поддерживало дуэльные практики: поединки осуждались с церковной кафедры, а антидуэльная литература была представлена не меньшим числом авторов, чем лагерь защитников поединков чести⁹. К числу критиков дуэли относился и сам король Яков. Как известно, Яков I во всех сферах позиционировал себя в качестве монарха-миротворца, отождествляя себя не с воителем Давидом, а с его миролюбивым сыном – законодателем Соломоном. В своих сочинениях, как и в реальности, король касался вопросов войны и применения насилия во внутренних делах лишь при необходимости и без большого энтузиазма. Так, в «Царском даре» – наставлении, адресованном наследнику престола принцу Генри, есть лишь несколько фрагментов, в которых Яков рассуждает о том, в каких ситуациях монарху следует прибегнуть к насилию: прежде всего, применение силы со стороны правителя неизбежно и законно для усмирения мятежей и наказания изменников, сама же измена отнесена Яковом к числу «непростительных проступков».

Далее, со всей очевидностью ссылаясь на шотландские реалии, он рассуждает о долге короля поддерживать мир среди знати королевства: для этого он называет ряд мирных способов, но прагматически замечает, что могущественные представители знати в его королевстве склонны нарушать законы морали и разума. Яков пишет: «И хотя злодеяние притеснения не относится к числу непростительных, тот факт, что в этом народе оно практикуется слишком часто, требует от короля быть строгим цензором притеснителей... Старайся же склонить рог гордыни самонадеянных притеснителей»¹⁰. Затем король указывает сыну, что защита страны – долг государя (второй по значимости; первый же его долг состоит в поддержании христианского порядка и правильного вероисповедания). «Не буду наставлять тебя здесь относительно способов ведения войны, поскольку об этом предмете пространно пишут многие, а учиться лучше на практике, чем на рассуждениях. Дам тебе лишь несколько советов. Сделай справедливость своим оружием... Никогда не

⁸ Stone 1965. P. 245.

⁹ Подробно об антидуэльной литературе и о поединках первых лет стюартовского правления см. Peltonen 2003. P. 80-131.

¹⁰ The Political Works of James I. Vol. 1. 1918. P. 21.

позволяй, чтобы твой спор решался посредством поединка (duel); ведь помимо того, что любой поединок представляется незаконным – исход его решает жребий, чему нет предписаний в Священном Писании с того момента, как был упразднен Ветхий Завет; особо же поединок незаконен тогда, когда в нем участвует король. Он, будучи публичной персоной, не располагает собой, поскольку с его здоровьем или падением с необходимостью сопряжены безопасность или крушение всего государства, так как тело сопряжено со своею главою»¹¹.

Разумное само по себе соображение Якова о том, что споры с собственными подданными монарху следует решать более безопасными средствами, нежели дуэль, обретает дальнейшее развитие: «Однако для хорошего правителя недостаточно править с помощью скипетра добрых дел и оберегать свой народ с помощью оружия, если он не присоединит к ним собственную добродетельную жизнь, жизнь своего двора и своего окружения, благим примером побуждая своих подданных любить добродетель и ненавидеть грех»¹². Таким образом, поведение короля должно было служить моделью для поведения знати, а поведение знати (включая монарха и его двор) – моделью поведения всего общества в целом.

В первые годы яковитского правления цивилисты оставались в стороне от бурного обсуждения вопросов дуэли и определений дворянской знатности. Тем не менее, нельзя обойти вниманием мнение Альберико Джентили, который, хотя и не касается темы дуэли как таковой, высказывает ряд примечательных идей. В начальных главах трактата «Три книги о праве войны» Джентили использует термин *duellum* в качестве синонима к слову «война», подчеркивая, что война может носить только публичный, а не частный характер¹³. Кроме того, война – *duellum* может возникать лишь между равными, например, между римлянами и варварами, которые не являются подданными Рима, но обладают равным с ними статусом и правами. Сам термин *hostis* обозначает, согласно Джентили, персону, по статусу равную своему противнику¹⁴. Подобное видение войны-поединка (зарезервированного для равных друг другу по статусу монархов и князей) было противоположно представлению о справедливой войне как восстановлению порядка. Последняя концепция восходила к философии Фомы Аквинского, а среди со-

¹¹ Ibid., p. 28-29.

¹² Ibid., p. 29.

¹³ Alberici Gentilis 1877. P. 11.

¹⁴ Ibid., p. 13.

временников Джентили ее наиболее последовательным протагонистом был Франсиско де Витория и другие испанские неосхоласты.

В 1613 г. неподалеку от Антверпена в местечке Берген-оп-Зум состоялся самый известный из яковитских поединков – дуэль между Эдвардом Саквиллом, братом графа Дорсета, и лордом Брюсом из Кинлосса, вторым лордом Кинлосс, за честь Венеции Стенли, третьей дочери сэра Эдварда Стенли из Тон Касл и впоследствии супруги сэра Кенелма Дигби. Саквилл и Брюс, прежде бывшие друзьями, несмотря на попытки короля примирить их, после длительной подготовки и обмена письмами, которые позднее широко циркулировали в обществе, покинули Англию, дабы решить дело поединком. Дуэль состоялась согласно всем правилам и требованиям чести; в результате Кинлосс был убит, а Саквилл, несмотря на тяжелые раны, выжил. Дуэль вызвала среди англичан самые неоднозначные оценки. В то время как одни восхищались достойным поведением Саквилла, другие упрекали Кинлосса и заодно всех шотландцев в том, что своим варварским поведением они привносят вражду в гармоничный порядок английской знати. Король Яков отреагировал на происходящее крайне отрицательно: дальнейшее увеличение числа дуэлей могло привести как к нагнетанию вражды между его английскими и шотландскими подданными, так и спровоцировать мятеж. В октябре 1613 года король издал «Прокламацию о запрете публиковать любые сообщения или рассуждения о дуэлях»¹⁵, а в феврале следующего, 1614 года – «Прокламацию против частных поединков и схваток»¹⁶, образцом для которой послужил аналогичный документ изданный во Франции в 1609 г. Автором текста прокламации о запрещении дуэлей был Генри Говард, граф Нортгемптон, в молодости изучавший гражданское право в Кембридже и впоследствии преподававший там¹⁷. Нортгемптон, небезосновательно претендовавший на роль эксперта в истории и теории дуэли¹⁸, а также Френсис Бэкон, предлагали королю законодательный

¹⁵ A Proclamation prohibiting the publishing of any reports or writings on duels // Stuart Royal Proclamations. Vol. 1. P. 295-297.

¹⁶ A Proclamation against private challenges and combats // // Stuart Royal Proclamations. Vol. 1. P. 303.

¹⁷ Генри Говард получил магистерскую степень в Кембридже, в 1564 г. стал членом Тринити Холла и читал лекции по риторике и гражданскому праву.

¹⁸ Практически одновременно с изданием второй антидуэльной прокламации Якова Нортгемптон опубликовал антидуэльный трактат – диалог, в котором не только доказывал незаконность поединков во всех имеющихся правовых традициях, но и открыто предлагал обращение соперничающих сторон в суд Графа Маршала: «Это вопиющее зло лишь суд чести (в котором Граф Маршал занимает подобаю-

путь решения проблемы поединков. По мнению Нортгемптона, занимавшего должность графа-маршала, подобающим местом для мирного разрешения споров между благородными соперниками, а также для наказания тех, кто провоцировал конфликты, должен был стать находившийся в его ведении суд графа-маршала, или Рыцарский суд. Кроме того, судебное разбирательство должно было начинаться не после того, как схватка уже состоялась, но уже после произнесения первых оскорбительных слов, которые неизбежно привели бы к дуэли.

Выбор Нортгемптона был логичен и предсказуем. Передача «дуэльных» дел в суд графа-маршала активизировала бы деятельность института, традиционно ведавшего военной сферой, а следовательно – рыцарством; его юрисдикция над дополнительной категорией дел была бы бесспорной. С момента своего назначения на должность графа-маршала – одновременно главы коллегии герольдов – Нортгемптон вынашивал план расширения деятельности этого трибунала, в котором места судей традиционно занимали цивилисты. Кроме того, сама история суда графа-маршала должна была напоминать, что несмотря на мирное правление британского Соломона неотъемлемой прерогативной юстиции английского монарха было поддержание порядка среди его подданных – рыцарей.

Суд графа-маршала, или Рыцарский суд (номенклатура данного суда не была устоявшейся и вплоть до XVII в. неоднократно менялась: его именовали «судом констебля и маршала», «судом чести», «*curia militaris*»). Начальный этап развития Рыцарского суда остается дискуссионной темой из-за крайней скудости источников. Существует историографическая традиция, возводящая истоки Рыцарского суда к правлению Вильгельма Завоевателя и даже Эдуарда Исповедника: она основана на том факте, что в 1467 г. в патенте на должность лорда констебля, выданного Ричарду Вудвилу, графу Риверсу, королем Эдуардом IV в 1467 г. говорилось, что его полномочия таковы, какими были со времен Завоевания¹⁹. Другая точка зрения принадлежит Л. Вернону

щую должность) может исцелить лучше, нежели любые карательные законы, которые ни во что не ставятся теми, для кого и страх смерти – ничто». Любопытно, что, приводя примеры «достойных» поединков – битва Давида и Голиафа, Горациев и Куриациев, короля Эдмунда и короля Кнута, он, как и Джентили, указывает на то, что «справедливый поединок» – это решение не частного спора, а защита интересов всей общины. (*Duello Foiled, or the whole proceedings in the orderly disposing of a Design for single Fight between two valiant gentlemen // Hearne. 1775. P. 223-242.* (В издании Херна трактат Нортгемптона ошибочно приписан Эдварду Коку).

¹⁹ Squibb 1959. P. 10.

Харкуру, связывавшему возникновение «военной курии», предшественницы рыцарского суда, с царствованием Эдуарда I Плантагенета и его войнами на шотландской границе²⁰. Наконец, последнюю полемическую ситуацию образуют мнения Д. Сквибба и М. Кина²¹ относительно первоначальной юрисдикции трибунала. Кину представляется спорным утверждение Сквибба о том, что суд Констебля и Маршала обладал исключительной юрисдикцией в делах, которые рассматривались согласно *jus armorum* (спорные ситуации с выкупом пленных, споры о правомочности ношения герба), а также подвергает сомнению предложенный Сквиббом тезис о том, что юрисдикция суда Констебля и Маршала отличалась от той, которая принадлежала командующим полевой армией и основывалась на соответствующих ордонансах, издаваемых для каждой из них. Сквибб считал, что доминировавшее в XVII в. мнение о единстве полевых судов и суда констебля и маршала возникло из-за того, что судьи, возглавлявшие разбирательства в действующей армии, часто именовались констеблем и маршалом (как следует из Даремских ордонансов Ричарда II²² в 1385 г. и ордонансов Генриха V²³ в 1419 г.). Он также допускал, что эти «констебль и маршал» действительно были Констеблем и Маршалом Англии, но, так или иначе, настаивал на существовании двух разных по своей сути юрисдикций. Сквибб утверждал, что юрисдикция Рыцарского суда как постоянной части английской административно-правовой системы возникла благодаря делегированию королем-в-совете части своих прерогативных полномочий Констеблю и Маршалу королевства на постоянной основе, в то время как юрисдикция полевых судов ограничивалась рамками одной военной кампании и касалась, прежде всего, дисциплинарных вопросов.

Морис Кин, для которого центральной темой исследования является история рыцарства и военного дела, а не правовая история, подчеркивает, что и вопросы военной дисциплины, верности и измены, и процесс выкупа пленников, и регулирование прав на гербы – опознавательные знаки средневековых сражений невозможно было разделить на две самостоятельные юрисдикционные сферы, а издаваемые военные ордонансы не освещали весь спектр спорных ситуаций, которые рассматривала *curia militaris* (этот латинский термин мог обозначать как полевой военный суд, так и собственно суд Констебля и Марша-

²⁰ Vernon-Harcourt 1907. P. 362-369.

²¹ Keen 1996. P. 135-138.

²² Ordinances of War. Temp. Ric. II // Monumenta Juridica. Vol 1. P. 453-460.

²³ Ordinances of War. Temp. Hen. V // Monumenta Juridica. Vol 1. P. 459-463.

ла). По мнению Кина, различие между судом Констебля и Маршала и полевыми судами заключалось лишь в том, что юрисдикция первого была постоянной, а вторых – временной.

В развитии Рыцарского суда можно провести отчетливые параллели с развитием другой гражданской монополии – суда Адмиралтейства: на их становление повлиял конфликт с Францией, оба института были призваны регулировать спорные ситуации с участием иностранцев или разворачивавшиеся вне пределов Англии; соответственно, в обоих судах не было применено английское общее право. События Столетней войны и сопровождавшееся военными действиями противостояние Йорков и Ланкастеров привели к значительному расширению юрисдикции должностей констебля и маршала Англии. В царствование Ричарда II к консультациям активно привлекаются доктора-цивилисты, а процесс ведется согласно нормам гражданского права. В период правления Ричарда II в практику рыцарского суда входит и окончательно закрепляется судебный поединок, к которому охотно прибегали представители знати для решения собственных споров. Порядок проведения судебных заседаний и поединка подробно описан в тексте, написанном констеблем королевства Томасом, герцогом Глостером (или по его приказу) и имеющем заголовок «Порядок проведения поединка в Рыцарском суде»²⁴. «Сперва суть спора и билли истца и ответчика должны быть рассмотрены в суде констебля и маршала, и, если не смогут доказать свою правоту с помощью свидетелей или как-либо иначе, но только с помощью силы, то констебль имеет право назначить поединок». Подобные поединки обставлялись со всей пышностью и более походили на турниры, чем на судебные разбирательства; еще более привлекательными для знати их делало то, что сражения проводились за счет королевской казны.

Юрисдикция Рыцарского суда охватывала и политически значимые моменты. Статутами 1388 и 1397 г. парламент позволил рассматривать обвинения в измене перед судом лордов – то есть в суде равных, а Генрих IV на первом же году своего царствования запретил рассмотрение подобных дел парламентом. Впоследствии Генрих IV без колебаний использовал Рыцарский суд для уничтожения своих политических конкурентов (именно этот суд приговорил к смерти в 1399 г. Уильяма Скруппа, графа Уилтшира, а в 1405 г. суд под председательством констебля и маршала *pro hac vice* вынес смертный приго-

²⁴ The Order of Battle in the Court of Chivalry // *Monumenta Juridica*. Vol 1. P. 300-330.

вор епископу Йоркскому и Томасу Моубрею), а еще охотнее прибегали к помощи этого трибунала Эдуард IV и его констебль Джон Типтофт, граф Вустер. В 1483 г., по мнению Вернон-Харкура, именно Рыцарский суд приговорил к казни Генриха, герцога Бэкингема²⁵. После воцарения Тюдоров приговоры пэрам рыцарский суд вынес в 1497 и 1499 г. после восстания в Корнуолле.

Прекращение усобицы и отсутствие внешних войн существенно ограничивало широкую юрисдикцию суда констебля и маршала в том виде, в котором она предусматривалась ордонансами Ричарда II. Кроме того, судьи общего права по возможности пытались ограничивать прерогативное правосудие Рыцарского суда (так, Литтлтон настаивал на том, что процессы по обвинению пэров в фелонии и измене должны вестись в парламенте с подготовкой предварительного обвинительного заключения). С воцарением Тюдоров деятельность Рыцарского суда как *curia militaris* сходит на нет, и вплоть до елизаветинского правления в нем рассматриваются считанные тяжбы, касавшиеся, в основном, наследования родовых гербов. В 1590–1600 гг. в нем слушалось несколько скандальных внутренних дел, касавшихся коллегии герольдов и требовавших вмешательства ее формальной главы, а именно Графа Маршала.

Нельзя с какой-либо степенью уверенности предположить, принимал ли в расчет в конце 1613 г. граф-маршал Нортгемптон описанные выше юрисдикционные трансформации рыцарского суда при составлении своего проекта. В любом случае было понятно, что активизация деятельности этого института представлялась предприятием гораздо более серьезным, нежели очередное придворное обращение к рыцарской «мифологии». Возможно, именно широкие политические возможности, которые открыла бы перед монархом целенаправленная реконструкция этого суда, и остановили Якова. Смерть Нортгемптона в 1614 г. также не способствовала началу реформы, а король предоставил право наказывать виновных в проведении поединков в Звездной палате.

Новая, и гораздо более удачная попытка восстановления Рыцарского суда была связана уже не с дуэлями, а спровоцирована очередным витком внутреннего конфликта в коллегии герольдов. В последние годы елизаветинского и в начале яковитского правления коллегия, которую возглавляли такие видные личности, как Уильям Кемден и Уильям Сегар, была активно действующей корпорацией, а герольды, помимо своих прямых обязанностей, внесли яркий вклад в развитие

²⁵ Vernon-Harcourt 1907. P. 397.

английского историописания. Тем не менее, с момента назначения Кемденом, которого многие герольды справедливо сочли ставленником королевы, в коллегии не утихали ссоры, разжигаемые герольдом Йорк Ральфом Бруком. Первоначально мишенью Брука был Кемден: дважды герольд Йорк публиковал трактаты, в которых критиковал ошибки, допущенные королевским герольдом Подвязкой. Первый из этих трактатов подверг жестокой критике ученик Кемдена Джон Сэлден, а второй Брук решил представить на суд монарха. Кроме того, Брук имел репутацию весьма агрессивного человека и дважды подвергался аресту, причем в первый раз – за неподобающее поведение по отношению к Уильяму Сегару, Подвязке²⁶. В октябре 1621 года после очередной жалобы на поведение Брука герольды поставили вопрос об исключении его из коллегии, и решить дело надлежало графу-маршалу Томасу Говарду, графу Эранделу и Сарри, обладавшему необходимой юрисдикцией по отношению к членам корпорации. Разумеется, Брук не был готов сдаться без боя, поэтому публично поставил под сомнение правомочность суда под единоличным председательством графа-маршала в отсутствие лорда-констебля. Эрандел доложил о происходящем Якову, и тот поручил графу-маршалу, после соответствующих исторических изысканий, восстановить юрисдикцию и деятельность Рыцарского суда во всей их полноте.

К 1623 году графу-маршалу удалось провести всю необходимую подготовку для возобновления заседаний Рыцарского суда. Работу по разработке судебной процедуры на основе гражданского права²⁷ проводил доктор Артур Дак, назначенный королевским адвокатом трибунала, один из самых ярких цивилистов своего поколения, впоследствии, уже при Карле I Стюарте, ставший едва ли не выразителем официальной правовой позиции короны.

Если относительно рефлексии Нортгемптона о средневековой истории Рыцарского суда можно испытывать резонные сомнения, то Артур Дак не просто был осведомлен о прошлом суда: он имел вполне определенную концепцию этого прошлого. В трактате «*De Usu et Autoritate Juris Civilis Romanorum*»²⁸ средневековому суду констебля и маршала посвящен обширный исторический очерк. Его идею можно резюмировать следующим образом: главная привилегия и обязанность знати – служение монарху (изначально – воинское); суд констебля и

²⁶ О биографии Брука см.: Noble 1805. P. 242-245.

²⁷ Squibb 1959. P. 47-50.

²⁸ Duck 1654; 1689. P. 342-352.

маршала, сформировавшийся как *curia militaris*, была и остается тем институтом, который по преимуществу призван регулировать отношения служения. Кроме того, с точки зрения Дака, знать составляет особую категорию подданных монарха, и общее право, ориентированное на рассмотрение споров о собственности, не всегда способно адекватно учитывать подобную специфику. Поэтому именно цивилистам – соратникам монарха – принадлежит главная роль в становлении Рыцарского суда и реализации его миссии.

Реформированный суд, возглавляемый Эранделом, был очевидным образом переориентирован по сравнению с проектом Нортгемптона: вместо рассмотрения дел о дуэлях (дисциплинарных материй, способных демонстрировать преемственность со средневековой *curia militaris*), граф-маршал предполагал, что более востребованной функцией трибунала станет регулирование прав на обладание знатными достоинствами и соответствующими гербами. Учреждение Яковом достоинства баронета в 1621 г. и описанная выше тенденция к замыканию нижней границы знати потенциально увеличивали количество злоупотреблений и мошенничеств как со стороны недобросовестных претендентов, так и со стороны самих герольдов. Первое же дело, слушанием которого открылся обновленный рыцарский суд – Лик против Харриса – относилось именно к разряду споров о законности обладания знатным статусом²⁹. Кроме того, суд переориентировался и в социальном плане: споры о правах на знатность касались особ не титулованных и родовитых, обретавшихся при дворе и не нуждавшихся в подтверждении своего статуса, но возникали между представителями низших, нетитулованных групп дворянства. Нужно заметить, что и в этом случае четко прослеживалась преемственность с изначальной средневековой юрисдикцией суда констебля и маршала. Залогом решения спорных ситуаций, возникавших в настоящий период для Эрандела и Якова было апеллирование к традиционным, архаичным

²⁹ Суть тяжбы заключалась в следующем. Томас Лик, эсквайр из Шропшира, обвинил сэра Томаса Харриса в том, что последний не имел прав на баронетское достоинство, которое было куплено им в 1622 г., поскольку дед Харриса в ходе геральдической визитации 1584 года не был признан джентльменом. Такое положение дел противоречило известному принципу, согласно которому джентльменом считался тот, чьи предки были джентльменами на протяжении трех поколений. Харрис немедленно попытался получить запрещение и перенести слушание своего дела в суд общего права, но безуспешно. В итоге Харрис был признан виновным. Впрочем, приговор никак не повлиял на положение его семейства, поскольку король отказался отменять факт пожалования баронетского достоинства, подтвержденный Большой королевской печатью. См. Cust 2013. P. 38-39.

институтам и формам реализации королевской власти. Именно укорененность в традиции «древней конституции» должна была стать основанием для неприкосновенности восстановленного Рыцарского суда со стороны тех, кто желал бы «оспорить его юрисдикцию»³⁰. Для общества цивилистов привлечение к работе Рыцарского суда стало очередным шагом в закреплении за собой престижных и знаковых функций в административно-судебной системе королевства.

Однако устремления Эрандела встретили закономерное противодействие как в лице парламентской партии, выражавшей интересы вестминстерских судей и лично Эдварда Кока, так и в лице самого серьезного на то время противника – герцога Бекингема. Смерть Якова I положила конец начавшейся было активности суда – уже во второй раз, хотя и не приостановила полностью его работу.

Настоящий расцвет Рыцарского суда и связанный с ним масштабный успех корпорации ищущих и лично графа-маршала Эрандела приходится на царствование Карла I. Импульсом для очередного возобновления его активности вновь стал спор между Доналдом Макеем, лордом Ри, и грумом королевской спальни Дэвидом Рэмзи. Ри обвинил Рэмзи в заговоре против короны, который последний якобы замыслил, находясь в составе посольства в Швеции. Поскольку никаких доказательств Ри представить не мог, стороны направили в рыцарский суд прошения о том, чтобы спор был разрешен традиционным образом, то есть поединком. Поначалу Карл I был решительно настроен довести дело до реальной схватки: чтобы соблюсти все возможные требования законности, председательствовать на суде помимо графа-маршала Эрандела должен был назначенный на должность на время разбирательства лорд-констебль граф Линдси. После длительных консультаций с судьями было назначено время и место поединка, но в последний момент, весной 1632 г., поскольку настроения общества разделились относительно возможного смертельного исхода дуэли, решил отменить его.

Несмотря на то, что дело Ри против Рэмзи так и не было доведено до логического конца, оно открыло качественно новый период в работе Рыцарского суда. По существу, обвинение Рэмзи в организации заговора было смехотворным, но, тем не менее, наносило болезненный удар по его чести. Обращение к королевскому правосудию – реализовывалось ли оно путем поединка или мирного судебного разбирательства – демонстрировало, что прерогативная монаршья юстиция не

³⁰ Речь графа-маршала Эрандела на открытии сессии Рыцарского суда 14 ноября 1623 г. Цит. по: Squibb 1959. P. 48-49.

только восстанавливала «справедливость», то есть должный порядок, но и служила гарантией сохранения за человеком его доброй репутации и честного имени. После дела Ри против Рэмзи на рассмотрение в рыцарский суд хлынул поток исков со стороны тех, кто желал очистить свое доброе имя от несправедливых обвинений.

Как верно замечает Р. Каст, в период каролинского правления рыцарский суд действительно стал эффективно действующим и востребованным трибуналом, но не вполне таким образом, как изначально предполагали Яков I, Карл I и их теоретики. По мысли монархов, Рыцарский суд должен был стать судом последней инстанции, ориентированным на нужды высшей титулованной знати и предотвращающим дуэли между знатными особами, то есть его юрисдикция должна была приобрести, скорее, дисциплинарный характер. На деле же оказалось, что 90% дел, слушавшихся судом с 1632 г., касались диффамации – «клеветы» или «оскорблений» (*slanderous words*)³¹, а истцами в 97 % случаев выступали представители нетитулованного дворянства – джентльмены, эсквайры и рыцари³². Суть же «клеветнических» или «оскорбительных» речей во многих случаях сводилась к тому, что сомнению подвергался знатный статус оскорбленного или чистота его происхождения; причем речь могла идти как об оскорблении намеренном, так и об обычной площадной перепалке. Намерение отстаивать свою честь в суде диктовалось не столько перспективой материальной компенсации, сколько желанием подтвердить собственный знатный статус, открывающий перспективы продвижения вверх по профессиональной или социальной лестнице. Налагаемые судом взыскания были сравнительно невелики и не превышали сорока фунтов, что не могло поправить материальное положение истца, но все же, по сравнению с приговорами церковных судов, были материализацией свершившейся справедливости. Материальная компенсация нередко сопровождалась

³¹ Какие обвинения выдвигали друг против друга джентльмены? Рыцарский суд рассматривал обвинения в банкротстве, попрошайничестве, распущении сплетен, трусости, незаконнорожденности, безумии, убийстве, лжесвидетельстве, заговоре, вызове на дуэль, оскорблении в присутствии других джентльменов, богохульстве, ругани, пьянстве, незаконном приписывании себе благородного происхождения, нанесении пощечин, разврате, оскорблении женщины, давании кличек, исполнении дурной музыки, приверженности католицизму, приверженности сектантам, подсиживании вышестоящих персон, незаконном ношении герба, незаконном возведении надгробий, незаконном использовании ливрей и т.д. Подробно см.: *Cases in the Court of Chivalry, 1634–1640...*; *Reports of heraldic cases in the Court of Chivalry, 1623-1732...*

³² *Cust* 2013. P. 150-151.

и публичным наказанием (в случаях, если оскорбивший был простолюдином) – выставлением у позорного столба и т.п.

Привлечение цивилистов в качестве судей Рыцарского суда в данной ситуации оказалось более чем оправданным, поскольку правовая традиция гражданского права позволяла судьям быстро адаптироваться к рассмотрению диффамационных дел. Доктрина диффамации, с одной стороны, возводила свои истоки к римскому праву классического периода и развивалась в английском праве цивилистами, практиковавшими на протяжении средневековья в церковных судах.

В классическом римском праве существовало достаточно четкое и развернутое определение понятия *injuria* – правонарушение; «оскорбление» (*contumelia*) полагалось частным случаем *injuria*. Аналогично тому, как имуществу мог быть причинен физический ущерб, достоинству и репутации римского гражданина также мог быть нанесен ущерб словами или действиями (такими, как осмеяние человека, его жены, предков или потомков, надругательство над телом предка, удары или избиение, разгром дома и т.д.)³³. Впоследствии римская норма была воспринята средневековым каноническим правом.

Первые английские правовые нормы относительно диффамации датируются 1222 годом. Архиепископ Стивен Лэнгтон, стремившийся привить в Англии каноны Четвертого Латеранского собора и дополнить их в соответствии с локальными практиками, включил в Конституции провинциального совета в Оксфорде пункт об отлучении *ipso facto* любого, кто лживо обвинит в совершении преступления лицо, которое «не пользуется дурной славой среди добрых и влиятельных людей»³⁴. Од-

³³ Dig.47, 9. Ульпиан в 56-й книге «Комментариев к эдикту». Правонарушение (*injuria*) называется так оттого, что творится не по праву; ведь все, что происходит не по праву, называется правонарушением. Это в общем. В частности же правонарушением называют оскорбление. Иногда словом «правонарушение» обозначается противоправный ущерб, как мы обычно говорим согласно Аквиллиеву закону; иногда мы называем правонарушением несправедливость: ведь когда кто-либо вынес приговор несправедливо и противоправно, (это) называется правонарушением потому, что чуждо праву и правосудию, как бы «не право»; а оскорбление (названо) от «оскорблять». 1. Оскорбление же, говорит Лабзон, бывает либо действием, либо словами: действием – когда применяют силу, а словами – когда силу не применяют, но бранят (кого-либо). 2. Любое оскорбление наносится либо телу, либо достоинству, либо причиняет бесчестье: телу оно наносится, когда кого-нибудь ударят; достоинству – когда забирают спутника женщины; репутации же – когда оскорбляют невинность. 3. Также оскорбление (может быть) нанесено кому-либо лично или через других людей.

³⁴ Councils and Synods... Vol. 1. P. 107.

нако для того, чтобы факт диффамации действительно свершился, необходимым условием было, во-первых, то, что ложь была произнесена намеренно, со злым умыслом, а во-вторых, то, что пострадавший действительно пользовался уважением среди членов своей общины на момент свершившегося оскорбления. Наконец, диффамация предполагала намеренно ложное высказывание о преступном или аморальном действии, но не о качествах человека (например, если слова «вор», «прелюбодейка» или «лжец» становились основанием для дела о диффамации, поскольку предполагали совершенные деяния, то слова «вероломный» или «похотливый», а также обычная бытовая ругань – нет, поскольку характеризовали нравственные качества и не обязательно приводили к преступным действиям). Все эти обстоятельства и должен был рассматривать церковный суд местного ординария. Как показал Р. Хельмгольц³⁵, во многих случаях после подачи иска о диффамации дело удавалось уладить компромиссом, предполагавшим публичные извинения и выплату определенной денежной компенсации. Необходимо заметить, что «статут» *Circumspecte agatis* 1268 г. ограничивал спектр наказаний, выносимых английской Церковью по факту диффамации, лишь наказаниями духовными, высшим из которых и было церковное отлучение. На деле виновного приговаривали, как правило, к принесению публичных извинений (в храме или перед собравшейся приходской общиной) и разнообразным покаянным религиозным практикам. Виновного могли подвергнуть телесному наказанию и побуждать к выплате материальной компенсации пострадавшей стороне по собственному усмотрению.

Суды Общего права, как и светские суды вообще, до первой трети XIV в. не оспаривали церковную юрисдикцию в делах о диффамации. Однако с 1327 г. королевские суды начинают требовать от короны издания запрещений в отношении церковных судов в тех случаях, когда человека публично обвиняли в совершении преступления, но вместо того, чтобы расследовать его виновность или невиновность в светском суде (равно как и сам факт преступления), тот, в чей адрес было высказано обвинение, он подавал иск о диффамации в церковный суд, тем самым, возможно, уходя от реального наказания³⁶. На рубеже XV и XVI вв. суды общего права стремились расширить свою юрисдикцию, претендуя в ряде случаев на дела о диффамации. Речь шла о публичных обвинениях в профессиональной некомпетентности, в незаконнорожденности, в заражении венерическими заболеваниями.

³⁵ Helmholtz 1971. P. 255-268.

³⁶ Lowell 1962. P. 1051-1071.

Как уже было сказано выше, церковный суд мог наложить на виновного лишь духовное наказание и восстановить доброе имя невиновного, но в перечисленных выше случаях потерпевший от ложных обвинений нес вполне ощутимый материальный ущерб. Принудить к возмещению этого ущерба могли лишь светские трибуналы. По мере того, как ценность доброй репутации и честного имени внутри замкнутой локальной общины дополнялась необходимостью поддерживать доброе имя и место в профессиональной корпорации, а также материальной выгодой, наступление судов общего права на средневековую церковную юрисдикцию становилось все более ощутимым. По мере того, как в период Реформации и после нее должности в церковных судах начали повсеместно заполняться цивилистами, к конфликту юрисдикций добавился конфликт корпоративный.

Впрочем, увеличение числа цивилистов в церковных судах имело свои преимущества. В то время как доктора-канонисты были более строго ограничены в своих действиях спектром церковного права, цивилисты не только использовали традиционные нормативные документы Церкви, но и вновь обратились к классическим нормам юстиниановского Кодекса. Это, в свою очередь, позволило расширить область диффамации и вернуть для рассмотрения в церковных судах дела о таких оскорблениях, которые к области канонического права по сути не относились.

Реформирование рыцарского суда позволило цивилистам взять существенный реванш в длительной истории «борьбы за диффамацию». Рыцарский суд был светским трибуналом, был укомплектован цивилистами и пользовался королевским покровительством; перенести в него те категории дел, которые прежде становились предметом разногласия между судами канонического и общего права, не составляло труда. Немаловажен был и вопрос престижа: суды общего права разбирали тяжбы равно знати и простолюдинов, однако право подавать иск в Рыцарский суд было зарезервировано исключительно для представителей знати. Именно среди трех низших страт английского дворянства необходимость публичного подтверждения знатного статуса и доброй репутации истинного джентльмена была исключительно высока.

Рыцарский суд просуществовал в неизменном виде до декабря 1640 года, пользуясь завидной популярностью среди знати. С точки зрения профессиональной конкуренции, история реформирования суда констебля и маршала стала одним из самых значительных достижений цивилистов. В отличие от юрисдикции Адмиралтейства, Палаты про-

шений и региональных консилиарных судов, юрисдикцию Рыцарского суда в делах о репутации и чести невозможно было оспаривать; практически бессильным здесь оказывалось и главное оружие вестминстерских судей – предписания о запрещении. Личный вклад и активность Артура Дака и эффективное взаимодействие судей Рыцарского суда с коллегией герольдов, ярко выраженная «корпоративная замкнутость» трибунала на знать – все это определило высокий престиж Суда чести. Для монархии же восстановление Суда чести стало зримым успехом востребованности английским обществом патерналистских по сути идей и механизмов управления, а также образов власти, укорененных в классическом Средневековье и его феодальных ценностях.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Паламарчук А.А, Федоров С.Е. Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии. СПб.: Алетейя, 2013. – 210 с.
- Alberici Gentilis De Iure Belli Libri Tres / Ed. by Th. E. Holland. Oxonii E. Typographeo Clarendoniano. 1877. – 466 p.
- Carter M. Honor Redivivus, or, the analysis of Honor and Armory. London: at the sign of Blew Anchor. 1673. – 354 p.
- Cases in the Court of Chivalry, 1634-1640 / Ed. by R.P. Cust and A.J. Hopper // Harleian Society, new series. Vol. 18. London, 2006. – 368 p.
- Councils and Synods with other Documents Relating to the English Church, II: AD 1205–1313 / Ed. by F.M. Powicke and C.R. Cheney. In 2 vols. Vol. 1. Oxford: Oxford University Press. 1964. – 724 p.
- Cust R. Charles I and the Aristocracy. 1625–1642. Cambridge: Cambridge University Press. 2013. – 350 p.
- Duck A. De l'Usage et de l'Autorite du Droit Civil Dans les Etats des Princes Chretiens. Traduit du Latin. Paris: au Palais. 1689. – 510 p.
- Duck A. De Usu et Autoritate Juris Civilis Romanorum. London: Ex officina Elseviorum. 1654. – 533 p.
- Guillim J. A Display of Heraldry. London: printed for William Hall. 1611. – 330 p.
- Hearne Th. A collection of curious discourses written by eminent antiquaries... In 2 vols. Vol.2. London: At Horace's head. 1775. – 465 p.
- Helmhotz R. Canonical Defamation in Medieval England // American Journal of Legal History. Vol. 15. 1971. P. 255-268.
- Keen M. Nobles, Knights and Men-at-arms in the Middle Ages. London: Habbledon Press. 1996. – 275 p.
- Lowell C.R. The Reception of Defamation by the Common Law // Vanderbilt Law Review. Vol. 15. 1962. P. 1051-1071.
- Markham F. The Book of Honor. London: printed for Augustine Matthews 1625. 220 p.
- Milles Th. Nobilitas politica vel Civilis. London: for W. Laggard. 1608.
- Monumenta Juridica. The Black Book of the Admiralty. In 2 vols. Vol 1. London: Longman and Co. 1871. – 606 p.
- Noble M. A History of the College of Arms, and Lives of all Kings, heralds and Pursuivants... London: Lincoln's inn fields. 1805. – 549 p.

- Peltonen M. *The Duel in Early Modern England. Civility, Politeness and Honour*. Cambridge: Cambridge University Press. 2003. – 374 p.
- Reports of heraldic cases in the Court of Chivalry, 1623-1732 // *Harleian Society*, vol. 107. London, 1955. – 155 p.
- Segar W. *The Book of Honor and Armes*. London: for Richard Iones. 1590 – 75 p.
- Selden J. *The Duello or single combat from antique derived into this kingdome of England...* London: printed in Exeter-court. 1610. – 78 p.
- Selden J. *Titles of Honor*. London: by William Stansby. 1614. – 815 p.
- Squibb D.G. *High Court of Chivalry: A Study of the Civil Law in England*. Oxford: Oxford University Press. 1959. – 310 p.
- Stone L. *The Crisis of the Aristocracy 1558-1641*. Oxford: Oxford University Press. 1965. – 841 p.
- Stuart Royal Proclamations / Ed. by J.F. Larkin and P.L. Hughes. In 2 vols. Vol.1. Oxford: Oxford University Press. 1973. – 714 p.
- The Political Works of James I* / Ed. by Ch. McIlwain. Vol.1 Cambridge: Harvard University Press; London: Humphrey Milford. 1918. – 483 p.
- Vernon-Harcourt L.W. *His Grace the steward and trial of peers: a novel inquiry into a special branch of constitutional government founded entirely upon original sources of information, and extensively upon hitherto unprinted materials*. London: Longmans. 1907. – 500 p.

REFERENCES

- Palamarchuk A.A., Fedorov S.E. *Antikvarnyj diskurs v rannestjuartovskoj An-glii*. SPb.: Aletejja, 2013. – 210 s.
- Alberici Gentilis *De Iure Belli Libri Tres* / Ed. by Th. E. Holland. Oxonii E. Typographeo Clarendoniano. 1877. – 466 p.
- Carter M. *Honor Redivivus, or, the analysis of Honor and Armory*. London: at the sign of Blew Anchor. 1673. – 354 p.
- Cases in the Court of Chivalry, 1634-1640* / Ed. by R.P. Cust and A.J. Hopper // *Harleian Society*, new series. Vol. 18. London, 2006. – 368 p.
- Councils and Synods with other Documents Relating to the English Church, II: AD 1205-1313* / Ed. by F.M. Powicke and C.R. Cheney. In 2 vols. Vol. 1. Oxford: Oxford University Press. 1964. – 724 p.
- Cust R. *Charles I and the Aristocracy. 1625-1642*. Cambridge: Cambridge University Press. 2013. – 350 p.
- Duck A. *De l'Usage et de l'Autorite du Droit Civil Dans les Etats des Princes Chretiens*. Traduit du Latin. Paris: au Palais. 1689. – 510 p.
- Duck A. *De Usu et Autoritate Juris Civilis Romanorum*. London: Ex officina Elseviorum. 1654. – 533 p.
- Guillim J. *A Display of Heraldry*. London: printed for William Hall. 1611. – 330 p.
- Hearne Th. *A collection of curious discourses written by eminent antiquaries...* In 2 vols. Vol.2. London: At Horace's head. 1775. – 465 p.
- Helmhotz R. *Canonical Defamation in Medieval England* // *American Journal of Legal History*. Vol. 15. 1971. P. 255-268.
- Keen M. *Nobles, Knights and Men-at-arms in the Middle Ages*. London: Habbledon Press. 1996. – 275 p.
- Lowell C.R. *The Reception of Defamation by the Common Law* // *Vanderbilt Law Review*. Vol. 15. 1962. P. 1051-1071.

- Markham F. The Book of Honor. London: printed for Augustine Matthews 1625. 220 p.
- Milles Th. Nobilitas politica vel Civilis. London: for W. Laggard. 1608.
- Monumenta Juridica. The Black Book of the Admiralty. In 2 vols. Vol 1. London: Longman and Co. 1871. – 606 p.
- Noble M. A History of the College of Arms, and Lives of all Kings, heralds and Pursuivants... London: Lincoln's inn fields. 1805. – 549 p.
- Peltonen M. The Duel in Early Modern England. Civility, Politeness and Honour. Cambridge: Cambridge University Press. 2003. – 374 p.
- Reports of heraldic cases in the Court of Chivalry, 1623-1732 // Harleian Society, vol. 107. London, 1955. – 155 p.
- Segar W. The Book of Honor and Armes. London: for Richard Iones. 1590 – 75 p.
- Selden J. The Duello or single combat from antique derived into this kingdome of England... London: printed in Exeter-court. 1610. – 78 p.
- Selden J. Titles of Honor. London: by William Stansby. 1614. – 815 p.
- Squibb D.G. High Court of Chivalry: A Study of the Civil Law in England. Oxford: Oxford University Press. 1959. – 310 p.
- Stone L. The Crisis of the Aristocracy 1558-1641. Oxford: Oxford University Press. 1965. – 841 p.
- Stuart Royal Proclamations / Ed. by J.F. Larkin and P.L. Hughes. In 2 vols. Vol.1. Oxford: Oxford University Press. 1973. – 714 p.
- The Political Works of James I / Ed. by Ch. McIlwain. Vol.1 Cambridge: Harvard University Press; London: Humphrey Milford. 1918. – 483 p.
- Vernon-Harcourt L.W. His Grace the steward and trial of peers: a novel inquiry into a special branch of constitutional government founded entirely upon original sources of information, and extensively upon hitherto unprinted materials. London: Longmans. 1907. – 500 p.

Паламарчук Анастасия Андреевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель СПбГУ; sir.henry.finch@gmail.com

Noble honour, King's Justice: the Court of Chivalry and legal ideas in the Early Stuart England

The article analyses the influence of legal ideas developed by the English civilians on the Court of Chivalry, restored in Early Stuart England. A long discussion on duel issues demonstrated how several aspects of honour and noble service changed and what instruments for the conflict regulation were believed acceptable. The restored Court of Chivalry stressed patriarchal and feudal foundations of royal power. Once again the king manifested himself as a creator and the head of the nobility, who guaranteed its corporate honor and sustained outer boundaries, and who controlled its normative practices.

Keywords: Court of Chivalry, duel, defamation, civil lawyers, civil law, Early Stuart England

Anastasia Palamarchuk, Candidate of History, Senior Lecturer, Saint Petersburg State University; sir.henry.finch@gmail.com

Е. А. Вишленкова

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПРОФЕССИИ В РОССИИ 1830–1840-х ГОДОВ¹

В XVIII в. историки обнаруживают деятельность довольно аморфной группы медицинских чиновников, а уже во второй половине XIX века исследователи фиксируют активное участие медицинской профессии в осуществлении социального контроля и феномен медиализации политического дискурса. Между этими исследовательскими полями остался временной зазор первой половины XIX века, в котором, по всей видимости, происходила трансформация врачебного сословия в профессию. Данная статья посвящена выявлению одного из механизмов этого процесса – оцениванию знаний соискателей звания штаб-лекаря и доктора медицины. На основе аттестационных дел из архивов Московского и Казанского университетов прослеживаются рождение и эволюция жанра диссертационной рецензии, а также история конвенций относительно объема и характера знаний ученого врача. Выявление форм участия в этом министерских чиновников позволяет судить о том, как заключалось регулятивное соглашение между государством и профессиональной элитой, как происходило складывание в России государственности нового типа – современного социального государства.

Ключевые слова: *Российская империя, университет, ученые степени, медицинская профессия, история науки, история образования.*

Исследовательская перспектива

В интеллектуальных сообществах, производящих и транслирующих знания, самооценивание (т.е. академическая экспертиза) служит механизмом признания, удержания норм и дисциплинирования. Характер такой процедуры зависит не только от управленческих решений, но и от сложившихся обычаев внутри научной среды. В длительной ретроспективе академическая экспертиза нередко представляется деятельностью сменяющих друг друга контрольно-оценочных инстанций и цепочкой принятых административных решений. Но привычка историков интерпретировать развитие аттестации как последовательное наступление государства на автономию ученых сообществ явно ограничивает исследовательскую оптику². Процедура экспертизы могла использоваться в этом качестве, однако изучение профессорской

¹ Данное научное исследование № 14-01-0041 выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014/2015 гг.

² Иванов 1994; Якушев 1998; Университет в Российской империи... С. 326–388.

культуры убеждает в том, что интеллектуалы не были страдательными объектами министерских решений и практически всегда участвовали в их разработке и совершенствовании.

Другое дело, что используемая в университетских речах и текстах риторика способна ввести исследователей в заблуждение. При их чтении создается иллюзорное ощущение, что ученые сообщества договаривались о принципах самооценивания, руководствуясь исключительно логикой развития «своих» дисциплин, представлениями об уровнях национальной и мировой науки, благе человечества. Однако стоит только пристальнее всмотреться в действия ученых советов и их отдельных членов, как процесс аттестации предстаёт столкновением интересов. Довольно часто ученым не удавалось договориться о четких критериях научности и эффективности. И тогда для того, чтобы придать собственным решениям статус окончательных, академики прибегали к властным ресурсам, а значит передавали экспертизу в руки власть предержащих.

В этой связи я предполагаю, что более релевантным может оказаться подход к изучению академической экспертизы как к истории соглашений, которые вырабатывались, нарушались и перезаключались в определенных исторических контекстах. Действующие «здесь и сейчас» конвенции охватывали различные виды дисциплинарных испытаний, практику рецензирования, обсуждение оценочных категорий для финансовой поддержки, а также репутационные аспекты, т.е. нормы профессиональных отношений. Поэтому помимо политических аспектов проведение экспертизы напрямую связано с уровнем профессионализации конкретного сообщества и институционализации данного типа знания. Это обстоятельство объясняет, почему в одних дисциплинах и академических культурах качественная оценка исследований осуществляется по формализованным признакам, а в других – подразумевает доверие к мнению эксперта, опирается на репутацию.

Гипотезы

Объектом изучения служит область медицинских наук, вернее история становления академической экспертизы медицинских исследований. Практика присуждения ученых степеней врачам и соответственно академическая аттестация их знаний, умений и наблюдений появилась в России в середине XVIII века. Тогда она была направлена на решение задачи сформировать слой особых государственных служащих – «медицинских чиновников» или «медицинских чинов»³. Для этого исполь-

³ Подробнее об этом см: Renner 2010.

зовались разные административные ресурсы, в том числе заимствованные из иной культурной среды. Этим объясняется тот факт, что сначала Медицинской канцелярии, а затем ее преемнице Медицинской коллегии было поручено проводить аттестацию поступающих на русскую службу иностранных и российских лекарей и ранжировать их посредством ученых званий⁴. Вследствие такого решения оценивание, проводимое (например, в Британии и Австрии) врачебными корпорациями, в России оказалось в руках бюрократической структуры, а ученая степень стала средством организации государственной медицинской службы.

Делегировать функцию оценивания самому врачебному сословию правительство начало на рубеже веков, после учреждения высших медицинских школ. В 1791 г. такие полномочия обрел Московский университет⁵, а в 1798 г. Коллегия распространила подобное право на вновь учрежденные Московскую и Петербургскую медико-хирургические академии⁶. По уставу 1804 г. врачебные отделения вновь открытых университетов также получили право присуждать ученые степени. Правительство обязывалось поддерживать их престиж чинами, пенсиями и жалованиями⁷.

За первые десятилетия XIX века процедура научной аттестации врачей обрела в России организационные особенности, отразившие особую заинтересованность политической власти в реализации социального контроля посредством медиков. Российские лекари (служащие во врачебных управах и полковых госпиталях) занимались не только избавлением пациентов от «недугов», но и «разбором рекрутов и фурусов» (абитуриентов), описанием природных и человеческих ресурсов присоединенных к империи территорий, контролем над аптеками, публичными домами, рынками кормилиц и пищевых продуктов, анализом питьевой воды и минеральных источников, судебной экспертизой. Широкое участие получивших западные знания специалистов в социальной политике способствовало обретению врачебным сообществом исключительных прав от правительственных ведомств. Например, как выяснилось, во всех «науках» ученые степени, выданные профессорскими советами, утверждало (или не утверждало) Ми-

⁴ Указ 9 июня 1764 года «О произвождении кандидатов, обучившихся медицине, в доктора сего факультета, по собственным Медицинской коллегии экзаменам.

⁵ Указ 29 сентября 1791 год «О предоставлении Московскому университету права давать докторскую степень обучившимся в оном врачебной науке».

⁶ Михневич 2004. С. 102.

⁷ Об устройстве училищ, 24 января 1803 г.

нистерство народного просвещения, и только в медицинских науках мнение профессорского совета признавалось окончательным⁸.

Данная ситуация может свидетельствовать в пользу оформления так называемого «регулятивного соглашения»⁹ между государством и довольно значительным в 1830–40-е гг. врачебным сословием¹⁰. Подтверждением этому служат предупреждения правительственных чиновников против вмешательства посторонних лиц в дела медиков. В ситуациях, когда местные администраторы или председатели дворянских собраний протаскивали «своих» людей во врачебные управы, столичные сановники защищали лекарей от такой интервенции. «Правильное суждение о способностях и познаниях врачей, – напоминал указ Сената 1843 года, – должно быть предоставлено только медицинскому их начальству»¹¹.

Можно предположить, что предоставленная политической властью автономия создала в 1830–40-е гг. условия, в которых процедура аттестации превратилась из средства проверки на служебную пригодность в способ профессиональной самоорганизации; а сама процедура обсуждения и защиты диссертаций стала инструментом переработки локальных сведений, эмпирических наблюдений и фактов в теоретическое экспертное знание. Вероятно, оценочная работа факультетов, медицинского совета МВД и медицинского департамента военного министерства способствовала формированию экспертного сообщества, способного верифицировать результаты индивидуальных исследований, концептуализировать их и затем транслировать созданные на их основе частные и обобщающие теории посредством журналов и учебных занятий¹².

Эти гипотезы я проверяю на архивных комплексах двух российских университетов – Московского и Казанского. Их выбор сделан с учетом геополитического положения (позволяющим контролировать Московскому университету центральный, а Казанскому университе-

⁸ Гатина, Вишленкова 2014. С. 177-178.

⁹ Базовыми для исследований профессий и их регулятивного соглашения с государством являются труды: Greenwood 1957; Wilensky 1964; Goode 1960; Barber 1963; Becker 1962; Hughes 1963; Arney 1982; Nettleton 1992; Johnson 1995; Saks 1999; Мансуров, Юрченко 2010; Антропология профессий... 2011. См также обзор: Волков, Чириков 2011; Романов, Ярская-Смирнова 2007.

¹⁰ В 1837 г. в Российской империи и Царстве Польском насчитывалось 6.768 лекарей, а в 1846 г. их стало 8.726. Треть из них служили по военному ведомству (Ханьков 1851. С. 86).

¹¹ Правительственные распоряжения... 1843. С. 1.

¹² Об условиях исследовательской работы ученых врачей и тематике их диссертаций 1830–1850-х гг. См.: Вишленкова, Гатина 2015.

ту – огромный восточный учебные округа) и состояния архивов (сохранивших делопроизводственную документацию за первую половину XIX в.). В Казанском университете за период с 1814 (время создания отделения врачебных наук) по 1860 год удалось обнаружить 87 аттестационных дел врачей, желавших обрести ученую степень. В архиве Московского университета за период с 1833 по 1860-й год обнаружены 287 аттестационных дел¹³. В них редко называются имена соискателей и профессоров, только их фамилии. Они уточнялись по «Российским медицинским спискам», которые издавались ежегодно МВД¹⁴, и по библиографическим словарям профессоров и преподавателей Московского (1855) и Казанского (1904) университетов¹⁵.

Намереваясь понять принципы оценивания и профессиональные конвенции русских ученых врачей, я отбирала в этих папках свидетельства обсуждений исследовательской работы диссертантов. Проведенная на их основе реконструкция позволяет определить изменчивые критерии ранжирования коллег, условия соглашений о качестве научной продукции. В ходе работы стало заметно, что масштаб и острота профессионального обсуждения зависели от ученой степени, на которую претендовал соискатель. В данной статье рассматриваются рецензии и отзывы на диссертации, поданные военными и гражданскими врачами на первые звания – штаб-лекаря (для военного ведомства) и доктора медицины (для гражданского ведомства).

Введенное в воинский устав Петром I звание штаб-лекаря присваивалось старшему полковому врачу, имевшему высшее медицинское образование. По указу 1728 года штаб-лекари были приравнены к рангу капитана-поручика. Гражданские лекари, обретшие степень доктора медицины, числились в более высоком ранге – коллежского асес-

¹³ Опись медицинского факультета начинается с документов 1813 года. Однако до 1833 г. их чрезвычайно мало и аттестационных дел среди них нет. Очевидно, это результат чистки архива в 1860-е гг. Тогда же был ликвидирован архив Московского отделения медико-хирургической академии, которая волилась в Московский университет в 1842 г. (Ильина, Вишленкова. 2013. С. 353-354). Похоже, что после чистки архива выборочные дела из канцелярии университетского совета были сложены архивариусом отдельно (опись 81). Там оказались самые ранние за XIX век медицинские диссертации П.И. Страхова, А.Г. Терновского и М.В. Рихтера (ЦХД до 1917 года ЦГА Москва. Ф. 418. Оп. 81. Д. 9. «Диссертации на иностранных языках» 1821).

¹⁴ Российский медицинский список... 1810-1895.

¹⁵ Казанский университет (1804-2004): библиографический словарь...; Императорский Московский университет: 1755-1917...; Волков, Куликова 2003; Профессора Военно-медицинской (Медико-хирургической) академии. 1798–1998.

сора. Это обстоятельство породило при учреждении врачебных управ (1797), в которые вошли военные и гражданские лекари, сбой иерархии. Во многих губерниях на руководящие должности были тогда назначены опытные штаб-лекари и им подчинены доктора медицины. В начале XIX века университеты выдавали штаб-лекарское звание за тексты медико-топографического характера и посвященные описанию какой-либо болезни (нозология). Докторские степени выдавали за исследования по нозологии или за результаты химико-биологического анализа. Теперь эти ученые звания давали один и тот же классный чин – коллежского асессора.

Оценка лекарственных исследований в Казани

В Казанском университете процедура оценивания штаб-лекарских и докторских диссертаций была довольно простой. Так, в 1839 г. медицинский факультет рассматривал рукопись лекаря Тифлисского егерского полка Григоровича «Медицинские замечания послабляющей желудочно-желчной горячки»¹⁶. На её титульном листе секретарь совета вписал карандашом фамилии четырех экспертов. Каждый из них напротив своей фамилии оставил удостоверение «читал», подпись и дату, а на заседании устно высказал одобрение или неудовлетворение. Остальные члены совета голосовали, доверяя мнению коллег. Принятое решение вносилось в постановление факультета и направлялось в университетский совет. Именно таким образом были одобрены присланные в 1842 г. диссертации младшего лекаря Киевского оружейного завода Федора Островского «Венерическое или переслойное воспаление мочеиспускательного канала»¹⁷ и ординатора иркутского военного госпиталя Афанасия Песочинского «Описание скарлатины, эпидемически свирепствовавшей в 1840 году в Иркутске и его окрестностях»¹⁸.

Письменные рецензии в Казани делались только в конфликтных случаях. Один из них произошел в 1835 г. Получив от акушера и инспектора Томской врачебной управы диссертацию и ответы на заочно заданные экзаменационные вопросы, члены медицинского факультета разделились в оценке знаний соискателя. Трудно сказать, что вызвало

¹⁶ НАРТ Ф. 977. Оп. медфак Д. 344 О присвоении Григоровичу и Сперанскому звания штаб-лекарей. 1839–1840. В Российском медицинском списке за 1839 год перечислены несколько лекарей по фамилии Григорович, что не позволяет определить имя соискателя.

¹⁷ НАРТ Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2540. Документы о присуждении Островского в звании штаб-лекаря. 1842. Л. 8-15 об.

¹⁸ НАРТ Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2541. Документы об утверждении Песочинского. 1842–1843. Л. 9-64.

разногласия. Только для того, чтобы убедить коллег, профессор Л.Л. Фогель изложил свои аргументы в пользу соискателя в письменном виде. «Так как инспектор Томской врачебной управы, – писал он, – г. штаб-лекарь Трейсер выдержал уже при врачебном отделении императорского Казанского университета, во-первых, экзамен на звание акушера, во-вторых, на звание инспектора, в-третьих, так как он представил диссертацию о весьма важном для России предмете, о лошадиной заразе <...> и, в-четвертых, ответил очень удовлетворительно на два важных вопроса, предложенные ему врачебным отделением Казанского университета, и представил при инспекторском экзамене топографическое описание города Томска; то я почитаю его достойным получить степень доктора»¹⁹.

Другим поводом для написания рецензии стало дело Павла Шюца – лекаря, состоявшего в штате Колывано-Воскресенских заводов и возглавлявшего Барнаульский госпиталь. В 1836 году он подал прошение о проведении заочных испытаний на докторскую степень. К заявлению прилагалась диссертация «О металлической колике. Рассуждение химико-терапевтическое»²⁰. Это 19 листов рукописного текста, размещенного на листах вполчину формата А5 с оборотом. Профессора единогласно признали сочинение «недостаточным». На протест соискателя, амбициозно уверявшего, что он открыл новую болезнь, факультет представил в университетский совет развернутое обоснование своего мнения. «Г. Шюц, – уверяли специалисты, – не мог открыть то, что известно не только врачам, знакомым с иностранною литературою, но даже и учащимся еще медицине, потому что в терапевтических курсах, излагается все, если еще не более, сказанное об этой болезни в сочинении Г. Шюца»²¹. Эксперты сомневались в достоверности статистических данных о численности заболеваний, не подтвержденных «свидетельством местного своего начальства»²². После этого диссертанту было отказано в проведении испытаний.

В спокойных же ситуациях в аттестационные дела вкладывали протокол с фиксацией общей деперсонализированной оценки. Например, когда в 1839 г. ординатор студенческой больницы Карл Демонси

¹⁹ НАРТ Ф. 977. Оп. медфак Д. 272. Об испытании Трейсера на звание доктора медицины. 1835. Л. 4-4 об.

²⁰ НАРТ Ф. 977. Оп. медфак Д. 288. Об экзаменах Шюца на степень доктора медицины. 1836. Л. 3-21 об.

²¹ Там же. Л. 25.

²² Там же. Л. 25 об.

представил диссертацию на степень доктора медицины, совет признал «рассуждение весьма хорошим»²³ и назначил дату публичной защиты.

Тем не менее, отсутствие авторских рецензий в архиве Казанского университета не есть свидетельство равнодушия или заниженных требований местных профессоров к врачам-практикам. Видимо, аттестация на факультете была нацелена не столько на вынесение приговора исследовательским способностям соискателя, сколько на улучшение полученных им результатов, т.е. была частью пост-университетского профессионального обучения. Казанские профессора довольно часто возвращали рукописи диссертаций на доработку с устно высказанными комментариями и рекомендациями. Об этом свидетельствуют прошения соискателей во время прохождения повторного обсуждения²⁴.

Окончательный отказ в присуждении штаб-лекарского звания получали только те авторы, в текстах которых казанские профессора обнаруживали отсутствие допустимого минимума научных знаний. Так произошло при обсуждении диссертации ординатора Тифлисского военного госпиталя Василия Сперанского (1839). Рукопись называлась «Рассуждение о поносе жаркому климату свойственном». На титуле как обычно вписаны карандашом имена четырех рецензентов, есть их удостоверения о прочтении, даты и подписи. На основе устно высказанных оценок читавших профессоров совет решил, что «так как сочинение лекаря Сперанского не показывает в сочинителе тех сведений, которые бы дали ему право на получение звания штаб-лекаря, то отделение не может рекомендовать его достойным к получению оно»²⁵.

Другой пример. В 1842 г. лекарь ставропольского калмыцкого войска Виктор Коршунов, прикомандированный к оренбургскому военному госпиталю, прислал в Казань диссертацию «Описание успешного излечения 30-ти людей от брюшной водяной болезни». Соискатель желал получить за нее звание штаб-лекаря. Ему было отказано на следующем основании: «хотя в означенном описании изложен случай весьма редкий, – записано в постановлении факультетского совета, – но как оно показывает только частно хорошие познания г. Коршунова, то отделение и желало бы иметь от него другое какое-либо сочинение, обширнее обнаруживающее теоретические и практические его сведения – без чего

²³ НАРТ Ф. 977. Оп. медфак Д. 326. О присвоении Демонси степени доктора медицины. 1838–1840. Л. 6.

²⁴ Примером тому: НАРТ Ф. 977. Оп. медфак Д. 481. О присвоении Зедерштуettu степени доктора медицины. 1847–1854. Л. 24 об.

²⁵ НАРТ Ф. 977. Оп. медфак Д. 344. О присвоении Григоровичу и Сперанскому звания штаб-лекарей. 1839–1840. Л. 17 об.

оно не может рекомендовать г. Коршунова достойным звания штаб-лекаря»²⁶. Спустя полгода лекарь прислал новое сочинение на 12 листах «Описание тридцатилетней водяной болезни»²⁷. В архиве не осталось свидетельств того, было ли оно одобрено профессорами или нет.

Рецензирование в Москве

В отличие от казанских коллег, московские профессора всегда писали на диссертации авторские отзывы. Наиболее часто встречающиеся в аттестационных делах рецензии подписаны офтальмологом А.Е. Эвениусом²⁸, хирургом А.И. Овером²⁹ и терапевтом Г.П. Сокольским³⁰. В архивном деле Московского университета рецензии обычно предваряют текст диссертации и протокол ее обсуждения, поэтому почти всегда имеют пагинацию «Л. 3». Их объем оставался на усмотрение рецензента. Встречаются тексты от одного до четырех листов, исписанные с обеих сторон.

До конца 1830-х гг. защиты штаб-лекарских и докторских диссертаций на медицинском факультете проходили не часто и их обсуждения носили неформальный характер, что отразилось на стилистике рецензий: их тексты не подчинены универсальной структуре и не содержат клишированных фабул заключения. Делясь с коллегами впечатлениями о прочитанной диссертации, А.Е. Эвениус сообщал: «Я нахожу сию рукопись заслуживающую всякую похвалу, как в отношении изложения предмета,

²⁶ НАРТ Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2529. Документы о присуждении Коршунову звания штаб-лекаря. 1842–1843. Л. 2.

²⁷ Там же. Л. 7-19.

²⁸ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418 Оп. 346. Д. 42. О получении лекарем Патрикеевым звания штаб-лекаря. 1839. Л. 2

²⁹ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 350. Д. 149. О получении лекарем Кадамовым звания штаб-лекаря. 1844. Л. 3; ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 350. Д. 36. О получении Эрбе и Федоровичем званий штаб-лекарей. 1843. Л. 3 и 17; ЦИАМ Ф. 418. Оп. 352. Д. 11. Сочинение «Рассуждение о свинцовой колике», написанное лекарем Ф. Стравинским. 1845. Л. 3

³⁰ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 346. Д. 29. О получении лекарем Блюмом звания штаб-лекаря. 1839. Л. 3; ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 348. Д.13. О получении лекарем Бурцовым звания штаб-лекаря. 1841. Л. 3; ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 351. Д. 52 Сочинение «О признаках головного воспаления вообще и, в частности, о воспалении серозной оболочки мозга», лекаря Тарасенкова. 1844. Л. 3; ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 352. Д. 10 Сочинение «Практические замечания о падучей болезни», написанное лекарем Сыревичем для получения звания штаб-лекаря. 1845. Л. 3; ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 352. Д. 54. О рассмотрении сочинения «О воспалении в физиологическом и патологическом значении», написанным младшим ординатором московского военного госпиталя лекарем Рудинским. 1845. Л. 3.

так и касательно точности описания припадков, изложения причин и лечения, почему и полагаю, что она вполне соответствует требованиям, изложенным в правилах об экзамене медицинских чиновников»³¹.

От соискателей штаб-лекарского и докторского звания профессора хотели, прежде всего, научного описания признаков заболеваний, т.е. заполнения лакун в медицинской географии. Однако, в конце 1830-х гг. это стало казаться легкой задачей. В связи с чем в рецензиях появились пожелания дополнить такие описания собственным целительским опытом. «По препоручению факультета я рассматривал сочинение г. лекаря Сокольскаго о мании, – сообщал профессор Бунге коллегам, – и нашел, что в нем болезнь сия относительно ее явлений, хода, различий, причин, исходов и прочего описана хорошо и верно; почему и полагаю, что оно удовлетворительно для получения звания штаб-лекаря. Впрочем, – посетовал он, – о лечении сей болезни в сочинении ничего не помещено»³².

Выполнение таких пожеланий требовало от соискателей овладения медицинской терминологией. Специализирующийся на ветеринарии Х.Г. Бунге высоко ценил такие навыки. Получив от окружного медика Донецкого округа Василия Сиротенко «Описание сибирской болезни, существующей спорадически на людях в станицах Калитвенской и Усть-Вело-Калитвенской Донецкого округа», он заверил коллег: «оно, по ясности описания болезни и по правильности и рациональности произведенного самим сочинителем лечения оной, заслуживает одобрения»³³.

В те годы медики многих стран стремились к систематизации заболеваний и рационализации их признаков, т.е. к созданию универсального языка нозологии на латыни. Российские лекари нуждались еще и в соглашении относительно русскоязычных терминов для их перевода. В этом интеллектуальном движении виделся путь к распространению достижений мировой медицины в России, к коллективному использованию открытий и опыта отдельных исследователей, превращению их в надындивидуальное знание, принадлежащее всей профессии. Благодаря критике университетских оппонентов происходило складывание словаря русского медицинского языка, а из языка практикующих лекарей

³¹ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 346. Д. 42. О получении лекарем Патрикеевым звания штаб-лекаря. 1839. Л. 2.

³² ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 347. Д. 20. О получении лекарем Соколовским звания штаб-лекаря. 1840. Л. 3.

³³ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 347. Д. 48. О получении лекарем Сиротининым звания штаб-лекаря. 1840. Л. 2.

вытеснялся язык культуры – понятий и интерпретаций, построенных на стереотипичных представлениях о «другом» и инаковости в целом. Их заменяла медико-биологическая аргументация – универсально применимая для описания всего человечества³⁴.

Система оценивания текстов на медицинских факультетах была построена так, чтобы побудить врачей-практиков участвовать в миссии сохранения человеческих жизней, внося в нее вклад не только исцелением физических недугов, но и литературными трудами – публикацией собранных наблюдений, статистики и прочих эмпирических данных. Чтобы их накопление не стало хаотичным, эксперты требовали от участников осведомленности в достижениях предшественников и современных коллег. «Указав на историю и литературу описываемой им болезни, – удовлетворенно сообщил коллегам профессор А.Е. Армфельд, – г. Ложновский излагает главнейшие мнения авторов о распознавании, причинах и лечении ее, сопровождая их собственными замечаниями... Автор видел описываемую им болезнь в пяти случаях, из которых два сообщает в подробности... Основываясь на этих и подобных наблюдениях, автор полагает...»³⁵. В подобных замечаниях просвечивают практики управления процессом производства знания.

Только что вернувшийся из зарубежной стажировки профессор Ф.И. Иноземцев также требовал от диссертантов осведомленности в достижениях мировой медицины. Он одобрял рукопись тогда, когда обнаруживал, что «предмет в вышеозначенном сочинении г. Лобановского, рассмотрен со всех сторон весьма подробно, причем заметно из приведенных цитатов, что г. Лобановский пользовался весьма многими лучшими сочинениями и изложил предмет очень ясно и правильно так, что вышеозначенное сочинение г. Лобановского можно считать совершенно удовлетворительным и соответствующим своей ученой цели и желаемой им степени»³⁶.

Эти тенденции в развитии медицинских наук имели организационную поддержку. 1830–1840-е годы – время амбициозного плана правительства создать в России медицину мирового уровня. В утвердившейся тогда политической концепции сохранение и увеличение народонаселения рассматривалось как показатель эффективно и с по-

³⁴ См об этом: Вишленкова 2011.

³⁵ ЦХД до 1917 года ЦГА Ф. 418. Оп. 345. Д. 53. Об утверждении лекаря Ложновского в звании штаб-лекаря. 1838. Л. 1, 2об., 3об.

³⁶ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 352. Д. 53. О рассмотрении сочинения «Бугорчатая чихотка легких», написанного лекарем 1го отделения Малиным П. для получения звания штаб-лекаря. 1845. Л. 33.

мощью науки организованного управления, ведущего ко всеобщему благосостоянию. В данной связи из государственного бюджета выделялись средства на долгосрочные стажировки университетских врачей в западных клиниках для импортирования их лечебного опыта. Это создало осязаемый водораздел между исследуемой эпохой и первой третью XIX в., когда от диссертации претендента на штаб-лекарское звание и степень доктора медицины ждали лишь пересказа идей какого-либо научного авторитета. Вероятно, незатейливые ожидания начала века были производными от установки на исключительно просветительские задачи ученой медицины. К тому же русские выпускники врачебных отделений и Медико-хирургических академий имели довольно низкую научную подготовку. В 1823 году редактор «Военно-медицинского журнала» сетовал на то, что «русские военные врачи не знают иностранных языков» и не в состоянии читать зарубежные медицинские издания³⁷. Для них в столичном журнале делались русскоязычные обзоры иностранной литературы.

Понятно, что модернизация медицинского образования и латентная кадровая реформа в университетах должны были породить конфликт между амбициозными установками новых профессоров и исследовательскими возможностями не прошедших через их школу весьма взрослых соискателей. Он проявлялся в возмущениях обеих сторон, но университетские архивы зафиксировали голоса только одной из них. Прочитав рукопись уездного врача, профессор Г.П. Сокольский высказал негодование некомпетентностью диссертанта. «По препоручению факультета я рассматривал рукописное рассуждение об апоплексии лекаря Щировского и нашел в нем смешение старых и новых понятий и исследований об этой болезни без достаточного различия и оценивания оных и также мало самоуверенности в анатомических исследованиях»³⁸. «Смешение понятий» подразумевало соединение в логике рассуждений соискателя противоречащих друг другу, т.е. взятых из разных источников без критического соотнесения друг с другом теорий.

Понимание ограниченного доступа практикующих врачей, окончивших высшую школу еще в 1820-е годы, к западному опыту побуждало профессоров идти на снисхождения. «Взяв однако в расчет, что точнейшие исследования этой болезни возможны только при больших

³⁷ Предупреждение // Военно-медицинский журнал, издаваемый медицинским департаментом военного министерства. Ч. 1. № 1. 1823. С. VI.

³⁸ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 346. Д. 13. О получении лекарем Щировским звания штаб-лекаря. 1839. Л. 3.

пособиях и опытности, я нахожу, – писал Сокольский, – труд г-на лекаря Щировского весьма похвальным и для получения степени штаб-лекаря достаточным»³⁹. Таким образом, в рецензиях конца 1830-х годов можно обнаружить и требования по гамбургскому счету, и учет российской ситуации.

Что не признавалось за достаточное, так это реферативный характер диссертации и отсутствие в ней нового эмпирического материала, т.е. оригинальных наблюдений, сделанных на основе естественнонаучных опытов или историй болезней. Тот же профессор Г.П. Сокольский, читавший диссертацию ординатора Пятигорского военного госпиталя «О воспалении сердца», заключил: «Я читал рассуждение лекаря Барклай-де-Толли на латинском, писанное им для получения степени штаб-лекаря, и нашел, что статьи, составляющие оное, почерпнуты из разных книг, и в совокупности не представляют никакого целого. Анатомическое различие болезни обстоятельно не означено; а симптоматология не достаточна; а потому и нет никакого основания для рассмотрения болезни. Источники для обработки предмета означены превосходные, но пользовался ли он ими, сомнительно»⁴⁰. В данном случае подозрение вызвали истории болезней. Рецензент усомнился в их подлинности, что стало для профессорского совета основанием отказать лекаря в проведении публичной защиты и присвоении звания штаб-лекаря.

Разоблачения и негативные отзывы на штаб-лекарские и докторские диссертации встречаются в архивных документах довольно редко. Таковой, например, содержится в рецензии профессора Х.Г. Бунге на исследование лекаря третьего резервного саперного батальона Михаила Русакова (1837). Профессор посчитал диссертацию «неудовлетворительной»⁴¹, и соискатель не был допущен к испытаниям на звание доктора медицины.

От оценки к удостоверению

Отзыв на диссертацию обрел более-менее универсальный формуляр в 1840-е годы. В те годы в университетах шло интенсивное обсуждение присланного из Санкт-Петербурга проекта нового «Положения о присуждении ученых степеней». Профессора «уваровского призыва»

³⁹ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 346 Д. 13. О получении лекарем Щировским звания штаб-лекаря. 1839. Л. 3.

⁴⁰ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 347. Д. 46. О диссертации лекаря Барклай-де-Толли. 1840. Л. 3.

⁴¹ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 345. Д. 1. О допуске лекаря Зго резервного саперного батальона Русакова к экзамену на звание доктора медицины. 1838. Л. 3.

внесли в него требование оригинальности диссертационных исследований и прописали требования к объему знаний соискателей. Видимо, после этого рецензия могла быть простым удостоверением соответствия этим зафиксированным общим требованиям.

Читая отзывы о диссертациях этого десятилетия, испытываешь чувство, что читаешь один и тот же текст, в котором изменяются лишь имена соискателей и названия работ, а сама оценка имеет характер протокольного свидетельства. «По препоручению факультета, – писал, например, в 1840 г. тот же профессор Бунге, – я рассматривал сочинение лекаря Смирновского о эпидемической тифозной горячке, представленное для достижения степени штаб-лекаря, и нашел, что предметы изложены правильно и удовлетворительно, почему мнением полагаю, что сочинитель заслуживает удостоения означенной степени»⁴². В те годы многие профессора ограничивались в рецензиях лапидарным подтверждением (не)соответствия прочитанного текста министерским требованиям к диссертациям такого уровня⁴³. Весьма лаконичны отзывы профессора А.Е. Армфельда (1843) на сочинение Федора Радзивиловича («рассуждение..., составленное и изложенное весьма хорошо»⁴⁴), Г.П. Сокольского о рукописи лекаря второго военно-рабочего батальона путей сообщения Франца Варжковского («...нахожу оное достаточным для получения звания штаб-лекаря»⁴⁵), его же на диссертации младшего лекаря второго учебного кабардинского полка Николая Шереметевского «Рассуждение о скорбуте» (1841)⁴⁶, лекаря второго военно-рабочего батальона путей сообщения Василия Бурцова «О кори» (1841)⁴⁷, лекаря первого отделения Егора Андриевского о тифозной горячке (1842)⁴⁸, лекаря Ореста Рудинского «О воспалении в физиологическом и патологи-

⁴² ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 347 Д. 34 О получении лекарем Смирновским звания штаб-лекаря. 1840. Л. 3.

⁴³ «Правила испытания медицинских, ветеринарных и фармацевтических чиновников и вообще лиц, занимающихся врачебною практикою» (1838).

⁴⁴ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 350. Д. 63 О получении лекарем Радзивиловичем звания штаб-лекаря. 1843. Л. 3.

⁴⁵ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 348. Д. 87. О получении лекарем Варжковским звания штаб-лекаря. 1838. Л. 3.

⁴⁶ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 348. Д. 69. О получении лекарем Шереметевским звания штаб-лекаря. 1841. Л. 3

⁴⁷ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 348 Д. 13 О получении лекарем Бурцовым звания штаб-лекаря. 1841. Л.3.

⁴⁸ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 349. Д. 52. О получении лекарем Андриевским звания штаб-лекаря. 1842. Л. 3.

ческом значении» (1845)⁴⁹ и Рыльского уездного врача Антона Ковского об остром воспалении желудка и кишок (1845)⁵⁰.

Пару раз профессору Филомафитскому декан поручал читать и оценивать сразу по две диссертации, что позволяло рецензенту сравнивать научные достоинства текстов. Однажды это сработало против одного из соискателей, но в другой раз неизбежное в таком случае сопоставление не повлияло на решение присудить обоим претендентам Виктору Сандукели (Сандукелиеву) и Сергею Глаголеву искомые степени («оба названные мною сочинения вполне удовлетворяют своей цели»⁵¹). Диссертацию «Практические наблюдения воспаления мозга» лекаря Егора Анадальского (1845) он тоже считал «удовлетворительной»⁵². Такие же сухие свидетельства содержатся в отзывах других московских профессоров. Так, Н.Б. Анке подтвердил, что диссертации лекаря Константина Ержемского «О трескопеченочной варвани» (1845) и батальонного лекаря Белевского егерского полка Ивана Преображенского о болезнях, основанных на расстройствах кругообращения крови в легочной ткани и способе их лечения (1846)⁵³ удовлетворяют требованиям. Профессор Ф.И. Иноземцев вынес подобную оценку рукописи «Описание членосоставного гриба» старшего лекаря шестого саперного батальона Кирилла Андреевского (1844)⁵⁴. А когда совет поручил адъютантам И.Ф. Гильтебрандту и Н. Топорову прочитать медико-топографическое сочинение уездного врача Ивана Хавского⁵⁵ и исследование

⁴⁹ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 352 Д. 54 О рассмотрении сочинения «О воспалении в физиологическом и патологическом значении», написанном младшим ординатором Московского военного госпиталя лекарем Рудинским. 1845. Л. 3.

⁵⁰ Там же. Д. 30. О рассмотрении сочинения «Практические замечания об остром воспалении желудка и кишок», написанного лекарем Ковским. 1845. Л. 3.

⁵¹ Там же. Д. 84 О диссертациях лекарей Глаголевым В. «Рассуждение об истерике» и Сандукелким на лат. языке, представленными для получения звания штаб-лекаря. 1845. Л. 5.

⁵² Там же. Д. 27 О рассмотрении сочинений лекарей Анадальского «О воспалении мозга»; Ержемского «О трескопеченочной варвани»; Хавского «Медико-топографическое описание Дмитровского уезда», написанных для получения звания штаб-лекаря. 1845. Л. 3.

⁵³ Там же. Л. 21; ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 352. Д. 102 Сочинения на латинском языке, представленные лекарями Преображенским и Костемеревским для получения звания штаб-лекарей. 1846. Л. 28.

⁵⁴ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 350. Д. 137 О получении лекарем Андреевским звания штаб-лекаря. 1843-1844. Л. 3.

⁵⁵ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 352. Д. 27 О рассмотрении сочинений лекарей Анадальского «О воспалении мозга»; Ержемского «О трескопе-

лекаря Петра Малинина «О бугорчатой чахотке легких» (1845)⁵⁶, они заверили старших коллег, что диссертации «удовлетворительные».

В этой связи появление в матричных текстах необычных замечаний и нешаблонных фраз побуждает заподозрить признаки расшатывания канона и переопределения научных норм.

От удостоверения к экспертизе

По всей видимости, размах в 1840–50-е гг. исследовательской активности российских врачей и основание профессиональных обществ сказались на изменении статуса рецензии в профессии и на эволюции ее как научного жанра. В конце 1840-х гг. московские профессора стали отходить от формализованной оценки. Поскольку диссертация уже не считалась частью письменного экзамена, а рассматривалась как фиксация открытий исследователя, от рецензента ждали верификации методов, эмпирического материала и выводов, т.е. профессиональной экспертизы диссертации с точки зрения интересов развития дисциплины, а не требований чиновников. Поэтому профессора не свидетельствовали соответствие, а судили от лица «науки» и говорили о задаче воспитания «просвещенного врача». А само составление рецензии превратилось в научно-учебное мероприятие. Многие рецензии тех лет подписаны двумя авторами – профессором и его учеником – адъюнктом.

О диссертации Задергольма профессор В.А. Басов и адъюнкт В.И. Кох отозвались так: «Автор диссертации обозревает избранный им для рассуждения предмет в возможной полноте, касается всех важных к нему относящихся вопросов, рассматривает их подробно, воспользовавшись известнейшими сочинениями новейших и прежних времен; из чего можно заключить о добросовестности его труда и способности вникать подробно и отчетливо в сущность и лечение болезней, как требуется от врача истинно просвещенного и желающего пользоваться высшею медицинскою степенью»⁵⁷.

В том же году В.И. Кох в паре с профессором А.И. Полуниным написал еще один отзыв. Главное достоинство диссертации рецензенты увидели в теоретической подготовке автора и в оригинальности его

ченочной варвани»; Хавского «Медико-топографическое описание Дмитровского уезда», написанных для получения звания штаб-лекаря. 1845. Л. 37.

⁵⁶ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 352. Д. 53 О рассмотрении сочинения «Бугорчатая чахотка легких», написанного лекарем Iго отделения Малининым П. для получения звания штаб-лекаря. 1845. Л. 3.

⁵⁷ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 353. Д. 102. 102. О допуске лекарей Бекетова, Задергольма, Николаева к экзамену на звание доктора медицины. 1846-1850. Л. 5 об.

суждений: «Г. Николаев при составлении рассуждения, воспользовавшись трудами известных ученых, не ограничился одною выпискою их мнений и исследований. Он рассуждает самостоятельно, основываясь на данных физики и физиологии»⁵⁸. Ценилась не осведомленность, а способность диссертанта к критической ревизии опыта предшественников.

В дальнейшем применение в экспериментальной работе врача теоретических знаний из медицинских и естественных наук стало выдвигаться рецензентами как обязательное требование к диссертационному исследованию. Сначала об этом говорили как об особых заслугах отдельных выдающихся соискателей. Однако, проговоренное несколько раз в экспертной среде, это качество превратилось в профессиональную норму. «Очерк г. Ложновского, – уверял профессор А. Армфельд, – обнаруживающий добротное знакомство с медицинскою, особенно, акушерскою литературою, и заслуживающий по направлению своему эпитет “практического”, делает автору честь и дает ему, по моему мнению, полное право на получение искомой им степени»⁵⁹.

В университетских архивах сохранились дела, которые свидетельствуют об использовании рецензий в качестве орудия для обоснования особого вклада соискателей в науку. Такой пример дает отзыв на диссертацию ученого аптекаря Московского университета Николая Лясковского (1849). Соискатель попросил профессорский совет издать его текст за счет университетских средств⁶⁰. Необычность просьбы состояла в том, что по правилам диссертанты публиковали свои трактаты за собственный счет. Для положительного решения рецензентам предстояло доказать совету университета особые заслуги соискателя.

А.И. Полунин заверил коллег с других факультетов: «Господин Лясковский своими критическими исследованиями и наблюдениями оказал важную заслугу науке»⁶¹. Данное утверждение он аргументировал эрудицией исследователя, его знакомством с трудами западных ученых о холере и версиями ее происхождения⁶². Что касается экспериментальной части диссертации, то «предмет изложен с возможной полнотою и с строгою критикою, показывающую многостороннюю образованность автора». Впрочем, не столько теоретическими знаниями

⁵⁸ Там же. Л. 2 об.

⁵⁹ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 345. Д. 53 Об утверждении лекаря Ложновского в звании штаб-лекаря. 1838. Л.4 об.

⁶⁰ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 354. Д. 141 О допуске лекаря Н. Лесковского к экзаменам на степень доктора медицины. 1847–1849. Л. 17.

⁶¹ Там же. Л. 29об.

⁶² Там же. Л. 29.

ми соискателя был покорен профессор, сколько тем, что в ходе борьбы с холерой Лясовский подверг гипотезы западных коллег об инфекционной природе холеры аналитической проверке. Во время эпидемии 1847 года он проводил ежедневные заборы и исследования воздуха на университетском дворе. «Конечно, подобные исследования воздуха были произведены и в прежние эпидемии (в Вене и Париже), – писал Полунин, – но цель их так видна, что они должны быть повторены на разных частях земной поверхности. При том способ, которым исследовал воздух г. Лясовский, гораздо точнее способов, употребленных при исследовании воздуха в течение холеры в Вене и Париже».

Поскольку в данном случае речь шла не о личных заслугах или амбициях, а о вкладе России в мировую науку, то совет медицинского факультета ходатайствовал перед большим советом выделить казенные средства на издание диссертации тиражом аж в 600 экземпляров. Благодаря университетской рассылке эти результаты имели шанс стать известными в медицинской среде не только империи, но и западных стран. «Труд г. Лясовскаго, – сообщалось в представлении медиков, – содержит первый значительный ряд анализа атмосферного воздуха в России и первые анализы воздуха Московского, – анализы, произведенные по наиточнейшему методу посредством взвешивания кислорода воздуха. Анализы эти не напечатаны по сию пору нарочно с тем, чтобы их поместить в издании русском, и если возможно, Московского университета, в фармацевтической лаборатории которого они произведены»⁶³. В отзыве подчеркивалась научная новизна и соответствие мировым тенденциям в науке. В ноябре 1849 года Лясовский успешно защитил опубликованную за казенный счет диссертацию.

Язык науки

За хорошую латынь, т.е. за точный язык науки профессора хвалили соискателей особо. Так, на отзыве своего коллеги Н.Б. Анке сделал приписку: «Совершенно согласен с мнением г. профессора Полунина. Добавлю только, что латинский язык, на котором писана диссертация, заслуживает особенно похвального отзыва»⁶⁴. Но в целом требование писать исследования на латыни создавало для российских претендентов на степень большие трудности. Довольно часто после обсуждения на факультетском совете им возвращали рукописи на лингвистическую доработку. Особенно много таких претензий стало в 1840–50-е гг., ко-

⁶³ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 354. Д. 141 О допуске лекаря Н. Лесковского к экзаменам на степень доктора медицины. 1847–1849. Л. 20.

⁶⁴ Там же. Л. 29 об.

гда, с одной стороны, университеты начали публиковать медицинские диссертации и рассылать их в научные центры и специалистам, а с другой – латынь перестали изучать в русских гимназиях. Соискателя Алексея Николаева московские рецензенты хвалили за оригинальность исследования и ругали за стилистику рукописи⁶⁵. После обсуждения он потратил еще год на улучшение качества латинского текста. Только после этого диссертация была рекомендована к публикации.

С такими же проблемами сталкивались соискатели в Казани. Во многих аттестационных делах можно обнаружить заключения такого рода: «Принимая в уважение важность избранного г-м Розовым для его диссертации предмета; потребность в дальнейшем его исследовании, необходимость в поощрении каждого труда, предпринятого для его разработки, трудолюбие и даровитость диссертанта – возратить г-ну Розову его сочинение для исправления изложения и чистоты языка»⁶⁶.

Слабое владение латынью и грамматические ошибки приводили к отказу в публикации и организации публичной защиты или требовали от рецензентов компромисса. «Добрые» оппоненты относились к низкому качеству латыни в диссертациях снисходительно. «Возвращая уже просмотренное мною рассуждение..., составленное на латинском языке батальонным лекарем Белевского егерского полка Костемеровским, – писал профессор Н.Б. Анке, – честь имею донести медицинскому факультету, что хотя из этого рассуждения видно, что сочинитель оного не грамматически знает латинский язык, судя по ошибкам его в правописании, но по предмету изложенному им, я нахожу означенное рассуждение для получения звания штаб-лекаря удовлетворительным»⁶⁷. «Строгие» рецензенты такие тексты не пропускали. В отзыве на диссертацию Михаила Шереметьевского (1847) профессор А.О. Армфельд потребовал: «против содержания возражений не имею; но язык прошу пересмотреть и переправить»⁶⁸.

⁶⁵ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 353. Д. 102 О допуске лекарей Бекетова, Задергольма, Николаева к экзамену на звание доктора медицины. 1846-1850. Л. 2 об.

⁶⁶ НАРТ Ф. 977. Оп. медфак Д. 482 О присвоении Розову степени доктора медицины. 1847-1850. Л. 18-18 об.

⁶⁷ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 352. Д. 102 Сочинения на латинском языке, представленные лекарями Преображенским и Костемеровским для получения звания штаб-лекарей. 1846. Л.3.

⁶⁸ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 353. Д. 86 О допуске лекарей Малича Г., Шереметьевского М. к испытаниям на звание доктора медицины. 1846-1850. Л. 48.

В особо тяжелых случаях совет рекомендовал соискателю написать новое исследование на тему, не требующую латыни, например, медико-топографическое описание. Так, получив спустя полгода после обсуждения (1853) рукопись, декан «нашел ее с теми же ошибками и ни в чем совершенно не исправленную. Приказали: поелику факультет усматривает, что диссертация г-на Аблеса свидетельствует о неспособности к самостоятельной обработке избранной им темы, то предоставить ему избрать другую, по которой мог бы написать диссертацию, удовлетворительную для получения степени доктора медицины»⁶⁹. Между прочим, соискатель воспользовался рекомендацией и через год защитил диссертацию на другую тему на русском языке.

В конце 1850-х гг. ситуация со знанием латыни еще более ухудшилась, что привело к снижению защит и сокращению научных публикаций по медицине. В этой связи профессорские советы решили отказаться от латыни как языка медицинских наук. «Русская литература медицинская, – писал в обращении к министерским чиновникам казанский профессор А.А. Соколовский, – к тому столь бедная у нас самостоятельными произведениями, теряет чрезвычайно много, лишаясь столь обработанных специальных сочинений, каковы докторские диссертации, которые обыкновенно написанные на латинском языке остаются мертвой принадлежностью библиотек университетских, печатаются в весьма ограниченных количествах и вовсе остаются недоступными для читающей медицинской публики»⁷⁰.

В результате ходатайства университетов министерство разрешило российским лекарям писать исследования и защищать диссертации на русском языке, оставив латынь только на письменном экзамене. «Чтобы иметь возможность удостовериться, – объясняло министерское распоряжение, – что лица ищущие медицинских ученых степеней, знают латинский язык насколько это необходимо для каждого медика»⁷¹.

Определение авторства

Рецензенты штаб-лекарских и докторских диссертаций должны были выяснить авторство оцениваемого текста – написана ли диссертация самим соискателем, является ли текст рукописи оригинальным сочинением. Для ответа на эти вопросы использовались разные способы проверки. Например, профессор мог пообщаться с диссертантом лично.

⁶⁹ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 353. Д. 100 О допуске лекаря Аблеса В. к экзаменам на степень доктора медицины. 1846–1854. Л. 29 об.

⁷⁰ НА РГ. Ф. 977. Медфак. Д. 670 Об отмене правил писать докторские диссертации на латинском языке. 1858–1859. Л. 3–3об.

⁷¹ Там же. Л. 5об.

Так, А.О. Армфельд, читавший диссертацию «Практический очерк детской болезни: корча гортанного отверстия» (1838), приватно беседовал с автором. «Словесные объяснения и дополнения г. Ложновского, – сообщил он коллегам по факультету, – убедили меня в том, что представленное им рассуждение действительно есть собственный его труд»⁷².

Для взвешенной оценки важно было выяснить, является ли диссертация изложением опыта личных наблюдений соискателя, т.е. основана ли она на историях болезней *его* пациентов. Выводы могли считаться заслуживающими доверия только, если рецензент с уверенностью мог сказать нечто подобное: «автор видел описываемую им болезнь в пяти случаях, из которых два сообщает в подробности» или, что «основываясь на этих и подобных наблюдениях, автор полагает...»⁷³.

В тех случаях, когда диссертант представлял сочинение по практической медицине, медицинской химии или фармакологии, профессора могли потребовать воспроизвести некоторые опыты у них на глазах. Через такой экзамен прошел лекарь Екатерининского богадельного дома Александр Кетчер, представивший трактат «О синильной кислоте» (1838). Проверявший его профессор А. Армфельд выдал соискателю справку «на плагиат»: «По поручению г. декана производил я испытание г. КЕТЧЕРУ, по результату которого есть причина полагать, что представленное им в факультет рассуждение О СИНИЛЬНОЙ КИСЛОТЕ обдуманно и писано им самим»⁷⁴. В обстоятельном отзыве (пять листов рукописного текста) рецензент описал научную эрудицию диссертанта. Приговор гласил: «Содержание всего рассуждения, выбор и изложение чужих мнений и внимательность, с которою были произведены собственные опыты, доказывают, кроме любви к науке, довольно короткое знакомство с ученым и техническим медицинским материалом и умение пользоваться им, и делает автора, по мнению моему, совершенно достойным степени штаб-лекаря, которой он домогается»⁷⁵.

В 1840-е годы авторство диссертаций стали удостоверить уже не университетские рецензенты, а справки с мест службы. Штатские врачи добивались свидетельств от врачебных управ⁷⁶, а военные лекари

⁷² ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 345. Д. 53 Об утверждении лекаря Ложновского в звании штаб-лекаря. 1838. Л. 4 об.

⁷³ Там же. Л. 2 об и 3 об.

⁷⁴ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 345. Д. 24. О допуске лекаря Кетчера к экзамену на звание штаб-лекаря. 1838. Л. 43.

⁷⁵ Там же. Л. 47.

⁷⁶ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 352. Д. 146. С сочинением «Анатомо-патологическое и микроскопическое исследование туберкулов легких»

представляли удостоверения от своего начальства или от коллег по армейскому подразделению⁷⁷. Видимо, МВД и военное министерство отдали распоряжение о предоставлении таких свидетельств. Трудно сказать, стала ли эта форма поручительства эффективной защитой от фальшивых диссертаций и вообще – были ли таковые. На основе этих свидетельств можно утверждать другое – министерские чиновники подозревали соискателей в подлоге и домогательстве высоких чинов, что оправдывало ужесточение условий аттестации. Не знаю, как ощущали бы себя в этой ситуации владельцы купленных диссертаций, но врачам-исследователям такая подозрительность чиновников создавала дополнительные препятствия для профессионального роста.

Итак, в интересующее нас время экспертиза диссертаций на звание штаб-лекаря и ученую степень доктора медицины прошла эволюцию от корпоративной оценки знаний соискателя к удостоверению соответствия текста министерским требованиям, а затем – к профессиональной экспертизе «новых высказываний». Последняя подразумевала выявление следующих параметров: оригинальности, знания исследовательской традиции, уровня владения языком науки, способности соотносить теоретическое знание с экспериментальной практикой и наоборот обобщать казусы наблюдений до уровня теории.

Факультетская оценка воплощалась в различные формы. В Казани она формулировалась в виде решения профессорского совета, принятого на основе устно высказанных мнений коллег, прочитавших рукопись. В Москве оценивание предполагало написание авторской рецензии. Изучение обнаруженных в аттестационных делах экспертных коммен-

представленного лекарем Лаврениусом для получения звания штаб-лекаря. 1845. Л. 42 об.; ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 349. Д. 52. О получении лекарем Андриевским звания штаб-лекаря. 1842. Л. 41 об.

⁷⁷ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 350. Д. 24. О получении лекарем Высотским звания штаб-лекаря. 1843. Л. 4; ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 352. Д. 61. О рассмотрении сочинения на латинском языке, написанного лекарем Добротворским для получения звания штаб-лекаря. 1845. Л. 39 об.; ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 352. Д. 62. О рассмотрении сочинения лекарей Храбростиина и Лукашевича «Краткое обозрение ревматизма суставов с присовокуплением собственных наблюдений». 1845. Л. 15; ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 350. Д. 36. О получении Эрбе и Федоровичем званий штаб-лекарей. 1843. Л. 26; ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 352. Д. 143. О доставлении сочинения «О кровавом поносе», представленного лекарем Бутырского пехотного полка Минервинным Е. 1845. Л. 32; ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 352. Д. 146. С сочинением «Анатомо-патологическое и микроскопическое исследование туберкулов легких» представленного лекарем Лаврениусом для получения звания штаб-лекаря. 1845. Л. 42 об.

тариев позволяет говорить о складывании в 1840-е годы жанра научной рецензии. По всей видимости, столица оказалась более благоприятным местом для этого, чем провинция, в силу большей численности врачей, наличия здесь профессиональных обществ⁷⁸ и вовлеченности в государственное управление через медицинские советы и врачебные управы.

Совершившийся к середине XIX века отказ от латыни в пользу национального языка имел свои причины и последствия. Его подготовили аналогичные тенденции в западных, прежде всего в германских университетах, а также реформа школьного образования, устранившая латынь из курса гимназического обучения. В этой связи самыми подготовленными абитуриентами для медицинских факультетов стали выпускники духовных семинарий, имевшие ограниченный доступ в университеты. Установка министерства народного просвещения и правительства Николая I на возвращение «русских» наук о человеке также оправдывала появление «русской медицины», говорившей и писавшей на национальном языке.

Вместе с усложнением экспертных функций факультеты либо отказались, либо им было отказано в праве удостоверить авторство медицинских диссертаций. Эти функция и право перешли к местам службы соискателей. Теперь служащие МВД и военных ведомств удостоверяли профессоров в соответствии личности соискателя профессиональной этике. Такое перераспределение власти привело к тому, что вскоре государственные ведомства (военные госпитали и врачебные управы) стали фигурировать в документах как ходатаи ученых степеней (а, следовательно, и чинов) для своих подчиненных. Их руководители выступали инициаторами аттестации, адресатами аттестационной документации, а порой и заявляли о себе как о коллективном авторе сочинения⁷⁹.

Двойственность субъектов оценивания отразила сложный статус ученой степени в модерной империи – документального свидетельства места ученого врача в профессиональной иерархии и его права на должность в государственной структуре. И хотя государство делеги-

⁷⁸ Общество соревнования врачебных и физических наук при Московском университете и Виленское медицинское общество (1805), Общества (немецких) практических врачей в Москве (1819), Петербурге (1819) и Риге (1823), Петербургское фармацевтическое общество (1818), Варшавское медицинское общество (1821), Общество русских врачей в Петербурге (1833), Общество киевских (1840) и одесских (1844) врачей.

⁷⁹ ЦХД до 1917 года ЦГА Москва Ф. 418. Оп. 347. Д. 34. О получении лекарем Смирновским звания штаб-лекаря. 1840. Л. 3. Владимирская врачебная управа прислала в ИМУ диссертацию Щиrowsкого: Ф. 418. Оп. 346. Д. 13 О получении лекарем Щиrowsким звания штаб-лекаря. 1839.

ровало врачебному сословию самооценку знаний и умений врачей, оно сохранило за собой (то есть за участвующими в реализации социального контроля медицинскими чиновниками) контроль за условиями «производства новых высказываний», то есть за полевой работой диссертантов, а тем самым за доступ к классным чинам и должностям. Такими видятся неписанные условия «регулятивного соглашения», которые устанавливались между государством и медицинской профессией в России Николаевской эпохи.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977 Оп. медфак Д. 272. 1835.
Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977 Оп. медфак Д. 288. 1836.
Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977 Оп. медфак Д. 326. 1838–1840.
Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977 Оп. медфак Д. 344. 1839–1840.
Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2540. 1842.
Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2529. 1842–1843.
Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977 Оп. медфак Д. 482. 1847–1850.
Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977 Оп. медфак Д. 481. 1847–1854.
Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Медфак. Д. 670. 1858–1859.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 81. Д. 9. 1821.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 345. Д. 1. 1838.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 345. Д. 24. 1838.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 345. Д. 53. 1838.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 346. Д. 13. 1839.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 346. Д. 29. 1839.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 346. Д. 42. 1839.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 347. Д. 20. 1840.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 347. Д. 34. 1840.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 347. Д. 46. 1840.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 347. Д. 48. 1840.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 348. Д. 13. 1841.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 348. Д. 87. 1838.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 348. Д. 69. 1841.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 349. Д. 52. 1842.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 350. Д. 24. 1843.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 350. Д. 36. 1843.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 350. Д. 63. 1843.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 350. Д. 137. 1843–1844.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 350. Д. 149. 1844.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 351. Д. 52. 1844.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 352. Д. 10. 1845.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 352. Д. 11. 1845.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 352. Д. 27. 1845.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 352. Д. 30. 1845.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 352. Д. 53. 1845.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 352. Д. 54. 1845.

- Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 352. Д. 61. 1845.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 352. Д. 62. 1845.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 352. Д. 84. 1845.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 352. Д. 102. 1846.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 352. Д. 143. 1845.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 352. Д. 146. 1845.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 353. Д. 102. 1846–1850.
Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 354. Д. 141. 1847–1849.
- Антропология профессий, или посторонним вход разрешен. М., 2011.
- Вишленкова Е.А.* Медико-биологические объяснения социальных проблем России (вторая треть XIX века) // История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов, 2011. Вып. 4. С. 37–66.
- Вишленкова Е.А., Гатина З.С.* «Изложить предмет сциентифический...»: полевые исследования русских врачей (первая половина XIX века) // Российская история. 2015, №3 (в печати).
- Волков В.А., Куликова М.В.* Российская профессура XVIII – начала XX в. Биологические и медико-биологические науки. Биографический словарь. СПб., 2003.
- Волков В.А., Чириков Е.П.* Профессия и профессионализм как предмет отечественных и зарубежных исследований // Научные труды Северо-Западного института управления // 2011. Т. 2. № 1. С. 32–42.
- Гатина З.С., Вишленкова Е.А.* Система научной аттестации в медицине (Россия, первая половина XIX века) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. №1 (18), 2014. С. 177–178.
- Иванов А.Е.* Ученые степени в Российской империи: XVIII в. – 1917 г. М., 1994.
- Ильина К.А., Вишленкова Е.А.* Архивариус: хранитель и создатель университетской памяти // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. М.: ИД ВШЭ, 2013. С. 353–354.
- Императорский Московский университет: 1755–1917 / Сост. А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. М.: РОССПЭН, 2010.
- Казанский университет (1804–2004): биобиблиографический словарь / Глав. ред. Г.Н. Вульфсон. Т. 1: 1804–1904. Казань: изд-во Казанск. ун-та, 2002.
- Мансуров В.А., Юрченко О.В.* Профессиональная идеология альтруизма российских врачей // Вестник Института социологии. 2010. № 1. С. 397–410.
- Михневич А.В.* Правовое регулирование присуждения медицинских, фармацевтических и ветеринарных ученых степеней в России (1747–1918): Дисс. ...канд. юрид. наук. Пятигорск, 2004.
- Об устройстве училищ, 24 января 1803 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1: Царствование императора Александра I: 1802–1825. № 6. Стб. 17–18.
- Правительственные распоряжения // Медикостатистические известия. 1843, январь. С. 1.
- Предупреждение // Военно-медицинский журнал, издаваемый медицинским департаментом военного министерства. Ч. 1. № 1. 1823. С. VI.
- Профессора Военно-медицинской (Медико-хирургической) академии. 1798–1998. СПб., 1998.
- Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р.* Три типа знания в социологии профессий // Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современ-

- ном обществе / под ред. В.А. Мансурова. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2007. С. 12-32.
- Российский медицинский список, по Высочайшему повелению издаваемый Медицинским департаментом МВД. СПб: тип. МВД, 1810–1895.
- Указ 9 июня 1764 года «О производстве кандидатов, обучившихся медицине, в доктора сего факультета, по собственным Медицинской коллегии экзаменам // Полное собрание законов Российской империи. Собр-е 1. СПб., 1830. Т. 16. С. 795.
- Указ 29 сентября 1791 год «О предоставлении Московскому университету права давать докторскую степень обучившимся в оном врачебной науке» // Полное собрание законов Российской империи. Собр-е 1. СПб., 1830. Т. 23, № 16988.
- Ученые степени в российских университетах // Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / Под ред. А.Ю. Андреева и С.И. Посохова. М., 2012. С. 326–388.
- Якушев А.Н.* Организационно-правовой анализ подготовки научных кадров и присуждения ученых степеней в университетах и академиях России: (1747–1918): История и опыт реализации: Дисс... канд. юр. наук. СПб., 1998.
- Ханьков Я.В.* Очерк истории медицинской полиции в России. СПб: тип. МВД, 1851.
- Arney W.R.* Power and Profession of Obstetrics. London, 1982; Sarah Nettleton. Power, Pain and Dentistry. Buckingham, 1992.
- Barber B.* Some Problems in the Sociology of Professions // *Daedalus*. 1963. Vol. 92. P. 669-688.
- Becker H.* The Nature of a Profession // *Education for the Professions* / ed. by National Society for the Study of Education. Chicago: University of Chicago Press, 1962.
- Hughes E.* Professions // *Daedalus*. 1963. № 92 (4), 655-668.
- Goode W. J.* Encroachment, Charlatanism and the Emerging Profession: Psychology, Sociology and Medicine // *American Sociological Review*. 1960. Vol. 25. P. 902-914.
- Greenwood E.* Attributes of a Profession // *Social Work*. 1957. Vol. 2. P. 45-55.
- Harold L. Wilensky.* The Professionalisation of Everyone? // *American Journal of Sociology*. 1964. Vol. 70. P. 137-58.
- Johnson T.* Governmentality and the Institutionalization of Expertise // Johnson, Gerry Larkin and Mike Saks (Eds). *Health Professions and the State in Europe*. L., 1995.
- Renner A.* Russische Autokratie und Europaische Medizin: Organisierter Wissenstransfer im 18.jahrhundert (Medizin, Gesellschaft und Geschichte – Beihefte). Franz Steiner Verlag Wiesbaden, 2010.
- Saks M.* Professions, Markets and Public Responsibility // Mike Dent, Maggie O’Neill, Carl Bagley (Eds.). *Professions, New Public Management and the European Welfare State*. Staffordshire, 1999.

REFERENCES

- Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. F. 977 Op. medfak D. 272. 1835.
- Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. F. 977 Op. medfak D. 288. 1836.
- Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. F. 977 Op. medfak D. 326. 1838–1840
- Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. F. 977 Op. medfak D. 344. 1839–1840.
- Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. F. 977. Op. Sovet. D. 2540. 1842.
- Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. F. 977. Op. Sovet. D. 2529. 1842–1843.
- Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. F. 977 Op. medfak D. 482. 1847–1850.
- Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. F. 977 Op. medfak D. 481. 1847–1854.
- Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. F. 977. Medfak. D. 670. 1858–1859.

- Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 81. D. 9. 1821.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 345. D. 1. 1838.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 345. D. 24. 1838.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 345. D. 53. 1838.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 346. D. 13. 1839.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 346. D. 29. 1839.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 346. D. 42. 1839.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 347. D. 20. 1840.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 347. D. 34. 1840.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 347. D. 46. 1840.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 347. D. 48. 1840.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 348. D. 13. 1841.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 348. D. 87. 1838.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 348. D. 69. 1841.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 349. D. 52. 1842.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 350. D. 24. 1843.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 350. D. 36. 1843.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 350. D. 63. 1843.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 350. D. 137. 1843–1844.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 350. D. 149. 1844.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 351. D. 52. 1844.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 352. D. 10. 1845.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 352. D. 11. 1845.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 352. D. 27. 1845.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 352. D. 30. 1845.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 352. D. 53. 1845.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 352. D. 54. 1845.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 352. D. 61. 1845.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 352. D. 62. 1845.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 352. D. 84. 1845.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 352. D. 102. 1846.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 352. D. 143. 1845.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 352. D. 146. 1845.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 353. D. 102. 1846–1850.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvyy. F. 418. Op. 354. D. 141. 1847–1849.
Antropologiya professii, ili postoronnim vkhod razreshen. M., 2011.
Vishlenkova E.A. Mediko-biologicheskie ob'yasneniya sotsial'nykh problem Rossii (vtoraya tret' XIX veka) // Istoriya i istoricheskaya pamyat': Mezhvuz. sb. nauch. tr. / Pod red. A.V. Gladysheva. Saratov, 2011. Vyp. 4. S. 37–66.
Vishlenkova E.A., Gatina Z.S. «Izlozhit' predmet stsiyentificheski...»: polevye issledovaniya russkikh vrachei (pervaya polovina XIX veka) // Rossiiskaya istoriya. 2015, №3.
Volkov V.A., Kulikova M.V. Rossiiskaya professura XVIII – nachala KhKh v. Biologicheskie i mediko-biologicheskie nauki. Biograficheskii slovar'. SPb., 2003.
Volkov V.A., Chirikov E.P. Professiya i professionalizm kak predmet otechestvennykh i zarubezhnykh issledovaniy // Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya // 2011. T. 2. № 1. S. 32–42.

- Gatina Z.S., Vishlenkova E.A. Sistema nauchnoi attestatsii v meditsine (Rossiya, pervaya polovina XIX veka) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. №1 (18), 2014. S. 177-178.
- Ivanov A.E. Uchenye stepeni v Rossiiskoi imperii: KhVIII v. – 1917 g. M., 1994.
- Il'ina K.A., Vishlenkova E.A. Arkhivarius: khranitel' i sozdatel' universitetskoj pamyati // Soslovie russkikh professorov. Sozdateli statusov i smyslov. M.: ID VShE, 2013. S. 353-354.
- Imperatorskii Moskovskii universitet: 1755–1917 / Sost. A.Yu. Andreev, D.A. Tsygankov. M.: ROSSPEN, 2010.
- Kazanskii universitet (1804–2004): biobibliograficheskii slovar' / Glav. red. G.N. Vul'fson. T. 1: 1804–1904. Kazan': izd-vo Kazansk. un-ta, 2002.
- Mansurov V.A., Yurchenko O.V. Professional'naya ideologiya al'truizma rossiiskikh vrachei // Vestnik Instituta sotsiologii. 2010. № 1. S. 397-410.
- Mikhnevich A.V. Pravovoe regulirovanie prisuzhdeniya meditsinskikh, farmatsevticheskikh i veterinarnykh uchenykh stepenei v Rossii (1747–1918): Diss. ...kand. yurid. nauk. Pyatigorsk, 2004.
- Ob ustroistve uchilishch, 24 yanvara 1803 // Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. SPb., 1864. T. 1: Tsarstvovanie imperatora Aleksandra I: 1802–1825. № 6. Stb. 17–18.
- Pravitel'stvennye rasporyazheniya // Medikostatisticheskie izvestiya. 1843, yanvar'. S. 1.
- Preduvedomlenie // Voенно-meditsinskii zhurnal, izdavaemyi meditsinskim departamentom voennogo ministerstva. Ch. 1. № 1. 1823. S. VI.
- Professora Voенно-meditsinskoi (Mediko-khirurgicheskoi) akademii. 1798–1998. SPb., 1998.
- Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R. Tri tipa znaniya v sotsiologii professii // Sotsial'naya dinamika i transformatsiya professional'nykh grupp v sovremen-nom obshchestve / pod red. V.A. Mansurova. M.: Izd-vo Instituta sotsiologii RAN, 2007. S. 12-32.
- Rossiiskii meditsinskii spisok, po Vysochaishemu povelениyu izdavaemyi Meditsinskim departamentom MVD.. SPb: tip. MVD, 1810–1895.
- Ukaz 9 iyunya 1764 goda «O proizvodhenii kandidatov, obuchivshikhsya meditsine, v doktora sego fakul'teta, po sobstvennym Meditsinskoi kollegii ekzamenam // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr-e 1. SPb., 1830. T. 16. S. 795.
- Ukaz 29 sentyabrya 1791 god «O predostavlenii Moskovskomu universitetu prava davat' doktorskuyu stepen' obuchivshimsya v onom vrachebnoy nauke» // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr-e 1. SPb, 1830. T. 23, № 16988.
- Uchenye stepeni v rossiiskikh universitetakh // Universitet v Rossiiskoi imperii XVIII – pervoi poloviny XIX veka / Pod red. A.Yu. Andreeva i S.I. Posokhova. M., 2012. S. 326–388.
- Yakushev A.N. Organizatsionno-pravovoi analiz podgotovki nauchnykh kadrov i prisuzhdeniya uchenykh stepenei v universitetakh i akademiyaх Rossii: (1747–1918): Istoriya i opyt realizatsii: Diss... kand. yur. nauk. SPb., 1998.
- Khan'kov Ya.V. Oчерk istorii meditsinskoi politzii v Rossii. SPb: tip. MVD, 1851.
- Arney W.R. Power and Profession of Obstetrics. London, 1982; Sarah Nettleton. Power, Pain and Dentistry. Buckingham, 1992.
- Barber B. Some Problems in the Sociology of Professions // Daedalus. 1963. Vol. 92. P. 669-688.

- Becker H. The Nature of a Profession // Education for the Professions / ed. by National Society for the Study of Education. Chicago: University of Chicago Press, 1962.
- Hughes E. Professions // Daedalus. 1963. № 92 (4), 655-668.
- Goode W. J. Encroachment, Charlatanism and the Emerging Profession: Psychology, Sociology and Medicine // American Sociological Review. 1960. Vol. 25. P. 902-914.
- Greenwood E. Attributes of a Profession // Social Work. 1957. Vol. 2. P. 45-55.
- Harold L. Wilensky. The Professionalisation of Everyone? // American Journal of Sociology. 1964. Vol. 70. P. 137-58.
- Johnson T. Governmentality and the Institutionalization of Expertise // Johnson, Gerry Larkin and Mike Saks (Eds). Health Professions and the State in Europe. L., 1995.
- Renner A. Russische Autokratie und Europäische Medizin: Organisierter Wissenstransfer im 18. Jahrhundert (Medizin, Gesellschaft und Geschichte – Beihefte). Franz Steiner Verlag Wiesbaden, 2010.
- Saks M. Professions, Markets and Public Responsibility // Mike Dent, Maggie O'Neill, Carl Bagley (Eds.). Professions, New Public Management and the European Welfare State. Staffordshire, 1999.

Вишленкова Елена Анатольевна, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Поletaева НИУ Высшая школа экономики; evishlenkova@mail.ru

Reviewing as a means of self-regulation in the medical profession in Russia of 1830-1840s

The activity of an amorphous group of the medical bureaucrats was noticed by historians only in the 18th c. (A. Renner). In the second half of the 19th century two processes were recorded by scholars: the active involvement of the medical professionals into social control and the phenomenon of the medicalisation of the political discourse (L. Engelstein, D. Beer, M. Mogilner). Probably, the transformation of the medical estate into profession took place in the first half of the 19th century. This article explores one of the mechanisms of this process — the evaluation of the knowledge of the candidates to the rank of the staff doctor and the doctor of medicine. The birth and the evolution of the genre of the dissertation review, history of the convention concerning the scope and the nature of the knowledge of the doctor are traced on basis of testimonial cases from the Achieves of the Moscow and Kazan Universities. The author detects the forms of the bureaucracy's participation in these processes and it helps to establish how the regulatory agreement between state and profession elite was concluded, how new type of social state had been shape in Russia.

Keywords: Russian empire, University, academic degrees, health profession, history of science, history of knowledge.

Elena Vishlenkova, Dr.Sc. (History), Professor, Deputy Director, A. Poletaev Institute for Theoretical Historical Studies in the Humanities (IGITI), National Research University Higher School of Economics; evishlenkova@mail.ru

С. В. ГОЛИКОВА

МЕДИЦИНСКОЕ ЭКСПЕРТНОЕ ЗНАНИЕ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

РЕКРУТСКИЙ УСТАВ 1831 ГОДА¹

Рекрутский Устав (1831 г.) интересен тем, что показывает роль права в становлении биовласти. Определение годности рекрутов к прохождению военной службы происходило в ходе медицинского осмотра – непривычной для людей того времени телесной практики. Военно-врачебная экспертиза стала механизмом «присвоения» государством тела человека вплоть до направления его на принудительное лечение и проведения принудительного оперативного вмешательства. Медикализация усиливала режим культурного доминирования ученых медиков над народом. Участие врачей в социально-государственном контроле над населением осуществлялось с помощью клинического подхода, определявшего, насколько рекрут соответствует общим нормам.

Ключевые слова: *Рекрутский Устав 1831 г., военно-врачебная экспертиза, телесность, норма, клинический подход, медикализация, биовласть.*

Медицинская экспертиза редко становится предметом отечественной историографии. В зарубежной русистике, по наблюдению Е.А. Вишленковой, уже «вырастает новое научное направление “новая медицинская история империй”», которая «появление врачебного дискурса устойчиво связывает с модернизацией имперской политики». Её статья «“Выполняя врачебные обязанности, я постиг дух народный”: самосознание врача как просветителя российского государства (первая половина XIX века)» как раз посвящена «условиям рождения медицинской экспертизы» в России². Сфера же применения этой компетенции членов профессионального сообщества трактуется автором весьма широко, вплоть до «принятия на себя практикующими врачами функций социальных аналитиков». В этот период научная экспертиза, в том числе медицинская, становится частью управления. В XIX веке медицина стала властью. «Медицина – это знание-власть», уточнял М. Фуко, подчеркивая, что это постоянная, ученая власть. «И именно распространение в обществе медицинских учреждений и медицинского знания, – писал он, – свидетельствует некоторым образом о том, как, я не хочу сказать сочетаются, но как ограничивают друг друга или об-

¹ Статья подготовлена по гранту Президента РФ для поддержки ведущих научных школ РФ «НШ-3422.2014.6».

² Вишленкова 2011.

мениваются, или постоянно сталкиваются дисциплинарная механика и правовой принцип»³.

Юридические памятники первой половины XIX века свидетельствуют, что медицинские знания начали оказывать сильное влияние на мысль правоведов. Цитаты из сочинений врачей отливались в законодательные формулировки. Медики превращались в законодателей, становились авторами целых законов или частей объемных кодексов, при чтении которых создается впечатление, что познакомишься со специальной медицинской литературой. Наряду с результатами и достижениями научной деятельности в право проникали методы научной медицины, медицинская казуистика. В полной мере эти тенденции проявились при составлении в 1831 г. Рекрутского Устава. Этот источник привлекался при изучении военной истории (развития военного законодательства, способов формирования вооруженных сил) и отправления податными сословиями рекрутской повинности. Однако десятое приложение Устава «Наставление медицинским чиновникам, в рекрутские Присутствия по приему рекрут отряжаемым» посвящено вопросам военно-врачебной экспертизы, а именно медицинскому освидетельствованию военнообязанных для определения их годности к прохождению службы в рядах армии и флота. Сама же военно-врачебная экспертиза является частью медицинской экспертизы, призванной установить состояние здоровья человека.

Привлечение медиков (лекарей и подлекарей) к диагностике внутренних болезней лиц, сдаваемых в рекруты, предполагало уже «Генеральное учреждение» 1766 года «О сборе в государстве рекрутов и о порядках, какие при наборе исполнять должно, а также о штрафах и наказаниях, кто как в приеме, так и в отдаче неистинною поступать будет»⁴. Через десятилетие – в 1776 г. врач вводился в состав каждого уездного воинского присутствия. В начале XIX в. медицинская экспертиза рекрутского набора стала оформляться в законодательном порядке. На «существующие узаконения» ссылалось уже «Положение о приеме рекрут и препровождение и содержание их в запасных рекрутских депо» 1808 года: заключение о приеме человека на службу члены присутствия должны были основывать «на свидетельствах лекарских по инструкции, изданной в 1806 г. Главным медицинским инспектором Виллие». С этого времени в документах стали приводить перечень конкретных недугов и состояний человеческого организма, с которы-

³ Фуко 2005. С. 58.

⁴ ПСЗ (1). Т. 17. № 12748. С. 997.

ми возбранялось брать в армию. Предписывалось наблюдать, «дабы люди не были с застарелыми болезнями, с увечьями, с главною болезнею, редковолосы, с шелудьями, беззубы или не имеющие передних трех зубов сряду, с поврежденными членами, глухие, слабого в корпусе сложения, слабоумны, паче же в совершенном безумии...»⁵. В 1811 г. по Высочайшему повелению было издано «Наставление для отдатчиков». Появившееся в чрезвычайных для России обстоятельствах 1812 года «Наставление рекрутским присутствиям и командирам губернских гарнизонных батальонов на прием рекрут» уже учитывало положения этого документа: «По... болезням, исчисленным в наставлении для отдатчиков... прием рекрут запрещается»⁶. Подобные предписания были собраны в Рекрутском Уставе 1831 года. В его положениях под известный принцип: брать в солдаты людей здоровых и крепких, подводилась соответствующая база в виде «Наставления...».

Не указывается, кто конкретно был его автором, но развитие структур и институтов военной медицины первой трети XIX в. не оставляет сомнений, что именно Я.В. Виллие обращался к медицинским чиновникам, а если не писал сам, то курировал составление текста. Изпод его пера вышло и «Наставление, служащее руководством врачам, при наборе рекрут находящимся», издававшееся в 1806 и 1810 гг. Затем он написал «Наставление для руководства при назначении нижних воинских чинов из госпиталей в неспособные» (1808 г.). В этих инструкциях была осуществлена «координация медицинских забот, централизация информации, нормализация знания»⁷, и тем самым заложен прочный фундамент медицинской экспертизы в русской армии.

Естественно, при создании текстов использовался опыт, накопленный российской медициной более чем за столетие формирования армии путем рекрутчины, а также полученный в боях и госпиталях. Медики того времени были в основном военными. Отставные лекари и доктора продолжали карьеру в гражданских ведомствах. Практически всем гражданским специалистам приходилось участвовать в освидетельствовании рекрутов. В «Записке» чина корпуса жандармов под названием «О злоупотреблениях при рекрутских наборах» 1827 г. сообщалось о привлечении к осмотрам врачей, занятых частной практикой: «По закону должно употреблять при наборе не одних штатных медицинских чиновников, но и вольнопрактикующих, так, чтобы, когда они соберутся в

⁵ ПСЗ(1). Т. 30. № 23297. С. 604-605.

⁶ ИАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 195. Л. 12.

⁷ Фуко. 2005. С. 258.

присутствии, по жребию выбирался тот, который в тот день должен осматривать рекрут»⁸. Устав 1831 г. в губернских и уездных городах по назначению врачебной управы в рекрутское присутствие направлял врача, находящегося на государственной службе⁹. Таким образом, подавляющее большинство медицинского корпуса России было знакомо с «Наставлением...», постоянно использовало его для работы, причем не как справочник, а как нормативный документ, в котором подыскивало аргументы для вынесения экспертного суждения: «Врач, отрицающий принятие представляемого рекрута, ссылается перед членами присутствия на те статьи Наставления врачам, по коим он признает его к принятию неспособным»¹⁰. Согласно преамбуле документа, «состояние же здоровья рекрута определяется в особенности врачами, в сиё Присутствие отряжаемыми». На них возлагалась вся полнота ответственности. «Если будет принят рекрут с явными для всякого недостатками, как-то: неуказного роста, безумный, криворукий, кривошея, хромый, с видимо поврежденными членами, имеющий менее определенного числа зубов или пальцев, то с председателя и каждого члена по 500 рублей», – предупреждал законодатель и уточнял: «Но прием рекрута с внутреннею болезнию, болезнию застарелою или с теми наружными болезнями, о которых медицинские чиновники удостоверят присутствие, что они поддельны или излечимы, ответственуют одни медицинские чиновники». Размер штрафа составлял те же 500 руб.¹¹

По форме «Наставление...» представляло инструкцию, по возможности кратко рассматривая определенный предмет под особым углом зрения: «не имеет ли рекрут болезней и недостатков, кои делают его к службе неспособным». Изложение материала организовано по алфавиту, применение которого объяснялось справочным характером. Отступление от более свойственных научной медицине принципов нозологии трактовалось именно с точки зрения целей документа. «Означенное разделение болезней, – отмечалось в подстрочной ссылке, – как само собой явствует, предлагается здесь отнюдь не в нозологическом смысле, но только в отношении к настоящему предмету, то есть для удобнейшего обозрения недугов, делающих человека неспособным к службе фронтовой»¹². Текст состоял из введения и двух отделов. Вводная часть объясняла схему осмотра «представляемого в рекруты», ставила вопросы,

⁸ Бибииков 2009. С. 31.

⁹ ПСЗ (2) Т. 6. Отд. I. № 4677. С. 520-521.

¹⁰ Там же. С. 530.

¹¹ ПСЗ (2) Т. 6. Отд. I. № 4677. С. 558, 594.

¹² Там же. С. 594.

на которые специалист был обязан дать ответ, и определяла назначение отделов. Согласно пятому параграфу, для беспристрастного определения «способности или неспособности человека к службе» следовало разобраться в состоянии его здоровья «вообще и в особенности». Поэтому первый отдел документа трактовал разряд болезней свойственных «всем частям тела вообще (in genere) или целым системам онаго» и назывался «О болезнях, свойственных всем частям тела». Второй – посвящался разряду заболеваний «особенных, свойственных некоторым только частям исключительно (in specie)», и имел наименование «О болезнях, свойственных некоторым частям тела в особенности». Отделы выглядели как научный справочник: были разделены на параграфы (иногда с внутренней градацией на пункты), снабжены примечаниями и перекрестными ссылками (напр.: «Любострастная болезнь. – См. Венерическая»), имели подразделы, озаглавленные «Отрицательные признаки». Последние вводились потому, что врач должен был дифференцировать диагноз по трем составляющим: 1) «какие именно болезни препятствуют принятию» человека на службу; 2) узнать «притворные» они или «подложные» («morbi simulati»); 3) обнаружить болезни «утаиваемые» («morbi dissimulati»)¹³. Официальным языком российской медицины оставался латинский, на котором еще в 1840-е гг. писались диссертации. Поэтому на справочный и «демократичный» характер текста «Устава» (предполагалось, что им может воспользоваться любой образованный человек, не будучи врачом) указывает и дозированное употребление латыни – его источник не перегружен – в скобках указывались название болезней, органов и некоторые термины. Во введении медику-эксперту рекомендовалось доступно излагать свои знания о болезненных припадках, «которые бы он, в случае надобности, мог указать и незнающему медицины, как например, при определении чахотки, сухотки, завалов внутренностей, расширения боевых жил и т.п.»¹⁴.

Составители «Наставления...» рассматривали тело рекрута как организм, с присущими ему индивидуальными особенностями и как нечто, принадлежащее к наиболее общим категориям – народонаселению, человечеству. Первая установка позволяла манипулировать телом, детально его рассматривать, чтобы понять является ли оно пригодным к службе и можно ли попытаться сделать его полезным для армии. Вторая помещала его в пространство действия глобальных биологических механизмов, подчиненных массовым процессам: забо-

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

леваемости, инвалидизации, смертности. Она стремилась «контролировать случайные события, могущие произойти в живой массе», например, определить степень риска заболеть чахоткой у рекрута с астеническим сложением, вероятность получения им травмы при недостаточной подвижности суставов. Внимание медицины к человечеству на уровне популяции изменило представление о болезнях и травмах. Стало понятно, что эти напасти беспрестанно воздействуют на население, являя собой смерть замедленного действия, которая «внедряется в жизнь, постоянно ее грызет, уменьшает ее и ослабляет»¹⁵. Появились критерии определения людей, ставших в процессе жизнедеятельности неспособными к тому или иному виду активности (в данном случае военному делу). Их обнаружением и отстранением по причине болезни, несчастного случая, увечья, различных аномалий и был призван заниматься медицинский осмотр. Именно в конце этой процедуры врач должен был прийти к заключению: соответствует ли тело конкретного рекрута общим, выработанным для всех и устоявшимся в медицинской науке или согласованным в кругах специалистов положениям о том, какими людьми должны комплектоваться войска.

Соединять организменный и популяционный уровни позволяло понятие нормы. Её, по словам М. Фуко, можно было «одинаково удачно применять к телу... и к населению, желая его регулировать»¹⁶. Соответствие человека нормам Устав фиксировал фразой «по всему годен». Незначительные отступления, отклонения от нее, позволяющие считать кандидата еще «нормальным» обозначались следующим образом: «...хотя рекрут и имеет такие-то недостатки, но они по наставлению врачам не препятствуют принять его» на военную службу. Более значимые недостатки, которые благодаря прогрессу медицины могли быть исправлены, и имела надежда, что в лечебном учреждении их обладатель все-таки будет приведен в норму, требовали формулировки: «...приняв, отослать, по наставлению врачам, статьям таким-то, в больницу для излечения». Так, «безгласие» (афония) считалась «удобоизлечимым» симптомом сифилиса. Если «в прочем» рекрут оказывался здоров, обладал крепким сложением и не имел других пороков или болезней, его пролечивали и отправляли в войска. В качестве лечебного учреждения стационары использовали и для чесоточных больных. «Одержимые чесоткой, – говорилось в «Наставлении...», – принимают-

¹⁵ Фуко 2005. С. 257.

¹⁶ Там же. С. 266-267.

ся в рекруты и отсылаются в больницу для излечения»¹⁷. В случае венерических заболеваний и сопутствующих им «припадков» медицинское освидетельствование при рекрутском наборе способствовало решению злободневной социальной проблемы: страдающих ими отправляли на принудительное лечение. «Для уменьшения распространения сей губительной болезни» «забракованных» рекрут было велено «не отсылать обратно в свои места, но отдавать в больницы для излечения на счет обществ или помещиков, коим они принадлежат»¹⁸.

Применение к отдельным людям общей нормы воспринималось как проявление принципа социальной справедливости. Новации в законодательной сфере, к которым безусловно относилась медицинская экспертиза рекрутов, рассматривались податными сословиями с точки зрения использования в личных целях. У крестьянина, мещанина оставалось мало шансов найти приемлемое законное средство избежать рекрутчины, если другие – например, врачи – не вмешивались со своими медицинскими знаниями и ресурсами, с законодательно определенной мерой сострадания и милосердия. Освобождение по медицинским показателям стало новым оружием слабых, которое государственная власть вложила в руки «малых сих», включив в Устав 1831 г. самое желанное для них заключение: «...негоден по таким-то причинам»¹⁹. «Наставление...» содержало массу возможностей для освобождения от несения службы в рядах вооруженных сил, ведь законодатель должен был обозначить все возможные, даже и редко встречающиеся варианты.

Установленные для определения годности к службе нормативы не полностью совпадали с понятием «здоровье». Здоровый человек мог оказаться для армии не годным, следовательно, «ненормальным». Специфическими помехами признавались телесные «излишества» мешающие надевать и носить снаряжение. Телесные «изъятия», например, вследствие ранений, язв и рубцевание тканей после них, «оставившие по себе, на какой бы то части тела не было, ...великую потерю мягких или твердых частей», также являлись помехой для ношения солдатской одежды и амуниции. «Несовершенное сгибание и разгибание» любого члена человеческого тела, «препятствующие свободному владению оным», считались еще одним непреодолимым барьером для «службы фронтовой». Ею же признавались искривления ног, «кои

¹⁷ ПСЗ(2) Т. 6. Отд. I. № 4677. С. 253, 596.

¹⁸ Там же. С. 595.

¹⁹ Там же. С. 253.

препятствуют ношению солдатской одежды и обуви²⁰. Ратный труд относился к опасным занятиям – участие в нём редко кого оставляло невредимым. Однако бойцы после ран и увечий возвращались в строй. Поэтому многие травмы, обретенные на бытовой «почве», также не считались причиной негодности к военной службе, следовательно, с ними человек оставался «нормальным». «Рубцы или знаки после ран, как бы они длинны и велики не были, не препятствуют нимало принятию в службу, если они не сопровождаются ...явственной потерей кости», – писалось в «Наставлении...» врачам даже по поводу травм черепа²¹. Отсутствие одного из парных органов не всегда вело к отставке. Даже потеря глаза, нередкая, если вспомнить случай М.И. Кутузова, в войнах того времени, не выводила одноглазых воинов из строя. «Наставление...» предписывало брать человека с одним «неспособным» даже правым глазом в рекруты, «лишь бы другим глазом видел совершенно хорошо, был в прочем здоров, и имел способность удобно сжимать и открывать веки больного глаза по произволу» и из того не тек гной. «Глухота на одно ухо, хотя бы она была и совершенная», также не возбраняла зачислять в армию²².

Обратимость и относительность нормы – когда здоровый мог быть признан негодным, а израненный мог еще сгодиться – наводила на мысль подстроиться, мимикрировать, «замаскироваться» под нарушение нормы. Такая реакция, свидетельствующая к тому же о степени овладения народом понятием медицинской нормы, имела цель вызвать потерю или ослабление функции какого-либо органа у здоровых людей, и стали разновидностью симуляции, под которой понималось создание видимости болезни или отдельных её симптомов человеком, не страдающим данным заболеванием. Цель «уклонистов» определяла способ получения, форму и локализацию мнимой болезни. Чтобы добиться освобождения от службы в армии, патологический симптом или синдром должен был соответствовать определенному параграфу «Наставления...» для медицинских чиновников, освобождавших от военной службы. Искусность имитации заключалась в выборе таких проявлений болезни, которые бы входили в обязательный перечень болезненных состояний, являющихся препятствием к службе, и в «постановке» такой симптоматики, которая обманула бы бдительность опытного медицинского чиновника. К умышленной симуляции уже

²⁰ Там же. С. 599, 606.

²¹ Там же. С. 600.

²² Там же. С. 602, 604.

тогда относили искусственно вызванные болезненные состояния, искусственное поддержание болезненного процесса и просто утяжеление уже имеющегося расстройства здоровья. Наряду с искусственным обострением уже имеющегося заболевания (например, растравление раны и т.п.) с целью уклонения от рекрутской повинности можно было решиться на нанесение себе телесного повреждения (например, увечья конечностей, повреждения органов зрения, слуха и т.п.).

Участие дипломированного врача чувствуется уже в написании «Наставления рекрутским присутствиям и командирам губернских гарнизонных батальонов на прием рекрут» 1812 года. Оно содержало в себе объемный перечень недугов, которые «чаще происходят от притворства, нежели от истинных причин»: «расположение к чахотке, каменная болезнь, удушье, мышечные опухоли, расширение жил, проказа, темная вода, близорукость, направление ресниц в глаз, заячий глаз, истечение гноя из уха, тупой слух, застарелые завалы и застарелой почечуй». Искоренять обман собирались двумя способами: воинскому начальству рекомендовалось «обращать строгое внимание, дабы под предлогом сих болезней здоровые и вовсе оных не имеющие не были устормлены от приема». Помочь военным разоблачить симулянтов должна была медицинская экспертиза: «для лучшего в том удостоверения» предлагалось «поручать их осмотру и исследованию лекарей, налицо находящихся»²³. Затем данный вопрос подвергся детальному рассмотрению в «Наставлении...» Устава 1831 года и был окончательно передан в компетенцию докторов.

Справиться с комплексом перечисленных проблем и суметь подойти к рекруту как к «множественной единичности» – подвести его телесные характеристики под общие мерки и сравнить с типичными или эталонными параметрами, – было под силу только клиницисту. Несмотря на то, что обстановка воинского присутствия совсем не походила на клинику, а условия осмотра отдельного человека ограничивались во времени, «Наставление...» реализует именно клинический подход²⁴. Помимо ростометра в распоряжении приемной комиссии и врача отсутствовали специальные приспособления. Медик мог проделывать некоторые манипуляции. Тестируя аневризму сосуда, которую называли тогда опухолью, он перевязывал «артерию между сердцем и опухолью», чтобы посмотреть, как пораженный участок будет себя вести. Врач мог провести эксперимент с паховыми, пупочными, мо-

²³ ИАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 195. Л. 12-12 об.

²⁴ См., напр.: Фуко. 1998.

поночными грыжами, которые были способны к «мгновенному происхождению и увеличению» своих размеров, а также определить «удобность, с каковою они в брюшную полость влагаются».

Проверка зрения состояла в установлении «чувствительности» органа «к раздражениям, а особливо к свету» и представляла собой «внезапное и неожиданное, но с надлежащей осторожностью произведение зажжения горючих каких-либо тел, как-то: пороха, фосфора, эфира пред глазами притворяющегося слепым»²⁵. Опровергнуть или подтвердить наличие у «пациента» глухоты позволял испуг. Как и в случае со зрением без предупреждения использовали сильный раздражитель: звуковой (сильный стук), даже воспроизводили «химический гром». Или наоборот – тихо произнесенными вопросами, «особливо когда оные представляют для притворяющегося» интерес, пытались спровоцировать его на ответы²⁶. Действия врача при обнаружении симуляции немоты включали в себя проверку на способность к речи в состоянии, когда испытуемый не мог себя контролировать. В тексте имелась любопытная приписка: «особливо в пьяном виде»²⁷. Указание на усиление выраженности симптоматики при нахождении больного в определенной позе также могут рассматриваться как некий инструмент, увеличивающий точность диагноза. За приступом астмы у рекрута следовало наблюдать, придав его телу лежачее положение, в котором течение «припадка» усугублялось²⁸.

Сочетание эксперимента с наблюдением видно из описания такого отклонения как «кривые или сведенные руки» (контрактуры). Они, как отмечалось в «Наставлении...», «познаются зрением», но в добавлении к нему предлагалось провести следующую пробу: выше места сведения накладывался жом «так, чтобы мышцы, нервы и все кровеносные жилы были абсолютно прижаты». Видимо, имелся в виду хирургический инструмент под названием «сдавливающий жом», который позволял, «отняв... у мышц способность сокращаться», «без всякого усилия разогнуть сведенный член». Удачная попытка доказывала врачу, что перед ним не контрактура, поскольку «при настоящем сокращении сухих жил» этого действия «никак сделать нельзя». Таким способом советовали проверять сведение ног и пальцев на руках и ногах. «Наставление...» всячески рекламировало объективность подоб-

²⁵ ПСЗ (2) Т. 6. Отд. I. № 4677. С. 602.

²⁶ Там же. С. 604.

²⁷ Там же. С. 602.

²⁸ Там же. С. 604.

ной небезболезненной процедуры, представляя её в качестве «надежнейшего для открытия обмана средства»²⁹.

В подавляющем же большинстве случаев доктор опирался только на свои органы чувств, «врачебные познания», «опытность, прозорливость и оборотливость в расспросах». Проблема медицинского профессионализма специально поднималась на страницах «Наставления...». Указывалось, что только «опытный врач без сомнения легко может узнать посредством катетора», что недержание мочи у пациента началось «после предшествовавшего перелоя» (триппера, гонореи)³⁰. Искушенному специалисту противопоставлялся «малоопытный врач», который «весьма легко может обмануться» при определении истинной причины хромоты: «...и обманывается, – отмечали составители, – потому, что здоровый человек, лежащий на спине, может произвольно сделать одну ногу несколькими дюймами короче другой»³¹. Заняться расспросами доктору прямо вменялось в обязанность при подозрении на эпилепсию, и «показание рекрута, в какие сроки у него бывает падучая болезнь» нужно было записать, чтобы затем пронаблюдать сам припадок³². Расспросить он должен был и заявлявшего о параличе. Сама «неосновательность ответов на вопросы, имеет ли член, параличом пораженный, чувство и движение», по мнению составителей, уже должна была насторожить производящего осмотр.

Обонянием врач улавливал смрадный запах сукровицы или «вони из рта». Диагноз о язвах во рту, он мог подтвердить, также почувствовав зловоние. Клиницисту предлагалось разобраться в симптоматике, например непривычно звучащих для нас сегодня «завалов внутренностей» с помощью своего тактильного чувства: «...в сем болезненном состоянии весьма часто можно удостовериться даже посредством осязания». Касаясь анкилозированного сустава, он мог «приметить» опухоль и «крепость окололежащих частей», «при осязании» воспаленного коленного сустава понять, что «ощутителен как бы перелив в опухоли» (флуктуации). Пальпированием можно было обнаружить «приметное затвердение и значительную опухоль нескольких желез, наипаче около шеи и за ушами», а также опухшее «брюхо» у золотушного больного. На ощупь следовало различать другой тип опухолей при гидроцеле. До трагиваясь, врач обнаруживал, что они «упруги и легки в сравнении

²⁹ Там же. С. 606.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 607.

³² Там же. С. 598.

своей величины», «от прикосновения колеблятся, имеют ровную поверхность», сам же пораженный орган «ощупывается с трудностью». «Искусственное надувание мошонки воздухом» также познавалось осязанием. Оно же помогало оценить степень повреждений на голове и обнаружить, в каком месте «вместо черепа ошутителен под кожу мозг». Тактильные ощущения широко предполагалось использовать при диагностике сосудистой системы. Ими можно было уловить пульсацию – «биение» в аневризме. Эта упругая опухоль артерии должна была подвергаться «умалению от прижатия» руками и «возобновлению... по отнятии прижатия». Однако в тексте отмечалось, что «в болезни сей удостовериться можно не только посредством осязания, но весьма часто и посредством зрения». Использовать несколько органов чувств следовало и при определении грыж в брюшной полости, которые «познавались с помощью зрения и осязания». При прижатии «перстами» врач должен был отметить «некоторую упругость» выпячивания, а взглядом обнаружить естественный цвет кожи, «их покрывающей». «Удобно познавались зрением» также болезни рта и дефекты лица.

«Врачебному оку» клиницисты в диагностике вообще придавали главное значение. Схема осмотра коррелировала со структурой инструкции для врачей. Согласно первой ее части, требовалось осмотреть организм человека в целом: «Врач рассматривает каждого представляемого в рекруты, сперва вообще со стороны наружного его вида, как-то: строение его тела, бодрость и крепость сил, поколику о сем заключить можно по его телосложению», затем ему следовало разглядывать осматриваемого «по частям тела с головы до ног». Дальнейший ход обследования показывает, что законодатель предполагал тесное взаимодействие между разделами инструкции, посвященными общему и частностям: «Врачу надлежит наипаче обращать внимание на образование больного органа и строение всего тела». Ему советовали соотнести больной орган с «состоянием других органов, в связи с ним состоящих». Только после этих предварительных действий он мог «приступить к исследованию самой болезни». Анализ последней также показывает, что Устав методично реализовывал подход к восприятию человеческого тела как сложного организма. «При определении всякой, особенно внутренней, как более секретной, болезни» врачу «строжайше» предписывалось «руководствоваться отнюдь не одним каким-либо признаком, но совокупностью всех, или по крайней мере большей частью существенных, свойственных оной припадков»³³.

³³ Там же. С. 594.

Обнаружение симулянтов также было по силам клиническому подходу. Самым простым способом противодействия им оставалась наблюдательность. «Обман сей болезни узнается..., – было написано в «Наставлении...» о водянке конечностей, – из знаков, оставляемых перевязками³⁴. Краснота паха, пупа или мошонки, особенно при отсутствии «припадков, сопровождающих грыжи» также становилась основанием для подозрения. Универсальным средством врачей при распознавании подделки было также использование зазора между знаниями научной медицины и низкой степенью распространения их в обществе. Чаще всего подозрения в симуляции падали на психические страдания, поскольку у народа отсутствовало понимание того, что данные состояния относятся к болезненным. Здесь медицина могла сказать своё веское слово, не столько вскрывая обман, сколько приводя объективные доказательства нездоровой психики. При подозрении на «измышление» психиатрических болезней врачу советовали «иметь в виду между прочим, что не редко притворное безумие открывается уже произвольным смещением даже несовместных припадков одного вида безумия с другим³⁵. «Правильность» течения эпилептического припадков служила первым доказательством его истинности. Настораживал уже «нечаянный» приступ болезни, т.е. тот, который начинался «без предварительных припадков». Довольно часто степень порога чувствительности – снижение раздражительности или полное отсутствие реакции на раздражения являлось признаком, доказывающим наличие неполадок в таком тонком механизме, как человеческая психика. Правда, «чувствительность к раздражениям во время пароксизма» советовали проверять весьма варварскими способами. Считалось, что «...внезапное и неожиданное обливание притворяющегося холодной водой в большом количестве открывают обман». Притворщики, согласно «Наставлению...», вряд ли были в состоянии «перенести щеко-тания». Попытка возбудить орган обоняния вела к более точным результатам: «Сделанное в носу раздражение посредством чемерицы..., перца, или даже крепкого нюхательного табака, если притворяющийся не употребляет оного, возбуждает чихание». Однако самой верной считалась реакция органа зрения. Сжатия зрачка при поднесении источника света, например, свечи у эпилептиков в отличие от здоровых людей не происходило. Можно было также подловить притворщиков на незнании особого положения кистей рук во время припадков: «...большие персты не прижаты к ладоням, если же прижаты, то без большого усилия можно оные

³⁴ Там же. С. 596.

³⁵ Там же. С. 595.

ответь». Отсутствие пены у рта, «особливо под конец пароксизма» также свидетельствовало о подлоге³⁶. Последний признак показывает весьма прогрессивную позицию «Наставления...», поскольку даже образованная публика в середине XIX в. считала пену у рта эффективной подделкой, например, у мнимых кликуш и была не склонна верить в произвольный характер данного отправления организма.

В ряде случаев научной медицине было под силу точное определение искусственности нанесенных повреждений. Кровохарканье не «истинное» отличали, используя опыт кровопускания, привычной процедуры для врачей того времени. Устанавливали также не искусственным ли путем сделаны ранки во рту³⁷. «...надлежит исследовать, – инструктировало «Наставление...» при гноетечении из уха, – не произведено ли раздражение инородным телом, например, горохом, который притворяющимися нередко в ухо вкладывается»³⁸. Заднепроходную кишку, напротив, симулянты пытались из себя вытянуть. Механическое повреждение организма медик мог ликвидировать и пронаблюдать за последствиями: «Ежели искусством вложенная кишка при разведении бедер или задницы опять не выпадает, а при испражнении на низ не выходит по прежнему, ...то сие большей частью означает, что выпадение кишки произведено искусством». Дополнительным аргументом являлось отсутствие признаков действительного ректального пролапса: запора, болезненности, воспаления, геморроя³⁹.

Наряду с пристальным наблюдением и опросом рекрутов в затруднительных случаях предполагалось обращение за консультацией к коллегам: на консилиум «к совокупному освидетельствованию» с врачом – членом присутствия призывался «врач особенный, при присутствии состоящий». Коллективное решение выносилось следующим образом: «Если особенный врач подтвердит мнение врача-члена, что рекрут относительно здоровья неспособен, а большинство голосов прочих членов будет противного мнения, то предоставляется тем членам присутствия, на стороне коих большинство голосов, принять рекрута в службу под их ответственностью; в противном случае рекрут отсылается во врачебную управу и дело решится по ее приговору». Законодателем предусматривался и обратный вариант: «Равным образом в том случае, когда врачи будут находить рекрута способным, а большинством голосов прочих

³⁶ Там же. С. 598.

³⁷ Там же. С. 596.

³⁸ Там же. С. 603.

³⁹ Там же. С. 605.

членов присутствия принятие его будет отвергаемо, яко неспособного за недостатком здоровья, – предоставляется врачам принять его в службу под свою ответственность»⁴⁰. Так предписывалось поступать, например, в случае с начинающимся варикозом вен: два или три врача, из которых хотя бы один являлся членом врачебной управы, должны были «засвидетельствовать, что рекрут, несмотря на имеющиеся у него расширения жил, способен к службе фронтной»⁴¹. В спорных и сложных случаях была запланирована возможность использовать для постановки или уточнения диагноза клинику. рекрута при этом следовало «приняв, отослать по наставлению врачам, статьям таким-то, в больницу для испытания». Больницу как поддающееся полному контролю пространство использовали именно в качестве места наблюдения, а не лечения, и чтобы следить за подозреваемым в обмане. Например, помещали рекрута с отёками и проверяли, не происходит ли к вечеру уменьшение опухоли, «буде притворяющийся, находясь под присмотром, не мог увеличить оной посредством перевязки, член перетягивающей»⁴².

Страницы Устава 1831 г., посвященные освидетельствованию рекрут, показывают, что в российской военной медицине набирал силу процесс, описанный Фуко: «формируются эффективные инструменты образования и накопления знаний, методы наблюдения, техника регистрации, процедуры расследования и поиска, аппараты проверки»⁴³. Использование медицины в проведении рекрутских наборов обнаруживает разные виды связей между научным знанием и властными действиями. Непривычная для человека того времени телесная практика (медосмотр) оканчивалась вынесением медицинского вердикта, формы которого были обозначены законодателем. Происходившее при освидетельствовании присвоение «тела» властью не ограничивалось инвентаризацией «пушечного мяса», а проявлялось в отправлении на принудительное лечение. Предусматривалось даже улучшение телесных кондиций – принудительное оперативное вмешательство по удалению наростов и опухолей, которые «без опасности для больного и самого члена помощью операции» могли быть «истреблены». Манипулирование телом при обнаружении симуляции переходило всякие границы – допускалось даже «прободение или разрез» органов, например, мошонки для «выпущения» воздуха, якобы искусственно в неё надутого⁴⁴.

⁴⁰ Там же. С. 530-531.

⁴¹ Там же. С. 599.

⁴² Там же. С. 596.

⁴³ Фуко. 2005. С. 52.

⁴⁴ ПСЗ(2) Т. 6. Отд. I. № 4677. С. 606.

В условиях дефицита врачей обязанности эксперта неизбежно превалировали над лечебной работой. Превращение медика в эксперта автоматически повышало уровень его властных полномочий и нередко вело к коррупции. О преступном сговоре отдатчиков с докторами говорится уже в «Записке» «О злоупотреблениях при рекрутских наборах» 1827 года. Жандармский офицер сообщал, что ответственное за сдачу рекрутов лицо навевается к медицинскому чиновнику, компетенцию которого использовали двояким образом: он был нужен «для сокрытия болезней у тех, которых хотят отдать, и для вымысла недостатков и сомнений в рассуждении тех, которые должны быть обракованы»⁴⁵. Податные сословия надежду уклониться от рекрутской повинности стали связывать именно с медицинским свидетельством. «Получение такого-то свидетельства составляло общую мечту крестьян, стоящих на очереди, и за выдачу этих свидетельств брались главным образом деньги», – отмечал журналист «Вятской незабудки», комментируя судебные слушания по делу Слободского рекрутского присутствия, в полном составе попавшего на скамью подсудимых за вымогательства в ходе набора 1869 года⁴⁶.

Текст медицинских инструкций в Уставе свидетельствует о медиализации – участии медиков в социально-государственном контроле над населением. Тело рекрута, шире – мужское тело, с введением в армии медицинской экспертизы стало одним из первых объектов знания и контроля биополитики. Введение экспертизы при рекрутском наборе, воспринимаемом податными сословиями в качестве самой тяжелой повинности, усиливало режим культурного доминирования ученых медиков над народом и подчинение последнего им. Применение медицины в организации рекрутского набора стало индикатором того, что власть овладела тонкими механизмами регуляции и контроля над жизнью, стала биовластью. Биорегуляция была налажена с помощью государства и в помощь государству – контроль над обеспечением войск добротным пополнением. Именно с этого времени медицина становится основным механизмом власти в проведении рекрутского набора, что приводит к невозможности функционирования государственной машины, ответственной за комплектацию армии, без обращения в определенных рамках к медицине как «аппарату знания».

⁴⁵ Бибиков. 2009. С. 30.

⁴⁶ Старые порядки перед новым судом. 1877. С. 16.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 2. (Фонд Сибирского генерал-губернатора) Оп. 1. Д. 195. Л. 12 (Наставление рекрутским присутствиям и командирам губернских гарнизонных батальонов на прием рекрут).
- Бибиков Г.Н. Инструкция жандармам 1827 года по контролю за набором рекрутов // Русский сборник: Исслед. по истории России. Т. 7. М.: Регнум, 2009. С. 24-32.
- Вишленкова Е.А. «Выполняя врачебные обязанности, я постиг дух народный»: самосознание врача как просветителя российского государства (первая половина XIX века) // Ab Imperio. 2011. № 2. С. 47-82.
- Старые порядки перед новым судом // Вятская незабудка. Памятная книжка Вятской губернии на 1877 год СПб: Тип. Этингера, 1877. С. 1-35.
- Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. СПб: Наука, 2005. 312 с.
- Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998. 310 с.

REFERENCES

- Istoricheskij arhiv Omskoj oblasti (IAOO). F. 2. (Fond Sibirskogo general-gubernatora) Op. 1. D. 195. L. 12 (Nastavlenie rekrutskim prisustvijam i komandiram gubernskih garnizonnih batal'onov na priem rekrut).
- Bibikov G.N. Instrukcija zhandarmam 1827 goda po kontrolju za naborom rekrutov // Russkij sbornik: Issledovanija po istorii Rossii. T. 7. M.: Regnum, 2009. S. 24-32.
- Vishlenkova E.A. «Vypolnjaja vrachebnye objazannosti, ja postig duh narodnyj»: samosoznanie vracha kak prosvetitelja rossijskogo gosudarstva (pervaja polovina XIX veka) // Ab Imperio. 2011. № 2. S. 47-82.
- Starye porjadki pered novym sudom // Vjatskaja nezabudka. Pamjatnaja knizhka Vjatskoj gubernii na 1877 god SPb: Tip. Jettingera, 1877. S. 1-35.
- Fuko M. Nuzhno zashhishhat' obshhestvo. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezh de Frans v 1975-1976 uchebnom godu. SPb: Nauka, 2005. 312 s.
- Fuko M. Rozhdenie kliniki. M.: Smysl, 1998. 310 s.

Голикова Светлана Викторовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН; avokilog@mail.ru

Medical expert knowledge in Russian legislature of the first half of the 19th century: the Rekrutsky Charter of 1831

The Rekrutsky Charter (1831) shows the role of law in formation of the biopower. Fitness of recruits for military service was established at a medical examination - corporal practice, unusual for people of that time. Medical examination conducted by military doctors became the mechanism of state appropriation of men's bodies and could even order compulsive treatment or surgery. Medikalization strengthened the mode of cultural domination of educated physicians over the people. Participation of doctors in the social and state control over the population was carried out by means of the clinical approach, in order to establish whether a recruit met general standards.

Keywords: Rekrutsky Charter of 1831, military-medical examination, corporality, norm, clinical approach, medikalization, biopower.

Svetlana Golikova, Dr.Sc. (History), leading researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS, avokilog@mail.ru

Н. Н. АЛЕВРАС

ДИССЕРТАЦИОННАЯ ИСТОРИЯ УЧЕНОГО КАК СОБЫТИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ БИОГРАФИИ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ XIX ВЕКА

В поле зрения автора – диссертационные истории ученых-историков XIX века, представленные в качестве научных феноменов. Предлагается рассмотреть их интеллектуальную природу как фактов-событий истории историографии. Ставя вопрос, является ли та или иная диссертация и ее защита событием в науке, автор опирается на методологические идеи А.С. Лаппо-Данилевского и Ф. Броделя. Подвергая реконструкции научные судьбы магистерских диссертаций С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, автор пытается создать историко-историографический контекст экспертных оценок их трудов, оставленных как историками-современниками, так и последующими поколениями представителей исторической науки.

Ключевые слова: диссертация, диссертационная история, диссертационный диспут, А.С. Лаппо-Данилевский, Ф. Бродель, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, экспертные оценки, история историографии, событие в науке, научное наследие, университетское сообщество, классики в науке, академическая память.

Диссертационная история как событие и предмет изучения

Диссертационная история, если она случилась, становится частью биографии ученого-историка, а любая биография относится к феноменам уникальной природы. Вместе с тем, в истории российской исторической науки XIX – начала XX в. произошли сотни диссертационных историй, что побуждает идти по пути обобщения диссертационного опыта и выработать методы типизации при изучении диссертационных историй. Сама же диссертационная культура, в лоне которой диссертационные истории происходили, сформировавшись и бытуя в среде университетариев, не могла не приобрести неких качеств, свойств и функциональных потенций, возникавших под воздействием ряда факторов. Среди них – юридические нормы, действовавшие в университетском пространстве, а также сложившиеся традиции университетской жизни, порожденные опытом подготовки профессионального ученого.

Диссертация, как свидетельство достижения научной зрелости личности, и диссертационный диспут, как финальный элемент ее презентации в корпоративном сообществе, становились и результатом деятельности, и достоянием/наследием университетской корпоративной культуры, а нередко вызывали и более широкий – общественный интерес и резонанс. Будучи генетически связанной с научными нормами

того или иного сообщества ученых и в силу особого статуса¹, диссертация воплощает в ценностных ориентациях, методологии, структурно-концептуальном замысле, дисциплинарных предписаниях некий образец научного исследования, принятого профессиональной средой.

Диссертационная история, основными составляющими которой являлись факты создания квалификационного исследования и его публичной презентации (в дореволюционной России – диссертационный диспут), при определенных условиях становится событием науки. Ракурс предложенной темы предполагает выяснение вопроса: что есть событие. А.С. Лаппо-Данилевский, аргументируя основания идеографического построения исторического знания, рассмотрел феномены «случайности», «индивидуальности», «события» в истории как выражения «свободной воли» и рационального выбора личности. Рассматривая событие как результат «встречи» и «конкретного сцепления» нескольких индивидуальностей, находящихся в состоянии активного взаимодействия в рамках продолжительного времени («исторической связи»), он придавал особое значение фактору влияния случившегося «на дальнейший ход истории». Другими словами, исторически значимым событием, как и историческим фактом, полагал он, можно признать то, что имеет «обширные и *длительные* последствия» (курсив мой – Н.А.)².

Следовательно, правомерно ставить вопрос: любая ли диссертация и ее защита есть событие. Особенность его решения на методологическом уровне заключается, во-первых, в выборе позиции исследователя-историографа, поскольку приходится учитывать некое совокупное мнение современников на этот счет, сопровождаемое аксиологическим подходом самого историографа. Во-вторых, если подобный факт признается событием, дополнительно возникает вопрос о его масштабах, так как последствия его влияния на «дальнейший ход истории» могут приобретать сложный и неоднозначный характер, во многом зависящий от научных приоритетов, особенностей «коммеморативной солидарности» каждого нового поколения ученых, политической конъюнктуры, социокультурных запросов и других обстоятельств последующих эпох. Так или иначе, эти постановочные аспекты выводят нас как на проблему преемственности и разрывов исторического знания, так и на проблему определения и выявления классиков в науке³.

¹ О понятиях «диссертационная история» и «статус диссертации» см.: Алеврас 2014. С. 113, 114.

² См.: Лаппо-Данилевский 2006. С. 163-167; 204-219.

³ См.: Савельева 2011. С. 491-515; 2013. С. 285-300.

Восприятие диссертации в качестве события науки со стороны всех потенциальных наблюдателей, оставивших свидетельства о ее особом признании, может являться одним из критериев, позволяющих отнести данный труд к категории нетривиальных, что, одновременно, приближает нас к определению его «классичности». Заметим, что одним из признаков классичности является длительность и повышенная степень востребованности в научном сообществе трудов и идей того или иного ученого, что в настоящее время устанавливается наукометрическими способами выявления и изучения информации научного происхождения, включающими статистическую обработку баз данных систем цитирования⁴.

Обращение к источникам формирования классического наследия позволяет понять смысл социокультурных практик научного сообщества и специальных коммеморационных технологий, которые задавали параметры сохранения памяти об ученом и его научных трудах. Непредсказуемость траекторий и причуды временной протяженности посмертной судьбы произведений ученых подчеркивает И.М. Савельева. Она полагает, что этот процесс является зависимым от выработки научным сообществом не только отдельных механизмов, но и специального института социального признания классичности творческого наследия ученого⁵.

Интересна в этом отношении предпринятая Е.А. Ростовцевым и И.П. Потехиной историографическая реконструкция процесса «становления классика» в лице А.С. Лаппо-Данилевского. Авторы статьи, воспользовавшись наукометрическим подходом, обратились к опыту историографических исследований и изучению специальных научных коммемораций о нем. По версии авторов, совокупность усилий современников и историков XX–XXI вв., закрепивших в научной памяти наследие историка, стали основой обеспечения ему статуса «классика»⁶.

Тему «классикализации» ученого-историка в опыте советской историографии развивают В.П. Корзун и Д.М. Колеватов⁷ применительно к личности и наследию В.О. Ключевского. Отслеживая различные практики «освоения/присвоения» его научных текстов иерархичным сообществом советских историков, авторы приходят к выводу, что «акаде-

⁴ См. о рейтинге ученых в учебниках по истории психологии, составленном Л. Зусе: Савельева 2011. С. 295.

⁵ См.: Савельева 2011. С. 290-291.

⁶ См.: Ростовцев, Потехина 2013. С.23-28.

⁷ См.: Корзун, Колеватов 2012. С. 257-273.

мическая память сохраняет это имя классика в пантеоне великих историков, великих Мастеров своего дела, всякий раз актуализируя это имя в переломные моменты в истории страны и сообщества историков»⁸.

Однако в теме о «классиках» трудно выработать абсолютные критерии, которые бы позволяли ранжировать ученых в некие группы с учетом *степени* признания их научных достижений. И.М. Савельева в частности подчеркивает, что условием присвоения той или иной научной работе статуса «классической» (а не просто «выдающейся») является высокий методологический потенциал ее «новизны». Он должен быть перспективным для устойчивого развития научной дисциплины и стимулирования таких новых исследований, которые формулируют или решают «не решенные доселе теоретические задачи, что в свою очередь, создает возможность для принципиально новых эмпирических исследований». Немаловажным условием, как в исследовательской, так и в образовательно-дидактической практике, признается «процесс непрерывного перечитывания и переоценки классических трудов»⁹. Однако граница, разделяющая труды «классиков» и «выдающихся» ученых, остается все же размытой. Столь же проблематично выработать критерии других широко используемых определений статуса ученого (иногда почти синонимичных) – «великий», «знаменитый», «видный», «известный», а также – «первого», «второго» плана и других. Между тем, установление и этих статусов имеет значение для реконструкции общей картины творческого процесса ученых в иерархичном пространстве науки.

Заметим, что тема классикализации ученых рассматривается с учетом всего их научного и интеллектуального наследия. Какое место в нем занимают диссертационные исследования – это вопрос, который, так или иначе, предстоит решать при изучении места и значения диссертаций в комплексе научных трудов историков.

Современные рейтинги трудов «старых историков», несомненно, служат ориентиром для понимания степени их востребованности в науке и основанием определения их статуса¹⁰. Вместе с тем еще до изобретения способов индексации научного цитирования, в научном сообществе складывались традиции экспертных оценок для выявления

⁸ Корзун, Колеватов 2012. С. 273.

⁹ Савельева 2011. С. 290, 294.

¹⁰ См. опыт изучения интереса ученых к представителям этой когорты историков посредством использования современных систем цитирования: Ростовцев, Шишов 2013. С. 138-144; Ростовцев, Потехина 2013. С. 23-28.

«лучших из лучших». Эти неформализованные процедуры сохраняют свое значение и сейчас, корректируя статистику систем цитирования. Ясно, что современные топы цитирования сами по себе не являются основой присвоения их носителям статуса «классиков». Авторы упомянутой статьи об А.С. Лаппо-Данилевском, устанавливая статистику цитирования его трудов в сравнении с представителями его поколения, отнесли ученого к категории «классиков», хотя ряд современников (например, П.Н. Милоков) получили более высокие показатели. Некую коллизию представляет и ситуация примерно равного рейтинга современного цитирования бывшего классика М.Н. Покровского и признаваемого теперь классика А.С. Лаппо-Данилевского¹¹.

Очевидно, что суд в этом вопросе выносит корпорация ученых последующих поколений посредством экспертных оценок, учитывающих контексты новых исторических эпох и историографий, ориентированных на пересмотр ценностей в науке.

Завершая данный сюжет, замечу, что диссертационные исследования «старых историков», хотя нечасто привлекают внимание современных ученых, но и не являются аутсайдерами на «рынке» цитируемости. Например, из общего количества цитируемых трудов Лаппо-Данилевского (129), число цитирований которых составляет 437, 154 ссылки (35,2%) приходятся на его знаменитую «Методологию истории» и 41 ссылка (9,5%) – на магистерскую диссертацию. Оба эти труда, вошедшие в пространство цитации, отнесены к «самым цитируемым» его сочинениям. В целом, среди зафиксированных 16-ти сверстников историка наличествует восемь диссертаций¹², отнесенных к числу их наиболее цитируемых трудов. При этом для ситуации с А.Е. Пресняковым характерно присутствие обеих его диссертаций – магистерской и докторской – в составе самых востребованных его научных работ¹³.

Некоторые задачи изучения диссертационных историй

С учетом сказанного, в заданном ракурсе может быть намечено несколько специальных аспектов и перспектив изучения диссертационных историй. Определяя далее преимущественно прагматические задачи данной статьи, будем «держаться в голове» и проблемы теоретико-методологического свойства – корпоративной памяти, «классично-

¹¹ См.: Ростовцев, Потехина 2013. С. 25-27.

¹² Имеются в виду магистерские диссертации И.И. Лаппо, М.В. Довнар-Запольского, А.Е. Преснякова, А.С. Лаппо-Данилевского и докторские диссертации С.В. Рождественского, М.М. Богословского, А.Е. Преснякова, С.Ф. Платонова.

¹³ Ростовцев, Потехина 2013. С. 27.

сти» в науке и выработки методологии исследования диссертационных трудов. В связи с этим актуальна, во-первых, задача разработки методик изучения диссертации как научного труда особого статуса, а именно: критериев смыслового, методологического и текстологического анализа с учетом ее функциональной нагрузки в системе видов научных произведений ученых. Во-вторых, диссертация и диссертационный диспут, воспринимаемые как феномены и события, перспективны для создания интеллектуальной биографии автора-диспутанта. В-третьих, диссертация и диссертационная история как научно-исследовательские объекты, приобретают значимость в ракурсе институциональных задач – изучения научных школ и дисциплин, с которыми был связан соискатель.

Важной методологической опорой в определении научной значимости диссертационных трудов изучаемого времени может служить известная концепция Ф. Броделя *la longue durée*¹⁴, позволяющая реконструировать восприятие научного статуса их авторов и характер оценивания результатов их творчества различными поколениями ученых. В данном ракурсе формулу французского ученого можно воспринимать как универсальную категорию и продуктивно ее использовать для определения некоего временного интервала, в границах которого научное произведение сохраняет актуальность для науки и востребовано научным сообществом¹⁵. При этом подразумевается наблюдение за сложными трансформационными перипетиями осмысления и переосмысления методологических и концептуальных идей его автора. Концепция длительной временной протяженности Ф. Броделя явно согласуется с ранее возникшими идеями А.С. Лаппо-Данилевского об «обширных и длительных последствиях» случившегося как основе причисления его к феномену исторического факта-события.

В познавательном процессе немаловажно определить, кто и каким образом выступает в роли своеобразного «оценщика» интересующего нас типа события и квалифицирует его как исторически значимое. Вероятны несколько подходов для получения ответа. Один из них ориентирован на изучение восприятия события тем/теми, кто был причастен к его возникновению (герой диссертационной истории и «свидетели-современники»). Другой – вытекает из необходимости установить «след», диссертационной истории-события в масштабах истории

¹⁴ См.: Бродель // URL: http://www.krotov.info/libr_min/02_b/ro/del_02.htm

¹⁵ См. попытки с позиций этой концепции раскрыть потенциал русской исторической науки XIX – начала XX в.: Усачев 2002. С. 102-113.

науки и культуры, а значит – определить его воздействие на других людей, принадлежавших уже иному времени. Первый подход реализуется на основе преимущественного изучения текстов-источников современников, в том числе автора диссертации. Вторым является итогом познавательных усилий историка-историографа, основанных на принципах «синтетического» построения ретроспективы. В итоге историограф посредством критико-аналитических процедур использует базовые свидетельства самого «героя» диссертационной истории, критиков-современников и одновременно сам выступает в роли эксклюзивного эксперта, реконструируя как прижизненную диссертационную историю ученого-историка, так и то, чем его «слово отозвалось» в последующей временной перспективе. В этой связи особое значение приобретает вопрос о диссертации историка как актуальном тексте, оказавшем воздействие на сообщество ученых-современников и вошедшем в анналы научной корпорации как некая ценность.

Предлагаемые подходы предлагается положить в основу создания целостной картины той или иной диссертационной истории. Вполне целесообразно начинать поиск самооценок историков – соискателей ученых степеней – в текстах источников личного происхождения. Трудно назвать среди созданных ими эго-документов такие, в которых бы не сохранились свидетельства о своей (а порой и другого современника) работе над диссертацией и диссертационном диспуте. Конечно, в каждом конкретном случае характер научной самооценки и эмоционального впечатления по этому поводу различен. Ключевский, например, в своих афоризмах высказал хорошо известное суждение о защитах диссертаций: «Ученые диссертации, имеющие двух оппонентов и ни одного читателя»¹⁶, что позволяет фиксировать одну из тенденций: бытование критико-ироничного мнения в среде университетариев о научном и функционально-коммуникативном потенциале диссертаций как вида исследования. Ключевскому в его персональном опыте, с учетом особенностей его натуры, вообще было не свойственно какое-либо специальное и, тем более, «возвышенное» внимание к своей научной работе – в частности, над магистерской диссертацией. В переписке с друзьями и коллегами он (за редким исключением) нарочито принижал значение своих научных усилий – либо игнорируя эту тему, либо используя пониженную коннотацию, называя готовящийся труд «книжицей». Однако многие его современники – коллеги по историческому цеху, оставили немало мемуарно-эпистолярных строк, демонстрирующих иной

¹⁶ Ключевский 1968. С. 353.

подход в передаче собственных впечатлений от работы над диссертациями. В качестве отдельных примеров можно иметь в виду разнообразные эго-тексты (воспоминания, автобиографии, переписку, дневники, речи на диспутах и пр.) С.М. Соловьева, П.Н. Милюкова, А.А. Кизеветтера, С.Ф. Платонова и Н.Н. Платоновой, А.С. Лаппо-Данилевского, Н.И. Кареева, М.С. Корелина, Г.В. Вернадского и других, не оставляющие сомнений о значимости в творческой жизни ученого-историка события, или целого событийного ряда, связанного с созданием и защитой диссертаций. Мемуарные признания содержат оценки своего труда, а детализация с позиций авторов процесса создания диссертации и картины диспута, раскрывает нередко и драматически воспринимавшиеся конфликтные ситуации на этом пути, что дает возможность реконструировать сложный мир научных ценностей и межличностных коммуникаций, включающих взаимодействие самолюбий, амбиций, эмоций, творческих настроений в научно-институциональной системе.

Обратимся к опыту создания некоторых диссертаций с учетом их самооценок историками XIX века, которых мы относим к категории ученых, нередко воспринимаемых в среде российского научного сообщества не только как выдающихся, но и как классиков российской исторической науки. В поле нашего зрения поместим диссертационные истории представителей Московского университета – С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, связанные, главным образом, с созданием ими магистерских работ. Проследим также восприятие их магистерских диссертаций в историографической традиции.

Магистерская диссертация С.М. Соловьева как событие в контексте научной жизни Московского университета и в оценках историков

Диссертационные истории С.М. Соловьева, несомненно, привлекательный аспект его творчества и истории его карьеры¹⁷. В мемуарных записках историка мотив его работы над обеими диссертациями¹⁸, включая сдачу магистерского, а потом и докторского экзаменов, характер диспутов, занимает одно из центральных мест. «Мои записки...» С.М. Соловьева, являясь важным источником по истории обретения им «институционального капитала» – получения кафедры русской истории, а потом и профессорства в Московском университете, раскрывают широкий спектр объективных и субъективных факторов, в контексте которых молодой историк за короткий срок (1845–1847) подготовил и защитил магистерскую и докторскую диссертации.

¹⁷ См.: Цимбаев 1990. С. 155-173; Бедретдинова 2006. С. 36-99.

¹⁸ См.: Соловьев 1846, 1996. С. 5-338.

С.М. Соловьев довольно откровенно передал комплекс своих мотиваций, придавших скорость его диссертационным историям¹⁹.

В основе его стратегии лежали и карьерные соображения, и творческий подъем, связанный с первым опытом чтения учебных лекций, ставших, как он сам подчеркнул, основой его диссертаций, и тревожное эмоциональное состояние в ситуации своего неустойчивого, а потому противоречивого положения в университетской среде историков. Защита диссертаций, прежде всего – магистерской, стала своеобразным идентифицирующим и легитимирующим тестом для принятия его в «западную партию профессоров», которая составляла в то время интеллектуальное ядро формировавшегося сообщества историков-профессионалов Московского университета. Представленный в записках сложный рисунок взаимоотношений противоборствующих личностей и интеллектуалов этой корпоративной коммуникации (особенно напряженными были отношения Соловьева с Погодиным) позволил историку резюмировать, что свою позицию в ней он утверждал, находясь в состоянии творческого перенапряжения и борьбы. Соловьев свидетельствовал: «...я добыл себе место с бою и должен был удерживать его боем, должен был в короткое время сделать столько, чтоб не смели сказать, что университет проиграл, заменивши старого профессора Погодина новым»²⁰.

Противостояние в ходе магистерского диспута С.М. Соловьева «старых», тяготеющих к официальной идеологии, и «молодых» ученых-историков, ориентированных на западно-либеральные ценности, заняло в его воспоминаниях об этом событии одно из центральных мест²¹. «Наконец, диспут кончился со славою для меня», – резюмировал историк, завершая мемуарный пассаж о защите магистерской диссертации. По сути, ее защита стала не только важнейшим событием его научной биографии, но явилась неким рубежом в полемической борьбе старшего и младшего поколений историков Московского университета. Характерно, что Б.Н. Чичерин, слушавший и высоко оценивший курс лекций С.М. Соловьева, включил магистерскую диссертацию историка в список тех трудов, которые составили основу его программы «чтения» в целях самообразования. Защиту диссертации Соловьева он назвал «блестящей»²². После этого события «западная

¹⁹ См.: Соловьев 1983. С. 287-295. См. также: Цимбаев 1990. С. 155-173.

²⁰ Соловьев 1983. С. 322.

²¹ Там же. С. 292-293.

²² См.: Чичерин 1991. С. 42, 46.

партия профессоров» пополнилась в лице Соловьева еще одним признанным представителем в когорте интеллектуальных лидеров профессорской корпорации. Защищенная вскоре докторская диссертация историка, по его словам – «также славно и с честью»²³, окончательно закрепила его престиж ученого либеральной ориентации.

И хотя с 1848 по 1855 гг., как он заметил в воспоминаниях, началась полоса «несчастной эпохи» николаевского правления, нанесшей удары и по «опасным либералам» университета, Соловьев остался верен линии этой стратегии. Поскольку основные концептуальные положения диссертаций формировались у него в процессе работы над учебным курсом, постольку обе они явились своеобразной увертюрой к его знаменитой многотомной «Истории России с древнейших времен...». Но стоит заметить: если современники, в частности Т.Н. Грановский и К.Д. Кавелин, высоко оценив концептуальное кредо и методологию первой диссертации Соловьева, именно на этой основе приняли его в свой круг, то для последующих поколений ученых обе диссертации, фактически, оказались в тени громады его «Истории России». Заметим, правда, что в 1879 г., ученик Соловьева, Ключевский, откликаясь на смерть учителя известной речью-статьей, отметил значимость его диссертационных работ и первым отмерил длительность их актуальности. Посвятив специальный сюжет истории подготовки и защиты Соловьевым магистерской и докторской диссертаций, он заметил, что «русские ученые редко поднимались по лестнице ученых степеней так быстро и с таким успехом», и его диссертации не устарели «и доселе», т.е. более чем через 30 лет после их защиты²⁴.

Тем не менее, последующее развитие историографии определило им периферийное положение в общем наследии историка. Это вполне ощутимо в современной историографии. Замечу, что магистерская диссертация С.М. Соловьева, будучи изданной в 1845 г. и переизданной в 1846 г., не вошла в современное издание его сочинений. Несмотря на обязательные упоминания в биографических пассажах об историке фактов защиты диссертаций и даже присутствие специальных разделов об их содержательно-концептуальной основе в специальных трудах²⁵, собственно историографический анализ (особенно это касается магистер-

²³ Соловьев 1983. С. 305.

²⁴ Ключевский 1959. С. 128-129; 130.

²⁵ См.: Бедретдинова 2006. С. 36-99. Автор, к сожалению, в своей характеристике магистерской диссертации историка не вышла за пределы ее реферативного пересказа.

ской диссертации), который бы, к тому же, учитывал видовую специфику диссертационных исследований, практически не встречается.

Между тем, именно в диссертациях обнаруживается ядро его концепции эволюции родовых отношений с соответствующей периодизацией российской истории, и методология, ориентированная на философскую диалектику Г.В.Ф. Гегеля. Еще важнее определить место магистерской диссертации историка в опыте подобных трудов, защищенных историками в первой половине XIX века²⁶.

Созданная на базе обильного комплекса летописных и актовых источников, диссертация Соловьева демонстрировала одну из первых в тогдашней научной практике российских историков попыток выработать для этого вида научных работ модель аргументированного научного исследования. Он стремился достичь этой цели при помощи последовательного использования историко-документального подхода, нацеленного на анализ и обобщение обширного источникового материала и основанной на нем системы доказательств.

Текст магистерской диссертации Соловьева сопровождается постановкой серии научных задач, которые историк планомерно расположил в исследовательском тексте и решал, исходя из анализа выявленной им источниковой информации. Наличие специальной резюмирующей части работы – своеобразной системы ответов на поставленные вопросы, представляя будущую модель Заключения в диссертации, подчеркивало логику и строгость научного наблюдения и выводов. Подзаголовком диссертации – «Историческое исследование» – Соловьев, очевидно, заявил о сугубо научном характере своего труда, фактически отмежевываясь от характерного для этого времени упрощенного, лишенного методологических интенций, нарратива диссертаций²⁷.

Оказавшаяся на периферии внимания современной историографии, магистерская диссертация великого историка, несомненно, требует ее переосмысления. В контексте изучения становления и развития национальных традиций диссертационных исследований нам она представляется одним из первых рубежных научных произведений, знаменовавших начало формирования критического научного знания и поднявших такой вид квалификационной работы как диссертационный труд на уровень фундированного научного исследования.

²⁶ См. оценки диссертаций первых десятилетий XIX века и характеристику их защит: Вишленкова, Ильина 2013. // URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3755>. Раздел «Социальный лифт».

²⁷ Более детальный анализ см.: Алеврас 2014. С. 111-120.

**Магистерская диссертация В.О. Ключевского:
самооценки историка и восприятие в истории историографии**

Историографический контекст оценок той или другой диссертации, рассмотренный в рамках определенной длительности историографического процесса дает возможность раскрыть смену историографических ситуаций в восприятии, как самой диссертации, так и факта ее защиты. Примером может выступить опыт В.О. Ключевского. Его магистерская диссертация «Древнерусские жития святых как исторический источник» (далее – «Жития») не вызывала, в отличие от докторской диссертации («Боярская дума...»), высоких оценок – например, у молодого поколения светских ученых-историков. В частности, П.Н. Милюков во время начавшегося конфликта с учителем в переписке с С.Ф. Платоновым просто-напросто высмеял «глупую» тему магистерской диссертации, по его словам, «навязанную» ему Соловьевым, а по сути, отрицал ее научное значение²⁸.

Сам историк, исходя из контекста его высказываний о диссертации в разные периоды жизни, долго раздумывал на эту тему, а потому казался противоречивым в оценке как своей магистерской диссертации в целом, так и главного ее источника – житий святых.

Уже после магистерского диспута в письме В.И. Герье он писал, что 1872 год был для него «несчастлив... в литературном отношении». Упоминание в этой связи факта защиты диссертации сопровождалось намеком на неудачность своих опровержений выступлений оппонентов и ироничным признанием по поводу этого события: «доселе слёзы лью»²⁹. Сокрушаясь фактом длительной (шесть лет!) работы над магистерской диссертацией, он был весьма озабочен своей «неповоротливостью» и задавался вопросом, сколько же уйдет времени на «стряпанье» уже задуманной им второй – докторской диссертации³⁰.

Впрочем, подобные самооценки можно воспринимать и как своеобразный эпистолярный прием самоиронии. Имеются примеры и иного типа его самовыражения. Так в одном из писем Н.И. Мизеровскому (1868 г.) он пишет «высоким слогом» об изучении рукописей житий, не без пафоса сообщая: «Занятие это доставляет мне большое наслаждение: оно укрепляет веру в русский народ, о котором так сильно сомневаются, выйдет ли из него что-нибудь путное»³¹.

²⁸ Письма... С. 65.

²⁹ Ключевский 1968. (В.И. Герье, 15 июля 1872). С. 146-147.

³⁰ Там же. (А.Ф. Лаврову, 6 сентября 1872). С. 149.

³¹ Там же. (Н.И. Мизеровскому, 25 февраля 1868). С. 137.

Критический оттенок в адрес житий, характерный для молодого Ключевского, в зрелом возрасте сопровождался основательным разбором историком особенностей этого вида источника. В тексте лекционного курса, создававшегося в начале XX века, он пришел к известному выводу: «Житие не биография, а назидательный панегирик..., образ святого в житии не портрет, а икона»³². Иногда эта метафора воспринимается как выражение разочарования историка в информационных возможностях изучаемого источника. Однако на самом деле с этой характеристикой были связаны понимание им специфических особенностей и констатация функционально-видовых свойств этого источника: «У агиографа, составителя жития, свой стиль, свои литературные приемы, своя особая задача», подчеркивал историк³³.

Защита диссертации в 1872 г. получила высокую оценку у многих современников и очевидцев этого события. К этому времени имя автора уже было хорошо известно образованной публике, что привлекло, по свидетельству участника диспута Е.В. Барсова (известного этнографа, секретаря и редактора Чтений ОИДР, выступавшего в качестве неофициального оппонента), «многочисленную публику». Барсов подчеркнул, что она состояла не только из студентов и профессоров, но также из «чиновников, офицеров, коммерсантов, и даже раскольников». Не осталось без внимания присутствие «множества дам». Автор описания хода защиты Ключевским диссертации свидетельствовал, что «диспут был вест с таким серьёзным тоном и таким живым увлечением, что <...> представлял редкое исключение из ряда подобных диспутов, отзывающихся, обыкновенно, официальной мертвенностью»³⁴.

Вследствие отсутствия традиции протоколировать процедуру защит диссертаций, именно сделанные Барсовым записи хода диспута Ключевского, включившие текст речи историка и содержание выступлений оппонентов, стали единственным аутентичным источником его диссертационной истории. В короткой речи Ключевский, хотя и не склонен был предаваться пространным размышлениям о собственном восприятии своего труда, но вполне определил его специфику. Самооценка интеллектуальных затрат на подготовку диссертации, звучит в его признании «несоответствия между историко-литературной ценой» исследованного материала и «теми усилиями, какие положены на его

³² Ключевский 1994. С. 558.

³³ Там же. С. 557.

³⁴ См.: [Барсов] 1914. С.65-71. Описание диспута Ключевского Барсов впервые опубликовал в 1872 г. в «Современных известиях».

изучение». Но оправдание этих усилий он находит в «научном интересе», которым он руководствовался в своих «микроскопических, утомительных изысканиях», основывавшихся на стремлении уловить в житиях святых выражение особенностей облика древнерусского человека. Обоснование такой цели историк связывал со спецификой формирования монашества: в нем, полагал он, соединялись представители различных «общественных состояний», а сама монашеская среда представлялась ему носителем «нравственной свободы»³⁵.

С позиций концепции длительной временной протяженности актуально проследить характер изменения восприятия академической средой понимания Ключевским специфики источниковой природы житий и его труда в целом. Выше упомянутая характеристика особенностей житийной литературы, данная в «Курсе русской истории», вполне корреспондируется с его подходом, выраженным в речи на диссертационном диспуте. И в том и другом случае для рассмотрения особенностей житий как информационного ресурса своего исследования он остается в одном – источниковедческом – пространстве, делая акцент на происхождении и функциональных особенностях житий, определивших базовые свойства этой группы источников.

Хотя в «Курсе русской истории» он уточняет, что жития не столько «образ», сколько «икона», но мысль его движется все в том же – источниковедческом направлении: историк находит для себя и читателей разъяснение этому кажущемуся противоречию теми целеполагающими установками, которыми руководствовались создатели этих произведений-источников. Таким образом, его внимание оказывается сосредоточенным, преимущественно, на выяснении функциональной специфики изучаемого им источника, что особенно выразительно он подчеркнул в итоговой главе своей диссертации³⁶.

Исходный источниковый материал заставил Ключевского выработать соответствующие его особенностям принципы и методику изучения. Впервые в опыте научных исследований он выстраивает свой взгляд на жития как источник, информация которого структурировалась и наполнялась содержанием в соответствии с задачами и канонами их предназначения. С учетом этого, он формировал представление о специфике и информационных возможностях данного вида источников: «Для жития дорога не живая цельность характера с его индивидуальными чертами и житейской обстановкой, а лишь та сторона его, которая

³⁵ [Барсов] 1914. С. 65-66.

³⁶ См.: Ключевский 1988. С. 358-438.

подходит под известную норму, отражает на себе известный идеал»³⁷. Поскольку «древнерусский биограф», подчеркивал Ключевский, исходил из «церковно-моралистического взгляда на людей и их деяния», то его задачей, «было извлечь из описываемой деятельности практические уроки жизни, представить в биографических чертах нравственные парадигмы», «идеальную догму»³⁸. Погруженность авторов житий в сферу духовной жизни человека позволила историку сделать вывод об особом месте житий «в истории нашего умственного развития»: «древнерусская мысль не поднималась выше того исторического понимания, какое усвоила и развила литература житий»³⁹.

Одной из первых историографических реакций на магистерскую диссертацию В.О. Ключевского стало выступление на чрезвычайном заседании ОИДР, посвященном памяти историка (1911), профессора МДА С.И. Смирнова, причислявшего себя к ученикам историка⁴⁰. Впоследствии оно было опубликовано в виде статьи⁴¹.

Именно Смирнов подчеркнул, ссылаясь на свидетельства самого историка, что тот, проникнутый «романтизмом» («отголосками воспоминаний духовной школы») работал над диссертацией «с удовольствием». Это чувство, считал Смирнов, превращало его «убийственную работу в спокойное занятие». Он же одним из первых высоко оценил источниковедческий талант историка, который через «едва уловимые штрихи житийного повествования» обнаруживал в нем «малейшие крохи исторически ценного». В своей статье он особо отметил значение итоговой главы диссертации, назвав ее «превосходной»⁴².

Используя протокольные записи Е.В. Барсова, которые он опубликовал в виде приложения к своей статье, Смирнов первым дал анализ магистерского диспута Ключевского, подчеркнув общую атмосферу положительного восприятия диссертации всеми участниками события-диспута. Уже тогда, по его мнению, его книга стала «событием для русской церковно-исторической науки». В 1911 г. он имел основания сказать, что и через 40 лет после магистерского диспута она оставалась «главным трудом по русской агиологии»⁴³. Таким образом,

³⁷ Там же. С. 436.

³⁸ Там же. С. 431, 432.

³⁹ Там же. С. 435.

⁴⁰ С.И. Смирнова как ученика Ключевского идентифицировал и М.М. Богословский, высоко оценивавший его научные труды: Богословский 2009. С. 13-21.

⁴¹ См.: Смирнов 1914. С. 53-63.

⁴² Там же. С. 56, 57.

⁴³ Там же. С. 59, 61.

Смирнов в историографии судьбы магистерской диссертации Ключевского задал тему длительной памяти в научном сообществе рассматриваемого труда историка.

Но только через 60 лет после первых коммеморационных практик в адрес наследия историка тема историографической судьбы магистерской диссертации Ключевского будет продолжена в монографии М.В. Нечкиной⁴⁴. Тщательно прослеживая «шесть лет работы над житиями святых» историка, она сделала массу интереснейших наблюдений над текстом этого труда и общим историко-научным контекстом, в котором он создавался. При этом Нечкина акцентирует внимание на проблемах и драматических обстоятельствах исследовательского поиска, в которых создавалась диссертация. Несомненно, она далась Ключевскому нелегко. Историограф резюмирует, что Ключевский, исследуя специфику житий святых, отказался от первоначальных замыслов⁴⁵ и свел свои задачи «к чисто источниковедческому варианту»⁴⁶. Нечкиной эта ситуация преподносится не только как вынужденный шаг, но и как фактор, который снизил научную ценность данного труда. Работу над магистерской диссертацией она преподносит как выражение пережитого «творческого кризиса» историка, а из оценок его эмоционального состояния в ходе создания диссертации, оставленных С.И. Смирновым, она использует только одно определение, взятое из контекста его вышеприведенной цитаты. В результате по ее версии работа Ключевского над «Житиями» была «убийственной»⁴⁷.

В дальнейших своих попытках найти более объективные критерии значимости диссертации, несомненно, уважаемого и любимого ею историка, Нечкина пытается поднять его авторитет фактом превращения житий святых в диссертации Ключевского из средств «религиозной пропаганды» в объект научного светского изучения. Этот вывод дополнялся ею попыткой поставить вопрос о ее «историографическом месте» и значении в развитии общественной мысли.

Квинтэссенция ее оценок «Житий» связана, фактически, с выводом о полной научной неудаче, и даже крахе магистерского проекта Ключевского. Источниковедческие тонкости анализа житий не помещены ею в поле актуального интереса. В оценках советского историо-

⁴⁴ Нечкина 1974. С. 167-173.

⁴⁵ Имеется в виду первоначальный замысел его диссертации – изучение роли монастырей и монашества в колонизации северо-восточной Руси.

⁴⁶ Нечкина 1974. С. 148.

⁴⁷ Там же. С. 147, 151.

графа просматривается другая – идейная сторона. Она трактует выводы историка как показатель развенчания им значения и смысла житий святых, «поскольку они не соответствуют реальной действительности», что искажало истинную позицию и идею Ключевского. Нечкина же в своей трактовке полагала, что его книга «была опасна для ортодоксальной церковной науки», а потому ее можно считать «смелым и по существу антицерковным исследованием»⁴⁸. Резюмируя, она подчеркнула, что фактом создания «Житий» автор вошел в анналы истории идейной борьбы рубежа 60–70-х гг. XIX в., а книга историка «имеет черты памятника критической научной мысли». Историограф подводит читателя к итоговому суждению, полагая, что его диссертация «должна <...> занять свое место не только в истории русской науки, но и в истории русской общественной мысли»⁴⁹.

Но не в этом намеченном ею фарватере ценностно-методологического определения значимости магистерской диссертации Ключевского продолжился процесс историографической и историко-научной коммеморативной актуализации его «Житий». Через 14 лет после появления книги М.В. Нечкиной, на закате советской эпохи было предпринято первое современное научное переиздание магистерской диссертации историка⁵⁰. Инициаторы этой научной акции – А.И. Плигузов и В.Л. Янин – в основу оценки заслуг автора диссертации положили две темы – историко-агиографическую и методологическую. По сути, началось возрождение тех ценностных установок, которые были характерны для взглядов на этот труд таких современников В.О. Ключевского как Е.В. Барсов, С.И. Смирнов и др.

Небольшое по объему, но емкое по мысли Послесловие⁵¹ инициаторов переиздания «Житий» демонстрировало поворот в изучении магистерской диссертации Ключевского, в определенной мере означавший разрыв с предыдущей историографической традицией. Хотя авторы отдали должное наблюдениям Нечкиной относительно особенностей объекта изучения историка и соглашались, что он вынужден был в ходе исследовательской работы менять изначальный замысел своего труда, но попытались дать «другое прочтение диссертации»⁵².

⁴⁸ Там же. С. 159, 160, 162.

⁴⁹ Там же. С. 161.

⁵⁰ См.: Ключевский 1988.

⁵¹ Плигузов, Янин 1988. С. 1-19 [отдельная пагинация].

⁵² Там же. С. 7.

Переадресовав «скрытую полемику» книги от фигуры В.С. Иконникова, на которой настаивала Нечкина, на И.С. Некрасова, имя и труды которого ею не были упомянуты, они, по сути, отказались от ее интерпретационной версии «Житий» Ключевского. Их внимание сосредоточилось на том научном эффекте исследования историка, который проистекал от глубоко интересовавшей Ключевского проблемы «нравственной силы» народа в национальной истории (вспомним пафос его письма к Н.И. Мизеровскому!). Цитируя известный вывод историка о значении житийной литературы в истории древнерусской мысли (см. сноску 39), Плигузов и Янин сделали предположение, что по первоначальному замыслу Ключевского его труд должен был стать «книгой об истории “умственного развития”». Именно в этом отношении, полагали они, историк ценил жития как уникальный источник.

Авторы Послесловия пришли к выводу, что на основе житийного материала диссертация Ключевского «предполагала анализ церковно-монастырского и народного быта». Но они же заметили, что, издавая свою книгу, он, по сути, не довел замысел исследования до конца и не сделал тех выводов о значении своих источников, которые в определенном виде прозвучат позднее. В частности – в его критическом отзыве о магистерской диссертации С.Ф. Платонова⁵³. Обращение авторов Послесловия к хорошо известному отзыву Ключевского, написанному в 1892 г., на мой взгляд, акцентирует внимание на том, что его автор долгие годы находился в поле притяжения источниковедческих проблем, порожденных его диссертационным исследованием⁵⁴.

Определяя непростую судьбу «Житий», воспринимаемую, иногда как пример неудачи, авторы послесловия, тем не менее, высоко оценивают постановку Ключевским проблемы «соотношения средневековой агиографии с реальностью». «Критический метод Ключевского показал, какова специфика фиксации факта в средневековой литературе, где приметы реальности хотя и находятся в некоторой зависимости от земной биографии подвижника, но свой подлинный смысл обретают лишь в идеальной парадигме жития», – справедливо заметили они. Главный вывод, который ими был сделан относительно научной идентификации исследования Ключевского, прочитывается в последних строках Послесловия: «Книга Ключевского – это книга о методе; развитие научных идей, выросших из этой книги, далеко еще не исчерпано»⁵⁵.

⁵³ Там же. С. 7-8, 9.

⁵⁴ Не могу не поддержать авторов в этой мысли, ссылаясь на свою статью. См.: Алеврас 2011. С. 9-17.

⁵⁵ Плигузов, Янин, 1988. С. 13.

Весьма примечательна попытка Плигузова и Янина очертить историографическое пространство XX-го столетия, в котором ощутимо влияние идей магистерской диссертации Ключевского⁵⁶, а значит – пространство посмертной судьбы его творения и памяти об историке.

По пути переосмысления научной значимости «Житий» Ключевского последовательно шла известный источниковед и теоретик в области источниковедения и когнитивной истории – О.М. Медушевская. Её наблюдения вполне корреспондируются с выводами Плигузова и Янина, воспринявших диссертацию Ключевского как труд, созданный на основе строго выверенного метода научного источниковедческого исследования. Медушевская в соответствии со своими научными интересами углубила смысл источниковедческого вклада Ключевского в национальную историографию. На рубеже XX–XXI вв., в период методологического обновления российской историографии, она не раз подчеркивала актуальность для современной истории историографии источниковедческих пассажей его диссертации. Именно она пришла к выводу, что своей магистерской диссертацией историк закладывал основы «видового подхода» в отечественном источниковедении: «Ключевский создал особое направление источниковедческого исследования – комплексный анализ большой группы произведений, принадлежащих к одному виду»⁵⁷, – писала она в 1990-е гг., а создавая свою книгу о когнитивной истории, вновь подчеркнула, что его опыт стал основоположным для понимания социальной природы и выявления структурных моделей источников⁵⁸. Оригинальным фактом современной историографии источниковедения можно считать включение ею в словарную часть своей монографии⁵⁹ специальной дефиниции «жития святых». Прочитую данное ею определение: «Жития святых – вид источника, в котором (как показал источниковед В.О. Ключевский) конкретный информационный ресурс принципиально изменен – подчинен картине мира и законам жанра, в рамках которых создаются отдельные образцы этого вида источника»⁶⁰.

Замечу, что жития святых – единственный конкретный вид источников, а В.О. Ключевский – единственный историк, включенные в понятийную систему теории и методологии когнитивной истории О.М. Медушевской. Это не случайно: в системе ее научных взглядов Ключевский

⁵⁶ Там же. С. 10-13.

⁵⁷ Медушевская 1998. С. 69.

⁵⁸ Медушевская 2008. С. 251-252.

⁵⁹ См.: Там же. Index (Указатель понятий). С. 345-358.

⁶⁰ Там же. С. 347.

чевский выступал создателем системообразующих (базовых) основ источниковедения, а именно – представлений о социальной и функциональной природе происхождения и видовых свойствах источников.

Резюмируя вышеозначенный сюжет, сто́ит подчеркнуть, что в течение более чем 140 лет после защиты, его магистерская диссертация продолжает притягивать внимание ученых, оставаясь в поле актуального обсуждения. Каждый новый виток обращения к «Житиям» Ключевского привносит новые черты в его образ или даже закладывает принципиально новые образы историка. В многослойной ретроспективе истории историографии можно наблюдать как первоначальный имидж Ключевского, созданный еще его учениками и современниками – историк-мыслитель, историк-художник, историк-социолог – начал было в опыте восприятия его магистерской диссертации советской историографией превращаться в противоречивый образ историка общественной мысли и даже историка атеистической направленности, к тому же, историка-неудачника.

Рубеж XX–XXI вв. привнес инновационный мотив. Впервые ученые разглядели в Ключевском историка-методолога (именно это в свое время принципиально отрицала М.В. Нечкина), и источниковеда. Новый образ Ключевского дает основание говорить, что для современного поколения историков он своим анализом житий святых в магистерской диссертации выступил в роли создателя базовых основ учения о видах исторических источников, а потому, можно полагать, вписал свое имя в пантеон классиков исторического знания.

Подводя более общий итог, выскажу суждение, что эффект событийности, вызванный появлением нового исторического труда, в том числе диссертационного исследования, обнаруживается историографом при изучении всех рефлексивных слоев и уровней истории историографии. Он раскрывается в границах «длительности» жизненной стези автора исторического труда, определяется в пределах памяти и коммеморативных практик поколения его современников, наконец, присутствует в большом неоднородном пространстве в рамках темпоральной «длительности» истории историографии. Изменяющиеся ценностные подходы в восприятиях научного произведения историка (а как следствие – и его образа), порождаемые опытом и процессами трансформаций культуры и дисциплинарной истории, предстают в виде многослойной смысловой рефлексии. Ученому-историографу, пытающемуся проникнуть в глубь этой мегаструктуры, приходится, с учетом сложного переплетения самооценок, оценок и интерпретаций,

искать некий историографический вердикт в адрес того или иного научного труда, а также ответ на вопрос, стала ли для науки та или иная диссертационная история событием. Историограф в этом случае возлагает на себя роль эксклюзивного эксперта, обеспеченного контекстом историографического опыта.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алеврас Н.Н.* Проблемы источника и метода в академических отзывах В.О. Ключевского о диссертациях петербургских историков // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2011. Вып. 47. С. 9-17.
- Алеврас Н.Н.* Диссертационная культура как историографический концепт // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2014. № 4 (45).
- [*Барсов Е.В.*] Диспут Ключевского // Чтения ОИДР, 1914. Кн. 1.
- Богословский М.М. Памяти профессора С.И. Смирнова // Профессор Сергей Иванович Смирнов. М.: Melanar, 2009.
- Бедретдинова Л.Н.* Начальный период научной деятельности С.М. Соловьева: 40 - 50-е гг. XIX века. Дисс... канд. ист. наук. М., 2006. 168 с.
- Бродель Ф.* Что такое Франция? Кн. 1. Пространство и история. Введение // URL: http://www.krotov.info/libr_min/02_b/ro/del_02.htm
- Вишленкова Е., Ильина К.* Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обрела научную и практическую значимость // Новое литературное обозрение, 2013, 4. № 122 // URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3755>.
- Корзун В.П., Колеватов Д.М.* Бои за Ключевского в советской историографии как способ самоидентификации исторического сообщества // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX-XXI вв. / Отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М.: ИВИ РАН, 2012.
- Ключевский В.О.* Сергей Михайлович Соловьев // В.О. Ключевский. Сочинения в восьми томах. Т. VII. М.: Изд-во соц.-эк. лит-ры, 1959.
- Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М.: Изд-во Наука, 1968. 526 с.
- Ключевский В.О.* Полный курс лекций: в 3-х книгах. Кн. 1. М.: Мысль, 1994. 574 с.
- Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Наука, 1988. 512 с.
- Латто-Данилевский А.С.* Методология истории. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. 472 с.
- Медушевская О.М.* Теория, история и метод источниковедения // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 1998. 702 с.
- Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. 358 с.
- Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М.: Наука, 1974. 639 с.
- Плигузов А.И., Янин В.Л.* Послесловие // Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. Репринтное издание. М.: «Наука», 1988.
- Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милюков) / под ред. В.П. Корзуна. Омск: Полиграфист, 2003. 306 с.
- Профессор Сергей Иванович Смирнов. М.: Melanar, 2009 (репринтное переиздание 1916 г.). 38 с.

- Ростовцев Е.А., Шишов В.О. С.Н. Валк в научно-информационном пространстве в конце XX-начале XXIV. // Клио. 2013. № 10 (82).
- Ростовцев Е.А., Потехина И.П. А.С. Лаппо-Данилевский в современном научно-информационном пространстве // Клио. 2013. № 12 (84).
- Савельева И.М. Классики в исторической науке: «свои» и «чужие» // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2011.
- Савельева И.М. Классическое наследие в структуре университетской памяти // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / Ред. Е.А. Вишленкова, И.М. Савельева. М.: Изд. дом «Высшая школа экономики», 2013.
- Смирнов С.И. Исследование В.О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник» // Чтения ОИДР, 1914. Кн. 1.
- Соловьев С.М. Об отношении Новгорода к Великим князьям. Историческое исследование. М., 1846. 162 с.
- Соловьев С.М. История отношений между русскими князьями Рюрикава дома // С.М. Соловьев. Сочинения. Кн. XIX доп. Работы разных лет. М.: Мысль, 1996.
- Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других //С.М. Соловьев. Избранные труды. Записки. М.: Изд-во МГУ, 1983. 440 с.
- Усачев А.С. Longue durée российской историографии // Общественные науки и современность. 2002. №2.
- Цимбаев Н.И. Сергей Соловьев. М.: Мол. Гвардия, 1990. (ЖЗЛ). 366 [2] с., илл.
- Чичерин Б.Н. Воспоминания. Москва сороковых годов. М.: МГУ, 1991. 254 с.

REFERENCES

- Alevras N.N. Problemy istochnika i metoda v akademicheskikh otzyvakh V.O. Klyuchevskogo o dissertatsiyakh peterburgskikh istorikov // Vestnik Chelyabinskogo gosuniversiteta. Istoriya. 2011. Vyp. 47. S. 9-17.
- Alevras N.N. Dissertatsionnaya kultura kak istoriografichesky kontsept // Uralsky istorichesky vestnik. Yekaterinburg, 2014. № 4 (45).
- [Barsov Ye.V.] Disput Klyuchevskogo // Chteniya OИDР, 1914. Кн. 1.
- Bogoslovsky M.M. Pamyati professora S.I. Smirnova // Professor Sergey Ivanovich Smirnov. М.: MelanarYo, 2009.
- Bedretdinova L.N. Nachalny period nauchnoy deyatelnosti S.M. Solovyeva: 40-50-e gg. XIX veka. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk. М., 2006. 168 s.
- Brodell F. Chto takoye Frantsiya? Kn. 1. Prostranstvo i istoriya. Vvedeniye // URL: http://www.krotov.info/libr_min/02_b/ro/del_02.htm
- Viшlenkova Ye., Pilyina K. Ob uchenykh stepenyakh i o tom, kak dissertatsiya v Rossii obretala nauchnyu i prakticheskuyu znachimost // Novoye literaturnoye obozreniye, 2013, 4. № 122 // URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3755>.
- Korzun V.P., Kolevatov D.M. Boi za Klyuchevskogo v sovetskoй istoriografii kak sposob samoidentifikatsii istoricheskogo soobshchestva // Istoricheskoye poznanie i istoriograficheskaya situatsiya na rubezhe XX-XXI vv. / Otv. red. O.V. Vorobyeva, Z.A. Chekantseva. М.: IVI RAN, 2012.
- Klyuchevsky V.O. Sergey Mikhaylovich Solovyev // V.O. Klyuchevsky. Sochineniya v vosmi tomakh. T. VII. М.: Izd-vo sots.-ek. lit-ry, 1959.
- Klyuchevsky V.O. Pisma. Dnevniki. Aforizmy i mysli ob istorii. М.: Izd-vo Nauka, 1968. 526 s.
- Klyuchevsky V.O. Polny kurs lektsy v trekh knigakh. Kn. 1. М.: Mysl, 1994. 574 s.

- Klyuchevsky V.O. Drevnerusskiye zhitiya svyatykh kak istoricheskyy istochnik. M.: Nauka, 1988. 512 s.
- Lappo-Danilevsky A.S. Metodologiya istorii. M.: Izd. dom «Territoriya budushchego», 2006. 472 s.
- Medushevskaya O.M. Teoriya, istoriya i metod istochnikovedeniya // Istochnikovedeniye: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossiyskoy istorii: Ucheb. posobiye/ I.N. Danilevsky, V.V. Kabanov, O.M. Medushevskaya, M.F. Rumyantseva. M.: RGGU, 1998. 702 s.
- Medushevskaya O.M. Teoriya i metodologiya kognitivnoy istorii. M., 2008. 358 s.
- Nechkina M.V. Vasily Osipovich Klyuchevsky. Istoriya zhizni i tvorchestva. M.: Nauka, 1974. 639 s.
- Pliguzov A.I., Yanin V.L. Poslesloviye // Klyuchevsky V.O. Drevnerusskiye zhitiya svyatykh kak istoricheskyy istochnik. Reprintnoye izdaniye. M.: «Nauka», 1988.
- Pisma russkikh istorikov (S.F. Platonov, P.N. Milyukov) / pod red. V.P. Korzun. Omsk: Poligrafist, 2003. 306 s.
- Professor Sergey Ivanovich Smirnov. M.: MelanarYo, 2009 (reprintnoye pereizdaniye 1916 g.) 38 s.
- Rostovtsev Ye.A., Shishov V.O. S.N. Valk v nauchno-informatsionnom prostranstve v kontse XX-nachale XXIV. // Klio. Zhurnal dlya uchenykh, 2013. № 10 (82).
- Rostovtsev Ye.A., Potekhina I.P. A.S. Lappo-Danilevsky v sovremennom nauchno-informatsionnom prostranstve // Klio. Zhurnal dlya uchenykh. 2013. № 12 (84).
- Savelyeva I.M. Klassiki v istoricheskoy nauke: «svoi» i «chuzhiye» // Istoricheskaya nauka segodnya: Teorii, metody, perspektivy / Pod red. L.P. Repinoy. M., 2011.
- Savelyeva I.M. Klassicheskoye nasledkiye v strukture universitetskoy pamyati // Sosloviye russkikh professorov. Sozdateli statusov i smyslov / Red. Ye.A. Vishlenkovoy, I.M. Savelyevoy. M.: Izd.dom «Vysshaya shkola ekonomiki», 2013.
- Smirnov S.I. Issledovaniye V.O. Klyuchevskogo «Drevnerusskiye zhitiya svyatykh kak istoricheskyy istochnik» // Chteniya OIIR, 1914. Kn. 1.
- Solovyev S.M. Ob otnoshenii Novgoroda k Velikim knyazyam. Istoricheskoye issledovaniye. M., 1846. 162 s.
- Solovyev S.M. Istoriya otnosheniy mezhdu russkimi knyazyami Ryurikova doma // S.M. Solovyev. Sochineniya. Kn. XIX dop. Raboty raznykh let. M.: Mysl, 1996.
- Solovyev S.M. Moi zapiski dlya detey moikh, a esli mozhen, i dlya drugikh // S.M. Solovyev. Izbrannyye trudy. Zapiski. M.: Izd-vo MGU, 1983. 440 s.
- Usachev A.S. longue duree rossiyskoy istoriografii // Obschestvennyye nauki i sovremennost. 2002. №2.
- Tsimbayev N.I. Sergey Solovyev. M.: Mol. Gvardiya, 1990. (ZhZL). 366 [2] s., ill.
- Chicherin B.N. Vospominaniya. Moskva sorokovykh godov. M.: MGU, 1991. 254 s.

Алеврас Наталия Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Челябинского государственного университета; vhist@mail.ru

Dissertation history of a scholar as an event of intellectual biography of the 19th century Russian historians

The author discusses dissertation histories of the 19th century Russian historians as scientific phenomena. Their intellectual nature is viewed as facts – events of historiography. The author asks whether a particular dissertation and its defense constitutes an event in academic life and uses methodological ideas by A.S Lappo-Danilevsky and F. Braudel.

The author uncovers the fate of magister dissertations of S.M. Soloviev and V.O. Klyuchevsky and rescreates historical and historiographical context for expert evaluation of their works by contemporaries and later generations of historians.

Keywords: dissertation, dissertation history, dispute, A.S. Lappo-Danilevsky, F. Braudel, expert evaluations, history of historiography, scientific event, scientific legacy, academic community, classical works, academic memory

Natalia Alevras, Dr.Sc. (History), Prof. of the Department of Russian History, Chelyabinsk State University; vhist@mail.ru

ИСТОРИЯ И ЛИЧНОСТЬ

Э. Г. ЗАДОРОЖНИК

ТВОРЧЕСТВО ТАРАСА ШЕВЧЕНКО ШИРЯЩИЕСЯ РЕЦЕПЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Анализируется феномен ширящихся рецепций и интерпретаций творчества Тараса Шевченко в исторической ретроспективе и перспективе, обосновывается гипотеза пяти их кругов – всеукраинского, восточнославянского, всеславянского, общеевропейского и глобального. Первый был ориентирован на консолидацию украинской нации, в анализе второго отмечается соотношение украинской и русской культур на началах комплементарности, в рамках третьего рассматриваются моменты чехофильства и полонофобства – при дружественных отношениях Шевченко с поляками. Наиболее полно изложенный четвертый круг фиксирует ширящееся внимание к творчеству поэта в общеевропейском, а пятый – в глобальном масштабе. Рассматриваются особенности проведения 200-летнего юбилея поэта в разных странах и связанные с этим идеи о его месте в истории культуры.

Ключевые слова: история идей, 200-летний юбилей Шевченко, антропоцентризм, культурные коды, диалог народов, национальная самокритика.

200-летний юбилей Тараса Григорьевича Шевченко (9.03.1814 – 10.03.1861) – гениального поэта и художника, видного общественного деятеля и социального мыслителя – пришелся на непростые для его родины времена. Так, в начале Майдана с этим юбилеем связывалось национальное примирение и достижение социальной справедливости в сочетании с входением в Европу – и фигура Шевченко выступала как идейный движитель этих начал, а его портреты доминировали на площадях не только Киева, но и городов западной и восточной частей Украины. Но уже ко дням юбилея его фигура выламывалась из рамок (фреймов), задаваемых пришедшими к власти представителями националистически ориентированных сил – да и его портреты встречались уже не так часто. Сами юбилейные торжества носили свернутый – по сравнению с заявленным – характер, и причина здесь – не только острота политической борьбы и нехватка средств. Дело в другом: философским взглядам великого поэта был присущ, по суждению одного из наиболее компетентных интерпретаторов его наследия Д.И. Чижевского (1894–1977), «историософический антропоцентризм»: пафосом жизни Шевченко «было помещение человека в центр всего бытия, всего мира –

как природы и истории, так и всех сфер культуры...»¹. Столь яркий, последовательный, поистине безграничный антропоцентризм – главная черта всего творчества Шевченко, ведущее чувство его активности.

В то же время оказалось, что в более широких масштабах юбилей – лишь вежа в ширящихся рецепциях его богатого, не устаревающего мыслями наследия и все новых интерпретациях. Постараемся показать это с опорой на вводимую нами метафору пяти кругов таких рецепций и интерпретаций, равно как и на примеры восприятия поэта мирового значения народами Земли.

Весной 2014 года в английском Кембридже произошло знаменательное событие – одна из наиболее оживленных и протяженных улиц в его квартале Сиджук Сайт была названа именем украинского поэта: на английском (Taras Shevchenko Way) и украинском (Вулиця Тараса Шевченко) языках. Улица стала местом чтения стихов и исполнения песен на слова Шевченко в дни его юбилея, а в октябре 2014 года прошел – как бы по ее образцу – фестиваль «Дни Украины» в Лондоне, на которых фигура Шевченко занимала одно из центральных мест.

Тем самым один из наиболее знаменитых университетов мира, а вслед за ним и британская столица отдали дань великому поэту, художнику и мыслителю, труды которого, как считали участники проводимых празднеств, «привели к появлению одной из наиболее крупных стран Европы». Естественно, то, что с этой действительно крупнейшей пространственно европейской страной сегодня происходит, вовсе не сделало указанное событие некой конъюнктурной акцией. Дело в том, что интерес к жизни и судьбе Тараса Шевченко, его творчеству был в Великобритании, да и в других европейских, а затем и неевропейских странах, всегда.

Еще в 2008 г. факультет новых и средневековых языков Кембриджа учредил на кафедре славянских исследований отделение украинистики; в 2011 г. в аудиториях были вывешены копии работ Шевченко-художника, а изучение его поэтических трудов проводилось на украинском языке. Одним из главных мотивов этого научного подразделения стало удовлетворение потребности в академических исследованиях, включая необходимость понимания того, в силу каких причин «труды Тараса Шевченко устраняют барьеры между “востоком” и “западом”», как об этом говорил преподаватель указанной кафедры Р. Финнин. «С исключительно мощным чувством он [Шевченко] вы-

¹ Чижевський 2005. Т. 1. С. 124.

ступает за справедливость для всех угнетенных, извлекая важные моральные уроки из прошлого, переосмысляя отношения между человеческим и божественным в разломанном мире. Его уникальный голос в этом плане в новой европейской культуре звучит наиболее бескомпромиссно», – резюмировал он. И не случайно к празднованию юбилея Шевченко в Кембридже обращались не только филологи и литературоведы, но также представители юридического, исторического и теологического факультетов².

Стоит повторить – внимание к Шевченко в Британии далеко не конъюнктурно (хотя, конечно, политизированных версий истолкования его творчества достаточно и здесь). Еще при его жизни о творениях поэта англичане узнавали через бывших на острове революционеров А. Герцена и Н. Огарева, а затем М. Драгоманова и С. Кравчинского. Рассказывал о нем в художественных кругах и знаменитый негритянский трагик А. Олдридж. Труды о Шевченко начали появляться на страницах английской печати со второй половины 1870-х гг., и с того времени интерес к нему лишь возрастал. Англичанка Э. Войнич, автор знаменитого «Овода», знакомая со многими российскими революционерами и принимавшая участие в революционном движении на Украине, переводила уже с 1890-х гг. многие стихотворения Шевченко, подчеркивая их революционный пафос (в 1911 г. она издала сборник своих переводов, в предисловии к которому написала, что Шевченко является лириком мирового значения). И с начала XX века Шевченко из поля зрения достаточно широких литературных кругов в Англии не исчезал. Примечательна в этом плане фигура переводчика В. Рич: еще в конце 1950-х – в 20-летнем возрасте – она оставила свои занятия математикой ради переводов украинского поэта, занимаясь ими до своей кончины в самом начале нового века³.

И еще одно суждение Р. Финнина: «По моему мнению, например, Шевченко – великий мировой поэт, которого мир слишком часто игнорирует. Откуда берется такое игнорирование? Почему мир не знает больше о Тарасе Шевченко? Дело в том, что шевченковедение, как и украиноведение в более широком смысле не стало научной дисциплиной в Европе из-за того, что я называю мировой обратной галлюцинацией. Если галлюцинация – это видеть то, чего нет, то обратная галлюцинация – это не видеть то, что есть. Университеты в Европе не

² www.facebook.com/pages/Cambridge-ukrainian/studies/4993117303

³ Тарас Шевченко і європейська культура... С. 338.

замечают Украину, ее культуру, язык и литературу»⁴. Остается добавить, что в такой части Европы, как Россия, эта «обратная галлюцинация» проявляется еще в большей мере; более того, творчество Шевченко здесь не принимается во внимание, как говорится, «в упор». Политическая конъюнктура, в силу чего поэт как основоположник «украинского национализма», извращенно трактуется политической конъюнктурой. Но немалую роль в таком невнимании играет и эстетическая глухота, и нежелание входить в поднятую поэтом экзистенциальную проблематику, и общее понижение уровня восприятия соседних культур.

Да что там Россия... Как утверждала зав. отделом шевченковедения Института литературы им. Т.Г. Шевченко НАН Украины, В. Смилянская, в предъюбилейный год «и в нашем обществе присутствует своеобразная “шевченкофобия” (по определению И. Дзюбы). К сожалению, в Украине находятся люди, которые стремятся дискредитировать Шевченко с помощью разнообразных выдумок, неадекватных интерпретаций и передергиваний. Такие вещи унижают достоинство не только самого поэта, но и всей украинской нации»⁵. Следы этой «фобии» не исчезли и в юбилейный год.

Указанные факты значимы для рассмотрения означенной в названии статьи проблемы: ширящиеся рецепции и интерпретации творчества Шевченко в исторической ретроспективе и перспективе. Разные аспекты этой темы поднимались в трудах других исследователей⁶, в которых отмечалось, что Шевченко мыслил достижение свободы украинским народом совместно с национальным освобождением всех других – и не только славянских – народов из-под власти империй.

В целом данная тема может рассматриваться в проекции пяти концентрических кругов, которые обнаруживаются во многих истолкованиях его творчества – чисто литературоведческих, сугубо исторических, политологических и даже социально-философских. Постоянное обращение к отражаемым в них идеям необходимо во времена острых социальных трансформаций во всех странах мира. Рассмотрим ее с учетом того, что два из этих кругов – восточнославянский и общеславянский – нашли более полное отражение в других наших публикациях⁷, хотя те-

⁴ <http://qha.com.ua/v-kembridje-nachnut-izuchat-ukrainskii-yazik-i-kulturu-79559.html>.

⁵ <http://www.day.kiev.ua/ru/article/media/v-kembridzhe-sozdatut-sayt-o-tarase-shevchenko>

⁶ См.: Грабович 1998; Гриценко 1998; Забужко 2007.

⁷ Задорожнюк 2014 (а). С. 58-69.

кущие события даже не лет, а месяцев постоянно требуют возвращения к горьким прозрениям о судьбах украинства, славянства и европейства поэта, столь сильно пострадавшего за свои взгляды, равно как и к его не убиваемым любимыми страданиями надеждам.

Первый – всеукраинский – круг рецепций и интерпретаций соотносится с задачами консолидации самих украинцев. Задача уяснения сути взглядов Шевченко на это экзистенциально значимое для него дело (а поэт не боится возносить проклятия Богу, если он пренебрежет судьбой отчизны): «Я так, я так її люблю / Мою Україну убогу, / Що прокляну святого Бога, / За неї душу погублю!»⁸ (в русском переводе: «Я так, я так ее люблю / Украину, мой край убогий, Что прокляну святого бога, / И душу за нее сгублю!»⁹) не так проста, как кажется на первый взгляд, тем более что ее решению сопутствовала глубочайшая национальная самокритика, включая нелицеприятную характеристику всех слоев украинского общества. В первую очередь, критике подвергаются представители так и не определившейся в те времена элиты, однако достается и пассивным массам.

Едва ли следует с чрезмерностью эксплицировать эту самокритику на все слои современного украинского общества и особенно его элиты, забывающей и Бога, и Украину, и народ, но все же следует подчеркнуть: после Майдана фигура Шевченко не выставляется на первый план, а многие его идеи замалчиваются – более того, в самых разных слоях общества наблюдаются усиливающиеся признаки шевченкофобии.

Все же эта национальная самокритика чередуется у Шевченко с предельно искренними и находившими отклик у представителей любого социального слоя обращениями ко всем украинцам достичь национальной консолидации и последующего социального освобождения (надо сказать, что эти призывы находили широкие отклики сначала на Правобережной и Левобережной Украине, а затем в Галичине, на Волини и Буковине, даже в Закарпатье). По утверждению Д. Чижевского, высказанному в середине 1920-х гг., «Шевченко принимается и коммунистами (которые будут стыдливо искать “социальные мотивы” в поэзии Шевченко и объявлять его крестьянским или лучше поэтом “бедноты”, а то и “пролетарским” поэтом), и изгнанниками (хотя кое-кто из них будет искать оправдания для своего эстетического *права* (здесь и далее курсив в оригинале – Э. З.) обнаруживать Шевченко в своей “народнической”, или “марксистской”, или “гет-

⁸ Шевченко 1963. Т. 2. С. 42.

⁹ Шевченко 1948. Т. 2. С. 35.

манской” идеологии) и сознательными украинцами, и даже культурными москвофилами (Хотя последних я не желаю “прилучать” к украинцам)... *Шевченко объединяет всех* – и верных, и неверных сынов нации, и правых теоретически и политически, и неправых – ибо его проклятия неверным и неправым (с точки зрения Шевченко), возможны только через то, что и они, по его мысли, принадлежат к единству национального целого»¹⁰.

С самого начала 1840-х гг. интерес к поэзии Шевченко рос в той же Галичине постоянно. Парадоксально, однако ситуация складывалась так, что удовлетворялся он как через Москву, так и Петербург – местные культурные деятели просили русских ученых пересылать им его труды. Считается, что в культурном отношении Шевченко практически спас духовную жизнь в этом регионе Украины, на что указывалось в творениях М. Драгоманова, С. Ефремова, И. Франко и др. А когда во Львове 21–22 сентября 1848 года вспыхнуло вооруженное восстание, среди его участников стихи поэта звучали постоянно. Австрийский город Львов считался польским, но голос Шевченко был слышен и в чешском Брно. Тамошняя газета 21 декабря 1848 года писала: «Величавость, глубокое знание сердца человеческого, лиричность и терпкая ирония при мудром владении природным языком соединяются в его творениях и поступках в чудесную гармонию... Патриотические произведения Шевченка известны во всей Малой Руси и Украине и весьма способствуют пробуждению ее духа»¹¹.

Современные интерпретаторы творчества Шевченко подчеркивают, что ранее он духовно соединял Правобережную и Левобережную Украину, а ныне – ее Восток и Запад в условиях значимого для украинской идентичности кризиса. Выход же из этого кризиса все чаще связывается с приверженностью идеям Шевченко – если обратиться к стихотворению почитаемого им поэта Ф. Тютчева – о «спянной любовью», а не «железом и кровью» Украине.

Характерно, что две парижские газеты (*Journal des debats* и *Démocratie pacifique*) сообщили об аресте участников Кирилло-Мефодиевского общества, в основу идеологии которого была положена «Книга бытия украинского народа», и ссылке в солдаты Шевченко, который утверждал это бытие своим поэтическим творчеством; передовые французы уже тогда относились к нему с глубоким сочувствием¹². Генерал-

¹⁰ Чижевський 2005. Т. 2. С. 176.

¹¹ Жур 1996. С. 227.

¹² Там же. С. 198.

губернатор Бибииков заверял прибывшего осенью 1847 года в Киев Николая I, будто дело о Славянском обществе не имело в крае никакого развития, однако он пронизательно подчеркнул, что наибольший вред был принесен «сочинениями на простонародном языке, столько же и направлением к созданию никогда не бывшей украинской народности»¹³. Гражданский киевский губернатор Фундуклей повелел изымать все произведения Шевченко и других кирилло-мефодиевцев, а заодно и лояльных поэтов Гребинки и Щеголева из книжных лавок и училищ. Данное распоряжение выглядело запоздалым: запреты усиливали тяготение к литературе на «простонародном» языке уже не только в пределах империи. И в то время как поэт начал отбывать ссылку, а один провокатор (студент Петров) вызывал зависть другого (предателя кружка Петрашевского Антонелли) – тот большее вознаграждение получил за донос, но особую вредность стихов Шевченко признавали оба¹⁴ – стихи Шевченко получали все большее признание среди украинцев в другой империи – Австрийской.

Здесь лишь эскизно затрагивается проблематика первого круга, но дальнейшее изложение призвано показать, что она сущностно связана с проблематикой остальных кругов, и их игнорирование невозможно в принципе, если творчество Шевченко оценивать в полной мере, если искать ответ на вопрос, почему ему ставят памятники все в новых странах мира, если ориентироваться на всечеловеческую природу его творчества. Остается лишь отметить: ситуация складывалась и складывается так, что роль Шевченко в национальной консолидации следует освещать снова и снова, держа в поле зрения его значимое для всего человечества общегуманитарное содержание, его «историософический антропоцентризм».

Второй круг рецепции связан с идеей единства **восточнославянских** народов: русских, украинцев и белорусов. Данная тема нами уже освещалась, однако в ней необходимы новые поиски и акценты с учетом того, что культурное взаимодействие между ними характеризуется крайней противоречивостью, которая в принципе должна носить не столько деструктивный, сколько продуктивный характер – на началах комплементарности. Не следует забывать, к примеру, такого рода фактов: возвращаясь из ссылки российским императором в казахские степи, Шевченко писал в «Дневнике» о великих писателях рус-

¹³ Цит. по: Там же.

¹⁴ Дело петрашевцев... Т. 1. С. 406-407.

ской литературы: «наш великий Лермонтов», а о Герцене – «апостол наш, наш одинокий изгнанник»¹⁵.

Нами уже отмечалось, что «Кобзарь», действительно, стал декларацией бытия украинского народа, как об этом говорили еще современники Шевченко и повторяют сегодня исследователи и политики, «но в то же время он не смог бы вырасти без мощных влияний русской культуры, оказав на нее обратное и довольно сильное влияние»¹⁶. Это показано на материале анализа его русскоязычных произведений, включая «Дневник», но важнее другое: утверждается, что для русской литературы и культуры Шевченко выявил целый пласт, связанный с ощущениями подневольного (крепостного) крестьянства, чего не могли в такой же мере сделать ее представители, в основном дворяне. Примечательно в этом плане мнение украинского литературоведа В. Скуратовского: «Планетарное значение Шевченко в том, что он впервые в истории (и не литературы, а человечества) нарушил тысячелетнюю немоту угнетаемых... “Проклятьем заклеянные” всех стран, интернационал обездоленных и обиженных – от рабов первых классовых формаций до рабов позднейших формаций – впервые нашли своего выразителя»¹⁷.

В другой работе отмечалось: «200-летний юбилей Тараса Григорьевича Шевченко приходится на непростые времена отношений между украинским и русским народами, а также их культурами (по крайней мере, русские СМИ с начала 2014 г. об этом юбилее практически ничего не говорят). Вместе с тем обращение к творчеству гениального поэта, анализ его сущностных связей с русской культурой, в первую очередь, с русской классической литературой, доказывают, что без конструктивного взаимопонимания возможны не только крах культурных взаимоотношений, но и – как следствие – окончательная гибель (восточно)славянского мира. Это и демонстрирует фигура поэта, значимая для развития не только украинской, но и русской культуры, ибо не считаться с тем, что сделал Шевченко для культуры русской (и что сделала она для него), никак нельзя»¹⁸.

Остается добавить, что сегодня соответствующая тематика все в большей мере прячется в тени, отбрасываемой идеологическими стереотипами и политизированными клише. Таковых не избегают даже серьезные аналитики, тем самым отодвигая возможности продуктив-

¹⁵ Шевченко. 1963. Т. 5. С. 79, 150.

¹⁶ Задорожнюк (соавт) 2014. С. 184.

¹⁷ Цит. по: Там же. С. 173.

¹⁸ Задорожнюк 2014 (б). С. 125.

ного взаимодействия русской и украинской культур, единство которых характеризует творчество Шевченко, но и не только его.

Несколько отвлекаясь от темы, подчеркнем, что взаимонепонимание многих носителей этих двух культур (без приписывания виновности лишь одной стороне) – явление не новое. Вспомним знаменитый «бон мот» с «котом» и «китом» из «Белой гвардии», который «шутя» зафиксировал жесткое противостояние носителей украинского и русского языков. «Я позавчера спрашиваю этого каналью, доктора Курицкого, он, извольте ли видеть, разучился говорить по-русски с ноября прошлого года. Был Курицкий, а стал Курицкий... Так вот спрашиваю: как по-украински “кот”? Он отвечает “Кит”. Спрашиваю: “А как кит?” А он остановился, вытаращил глаза и молчит. И теперь не кланяется... Николка с треском захохотал и сказал: Слова “кит” у них не может быть, потому что на Украине не водятся киты, а в России всего много»¹⁹. Примечательно, что Булгаков вкладывает эту сентенцию в уста протагониста врача Турбина. И в пьесе «Дни Турбиных» данная ситуация разыгрывалась постоянно; весьма интересно, что Сталину пришлось запретить ее постановку в Москве под давлением группы украинских писателей, возглавляемых Л. Кагановичем. Стенограмма встречи²⁰ привела такие его слова в ответ на реплику украинского «вождя»: «Стало почти традицией в русском театре выводить украинцев какими-то дураками или бандитами... Насчет некоторых артистов, которые по-немецки говорят чисто, а по-украински коверкают. Действительно, имеется тенденция пренебрежительного отношения к украинскому языку». Заключительная же реплика Кагановича была такова: «Товарищи, давайте с “Днями Турбиных” кончим». Варламов не без лукавой проговорки прокомментировал: «Дух Симона Петлюры добил “Турбиных”»²¹.

Получается, что носителями этого духа являлись Каганович и не названные украинские писатели, может, и не столь талантливые, как Булгаков, но вскоре пострадавшие за свое украинство гораздо больше, чем он. По статистическим данным, не менее двух третей членов Союза украинских писателей были уничтожены. Уж лучше, на наш взгляд, отнести запреты на постановку за счет духа «кота», зловеще мяукнувшего в «Белой гвардии», но куда веселее шутившего в «Мастере и Маргарите»: один из ее героев Поплавский из Киева – подобно Булгакову –

¹⁹ Булгаков 1988. С. 46-47.

²⁰ Опубликована в: Варламов 2008. С. 238.

²¹ Там же. С. 441.

ринулся в Москву за квартирой, но оказался «неудачливым визитером», запутался с каким-то запросом и получил в свою очередь вопрос: «Я, кажется, русским языком спрашиваю, – сурово сказал кот, – дальше что?»²². И далее: «Ни о каких квартирах в Москве не мечтай»²³.

Остается, возвращаясь к теме статьи, задать вопрос: почему поэзия Шевченко была враждебно встречена передовой русской литературной критикой в лице В. Белинского? Консервативно ориентированные «Отечественные записки» до доминирования там Белинского и его более поздних инвектив (в письмах и не только) отмечали в рецензии на «Кобзаря»: «Зачем Шевченко пишет на малороссийском?» И позитивно отвечали: «А если г. Шевченко вырос в Малороссии?»²⁴. В 1860 г. те же, но только демократически ориентированные «Отечественные записки» снова одобрительно отметили выход «Кобзаря». Логику великого критика можно попытаться понять: только-только русская литература в лице А. Пушкина явила высоты духа и формы, совсем рядом начался ее гоголевский период (его зачинатель подзабыл свое такое милое «малороссийство»²⁵) – и вдруг появляется поэт, представляющий, казалось бы, преодоленную языковую стихию, да еще и пишущий на «примитивные» темы. Критики демократического толка, кроме того, чрезмерно увлекались немецкой философией, стремящейся ввысь, а здесь – обращение к гуще народной жизни. Неудивительно, что творения Шевченко, по их убеждению, не входили в рамки этой философии, поэтому их полнее и адекватнее оценивали критики консервативного лагеря, поначалу не замечавшие стихийного демократизма поэта.

Правда, более углубленные изыскания, проведенные львовским ученым Е. Нахликом, указывают: именно идеи Гегеля, адекватнее воспринятые едва ли первым в России М. Бакуниним (а именно его восторженный отзыв о Шевченко послужил для русского критика поводом нападков на украинского поэта), оказывали косвенное влияние и на творчество Шевченко по историософской схеме «первобытная воля – современный деспотизм – будущая свобода», даже несмотря на расхождения в интерпретациях указанной схемы²⁶.

До этого ленинградский литературовед Ю. Марголис наметил еще один пункт схождения идей Шевченко и Бакунина (совместно с А. Гер-

²² Булгаков 1988. С. 468.

²³ Там же. С. 469.

²⁴ Александровский 2012. С. 188.

²⁵ См.: Luckyj 1971. P. 91.

²⁶ Нахлік 2003. С. 270.

ценом): «Закон божий – документ Кирилло-Мефодиевского общества – пронизан идеей Гегеля о том, что любой народ имеет свое призвание в истории – идеей, перенесенной на украинскую почву»²⁷. Сколь бы ни ангажированным было суждение Марголиса: «Объективно революционно-демократическая концепция славянского единства, развиваемая Шевченко в 40-е гг. XIX века, была направлена против панславизма – как русского, так западноевропейского (одним из представителей которого был Ф. Палацкий)»²⁸ – большая доля истины в нем есть, и в этом плане Шевченко выступает как политический деятель, на что впервые указывал еще Герцен. Здесь уместно привести мнение еще одного приверженца философии Гегеля в марксистской ее интерпретации «Покойный Тарас Григорьевич принадлежит к числу самых крупных народных поэтов, какие только знает всемирная история литературы»²⁹.

Существует немало документальных свидетельств того, что Шевченко поддерживал напрямую белорусских писателей (с некоторыми из них он познакомился еще в 1839 г. в Петербурге), ориентировавшихся на поиск своей национальной идентичности, критикуя их за то, что они в своем творчестве уделяли недостаточное внимание собственно народному элементу (сам он проявлял большой интерес к белорусским песням; вспоминал он о Белоруссии в повести «Музыкант», в «Дневнике», в ряде писем).

В то же время неграмотные белорусские крестьяне пели песни на слова Шевченко, ничего не зная о нем, но ощущая запрос на усиление своей этнической идентичности через появление поэта, равного Шевченко. Эту миссию в той или иной степени осуществляли «шляхетские романтики» Я. Чечот, Т. Заблоцкий, В. Дунин-Марцинкевич, Ф. Богушевич; ближе к ней подошли М. Богданович и А. Гарун, но всего полнее ей соответствовал Я. Купала: достаточно вспомнить его пьесу «Тугэйшыя». Ее колеблющийся в поисках своей идентичности герой Микита Зносок предстает то «Никитием Зносиловым», то «Зносиловским», а трактующие фигуру белоруса западные и восточные ученые ведут столь же бесплодные споры, как и критикуемые Шевченко участники споров об украинской идентичности, ведущейся то от «моголов», то от «славян», но под диктовку «немца»³⁰.

М. Богданович еще в 1914 г. выпустил статью, в которой подчеркивал общечеловеческое значение творчества Шевченко, отмечая, что

²⁷ Марголис 1985. С. 68.

²⁸ Там же. С. 70.

²⁹ Плеханов 1923. С. 313.

³⁰ Купала 1989.

«в лице Шевченко мировая литература имеет поэта со стихом мелодичным и изящным, но с необыкновенной силой ритмов»³¹.

Традиция такого высокого оценивания и одновременно детально-го всматривания не прекращалась в течение всего столетия, а фигура Шевченко продолжает оставаться важной для укрепления национальной идентичности белорусов. Еще в 1885 г. писатель А. Ельский отмечал, что белорусская народная поэзия «молит о появлении белорусского Шевченко». Это меткое наблюдение свидетельствует, что роль поэта в становлении национальной идентичности нельзя недооценивать; о том, что поиск такой идентичности у белорусов имеет много схожего с подобным поиском у украинцев, писал Т.Г. Масарик³².

Третий – всеславянский – круг рецепций и интерпретаций особенно сложен – потому, что идея славянского единения постоянно трактовалось западным славянством крайне противоречиво. Шевченко безоговорочно выступал за нее, но у него были свои привязанности и отторжения: так, имели место антипольский пафос его произведений и своеобразное чехофильство (как, например, у Тютчева). Шевченко не вписывается в схему полонофобства и чехофильства. Целый ряд его произведений, а также контакты с представителями польского освободительного движения свидетельствуют о наличии у них общей направленности: дело социального освобождения решает и национальный вопрос. Конечно, большинство деятелей национального возрождения не разделяли «хлопомании», присущей меньшинству представителей этого движения. И все же они не могли не признать справедливости многих исторических наблюдений Шевченко и, говоря «А» – призывая к необходимости освобождения от имперского диктата Москвы – центра кнутогерманской империи, были вынуждены допускать необходимость и «Б» – шли на допущение национально-культурной самостоятельности украинского народа.

Что касается рецепции Шевченко в современной Польше, то обращение к кругу его мыслей просматривается постоянно. Так, еще в 1970 г. Е. Енджеевич назвал поэта «гениальным организатором сознания своего народа». Трактую Валуевский циркуляр 1863 года, он замечает: империя не смогла помешать Шевченко писать на родном языке – и тогда она решила запретить сам украинский язык³³.

³¹ Дружба народов. С. 223.

³² Задорожнюк 2013. С. 276.

³³ Jędrzejewicz 1970.

В предъюбилейные годы в ракурсе идеи славянского единения повышенный интерес вызвало сравнительно-литературоведческое исследование творчества эстетически близких писателей трех литератур – украинской (Т. Шевченко), польской (А. Мицкевич, частично – Ю. Словацкий, З. Красинский, Ю.-Б. Залесский) и русской (А.С. Пушкин, частично – М.Ю. Лермонтов). На этом общеславянском фоне по-новому осмыслена писательская и личная судьба Шевченко, его мировоззренческие и художественные искания³⁴. Особо подчеркивается, что в новом веке интенсифицируется диалог современного шевченковедения (шевченковедения) с пушкиноведением и исследованием жизни и творчества Мицкевича. При этом Нахлик отмечает, что в поэтическом видении Шевченко шла речь о том, чтобы украинцы, русские и поляки, равно как и представители других национальностей, были в первую очередь людьми (в гуманистическом смысле), а не о том, чтобы состоялась их полная унификация³⁵. Остается добавить, что эта идея релевантна для всех выделенных нами кругов: всеукраинского, восточнославянского и всеславянского.

Очень интересна продуктивность линии Шевченко – чехи, причем не только в поэтическом, но и в социально-философском отношении. Шевченко выступил – с некоторым запозданием – участником равноправного диалога с лидерами славянофильства: чехом В. Ганкой, а также словаками П. Шафариком и Я. Колларом. В истории идей его позиция относительно чешского вопроса на фоне общеславянского представляет яркую страницу. Еще до весны народов он, как и Бакунин, придерживался убеждения в возможности славянской федерации. В этом плане он, в его решении, отличался от Ф. Тютчева, который считал, что лучшим для чешского народа будет принятие православия и вхождение в Восточно-Римскую империю³⁶.

Идея славянской федерации была выражена не только в поэтическом творчестве Шевченко, но и в его политических устремлениях времен Кирилло-Мефодиевского братства; так или иначе она сохранилась на всем протяжении его творческой жизни. Рассмотрение этого рода мыслей и представлений, особенно во времена, когда славянскую идею стремятся (безуспешно) выбросить на свалку истории, не теряет своей кричащей актуальности. Но есть все основания утверждать, что выраженное в знаменитом «Еретике»: «Щоб усі слав'яне стали / Доб-

³⁴ Нахлік 2003. С. 9.

³⁵ Там же.

³⁶ Задорожнюк 2014 (в). С. 53.

рими братами», – вряд ли забудется в условиях глобализации и нивелирования этнических начал.

25 декабря 1846 года в квартире члена Кирилло-Мефодиевского общества Н. Гулака состоялось собрание с участием Шевченко. Обсуждались на нем вопросы о «будущей федерации славянских племен» (свидетельство Н. Костомарова) и о необходимости устранить в России монархическое правление, с чем соглашались не все члены Общества. Характерно, что именно на этом собрании Шевченко вручил братчику Н. Савичу поэму «Кавказ» для прямой передачи А. Мицкевичу в Париж, что он и сделал в 1847 г. Этот шаг в западноевропейском направлении совпал с высылкой Шевченко в направлении западноазиатском, в казахские степи³⁷.

Продолжим шире разворачивать метафору кругов, полнее излагая **четвертый круг – всеевропейский**. Он фиксируется многими шевченковедом, отмечавшими, что творчество поэта и художника еще до его ссылки находилось в поле зрения немцев и французов, а позже англичан, итальянцев, испанцев и представителей других – особенно борющихся за независимость – европейских народов.

В воспоминаниях А.О. Козачковского описан случай, когда 19 августа 1845 года именно этнический немец, а по вероисповеданию протестант на вечеринке произнес в адрес Шевченко: «“Оце батько. Єй-богу, хлопці, батько! Будь здоров, батьку!” – высоко поднимая бокал, и затем мы все его называли “батьком”»³⁸. А многие этнические немцы играли едва ли не определяющую роль в его судьбе: помещик П. Энгельгардт отказывался освободить его от крепостной зависимости, а художник К. Брюллов написал портрет В. Жуковского, чтобы добыть деньги для выкупа поэта из неволи. Немец В. Штернберг был одним из ближайших друзей Шевченко, а ученые, музыканты, художники из самой Германии постоянно находились в поле зрения украинского поэта. Что касается «німців», то впервые о поэме Шевченко «Гайдамаки» лейпцигский журнал написал еще в 1843 г., и с этого времени с поля зрения немецких и австрийских изданий его имя не исчезало. Примечательно, что именно немецкая газета «Die Glocke» («Колокол») еще в конце марта 1861 г. откликнулась на смерть Шевченко, поместив статью о нем с портретом³⁹. Лишь вслед за ней 1 апреля отозвался на печальное событие «Колокол» Герцена, напечатав вдобавок к некрологу

³⁷ Alwart 2012.

³⁸ Воспоминания о Тарасе Шевченко... 1988. С. 89.

³⁹ Жур 1996. С. 556.

прощальное слово А. Гончаренко на украинском языке (он же первым переведил стихотворения любимого поэта на английский язык и первым рассказал о нем на американском континенте в 1868–1869 гг.)⁴⁰.

Книг о Шевченко на немецком языке еще в XIX в. было больше, чем на каком-либо другом. В 1859 г. в Лейпциге (бывшем Липске, поселении полабских славян) вышел сборник «Новые стихотворения Пушкина и Шевченко», в котором впервые публиковались бесцензурные произведения поэта. В примечании к поэме «Кавказ» говорилось: «Стихи Шевченко – выражение всеобщих накопивших слез: не он плачет о Украине – она сама плачет его голосом»⁴¹. Издание получило широкий резонанс в Германии и в России, куда оно (а также отдельные оттиски его частей) доставлялось нелегально. А со времени смерти поэта интерес к его творчеству не угасал, причем с 1870 года оно подверглось академическому изучению в курсах литератур и энциклопедических изданиях. О нем издавались немецкоязычные монографии Й.-Г. Обриста и А. Йенсена⁴², но с 1918 по 1937 г. его творения не печатались, а книги и статьи появлялись эпизодически.

Эта традиция не прерывалась и в XX в., но она расщепилась на контрастирующие интерпретации в угоду политической конъюнктуре. К примеру, в Берлине в 1937 г. был издан сборник «Тарас Шевченко – український національний поет», статьи которого имели националистический характер, а переводы стихов отличались соответствующей ангажированностью⁴³. А в дальнейшем слова «Вражою злою кров'ю волю окропіте» можно было встретить на плакатах и листовках противостоявших воинских формирований – дивизии СС «Галичина» и войск украинских фронтов. Самое примечательное заключается в том, что, в соответствии с новейшими интерпретациями, эта «злая кровь» – признак не иного народа или эксплуататорского класса; скорее, это кровь, которая есть у каждого, и освобождение от которой, часто принимающее форму устоявшегося обычая – предпосылка подлинной и ориентированной на добро воли. Это толкование было зафиксировано украинским шевченковедом Л. Рудницким в 1982 г.⁴⁴ О. Забужко, продолжив намеченную им линию, писала уже в 1997 г.: «“вража кров” – это не “по-гайдамацки” пущенная в Днепр кровь “врагов” (говорили бы уж

⁴⁰ Зорівчак 1973.

⁴¹ Жур 1996. С. 470.

⁴² Шевченківський словник... 1978. Т. 2. С. 52.

⁴³ Там же. С. 51.

⁴⁴ Рудницький 1989. С. 41-50.

прямо – “врагов народа!”), и призыв “окропить” ею волно – не призыв к вооруженному восстанию, *так* (курсив в оригинале – Э. З.) истолкованный “Заповіт” – не более, чем ментальный палимпсест, где аутентичный текст Шевченко сглажен интеллектуальной инерцией тоталитарных дискурсов XX века. В сугубо шевченковском лексиконе нет “врага” классового или национального, а слово “вражий” обозначает то, что ему и надлежит обозначать в современном украинском языке: по “Словарю” Б. Гринченко – “чертов, чертовский, дьявольский”. “Вража” и “зла” кровь – просто синонимы... это кровь нездоровая, отравленная – кровь, как бы зачумленная грехом, причем это может быть грех как делом, так и помыслом»⁴⁵. Остается добавить, что четыре тома «Словаря украинского языка» были изданы Б.Д. Гринченко впервые в 1907–1909 гг., а у «тоталитарных дискурсов» оказалось куда более долгое дыхание, чем предполагалось в 1990-е годы.

И все же такие истолкования украинских шевченковедов правомерны, исходя из того, что творчеству и жизни Шевченко было присуще то, что названо нами «вертикалью нравственности»: его взгляд на человека исходил из наличия у него высших мотивов, а не детерминировался происхождением из какого-либо класса или нации⁴⁶.

Такие интерпретации «Заповіта» в аутентичном, христианском духе звучали задолго до того, как пролилась кровь украинцев. Сначала в столкновениях между демонстрантами и милицией (а ранее между прихожанами православной и греко-католической церковью) в течение 1990–2000-х гг., правда, с эпизодическими смертельными исходами, а затем – с юбилейного 2014 года – как раз с такими исходами, причем по всей Украине... Может, и поэтому число портретов Шевченко на площадях и в правительственных кабинетах уменьшается...

Если вернуться к рецепции творчества Шевченко в современной Германии, то можно отметить: в своей фундаментальной монографии политолог Ж. Альварт подчеркивает, что Шевченко немалую роль сыграл и 130 лет спустя после своей смерти в идейном обосновании новой украинской государственности⁴⁷. В числе современных исследований можно назвать и 600-страничную монографию немецкого языковеда, в которой отмечается ключевая роль поэта в создании украинского литературного языка – синтаксиса, лексики, морфологии даже фонологии (о

⁴⁵ Забужко 2007. С. 122-123.

⁴⁶ Подробнее см.: Задорожнюк. 2014 (а). С. 59.

⁴⁷ Alwart 2012.

том, насколько непроста эта задача, свидетельствуют малоудачные поиски такого языка в Галичине того времени)⁴⁸.

Рецепция французами творчества Шевченко поначалу шла через поляков. Еще в 1839 г. поэт сблизился с членами польского литературно-художественного кружка Р. Подберезского-Друцкого в Петербурге, а вскоре его имя стало известно полякам в эмиграции. В 1843 г. оно появляется на страницах «Тыгодника Петербургского», а после разгрома Кирилло-Мефодиевского общества – на страницах польской печати в Париже, Лейпциге, Вене. Именно поляк Е. Хоецкий опубликовал в журнале «Revue independante» (10.08.1847) статью о сравнительном изучении славянских языков, где едва ли не впервые упоминалось имя Шевченко, а поскольку ее автор был знаком с Жорж Санд, то через нее это имя стало известным и другим демократическим деятелям Франции.

В издаваемом консервативным аристократом А. Чарторыйским газете «Trzeci maj» (18.03.1848) Ф. Духиньский (выходец из Украины, пользовавшийся псевдонимом «Киевлянин») сочувственно упоминал о Шевченко, пытаясь эксплуатировать его имя в антимонархических целях и для восстановления Польши. Примечательно, что он при этом относил русских не к славянам (не отказывая в этой принадлежности украинцам), а к туранцам. Антиисторизм его взглядов был выявлен еще в начале 1860-х гг. Н. Костомаровым, а позже М. Драгомановым, хотя идеи Духиньского нашли «понимание» у многих французов, равно как и у К. Маркса и Ф. Энгельса⁴⁹.

Петрашевец Н. Момбелли, с которым Шевченко был знаком с 1844 г., свидетельствовал о том, что о деле кирилло-мефодиевцев говорил весь Петербург, что этих истинно благородных людей жалели все. «Шевченко, говорят, написал на малороссийском языке в стихах, воззвание к малороссиянам и отдал его какому-то французу Лесажу для напечатания в Лейпциге в большом количестве экземпляров»⁵⁰, – пишет он. Записки Момбелли не отличаются в этом плане точностью, а фамилия Лесажа не зафиксирована в «Шевченковском словнике». И все же помещение сведений о братстве и мятежных стихотворениях Шевченко в широкий европейский контекст имело место.

Шведская и финская печать восприняла творчество Шевченко относительно поздно – в самом конце XIX века, однако именно шведский ученый-славист А.А. Йенсен (1859–1921) опубликовал в 1909 г. в фин-

⁴⁸ Moser 2008.

⁴⁹ Заневский 2013. С. 61-74.

⁵⁰ Воспоминания о Тарасе Шевченко... 1988. С. 213.

ском журнале статью о героическом пафосе творений Шевченко – по его словам, «национального скальда», а в 1916 г. в Вене – фундаментальную монографию «Тарас Шевченко. Жизнь украинского поэта»⁵¹, не потерявшую до сих пор своего научного значения. Финские писатели опирались на идеи Шевченко, формируя национальную литературу.

Датский литературовед Г. Брандес (1842–1927), первый исследователь жизни и творчества Шевченко в датской литературе, выпустил в 1988 г. книгу «Русские впечатления». В опубликованном в ней очерке он назвал его «величайшим поэтом, которого дал миру украинский народ». Поэма «Гайдамаки» оценивалась датчанином как «великий исторический эпос», здесь же представлена биография и анализ творчества поэта, а также помещен редкий по убедительности и искренности портрет Шевченко.

Примечательным в рецепции творчества Шевченко норвежскими культурными кругами явилось то, что о нем было упомянуто впервые лишь в 1936 г., однако тамошние исследователи особенно подчеркивали борьбу украинского поэта за улучшение положения женщины, сравнивая его поэтические труды с пьесами Г. Ибсена.

В Испании имя Шевченко прозвучало – по сравнению с другими европейскими странами – достаточно поздно: только в 1877 г. в испанском просветительском издании был напечатан перевод статьи известного философа В.В. Лесевича и первые переводы. Но с тех пор интерес к нему не угасал, а 60 лет спустя после выхода статьи в интернациональной бригаде им. Я. Домбровского была сформирована рота имени Тараса Шевченко. Она активно участвовала в боях, и многие воины украинцы из числа эмигрантов погибли в гражданской войне 1936–1939 гг. С тех пор имя Шевченко привлекало к себе многих представителей испанской культуры, выступавших против диктатуры Франко.

В итальянской прессе имя Шевченко упоминалось еще при его жизни, а с 1870-х гг. при активном участии М. Драгоманова о нем появлялись статьи, в которых особо подчеркивалось, что национальный вопрос нельзя решить без вопроса социального, а также переводы. Многие исследователи сопоставляли поэму «Сон» Шевченко с «Божественной комедией» Данте. Немалое внимание в работах о Шевченко уделялось его живописному наследию.

Наконец, **пятый всечеловеческий** (глобальный) круг: исследования в этом направлении проводятся контурно, однако даже если

⁵¹ Jensen 1916.

ограничиваться биографией поэта и его эпизодическими упоминаниями о судьбах неевропейских народов, нельзя не признать: у него наличествовали способности к глубоко прочувствованной рецепции психологических особенностей всех народов и рас. Примечательно в этом плане восприятие судеб среднеазиатских этносов, с которым он контактировал в годы ссылки. Следы этого глубинного восприятия можно обнаружить в стихотворениях («Топор был за дверью у господ бога» и др.) и произведениях изобразительного искусства, письмах и «Дневнике». Остается добавить, что знаменитая верба, посаженная Шевченко близ Каспийского моря, растет и поныне, а имя поэта – даже с учетом того, что оно исчезло из названия большого города в Казахстане – пользуется широким уважением у среднеазиатских народов.

Шевченко интересовался ходом освободительного движения тайпинов в 1857 г. в Китае, а в его «Дневнике» от 6 сентября можно встретить слова одного из его лидеров, называвшего мандаринов – крупных китайских землевладельцев – «жирным убойным скотом». «Скоро ли, – вопрошал поэт, – во всеуслышание можно будет сказать про русских бояр то же самое?»⁵².

Шевченко многое знал об американской литературе, а также о таких исторических фигурах, как Б. Франклин и Дж. Вашингтон, равно как и об общественном устройстве США. Примечательна и такая запись в «Дневнике» А. Никитенко, в соответствии с которой в Киеве открыто «Общество, имеющее целью конфедеративный союз всех славян в Европе на демократических началах, наподобие Северо-Американских штатов. Имеют ли эти южные славяне какую-нибудь связь с московскими славянофилами – неизвестно»⁵³.

С поэтом встречался А. Церетели, который говорил о том, что в судьбе украинского и грузинского народов много общего. Поэт пел украинские песни Олдриджу, а тот ему негритянские. Сближало и то, что Шевченко затрудняли поездки по Украине, а Олдриджу нельзя было выступать на театральной сцене – негров туда не допускали. Дружба с Олдриджем и другими – свидетельство всечеловеческой отзывчивости Шевченко, его открытости всем народам.

Если произведения Л. Толстого стали известны его индийским читателям еще при жизни писателя, то с наследием Шевченко они познакомились лишь в 1950-е годы. Но его стихотворения и поэмы сразу же вошли в индийскую литературу на разных языках и получили высокую

⁵² Шевченко. 1963. Т. 5. С. 120.

⁵³ Никитенко. 1955. С. 304.

оценку. В немалой степени потому, что они имеют общечеловеческое содержание. На взгляд ученого и поэта Г. Хингамире, «поэт-гуманист, Шевченко на первое место выдвигает универсальные человеческие ценности». Он конкретизирует этот взгляд следующим наблюдением: «Со многих точек зрения “Наймичка” Шевченко напоминает рассказ об индийской жизни»⁵⁴. Действительно, рассказ о подбрасывании детей, их воспитании матерью-«чужаком» и предсмертном признании материнства есть еще в «Махабхарате» – там это делает мать одного из героев царевна Кунти⁵⁵. Остается добавить, что «свое» в произведениях Шевченко находят не только читатели Индии, но и большинство больших и малых неевропейских народов. Именно поэтому его произведения издавались и будут издаваться на самых разных языках.

Юбилей Шевченко отмечался по всему миру – от Австралии до Японии. В первой активное участие в нем приняли бывшие эмигранты – этнические украинцы. Они привезли интерес к поэту, как и в другой британский доминион Канаду, с конца XIX века, когда прибывали на новые для себя земли. К середине XX века интерес к творчеству Шевченко в Австралии вырос и среди других этносов, выходили его произведения и труды о нем не только на украинском языке. В 2014 г. в ходе празднеств звучали и ноты политизированного характера: потомки эмигрантов здесь, как и в большинстве стран, «лучше знают», что такое свобода для современной Украины и считают, что туда очень просто импортировать ценности демократии. Все же юбилей в Австралии был отмечен выпуском произведений Шевченко, многочисленными встречами, открытием памятных мест в честь поэта. Так, в Мельбурне была открыта выставка о Шевченко, а профессор из Италии Дж. Беркоф прочитала о нем в местном университете лекцию, в которой говорилось, что идеи украинского поэта повлияли на национально-освободительные движения в странах Европы, а затем всего мира.

Исключительно интересная судьбы творчества Шевченко в Японии – и она связана с именем человека, немало сделавшего для того, чтобы еще в 1989 г., как раз перед своей кончиной, выпустить одну из наиболее объемных в мире книгу стихов поэта. Еще в 1922 г. 17-летний Тайске Сибуйа познакомился с жизнеописанием Тараса Шевченко по трудам датчанина Г. Брандеса и П. Кропоткина (знаменательная переписка представителей второго, третьего и четвертого кругов). Уже в 1926 г. он опубликовал книгу «Голос полей», которую посвятил памяти

⁵⁴ Фурніка. 1989. С. 206.

⁵⁵ Там же. С. 223.

Шевченко, и которая была переведена на шесть языков. Сибуя писал в эссе «Моя встреча с Шевченко», что украинский поэт из беднейшего крестьянства «стал его судьбой и одновременно университетом» и что именно его творчество помешало японскому юноше превратиться в «литературного поденщика и наемного писаку»⁵⁶. Действительно, Сибуя стал активным общественным деятелем, с 1926 г. он выпускал газету «Самоуправление крестьян», с 1930 г. – «Крестьянская борьба», вдохновляясь жизнью, творчеством и судьбой Шевченко. В 1937–1945 гг. он подвергался арестам и заключению, а после войны стал членом президиума Всеяпонского союза кооператоров. Именно Сибуя организовал Японское товарищество изучения Шевченко, которое проводило десятки конференций, выпускало труды поэта, организовывало празднества в его честь. В 2014 г. эти празднества приобрели в стране особенно широкий размах.

Характеризуя пятый круг рецепции творчества Шевченко, нельзя не признать справедливости современного ведущего специалиста по его творчеству: «По существу, Шевченко едва ли не первым так принципиально поднялся над рутинным делением народов на великие и малые, исторические и неисторические, цивилизационные и нецивилизационные, – “снял” это деление обращением к священному праву каждого народа устраивать свою жизнь... На высоте этой истины и этого мироощущения он отбросил европоцентричную и христианскоцентричную картину мира – хотя одновременно подоснову для отбрасывания этого “геополитического” христоцентризма ищет у самого Христа»⁵⁷. Поэму Шевченко «Кавказ» сегодня могли прочесть в качестве «своего» текста многие народы Азии, Африки и Латинской Америки, выступающие в защиту своего национального своеобразия. И совсем не случайно в 1961 г. Всемирный совет мира выступил с инициативой отметить 100-летие со дня смерти Шевченко – когда интенсивно шел процесс освобождения колониальных народов.

Литературовед Е. Нахлик отмечает: «Поэт решительно отказывался принимать просветительскую концепцию, в соответствии с которой все народы идут один за другим в однолинейном прогрессе человечества, отбрасывал доктрину окультуривания менее развитых народов более развитыми, навязывания первым несвойственной модели. Пушкин же, наоборот, руководствовался этими просветительски-рационалистическими представлениями в своем подходе к изображе-

⁵⁶ Венюк России Кобзарю... С. 11.

⁵⁷ Дзюба 2005. С. 358.

нию кавказских и среднеазиатских народов (не отказываясь при этом от романтического любования экзотикой первобытных этносов), но неоднозначно относился к проблеме европеизации самой России, заботясь о сбережении ее национальной самобытности»⁵⁸. А поскольку Шевченко – выходец из крепостного сословия, то национальное угнетение усугублялось для него социальным неравенством. Отсюда его страстная ненависть к институту царствования, причем из древних времен: антипатию к российским самодержцам он распространял до княжеских времен (казус Рогнеды) и на все народы (если вспомнить, как он страстно обличал библейских царей).

Вторя суждениям украинских исследователей, Р. Финнин пишет: «Уже давным-давно Тарас Шевченко был помещен на гранитные пьедесталы как в первую очередь украинский народный поэт. В Кембридже мы воспринимаем его как поэта глобального масштаба и значения, которому пришлось родиться украинцем. По-новому используя свой родной язык, он сравним по мощи вдохновения с Бернсом. В пронизанном духовностью лиризме он столь же тонок как Рильке. Его мистицизм может быть сравним с глубинами Блейка. И в своем гуманизме он столь же всеохватен, как Тагор. Эта сложность его творчества может отпугивать, но наши студенты этим не уstraшаются»⁵⁹. Поэтому памятники Шевченко воздвигали и будут воздвигать везде – сравнительно недавно в Варшаве; он один из лучших послов Украины, которая по многим причинам сегодня не страдает шевченкоцентризмом.

Рожденный крепостным, он глубоко усвоил народную культуру и затем сверял ее с мировой; будучи сиротой, он обрел независимость характера; служа у пана, познакомился с Европой; будучи в ссылке, занимался учеными изысканиями; измученный ссылкой, он не сдался принципу самодержавия и не пошел ни в украинщину (как Кулиш), ни в революционщину (как Чернышевский). На границе Украины Левобережной и Правобережной Шевченко родился, на границе Польши и России (в «Вильне, городе преславном») он обретал мастерство художника, на границе России и Европы (в Петербурге) освободился от крепостной зависимости, на границе Европы и Азии принял муку ссылки, на границе (тот же Петербург) и умер. 200-летие со дня его рождения – новый шанс для взаимопонимания народов – и не только славянских – в самые усложняющиеся времена.

⁵⁸ Нахлік 2003. С. 240.

⁵⁹ www.facebook.com/pages/Cambridge-ukrainian/studies/4993117303

БИБЛИОГРАФИЯ

- Александровский И.С. «Украинский вопрос» на страницах периодической печати второй четверти XIX века // Русские об Украине и украинцах. СПб.: Алетейя, 2012. 456 с.
- Булгаков М. Белая гвардия. Мастер и Маргарита. Минск: Мастацкая літаратура. 1988. 670 с.
- Варламов А. Н. Михаил Булгаков. М.: Молодая гвардия. 2008. 840 с.
- Венок России Кобзарю. №5. 7 марта 2014. URL: http://ukroglyad.com/avatar/venok_grossii_kobzarju-5_gotov.pdf
- Воспоминания о Тарасе Шевченко. Киев: Дніпро. 1988. 606 с.
- Грабович Г.Ю. Шевченко як міфотворець - Поет як міфотворець. Семантика символів у творчості Тараса Шевченка. Київ: Радянський письменник, 1998. 211 с.
- Гриценко О.А. Своя мудрість. Національні міфології та «громадянська релігія» в Україні. Київ: УЦКД, 1998. 184 с.
- Дело петрашевцев. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 1. 620 с.
- Дзюба І. Тарас Шевченко. Київ: Альтернативи, 2005. 702 с.
- Дружба народов, 1961. № 5.
- Єнджеєвич С. Українські ночі, або Родовід генія. Львів: Атлас, 1997. 443 с.
- Жур П.В. Труды и дни Кобзаря. Л.: Люберецкая газета. 1996. 568 с.
- Забужко О. Шевченко міф України. Спроба філософського аналізу. 4-е видання. Київ: Факт, 2007. 148 с.
- Задорожнюк Э. Т.Г. Масарик и восточноевропейские культуры: «Россия и Европа» – до и после // Беларусь, Расія и Україна: диялог народаў і культур. Гродна: ЮрСаПрынт, 2013. 424 с.
- Задорожнюк Э.Г. (соавт.). Русской земли человек замечательный». К 200-летию юбилею Т.Г.Шевченко // Свободная мысль, 2014. № 2.
- Задорожнюк Э.Г. Тарас Григорьевич Шевченко и идея славянского единения // Славяноведение, 2014. № 6.
- Задорожнюк Э.Г. Т.Г. Шевченко и русская культура: непрестанное взаимное обогащение // Славянский мир в третьем тысячелетии. Человек, общество, народ в истории, языке и культуре. Серийное издание. Отв. ред. Е.С. Узенева. М.: ИСЛ РАН, 2014. 360 с.
- Задорожнюк Э.Г. Ф.И.Тютчев и Ф. Энгельс о судьбах славянства // Вопросы истории, 2014. № 1.
- Заневский С. Образ польской шляхты и русского дворянства в творчестве Ф.Г. Духиньского // Беларусь, Расія, Україна: диялог народаў і культур. Гродна, 2013.
- Зорівчак Р. Піонер англомовної Шевченкіани // Всесвіт, Київ. 1973. № 3.
- Купала Я. Паэмы. Драматычныя творы. Мінск: Мастацкая літаратура. 1989. 272 с.
- Марголис Ю.Д. Проблема единения славянских народов в политической программе Т.Г. Шевченко // Вестник Ленинградского университета, Л.: ЛГУ. 1985. № 14.
- Нахлік Є.К. Доля – Los - Судьба: Шевченко і польські та російські романтики. Львів: Світ, 2003. 568 с.
- Никитенко А.В. Дневник в 3 томах. Т. 1. М.: Госиздат «Художественная литература», 1955. 542 с.
- Плеханов Г. Сочинения. Т. 4. М.; Пг.: Госиздат, 1923. 642 с.
- Рудницький Л. «А до того – я не знаю Бога». Ключ до духовного світу поета // Сучасність. Література, мистецтво, суспільне життя. Мюнхен, 1989. Ч. 5 (337). С. 41-50.

- Скуратівський В. Шевченко в контексті світової літератури // Дивослово, Київ, 2003.
- Тарас Шевченко і європейська культура. Київ - Черкаси. 2001. 253 с.
- Фурніка В.П. Кобзар за Гімалаями. Київ: Дніпро. 1989. 311 с.
- Чижевський Д.І. Нариси з історії філософії на Україні // Чижевський Д. Філософські твори у 4-х тт. Під заг. ред. В. Лісового. Т. 1. Київ: Смолоскип, 2005. 402 с.
- Чижевський Д.І. Між інтелектом і культурою: дослідження з історії української філософії // Чижевський Д. Філософські твори у 4-х тт. Під заг. ред. В. Лісового. Т. 2. Київ: Смолоскип, 2005. 264 с.
- Шевченківський словник: У двох томах / Інститут літератури імені Т. Г. Шевченка Академії Наук УРСР. Київ: Головна редакція УРЕ, 1978. Т.1. 416 с.; Т. 2. 419 с.
- Шевченко Т. Собрание сочинений в пяти томах. М.: ОГИЗ. Т. 2. 1948. 426 с.
- Шевченко Тарас. Повне зібрання творів в шести томах. Т. 2. Поезії. 1847-1861. Київ: Видавництво Академії наук УРСР. 1963. 632 с.
- Шевченко Тарас. Повне зібрання творів у шести томах. Т. 5. Щоденник. Автобіографія. Київ: Видавництво Академії наук УРСР. 1963. 366 с.
- Alwart J. Mit Taras Ševčenko Staat machen. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik in der Ukraine vor und nach 1991. Köln: Böhlau Verlag, 2012. 217 s.
- Jędrzejewicz J. Noce Ukraińskie, albo Rodowód Geniusza. W-wa: Ludowa spółdzielnia wydawnicza, 1970. 619 s.
- Jensen Alfred A. Taras Schewtschenko. Ein Ukrainisches Dichterleben. Literarische Studie von Dr. Alfred Jansen. Wien: Verlag Adolf Holzhausen. 1916. 190 s.
- Luckyj George S.N. Between Gogol and Shevchenko: Polarity in the Literary Ukraine 1798-1847. Muenchen: Wilhelm Fink Verlag, 1971. 210 p.
- Moser M. Taras Ševčenko und die moderne ukrainische Schriftsprache – Versuch einer Würdigung. München: Universitas Libera Ucrainensis, 2008. 453 S.
- URL: www.facebook.com/pages/Cambridge-ukrainian/studies/4993117303
- URL: <http://qha.com.ua/v-kembridze-nachnut-izuchat-ukrainskii-yazik-i-kulturu-79559.html>.
- URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/media/v-kembridzhe-sozdatut-sayt-o-tarase-shevchenko>

REFERENCES

- Aleksandrovskii I.S. «Ukrainskii vopros» na stranitsakh periodicheskoi pečati vtoroi chetverti KhKh veka // Russkie ob Ukraine i ukrainskikh. SPb.: Aleteiya, 2012. 456 s.
- Bulgakov M. Belaya gvardiya. Master i Margarita. Minsk: Mastatskaya litaratura. 1988. 670 s.
- Varlamov A. N. Mikhail Bulgakov. M.: Molodaya gvardiya. 2008. 840 s.
- Venok Rossii Kobzaryu. №5. 7 marta 2014. URL: http://ukrogljad.com/avatar/venok_rossii_kobzarju-5_gotov.pdf
- Vospominaniya o Tarase Shevchenko. Kiev: Dnipro. 1988. 606 s.
- Grabovich G.Yu. Shevchenko yak mifotvorets' - Poet yak mifotvorets'. Semantika simvoliv u tvorchosti Tarasa Shevchenka. Kiiv: Radyans'kii pis'mennik, 1998. 211 s.
- Gritsenko O.A. Svoya mudrist'. Natsional'ni mifologii ta «gromadyans'ka religiya» v Ukraïni. Kiiv: UTsKD, 1998. 184 s.
- Delo petrashevtsev. M.–L.: Izd-vo AN SSSR, 1937. T. 1. 620 s.
- Dzyuba I. Taras Shevchenko. Kiiv: Al'ternativi, 2005. 702 s.
- Druzhba narodov, 1961. № 5.
- Endzheevich С. Ukraïns'ki nochі, abo Rodovid geniya. L'viv: Atlas, 1997. 443 s.

- Zhur P.V. Trudy i dni Kobzarya. L.: Lyuberetskaya gazeta. 1996. 568 s.
- Zabuzhko O. Shevchenkiv mif Ukraïni. Sproba filosofsk'ogo analizu. 4-e vidannya. Kiïv: Fakt, 2007. 148 s.
- Zadorozhnyuk E. T.G. Masarik i vostochnoevropskie kul'tury: «Rossiya i Evropa» - do i posle // Belarus', Rasiya i Ukraïna: dyalog narodoï i kul'tur. Grodna: YurSaPrynt, 2013. 424 s.
- Zadorozhnyuk E.G. (soavt.). Russkoi zemli chelovek zamechatel'nyi». K 200-letnemu yubileyu T.G.Shevchenko // Svobodnaya mysl', 2014. № 2.
- Zadorozhnyuk E.G. Taras Grigor'evich Shevchenko i ideya slavyanskogo edineniya // Slavyanovedenie, 2014. № 6.
- Zadorozhnyuk E.G. T.G. Shevchenko i russkaya kul'tura: neprestannoe vzaimnoe obogashchenie // Slavyanskii mir v tret'em tysyacheletii. Chelovek, obshchestvo, narod v istorii, yazyke i kul'ture. Seriinoe izdanie. Otv. red. E.S. Uzeneva. M.: ISI RAN, 2014. 360 s.
- Zadorozhnyuk E.G. F.I.Tyutchev i F. Engel's o sud'bach slavyanstva // Voprosy isto-rii, 2014. № 1.
- Zanevskii S. Obraz pol'skoi shlyakhty i russkogo dvoryanstva v tvorchestve F.G. Dukhin'skogo // Belarus', Rasiya, Ukraïna: dyalog narodoï i kul'tur. Grodna, 2013.
- Zorivchak R. Pioner angломovnoï Shevchenkiani // Vsesvit, Kiïv. 1973. № 3.
- Kupala Ya. Paemy. Dramatychnyya tvory. Mïnsk: Mastatskaya litaratura. 1989. 272 s.
- Margolis Yu.D. Problema edineniya slavyanskikh narodov v politicheskoi programme T.G. Shevchenko // Vestnik Leningradskogo universiteta, L.: LGU. 1985. № 14.
- Nakhlik E.K. Dolya – Los - Sud'ba: Shevchenko i pol'ski ta rosiis'ki romantiki. L'viv: Svit, 2003. 568 s.
- Nikitenko A.V. Dnevnik v 3 tomakh. T. 1. M.: Gosizdat «Khudozhestvennaya literatu-ra», 1955. 542 s.
- Plechanov G. Sochineniya. T. 4. M.; Pg.: Gosizdat, 1923. 642 s.
- Rudnits'kii L. «A do togo – ya ne znayu Boga». Klyuch do dukhovnogo svitu poeta // Su-chasnist'. Literatura, mistetstvo, suspil'ne zhittya. Myunkhen, 1989. Ch. 5 (337). S. 41-50.
- Skurativ'skii V. Shevchenko v konteksti svitovoï literaturi // Divoslovo, Kiïv, 2003.
- Taras Shevchenko i evropeis'ka kul'tura. Kiïv - Cherkasi. 2001. 253 s.
- Furnika V.P. Kobzar za Gimalayami. Kiïv: Dnipro. 1989. 311 s.
- Chizhevs'kii D.I. Narisi z istorii filosofii na Ukraïni // Chizhevs'kii D. Filosofsk'ki tvori u 4-kh tt. Pid zag. red. V. Lisovogo. T. 1. Kiïv: Smoloskip, 2005. 402 s.
- Chizhevs'kii D.I. Mizh intelektom i kul'turoyu: doslidzhennya z istorii ukrains'koï filosofii // Chizhevs'kii D. Filosofsk'ki tvori u 4-kh tt. Pid zag. red. V. Lisovo-go. T. 2. Kiïv: Smoloskip, 2005. 264 s.
- Shevchenkiv'skii slovnik: U dvokh tomakh / Institut literaturi imeni T. G. Shevchenka Akademii Nauk URSR. Kiïv: Golovna redaktsiya URE, 1978. T.1. 416 s.; T. 2. 419 s.
- Shevchenko T. Sbranie sochinenii v pyati tomakh. M.: OGIZ. T. 2. 1948. 426 s.
- Shevchenko Taras. Povne zibrannya tvoriv v shesti tomakh. T. 2. Poezii. 1847-1861. Kiïv: Vidavnitstvo Akademii nauk URSR. 1963. 632 s.
- Shevchenko Taras. Povne zibrannya tvoriv u shesti tomakh. T. 5. Shchodennik. Avtobiografiya. Kiïv: Vidavnitstvo Akademii nauk URSR. 1963. 366 s.
- Alwart J. Mit Taras Ševchenko Staat machen. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik in der Ukraine vor und nach 1991. Köln: Böhlau Verlag, 2012. 217 s.

- Jędrzejewicz J. Noce Ukraińskie, albo Rodowód Geniusza. W-wa: Ludowa spółdzielnia wydawnicza, 1970. 619 s.
- Jensen Alfred A. Taras Schewtschenko. Ein Ukrainisches Dichterleben. Literarische Studie von Dr. Alfred Jansen. Wien: Verlag Adolf Holzhausen. 1916. 190 s.
- Luckyj George S.N. Between Gogol and Shevchenko: Polarity in the Literary Ukraine 1798–1847. Muenchen: Wilhelm Fink Verlag, 1971. 210 p.
- Moser M. Taras Ševčenko und die moderne ukrainische Schriftsprache – Versuch einer Würdigung. München: Universitas Libera Ucrainensis, 2008. 453 S.
- URL: www.facebook.com/pages/Cambridge-ukrainian/studies/4993117303
- URL: <http://qha.com.ua/v-kembridje-nachnut-izuchat-ukrainskii-yazik-i-kulturu-79559.html>.
- URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/media/v-kembridzhe-sozhdadut-sayt-o-tarase-shevchenko>

Задорожнюк Элла Григорьевна, доктор исторических наук, зав. Отделом современной истории и социально-политических проблем стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН; elzador46@mail

Works by Taras Shevchenko: Growing reception and interpretations

The article analyses the growing number of receptions and interpretations of the works by Taras Shevchenko in historical retro- and perspective. It is shown that there are five circles of interpretations – all-Ukrainian, Eastern-Slavic, all-Slavic, European and global ones. The first was oriented towards the consolidation of Ukrainian nation, the second embraces Ukrainian and Russian cultures and complimentary ones, the third is focused on the Czech-phililia and Polonophilia, together with Shevchenko's friendship with Poles. The fourth and the fifth circles imply the growing interest towards Shevchenko in Europe and on the global scale. The celebrations of the 200th anniversary of the poet in various countries are discussed, as well as the ideas of his place in the history of culture.

Keywords: history of ideas, 200th anniversary of Taras Shavcheko, anthropocentrism, cultural codes, dialogue of nations, national self-criticism.

Ella Zadorozhnyuk, Dr Sc. (History), Head of the Department of Contemporary History of Central and South-Eastern Europe, the Institute of Slavic Studies, RAS; elzador46@mail

И. Р. ЧИКАЛОВА

ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА НОВИКОВА

**«НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ АГЕНТ РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА»
В ЛОНДОНЕ**

Статья продолжает серию публикаций автора, посвященных жизни и творчеству забытых российских дореволюционных англоведов – ученых и публицистов. В фокусе исследовательского интереса личность незаурядной женщины – Ольги Алексеевны Новиковой (1840–1925), практически постоянно с 1875 г. проживавшей в Лондоне, имевшей там популярный в интеллектуальных кругах салон и быстро приобретшей у английской публики репутацию «негласной представительницы России», у политических оппонентов – «члена парламента от России» (Б. Дизраэли), у открытых недругов – «неофициального агента русского правительства в Лондоне» (К. Маркс) и даже – «платного агента русского царизма» (Ф. Энгельс). Показана роль О.А. Новиковой в противодействии русофобским настроениям в Лондоне, в нейтрализации угрозы для России со стороны одной из могущественных стран-соперниц и в улучшении имиджа самой России в Англии. Ее успех в продвижении российских интересов в Англии во многом был предопределен ее личным влиянием на У. Гладстона. Как представительница «слабого пола», не занимая никаких официальных постов в соответствии с устоявшимся паттерном в отношении женщин, самим фактом своего существования и своей способностью привлекать к себе лучшие умы времени Ольга Новикова бросала вызов традиционным представлениям о невозможности для женщин влиять на политическую мысль и практику.

Ключевые слова: *Новикова Ольга Алексеевна, славянофильство, Россия, Англия, Лондон, русофобия, «восточный вопрос», Уильям Гладстон, Уильям Томас Стед.*

В 2015 г. исполняется 175 лет со дня рождения и 90 лет со дня смерти Ольги Алексеевны Новиковой (1840–1925). «Негласная представительница России», «неофициальный агент русского правительства», «член парламента от России», «величайшая разведчица», «русская Лорелея», мелодичный голос которой увлекал британских политиков¹, – такими эпитетами, окрашенными в диаметрально противоположные, от восторженных до уничижительных, тона, сопровождалось при жизни имя Ольги Алексеевны. «Для России, – писал составитель книги ее воспоминаний и переписки, знаменитый журналист У. Стед, – никто из заграничных политиков не сделал столько в наше время и не будет помянут с такой благодарностью будущими поколениями. Защищать характер и оправдывать политику государ-

¹ Депутат от России. [Т. 1]. 1909. С. П.

ства в самом лагере его непримиримых врагов редко приходится мужчине, и никогда не случалось, чтобы за это взялась женщина. Но Ольга Алексеевна взяла это на себя, и никогда высокий долг не исполнялся более блестяще, добросовестнее и совершеннее»².

Уникальная личность, о которой при жизни слагались легенды и издавались книги, имя Новиковой оказалось на долгие годы преданным глухому забвению. В советское время лишь сухая заметка в «Дипломатическом словаре» напоминала о ее бурной деятельности на благо укрепления имиджа России в Англии³. И только в последние годы в русле расширяющегося интереса к забытым именам забвение постепенно стало преодолеваться. В 2009 г. широкому читателю стала доступна пролежавшая много лет в архиве ИРЛИ РАН рукопись «В лондонском салоне О.А. Новиковой» крупных российских историков литературы М.П. Алексеева и Ю.Д. Левина⁴.

Сложные переплетения политических связей и закулисных отношений Ольги Алексеевны нуждаются в восстановлении в полном объеме. Ее крестным отцом, как и ее братьев Александра и Николая, был Николай I. Она родилась в семье помещика, гвардейского офицера Алексея Николаевича Киреева, в детстве воспитывавшегося под руководством шотландца Бакстера – будущего депутата Палаты общин и младшего министра в первом правительстве Гладстона, и одной из первых московских красавиц, хозяйки салона Александры Васильевны Алябьевой, о которой известный философ и юрист Б.Н. Чичерин заметил: «Она любила в своей гостиной соединять ученых и литераторов, и сама желала блистать своим образованием»⁵. Их дом в Москве был любимым местом встреч славянофилов. И в то же время оба супруга были большими англофилами, что было органично присуще раннему славянофильству. Они прекрасно знали английский язык и использовали его в личной переписке.

Славяно- и англофильство родителей впитали в себя и дети, в том числе и Ольга. Известно, что она получила блестящее домашнее образование, включившее знание иностранных языков – английского, французского, немецкого, с юности интересовалась литературой, историей, изобразительными искусствами. Все это наряду с неподдельным интересом ко всем сторонам политики, исключительной коммуникабельно-

² Там же. Т. 2. 1915. С. 220.

³ Дипломатический словарь. Т. 2. 1950. С. 251.

⁴ Алексеев, Левин 2009. С. 513-579.

⁵ Чичерин 1929. С. 56.

стью, тягой к обретению особого положения в литературном мире и знатным происхождением предопределило круг ее дружеского общения, включавший множество известных писателей, политиков, ученых, с которыми она поддерживала переписку⁶.

В 1860 г. Ольга Киреева вышла замуж за брата писателя и дипломата Е.П. Новикова Ивана Петровича Новикова, впоследствии генерала, состоявшего при великом князе Николае Николаевиче, и родила единственного сына Александра. Многочисленные знакомства среди выдающихся умов европейской политики, науки и искусства благодаря посещениям Вены (где она даже жила некоторое время в начале 1870-х гг.), Парижа и Мариенбада, обширная корреспонденция на трех языках по самым разнообразным вопросам церковной, общественной и культурной жизни – все это давало Новиковой не только интенсивный интеллектуальный обмен, расширяло кругозор, но и, вероятно, создавало ощущение собственной значимости. Одним из важных «приобретений» молодой Новиковой стало знакомство с британским послом в Петербурге лордом Непиром, беседы с которым по вопросам международной политики и, особенно, о возможных путях развития ситуации в Царстве Польском в связи с восстанием 1863–1864 гг. оказали на нее довольно сильное влияние.

Страстная патриотка, она была совсем еще неопытна в политических вопросах, но оставаться равнодушной не могла, ведь ее старший брат Александр состоял при великом князе Константине – брате императора и наместнике в Царстве Польском. И именно тогда, впервые после окончания Крымской войны, Англия стала угрожать войной России. Британская пропаганда утверждала, что в Польше происходит демократическая революция, направленная против тирании русского царя, а правительство Великобритании обратилось к европейским державам с приглашением принять участие в давлении на Россию с целью вынудить ее пойти на уступки. С этого момента Новикова стала глубоко интересоваться политическими вопросами, а ее «наставник» в делах международной дипломатии лорд Непир после отъезда в Англию стал ее постоянным корреспондентом и близким другом, с которым впоследствии она регулярно виделась в Лондоне. Одно из писем Непира, адресованное Новиковой, содержало слова, которые повлияли на всю ее последующую деятельность: «Англичане вообще противники России. Англичане должны привыкнуть слышать хорошие отзывы о России постепенно. Англичане очень упорны в своей злобе. Это

⁶ Алексеев, Левин 2009. С. 552.

свойство нашей нации, и его надо признать и с ним надо сообразовываться. Лучший комплимент, который я могу сделать русским, это сказать им правду». Эти слова произвели на Новикову сильное впечатление. Ее возмущало упорное озлобление Англии к России, и «она поставила себе главной задачей приучить англичан постепенно слышать хорошие и правдивые отзывы о России»⁷.

В британском же обществе на протяжении большей части правления королевы Виктории господствовали русофобские настроения, естественно усугублявшиеся в периоды обострения конфликтов интересов и открытых столкновений. Россия была конкурентом, и русофобия конструировалась искусственно. Образ врага из России создавался прессой, направляемой политической элитой, с единственной целью – добиться устранения экономического и политического конкурента в Европе. Одним из ярких ее идеологов в 1850–1860-х гг. был публицист Дэвид Уркхарт, фанатично настроенный против всего связанного с Россией. Даже русских политических эмигрантов он обвинял в том, что они выполняют функции царских шпионов. Герцен, который, объективности ради отмечу, и сам не любил англичан («англичане просто низшая порода людей, они положительно глупы и удивительно дурно воспитаны»⁸), писал в одном из своих писем: «когда появляются сбежавшие из Бедлама сумасшедшие, вроде Уркхарта, который утверждает, что все русские – царские агенты, <...> то нечего удивляться, если и вам бросают обвинения»⁹. Черту под отношение англичан к русским в 1868 г. подвел беллетрист П.Д. Боборыкин: «англичане нас не любят вообще, то есть в массе»¹⁰.

Были в среде британской элиты и русофилы, и то, что их количество росло, во многом стало заслугой неумемной энергии и усилий Ольги Алексеевны, быстро приобретшей у английской публики репутацию «негласной представительницы России». Впервые Новикова прибыла в Лондон в 1868 г. и сразу же получила приглашение посетить русское посольство, поскольку барон Ф.И. Бруннов – российский посол в Англии – был лично знаком с ее матерью. Приехав в Англию однажды, теперь зимние месяцы Новикова ежегодно проводила в Лондоне, а с 1873 г. уже практически постоянно жила там. В Лондоне ее круг знакомств, включавший бывшего посла Англии в России лорда

⁷ Депутат от России. [Т. 1]. 1909. С. 46.

⁸ Герцен А.И. – Рейхель М.К. Лондон, 31 декабря 1855 г. С. 324.

⁹ Герцен А.И. – Пьянчани Л. Лондон, 4 мая 1854 г. С. 177.

¹⁰ Боборыкин 1965. Т. 2. С. 218.

Непира, австро-венгерского посланника в Англии графа Бейста, депутата парламента Ч. Вильерса и других видных личностей, расширился. Так в январе 1873 г. Бруннов на приеме в русском посольстве в честь принца Уэльского, будущего короля Эдуарда, познакомил Новикову с Б. Дизраэли и У. Гладстоном.

Апартаменты Новиковой располагались в аристократическом квартале Лондона, поблизости от редакций главных газет и в определенные дни недели были открыты для приемов. Завсегдатаями ее гостиной стали военный историк А.-В. Кинглек, философ Т. Карлейль, физик Дж. Тиндаль, лорд Кларендон, публицист М. Арнольд, журналист Уильям Томас Стед, ставший ее ближайшим другом, и многие другие знаменитые ученые, политики, публицисты. С 1876 г. ее салон становится на какое-то время политическим центром, обретшим европейскую известность, местом встреч многих знаменитостей политического, церковного и литературного мира. Совпало это с очередным обострением «восточного вопроса». К салону Новиковой тяготели общественные силы, «сочувствующие славянскому освободительному движению против османского ига, и представители возглавляемой Гладстоном либеральной оппозиции», оппонировавшей туркофильской политике кабинета Дизраэли, «чей отзыв “член парламента от России” (“M.P. for Russia”)¹¹, учитывающий политическую позицию и деятельность Новиковой в этот период, стал едва ли не комплиментом ей.

Тем временем в самой России росла волна сочувствия национально-освободительной борьбе сербов и черногорцев против османского ига. Создавались Славянские комитеты, собирались денежные пожертвования, на Балканы отправлялись добровольцы. Брат Ольги Алексеевны Николай Киреев под именем Хаджи Гирей втайне от своей семьи стал первым из них и героически погиб 6 июля 1876 года при штурме турецких укреплений. Помещенная в газетах лаконичная телеграмма: «Хаджи Гирей убит! Это был Николай Киреев», – сразила ее. «Эффект от смерти моего брата, – писала она в своих мемуарах, – был мгновенным и электрическим. Он был первым русским добровольцем, павшим по причине свободы – причину, которую люди в Великой Британии не могут и не могли бы понять»¹². По собственному признанию Новиковой, смерть брата побудила ее взяться за перо и таким образом служить «славянскому делу», за которое погиб Н.А. Киреев. Утешением для нее было продолжать дело брата, служить его идеалам.

¹¹ Алексеев, Левин 2009. С. 550.

¹² Novikoff 1916. P. 38.

Так началась общественная и публицистическая деятельность Новиковой, а официальная Россия получила важный инструмент трансляции своих интересов, пропаганды своей политики. Трагические события, в которые Ольга против своей воли оказалась вовлечена, невольно способствовали росту ее популярности и успеху политической карьеры. Именно Англию она называла ответственной за гибель брата, ведь Англия в преддверии Русско-турецкой войны поддерживала Турцию, считая, что Сербия и Черногория являются марионетками русского правительства, специально спровоцировавшего мятеж для укрепления влияния России на Балканах. «Если бы она не поддерживала турок, то не было бы войны и брат, возможно, был бы жив. Если бы Гладстон был у власти, то брат никогда бы не погиб. Как горько я бранила Англию в душе»¹³, – писала в одном из писем Новикова. Ее английские знакомые сопереживали ее горю и отвечали ей с добротой и сочувствием на подобные письма. Действительно, если бы Ольга Алексеевна не жила в Лондоне, действие, произведенное смертью ее брата, могло бы даже показаться более или менее мифическим. Но ее присутствие уничтожало всякий скептицизм.

Представительница русских консерваторов, славянофилов и охранительного лагеря, взявшая на себя ответственность играть роль культурного посредника между двумя странами, нашла общий язык с британскими либералами. Дружба Новиковой с Гладстоном во многом определила его прославянские симпатии, позицию защитника балканских славян и обличителя турок. «Может быть, – замечал П.Д. Боборыкин, – этой представительнице русского охранительного патриотизма мы обязаны тем, что “великий старец” заинтересовался многими сторонами русской жизни и во внешней политике держал нашу руку больше, чем его предшественники»¹⁴. Новикова поддерживала У. Гладстона в его выступлениях против Турции, в целом пропагандировала в России доверие к политике британских либералов и резко критиковала антирусскую политику Дизраэли. В своих воспоминаниях молодой тогда, будущий знаменитый историк М.М. Ковалевский, познакомившийся с ней в 1877 г. благодаря частому посетителю салона Новиковой философу В.С. Соловьеву, вспоминал: «Весьма популярная уже в это время среди высшего лондонского общества <...> Ольга Алексеевна направила свою дальнейшую деятельность на ознакомление англичан с действительным характером русского славянофильства. Она в значи-

¹³ Ibidem.

¹⁴ Боборыкин 1965. Т. 2. С. 317.

тельной мере рассеяла предубеждение, будто под славянофильством скрывается желание России объединить под своей державой все родственные ей по крови и языку народу. Такие выдающиеся деятели, как Гладстон, перестали видеть в славянофильстве нечто тождественное с панславизмом. <...> Гладстон открыто выступил сторонником поддержки английской дипломатией заступничества России за угнетенных братьев-славян»¹⁵. Некоторые издания иронизировали над Гладстоном, называя его «Гладстонофф», и даже намекали на то, что и он был оплачиваемым агентом России¹⁶.

Русско-турецкая война вызвала новый всплеск русофобии в Англии – именно тогда английский поэт Альфред Теннисон, никогда не бывавший в России, заявил: «Я ненавижу Россию с самого своего рождения и буду ненавидеть, пока не умру»¹⁷. Новикова с сожалением отмечала присутствие «безотчётной антипатии к русским», которую демонстрировали англичане, об их «привычке обвинять нас в грехах прошлых, настоящих и будущих». Новикова пыталась бороться с русофобией англичан, она писала в статье «Английские предрассудки»: «Мы знаем, что Англия непобедима на море, и что ее финансовые ресурсы в полном порядке <...> Мы в России никак не можем понять, почему англичане позволяют этому страху перед военной мощью России проникать в речи консервативных политиков и вносить элемент предубеждения во взгляды министров»¹⁸.

И во время Русско-турецкой войны, и после ее окончания Новикова вела «русскую агитацию» в Лондоне. Новикова, как вспоминал о ней У. Стед, «не только была *une grande dame*, она была журналистом, памфлетистом, автором, лондонским корреспондентом Московской газеты и славянофильской прессы»¹⁹. Она переводила произведения русских литераторов на английский язык. В разгар Русско-турецкой войны по совету К.П. Победоносцева познакомила англичан с «Дневником писателя» Ф.М. Достоевского, знавшего Н.А. Киреева лично и писавшего о нем в «Дневнике» как о человеке, «положившем жизнь свою за народное дело», и чья смерть стала «высочайшим самоотвержением в пользу ближнего». В свою очередь, и в России, постоянно печатаясь в московских и петербургских изданиях под криптонимом

¹⁵ Ковалевский 1910. № 5. С. 182-183.

¹⁶ Novikoff 1916. P. 55.

¹⁷ Цит. по: Нарочницкая <http://www.narochnitskaia.ru/in-archive>

¹⁸ Новикова 2001. С. 302-305.

¹⁹ Депутат от России. [Т. 1]. 1909. С. 7.

«О. К.», Новикова выступала своеобразным культурным гидом по Англии: так появились цикл ее очерков «Вести из Англии», печатавшиеся в «Московских ведомостях» (1870–1880), статьи и заметки в газетах «Русь», «Новое время», «Свет», вышедшие также отдельными оттисками²⁰. Она, сглаживая в своих выступлениях разногласия между различными представителями русского «патриотического консерватизма», являлась в Лондоне проводником взглядов К.П. Победоносцева, И.С. Аксакова, М.Н. Каткова, одновременно содействуя появлению в английской прессе статей К.П. Победоносцева и И.С. Аксакова.

Ее собственные книги, составленные из ранее опубликованных статей и очерков («Виновна ли Россия?»²¹, «Друзья или враги?»²², «Россия и Англия»²³), посвященные проблемам русско-британских отношений и восприятия всего русского в Британии, объединенные общей мыслью – оградить Россию от нападков английской прессы, оправдать «традиционную политику России», вышли в Лондоне. В Лондоне появилась и написанная ею биография незадолго до этого ушедшего из жизни генерала М.Д. Скобелева, которого она считала своим другом²⁴. Ее вторую часть она вновь посвящает разъяснению идей славянской политики. Книги Новиковой были благосклонно встречены либеральной прессой в Англии. В то же время оппоненты в лице джингоистской партии набросились на «русскую разведчицу» и, в частности, на ее книгу «Виновна ли Россия?» с упреками. Газета «World» писала: «автор, платный агент русского правительства, занятие которого состоит в возбуждении интереса к этой стране, одурачивая влиятельных политических стариков и выведывая от них полезные сведения»²⁵. В своем отношении к Новиковой с правой прессой солидаризовался живший в Лондоне К. Маркс, называвший ее «неофициальным агентом русского правительства»²⁶ и тоже осуждавший её политические связи.

Книга «Россия и Англия» (с предисловием Фруда и Гладстона) была посвящена памяти Николая Киреева и знакомила англичан с гос-

²⁰ О. К. Вести из Англии: О гуманном элементе воспитания; О. К. Вести из Англии: Earl of Beaconsfield; О. К. Вести из Англии. Политическое марево; О. К. Вести из Англии. Томас Карлейль. 1881; О. К. Конституционные оковы...; О. К. Несколькo слов о Карлейле; О. К. Обрушение Англии; О. К. Кризис в Сербии.

²¹ Novikoff. Is Russia Wrong? (Русский перевод опубликован в газете «Современные известия»).

²² Novikoff. Friends or foes?

²³ Novikoff. Russia and England...

²⁴ Novikoff. Skobeleff and Slavonic Cause...

²⁵ Депутат от России. [Т. 1]. 1909. С. 240–241.

²⁶ Маркс К. – Зорге Ф.А., 27 сентября 1877 г. С. 229.

ударственностью и культурой России, но не только. Кроме того, она касалась весьма злободневного вопроса – отношений России и Англии. Препятствием к взаимопониманию между двумя странами являлось, по ее мнению, недостаточное знание политических институтов и взглядов друг друга. Новикова утверждала, что надо считаться с особенностями каждой страны и заявляла: «будь я англичанкой, я, вероятно, была бы либералкой, будь я американкой, я несомненно была бы республиканкой, но как русская, <...> я верю в самодержавие»²⁷. Книга появилась накануне всеобщих выборов и содержала резкую критику в адрес политики лидера консерваторов Б. Дизраэли, что дало возможность либералам использовать ее как своеобразный документ предвыборной кампании. Несмотря на опасения Новиковой, что книга останется в Англии незамеченной, она имела большой успех и вызвала много откликов, в том числе, известного историка Кинглека в «Quarterly Review». В свою очередь, Гладстон считал, что полезно привлечь внимание английской публики к талантливой работе русской публицистки, которая оказала «услугу миру и справедливости»²⁸, о чем писал в письме к Новиковой. Он поместил сочувственный, развернутый отзыв на нее в журнале «The Nineteenth Century», опубликованный следом в переводе на русский язык «Русской мыслью»²⁹.

Гладстон обращал внимание на то, что книга написана «женщиной, обладающей большим политическим дарованием или, по крайней мере, умением удачно вести политическую полемику», что ее автор «желает возникновения горячей симпатии между Англией и Россией» и не видит причины, почему миллионы англичан и русских должны ненавидеть или бояться друг друга, а также отмечал и главное, с его точки зрения, достоинство книги – строгость критических замечаний, ибо «будь она сдержанна, дипломатична и сладкоречива, ее стрелы были бы не так метки»³⁰. Гладстон отмечал, что «ее горячий патриотизм дает ей право на особенное уважение со стороны английских тори, считающих это свойство краеугольным камнем “мира и всех добродетелей”, и потому оно не может служить упреком О. К.: божество, которому они поклоняются на берегах Темзы, также священно и на берегах Невы»³¹. Статья Гладстона была больше, чем критика на книгу, это была публичная демонстрация. Месяца через два, вернувшись на пост главы партии,

²⁷ Novikoff. *Russia and England*. P. 223.

²⁸ Гладстон У. – Новиковой О.А., 22 февраля 1880. С. 35-36.

²⁹ Гладстон // Русская мысль. 1880. № 11. С. 81-95.

³⁰ Там же. С. 81-82.

³¹ Там же. С. 81.

Гладстон объявил о принятии самых значительных предложений Новиковой, которыми следует руководствоваться европейским политикам в «восточном вопросе». И хотя на родине книга «Россия и Англия» не была разрешена к опубликованию из-за главы о Земском соборе – говорить о нем в печати строжайше запрещалось, тем не менее, Новикова была счастлива. Она была убеждена, что как есть две России, так есть и две Англии: «одна способная на великодушные порывы и увлечения, другая, поглощенная лишь заботой о своем кармане. Другими словами: Англия Гладстона и Англия Биконсфильда»³².

Без какой-либо симпатии к своему политическому антиподу другая знаменитая женщина – Вера Фигнер – в контексте воспоминаний о своем пребывании в Лондоне писала: «Там в это время царила Новикова, возвращаясь в кругах высшего лондонского общества и служившая тайным дипломатическим агентом русского правительства. Красивая, чрезвычайно умная и ловкая, она была своим человеком у Гладстона и играла большую роль в англо-русских отношениях, действуя в интересах самодержавной власти»³³. Действительно, именно в момент очередного обострения англо-русских отношений деятельность Новиковой вновь активизировалась. Она писала М.Н. Каткову из Лондона: «Я такую затеяла здесь агитацию в пользу присоединения Россией Константинополя – что вы все должны мне сказать спасибо!.. Царь наш поставил себя так высоко во мнении Европы, что его положительно бояться, как боялись императора Николая Павловича!»³⁴.

Новикова регулярно в 1870-е гг. печаталась в либеральной газете «The Northern Echo», выходившей в Дарлингтоне, а также в следующем десятилетии – в «The Pall Mall Gazette» (1883–1889), ее совместные со Стедом статьи, разъяснявшие и защищавшие внешнюю политику России, появлялись на страницах газеты «Times». Среди изданий, с которыми Новикова также сотрудничала, были журналы «Fraser's Magazine», «Contemporary Review», «The Nineteenth Century». Интенсивно сотрудничая с английской прессой, где ее мнение служило отголоском проправительственных изданий в России, она оказывала влияние на понимание русских событий в английском обществе, в этом оппонировав, в частности, П.А. Кропоткину, который, приехав в Лондон, получил приглашение писать о российских делах в еженедельной газете «Weekly Chronicle». Новикова находилась в состоянии постоянной

³² Депутат от России. [Т. 1]. 1909. С. 41.

³³ Фигнер 1933. Т. 3. С. 237.

³⁴ Новикова О.А. – Каткову М.Н., Лондон, 27 сентября 1886 г.

полемики со своими оппонентами. Естественно, она не скрывала своего недовольства тем, что английское правительство «предоставляет убежище русским динамитчикам», и, как она с горечью замечала в статье «Русский взгляд на “Правительство журналистов”», «некоторые из них <...> формируют общественное мнение»³⁵. В то же время, Кропоткин впоследствии вспоминал, что английская печать «являлась отголоском мнений г-жи Новиковой, т.е. взглядов Каткова и русских жандармов»³⁶. Новикову же возмущало, что некоторые местные издания слишком легкомысленно предоставляют свои страницы русским террористам. На это обвинение Новиковой, прозвучавшее в статье «Русификация Англии» в «The Pall Mall Gazette», последовала крайне негативная реакция Ф. Энгельса, назвавшего ее «платным агентом русского царизма» в газете «Социал-демократ»³⁷. Новикова совершенно искренне не понимала симпатии англичан в отношении людей, единственной целью которых являлось разрушение, их особого отношения к русским нигилистам. Для подтверждения своей позиции она публикует в «Pall Mall Gazette» очерк «Исповедь нигилиста», посвященный видному деятелю «Народной воли», участнику заговора против Александра II Льву Тихомирову, который, находясь в эмиграции, пересмыслил свои взгляды, выступил с брошюрой «Почему я перестал быть революционером?» и покаянным письмом в адрес Александра III, окончательно перейдя в ряды сторонников самодержавия.

Оба издания, в которых печаталась Новикова, – «The Northern Echo» и «The Pall Mall Gazette» – редактировал и сам выступал на их страницах с легко считываемой симпатией к России ее друг У. Стед. В знак признательности за свою деятельность не без усилий Новиковой он был удостоен аудиенции у самого императора Александра III во время посещения им в 1888 г. России. Александр III произвёл на английского журналиста чрезвычайно благоприятное впечатление. Из всех русских он более всего напомнил ему английского джентльмена, о чем было сообщено в «The Pall Mall Gazette» и в вышедшей вскоре книге с претенциозным названием «Правда о России»³⁸. Это же название было выбрано Новиковой для очерка, в котором давалась характеристика национально-религиозной политике России. Он был опубликован в одном из лондонских изданий, а «Московские ведомости»

³⁵ Цит. по: Казнина 2001. С. 14.

³⁶ Кропоткин 1990. С. 412.

³⁷ Энгельс. Т. 21. С. 195-197.

³⁸ Stead 1888.

напечатали его сокращенный перевод. «В Англии и Америке, – объясняла Новикова, – где христианская вера расколота на сотни различных сект, не только возможно, но необходимо допустить свободу религиозной конкуренции или пропаганды. Иное дело у нас. Единство церкви составляло во все времена существенную силу России. Всякий раскол представляется нам злом, от коего нужно освободиться»³⁹. Довольный обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев писал ей в 1889 г.: «...вы делаете доброе и патриотическое дело, употребляя ваш талант на защиту русской правды в Англии». В свою очередь Стед на страницах своего журнала «Review of Reviews» опубликовал развернутый материал, посвященный русскому императору и его семье⁴⁰.

Общественная активность Новиковой пользовалась поддержкой официальных кругов на родине, в том числе Александра III. Она активно содействовала контактам между государственными деятелями двух стран, переправляла в Россию А.М. Горчакову и Н.К. Гирсу неофициальные письма Гладстона, способствовала завязавшейся переписке между Гладстоном и Победоносцевым⁴¹. Конечно, ее успех в представительстве российских интересов в Англии во многом был предопределен ее личным влиянием на Гладстона.

В России же Новикова состояла постоянной корреспонденткой катковских «Московских ведомостей», где помещала свои «Письма из Англии», в начале 1890-х годов она активно сотрудничала с новым московским ежемесячным литературно-политическим журналом консервативно-охранительного направления «Русское обозрение» (1890–1898). Его фактическим издателем был фабрикант Д.И. Морозов. Журнал поддерживался личными пожертвованиями, в том числе Александра III, пользовался покровительством Победоносцева, который и сам опубликовал в нем статью-размышление «Гладстон об основах веры и неверия»⁴², впоследствии вошедшую в составленный из его собственных сочинений «Московский сборник» – признанный идеологический манифест российского консерватизма⁴³. Новикова, в свою очередь, опубликовала в «Русском обозрении» заметки, посвященные своим лондонским друзьям – Гладстону⁴⁴ и уже ушедшему из

³⁹ Новикова. Правда о России // Московские ведомости. 1889, 6 февраля. № 35.

⁴⁰ Alexander III, Tzar of all the Russians // Review of Reviews. 1892. № 5. P. 15-27.

⁴¹ Дипломатический словарь Т. 2. 1950. С. 251.

⁴² Победоносцев. 1894. С. 32-41.

⁴³ Победоносцев. 1896. С. 269-280

⁴⁴ Новикова. Детство и отрочество Гладстона.

жизни автору 8-томного сочинения о Крымской войне А.-В. Кинглеку⁴⁵, а также ряд очерков под общим названием «Письма из Англии»⁴⁶.

С началом правления Николая II друг Новиковой Стед на страницах своего журнала «Review of Reviews» начал публиковать выдержанные в доброжелательном тоне статьи, способствуя формированию образа русского императора-миротворца. В 1898 г. собственное издательство Стеда инициировало серию книг под общим названием «Русская библиотека», в ней при содействии Новиковой и с ее предисловием вышла книга Победоносцева «Размышления русского государственного деятеля»⁴⁷. В том же году Стед был удостоен аудиенции у Николая II. Сам журналист не без оснований заявлял: «Мы с Ольгой Алексеевной Новиковой единодушно работали в пользу мира». До подписания русско-английского соглашения 1907 г., положившего конец полувековой враждебности в отношениях двух стран, оставалось несколько сложных лет. Усилия Ольги Алексеевны в нейтрализации угрозы со стороны одной из могущественных стран-соперниц бурно развивающейся империи и в улучшении имиджа России в Англии были не напрасны. После заключения русско-английского соглашения Стед убедил русскую «Лорею» согласиться на опубликование части ее переписки с Гладстоном и некоторыми другими друзьями отдельной книгой, которую сам был готов составить. Выход ее состоялся. «Издавая эту книгу, – писал Стед в предисловии, – я хотя бы в малой части могу уплатить тот долг, который мы в Англии, по крайней мере, имеем перед г-жой Новиковой»⁴⁸.

Тем временем, постепенно уходили близкие люди, в том числе Стед: он погиб при крушении «Титаника», окончательно превратившись в легенду британской журналистики. Вскоре Новикова потеряла своего сына, который, к огорчению матери, в последние годы своей жизни примкнул к социалистам-революционерам. Теперь образовавшуюся пустоту в ее жизни заполнял новый друг и последователь, молодой писатель С. Грэхем, который также был активным пропагандистом дружбы между двумя странами. Из его воспоминаний возникает образ женщины-легенды, несмотря на преклонный возраст, еще деятельной. Лозунгом ее жизни было «все для России»⁴⁹. Лондон же стал ее последним пристанищем, где в возрасте 84 лет она ушла из жизни.

⁴⁵ О. К. Из воспоминаний о Кинглеке.

⁴⁶ О. К. Письма из Англии... 1892–1893.

⁴⁷ Pobedonostsev. 1898. 288 p.

⁴⁸ Стед. Предисловие // Депутат от России. [Т. 1]. 1909. С. IV.

⁴⁹ Graham 1964. P. 73.

Биография и общественная деятельность Новиковой достойны глубокого исследования, и для этого имеются возможности. Еще при жизни часть ее воспоминаний и переписки были напечатаны в журнале «Русская старина»⁵⁰, в Нью-Йорке вышли мемуары⁵¹, в Лондоне и Петербурге был опубликован подготовленный У.Т. Стедом сборник ее воспоминаний и переписки⁵². Личные фонды О.А. Новиковой находятся в РГАЛИ (ф. 345) и ИРЛИ РАН (ф. 317), фонд Киреевых и Новиковых (Александра, Николая и Ольги, ф. 126) – в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев М.П., Левин Ю.Д. В лондонском салоне О.А. Новиковой (Публикация Н.Д. Кочетковой) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 517-579.
- Боборыкин П.Д. Столицы мира: Тридцать лет воспоминаний // Боборыкин П.Д. Воспоминания. В 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 231-234.
- Герцен А.И. – Рейхель М.К. Лондон, 31 декабря 1855 г. // Герцен А.И. Полное собрание сочинений в тридцати томах. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 25. Письма 1853–1856 годов. С. 324-325.
- Герцен А.И. – Пьянчани Л. Лондон, 4 мая 1854 г. // Герцен А.И. Полное собрание сочинений в тридцати томах. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 25. Письма 1853–1856 годов. С. 177-178.
- Гладстон У. – Новиковой О.А., Ховарден, 22 февраля 1880 // Депутат от России: (Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой) / Сост. г-м W.T. Stead; Пер. Е.С. Мосоловой. [Т. 1]. СПб.: Тип. т-ва п/ф «Электро-тип. Н.Я. Стойковой», 1909. С. 35-36.
- Гладстон У. Россия и Англия (Russia and England. By O. K. London. Longmans. 1880) // Русская мысль. 1880. № 11. С. 81-95.
- Депутат от России: (Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой) / Сост. г-м W.T. Stead; Пер. Е.С. Мосоловой. [Т. 1]. СПб.: Электро-тип. Н.Я. Стойковой, 1909. 312 с.
- Депутат от России: (Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой) / Сост. W.T. Stead; Пер. Е.С. Мосоловой. Т. 1–2. Пг.: Тип. П. Усова, 1915.
- Казнина О. Англия глазами русских // «Я берег покидал туманный Альбиона...» Русские писатели об Англии 1646–1945 / сост. О.А. Казнина, А.Н. Николкин. М.: РОССПЭН, 2001. С. 3-23.
- Климкова М.А. «Просветите народ, дайте ему закон...»: Об известном в свое время земском деятеле, учредителе школ для крестьянских детей, публицисте Александре Ивановиче Новикове (1861–1913) // Московский журнал. История государства российского. 2011. № 6. С. 17-25.

⁵⁰ Новикова. Депутат от России...

⁵¹ *Novikoff*. Russian memories. 1916.

⁵² The M.P. for Russia. 1909; Депутат от России. 1909; 1915.

- Ковалевский М.М. Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века (Личные воспоминания) // Вестник Европы. 1910. № 5. С. 178-221.
- Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Мысль, 1990. 526 с.
- Маркс К. – Зорге Ф.А., 27 сентября 1877 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 31. С. 229.
- Митрофанов С. Кто Вы, Ольга Новикова? [Электронный ресурс] // Русский журнал. 08.03.1999. URL: <http://old.russ.ru/journal/persons/99-03-08/mitrof.htm>
- Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917): Сборник / Сост. Ю.Н. Емельянов. М.: Современник, 1989. 734 с.
- Нарочницкая Н.А. К вопросу о литературных стереотипах и предрассудках: Альфред Теннисон и Россия // Информационно-аналитический портал «Нарочницкая ру.»: <http://www.narochnitskaia.ru/in-archive>
- Новикова О.А. Депутат от России. (Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой) / Сообщ. Е.С.М. // Русская старина. 1910. Т. 141. № 2. С. 405-422; № 3. С. 555-565.
- Новикова Ольга Алексеевна // Дипломатический словарь: В 2 т. / Глав. ред. А.Я. Вышинский и С.А. Лозовский. М.: Гос. изд. полит. лит-ры, 1948–1950. Т. 2. 1950. С. 251.
- Новикова Ольга Алексеевна. Письма к Ф.М. Достоевскому. Комментарии // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 13. К 175-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского. СПб.: «Наука», 1996.
- Новикова О.А. Английские предрассудки // «Я берег покидал туманный Альбиона...» Русские писатели об Англии 1646–1945 / сост. О.А. Казнина, А.Н. Нилюшкин. М.: РОССПЭН, 2001. С. 302-305.
- Новикова О.А. Правда о России // Московские ведомости. 6 февраля 1889. № 35.
- О. К. Вести из Англии: О гуманном элементе воспитания. М.: Унив. тип., ценз. 1872. 10 с.
- О. К. Вести из Англии: Earl of Beaconsfield. М.: Унив. тип., 1881. 14 с.
- О. К. Вести из Англии. Политическое марево. М.: Унив. тип., 1881. 10 с.
- О. К. Вести из Англии. Томас Карлейль: [Биогр. очерк]. М.: Унив. тип., 1881. 14 с.
- О. К. Конституционные оковы [Ирландский вопрос]. [М.]: Тип. М.Н. Лаврова и К°, 1881. 9 с.
- О. К. Несколько слов о Карлейле. [М.]: Тип. «Соврем. изв.», 1881. 8 с.
- О. К. Обрусение Англии. [М.]: Тип. М.П. Щепкина, 1885. 14 с.
- О. К. Кризис в Сербии. М.: Тип. «Соврем. изв.», 1882. 32 с.
- О. К. Детство и отрочество Гладстона // Русское обозрение. 1891. Август. С. 908-913.
- О. К. Из воспоминаний о Кинглеке // Русское обозрение. 1894. Август. С. 776-787.
- О. К. Письма из Англии // Русское обозрение. 1892. Август. С. 804-809; Ноябрь. С. 257-268; Декабрь. С. 887-894; 1893. Январь. С. 330-337; Февраль. С. 785-794; Март. С. 366-389; Май. С. 293-304; Ноябрь. С. 346-360.
- Партридж М. Александр Герцен и его английские связи // Проблемы изучения Герцена. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 348-369.
- Победоносцев К.П. Гладстон об основах веры и неверия // Русское обозрение. 1894. Март. С. 32-41.
- Победоносцев К.П. Гладстон об основах веры и неверия // Московский сборник. М.: Синод. тип., 1896. С. 269-280.

- Стед У.Т. Предисловие // Депутат от России: (Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой) / Сост. г-м W.T. Stead; Пер. Е.С. Мосоловой. [Т. 1]. СПб.: Электро-тип. Н.Я. Стойковой, 1909. С. III-V.
- Тарле Е.В. Рецензия: Депутат от России: (Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой) / Сост. W.T. Stead; Пер. Е.С. Мосоловой. Т. 1–2. Пг.: Тип. П. Усова, 1915. 2 т. // Голос минувшего. 1915. № 10. С. 300-301.
- Третьякова С.Н. О.А. Новикова – «Неофициальный посол России в Англии» // Вестник РУДН. Серия «История России». 2010. №. 4. С. 103-118.
- Фигнер В. Избранные произведения в трех томах. М.: Изд-во всеос. общ-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. Т. 3. Запечатленный труд. 419 с.
- Чичерин Б.Н. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина: Москва сороковых годов / Вступ. статья и примеч. С.В. Бахрушина. [М.]: М. и С. Сабашниковы, 1929. XVI, 294 с.
- Энгельс Ф. Императорские русские действительные тайные динамитные советники, 25 января 1885 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 195-197.
- Якубовская И.В. Россия и общественное мнение Англии в мемуарах и публицистике О.А. Новиковой // Россия глазами мемуаристов: анализ неизвестных и малоизвестных мемуаров. СПб., 2004.
- Alexander III, Tzar of all the Russias // Review of Reviews. 1892. № 5. P. 15-27.
- Graham S. Part of the Wonderful Scene, an Autobiography. L., 1964.
- The M.P. for Russia: Reminiscences & Correspondence of Madame Olga Novikoff. By: Stead W.T. London: A. Melrose, 1909. V. 1–2.
- Novikoff, Olga (O.K.) Is Russia Wrong?: A Series of Letters / by a Russian Lady; with a preface by J.A. Froude, M.A. London: Hodder and Stoughton, 1878. 136 p. Русский перевод опубликован в газете «Современные известия» в 1878 г.
- Novikoff Olga (O.K.) Friends or Foes?: a sequel to “Is Russia wrong?” / by a Russian Lady. London: P.S. King, 1878. 85 p.
- Novikoff O. (O.K.) Russia and England from 1876 to 1880, a Protest and an Appeal. London: Longmans, Green & Co., 1880. 396 p.
- Novikoff O. (O.K.) Skobelev and Slavonic Cause / by O.K., author of “Russia and England”. London: Longmans, Green & Company, 1883. 421 p.
- Novikoff O. Russian memories / An introd. by Stephen Graham. New York: E.P.Dutton & Company. 1916. 310 p.
- Pobedonostsev K. Reflections of a Russian Statesman / Translated by Robert Crozier Long; Foreword by Olga Novikoff. London: Grant Richards, 1898. 288 p.
- Stead W.T. Truth about Russia. L.: Cassell & Company, 1888.

REFERENCES

- Alekseev M.P., Levin Ju.D. V londonskom salone O.A. Novikovoj (Publikacija N.D. Kochetkovoj) // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2005–2006 gody. Spb.: Dmitrij Bulanin, 2009. S. 517-579.
- Boborykin P.D. Stolicy mira: Tridcat' let vospominanij // Boborykin P.D. Vospominanija. V 2 t. M., 1965. T. 2. S. 231-234.
- Gercen A.I. – Rejhel' M.K. London, 31 dekabnja 1855 g. // Gercen A.I. Polnoe sobranie sochinenij v tridcati tomah. M.: Izd-vo AN SSSR, 1961. T. 25. Pis'-ma 1853–1856 godov. S. 324-325.

- Gercen A.I. – P'janchani L. London, 4 maja 1854 g. // Gercen A.I. Polnoe sobranie sochinenij v tridcati tomah. M.: Izd-vo AN SSSR, 1961. T. 25. Pis'ma 1853–1856 godov. C. 177-178.
- Gladston U. – Novikovoj O.A., Hovarden, 22 fevralja 1880 // Deputat ot Rossii: (Vospominanija i perepiska Ol'gi Alekseevny Novikovoj) / Sost. g-m W.T. Stead; Per. E.S. Mosolovoj. [T. 1]. SPb.: Tip. t-va p/f «Jelektro-tip. N.Ja. Stojkovoju», 1909. S. 35-36.
- Gladston U. Rossija i Anglija (Russia and England. By O. K. London. Longmans. 1880) // Russkaja mysl'. 1880. № 11. S. 81-95.
- Deputat ot Rossii: (Vospominanija i perepiska Ol'gi Alekseevny Novikovoj) / Sost. g-m W.T. Stead; Per. E.S. Mosolovoj. [T. 1]. SPb.: Jelektro-tip. N.Ja. Stojkovoju, 1909. 312 s.
- Deputat ot Rossii: (Vospominanija i perepiska Ol'gi Alekseevny Novikovoj) / Sost. W.T. Stead; Per. E.S. Mosolovoj. T. 1–2. Pg.: Tip. P. Usova, 1915.
- Kaznina O. Anglija glazami russkih // «Ja bereg pokidal tumannyj Al'biona...» Russkie pisateli ob Anglii 1646–1945 / sost. O.A. Kaznina, A.N. Nikoljukin. M.: ROSSPJeN, 2001. S. 3-23.
- Klimkova M. A. «Prosvetite narod, dajte emu zakon...»: Ob izvestnom v svoe vremja zemskom dejatele, uchreditele shkol dlja krest'janskih detej, publiciste Alek-sandre Ivanoviche Novikove (1861–1913) // Moskovskij zhurnal. Istorija gosu-darstva rossijskogo. 2011. № 6. S. 17-25.
- Kovalevskij M.M. Moskovskij universitet v konce 70-h i nachale 80-h godov pro-shlogo veka (Lichnye vospominanija) // Vestnik Evropy. 1910. № 5. S. 178-221.
- Kropotkin P.A. Zapiski revoljucionera. M.: Mysl', 1990. 526 c.
- Marks K. – Zorge F.A., 27 sentjabrja 1877 g. // Marks K. i Jengel's F. Sochinenija. T. 31. S. 229.
- Mitrofanov S. Kto Vy, Ol'ga Novikova? [Jelektronnyj resurs] // Russkij zhurnal. 08.03.1999. URL: <http://old.russ.ru/journal/persons/99-03-08/mitrof.htm>
- Moskovskij universitet v vospominanjah sovremennikov (1755–1917): Sbornik / Sost. Ju.N. Emel'janov. M.: Sovremennik, 1989. 734 s.
- Narochnickaja N.A. K voprosu o literaturnyh stereotipah i predrassudkah: Al'-fred Tennyson i Rossija [Jelektronnyj resurs] // Informacionno-analiticheskij portal «Narochnickaja ru.»: [Rezhim dostupa]: <http://www.narochnitskaia.ru/in-archiv>
- Novikova O.A. Deputat ot Rossii. (Vospominanija i perepiska Ol'gi Alekseevny Novikovoj) / Soobshh. E.S.M. // Russkaja starina. 1910. T. 141. № 2. S. 405-422; № 3. S. 555-565.
- Novikova Ol'ga Alekseevna // Diplomaticeskij slovar': V 2 t. / Glav. red. A.Ja. Vyshinskij i S.A. Lozovskij. M.: Gos. izd. polit. lit-ry, 1948–1950. T. 2. 1950. S. 251.
- Novikova Ol'ga Alekseevna. Pis'ma k F.M. Dostoevskomu. Kommentarii // Dostoevskij. Materialy i issledovanija. T. 13. K 175-letiju so dnja rozhdenija F.M. Dostoevskogo. SPb.: «Nauka», 1996.
- Novikova O.A. Anglijskie predrassudki // «Ja bereg pokidal tumannyj Al'bio-na...» Russkie pisateli ob Anglii 1646–1945 / sost. O.A. Kaznina, A.N. Niko-ljukin. M.: ROSSPJeN, 2001. S. 302-305.
- Novikova O.A. Pravda o Rossii // Moskovskie vedomosti. 6 fevralja 1889. № 35.
- O. K. Vesti iz Anglii: O gumannom jelemente vospitanija. M.: Univ. tip., cenz. 1872. 10 s.
- O. K. Vesti iz Anglii: Earl of Beaconsfield. M.: Univ. tip., 1881. 14 s.
- O. K. Vesti iz Anglii. Politicheskoe marevo. M.: Univ. tip., 1881. 10 s.
- O. K. Vesti iz Anglii. Tomas Karlejl': [Biogr. ocherk]. M.: Univ. tip., 1881. 14 s.

- O. K. Konstitucionnye okovy [Irlandskij vopros]. [M.]: Tip. M.N. Lavrova i K°, 1881. 9 s.
- O. K. Neskol'ko slov o Karlejele. [M.]: Tip. «Sovrem. izv.», 1881. 8 s.
- O. K. Obrusenie Anglii. [M.]: Tip. M.P. Shhepkina, 1885. 14 s.
- O. K. Krizis v Serbii. M.: Tip. «Sovrem. izv.», 1882. 32 s.
- O. K. Detstvo i otrochestvo Gladstona // Russkoe obozrenie. 1891. Avgust. S. 908-913.
- O. K. Iz vospominanij o Kingleke // Russkoe obozrenie. 1894. Avgust. S. 776-787.
- O. K. Pis'ma iz Anglii // Russkoe obozrenie. 1892. Avgust. S. 804-809; Nojabr'. S. 257-268; Dekabr'. S. 887-894; 1893. Janvar'. S. 330-337; Fevral'. S. 785-794; Mart. S. 366-389; Maj. S. 293-304; Nojabr'. C. 346-360.
- Partridzh M. Aleksandr Gercen i ego anglijskie svjazi // Problemy izuchenija Ger-cena. M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. S. 348-369.
- Pobedonoscev K.P. Gladston ob osnovah very i neverija // Russkoe obozrenie. 1894. Mart. S. 32-41.
- Pobedonoscev K.P. Gladston ob osnovah very i neverija // Moskovskij sbornik. M.: Sinod. tip., 1896. S. 269-280.
- Sted U.T. Predislovie // Deputat ot Rossii: (Vospominanija i perepiska Ol'gi Alekseevny Novikovoj) / Sost. g-m W.T. Stead; Per. E.S. Mosolovoj. [T. 1]. SPb.: Jelektro-tip. N.Ja. Stojkovoju, 1909. S. III-V.
- Tarle E.V. Recenzija: Deputat ot Rossii: (Vospominanija i perepiska Ol'gi Alekse-evny Novikovoj) / Sost. W.T. Stead; Per. E.S. Mosolovoj. T. 1-2. Pg.: Tip. P. Usova, 1915. 2 t. // Golos minuvshego. 1915. № 10. S. 300-301.
- Tret'jakova S.N. O.A. Novikova – «Neoficial'nyj posol Rossii v Anglii» // Vestnik RUDN. Serija «Istorija Rossii». 2010. № 4. S. 103-118.
- Figner V. Izbrannye proizvedenija v treh tomah. M.: Izd-vo vses. obshh-va politkatorzhan i ssyl'no-poselencev, 1933. T. 3. Zapechatlennyj trud. 419 s.
- Chicherin B.N. Vospominanija Borisa Nikolaevicha Chicherina: Moskva sorokovyh godov / Vstup. stat'ja i primech. S.V. Bahrushina. [M.]: M. i S. Sabashnikovy, 1929. XVI, 294 s.
- Jengel's F. Imperatorskie russkie dejstvitel'nye tajnye dinamitnye sovetniki, 25 janvarja 1885 g. // Marks K., Jengel's F. Soch. 2-e izd. T. 21. S. 195-197.
- Jakubovskaja I.V. Rossija i obshhestvennoe mnenie Anglii v memuarah i publicisti-ke O.A. Novikovoj // Rossija glazami memuaristov: analiz neizvestnyh i malo-izvestnyh memuarov. SPb., 2004.
- Alexander III, Tzar of all the Russias // Review of Reviews. 1892. № 5. P. 15-27.
- Graham S. Part of the Wonderful Scene, an Autobiography. L., 1964.
- The M.P. for Russia: Reminiscences & Correspondence of Madame Olga Novikoff. By: Stead W.T. London: A. Melrose, 1909. V. 1-2.
- Novikoff, Olga (O.K.) Is Russia Wrong?: A Series of Letters / by a Russian Lady; with a preface by J.A. Froude, M.A. London: Hodder and Stoughton, 1878. 136 r. Russkij perevod opublikovan v gazete «Sovremennye izvestija» v 1878 g.
- Novikoff Olga (O.K.) Friends or Foes?: a sequel to "Is Russia wrong?" / by a Russian Lady. London: P.S. King, 1878. 85 r.
- Novikoff O. (O.K.) Russia and England from 1876 to 1880, a Protest and an Appeal. London: Longmans, Green & Co., 1880. 396 p.
- Novikoff O. (O.K.) Skobelev and Slavonic Cause / by O.K., author of "Russia and England". London: Longmans, Green & Company, 1883. 421 p.
- Novikoff O. Russian memories / An introd. by Stephen Graham. New York: E.P.Dutton & Company. 1916. 310 r.

Pobedonostsev K. Reflections of a Russian Statesman / Translated by Robert Crozier Long; Foreword by Olga Novikoff. London: Grant Richards, 1898. 288 p.
Stead W.T. Truth about Russia. L.: Cassell & Company, 1888.

Чикалова Ирина Ромульдовна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Новой и Новейшей истории Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка; irina_chikalova@mail.ru

Olga Alexeevna Novikova: “Unofficial Agent of the Russian Government” in London

The article continues a series of publications by the author that are dedicated to the life and works of the forgotten Russian pre-revolutionary specialists in British Studies – scholars and publicists. The focus of the research is centered on the personality of the extraordinary woman – Olga Alexeevna Novikova (1840–1925), who lived in London almost constantly since 1875. She had a salon, popular in intellectual circles there, and among British public gained the reputation of the “unofficial representative of Russia”, among the political opponents – of the “M.P. for Russia” (B. Disraeli), but among the open foes – of the “secret agent of the Russian government in London” (K.Marx) and even – of the “paid agent of the Russian tsarism” (F.Engels). The role of Novikova in counteracting the russophobic sentiment in London, in neutralizing the threat to Russia by one of the most powerful state-competitor and in improving the image of Russia in England is shown. Her success in promoting Russian interests in England was largely predetermined by her personal influence on W.Gladston. As a representative of the “weaker sex”, without taking any official positions in accordance with the established pattern against women, by the very fact of her existence and her ability to attract the best minds of the time O.A. Novikova challenged traditional ideas about women's inability to influence on political thought and practice.

Keywords: Novikova Olga Alexeevna, slavjanofilstvo, Russia, England, London, “M.P. for Russia”, russophobia, anglofilstvo, “Eastern question”, William Gladston, William Thomas Stead.

Irina Chikalova, Dr.Sc. (History), Professor, Department of Modern and Contemporary History, Belorussian State Pedagogical University named after Maxim Tank; irina_chikalova@mail.ru

Н. Н. АГЕЕВА, Т. Н. ИВАНОВА

ПОРТРЕТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛА

К 165-ЛЕТИЮ С. Ф. ФОРТУНАТОВА

В статье впервые дана характеристика жизненного пути и научно-педагогической деятельности малоизученного российского историка Степана Федоровича Фортунатова (1850–1918). Предпринята попытка определить его место в социокультурном пространстве России рубежа XIX–XX вв.

Ключевые слова: *Степан Федорович Фортунатов, историография всеобщей истории, Московский университет, Высшие женские курсы, интеллектуальная жизнь Москвы на рубеже XIX–XX вв.*

Мемориальные статьи, появляющиеся к юбилеям известных личностей, как правило, тяготеют к обобщениям уже известных фактов и опираются на ранее опубликованные солидные исследования. Определенным исключением является данная статья, как первая попытка создать более или менее полную биографию человека, к которому в полном смысле можно применить выражение «фигура второго плана». Фамилия Фортунатовых достаточно известна в российской культуре, а сам Степан Федорович – личность, без которой немислима интеллектуальная жизнь Москвы последней трети XIX – начала XX в.

Охарактеризовать его деятельность одной строкой сложно. Профессор, так и не защитивший диссертацию; первый американист в отечественной науке, которому в историографии долго отказывали в праве именоваться ученым; любимый учениками преподаватель Московского университета, Высших женских курсов, университета имени А.Л. Шанявского и средних учебных заведений Москвы; популярный журналист; постоянный участник журфиксов и других собраний московской профессуры... Его деятельность была многогранна, но ни в одной ее сфере ему не удалось стать первым и лучшим. Однако все свидетельства о С.Ф. Фортунатове сходятся в признании его высокого интеллекта, эрудиции, коммуникабельности, остроумия и обаяния.

Учитывая отмеченное современниками его «органическое оттачивание от писания»¹, можно понять, почему практически не сохранилось не только дневников или мемуаров С.Ф. Фортунатова, но и его писем. Поэтому наш портрет – это «портрет на фоне...», когда какие-

¹ Кизеветтер 1996. С. 72.

то черты его характера, его поступки и даже важнейшие события его жизни приходится реконструировать, изучая его окружение, привлекая косвенные свидетельства, как бы «прописывая» фон, на котором начинает прорисовываться фигура нашего героя.

Степан Федорович Фортунатов родился 26 июля 1850 г. в Вологде в семье, давшей России целую плеяду выдающихся ученых и педагогов. Его отец Федор Николаевич Фортунатов (1814–1873) известный просветитель, писатель, ученый-исследователь, много сделавший для развития образования в Вологодской и Олонецкой губерниях, был незаурядным человеком. Свою любовь и преданность педагогической и просветительской деятельности он сумел не только пронести через всю жизнь, но и привить своим детям. Он рано лишился жены – Юлия Алексеевна умерла в 1857 г., когда младшему сыну Алексею был всего один год. Непродолжительным оказался и второй брак. На руках у Федора Николаевича остались пять сыновей и три дочери и всем он смог дать достойное воспитание и образование. Все братья Фортунатовы получили высшее образование и посвятили себя науке. Соученик Степана по университету Н.Г. Высотский позже писал: «Дом Фортунатовых был как будто насквозь пропитан ученостью, и было бы странно и непонятно, чтобы сыновья глубоко преданного науке Федора Николаевича Фортунатова не стремились к кафедре»². Академиком стал филолог Филипп (1848–1914); известным аграрным статистиком, профессором – Алексей (1856–1925), их потомки были знаменитыми педагогами, агрономами, историками, музыкантами, инженерами³.

Семья оказала влияние не только на формирование научных интересов С.Ф. Фортунатова, но, по всей видимости, и на его общественно-политические взгляды. Старшие сестры Мария (1839–1882) и Екатерина (1844–1879) сделали дом Фортунатовых в Петрозаводске местом, где встречались многие политические ссыльные⁴ (за одного из них, революционера-шестидесятника П.В. Завадского, Мария вышла замуж)⁵. Старший брат, рано умерший Евгений (1841–1866) в годы обучения в Петербурге (1858–1862) достаточно близко сошелся с революционными

² Высотский 1910. С. 170.

³ Так, один из сыновей Алексея Федоровича Александр Алексеевич Фортунатов (1884–1849) стал известным советским историком, профессором Московского городского педагогического института, специалистом по истории средних веков.

⁴ РГАЛИ. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 246. Л. 4.

⁵ РГАЛИ. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 2. Л. 1а; Д. 79. Л. 2.

демократами и в письмах к отцу подробно писал о студенческих волнениях и встречах с участниками революционных организаций⁶.

В 1863 г. после выхода в отставку Ф.Н. Фортунатова с поста директора Олонекской гимназии семья переехала в Москву. Братья поступают во 2-ую московскую гимназию. Здесь, несмотря на все реформы образования в XIX в., сохранялся наиболее полный курс преподавания древнегреческого и латинского языков. Возможно, сама специфика программы обучения, а также семейные традиции предопределили выбор Степана. Отец и старший брат Евгений закончили историко-филологический факультет Петербургского университета, другой брат – Филипп поступил на историко-филологический факультет Московского университета, куда в 1867 г. после окончания гимназии с золотой медалью⁷ поступает и Степан.

К сожалению, сам С.Ф. Фортунатов воспоминаний о своих студенческих годах не оставил, и сложно определить, кто из преподавателей факультета оказал наибольшее воздействие на формирование его исторического мировоззрения. По всей видимости, самым влиятельным для него профессором стал В.И. Герье (1837–1919). В воспоминаниях Н.Г. Высотского отмечается особая роль Герье в годы его обучения в университете: «...Он вел преподавание строго научным образом, он устроил исторические семинарии, научил и студентов работать, вообще поставил кафедру всеобщей истории в Московском университете весьма высоко»⁸. Сетую, что «профессора ничего почти не предпринимали к тому, чтобы готовить молодых людей, которые были бы достойны занять со временем профессорские кафедры», Высотский отмечал, что только Герье «озабочен был делом приготовления будущих профессоров», «он показал студентам, что значит самостоятельный научный труд, и если кто из молодых людей добровольно брался за такой труд, то Владимир Иванович всеми средствами помогал ему»⁹. Ему вторит Н.И. Кареев: «в студенческие мои годы Герье был полезным для студентов более других работавших профессоров»¹⁰.

Действительно в период студенчества С.Ф. Фортунатова Герье был молодым, инициативным, либерально настроенным профессором, внедрившим в преподавание целый ряд инноваций. Это и семинары по

⁶ РГАЛИ. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 246. Л. 4.

⁷ Гулевич С. 73.

⁸ Высотский 1910. С. 163.

⁹ Там же. С. 170.

¹⁰ Кареев 1990. С. 133.

всеобщей истории, которые позже дополнились «вечерними семинариями» у него на дому для наиболее способных студентов. Когда Степан учился на втором курсе, Герье, первым в российских университетах, стал читать студентам систематический курс истории Великой французской революции и изучать ее на семинарах¹¹.

В начале 1870-х гг. Герье последовательно оставляет при кафедре всеобщей истории талантливых студентов для приготовления к профессорскому званию: сначала Н.Г. Высотского, а затем С.Ф. Фортунатова. Высотский не оправдал надежд учителя и впоследствии стал чиновником. Степан сразу обратил на себя внимание преподавателей факультета самым фактом принадлежности к семье Фортунатовых. Его старший брат Филипп уже был оставлен при университете на кафедре сравнительной грамматики индоевропейских языков и успешно сдал магистерский экзамен. К тому же Степан выделялся среди студентов эрудицией, феноменальной памятью и высокой коммуникабельностью. Кареев пишет, что он был очень популярен среди студентов благодаря «своим историческим знаниям, превосходному характеру и большим чудачествам»¹². Фортунатов был непременным участником вечернего семинария и знаменитых журфиксов на дому у семейства Герье.

В 1871 г. по предложению Герье С.Ф. Фортунатов был оставлен при университете стипендиатом для приготовления к магистерскому экзамену¹³. Возможно, именно в это время была определена и тема его магистерской диссертации – «Генри Вен». Следует отметить, что эта тема стояла несколько в стороне от научных интересов самого Герье.

Сложившаяся практика предполагала, что магистранты одновременно с работой над диссертацией приобретали педагогический опыт в каком-то учебном заведении. Осенью 1872 года в Москве по инициативе Герье открылись первые в России Высшие женские курсы, программа обучения на которых была приближена к университетской, а к преподаванию были привлечены ведущие профессора Московского университета. Приглашение со стороны Герье в такой педагогический коллектив С.Ф. Фортунатова можно считать удачей для молодого магистранта. Именно здесь он получил свой первый педагогический опыт, преподавая с 1872 г. по 1876 г. всеобщую историю¹⁴. В воспоминаниях одной из первых курсисток Е.Н. Щепкиной упоминается, что он читал

¹¹ Иванова 2010. С. 267-269.

¹² Кареев 1990. С. 129.

¹³ ЦИАМ. Ф. 459. Оп.2. Д. 4077. Л. 197-198об.

¹⁴ Там же. Л. 197.

«всеобщую историю древнюю и среднюю», но «семинарии Герье» давали больше, чем лекции Фортунатова¹⁵. Именно здесь С.Ф. Фортунатов входит в кружок молодых ученых, душой которого можно считать А.А. Шахова (1850–1877). Его друг В.О. Ключевский, также преподававший на курсах, относился к Фортунатову с большой симпатией¹⁶.

Осенью 1873 года Фортунатов успешно сдал экзамен на звание магистра всеобщей истории¹⁷. Однако работа над диссертацией затягивалась, и в сентябре 1874 года, Герье ходатайствует о стипендии имени Т.Н. Грановского для магистранта, чтобы тот смог вплотную заняться научной деятельностью, не отвлекаясь на дополнительные заработки¹⁸.

В 1873 г. В.И. Герье оставляет при университете еще одного своего ученика – Н.И. Кареева, а в 1875 г. – П.Г. Виноградова. Создается ситуация острой конкуренции между магистрантами Герье, проследить которую можно по письмам и мемуарам Н.И. Кареева и другим свидетельствам. Так, С.П. Мельгунов считает, что Фортунатов «был как бы конкурент самого П.Г. Виноградова, и конкурент, по-видимому, опасный, за которым Виноградов тщательно следил»¹⁹.

Возможно, это побудило Фортунатова спешить с представлением диссертации. В 1875 г. он опубликовал книгу о деятеле английской революции Генри Вене²⁰. По этой первой книге сложно определить историко-методологические взгляды Фортунатова, но обозначить их необходимо для объяснения последующих событий. Поэтому, нарушив хронологическую последовательность, дадим здесь краткий анализ научного наследия ученого. Большинство его работ носят фактологический характер (монографии и издания лекций) или историографический (рецензии в журналах и газетах). В этих работах четко отразились его политические взгляды. Мирозозрение Фортунатова сформировалось в период великих реформ в России 1860–70-х гг., в семье, где царил свободомыслие. Не участвуя непосредственно в политической деятельности, он был убежденным либералом, сторонником конституционализма и политических свобод и слыл среди современников вольнодумцем.

Так в своей первой книге Фортунатов объясняет интерес к деятелю английской революции Генри Вене тем, что в его работах содержатся «постоянные ссылки на естественное право, на врожденное че-

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 1368. Л. 8-10.

¹⁶ Иванова 2011. С. 319-320.

¹⁷ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4077. Л. 198 об.

¹⁸ ЦИАМ. Ф. 418. Оп.476. Д. 1. Л. 9.

¹⁹ Мельгунов 2003. С. 173.

²⁰ Фортунатов 1875.

людеку понятие о справедливости»²¹. Сравнивая взгляды Мильтона и Вена, он отмечает их близость.

В опубликованной в 1879 г. второй монографии «История политических учений в Соединенных Штатах» Фортунатов анализирует взгляды авторов «Федералиста» А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. Фортунатов сравнивает концепцию федерализма А. Гамильтона, опирающуюся на «необходимость в усилении и укреплении союза штатов» и доктрину Дж. Кальгуна, настаивавшего на расширении прав отдельных штатов, вплоть до их права приостанавливать действие федеральных законов, нарушающих конституцию США. Различия в трактовке принципа федерализма у этих политических деятелей русский ученый объясняет различием исторических условий их появления²². В то же время Фортунатов считал, что авторы «Федералиста» и Кальгун сходятся «во враждебном отношении к чистой демократии и в желании ограждать меньшинство от тирании большинства»²³.

Именно вторая монография сформировала у Фортунатова устойчивый интерес к истории США. В 1880-е гг. он первым в России начинает систематическое чтение лекций по американской истории сначала в Московском университете, а затем на Высших женских курсах. Сохранились десятки литографированных лекционных курсов, записанных его слушателями, в основном, по истории разных стран в XIX в.²⁴ Особенностью этих курсов является в целом позитивистский подход к историческому процессу, с упоминанием о социально-экономических явлениях, но особое внимание уделено анализу законодательных источников и истории политических учений. В работах периода революции 1905–1907 гг. («Основные начала английской конституции», «Права гражданина в Англии и Северо-Американских Соединенных штатах», «Одна или две палаты?») он выступал как «энтузиаст культуры политической свободы» и «личных гражданских вольностей»²⁵.

Либерализм С.Ф. Фортунатова проявился уже в книге 1875 года. Помимо этого, книга, представленная как диссертация, не отвечала традиционным требованиям к магистерским диссертациям, сложившимся в Московском университете. Она не опиралась на архивные

²¹ Там же. С. 145.

²² Фортунатов 1879. С. 145-146.

²³ Там же. С. 20, 146.

²⁴ Фортунатов 1908; 1911; 1912; 1914; 1915; 1916 и др.

²⁵ Кизеветтер 1996. С. 72.

источники, была небольшой по объему (180 с.)²⁶. Для представления диссертации в Совет Герье должен был написать рекомендательный отзыв, но его нет ни в архиве профессора, ни в печати (подобные отзывы часто публиковались). Возможно, Герье даже не писал его, что могло объясняться как несоблюдением чисто формальных требований к диссертации, так и опасениями перед либеральными идеями, высказанными в ней. В письме В.О. Ключевского к А.А. Шахову глухо упоминается о каких-то интригах вокруг диссертации С.Ф. Фортунатова: «То же и со Степой. Он был предложен один без танцмейстера. Но кому он обязан этим? Известному декану, который болтая на все четыре стороны, очевидно доложил робкому Вольдемару о последствиях его намерений, слышанных от Савича»²⁷. Можно предложить следующую интерпретацию данной цитаты. С.Ф. Фортунатов представил свою диссертацию для защиты в Совет, но Герье («танцмейстер») не написал рекомендательного отзыва, испугавшись каких-то последствий. Деканом факультета в 1875 г. был Н.А. Попов, который предупредил Герье о том, что Н.С. Тихонравов (Савич) усмотрел в книге что-то крамольное. Возможно, в этой интриге задействованы также противоречия между Н.С. Тихонравовым, профессором кафедры истории русского языка (в 1876 г. он станет деканом факультета, а в 1877 году – ректором университета) и профессором истории и литературы славянских наречий А.Л. Дювернуа, руководителем магистерской диссертации старшего брата Степана Ф.Ф. Фортунатова. Именно во время описываемых событий (весна 1875 года) диссертация Филиппа была представлена в совет и осенью 1875 года Ф.Ф. Фортунатов ее успешно защитил. Итак, диссертация Степана Федоровича не была принята к защите, но Герье все еще надеялся на благоприятный исход.

О том, что учитель продолжал поддерживать своего магистранта свидетельствует тот факт, что в 1875 г. он предложил ему читать лекции по истории средних веков в университете²⁸. Кроме того, Герье поднимает вопрос о заграничной командировке для С.Ф. Фортунатова²⁹. Эти хлопоты увенчались успехом, и в апреле 1876 г., досрочно приняв экза-

²⁶ Для справки отметим, что магистерские диссертации других учеников были значительно объемнее: Н.И. Кареева – 491 стр.; П.Г. Виноградова – 348 стр.; М.С. Корелина – 1088 стр.; Р.Ю. Виппера – 686 стр.; С.А. Котляревского – 389 стр.; Е.Н. Щепкина – 852 стр.; И.И. Иванова – 749 стр.

²⁷ Иванова 2011. С. 319-320.

²⁸ ЦИАМ. Ф. 418. Оп.476. Д.2. Л. 16.

²⁹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп.476. Д. 4. Л. 1.

мены у студентов по истории средних веков³⁰, С.Ф. Фортунатов должен был выехать за границу за счет средств Министерства народного просвещения. 13 апреля 1876 г. Фортунатов получает свидетельство «о командировании за границу с ученой целью на два года» (имеется пометка о собственноручном получении)³¹. Однако, вопрос о том, был ли в заграничной командировке Фортунатов, не до конца ясен. В материалах Канцелярии Совета Московского университета и в «Отчете о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1879 год» отмечается, что Фортунатов не воспользовался заграничной командировкой³², нет о ней упоминания и в автобиографии, написанной в 1885 г. (приложена к материалам по поступлению Фортунатова на службу в Московский университет).³³ Вместе с тем, в энциклопедии Брокгауза и Ефрона отмечается, что Фортунатов был в заграничной командировке и слушал во Фрейбургском университете лекции профессора Гольста по истории Соединенных Штатов³⁴.

В условиях отсутствия четких свидетельств мнения исследователей также расходятся. А.В. Антощенко отмечает, что С.Ф. Фортунатов по неуважительным причинам несколько раз переносил сроки выхлопотанной для него Герье заграничной стажировки, и в конце концов был исключен министерством из списка кандидатов на поездку как не воспользовавшийся средствами³⁵. Г.П. Мягков полагает, что Фортунатов проходил научную стажировку за границей, но непродолжительное время: «Только стечение обстоятельств – отказ в январе 1877 г. С.Ф. Фортунатова, первого из направленных В.И. Герье своих учеников для подготовки к “профессорскому званию” не выдержавшего одиночества, от продолжения своей командировки, а затем смерть другого кандидата, утвержденного на место Фортунатова, – открыли возможность Карееву выехать за границу в сентябре 1877 г.»³⁶.

Вопрос о том, состоялась ли командировка С.Ф. Фортунатова, представляется важным, так как после 1876 г. можно говорить об охлаждении в отношениях между учителем и учеником, которого не было после неудачи с диссертацией. Герье, по всей видимости, после отказа Фортунатова от работы в зарубежных архивах, делает ставку на

³⁰ ЦИАМ. Ф. 418. Оп.476. Д. 4. Л. 7.

³¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 44. Д. 72. Л.84.

³² ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 44. Д. 72. Лл. 26, 27; Отчет о состоянии... 1880. С. 124.

³³ ЦИАМ. Ф. 459. Оп.2. Д. 4077. Л. 197.

³⁴ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXVI. С. 322.

³⁵ Антощенко 2010. С. 91.

³⁶ Мягков 2000. С. 97.

Кареева и Виноградова, добившись для первого заграничной командировки, а для второго – приглашения в качестве стороннего преподавателя читать в университете ту самую средневековую историю, которую в 1875/76 г. вел С.Ф. Фортунатов³⁷. При этом Фортунатов также надеялся продолжить работу в Московском университете, о чем свидетельствуют письма Виноградова к Герье по поводу сложностей с процедурой утверждения его кандидатуры в Совете университета³⁸. Но этим надеждам не суждено было сбыться.

Обиженный, по всей видимости, на Герье и родной факультет, Фортунатов даже не пытается предпринять еще одну попытку защитить здесь диссертацию. Издав в 1879 г. исследование по истории политических учений в Соединенных Штатах³⁹, он решил попытать счастья в Киевском университете, где требования к магистерской диссертации были не такими строгими, как в Московском университете. Однако, по свидетельству П.Г. Виноградова, «вторая диссертация Фортунатова натолкнулась в Киеве на не совсем лестный прием со стороны большинства факультета с Котляревским во главе»⁴⁰. После двух неудачных попыток Фортунатов оставил стремление достичь ученой степени и сосредоточился на преподавательской и журналистской деятельности.

С 1877 г. Степан Федорович начал преподавать историю в классической женской гимназии С.Ю. Фишер⁴¹ (где работал по 1910 год)⁴². Также он преподавал в гимназии С.А. Арсеньевой⁴³, а с августа 1878 года начал работать учителем истории в 4-й московской женской гимназии Ведомства императрицы Марии⁴⁴. Его преподавательская деятельность была весьма успешной, о чем свидетельствуют многочисленные воспоминания его коллег и учеников. Кроме того, в 4-й гимназии он приобрел широкий круг общения. Здесь преподавали также П.Н. Милюков, Ф.А. Смирнов, Я.Л. Барсков.

С 1879 г. С.Ф. Фортунатов был произведен за выслугу лет в коллежские ассесоры⁴⁵, а в 1884 г. «за усердную службу» награжден ор-

³⁷ ЦИАМ. Ф. 418. Оп.476. Д. 1. Л. 21 об.

³⁸ Цыганков 2010. С. 175, 177.

³⁹ Фортунатов 1879.

⁴⁰ Цыганков 2010. С. 183.

⁴¹ ЦИАМ. Ф. 459. Оп.2. Д. 4077. Л. 197.

⁴² Историческая записка ... 1912. С. 85.

⁴³ Богословский 2011. С. 407.

⁴⁴ ЦИАМ. Ф. 459. Оп.2. Д. 4077. Л.198 об.

⁴⁵ Там же. Л.199 об.

деном Св. Станислава 3-й степени⁴⁶. Кроме работы в гимназиях, он преподавал также на коллективных уроках при обществе воспитательниц и учительниц, которые образовались после закрытия властями Высших женских курсов⁴⁷.

Не оставил Фортунатов и научных занятий, однако они приобрели несколько иное направление. С 1879 г. С.Ф. Фортунатов начал сотрудничество с газетой «Русские Ведомости», которое продлилось более тридцати лет. За эти годы он поместил в газете большое количество статей по вопросам политической истории европейских государств (преимущественно Англии и Франции) и Соединенных Штатов. «Международных вопросов он в своих статьях почти не касался, но зато охотно останавливался на общеконституционных темах, особенно часто ему приходилось это делать в 1905–1906 гг., когда такие темы стояли на очереди дня у русского общества»⁴⁸. В газете печатались и многочисленные рецензии Фортунатова на книги и учебные пособия по всеобщей истории и конституционному праву; многие из этих рецензий помещались и в виде самостоятельных статей. Особо следует отметить рецензии на книги Н.И. Кареева, П.Г. Виноградова, П.Н. Ардашева, Р.Ю. Виппера⁴⁹. Статьи и рецензии С.Ф. Фортунатова периодически появлялись также в «Юридическом вестнике», «Русской мысли» и «Критическом обозрении». К рецензированию книг он всегда подходил со знанием дела, и его критические замечания были обоснованными выводами не дилетанта, а настоящего ученого, хорошо знакомого с современным состоянием историографии.

Таким образом, и после 1876 г. Фортунатов не прекращал научных занятий и преподавательской деятельности. Когда по новому университетскому уставу 1884 г. появилась возможность стать в Московском университете приват-доцентом, он этим тут же воспользовался. Осенью 1885 г. Фортунатов пишет прошение о принятии его приват-доцентом, в котором отмечает: «предметом моих чтений... я думаю сделать историю Соединенных Штатов»⁵⁰. Кроме этого он вел лекционные курсы и семинары по истории европейских государств XIX века и конституционному праву⁵¹. В Московском университете Фортунатов проработал по-

⁴⁶ Там же. Л. 200 об.

⁴⁷ Кизеветтер 1996. С. 183.

⁴⁸ Русские ведомости. 1913. С. 186.

⁴⁹ См.: Фортунатов 1893. № 188; 1895; 1910 и др.

⁵⁰ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 208. Л. 1.

⁵¹ НИОР РГБ. Ф. 113. К. 25. Ед. хр. 37. 34 л.

что 25 лет, покинув его в 1911 г. в связи с «делом Кассо»⁵². Отметим, что после ухода Фортунатова из университета курс по истории США в учебных программах историко-филологического факультета 1912–1918 гг. отсутствует. В дальнейшем преподавательская деятельность Фортунатова была связана с двумя высшими учебными заведениями: Высшими женскими курсами и университетом имени А.Л. Шанявского.

На Московских Высших женских курсах С.Ф. Фортунатов становится ведущим преподавателем дисциплин новой истории после 1905 г., придя сюда после скандальной отставки В.И. Герье с поста директора. Он читает на курсах историю Соединенных Штатов Северной Америки, историю Англии XIX века, историю Германии XIX века, историю Великой французской революции. Только благодаря запискам слушательниц сохранились литографированные издания его лекций⁵³.

Среди исследователей высказывалось мнение, что С.Ф. Фортунатов преподавал в университете имени Шанявского на постоянной основе уже с первого учебного года⁵⁴, однако в «Отчете Московского Городского Народного университета имени А.Л. Шанявского за 1909–1910 acad. год» в списке преподавателей С.Ф. Фортунатова нет⁵⁵. Вероятно, он начинает здесь работать с 1911 г., когда в университет пришла целая группа профессоров и приват-доцентов, демонстративно покинувших Московский университет в знак протеста против действий министра просвещения Л.А. Кассо.

Перечень курсов, которые Фортунатов читал слушателям университета, был примерно тот же, что и в Московском университете и на Высших женских курсах: история Франции XVIII в., истории Англии и Германии в XIX в., история США. Анализ опубликованных программ лекций Фортунатова свидетельствует, что основной упор был сделан не на событийную историю, а на изучение политико-правовых систем этих государств: структуру государственного управления, политические реформы, конституционно-правовые акты. Большое внимание в своих курсах Фортунатов неизменно уделял истории революций, а вопросы внешней политики были освещены им лишь в общих чертах.

Портрет С.Ф. Фортунатова будет неполным без попытки охарактеризовать черты его личности, что возможно только на основе свидетельств современников. Все они подчеркивали его индивидуальность и

⁵² Русские ведомости. 1863–1913. 1913. С. 186.

⁵³ См.: Фортунатов 1910; 1912; 1915 и др.

⁵⁴ Архипова. 1995. С. 193.

⁵⁵ Отчет Московского... 1910. С. 8–9.

нетипичность. Его чудачества были предметом насмешек и анекдотов, но, в то же время практически все эти свидетельства написаны с такой любовью, что можно говорить о его обаянии и коммуникабельности.

Оригинальный облик Фортунатова подробно описывает А.А. Кизеветтер: «...Степан Федорович отличался живой общительностью, подвижностью и шумливостью. Он был маленького роста и походил на гнома с большой головой и длинной бородой. В профиль он был очень похож на Сократа. Под широким и высоким лбом сверкали на его лице маленькие острые глазки, точно два колючих буравчика. Он говорил без умолку, с необычайной живостью, звонко отчеканивая слова, которые неудержимо сыпались одно за другим, и то и дело сопровождая возбужденную речь взрывами громогласного залихватого смеха»⁵⁶.

Фортунатов, по свидетельствам современников, совсем не следил за своим внешним обликом, был «неряшлив и нечистоплотен». Однажды приняв его по одежде за нищего ему даже хотели подать милостыню. Когда он начал читать лекции на Высших женских курсах, то ходил на занятия в старом истертом сюртуке без воротничков и манжет. Герье, не решившись сделать прямое замечание, деликатно подарил ему запонки для манжет. Но Фортунатов намека не понял, «запонки взял и даже хвастался этим подарком перед курсистками, но манжет по-прежнему не носил»⁵⁷.

Все изъяны его внешнего облика отходили на второй план перед его талантом педагога. Кизеветтер пишет: «Но все это забывалось и прощалось, когда начинала звучать его оживленная речь»⁵⁸. Б.Г. Сафронов свидетельствует, что мастерство преподавателя Р.Ю. Виппера сформировалось под влиянием Фортунатова. Он пишет: «Р.Ю. Виппер особо выделяет эту колоритную, хорошо известную москвичам фигуру Степана Федоровича, утверждая, что вся его... преподавательская деятельность проходила под влиянием прекрасных уроков Фортунатова»⁵⁹.

Будучи очень открытым человеком, С.Ф. Фортунатов обладал незаурядными ораторскими способностями. Сравнивая двух братьев, Кизеветтер отмечал: «Насколько Филипп Федорович был молчалив и тих, настолько Степан Федорович отличался живой общительностью, подвижностью и шумливостью. ...Он обладал даром увлекательного драматического изложения и передавал перипетии парламентских кон-

⁵⁶ Кизеветтер 1996. С. 71.

⁵⁷ Там же. С. 151–152.

⁵⁸ Там же. С. 73.

⁵⁹ Сафронов 1976. С. 13.

фликтов былых времен с таким увлечением, как будто бы становилась на карту его собственная политическая карьера. Можно себе представить, какой успех имели его лекции в его аудитории, битком набитой слушателями»⁶⁰. Необходимо отметить, что по воспоминаниям учеников, занятия Фортунатова были не только увлекательны, но их материал хорошо усваивался: «Он, сидя на кафедре, откинувшись назад [...] закрывая глаза, раскрывал перед нами события европейской или русской истории с такой яркостью и простотой, что слушая его [...] только дивишься, бывало, как все легко запоминается, как все понятно, будто он раскрывает тебе череп и укладывает там все в таком порядке, что все отыщется сразу при надобности»⁶¹. В то же время следует отметить, что в своей преподавательской деятельности он делал упор на лекции, не уделяя внимания семинарским занятиям.

Обладая феноменальной памятью, Степан Федорович хорошо помнил своих учениц и, спустя годы, безошибочно называл их девичьи фамилии, припоминая даже их ошибки на выпускных экзаменах⁶².

П.Н. Милюков писал о Фортунатове: «Долго спустя нельзя было упомянуть его имени, чтобы лицо собеседницы (или собеседника) не расплылось в самую счастливую улыбку – с примесью некоторого элемента шутки. Дело в том, что Степан Федорович, старый холостяк, совершенно пренебрегал своей внешностью. [...] Ученицы ходили в грязные дни в переднюю на «поклонение калошам святого Степы», когда около этого допотопного предмета разливались целые озера грязной воды. Но в преподавании Степан Федорович был неподражаем. Жестикуюлируя, потирая руки и разливаясь смехом, он увлекательно излагал свои любимые отделы истории, – преимущественно истории революций, а также историю Соединенных Штатов Америки; он славился тем, что мог перечислить подряд всех президентов, с годами их управления»⁶³.

В повседневной жизни С.Ф. Фортунатов был достаточно беспомощен. На протяжении практически всей жизни он не умел пользоваться спичками⁶⁴, и в его контракте с квартирной хозяйкой, у которой он прожил более 20 лет, был пункт, что она «обязуется зажигать ему керосиновую лампу». Долго не решался он пользоваться и телефоном⁶⁵.

⁶⁰ Кизеветтер 1996. С. 71-72.

⁶¹ РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 2519. Л. 1.

⁶² Кизеветтер 1996. С. 71.

⁶³ Милюков 1991. С. 63.

⁶⁴ Кареев 1990. С. 129.

⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 2519. Л. 1.

Остроумный вольнодумец, постоянный гость всех журфиксов и в Москве, и в Петербурге (где жил его брат-академик) С.Ф. Фортунатов был хорошо знаком практически со всеми знаменитыми учеными двух столиц, и, несмотря на отсутствие значимых научных трудов, его мнением дорожили. Современники, характеризуя С.Ф. Фортунатова, как правило, подчеркивали его глубокие знания зарубежной истории и широкий кругозор. Так, Н.Г. Высотский отмечал, что Степан Федорович был «знатоком всеобщей истории»⁶⁶. П.Н. Милюков рассказывает, что Лев Толстой «в известный момент постройки своей теории, которая в числе других отрицаний проявлений культуры отрицала и науку» обратился к некоторым профессорам университета, в том числе к С.Ф. Фортунатову «для проверки исторических фактов о Христе и о Будде, и ко мне – для обсуждения общего смысла истории»⁶⁷.

Фортунатов тесно общался с другими учениками Герье – Н.И. Кареевым, П.Г. Виноградовым, М.С. Корелиным. Но можно предполагать, что в этих отношениях присутствовал элемент конкуренции. Это, на наш взгляд, отразилось в оценках Кареевым С.Ф. Фортунатова, которые носят несколько уничижительный оттенок. Еще более негативным, судя по письмам, было отношение к Фортунатову со стороны М.С. Корелина, также оставленного Герье «профессорским кандидатом» в 1880 г. Однако это не снижало популярности С.Ф. Фортунатова в профессорской среде. По воспоминания А.А. Кизеветтера о 90-х гг.: «Оживленным центром общения московских историков были тогда журфиксы у П.Г. Виноградова... Более тесный кружок собирался у Милюкова, а по воскресным утрам – у С.Ф. Фортунатова»⁶⁸.

После 1876 г. отношения Фортунатова и Герье складывались не просто. С одной стороны, объявив чтение лекций по новой истории в Московском университете в качестве приват-доцента, Фортунатов создал конкуренцию учителю и вынужден был оправдываться перед ним⁶⁹. В то же время, судя по письму М.С. Корелина от 1887 г., Герье продолжал следить за деятельностью Фортунатова и расстраивался, что тот так и не получил ученой степени⁷⁰. Ситуация обострилась в 1894 г. в связи с открытием по инициативе Герье Исторического общества при Московском университете. Группа т.н. «павликиан», сторонников Ви-

⁶⁶ Высотский 1911. С. 170.

⁶⁷ Милюков 1991. С. 70.

⁶⁸ Кизеветтер 1996. С. 181.

⁶⁹ НИОР РГБ. Ф. 70. К. 54. Ед.хр. 93. Л. 3.

⁷⁰ Цыганков 2010. С. 280.

ноградова, во главе с П.Н. Милюковым, считая, что во главе общества должен стоять Павел Гаврилович, спровоцировала скандал и демонстративно вышла из его состава. Фортунатов встал в этом споре на сторону «павликиан» и Виноградова. Он сухо известил Герье о своем выходе из общества: «Покорнейше прошу Вас передать Историческому обществу, что я более не состою его членом. Готовый к услугам С. Фортунатов»⁷¹. Любопытно, что, когда в 1916 г. А.Н. Савин предложил Фортунатову стать членом вновь возрожденного Исторического общества, почетным председателем которого пригласили Герье, Фортунатов опять отказался⁷². Охлаждению отношений между Герье и Фортунатовым способствовало и то, что, когда либеральная профессура в 1905 г. отстранила Герье от руководства Высшими женскими курсами, заменить его в преподавании всеобщей истории согласился Степан Федорович. В этот период он тесно общался с А.А. Кизеветтером, П.Н. Милюковым, М.М. Богословским, Ю.В. Готье.

На период 1905–1915 гг. приходится наиболее интенсивная преподавательская деятельность С.Ф. Фортунатова в высших учебных заведениях Москвы. В эти годы было опубликовано более десятка его лекций по истории США, Германии, Англии, французской революции и др. За многолетнюю преподавательскую деятельность С.Ф. Фортунатов получил чин статского советника⁷³. Во всех учебных заведениях, где он работал, он неизменно пользовался огромной популярностью у студентов.

13 мая 1916 г. С.Ф. Фортунатов перенес инсульт. Приступ с ним случился после экзамена на Высших женских курсах, откуда на скорой медицинской помощи он был доставлен в больницу. В «Русских ведомостях» опубликовали достаточно подробное сообщение о болезни Фортунатова, отметив, что вечером ему уже было лучше. Речь вернулась, но рука и нога были поражены параличом⁷⁴.

Письменных свидетельств о деятельности Фортунатова в последние годы его жизни практически не сохранилось. Можно отметить лишь упоминание М.М. Богословского в дневнике о визите в санаторий к Степану Федоровичу в ноябре 1916 года: «Я нашел его в очень хорошем состоянии. Речь правильная, изредка только как бы прогла-

⁷¹ НИОР РГБ. Ф. 70. К. 54. Ед. хр. 93. Л. 1.

⁷² *Богословский*. 2011. С. 73–74.

⁷³ РГАЛИ. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 79. Л. 2.

⁷⁴ *Богословский М.М.* 2011. С. 139.

тывает отдельные слоги в словах. Он очень оживленно беседовал о текущих событиях»⁷⁵.

1917–1918 гг. были тяжелым временем для московской профессуры. Не приспособленный к бытовым трудностям С.Ф. Фортунатов оказался выброшенным на обочину жизни. Скончался он 26 декабря 1918 года в Пироговской больнице. Панихида прошла там же 29 декабря. Ю.В. Готье в своем дневнике записал: «Вечером зашел за Б.В. Ключевским..., и мы вместе пошли на панихиду по С.Ф. Фортунатову. Я первый раз в жизни был в покойницкой часовне больницы; там бедный Степочка лежал еще без гроба в обществе еще 6 покойников, и панихида прошла в самой тяжелой и убогой обстановке»⁷⁶. Газета «Высшая школа» опубликовала небольшой некролог, в котором отмечалось: «26 декабря 1918 г. скончался в Пироговской больнице в глубокой старости Степан Федорович Фортунатов, читавший до последнего времени на Высших Женских Курсах и в Университете им. Шанявского курс истории Западной Европы и С.-А. Соед. Штатов. 30 декабря он похоронен на Донском кладбище, недалеко от могилы Муромцева. Покойный пользовался большой популярностью среди учащихся, и особенно в среде Шанявцев светлая память о нем останется навсегда»⁷⁷.

Фортунатов ушел вместе со своей эпохой. На долгие годы имя этого прекрасного преподавателя и интеллектуала было предано забвению. Однако без анализа его жизни и деятельности будет неполной интеллектуальная история России конца XIX – начала XX века, история отечественной историографии всеобщей истории и портретная галерея ее представителей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антощенко А.В.* Диссертации П.Г. Виноградова // Мир историка. Вып. 6. Омск, 2010. С. 85–120.
- Архипова Т.Г.* История и историки в Московской городской университет имени А.Л. Шанявского // Гуманитарные науки / Ред. колл.: А.Н. Тихонов, В.А. Садовничий и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. С. 192–204.
- Богословский М.М.* Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М.: Время, 2011. 800 с.
- Высотский Н.Г.* Из далекого прошлого (Воспоминания о студенческих годах в Московском университете) // Вестник воспитания. 1910. № 7. С. 150–170.
- Готье Ю.В.* Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 137–164.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Готье Ю.В. 1991. С. 158.

⁷⁷ Профессор С.Ф. Фортунатов. 1919. С. 62.

- Гулевич С. Историческая записка о 50-летию Московской 2-й гимназии (1835–1885). М.: тип. Е. Лиснер и Ю. Роман, 1885. 328 с.
- Иванова Т.Н. Научное наследие В.И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30 е гг. XIX в. – начало XX века). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. 382 с.
- Иванова Т.Н. В.О. Ключевский о В.И. Герье и не только: к публикации одного письма // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сборник статей/ Под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. – Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 315–322.
- Историческая записка о 40-летию женской классической гимназии С.Н. Фишер с 1-го сентября 1872 г. по 1-е сентября 1912 г. По материалам, собранным Г.Б. Фишером. Составил И. Владимировский. М.: Т-во Печатня С.П. Яковлева, 1912. 154 с.
- Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. 384 с.
- Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания: 1881–1914. М.: Искусство, 1996. 396 с.
- Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. М.: Индрик, 2003. 528 с.
- Милюков П.Н. Воспоминания. М.: Политгиздат, 1991. 528 с.
- Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казанского университета, 2000. 298 с.
- Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее НИОР РГБ). Ф. 70. К. 54. Ед. хр. 93. 3 л.
- НИОР РГБ. Ф. 113. К. 25. Ед. хр. 37. 34 л.
- Отчет Московского Городского Народного университета имени А.Л. Шанявского за 1909–1910 акад. год. II-й год. М.: Городская типография, 1910. 34 с.
- Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1879 год. М.: Унив. типогр. 1880. 147 с.
- Профессор С.Ф. Фортунатов. Некролог// Высшая школа. 1919. № 1. С. 62.
- Российский государственный архив литературы (далее РГАЛИ). Ф. 878. Оп. 1. Д. 2519. 2 л.
- РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 1368. 24 л.
- РГАЛИ. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 2. 33 л.
- РГАЛИ. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 79. 12 л.
- РГАЛИ. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 246. 34 л.
- Русские ведомости. 1863–1913. Сб. ст. М.: Типография «Русских ведомостей», 1913. 580 с.
- Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. М.: Изд-во Московск. ун-та, 1976. 222 с.
- Фортунатов С.Ф. Представитель индипендентов Генри Вен. М.: тип. Т. Рис, 1875. 180 с.
- Фортунатов С.Ф. История политических учений в Соединенных Штатах. Ч. 1. Федералист и трактаты Кальгуна. М.: Типо-лит. Н.В. Любенкова, 1879. 151 с.
- Фортунатов С.Ф. Новая книга о XVIII веке // Русские ведомости. 1893. № 188.
- Фортунатов С.Ф. Новый учебник истории // Русские ведомости. 1895. № 241.
- Фортунатов С.Ф. История Соединенных Штатов XIX века. Записки, сост. слушательницами Высш. женск. курсов за 1908 год по лекциям С.Ф. Фортунатова. М.: Лит. Титяева [1908]. 112 с.

- Фортунатов С.Ф.* Новая книга по истории конца XIX века // Русские ведомости. 1910. № 64.
- Фортунатов С.Ф.* История французской революции. Записки слушательниц по лекциям С.Ф. Фортунатова, чит. на В.Ж.К. в 1910–11 гг. Ч. 1. М.: Типо-лит. М.Х. Кавыкина [1911]. 141 с.
- Фортунатов С.Ф.* История Англии XIX века: Записки слушат. по лекциям, чит. в 1911/12 уч. г. М., [1912]. 123 с.
- Фортунатов С.Ф.* История Франции со времени Великой революции. Лекции, чит. на В.Ж.К., 1913–1914. Ч. 2. М, 1914. 239 с.
- Фортунатов С.Ф.* История Англии и Германии 19-го века. Лекции, чит. на Московских Высш. женск. курсах в 1914–1915 году. Ч.1-2. М.: Изд. о-во при историко-философском фак. Моск. высш. жен. курсов, 1915. Ч. 1. 240 с. Ч. 2. 188 с.
- Фортунатов С.Ф.* История Соединенных Штатов. Курс, чит. в 1915–1916 гг. По запискам слушательниц. Ч.1. М.: Изд. о-во при историко-философском фак. Моск. Высш. жен. курсов, [1916]. 228 с.
- Центральный исторический архив г. Москвы (далее ЦИАМ). Ф. 418. Оп. 44. Д. 72. 113 л.
- ЦИАМ. Ф. 418. Оп.476. Д. 1. 25 л.
- ЦИАМ. Ф. 418. Оп.476. Д.2. 26 л.
- ЦИАМ. Ф. 418. Оп.476. Д. 4. 21 л.
- ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 208. 2 л.
- ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4077. 251 л.
- Цыганков Д.А.* Профессор В.И. Герье и его ученики. М.: РОССПЭН, 2010. 503 с.
- Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона в 82 тт и 4 доп. тт. СПб.: АО «Ф.А. Брокгауз-Ефрон», 1890–1907.

REFERENCES

- Antoshhenko A.V. Dissertacii P.G. Vinogradova // Mir istorika. Vyp. 6. Omsk, 2010. S. 85-120.
- Arhipova T.G. Istorija i istoriki v Moskovskoj gorodskom universitete imeni A.L. Shanjavskogo// Gumanitarnye nauki / Red. koll.: A.N. Tihonov, V.A. Sadovnichij i dr. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1995. S. 192–204.
- Bogoslovskij M.M. Dnevnik. 1913–1919: Iz sobranija Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeja. M.: Vremja, 2011. 800 s.
- Vysotskij N.G. Iz dalekogo proshlogo (Vospominanija o studencheskih godah v Moskovskom universitete) // Vestnik vospitanija. 1910. № 7. С. 150-170.
- Got'e Ju.V. Moi zametki // Voprosy istorii. 1991. № 12. S. 137-164.
- Gulevich S. Istoricheskaja zapiska o 50-letii Moskovskoj 2-j gimnazii (1835–1885). M.: tip. E. Lisner i Ju. Roman, 1885. 328 s.
- Ivanova T.N. Nauchnoe nasledie V.I. Ger'e i formirovanie nauki vseobshej istorii v Rossii (30 e gg. XIXv. – nachalo HH veka). Cheboksary: Izd-vo Chuvash. un-ta, 2010. 382 s.
- Ivanova T.N. V.O. Ključevskij o V.I. Ger'e i ne to'ko: k publikacii odnogo pis'ma // Istorija i istoriki v prostranstve nacional'noj i mirovoj kul'tury XVIII–XXI vekov: sbornik statej/ Pod red. N.N. Alevras, N.V. Grishinoj, Ju.V. Krasnoj. – Cheljabinsk: Jenciklopedija, 2011. S. 315-322.

- Istoricheskaja zapiska o 40-letii zhenskoy klassicheskoy gimnazii S.N. Fisher s 1-go sentjabrja 1872 g. po 1-e sentjabrja 1912 g. Po materialam, sobrannym G.B. Fisherom. Sostavil I. Vladimirskij. M.: T-vo Pechatnja S.P. Jakovleva, 1912. 154 s.
- Kareev N.I. Prozhitoe i perezhitoe. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1990. 384 s.
- Kizevvetter A.A. Na rubezhe dvuh stoletij. Vospominanija: 1881–1914. M.: Iskusstvo, 1996. 396 s.
- Mel'gunov S.P. Vospominanija i dnevniki. M.: Indrik, 2003. 528 s.
- Miljukov P.N. Vospominanija. M.: Politizdat, 1991. 528 s.
- Mjagkov G.P. Nauchnoe soobshhestvo v istoricheskoy nauke: opyt «russkoj istoricheskoy shkoly». Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 2000. 298 s.
- Nauchno-issledovatel'skij otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki (dalee NIOR RGB). F. 70. K. 54. Ed. hr. 93. 3 l.
- NIOR RGB. F. 113. K. 25. Ed. hr. 37. 34 l.
- Otchet Moskovskogo Gorodskogo Narodnogo universiteta imeni A.L. Shanjavskogo za 1909–1910 akad. god. II-j god. M.: Gorodskaja tipografija, 1910. 34 s.
- Otchet o sostojanii i dejstvijah imperatorskogo Moskovskogo universiteta za 1879 god. M.: Univer. tipogr. 1880. 147 s.
- Professor S.F. Fortunatov. Nekrolog// Vysshaja shkola. 1919. № 1. S. 62.
- Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury (dalee RGALI). F. 878. Op. 1. D. 2519. 2 l.
- RGALI. F. 2567. Op. 1. Ed. hr. 1368. 24 l.
- RGALI. F. 3204. Op. 1. D. 2. 33 l.
- RGALI. F. 3204. Op. 1. D. 79. 12 l.
- RGALI. F. 3204. Op. 1. D. 246. 34 l.
- Russkie vedomosti. 1863-1913. Sb. st. M.: Tipografija «Russkih vedomostej», 1913. 580 s.
- Safronov B.G. Istoricheskoe mirovozzrenie R.Ju. Vippera i ego vremja. M.: Izd-vo Moskovsk. un-ta, 1976. 222 s.
- Fortunatov S.F. Predstavitel' independentov Genri Ven. M.: tip. T. Ris, 1875. 180 s.
- Fortunatov S.F. Istorija politicheskikh uchenij v Soedinennyh Shtatah. Ch. 1. Federalist i traktaty Kal'guna. M.: Tipo-lit. N.V. Ljubenkova, 1879. 151 s.
- Fortunatov S.F. Novaja kniga o XVIII veke // Russkie vedomosti. 1893. № 188.
- Fortunatov S.F. Novyj uchebnik istorii // Russkie vedomosti. 1895. № 241.
- Fortunatov S.F. Istorija Soedinennyh Shtatov XIX veka. Zapiski, sost. slushatel'nicami Vyssh. zhensk. kursov za 1908 god po lekcijam S.F. Fortunatova. M: Lit. Titjaeva [1908]. 112 s.
- Fortunatov S.F. Novaja kniga po istorii konca XIX veka // Russkie vedomosti. 1910. № 64.
- Fortunatov S.F. Istorija francuzskoj revoljucii. Zapiski slushatel'nic po lekcijam S.F. Fortunatova, chit. na V.Zh.K. v 1910–11 gg. Ch. 1. M.: Tipo-lit. M.H. Kavykina [1911]. 141 s.
- Fortunatov S.F. Istorija Anglii XIX veka: Zapiski slushat. po lekcijam, chit. v 1911/12 uch. g. M., [1912]. 123 s.
- Fortunatov S.F. Istorija Francii so vremeni Velikoj revoljucii. Lekcii, chit. na V.Zh.K., 1913–1914. Ch. 2. M, 1914. 239 s.
- Fortunatov S.F. Istorija Anglii i Germanii 19-go veka. Lekcii, chit. na Moskovskih Vyssh. zhensk. kursah v 1914–1915 godu. Ch.1-2. M.: Izd. o-vo pri istoriko-filosofskom fak. Mosk. vyssh. zhen. kursov, 1915. Ch. 1. 240 s. Ch. 2. 188 s.

Fortunatov S.F. Istorija Soedinennyh Shtatov. Kurs, chit. v 1915–1916 gg. Po zapiskam slushatel'nic. Ch.1. M.: Izd. o-vo pri istoriko-filosofskom fak. Mosk. Vyssh. zhen. kursov, [1916]. 228 s.

Central'nyj istoricheskij arhiv g. Moskvy (dalee CIAM). F. 418. Op. 44. D. 72. 113 l.

CIAM. F. 418. Op.476. D. 1. 25 l.

CIAM. F. 418. Op.476. D.2. 26 l.

CIAM. F. 418. Op.476. D. 4. 21 l.

CIAM. F. 418. Op. 476. D. 208. 2 l.

CIAM. F. 459. Op. 2. D. 4077. 251 l.

Сыганков Д.А. Professor V.I. Ger'e i ego ucheniki. M.: ROSSPJeN, 2010. 503 s.

Jenciklopedicheskij slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona v 82 tt i 4 dop. tt. SPb.: AO «F.A. Brokgauz-Efron», 1890–1907. Antoshchenko A.V. Dissertatsii P.G. Vinogradova // Mir istorika. Vyp. 6. Omsk, 2010. S. 85-120.

Агеева Наталья Николаевна, старший преподаватель кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет; nageeva@mail.ru.

Иванова Татьяна Николаевна, доктор исторических наук, заведующий кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет; tivanovan@mail.ru.

A Portrait of an intellectual: for the 165 anniversary of S.F. Fortunatov

The article presents the first description of the life, research and pedagogical work of an insufficiently studied Russian historian Stepan Fedorovich Fortunatov (1850–1918). An attempt has been made to define his place in the sociocultural space of Russia of the late 19th – early 20th cc.

Keywords: Stepan Fedorovich Fortunatov, historiography of world history, Moscow University, the Higher Women's courses, the intellectual life of Moscow in the late 19th – early 20th cc.

Natalya Ageeva, senior lecturer of the department of History and Culture of Foreign Countries, Chuvash State University; nageeva@mail.ru.

Tatyana Ivanova, Dr.Sc. (History), professor of the Department of History and Culture of Foreign Countries, Chuvash State University; tivanovan@mail.ru.

И. Г. ВОРОБЬЕВА

НАТАЛЬЯ ФЁДОРОВНА ОЛЬДЕНБУРГ – ХРАНИТЕЛЬ ТРАДИЦИЙ ПРИЮТИНСКОГО БРАТСТВА

Автор размышляет об интеллектуальном кружке Приютинское братство, основные принципы жизненного поведения которого не пропали с уходом из жизни его создателей. На основе документальных материалов, переписки, мемуаров и рассказов тех, кто знал семьи Ольденбургов, Корниловых, Старынкевичей, воссоздается биография Натальи Фёдоровны Ольденбург (1893–1942).

Ключевые слова: Приютинское братство, Ф.Ф. Ольденбург, Н.Ф. Ольденбург, художественное воспитание.

Дружеский союз петербургских интеллектуалов, возникший в 80-е годы XIX века и получивший название Приютинское братство, сегодня имеет своих биографов и исследователей. Это стало возможным благодаря публикации мемуаров, дневников и переписки ядра братства, которое составляли В.И. Вернадский (1863–1945), Д.И. Шаховской (1861–1939), И.М. Гревс (1860–1941), А.А. Корнилов (1862–1925) и братья С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбурги. О каждом из них написаны монографии, статьи, защищены диссертации. Гораздо меньше известно о жизни, трудах и заботах расширенного круга братства: жен, их родных, детей, племянников. В течение нескольких лет я пытаюсь воссоздать историю семьи Фёдора Фёдоровича Ольденбурга¹, одного из основателей Тверской женской школы, положившей начало высшего педагогического образования в Твери, с которым я связана сорок пять лет.

Документальные свидетельства о Ф.Ф. Ольденбурге, в отличие от семьи его брата академика Сергея Фёдоровича, сохранились в архивах фрагментарно. Основные факты биографии Федора Федоровича известны благодаря его товарищам по Приютинскому братству. Его неожиданная смерть 23 июня 1914 г. потрясла коллег, в печати появились некрологи и воспоминания о нем, предполагалось подготовить том воспоминаний о различных периодах его жизни. Представить статьи взяли Д.И. Шаховской, А.С. Лаппо-Данилевский и сослуживец Ф.Ф. Ольденбурга в Твери М.М. Клевенский. К сожалению, тот сборник не был опубликован. Через два года, в день смерти Ф.Ф. Ольденбурга, собрались его друзья, свои воспоминания прочитали А.А. Кор-

¹ В настоящей статье использованы вновь обнаруженные материалы, дополняющие и корректирующие мои прежние публикации. См.: Воробьева И.Г. 2012.

нилов и И.М. Гревс, а также выпускница школы Фролова, написавшая «очень трогательные и прочувственные стихи»². Но сохранились только воспоминания историка А.А. Корнилова³.

Архивного фонда Ф.Ф. Ольденбурга нет, отдельные письма имеются в фонде академика В.И. Вернадского в Архиве РАН. В тверских архивах сведения о семье Ольденбургов крайне скупы. Больше информации можно найти в мемуарах и письмах, обнаруженных через поиск в Сети (личные сайты, блоги и пр.). Именно благодаря Интернету удалось найти людей, знавших и помнивших семью Ольденбургов, получить важные и значимые свидетельства, фотографии, документы. Настоящая статья – диалог со временем, с людьми, находящимися, как говорят, на расстоянии «всего одного рукопожатия» от старших приютильцев.

Фёдор Фёдорович Ольденбург (1861–1914) происходил из немецкой дворянской семьи, переселившейся из Мекленбурга в Россию еще при Петре Великом, он был лютеранского вероисповедания². Его отец, тоже Фёдор Фёдорович (1815–1877), в 1861 г. женился на Надежде Фёдоровне Берг (1833–1909)³, получил назначение в Забайкальское казачье войско и девять лет прослужил в Сибири. Там и родились сыновья – Фёдор⁴, а в сентябре 1863 года – Сергей. Оба сына были крещены в православной церкви, но, по воспоминаниям их родных, не получили религиозного воспитания.

В 1867 г., сняв военный мундир, Ф.Ф. Ольденбург-старший поступил вольнослушателем в Гейдельбергский университет, чтобы лучше подготовить себя к воспитанию детей. Будучи поклонником Руссо, он стремился растить детей в близости к природе, обучал их разным ремеслам, приучал к тяжелому труду. Разговорным языком в семье был французский, но дети превосходно владели и немецким.

Несколько лет семья провела за границей, а когда мальчикам исполнилось 10 и 12 лет, их родители решили вернуться в Россию и местом поселения избрали Варшаву как город, наиболее подходящий для них, по мнению врачей, в климатическом отношении⁵. Братья

² Об этом см.: Корнилов 1994. С. 121.

³ Мне был доступен машинописный экземпляр «Воспоминаний» А.А. Корнилова, находящийся в частном архиве его потомков.

² См.: Каганович 2006. С. 3–11.

³ Имеются не подтвержденные документально свидетельства, что Н.Ф. Берг была родом тверская.

⁴ Точная дата рождения Ф.Ф. Ольденбурга в словарных статьях не названа, указан 1861 или 1862 г. Известно, что он был старше брата на полтора года.

⁵ О детстве и отрочестве братьев Ольденбургов см.: Корнилов 1916. Почти тот же текст есть в неопубликованной рукописи воспоминаний А.А. Корнилова.

Ольденбурги вместе поступили в русскую гимназию Варшавы. Но вскоре, по словам А.А. Корнилова, «над ними стряслось тяжелое горе: отец их, столь необычным образом посвятивший себя всецело делу их воспитания, простудился и умер от воспаления легких, 62-х лет от роду, мать их, Надежда Фёдоровна, вполне разделявшая взгляды своего мужа, осталась единственной их воспитательницей». В варшавской гимназии вокруг братьев Ольденбургов сложился дружеский кружок, в который входили Д.И. Шаховской, А.А. Корнилов, С.Е. Крыжановский, Д.С. Старынкевич. Об учебе в гимназии прекрасно написала Е.Б. Халезова, внучка Д.С. Старынкевича⁶. Окончив гимназию с золотыми медалями, братья Ольденбурги вместе с матерью переехали в Петербург, где в 1881 г. поступили в университет. Фёдор учился на историко-филологическом факультете, его брат Сергей – на факультете восточных языков.

В университете Фёдор успешно занимался древними языками, работал над кандидатским сочинением «Система воспитания по Платону». Университетскому периоду жизни братьев особое внимание уделял Б.С. Каганович, биограф С.Ф. Ольденбурга. Он полагал, что в юности для них не меньшее значение, чем наука, имели поиски смысла жизни. В университете и сложился «Ольденбургский кружок», превратившийся позднее в «братство» с названием «Приютино», а сам Фёдор Фёдорович в письмах подписывался «Фёдор приютенец».

О том, что Ф.Ф. Ольденбург играл в братстве особую, может, даже мистическую роль, свидетельствуют записи в Дневнике В.И. Вернадского. Находясь в эвакуации, он записал 25 января 1942 года: «Обычно мы собирались – *Братство* в эти дни. Дм[итрий] Иван[ович] Шаховской был тем, кто <собрание> вызывал. Здесь в Боровом собрались вчера Аня <А.Д. Шаховская>, Наташа <Н.Е. Вернадская>, Катя <Е.В. Ильинская>, Пр[асковья] Кир[илловна] <Казакова> и я. Аня читала отрывки из писем и стихотворений Дмитрия Ивановича, его рассказ «Смерть Чаадаева»... Наташа читала отрывки из писем его к Фёдору 1893 года»⁷.

История организации братства неоднократно повторялась в письмах Ф.Ф. Ольденбурга и И.М. Гревса и пересказана в литературе⁸. Можно процитировать И.М. Гревса, определявшего цели братства так: «Они хотели, чтобы в студенческой России вырос надпартийный, просвещенный, реально-идеальный, искренний, демократический либера-

⁶ См.: Халезова Е.Б. Дорога длиною в жизнь (<http://halezova.ru/index.html>).

⁷ Вернадский 2010. С. 294.

⁸ Еремеева 2007; Кузьмина, Лубков 2008.

лизм... Они горячо любили народ, но высоко ставили миссию интеллигенции, не противопоставляя второй первому, но и не принижая ее перед ним. Они призывали вести свою работу не разрушительным натиском, а положительным строительством. Но они предвидели в борьбе с правительством неизбежность жертвы и готовы были идти на нее. На первый же и первостепенный план выдвигали... задачи серьезного прохождения через науку: они видели, как просвещение угнетается властью»⁹.

Исследователи полагают, что большое воздействие на идеологию братства оказала поездка Ф.Ф. Ольденбурга и Д.И. Шаховского летом 1885 г. в Ясную Поляну к Л.Н. Толстому, а позднее – встреча с проповедником религий человечества Вильямом Фреем. По словам С.А. Еремеевой, члены братства «ощущали себя причастными и к околицерковным, и коммунитарным образованиям, целью своей определяющим выработку новых форм жизни»¹⁰.

В письме Д.И. Шаховского к Ф.Ф. Ольденбургу были сформулированы три правила братства: «работай как можно больше; потребляй на себя как можно меньше; на чужие нужды смотри как на свои. Просящему у тебя дай (если ему нужно или может быть нужно) и не стыдись попросить у всякого: не бойся просить милостыню»¹¹.

Ф.Ф. Ольденбург, размышляя о своей общественной деятельности, полагал, что необходим «синтез знания и нравственной деятельности»¹², а своей важной задачей считал просветительскую работу среди народа. По окончании Петербургского университета он начал преподавание в женской гимназии Стеблин-Каменского, но уже с осени 1887 года, отказавшись от научной карьеры, по рекомендации тверских земцев оказался в Твери. В женской учительской школе П.П. Максимовича Ольденбург прослужил 27 лет, преподавал педагогику, психологию, руководил педагогической практикой учащихся¹³. Будучи сторонником и пропагандистом педагогических идей К.Д. Ушинского, он работал над обновлением содержания педагогических занятий в школе, разработал систему педагогической практики. В статье «Мысли о постановке преподавания психологии в средней школе» он исходил из положения о том, что «программа курса

⁹ Гревс 1918. С. 63.

¹⁰ См.: Еремеева 2007. С. 212.

¹¹ Цит. по: Кузьмина, Лубков 2008. С. 118.

¹² Цит. по: Корнилов А.А. Воспоминания. Рукопись. С. 191.

¹³ См.: Ильина 2010. С. 30–33. Необходимо отметить, что сотрудники Отдела редких книг Научной библиотеки ТвГУ имеют почти все печатные издания с работами Ф.Ф. Ольденбурга.

психологии должна быть поставлена так, чтобы удовлетворять: 1) запросам жизни, к которой готовится воспитанник; 2) запросам его возраста и развития; 3) запросам школы, вытекающим из всей совокупности ее задач»¹⁴. Резюмируя, ученый приходит к выводу, что «все преподавание должно быть построено так, чтобы учащийся не столько осваивал памятью, сколько упражнялся в психологических анализах»¹⁵. В своей профессиональной деятельности он применял названные принципы.

Известно, что Ф.Ф. Ольденбург был в числе создателей Тверского губернского земского справочно-педагогического бюро. В 1907 г. при его энергичном участии был организован Тверской общественно-педагогический кружок, созданный с целью обобщения педагогического опыта и распространения научных знаний среди учителей. Отмечу, что именно Ф.Ф. Ольденбург впервые организовал в Твери летнюю площадку для детских игр, открыл курсы художественного ручного труда и рисования¹⁶. При кружке действовала эстетическая комиссия, готовившая выставки. К этой деятельности позднее обратится и его дочь Наталья, о чем будет сказано далее.

С 1912 г. Ф.Ф. Ольденбург – инициатор создания Постоянных педагогических курсов Тверского губернского земства. Он положил начало организации текущей школьной статистики в России, участвовал в работах общеземских съездов по народному образованию, был членом Орфографической подкомиссии Академии наук. Известны его публикации по этой проблеме¹⁷. В земстве Ф.Ф. Ольденбург работал безвозмездно, отказавшись также, несмотря на материальную необеспеченность, и от денежной награды по поводу 25-летия своей педагогической деятельности¹⁸. В ноябре 1912 года земские и педагогические круги отпраздновали этот юбилей Ольденбурга, причем в адресах отмечалась его «разносторонняя, чрезвычайно широкая образованность, общая и специальная»¹⁹. Его заслуги «по освещению тьмы глухих углов лучами знания и человечности»²⁰, благородство духа и широту

¹⁴ Ольденбург Ф.Ф. 1906. С. 150.

¹⁵ Там же. С. 159.

¹⁶ Отчет о деятельности Тверского общественно-педагогического кружка за 1913–1914 год. Тверь, 1914.

¹⁷ Народные школы Европейской России в 1892–93 гг. Статистический очерк. СПб., 1896; Заметки по статистике начального образования в России. СПб., 1898.

¹⁸ См., напр.: К юбилею Ф.Ф. Ольденбурга // Тверской вестник. 1912. 4 ноября.

¹⁹ Текст адреса Ф.Ф. Ольденбургу // Отчет о деятельности Тверского общественно-педагогического кружка за 1912–1913 год. Тверь, 1913.

²⁰ Цит. по: Водовозов 1914.

взглядов отмечали коллеги в некрологах. Так, И. Суховеев писал: «Это был человек хрустально-чистой нравственности, неугасимо горевший пламенем добра, с напряженным этическим самоощущением. Это, наконец, был самоотверженный общественный деятель»²¹.

Заметное участие Ф.Ф. Ольденбург принимал и в общественно-политической жизни Тверской губернии. Он был одним из вдохновителей создания и деятельности «Союза освобождения» и его печатного органа, после 1905 г. руководил тверским губернским комитетом конституционно-демократической партии, был выборщиком во все составы Государственной думы, в 1907 г. на выборах во II Государственную думу отказался от избрания депутатом в пользу крестьянина. И.М. Гревс вспоминал: «В политической деятельности своих последних лет Фёдор Ольденбург так же благородно и гуманно вел себя с политическими врагами. Сомневаюсь, чтобы это можно было назвать неопределенностью или уклончивостью. То была совсем особенная вера в человека, которая порождала и плодила много блага кругом»²².

В Твери Ф.Ф. Ольденбург проживал с семьей в съемной квартире по адресу: улица Мироносицкая (ныне бульвар Радищева), дом Истомина²³. С ним же проживала его мать Надежда Фёдоровна, жена Мария Дмитриевна (1864–1918), в девичестве Бекарюкова (двоюродная сестра историка И.М. Гревса). Известно, что она окончила историко-филологическое отделение Бестужевских курсов и дружески общалась со всеми товарищами мужа. В семье было трое детей: сын Фёдор, дочери Наталья и Александра, умершая в детском возрасте. В семье жил и племянник Сергей. Его мать Александра Павловна Тимофеева, Шурочка, как звали ее члены братства, скоропостижно умерла в 1891 г., когда сыну было три года. Мальчик, очень болезненный в детстве, жил в семье дяди вместе с бабушкой. Сергей Фёдорович постоянно находился в Петербурге в академической квартире на Васильевском острове, но регулярно оказывал материальную помощь родным. Позднее дети Фёдора после его смерти перебрались к дяде в Петроград.

Биография Сергея Сергеевича Ольденбурга (1887–1940) сегодня хорошо известна. Он был близким товарищем сына В.И. Вернадского Георгия, известного историка, окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1913 г. он женился на дочери Д. Старынкевича Аде, талантливом математике. После трагических

²¹ Суховеев 1914. С. 12.

²² Цит. по: Кузьмина, Лубков 2008. С. 95.

²³ Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 861. Д. 1183. Л. 2.

событий Гражданской войны он оказался в эмиграции вместе с семьей. С.С. Ольденбург – автор книги «Царствование императора Николая II» (Белград, 1939. Т. 1). В 1991 г. книга переиздана в России. Его дочь Зоя – известная писательница, в том числе и автор книги о роде Ольденбургов. Но их отношение к Приютинскому братству, какие-либо действия по сохранению памяти о нем мне неизвестны.

Жизнь сына и дочери Ф.Ф. Ольденбурга прошла в трудах и заботах, они, как мне представляется, и стали наследниками Приютинского братства, собирая вокруг себя детей товарищей отца. К сожалению, сведения о Фёдоре Фёдоровиче младшем крайне скупы. Родился он в Твери в 1893 г., жил в революционные годы вместе с матерью в Петрограде, затем с сестрой в доме дяди-академика. О нем упоминал и беспокоился в дневниковых записях В.И. Вернадский. Вероятно, Фёдор погиб на Ленинградском фронте в 1941 г.²⁴

О Наталье Фёдоровне мне удалось разыскать архивные данные, письма, мемуары, записать рассказы тех, кто ее помнил.

Важные биографические свидетельства имеются в Личном деле Н.Ф. Ольденбург в ПФА РАН²⁵. Как научный сотрудник Библиотеки АН СССР она заполняла анкету 19 октября 1926 года. Из нее следует, что родилась она в Твери в 1893 г. В справочной литературе называют 1894 год (видимо, но новому стилю). Запись в 22-м томе книги «Блокада» явно ошибочна. Прочитую: «Ольденбург Наталия Фёдоровна, 1890 г. р. Место проживания: В.О., 6-я линия, д. 1, кв. 4. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: Смоленское кладб.»²⁶.

В графе «образовательный ценз» записано: Высшие женские курсы. Основная профессия – педагог и библиотекарь. Библиотекарем БАН Наталья Фёдоровна состояла с сентября 1924-го по 1 октября 1931 года. Уволилась в связи с переходом на внешкольную работу.

Одновременно с работой в БАН Н.Ф. Ольденбург работала в трудовой школе и художественной студии. Видимо, между 1926-м и 1928-м годами она вступила в брак с Владимиром Александровичем Корниловым (1892 – ок. 1930), сыном товарища отца²⁷. Брак был недолгим, о причинах в семье говорить не принято, точная дата смерти В.А. Корнилова в генеалогических росписях не указана.

²⁴ См.: Вернадский 2010. С. 129, 162, 446.

²⁵ ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1672. В деле 33 листа.

²⁶ В Дневнике В.И. Вернадского датой смерти Н.Ф. названо 1 марта 1942 года. См.: Вернадский В.И. 2010. С. 231, 447.

²⁷ ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1672. Л. 20.

Профессиональная деятельность Н.Ф. Ольденбург была связана с художественным воспитанием детей, в этом она явно следовала занятиям своего отца в Твери. По окончании Гражданской войны новая власть была вынуждена заниматься обучением и воспитанием детей, в том числе и художественным. Так, в 1923 г. при Наркомпросе был организован Совет художественного воспитания²⁸, позднее менявший свое название и лидеров. Но совершенно очевидно, что в разных городах школьные педагоги привлекались к работе по эстетическому воспитанию детей. Включилась в эту работу и Н.Ф. Ольденбург. Трудно сказать, когда и почему она увлеклась театром, но известно, что в середине 1920-х гг. она преподавала театральное мастерство в школах. В 1925 г. в Ленинграде была опубликована ее брошюра «Драматизированная игра. Опыт драматической работы на первой ступени»²⁹, подводящая некоторые итоги ее работы в школе. Чуть позднее в соавторстве с двумя писательницами была издана под редакцией академика Ф.И. Шмита книга «Школьная драматургическая работа на основе исследования детского драматического творчества»³⁰.

О практической работе Н.Ф. Ольденбург в ленинградской школе вспоминала актриса Малого театра, народная артистка России Татьяна Петровна Панкова (1917–2011). Процитирую: «Со школой, носившей номер 206, мне посчастливилось – я училась в бывшей знаменитой гимназии Шаффе³¹, где весь преподавательский состав сохранился с дореволюционных времен, как и строгая дисциплина и правила поведения... Однако поколение старых педагогов постепенно уходило, и атмосфера в школе менялась.

У нас был драмкружок, и вела его Наталья Фёдоровна Ольденбург-Корнилова. Замечательная женщина, истинная интеллигентка, сдержанная, наделенная душевным благородством, человек, который приобщил своих воспитанников к прекрасному. Наталья Фёдоровна была для нас иконой, хотелось ей подражать. С тех пор я на всю жизнь усвоила, что хороший пример – это самое главное. Дети есть дети, но у нас не было ни грубости, ни драк. И объяснялось это одним – мы не хотели расстраивать Наталью Фёдоровну. Воспитательных мер воздействия к ученикам она почти не применяла. Наталья Фёдоровна пользовалась безусловным авторитетом. Любое слово педагога воспринималась как

²⁸ См.: Фомина 2002. В приложении представлена подробная летопись основных событий в сфере художественного воспитания детей.

²⁹ Ольденбург Н.Ф. 1925.

³⁰ Дмитриева, Ольденбург, Перекрестова 1928.

³¹ В этой гимназии преподавал историю И.М. Гревс.

директива. Она ввела нас в мир театра. Дала возможность почувствовать это ни с чем не сравнимое ощущение: играть на сцене. Мы только входили в зал, где шли репетиции, и уже начинали ощущать особую творческую атмосферу, можно сказать, сотворенную нашей учительницей. Она ставила с нами пьесы Тирсо де Молина, Лопе де Вега. В «Фунте Овехуна» я играла крестьянку Паскуалу, наперсницу Лауренсии. А мой младший брат Павел³² – Кинолле в «Надеждах Кинолле» Оноре Бальзака. Брат с детских лет обладал замечательным чувством юмора. Друзья и одноклассники на протяжении многих лет вспоминали один эпизод из спектакля, когда он чистил пятнышко на кафтане. Снимет, почистит, наденет, посмотрит на кафтан и вновь видит пятнышко. Вновь снимет... Хохот был! Может быть, Наталья Фёдоровна дала многим из нас некий отправной импульс на пути в актерскую профессию. Стоит сказать, что тринадцать учеников нашей школы пошли в актеры»³³. Эти воспоминания старой актрисы записаны журналистом, скорее всего они относятся к середине 1930-х гг.

Время же работы в БАН было для Натальи Фёдоровны не таким уж и веселым. Сергею Фёдоровичу пришлось бороться не только за академию, но и за сохранение жизни родных и близких. Напомню, что братья Ольденбурги были активными членами конституционно-демократической партии. Дневниковые записи Е.Г. Ольденбург заполнены такими событиями. В записях часто упоминается и Наташа Ольденбург. Прочитую одну из них: «5 ноября 1929 г. ночью Митя ходил, принес часть бумаг Сергею. Дневники Милюкова, его письма, протоколы заседаний кадетов, их переписка <...> Зажгли сразу три печки <...> Завтра на ночь придет Наташа, и они вдвоем опять ночью будут таскать и жечь <...> Как жаль <...> Сколько здесь гибнет истории русского общества»³⁴.

Вскоре началась «чистка» Академии, последовали аресты. Сергей Федорович был отстранен от должности постоянного секретаря, хотя и оставался директором Института востоковедения, скончался он в феврале 1934 г. Наталья Фёдоровна осталась без поддержки и, вероятно, без работы. О трудностях того времени есть дневниковая запись академика В.И. Вернадского: «9 или 10 января 1938 г. была Наташа Ольденбург. Бедная, ищущая правды, – но без (нрзб) семья Фёдора (Ольденбурга) – его жена Мар[ия] Дм[итриевна] искалечили детей. Бедная Наташа – ис-

³² Панков Павел Петрович (1922–1978) – советский актер театра и кино

³³ Панкова Т.П. 2012. С. 14.

³⁴ Цит. по: Каганович Б.С. 2006. С. 191.

кренно и идейно близкая к ком(м)ун[истическим] идеалам – теперь оказалась выброшенной – безработная из политических соображений!»²⁸.

В те годы Наталья Фёдоровна часто бывала у друзей в Твери. Ее ровесница Мария Ивановна Баранова (в замужестве Кононова) приглашала ее на дачу под Тверью. Сохранилась старая фотография летнего дня 1939 года на даче у д. Изворотень: Наталья Фёдоровна в окружении подруг и их дочерей. По сведениям, полученным от учителя истории Натальи Степановны Кононовой (1926–2013), она была крестницей Н.Ф. Ольденбург, и имя было дано в ее честь. У Натальи Фёдоровны была еще одна крестница – Женя (1923 г.р., ныне проживает в Москве), дочь ее подруги Ирины Дмитриевны Старынкевич-Борнеман (1890/91–1988), химик, минералог, ученица и сотрудница В.И. Вернадского. Обязанности крестной Н.Ф. Ольденбург выполняла аккуратно: она покупала девочкам новые вещи, книги, возила на театральные представления. Но разговоров о христианском воспитании не было. Важно, что молодые женщины стремились летние месяцы проводить вместе, большой компанией уезжали на Украину, в Крым. Может они желали создать свое Приютино?

В Твери Наталья Фёдоровна получила место педагога в Доме художественного воспитания детей (ДХВД). Фонд этого учреждения сохранился в ГАТО³⁵, и по его документам мной обстоятельно написано о работе Н.Ф. Ольденбург в Калинин в 1935–1938 гг.³⁶

Стоит перечислить названия тех пьес, которые разучивала с детьми Наталья Фёдоровна. Так, в младшей группе читали и играли «Сказку о царе Салтане» А.С. Пушкина, «Три медведя», «Откуда взялись красные галстуки», «Том ленится». Средняя группа работала над пьесами «История одного объявления» и «Деревенские актеры» по книге Донского, «Чужой племянник, или Грабитель». Старшая группа инсценировала отрывки из «Матери» Горького, «Дубровского», «Барышни-крестьянки» Пушкина, «Рожденных бурей» Н.А. Островского. Читали и готовили к постановке пьесу Микитенко «Девушки нашей страны». В 1936/37 гг. члены ДХВД продолжали готовиться к пушкинскому юбилею, репетировали «Дубровского», а средняя группа – «Робин Гуда».

Н.Ф. Ольденбург проводила работу и с учителями школ. В ее отчете за 1936/37 г. выделен раздел, показывающий, что на «собрание семинара является постоянная группа работников от 15 до 10 чело-

²⁸ См.: <http://www.srcc.msu.ru/uni-persona/site/authors/vernadsky/1938.htm>

³⁵ ГАТО. Ф. Р-1216. Оп. 4. Д. 440; Оп. 5. Д. 642.

³⁶ Воробьева 2012 (а).

век». Существовало три опорные школы, с которыми встречался методист, т.е. Наталья Фёдоровна. Вся работа в тот год была связана с Пушкинскими днями. Однако в разгар Большого террора ситуация в Твери стала опасной для Натальи Фёдоровны. В 1937 г. был арестован и вскоре расстрелян отец ее крестницы Наташи Кононовой.

Н.Ф. Ольденбург вернулась в Ленинград, об этой части жизни рассказывают ее письма в Калинин³⁷. Прочитирую некоторые из них. «25/1 1941 г. Дорогая моя Таточка! Родная моя девочка, надеюсь, что ты все же на меня не сердись за мое молчание. Все это время так много о тебе думала, так беспокоилась, пока ты хворала. Очень уж я устала, когда вечером прихожу домой, хватает сил только раздеться и спать лечь. По тебе так соскучилась, так хочется увидеть твою милую мордашку. У меня проект: может быть, мама разрешит тебе приехать в Ленинград на весенние каникулы. Ведь в Калинин тебя посадят, а здесь я встречу. На каникулах у меня будут спектакли, но не новые, и уже свыше головы занята не буду. Покажу тебе Ленинград. Посмотришь мои спектакли, и в театр попадем. Кроме того, отсюда повезешь провизию. Сейчас даже из Луги нельзя отправить посылки. Нет ли у Вас в Калининне знакомого военного, которому я для тебя могла бы послать посылку? Ведь тебе надо сейчас так хорошо питаться, чтобы восполнить потерянное во время болезни. Ты теперь побольше гуляй и спи... Лучше побольше читай и лучше учись. Что самое важное. Мы с тобой увидимся и поговорим более подробно о всех твоих будущих планах. Ведь времени еще много. Я надеюсь, что Вуз ты будешь кончать в Ленинграде, и мы будем с тобой так хорошо жить – “две Натальи”. Я об этом очень мечтаю».

Весной 1941 г. Наталья Федоровна энергично работала с детьми во Дворце культуры им. Кирова в Гавани на Васильевском острове. В очередном письме в Калинин написано: «Каникулы против ожидания были очень тяжелые: за 7 дней я имела 6 спектаклей и 2 очень ответственные мероприятия. Теперь, когда денег не так-то много у учреждения для ведения культурных и просветительных работ, очень любят ставить спектакли, и потому мне приходится отдуваться».

Подробно и очень эмоционально о работе театрального кружка в 1941 г. написал Роберт Лейнонен (1921 г.р.). Его статья под названием «Со сцены – в жизнь» была опубликована еще в 1988 г. в немецкой газете «Новая жизнь», выходившей в Москве. Мне удалось прочитать ее

³⁷ Разрешение на их публикацию дано Н.С. Кононовой, оригиналы находятся в Архиве Тверского государственного объединенного музея в фонде И.И. Бружеставицкого – Н.С. Кононовой.

недавно на сайте³⁸, который создали Р. Лейнонен и его супруга Ирина, живущие ныне в Германии. Из этой статьи хотелось бы процитировать то, что относится к поставленной нами проблеме. Р. Лейнонен запомнил, что Наталья Фёдоровна «посвятила всю свою жизнь до самых последних дней чужим детям... больше всего на свете любила театр и детей, и эту свою необыкновенную любовь к театру она передавала детям». Он повторил слова Т.П. Панковой: «Многие из ее учеников после школы навсегда связали свою жизнь с театром». Во Дворце культуры им. Кирова были поставлены «Шел солдат с фронта» Катаева, «Скупой» Мольера, «Снежная королева» Шварца, «Вильгельм Телль» Шиллера». Репертуар значительно отличался от театральной студии ДХВД в Калининне. Но самую большую гордость вызывало обращение к драматической поэме Михаила Светлова «Двадцать лет спустя». Ее не ставил еще ни один театр в Ленинграде. «Это значило прокладывать свой, никем не изведанный путь!» – радовались кружковцы. Работали над пьесой долго и увлеченно. Все было готово. Премьера должна была состояться во Дворце пионеров Свердловского района и назначена на воскресенье 22 июня. В этот день началась война. Как запомнил Р. Лейнонен, кружковцы пришли во Дворец культуры, с ними была Наталья Фёдоровна. Весь месяц работали, расставляя новое госпитальное оборудование, продолжали репетиции, но пьесу Светлова так и не удалось поставить: ребята уходили на фронт, в ополчение. Р. Лейнонен написал: «Пьеса не была поставлена на сцене, но ведь герои ее сошли со сцены к нам, в нашу жизнь. Не смогли герои Светлова ожить на сцене, но зато продолжили жить в жизни, в осажденном Ленинграде».

Осталась в городе и Наталья Фёдоровна, работала в госпитале до декабря 1941 года, пока совсем не ослабла от голода. Последняя встреча Лейнонена с нею произошла в ее квартире на 6-й линии Васильевского острова зимой 1942 года: «Лежит в постели, укутанная одеялами, одни скулы на лице, кажется, остались да кожа. Но все же приветливо улыбающаяся Наталия Фёдоровна, уже на краю голодной смерти своим участием, своим спокойным голосом и уверенными словами, свою твердую убежденность в нашей скорой победе придает мне новые силы. Старушка-актриса приносит чай. Меня заставляют взять и кусочек хлеба... Как же так? Медсестра в военном госпитале и голодное истощение? У меня это не укладывалось в голове. Нет, это могло случиться только с Наталией Ольденбург. Все для людей. Только не для себя». Конечно Роберт Лейнонен не знал трех правил Приютинского братства,

³⁸ <http://s5.directupload.net/images/user/080806/he3jldon.pdf>

но Н.Ф. Ольденбург на них воспитывалась и жила так, как учил ее отец. Мальчик запомнил последние слова: «Роберт, тебе надо жить. Я верю в тебя. Ты еще много можешь сделать для общества, для других». «И вот эта почти умирающая от истощения женщина имела в себе столько сил и воли, чтобы руководить нами, нашими умами, чтобы уберечь нас от морального краха, чтобы не дать нам пасть духом... А мы слушали и верили ей. Верили этой умной, пронизательной, убежденной женщине, парализованной голодом и уже не вставшей больше с постели».

Диалог Роберта и Натальи Фёдоровны, возможно, не точен, а вот письмо в Калинин еще до войны к крестнице Наталье (Таточке) – целый план на будущую жизнь. «Ты сейчас еще все-таки очень небольшая девочка и потому не представляешь себе, что желание твое поступить в Техникум, есть в сущности *решение твоего будущего*, и не на 3 года и даже не на 6 лет, а, пожалуй, совсем. Потом исправить что-то будет совсем невозможно. Конечно, человек должен прожить жизнь как можно интересней для себя и полезней для других. Твой индустриальный техникум очень обеднит твою жизнь. Во-первых, ты не попадешь в Вуз, в столицу, в Ленинград, где я надеюсь помочь тебе интересно и полезно прожить 4–5 лет, ты будешь все время находиться в той же обстановке и с теми же людьми, с которыми жила и общалась до сих пор, а новые люди, новые места, новые интересы очень обогащают человека, во-вторых, самое твое образование будет незаконченным, ты будешь часто чувствовать себя неучем среди людей с большей культурой и будешь вынуждена держаться уровня людей такого же образования и интересов как ты; в-третьих, по моему, Техникум индустриальный совершенно не отвечает твоим интересам и способностям, и ты это очень скоро почувствуешь; работа будет тебе в тягость, *а самое важное в жизни – любить свою работу*. За техникум единственным доводом для тебя было бы опасение, что мама и я не сможем дать тебе высшее образование из-за нашей болезни или даже смерти, но надеюсь, что, во-первых, мы еще проживем, а во-вторых, есть возможность путем страховки оставить нужную сумму тебе на образование. Конечно, может быть, тебе хочется поскорей стать самостоятельной, чтобы помочь маме, но помощь для нее принесет, пока она может работать, мало радости. Любовь к маме и заботу о ней ты можешь осуществить тысячей способов, гораздо более нужных для маминого измученного сердца. Видишь, дорогая моя Таточка, говорю с тобой совсем по-взрослому и надеюсь, что ты сама не захочешь сделать свою жизнь серее и скучнее. У меня есть ряд примеров, когда полувзрослые люди так сгоряча решали эти вопросы и потом грустно каялись. Поправить уже было невозможно!».

Как видим, в письмах звучат те педагогические установки, которые Наталья Фёдоровна получила от своего отца Фёдора Фёдоровича Ольденбурга: на чужие нужды смотри, как на свои. Замечу, что Наталья Степановна Кононова в 1949 г. окончила кафедру истории средних веков МГУ и всю жизнь проработала в средней школе учителем истории, воспитывая детей так, как ее учили Ольденбурги.

Наталья Фёдоровна Ольденбург умерла от голода в марте 1942 г. Ее прекрасная библиотека пропала, некоторые фотографии и документы, хранящиеся в семье сестры ее мужа Натальи Александровны, погибли совсем недавно. Но документы из семьи Н.С. Кононовой удалось передать на хранение в архив Тверского музея. О Наталье Фёдоровне написали геолог Евгения Борисовна Халезова, художник и писатель Роберт Лейнонен, актриса Татьяна Петровна Панкова. Все они помнили, чувствовали заботу и любовь Натальи Федоровны, она их «приютила».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вернадский В.И.* Дневники. Июль 1941 – август 1943 / сост. В.П. Волков. М., 2010.
- Водозов В. Ф.Ф.* Ольденбург (1862–1914): [некролог] // День. 1914. 25 июня.
- Воробьёва И.Г.* Просветители: отец и дочь Ольденбурги // Традиции российской школы: история и современность: к 140-летию Тверской земской женской учительской школы имени П.П. Максимовича: материалы юб. научн.-практ. конф. / сост. Т.А. Ильина; ред. О.В. Вершинина. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012 (а). С. 22–33.
- Воробьёва И.Г.* Отец и дочь Ольденбурги // Германия и Россия: События, образы, люди: сборник российско-германских исследований: Вып. 9 / под ред. С.В. Кретицина. Воронеж, 2012. С. 182–194.
- Гревс И.М.* В годы юности. За культуру // Былое. 1918. № 12.
- Дмитриева Н.И., Ольденбург Н.Ф., Перекрестова Л.С.* Школьная драматургическая работа на основе исследования детского драматического творчества. М.-Л., 1928.
- Еремеева С.А.* В пространстве воспоминаний. Мемуары членов приютинского братства // Диалог со временем. 2007. 20. С. 207–218.
- Ильина Т.А.* Школа Максимовича. Тверь, 2010.
- Каганович Б.С.* Сергей Фёдорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб., 2006.
- Корнилов А.А.* Воспоминания о юности Ф.Ф. Ольденбурга // Русская мысль. 1916. № 8. С. 49–86.
- Корнилов А.А.* Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 8.
- Кузьмина И., Лубков А.* Князь Шаховской. Путь русского либерала. М., 2008.
- Ольденбург Ф.Ф.* Мысли о постановке преподавания психологии в средней школе // Русская школа. 1906. № 10.
- Ольденбург Н.Ф.* Драматизированная игра. Опыт драматической работы на первой ступени. Л., 1925.
- Панкова Т.П.* «Моих друзей заветных имена...» Мозаика воспоминаний. М., 2012.
- Суховеев И.* Памяти Ф.Ф. Ольденбурга // Народный учитель. 1914. № 26–27.
- Фомина Н.Н.* Художественное воспитание детей в культуре России в первой половине XX века: дисс. ...докт. пед. наук. М., 2002.

REFERENCES

- Vernadskii V.I. Dnevnik. Iyul' 1941 – avgust 1943 / sost. V.P. Volkov. M., 2010.
- Vodovozov V. F.F. Ol'denburg (1862–1914): [nekrolog] // Den'. 1914. 25 iyunya.
- Vorob'eva I.G. Prosvetiteli: otets i doch' Ol'denburgi // Traditsii rossiiskoi shkoly: istoriya i sovremennost': k 140-letiyu Tverskoi zemskoi zhenskoi uchi-tel'skoi shkoly imeni P.P. Maksimovicha: materialy yub. nauchn.-prakt. konf. / sost. T.A. Il'ina; red. O.V. Vershinina. Tver': Tver. gos. un-t, 2012 (a). S. 22–33.
- Vorob'eva I.G. Otets i doch' Ol'denburgi // Germaniya i Rossiya: Sobytiya, obrazy, lyudi: sbornik rossiisko-germanskikh issledovaniy: Vyp. 9 / pod red. S.V. Kretinina. Voronezh, 2012. S. 182–194.
- Grevs I.M. V gody yunosti. Za kul'turu // Byloe. 1918. № 12.
- Dmitrieva N.I., Ol'denburg N.F., Perekrestova L.S. Shkol'naya dramaturgiche-skaya rabota na osnove issledovaniya detskogo dramaticheskogo tvorchestva. M.; L., 1928.
- Eremeeva S.A. V prostranstve vospominanii. Memuary chlenov priyutinskogo bratstva // Dialog so vremenem: Al'manakh intellektual'noi istorii. M., 2007. 20. S. 207–218.
- Il'ina T.A. Shkola Maksimovicha. Tver', 2010.
- Kaganovich B.S. Sergei Fedorovich Ol'denburg. Opyt biografii. SPb., 2006.
- Kornilov A.A. Vospominaniya o yunosti F.F. Ol'denburga // Russkaya mysl'. 1916. № 8. S. 49–86.
- Kornilov A.A. Vospominaniya // Voprosy istorii. 1994. № 8.
- Kuz'mina I., Lubkov A. Knyaz' Shakhovskoi. Put' russkogo liberala. M., 2008.
- Ol'denburg F.F. Mysli o postanovke prepodavaniya psikhologii v srednei shkole // Russkaya shkola. 1906. № 10.
- Ol'denburg N.F. Dramatizirovannaya igra. Opyt dramaticheskoi raboty na pervoi stupeni. L., 1925.
- Pankova T.P. «Moikh druz'ei zavetnykh imena...» Mozaika vospominanii. M., 2012.
- Sukhoveev I. Pamyati F.F. Ol'denburga // Narodnyi uchitel'. 1914. № 26–27.
- Fomina N.N. Khudozhestvennoe vospitanie detei v kul'ture Rossii v pervoi polo-vine XX veka: disc. ...dokt. ped. nauk. M., 2002.

***Воробьева Ирина Геннадиевна**, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Тверского государственного университета; Dubrovnik@mail.ru*

**Natalya Fedorovna Oldenburg as the keeper of the traditions of
Priyutinskoe Bratstvo**

The author reflects upon the intellectual society, named Priyutinskoe Bratstvo, which main principles of the way of life did not disappear after the deaths of its founders. On the base of documentary materials, correspondence, memories and stories of those who knew the families of Oldenburgs, Kornilovs, Starynkevichs, the biography of Natalya Fedorovna Oldenburg (1893—1942) is being reconstructed.

Keywords: Priyutinskoe Bratstvo, F.F. Oldenburg, N.F. Oldenburg, art education.

Irina Vorobyova, Dr.Sc. (History), Professor, Department of World History, Tver' State University; Dubrovnik@mail.ru

В МИРЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ

Ю. С. ОБИДИНА

ФЕНОМЕН СУИЦИДА В ИДЕНТИФИКАЦИИ КОЛЛЕКТИВНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Автор предлагает рассмотреть феномен суицида как ментальную конструкцию, оказывающую серьезное влияние на мировоззрение и формирование социокультурного облика исторической эпохи. Смыслообразующим фактором суицида полагается смысл жизни и отношение к смерти. Для этого в статье выделяются определенные константы, которые, с точки зрения автора, являются истинными причинами суицидального поведения и проявляются в коллективной ментальности. Показано, что современные подходы к изучению самоубийств носят лишь поверхностный характер и не затрагивают сути самого явления.

Ключевые слова: жизнь, смерть, бессмертие, суицид, мировоззрение, ментальность.

Каждая историческая эпоха по-своему раскрывает природу и возможности человека, его взаимоотношения с окружающим миром, характер нормативно-ценностных систем¹. Любое явление развивается не только в рамках присущей ему одному внутренней логики развития, но и под влиянием массы внешних факторов. Так сложилось, что на рубеже тысячелетий происходит некий ментальный перелом, вызывающий всплеск добровольного ухода из жизни. Объяснить этот феномен до сегодняшнего дня оказалось никому не под силу, несмотря на многочисленные попытки.

Даже исследователя, много лет занимающегося проблемами смерти и бессмертия с разных ракурсов: аксиологического, экзистенциального, антропологического, исторического, мифологического, культурологического, философского и т.д., написавшего на данную тему несколько монографий, лишь однажды, в самом начале научного творчества, занесло на просторы рассуждений об этом страшном феномене человечества² и... сразу же вернуло обратно. И только спустя много лет, возвращаясь к обозначенной проблеме под влиянием обостренной потребности в анализе, позволяющем понять сегодняшние тенденции и заострить внимание на самых действенных, результативных аспектах феномена добровольного ухода из жизни, автор решился вновь обратиться к этому, без преувеличения, самому важному выбору в жизни человека.

¹ Репина 2011. С. 9.

² Обидина 2000.

В данной статье поставлена задача рассмотреть феномен самоубийства не как проблему психологии, права, истории, социологии, демографии, философии, и даже не как некий концепт, а как некую ментальную конструкцию, которая во все времена играла очень важную роль в жизни социума, и занимала не последнее место не только в формировании социокультурного пространства, но и в определении жизненных ориентиров личности и ее индивидуальности.

Справедливости ради следует отметить, что разные отрасли наук уже неоднократно пытались дать ответ на фундаментальный вопрос человеческого бытия – вопрос о добровольном уходе из жизни. Вспомним слова А. Камю в его знаменитом сочинении «Миф о Сизифе»: «Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблем – проблема самоубийства. Решить, стоит или нет жизнь того, чтобы ее прожить, – значит ответить на фундаментальный вопрос философии. Таковы условия игры: прежде всего, нужно дать ответ»³. Философская мысль не раз предпринимала попытки рассмотреть проблему суицида в экзистенциальном ключе. Помимо Камю, можно назвать Н.А Бердяева, В.С. Соловьева, в какой-то мере Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Активно разрабатывал эту проблему в начале XX в. А.Ф. Кони. Но не было системности в изложении материала и определенной последовательности в исследовании природы и феномена суицида.

В качестве отправной точки для своего исследования мы решили взять высказывание А.Ф. Кони из его хорошо известной работы «Самоубийство в законе и жизни»: «Черное крыло насильственной смерти от собственной руки все более и более разворачивается над человечеством, привлекая под свою мрачную тень не только людей, по видимому, обтерпевшихся в жизни, но и нежную юность, и тех, кто дожил до близкой уже могилы»⁴.

Есть еще одно обстоятельство, которое заставляет подойти к вопросу о суициде именно с такой точки зрения, и лежит она практически на поверхности – если зачастую сам самоубийца не осознает причину своего поступка, то откуда это знают те, кто составляет статистику самоубийств? Самоубийство – последний шаг, и к этому шагу может привести масса причин.

Подверженность переходных эпох всплеску самоубийств наглядно проиллюстрировало начало XX века, когда не только Россия, но и Западная Европа, и Америка столкнулись с настоящей эпидемией доб-

³ Камю 1990. С. 24.

⁴ Кони 1967. С. 454.

ровольного ухода из жизни. При этом суицид воспринимался как вполне сознательное действие, а не какого-либо рода психопатология. Французский социолог Э. Дюркгейм, в своей получившей широкую известность работе сделал основной акцент на социологический анализ феномена самоубийства. В ней он пишет, что «не существует ни одного психопатического состояния, которое имело бы с самоубийством постоянную и бессменную связь»⁵. На тех же позициях стоял выдающийся русский адвокат А.Ф. Кони, который считал, что «Ошибочно объяснять это триумфальное шествие самоубийства увеличением душевных болезней, как это делают некоторые»⁶.

А.Ф. Кони также отмечал, что до середины XIX в. добровольное лишение себя жизни, за некоторым исключением, было представлено рядом единичных поступков, которые не давали оснований заподозрить у общества страшный недуг, который пышным цветом расцвел сначала в семидесятые годы XIX в., а затем в начале века XX. Это подтверждает и петербургский профессор А. Смирнов, который писал: «Самоубийство превратилось в какую-то эпидемическую болезнь, двадцать–тридцать лет назад Россия по числу самоубийств стояла в процентном отношении несравнимо ниже остальных культурных стран Европы, но в последние годы число самоубийств возросло у нас до угрожающих цифр»⁷. Речь идет о ситуации, сложившейся в России в 1914 г.

Суицидный подъем 1870-х годов – это скорее начало тенденции, которая уже не прекращалась вплоть до революции. Как это страшно не звучит, суицид довольно быстро стал восприниматься как весьма заурядное явление и перестал шокировать общественность. Со временем российская ментальность устала приходить в ужас от едва ли не ежедневных случаев самоубийств и начала – нет, не привыкать, а скорее иронизировать по поводу суицидальной истерии, пытаясь замаскировать страх и отчаяние, охватившее российское общество.

Быть может, что-то такое особенное витало в российском воздухе, которым дышало, а может, от которого задыхалось российское общество того времени, что очень скоро оно стало дозветь над здравым смыслом, моралью и самой жизнью. И может неслучайно очень скоро в России наступят времена, когда необходимость самостоятельно сводить счеты с жизнью исчезнет за ненадобностью – первая мировая война, революция, гражданская война, красный и белый террор, а за-

⁵ Дюркгейм 1994. С. 49.

⁶ Кони 1967. С. 454.

⁷ Смирнов 1914. С. 3.

тем череда репрессий — черное крыло смерти обретет другие формы и очертания, но не сойдет на нет.

Прежде чем приступить к анализу феномена суицида, следует взять за аксиому, что ни одно из условий нельзя признать истинной причиной самоубийства. Ни страх перед наказанием, ни душевная болезнь, ни страсти, ни депрессия, ни пресыщение жизнью, ни неизлечимая болезнь (список можно продолжать практически до бесконечности) не может в полной мере объяснить решимость человека переступить последнюю черту. Вот почему мы решились поискать причину самоубийства именно в ментальных факторах жизненной среды человека, а не всего пространства культуры со множеством его характеристик, которые составляют уже надындивидуальную реальность проблемы суицида, и оказывают на заявленную проблему важное, но не первостепенное значение.

Еще Л. Февр, занимаясь исследованием культуры, уделил особое внимание двум вопросам. Первый — проблема непреодолимости исторических рамок в идентификации коллективной ментальности. Второй — каждая эпоха, по мнению Л. Февра, обладает своим ментальным наследством, своеобразным ментальным инструментарием, отличным от ментального инструментария других эпох. Это «непреодолимые для человеческого мышления барьеры восприятия мира»⁸.

Следовательно, можно задаться вопросом — не является ли навязчивое желание распорядиться своей жизнью по собственному усмотрению тем самым непреодолимым барьером, с которым человечество сталкивается на протяжении целого ряда исторических эпох.

Выделение аксиологического плана при изучении суицида стало возможно благодаря тому, что по неписанным правилам суицид имеет исторический аспект изучения. Аксиологический аспект позволяет дать оценки феномена суицида разными народами и культурами. Но при этом следует иметь в виду, что эти оценки могут быть как позитивными, так и негативными, и не всегда истинное отношение к данному феномену лежит на поверхности.

Социокультурный контекст самоубийства, безусловно, зависит и от исторических особенностей, и от уникальности культуры. Обычаи и верования, традиции и культы, религиозные практики и запреты также играют не последнюю роль. История человечества знала различное отношение к самоубийству. Чем ближе к современности, тем большее место суицид занимает в повседневной жизни человека, ибо массовая

⁸ Вжосек 2012. С. 127.

культура не только репрезентирует самоубийство, но и сама является носителем суицидальных моделей поведения и инициатором суицидальных действий.

Не только моральная оценка суицида, но и смысл, который вкладывался современниками в добровольный уход из жизни существенно менялись под влиянием многих факторов – культурных, религиозных, этнических, идеологических, социальных. Отношение к самоубийству, факторы, приводящие к нему, способы ухода из жизни всегда зависели от отношения той или иной культуры или социальной группы к смерти. Именно восприятие смерти определяло моральный статус самоубийства в глазах общества в целом и отдельного индивида, в частности.

В традиционных культурах сложилось двойственное отношение к смерти. Для человека той эпохи она не имела ценностной окраски, но рассматривалась с разных полюсов – хорошего и плохого. Именно «плохая смерть» чаще всего была связана с самоубийством. Безусловно, главную роль в этом играли анимистические представления. Человек, добровольно ушедший из жизни превращался после смерти в злого духа, который вредил живым сородичам.

С развитием культуры полюса раздвинулись, а отношение к самоубийству стало не таким однозначным. Уже в Античности мы видим множество тому примеров. Самоубийство теперь неразрывно связано с осознанием свободы выбора, а понятие свободы, как известно, прочно вошло во многие философские системы греков и римлян. Для грека свобода заключалась, в первую очередь, в отсутствии давления извне, в возможности самостоятельно контролировать собственную жизнь. Апогеем развития идеи свободы становится свобода в принятии главного решения в жизни любого человека – умереть или продолжать жить. С данной точки зрения свобода тесным образом переплеталась с творчеством, а самоубийство – с неким актом творения.

Античные философы не были единодушны в трактовке этой самой свободы. Пифагор и Аристотель стояли на совершенно иных позициях, нежели эпикурейцы, киники и стоики. Цицерон в познереспубликанском Риме полагал, что самоубийство для мудреца способно принести не вред, а скорее даже пользу. Стоики возвели свободу фактически в Абсолют, что давало им моральное право не только на самоубийство как таковое, но также на выбор способа ухода из жизни. Плиний Младший приписал самоубийству богоборческие тенденции, усматривая в добровольном уходе из жизни превосходство над богами. В императорскую эпоху в Риме под влиянием стоиков сформировалось патетическое

отношение к смерти. Настолько, что его случаи удостаиваются детального описания в серьезных исторических произведениях. В частности, Тацит излагает обстоятельства самоубийства Сенеки и его жены⁹.

Настоящим «певцом» самоубийства в Античности стал Сенека, для которого тема самоубийства была одной из главнейших. Осознание смысла добровольного ухода из жизни пришло к мыслителю через оценку этических сторон жизни и возвышение смерти, из которой, по мнению философа, должна быть устранены эмоции и страсти. «Раньше ты умрешь или позже – неважно, хорошо или плохо, – вот что важно. А хорошо умереть – значит, избежать опасности жить дурно»¹⁰.

Однако не все культуры, в которых свобода представляла собой экзистенциальную ценность, столь терпимо относились к суициду. Принципиально иначе подходили к этому, например, древние иудеи. Они не рассматривали человека как соперника Бога, поэтому самоубийство рассматривалось как неприемлемый акт, запрещенный Торой.

Говоря об аксиологической стороне суицида, неправильно было бы связывать феномен самоубийства с религиозными представлениями. Однако религия – это глубоко укорененный компонент духовной и бытовой культуры общества, а, следовательно, косвенно влияет даже на поступки человека нерелигиозного. Поэтому без анализа религиозных трактовок суицида сложно разобраться в сущности этого феномена.

Как правило, в качестве примера отрицательного отношения к суициду называют христианскую религию. Но следует отметить, что отношение к самоубийству в христианстве не всегда было столь однозначным, поскольку последовательное отношение к самовольному уходу из жизни сложилось далеко не сразу. Хрестоматийным примером для сторонников негативного отношения христианства к суициду является фигура Иуды Искариота. Но проблема состоит в том, что Евангелия говорят о нем весьма поверхностно, вскользь. Гораздо последовательнее в данном случае свидетельство апостола Павла: «Разве вы не знаете, что вы храм Божий... Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог, ибо храм Божий свят, а этот храм – вы»¹¹.

Первое осуждение самоубийства, исходящее от Отцов Церкви, принадлежит Августину Блаженному. Причем причиной данного осуждения стала реакция церкви на стремительный рост самоубийств среди религиозных фанатиков, членов христианских сект, а также на

⁹ Тацит *Анналы*, 15.60-64.

¹⁰ Сенека 1986.

¹¹ 1 Кор. 3:16,17

участившиеся случаи неистового мученичества. Таким образом, первоначально руководители христианских общин даже поощряли добровольный уход из жизни во славу христианской веры. Трагедия самоубийства в том, что оно исключает любую возможность покаяния, что и было признано Августином, и, следовательно, добровольная смерть является убийством, нарушающим заповедь «Не убий».

Лишь со времени Фомы Аквинского мы можем говорить о последовательных постулатах, осуждающих самоубийство. Таковых патристика вывела три:

Самоубийство – нарушение закона природы.

Самоубийство – нарушение закона морали.

Самоубийство – нарушение Закона Божьего, который оставляет право забирать жизнь только самому Богу.

При этом мы видим, что данные постулаты были выведены абсолютно в духе патристики.

Жесткие установки христианства касательно самоубийства оформляются лишь в XVI в. Тридентский собор 1568 г. официально признал суицид убийством на основании заповеди «Не убий». По сути, именно это обстоятельство сформировало не только «суицидальное» законодательство большинства европейских стран, но и все общественные стереотипы в отношении к самоубийцам.

Однако ни церковное осуждение, ни жестокое пресечение суицида в эпоху позднего средневековья, ни самая жестокая мера не могла снять нарастания интенсивности самоубийств. Причина, вероятно, была в том, что жестокие, нецелесообразные меры «били по оглобле, а не по коню». Человека, решившегося на самоубийство, не смущала мысль ни о лишении христианского погребения, ни о материальных трудностях, ожидавших его наследников. Это подтвердило и введение в уголовные кодексы разных стран специальных статей, исключаящих уголовную наказуемость самоубийства. Что изменили эти статьи? Абсолютно ничего. Разве что появились новые проблемы. Да, все эти меры сделали более гуманным отношение к родственникам самоубийц, но самих проблем суицида они не решили. И сегодня весь современный мир сталкивается с «черным крылом» данного феномена, невзирая на совершенство или несовершенство того или иного законодательства.

Гуманисты, обратившие свои устремления к Античности, вместе с возвышением человека вернули ему и право на свободу, а, следовательно, и право на свободу выбора. Обоснование этого права привело к более рациональному отношению к самоубийству по сравнению с

предыдущей эпохой. Век Просвещения завершил начатое. От взвешенности и рациональности стрелка барометра передвинулась к толерантному отношению к самоубийству. Примером тому может служить появление знаменитого эссе Давида Юма «О самоубийстве»¹². Юм тщательно проанализировал опытное знание с позиций разумного скептицизма. Тот факт, что он не мог оставить без внимания проблему суицида говорит о последнем как о весьма значимом аспекте человеческого опыта. Юм сделал поистине революционный вывод, заявив, что вопрос о самоубийстве не только не противоречит Божьему промыслу, но и не нарушает мировой гармонии, поскольку любое событие равнозначимо в вечности.

Проникновение в Россию сентиментализма, культурных тенденций Западной Европы, веяний Французской революции с ее обоснованием свободы привело самоубийство на страницы литературных и философских произведений, сделав его впоследствии культурно значимой моделью поведения. Ю.М. Лотман считал, что суицидальное поведение той эпохи являлось знаковой культурно-исторической ситуацией¹³.

Предпринятый экскурс в историю наглядно показывает, что по приближении к XX веку стрелка барометра все сильнее отклонялась к положительному полюсу. Но было бы наивным предполагать (хотя попытки таких предположений строились неоднократно), что катализатором тому стал кризис европейского общества и культуры, а СМИ усилили губительное влияние на неокрепшую психику и внесли свою лепту в дело роста суицида. Еще А.Ф. Кони в 1923 г. писал: «...печальную роль у нас и в Европе играет кинематограф, представляющий, вместо научно-поучительных и просветительских картин, методологию преступлений и сцены самоубийств, действующих заразительно на молодое поколение. Наряду с кинематографом не менее вредное влияние имеет подчас и печатное слово...»¹⁴.

Безусловно, нельзя отрицать влияние социокультурной среды на возможности выживания здорового человека в современном обществе, но проблем самого суицида это влияние не решает. Лечить надо не самоубийц, это, как показала история, дело безнадежное, а саму действительность, ибо сознание современного человека погружено в состояние, где сближены границы нормального и патологического, вымысла и действительности. В еще большей степени это доказала эпоха постмодерна.

¹² Юм 1909.

¹³ Лотман 1994.

¹⁴ Кони 1967. С. 464.

Поскольку XXI век накладывает свой отпечаток на подходы к изучению феномена суицида, следует остановиться на гендерном подходе к этому явлению. Еще Дюркгейм объяснял превалирование мужских самоубийств над женскими меньшей чувствительностью женщины, ее недостаточным проникновением в общественную жизнь¹⁵. Не останавливаясь на явно шовинистической позиции философа, следует признать, что доля истины в этом утверждении есть, поскольку женщины, как показывает статистика, действительно совершают самоубийства в среднем в 3–4 раза реже, чем мужчины. Существует даже некая социальная (или демографическая) константа, включающая в себя необъяснимое соотношение 1:3, означающее, что в мире на одну женщину-самоубийцу приходится в среднем трое мужчин. Попытка объяснить эту закономерность сводится современными исследователями к лучшей социальной адаптации женщин, несмотря на то, попыток самоубийств они совершают в пять раз больше, чем мужчины. Разница лишь в том, что данные попытки в большей степени являются демонстрацией намерения покончить с собой с целью привлечения внимания и улучшения собственной жизни.

Резюмируя изложенное, необходимо выделить несколько положений, которые в качестве некоторых констант определяют ту феноменальную сущность суицида, которая остается за рамками исследований, а между тем, и составляет его истинные причинность и следствие.

Итак, положение первое. Быть может, смерть отнюдь не лишена смысла, а напротив, наполнена им и может не только сломать, но и возвеличить человека. Уже древним было известно подобное состояние, которое они называли катарсисом. Задача мыслей о смерти не разрушительная, а созидательная – понять и осмыслить ценность земной жизни, любви, заботы и сострадания. Если смерть не вызывает чувства вины, раскаяния, боли и утраты, то дело совсем не в смерти. Дело в пустой и напрасно прожитой жизни. Вот в чем состоит благо смерти, о котором так много говорили античные философы. Именно об этом говорил Сократ на суде: «...похоже в самом деле, что все это (приговор) произошло к моему благу, и быть этого не может, чтобы мы правильно понимали дело, полагая, что смерть есть зло»¹⁶. Об этом же неоднократно заявлял Сенека: «Кто умереть отговорил несчастного, к нему жесток; кончина часто кара нам, но часто и для многих – милосердный дар»¹⁷.

¹⁵ Дюркгейм 1994.

¹⁶ Лаврин 1993. С. 483.

¹⁷ Сенека 12, 929.

Возможно, не случайно Ф. Арьес считал одним из важнейших феноменов истории ментальности именно представления о посмертном существовании, которые свидетельствуют о появлении индивидуального морального сознания¹⁸. И с этой точки зрения знаменитые слова Фомы Аквинского: «Живем для других, а каждый умирает сам за себя персонально», – приобретают некий зловещий смысл¹⁹.

Второе. Возможно, не случайно одной из универсалий смерти является образ смерти как подвига. Как сознательного создаваемого произведения культуры, хотя бы и в таком неоднозначном деструктивном аспекте. Смерть как бы испытывает человека на его человеческие качества в «пограничных ситуациях» близости к смерти. И на первый план здесь выдвигается уже проблема смысла жизни. Ведь именно наша непосредственная жизнь является критерием истинности выбранного нами смысла. Движение моей жизни, подчинение ее определённому смыслу должно возвышать меня, делать меня свободным. «*Mori licet cui vivere non placet*»²⁰. Эпикурейцы и стоики, придерживаясь абсолютно разных взглядов на жизнь, пришли к соглашению о правомочности жизни. А раз жизнь – это право, а не тяжкая повинность, то у человека есть полное право от нее отказаться. Лозунгом Александрийского общества, созданного эпикурейцами, стал их безызвестный афоризм: «Вход в жизнь один, а выходов – несколько».

Третье. Для русского менталитета, в котором не последнюю роль играет понятие святости, во все времена остро стоит вопрос о жертвенности. Принести себя в жертву во благо кого-то или чего-то – это не просто право, а зачастую – долг человека. С этой точки зрения самоубийство выступает как проявление активной воли человека, является выражением подлинной свободы личности. В данном случае, человек выполняет задуманный им акт действия, отдавая себе отчет о последующих результатах²¹. И данный поступок не просто не вызывает осуждения общества, а скорее получает одобрение и даже восхищение. Не случайно, борьба во имя чего-то часто оплачивается не чем иным, как жизнью непосредственных участников этой борьбы.

Четвертое. Идея существования инстинкта смерти не раз высказывалась в ходе изучения этого феномена. З. Фрейд представлял данный инстинкт как стремление к уничтожению самого себя и других, как влечение, реализующееся на клеточном уровне и изначально присущее лю-

¹⁸ Арьес 1992.

¹⁹ Антология мировой философии. 1973.

²⁰ Пусть умирает тот, кому не хочется жить (лат.).

²¹ Красенкова 1999. С. 154.

бому живому существу, так как «цель всякой жизни есть смерть»²². Солидарен с ним и С. Гроф, который, исследуя «перинатальные переживания», приходит к выводу, что знания о биологическом цикле «рождение-смерть» настолько важны, что они закодированы в бессознательном как его архетипы и, вместе с тем, составляют важнейшую часть мифологических, религиозных и космологических систем²³.

Пятое. Еще одна попытка объяснить феномен суицида – в проблеме противоречивости личностных знаний о смерти. Дело в том, что они являются принципиально двухплановыми. К первому плану относятся представления о смерти вообще, о *чуждой* смерти как завершении жизни человека, с которой человек постоянно сталкивается в окружающем его мире. Второй план – представления о собственной смерти, событии из области метафизики, поскольку неизбежность ее и очевидна, и одновременно немыслима для человека²⁴. Другими словами, амбивалентность представлений о смерти и двойственность отношения к ней рисует смерть как некоего двуликого Януса: с одной стороны, страх и ужас неизвестности, с другой – надежда и вера в лучшее существование.

Шестое. Еще один немаловажный момент. Знание о смерти относится к разделу социальной информации, то есть передается из поколения в поколение – и никак иначе. Разрывы поколений, которые, к сожалению, столь часто случались в истории нашей страны, накладывали определенные изломы на передачу данного социального опыта. Эпохи, в которых ценность человеческой жизни была практически сведена на нет, оказали свое воздействие на трансформацию установок в отношении к смерти. Сюда следует также отнести и рывки от истинной веры к крайнему атеизму, и обратный процесс.

Седьмое. Объяснить суицид можно и через понятие смерти как сознательного выбора, ключевой смысл которого – «умереть с достоинством», т.е. представить неизбежный процесс умирания в таком виде, что именно человек обладает изначальным намерением умереть, смерть – это акт его свободной воли, а не суровая неизбежность. Данным понятием часто руководствуются представители различных деструктивных сект, призывая своих последователей к самоубийству как способу реализовать акт собственной воли и разорвать цепь необходимости.

²² Фрейд 2013. С. 184.

²³ Гроф 1992. С. 74-109.

²⁴ Грубников 1989. С. 77.

Восьмое. *Mors creator vitae est* (Смерть – созидатель жизни). Еще со времен Античности люди отождествляют свое «Я» с телом, и все мысли, чувства, ощущения принадлежат именно телу. При этом упускается другое, не менее важное свойство человеческого «Я», которое собственно и обеспечивает состояние бытия. И идеалисты, и материалисты, сами того не замечая, практически исключили из виду эту бытийственную сторону «Я», сделав основной акцент на его личностные качества и характеристики. Созданный ими «эгоистический тип личности»²⁵ и привел к сегодняшнему положению вещей, когда к многочисленным лозунгам, касающимся морали, нравственности, ответственности перед будущими поколениями, мало кто прислушивается.

Внутренний смысл ответственности, нравственности, долга зависит от того, как человек понимает жизнь и в каком качестве он ее принимает, а, следовательно – что для него смерть и как он принимает ее в свою жизнь. И большая разница – воспринимать смерть в качестве небытия, или в качестве особого, этапного рубежа в жизни вечного бытия.

Девятое. Мыслить свою смерть – значит сознательно ограничивать свое будущее. Кроме того, это означает связывание воедино жизни, свободы и смерти, от взаимодействия которых зависит пространство личной метафизики. Но у человека нет опыта собственной физической смерти. «Чья-то смерть» оставляет человека фактически в ситуации «моя жизнь–без–него». Но чтобы действительно пережить свою смерть, чтобы она реально стала событием жизни, человеку необходимо оказаться в ситуации «моя жизнь–без–меня»²⁶.

И в качестве заключения, а возможно, в качестве некоего обозначения нового вектора исследуемой проблемы. Как это ни печально, но отклонения стрелки барометра в сторону отрицательного полюса в ближайшее время, скорее всего, не будет. Вероятно, нас ждет новый всплеск суицидальной истерии. Это не жестокое пророчество, а новые веяния времени. Причина тому – вопрос о признании права на смерть – эвтаназии. Не вдаваясь в суть данного явления (это тема для самостоятельного серьезного исследования) укажем здесь на принципиальный для нашего исследования вопрос – является ли тогда жизнь высшей ценностью, или высшей ценностью является отсутствие страданий?

Как бы там ни было, не побоимся признаться, что человечество пока не готово к осмыслению этой проблемы. Для этого не сложились ни мировоззренческие, ни нравственные, ни юридические основания.

²⁵ Полосухин 1999. С. 93.

²⁶ Устюшкин 1999. С. 113.

А вместе с тем, проблема становится все более насущной, и игнорировать ее в течение долгого времени вряд ли возможно, а может быть, и опасно. Да и проблема эта, по сути, не нова. Сторонники добровольной смерти в лице избавителя от страданий и мучений, были всегда – и в Античности, отличавшейся спокойным и рассудительным отношением к самоубийству (достаточно назвать Сократа, Платона, стоиков), и в Средние века, когда самоубийцы сурово наказывались и осуждались и церковью, и людьми, но голоса в защиту права на смерть все же раздавались. Взять хотя бы Томаса Мора и Фрэнсиса Бэкона. Кстати, термин «эвтаназия» был впервые введен именно Бэконом. «Скажу более, развивая сию тему: долг медика не только в том, чтобы восстанавливать здоровье, но и в смягчении страданий, вызванных болезнью; и состоит он не в том лишь, чтобы ослаблять боль, почитаемую опасным симптомом; если недуг признан неизлечимым, лекарь должен обеспечить пациенту легкую и мирную кончину, ибо нет на свете блага большего, нежели подобная эвтаназия...»²⁷.

Найти лекарство, способное «подлечить» инстинкт самосохранения, вряд ли удастся в ближайшем будущем. Сгустки ментального страха, образовавшиеся в течение многих столетий, и масса проблем, с которыми человек сталкивается один на один, отнюдь не способствуют этому. Зависимость от внешнего мира, попытка следовать навязываемым стандартам и имиджевым стереотипам, задвигают истинные проблемы бытия на задний план. Но проблемы эти не исчезают. И встают в полный рост именно тогда, когда времени решать их уже не остается. Там, у последней черты, когда черное крыло смерти манит в прекрасное далеко, унося с собой самое ценное, что можно унести – жизнь...

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. Философы древности и средневековья. М.: Мысль, 1973. 576 с.
- Антология мировой философии: Античность. М.: Издательство «АСТ», 2001. 960 с.
- Бэкон Ф. Великое восстановление наук. Новый органон. М.: Мысль, 1978. 56 с.
- Сенека. Нравственные письма к Луцилию. Трагедии. М.: Художественная литература, 1986.
- Тацит Публий Корнелий. Анналы. Малые произведения. История: Пер. с лат. М.: Ладомир, 2001. 992 с.

Литература

- Человек перед лицом смерти: Пер. с фр. М.: Прогресс–Академия, 1992. 526 с.

²⁷ Бэкон. *Instauratio Magna*, 1623.

- Вжосек В.* Культура и историческая истина / Пер. с польского К.Ю. Иерусалимского. М.: Круг, 2012. 336 с.
- Гроф С.* За пределами мозга. Рождение, Смерть и Трансценденция в психиатрии. М.: Центр «Соцветие», 1992. 336 с.
- Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд: Пер. с фр. с сокр.; Под ред. В. А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.
- Камю А.* Бунтующий человек: Философия. Политика. Искусство: Пер. с фр. (серия «Мыслители XX века»). М.: Политиздат, 1990. 415 с.
- Кони А.Ф.* Самоубийство в законе и жизни // Собрание сочинений: в 8 т. Т. 4. М.: Изд-во «Юридическая литература», 1967. С. 454-481.
- Красенкова И.П.* Философский анализ суицида // Идея смерти в российском менталитете. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитар. ин-та, 1999. С. 151-174.
- Лаврин А.П.* Хроники Харона. Энциклопедия смерти. М.: Московский рабочий, 1993. 240 с.
- Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII–начало XX века). СПб.: Искусство, 1994.
- Обидина Ю.С.* Мир смерти в культурных представлениях греков эпохи архаики и классики. Дисс... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2001.
- Обидина Ю.С.* Представления о бессмертии души в культуре древней Греции: становление, эволюция, трансформация в христианское воскресение. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 2007. 288 с.
- Обидина Ю.С.* Концепции личного бессмертия в современном социогуманитарном дискурсе // Социально-гуманитарные проблемы современности: личность и общество. Книга 2. Publishing House Science and Innovation Center Saint-Louis. MO, USA. 2013. С. 93-118.
- Обидина Ю.С.* Феномен Homo Immortalis в системе культуры. Дисс... докт. филос. наук. Нижний Новгород, 2010.
- Обидина Ю.С.* Проблема суицида в современных научных исследованиях и в реальной жизни // Государственное управление: центр-регион (проблемы экономики, социологии и права). Йошкар-Ола, 2000. С. 88-93.
- Полосухин Б.М.* Смерть и вечная жизнь // Идея смерти в российском менталитете. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1999. 88-106.
- Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв. М.: Круг, 2011. 560 с.
- Смирнов А.* Самоубийство и христианский взгляд на жизнь: Публичная лекция. СПб.: Б. и., 1914. 31 с.
- Трубников Н.И.* Притча о Белом Ките // Вопросы философии. 1989. № 1. С. 56-82.
- Устюшкин Ю.М.* Личная метафизика смерти // Идея смерти в российском менталитете. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитар. ин-та, 1999. С. 107-122.
- Фрейд З.* «Я» и «Оно». СПб.: Азбука, 2013. 288 с.
- Хоф Антон ван.* Женские самоубийства в античном мире: между вымыслом и фактами // Вестник древней истории. 1991. № 2. С. 18-43.
- Юм Д.* Естественная история религии. Диалоги о естественной религии. О бессмертии души. О самоубийстве: Пер. с англ. Юрьев: Тип. Э. Бергмана, 1909. 178 с.

REFERENCES

Istochniki

Antologija mirovoj filosofii. V 4 t. T. 1. Filosofij drevnosti i srednevekov'ja. M.: Mysl', 1973. 576 s.

- Antologija mirovoj filosofii: Antichnost'. M.: Izdatel'stvo «AST», 2001. 960 s.
- Bjekon F. Velikoe vosstanovlenie nauk. Novyj organon. M.: Mysl', 1978. 56 s.
- Tacit Publij Kornelij. Annaly. Malye proizvedenija. Istorija: Per. s lat. M.: Ladomir, 2001. 992 s.
- Seneka. Nravstvennye pis'ma k Luciliju. Tragedii. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1986.
- Literatura**
- Chelovek pered licom smerti: Per. s fr. M.: Progress–Akademija, 1992. 526 s.
- Vzhosek V. Kul'tura i istoricheskaja istina / Per. s pol'skogo K.Ju. Ierusalimsko-go. M.: Krug, 2012. 336 s.
- Grof S. Za predelami mozga. Rozhdenie, Smert' i Transcendencija v psihiatrii. M.: Centr «Socvetie», 1992. 336 s.
- Djurkgejm Je. Samoubijstvo: Sociologicheskij jetjud: Per. s fr. s sokr.; Pod red. V. A. Bazarova. M.: Mysl', 1994. 399 s.
- Kamju A. Buntujushhij chelovek: Filosofija. Politika. Iskusstvo: Per. s fr. (cerija «Mysliteli HH veka»). M.: Politizdat, 1990. 415 s.
- Koni A.F. Samoubijstvo v zakone i zhizni // Sobranie sochinenij: v 8 t. T. 4. M.: Izd-vo «Juridicheskaja literatura», 1967. S. 454-481.
- Krasenkova I.P. Filosofskij analiz suicida // Ideja smerti v rossijskom menta-litete. SPb.: Izd-vo Russkogo hristianskogo gumanitarnogo instituta, 1999. S. 151-174.
- Lavrin A.P. Hroniki Harona. Jenciklopedija smerti. M.: Moskovskij rabochij, 1993. 240 s.
- Lotman Ju.M. Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvorjanstva (XVIII–nachalo XX veka). SPb.: Iskusstvo, 1994.
- Obidina Ju.S. Mir smerti v kul'turnyh predstavlenijah grekov jepohi arhaiki i klassiki. Diss... kand. filos. nauk. Nizhnij Novgorod, 2001.
- Obidina Ju.S. Predstavlenija o bessmertii dushi v kul'ture drevnej Grecii: sta-novlenie, jevoljucija, transformacija v hristianskoe voskresenie. Joshkar-Ola: Izd-vo MarGU, 2007. 288 s.
- Obidina Ju.S. Konceptii lichnogo bessmertija v sovremennom sociogumanitarnom diskurse // Social'no-gumanitarnye problemy sovremennosti: lichnost' i ob-shhestvo. Kniga 2. Publishing House Science and Innovation Center Saint-Louis. MO, USA. 2013. S. 93-118.
- Obidina Ju.S. Fenomen Homo Immortalis v sisteme kul'tury. Diss... dokt. filos. nauk. Nizhnij Novgorod, 2010.
- Obidina Ju.S. Problema suicida v sovremennyh nauchnyh issledovanijah i v re-al'noj zhizni // Gosudarstvennoe upravlenie: centr-region (problemy jekonomi-ki, sociologii i prava). Joshkar-Ola, 2000. S. 88-93.
- Polosuhin B.M. Smert' i vechnaja zhizn' // Ideja smerti v rossijskom mentalitete. SPb.: Izd-vo Russkogo hristianskogo gumanitarnogo instituta, 1999. 88-106.
- Repina L.P. Istoricheskaja nauka na rubezhe XX-XXI vv. M.: Krug#, 2011. 560 s.
- Smirnov A. Samoubijstvo i hristianskij vzgljad na zhizn': Publichnaja lekcija. SPb.: B. i., 1914. 31 s.
- Trubnikov N.I. Pritcha o Belom Kite // Voprosy filosofii. 1989. № 1. S. 56-82.
- Ustjushkin Ju.M. Lichnaja metafizika smerti // Ideja smerti v rossijskom mentali-tete. SPb.: Izd-vo Russkogo hristianskogo gumanitarnogo instituta, 1999. S. 107-122.
- Frejdz Z. «Ja» i «Ono». SPb.: Azbuka, 2013. 288 s.
- Hof Anton van. Zhenskije samoubijstva v antichnom mire: mezhdru vymyslom i fak-tami // Vestnik drevnej istorii. 1991. № 2. S. 18-43.

Jum D. Estestvennaja istorija religii. Dialogi o estestvennoj religii. O bessmer-tii dushi. O samoubijstve: Per. s angl. Jur'ev: Tip. Je. Bergmana, 1909. 178 s.

Обидина Юлия Сергеевна, доктор философских наук, профессор кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета; basiley@mail.ru

The phenomenon of suicide in the identification of collective mentality

The author proposes to consider the phenomenon of suicide as a mental construct, which has a major influence on the world and the formation of sociocultural appearance historical epoch. A semantic factor for suicide relies meaning of life and attitude to death. For this stand out some constants that, from the point of view of the author, are the true causes and manifestations of suicidal behavior are fixed in the collective mentality. It is shown that current approaches to the study of suicide have only superficial character and do not affect the essence of the phenomenon.

Keywords: life, death, immortality, suicide, philosophy, mentality.

Yulia Obidina, Dr.Sc. (Philosophy), Professor, Department of World History, Mari State University, basiley@mail.ru

В. С. ТРОФИМОВА

«СПОР О ЖЕНЩИНАХ» В ЕВРОПЕЙСКИХ КУЛЬТУРАХ КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVII ВЕКА

В статье рассматриваются литературные произведения конца XVI – начала XVII в., относящиеся к «Спору о женщинах» и вышедшие в свет в разных европейских странах в этот период. Дается описание раннего этапа «Спора», приводятся основные произведения, относящиеся к нему, начиная с «Пятнадцати радостей брака» и сочинений Кристины Пизанской. Анализируются аргументы защитников и противников женщин (библейские, юридические, эстетические). Подчеркивается связь «гендерной напряженности» в европейских литературах конца XVI – начала XVII в. с конкретными случаями женского трансвестизма. Анализируются взгляды Монтеня и Ф. Бэкона на женщину, а также позиция приемной дочери Монтеня Мари де Гурне – защитницы женского пола и сторонницы равенства мужчин и женщин.

Ключевые слова: *«Спор о женщинах», трансвестизм, Монтень, Ф. Бэкон, Гурне.*

Рубеж XVI–XVII вв. отмечен в Европе особой гендерной напряженностью. Примеры женщин-правительниц, ученых женщин, женщин, занимавшихся литературным творчеством, поставили под вопрос традиционное разделение гендерных ролей, при котором в публичной сфере – в политике, литературе и науке (в широком смысле слова) – доминировали мужчины. Для Англии знаковой стала фигура Елизаветы I, – королевы, которая не только играла важную роль в религии и политике, но и была одной из основательниц традиции женской литературы в своей стране. Между тем, едва ли можно говорить об интересе Елизаветы к положению женщин в английском обществе или к женскому образованию. В других европейских странах в XVI в. не было аналогичной Елизавете Английской фигуры женщины-правительницы, хотя Екатерина и Мария Медичи играли значительную роль в политике. Между тем, такие явления, как Маргарита Наваррская и Маргарита Валуа, прославившиеся не только своей принадлежностью к королевскому роду, а, прежде всего, литературной деятельностью, не могли пройти мимо внимания современников. В данной статье внимание сконцентрировано не столько на социальном аспекте гендерной напряженности, сколько на ее отражении в европейских литературах этого периода.

Что из себя представлял «Спор о женщинах» в эпоху Ренессанса, в XVII в. и в эпоху Просвещения? Затрагивало ли это явление широкие общественные слои, или ограничивалось узким кругом образованных людей, для которых вопрос о превосходстве того или иного пола, при-

роде женщины, роли женщины в политике, литературе, науке и культуре был не более чем поводом для обмена остроумными мыслями в рамках литературной игры? Очевидно, что литература не является исключительно «зеркалом» жизни, однако нельзя отрицать, что она реагирует на проблемы, возникающие в обществе, и выводит на поверхность даже скрытые «болевы точки» реальности. Взаимоотношения полов и разделение гендерных ролей – одна из таких «болевых точек».

«Спор о женщинах» (*Querelle des femmes*) восходит еще к рубежу XIV–XV вв. В этом «споре» не только пытались утвердить равенство полов или превосходство одного пола над другим (чаще доказывалось превосходство мужчин над женщинами, но были и те, кто провозглашал превосходство женщин, например, Корнелий Агриппа Неттесгеймский в XVI в.). В рамках «Спора о женщинах» поднимались проблемы женской нравственности, женской власти, женской речи и доступа к знаниям. Присутствовал и эстетический дискурс – велись рассуждения о красоте в целом и женской красоте в частности. Защитники женщин нередко использовали одни и те же аргументы, например, что женщины – божьи создания и что мужчины должны помнить, что женщины – их матери. Женоненавистническая традиция в западной мысли восходит к трудам Аристотеля. Женщина для Аристотеля – незавершенный, несовершенный мужчина. Природа женщины менее совершенна по сравнению с мужской. Более того, Аристотель не находит специального языка описания для женщины и описывает женщину только через мужчину. Идея слабости женской природы проходит красной нитью не только через всю средневековую философию, но и в целом через сочинения противников женщин всех времен. Проблема описания женщины как женщины и как представительницы человеческого рода на уровне языка также будет прослеживаться на протяжении многих веков.

В европейской литературе XVI века «Спор о женщинах» стал явлением после публикации сочинения Корнелия Агриппы Неттесгеймского «О благородстве и преимуществе женского пола» (1529). Написанный на латыни, этот трактат был переведен на английский, французский, немецкий и другие европейские языки. Это произведение стало важнейшим источником идей для защитников женского пола, Агриппе подражали, использовали название его сочинения и его аргументы. Главная идея в трактате Агриппы содержалась, по мнению его биографа Марка ван дер Поела, в его интерпретации библейского мифа о Творении¹. Однако нельзя недооценивать его заслуг в обраще-

¹ Poel, Mark van de. 1997. P. 194.

нии к юридической сфере и обличению юридического бесправия женщин. Кроме того, Агриппа утверждал превосходство женщин, приводя эстетический аргумент: женская красота более совершенна, чем мужская. Женщина является наиболее совершенным из всех существ, так как она была сотворена в раю – прекраснейшем из мест. По словам Агриппы, «тело у женщины лучится светом на взгляд и прикосновение», «голова маленькая, длинная шея, поддержана округлыми плечами, изысканное белое горло – умеренной полноты, голос и речь сладкие, грудь высокая, чудной формы, с твердыми сосцами, округлыми, как и живот... нижняя часть живота и бедра – сладостные полукружья... и все тело пронизано соками жизни»². Женщина у Агриппы – «венец Творения», «Господь всю красоту, предназначенную миру, воплотил в женщине, дабы всякое творение восхищалось ею»³. Гимн женской красоте, который Агриппа включает в свое произведение, отличает его трактат от сочинений его предшественников, которые по изложению были более сухими.

Ван дер Поел считает, что кульминация «Спора о женщинах» в европейской литературе прилась на 1541–1555 гг.⁴ Особенно это справедливо в отношении Франции, где вошло в моду писать сочинения, прославляющие достоинства женского пола. В Англии с 1540 по 1640 г. было опубликовано 36 произведений, посвященных исключительно защите женщин или нападкам на них⁵. Не остались в стороне Италия, Германия и некоторые другие европейские страны. В «Спор о женщинах» включаются ведущие европейские писатели XVI – начала XVII в. Достоинствам и недостаткам женщин посвящены многие новеллы «Гептамерона» (1558) Маргариты Наваррской. По мнению А. Михайлова, «для Маргариты в отличие от ряда поэтов – ее современников, “спор” этот выходил за рамки привычной литературной игры, выливаясь в дискуссию о подлинной любви и о личном достоинстве человека»⁶. В «Гептамероне» намечена та же связь между представлениями о любви и отношением к женщине, что и в трактате Агриппы. Вместе с тем, Маргарита сосредоточивает внимание на женских образцах добродетели и примерах женских пороков и не ставит вопроса о справедливости существующего гендерного порядка.

² Агриппа Неттесгеймский 2010. С. 20-21.

³ Ibid. P. 21.

⁴ Poel. Op. cit. P.187.

⁵ Benson 2008. P. IX.

⁶ Михайлов 1982. С. 16.

Между тем, во Франции существовала и своя традиция сочинений, обличающих женские пороки или прославляющих женские добродетели. Еще в начале XV века была написана книга Кристины Пизанской «О граде женщин» (1405). Именно Кристина Пизанская положила начало традиции женских сочинений в защиту представительниц своего пола. Ее произведение получило широкую известность и во Франции, и за ее пределами. В своей книге Кристина Пизанская увязывает женскую и семейную проблематику. Апеллируя к традиционной внутрисемейной иерархии, в которой главную роль играет муж, она опровергает обвинения женщин в том, что они создают для своих спутников невыносимые условия существования. Напротив, Кристина показывает, что именно женщины чаще всего становятся жертвами несчастливых браков. Традиция обсуждения «радостей брака» восходит к Средневековью.⁷ Самым знаменитым произведением на эту тему была книга «Пятнадцать радостей брака», в которой были показаны распутные и жестокие жены. В отличие от своих оппонентов, Кристина Пизанская не была склонна видеть лишь негативные примеры, как это делали ее предшественники, обсуждавшие пороки семейной жизни. Она говорила о хороших и мудрых мужьях, о преданных женах, ухаживающих за своими супругами, о почтительных дочерях, заботящихся о своих престарелых родителях. Дурные женщины, по мнению Кристины Пизанской, лишены своего естества⁸.

В 1475 г. книга «О Граде женском» была переведена на фламандский язык, а в 1521 г. – на английский и опубликована в Англии раньше, чем во Франции. Вероятно, это произведение стимулировало «Спор о женщинах» в английской литературе.

В Англии первое женское сочинение в рамках «Спора о женщинах» вышло в свет в 1589 г. (автор скрывался под псевдонимом Джейн Энгер). Автор «Защиты женщин» критиковала недостатки мужчин, отстаивала превосходство женской природы и женские достоинства. К концу XVI века в европейских странах появляется несколько знаковых антифеминистских сочинений, которые имели широкий резонанс и вызвали множество ответов защитников женщин. Среди них «Новое рассуждение против женщин, в котором доказывается, что они не являются человеческими существами», приписываемое Валенсу Ацидалию (1595), и трактат Джузеппе Пасси «О женских недостатках» (1599). Трактат Ацидалия, скорее всего, не был направлен против

⁷ Duggan 2005. P. 130-131.

⁸ Кристина Пизанская 1991. С. 253.

женщин, а был пародией на сочинения анабаптистов, в которых отвергалась божественная природа Христа. Тем не менее, многие восприняли трактат буквально, и он вызвал несколько возражений, например, от профессора гебраистики Лейпцигского университета Симона Гедика («Защита женского пола», 1595, издание на латыни). Сочинение в защиту женского пола, открывающее семнадцатое столетие – «О благородстве и превосходстве женщин» итальянки Лукреции Маринеллы – было ответом на трактат Пасси. Знаковым для английского и французского антифеминизма стал 1617 год, когда в Англии публикуется в высшей степени женоненавистническое произведение Джозефа Светнама «Обвинение распутных, праздных и бесплодных женщин» (1617), а во Франции – не менее антифеминистский памфлет Жака Оливьера «Алфавит женских недостатков» (1617).

Для Франции 1617 год ознаменовался концом регентства Марии Медичи и казнью не только ее фаворита Кончино Кончини, но и его супруги, камеристки королевы Леоноры Доры Галигаи. Памфлет Оливьера выдержал как минимум 18 переизданий к 1650 г.⁹ Это произведение инициировало так называемый «Спор алфавитов», в котором слышны отголоски традиции обсуждения «радостей брака». Уже в 1618 г. за женщин вступился шевалье де Л'Эскаль с трактатом «Защитник женщин» – это было практически зеркальное отражение «Алфавита женских недостатков», но со знаком «+» (женские недостатки меняются на женские достоинства). Сам «Спор алфавитов» затих уже к 1625 г., и на протяжении XVII века во Франции появилось немного откровенно антифеминистских произведений. Публикация произведения Светнама вызвала три ответа, обнародованные под женскими именами. Констанция Мунда и Эстер Совернем явно не были настоящими авторскими именами (под первым, возможно, и вовсе скрывался мужчина). Рейчел Спейт впоследствии выпустила сочинение на религиозную тему. Все они провозглашали равенство мужчин и женщин, а Совернем даже намекала на женское превосходство. И Спейт, и Совернем приводили в пример историю творения, обращая внимание на то, что женщина была создана из ребра Адама, чтобы быть ему равной, а не из его ноги, чтобы быть им раздавленной.

В Англии в «Спор о женщинах» в начале XVII века включается знаменитый поэт Джон Донн. Он провозглашает равенство мужчин и женщин в отношении ума и дарований. Что касается женоненавистнических сочинений, то, как отмечает О.В. Саламатова, они «по его мне-

⁹ Duggan 2005. P. 131.

нию, порождены обидами, недостатком мудрости и жадой парадоксов»¹⁰. Поэт частично снимает с женщин обвинения в плотских грехах. Как заключает Саламатова, Донн развивает идеи христианского гуманизма, который рассматривал «всех людей вне зависимости от пола или этнического происхождения с позиции равенства» и не нуждался «в интеллектуальных усилиях для интегрирования женщины в систему по преимуществу “мужского” мира».¹¹ Хотя вывод исследовательницы грешит определенной идеализацией отношения Джона Донна к «женскому вопросу» – во многих его сочинениях присутствует критическое отношение к женскому полу, – нельзя не отметить, что поэт продолжает линию, начатую еще Кристиной Пизанской в книге «О граде женщин».

«Спор о женщинах», до середины XVI в. происходивший в рамках сообщества знатных и образованных людей, во второй половине столетия перешагнул сословные границы. По свидетельству Н.В. Карначук, в Англии он достиг своего пика в 1590-1620-х гг.¹² Разразилась настоящая памфлетная война. Как отмечает Карначук, «в отличие от более ранней дискуссии на ту же тему, памфлеты эпохи Елизаветы и Иакова обращаются, прежде всего, не только и не столько к библейским аргументам за и против женщин, но, скорее, к примерам из давнего и недавнего прошлого и аргументам, основанным на повседневном житейском опыте».¹³ В памфлетах обличается мужеподобие женщин, и здесь налицо определенная «гендерная тревожность» – страх перед женщиной, которая забыла свое место в иерархии полов. Не только памфлеты, но и площадные баллады, и новостные листки тиражируют и усиливают «роль “женственной женщины”», а жену «с дубинкой или мечом в руках» представляют «фигурой зловещей или, в лучшем случае, гротескно-комической»¹⁴. Такие баллады появлялись не только в Англии, но и в Германии, при этом немецкие баллады намного более жестоки к провинившимся женам, чем английские. Возможно, эти произведения были реакцией на конкретные случаи трансвестизма, которые усиливали гендерную тревожность в европейском обществе. Так, в Англии дискуссия о женщинах, которые носят мужскую одежду и ведут себя, как мужчины, достигла апогея к 1620 г. Дошло до того, что король Иаков I запретил женщинам носить мужское платье специальным указом.

¹⁰ Саламатова 2010. С. 41.

¹¹ Там же. С. 43.

¹² Карначук 2008. С. 166.

¹³ Там же.

¹⁴ Карначук 2010. С. 35.

Насколько широко был распространен женский трансвестизм в Европе конца XVI – начала XVII в.? Авторы книги «Традиция женского трансвестизма в Европе Раннего Нового времени» насчитывают шесть документированных случаев женского трансвестизма в Голландии с 1500 по 1620 год¹⁵. Эти женщины стали солдатами и моряками. Именно в Англии и Голландии было больше всего женщин-трансвеститов¹⁶. Между тем, наиболее известными стали случаи трансвестизма, получившие распространение в Испании и Южной Америке. Так, Элена(о) де Сеспедес, родившаяся женщиной около 1545 г. в Гранаде, после родов заявила, что у нее появился мужской половой член, и стала жить как мужчина и даже женилась на другой женщине – Марии дель Кано. В 1587 г. ее привлекли к суду инквизиции сначала с обвинениями в содомии, а затем – в двоеженстве. В следующем году она была приговорена к публичной порке и бесплатной службе в местном госпитале как двоеженка.¹⁷ Еще большую известность получила история женщины-конкистадора Каталины Эрасо (1592–1650), которая служила солдатом в Чили и других испанских колониях в Южной Америке и получила особое разрешение Папы Римского на ношение мужской одежды. Испанский драматург Хуан Перес де Монтальван написал о ней комедию еще в 1625 г. Подобные случаи, вероятно, усиливали гендерную тревожность в европейском обществе.

В Англии второй половины XVI века в «Споре о женщинах» видна не только связь между гендерной и семейной проблематикой, которая наблюдалась на протяжении Средних веков и не носила сословной окраски. В это время в «Спор» вступают социальные слои, которые раньше имели к нему лишь косвенное отношение. В 1567 г. появляется любопытнейшее «Письмо служанок Лондона своим господам и матронам, в защиту их законной свободы». Хотя исследователи полагают, что его авторами вряд ли были шестеро служанок, так как в нем слишком явственно знание законов и юридических процедур, нельзя не отметить, что этот памфлет был знаковым: в нем содержалась защита нравственности и прав служанок, социальной группы, к которой нередко относились с пренебрежением¹⁸. Как и другие тексты «Спора о женщинах», «Письмо служанок» было ответом на антифеминистский текст того же года, ныне утраченный.

¹⁵ Dekker and Van der Pole 1997. P. 104.

¹⁶ Ibid. P.102.

¹⁷ Crawford 2007. P. 144-145.

¹⁸ Benson. Op. cit. P.XX.

Если говорить о философии XVI–XVII вв., то проблема женщины находилась на периферии философских размышлений того времени. Говоря о XVI – начале XVII в., можно проанализировать взгляды на женщину француза Мишеля Монтеня и англичанина Фрэнсиса Бэкона.

Монтень поднимает проблему женщины в главе 3 «О трех видах общения» третьего тома «Опытов» (4 издание 1588 года). Со свойственной ему иронией и парадоксальностью он утверждает, что мужчины, побуждающие женщин заниматься риторикой, юриспруденцией и прочей дребеденью, «делают это с намерением заполучить власть над ними и на этом основании держать их в своей власти»¹⁹. Монтень считает, что дамы «повелевают всем миром» с помощью женских чар²⁰. Он позволяет женщинам наслаждаться поэзией, а также обучаться истории и философии. Притом Монтень утверждает, что «разум, мудрость и дружеские привязанности чаще встречаются среди мужчин; вот почему последние и вершат делами нашего мира»²¹. Вместе с тем он признается, что ему «сладостно» общаться с красивыми благонаправными женщинами»²².

На антифеминизм Монтеня обратил внимание русский социолог и правовед В.М. Хвостов в 1914 г. Он отметил, что Монтень, как и другие выдающиеся писатели XVI века, высказывался о женщинах «в довольно отрицательном духе», не считал их способными к управлению, отказывал им в чувстве дружбы, отмечал их неверность мужьям и ставил четкие рамки для их образования²³. Оценка Хвостова в целом справедлива, однако он не отметил парадоксальность суждений Монтеня – мужчины закабаляют женщин, заставляя их овладевать «мужскими» знаниями и подавляя их женскую природу. Такого рода суждение согласуется с мнением некоторых современных противников феминизма, которые считают, что активное участие женщин в «мужских» делах, принятие на себя «мужских» ролей лишают женщин их сугубо женских преимуществ, пагубно отражаются на их здоровье и личной жизни.

В 1620-е гг. в «Спор о женщинах» включился выдающийся английский философ Фрэнсис Бэкон. В «Опытах» Бэкона можно найти свидетельства его антифеминизма. Он относился к женщинам с подозрением и пренебрежением, о чем свидетельствует его фраза в опыте «О гневе» 1625 года: «Гнев, безусловно, является одним из видов низменного, что хорошо проявляется в слабости тех, в ком он царит: в

¹⁹ Монтень 1960. С. 50.

²⁰ Там же. С. 51.

²¹ Там же. С. 56.

²² Там же. С. 53.

²³ Хвостов 1914. С. 153.

детях, женщинах, стариках, больных»²⁴. Место «женщин» между «детьми», «стариками» и «больными» очень показательно и свидетельствует об антифеминизме Бэкона. В данном случае прав Л. Соколов, говоря о том, что «родоначальник эмпирически-индуктивного метода новой философии... был женоненавистником»²⁵. В опыте «О браке и безбрачии» (1612) Бэкон, по сути дела, развивает свою мысль о несовершенстве женщин и об их зависимости от мужчин: «Жены – это любовницы и властительницы молодых, подруги зрелых и няньки стариков»²⁶. К браку Бэкон относится двояко. С одной стороны, он считает семью «помехой на пути свершения великих предприятий, как добродетельных, так и злонамеренных». С другой стороны, он называет жену и детей «своего рода школой человечности» и подчеркивает, что в любом возрасте можно найти причины жениться²⁷. При этом идеальный «великий человек» Бэкона стремится к независимости и не нуждается в жене. В «Новой Атлантиде» (1623–1624) Бэкон рисует картину патриархального общества, в котором женщины не играют значительной роли вне дома. Одновременно он критикует явления в современном ему обществе, включающие представителей обоих полов – гомосексуализм и проституцию.

Во Франции в 1620-е гг. в защиту женщин выступила Мари ле Жар де Гурне – «приемная дочь» Монтеня. Не разделяя суждений своего учителя о женщинах, она в 1622 г. опубликовала под собственным именем «О равенстве мужчин и женщин», а в 1626 г. – «Жалобу женщин». Благодаря этим сочинениям Гурне в настоящее время считается «ранней феминисткой». В «Равенстве» она критикует библейские источники христианского женоненавистничества, прежде всего, Первое Послание к Коринфянам Св. Апостола Павла, приводит примеры ученых женщин, прославляет женскую силу и доблесть. Отсылая читателя к «Спору алфавитов», Гурне отказывается от иерархии «лучше-хуже» и отстаивает не женское превосходство, а равенство полов. В «Жалобе женщин» она разделяет литературу на мужскую и женскую, отмечая, что ученые мужи не желают «опускаться» до чтения женских произведений и не хотят задуматься, смогли бы они сами произвести на свет нечто заслуживающее того, чтобы это читали женщины всех сословий²⁸.

²⁴ Бэкон 1972. С. 480.

²⁵ Соколов 1911. С. 11.

²⁶ Бэкон. 1972. С. 366.

²⁷ Там же. С. 365-366.

²⁸ Gournay 2002. P. 103.

В «Споре о женщинах» рубежа XVI–XVII вв. мы видим разнообразие ренессансного диалога. В XVII в. этот диалог перерастет в дискуссию, и участники «Спора» будут использовать разнообразные философские подходы, отстаивать не преимущество того или иного пола, а равенство полов. Еще Монтень заметил, что женщины «теснее сплачиваются между собой и замыкаются в себе или в своем кругу»²⁹. Такая тенденция продолжится и в XVII в. Ее признаки можно найти и в салонной культуре Франции, в которой доминировали дамы, и в проектах «женских академий» в Англии конца века.

«Спор о женщинах» на рубеже XVI–XVII вв. охватил одновременно несколько европейских стран, в частности, Англию и Францию, где сочинения с нападками на женский пол и в защиту женщин нередко выходили в свет в одно и то же время. Он вышел за рамки только высших сословий, однако еще не превратился в широкое общественное движение, которое возникнет в результате событий Великой французской революции, когда «женский вопрос» станет составной частью движения за эмансипацию и равноправие людей вне зависимости от сословной и половой принадлежности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агриппа Неттесгеймский, Генрих Корнелий. Речь о достоинстве и превосходстве женского пола / Пер. с лат. М. Шумилина. М.: «Эннеагон Пресс», 2010. 64 с.
- Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1972. 582 с.
- Карначук Н.В. Женщина с дубинкой: специфика восприятия английским общественным сознанием XVI в. образа вооруженной женщины // Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем: Материалы Третьей международной научной конференции РАИЖИ. Т. 1. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 34-38.
- Карначук Н.В. «Штаны и рюши», или что может рассказать символика костюма о гендерной напряженности в семье и социуме Англии конца XVI – начала XVII в. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 15. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 159-184.
- Кристина Пизанская. Из «Книги о Граде женском» // «Пятнадцать радостей брака» и другие сочинения французских авторов XIV–XV вв. М.: Наука, 1991. С. 218–256.
- Михайлов А. Книга новелл королевы Наваррской // Маргарита Наваррская. Гептамерон. Пер. с фр. Л.: Художественная литература, 1982. С. 3-20.
- Монтень М. Опыты. Книга третья. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1960. 495 с.
- Саламатова О.В. Апология женщин и женского в работах Джона Донна и Оуэна Фельтама // Женская история и современные гендерные роли... 2010. С. 38-43.
- Соколов Л. Женский вопрос и ключи счастья. Киев: «Русская Печатня», 1911. 65 с.
- Хвостов В.М. Женщина и человеческое достоинство: Исторические судьбы женщины. Природа женщины. Женский вопрос. М.: Издание Г.А. Лемана и Б.Д. Плетнева, 1914. 510 с.

²⁹ Монтень. Указ. соч. С. 54.

- Benson P.J., ed. Texts from the querelle, 1521–1615. Aldershot: Ashgate, 2008. 530 p.
- Crawford K. European Sexualities, 1400–1800. Cambridge: Cambridge U.P., 2007. 246 p.
- Dekker R.M. and Van der Pole L.C. The Tradition of Female Transvestism in Early Modern Europe. NY: St. Martin's Press, 1997. 128 p.
- Duggan, Anne E. Salonnieres, furies, and fairies: the politics of gender and cultural change in absolutist France. Cranberry: University of Delaware Press, 2005. – 288 p.
- Gournay, Marie de. Apology for the woman writing and other works. Chicago: University of Chicago Press, 2002. 204 p.
- Poel, Mark van de. Cornelius Agrippa, the Humanist, Theologian and His Declamations. Leiden: Brill, 1997. 303 p.

BIBLIOGRAFIJA

- Agrippa Nettesgeimskii, Genrikh Kornelii. Rech' o dostoinstve i prevoskhodstve zhenskogo pola / Per. s lat. M. Shumilina. M.: «Enneagon Press», 2010. 64 c.
- Bekon F. Sochineniya v dvukh tomakh. T. 2. M.: Mysl', 1972. 582 s.
- Karnachuk N.V. Zhenshchina s dubinkoi: spetsifika vospriyatiya angliiskim obschestvennym soznaniem XVI v. obraza vooruzhennoi zhenshchiny // Zhenskaya istoriya i sovremennye gendernye roli: pereosmyslivaya proshloe, zadumyvayas' o budushchem: Materialy Tret'ei mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii RAIZhI. T. 1. M.: IEA RAN, 2010. S. 34-38.
- Karnachuk N.V. «Shtany i ryushi», ili chto mozhет rasskazat' simvolika kostyuma o gendernoi napryazhennosti v sem'e i sotsiume Anglii kontsa XVI – nachala XVII v. // Adam i Eva. Al'manakh gendernoi istorii. 15. M.: IVI RAN, 2008. S. 159-184.
- Kristina Pizanskaya. Iz «Knigi o Grade zhenskom» // «Pyatnadsat' radostei braka» i drugie sochineniya frantsuzskikh avtorov XIV–XV vv. M.: Nauka, 1991. S. 218–256.
- Mikhailov A. Kniga novell korolevy Navarrskoi // Margarita Navarrskaya. Septameron. Per. s fr. L.: Khudozhestvennaya literatura, 1982. S. 3-20.
- Monten' M. Opyty. Kniga tret'ya. M.-L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1960. 495 s.
- Salamatova O.V. Apologiya zhenshchin i zhenskogo v rabotakh Dzhona Donna i Ouena Fel'tama // Zhenskaya istoriya i sovremennye gendernye roli... 2010. S. 38-43.
- Sokolov L. Zhenskii vopros i klyuchi schast'ya. Kiev: «Russkaya Pechatnya», 1911. 65 s.
- Khvostov V.M. Zhenshchina i chelovecheskoe dostoinstvo: Istoricheskie sud'by zhenshchiny. Priroda zhenshchiny. Zhenskii vopros. M.: Izdanie G.A. Lemana i B.D. Pletneva, 1914. 510 s.
- Benson P.J., ed. Texts from the querelle, 1521–1615. Aldershot: Ashgate, 2008. 530 p.
- Crawford K. European Sexualities, 1400–1800. Cambridge: Cambridge U.P., 2007. 246 p.
- Dekker R.M. and Van der Pole L.C. The Tradition of Female Transvestism in Early Modern Europe. NY: St. Martin's Press, 1997. 128 p.
- Duggan, Anne E. Salonnieres, furies, and fairies: the politics of gender and cultural change in absolutist France. Cranberry: University of Delaware Press, 2005. 288 p.
- Gournay, Marie de. Apology for the woman writing and other works. Chicago: University of Chicago Press, 2002. 204 p.
- Poel, Mark van de. Cornelius Agrippa, the Humanist, Theologian and His Declamations. Leiden: Brill, 1997. 303 p.

Трофимова Виолетта Стиговна, кандидат филологических наук, независимый исследователь, Санкт-Петербург. violet_trofimova@mail.ru

**“Querelle des femmes” in European cultures
in the late 16th – early 17th century**

The article discusses the writings of the late 16th – early 17th century related to “Querelle des femmes” and published in different European countries. A description of an early stage of the “Querelle” is given, the main works related to it are named, starting with *Fifteen Joys of Marriage* and the writings by Christine of Pisa. The arguments of defenders and opponents of women are analyzed (Biblical, legal, aesthetic). A link between “gender tension” in European literatures of the late 16th – early c. and specific cases of female transvestism is underlined. The views of Montaigne and F. Bacon on woman, and the position of Montaigne’s adopted daughter Marie de Gournay, a defender of female sex and equality of men and women, are analyzed.

Keywords: “Querelle des femmes,” transvestism, Montaigne, F. Bacon, Gournay.

Violetta Trofimova, Ph.D. (Philology), free-lance researcher, St. Petersburg; violet_trofimova@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ

Л. В. СОФРОНОВА

ВОСПРИЯТИЕ ЕРЕСИ В АНГЛИЙСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ПРАКТИКЕ ПРЕДРЕФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ КАЗУС ДЖОНА КОЛЕТА

Цель статьи состоит в попытке верифицировать распространенный в историографии тезис о подъеме ереси лоллардов в Англии в канун Реформации на примере одного случая – обвинения в ереси декана собора св. Павла Дж. Колета в начале 1512 года. Автор анализирует свидетельства современников о преследовании Колета и его собственные сочинения на предмет обнаружения в них гетеродоксии. Анализ источников показал ортодоксальный характер взглядов Колета и негативное восприятие им ереси лоллардов. В 1511-1512 гг. в качестве судьи он принимал участие в процессах против лоллардов в Кенте. Казус с преследованием Колета показывает, что обвинения в ереси не обязательно связаны с реальной гетеродоксией обвиняемых. Консервативная часть английского епископата в начале XVI в. использовала обвинение в ереси в качестве оружия в борьбе с любым нарушением церковной традиции и критикой в адрес клира.

Ключевые слова: *Джон Колет, ересь, Эразм, лоллардизм, иконоборчество, церковь, епископат, реформа.*

В одном из писем Эразма конца 1511 года обнаруживается неожиданный пассаж: «Я особенно возмущен этими еретиками, и даже самим этим именем, ибо с наступлением зимы из-за них вырастает цена на топливо»¹. Данный пассаж является ответом на сообщение Андреа Аммония от 8 ноября 1511 года: «Каждый день мы видим, как сжигают множество еретиков»². Эти эпистолярные свидетельства порой цитируются исследователями как иллюстрация к тезису о подъеме ереси лоллардов в начале XVI в. и о попытках церкви пересечь этот подъем³.

В целом, умножение сект, широкое распространение лоллардизма рассматриваются как одна из предпосылок Реформации английской церкви⁴. Однако в новейшей британской историографии многие представления о Реформации, казавшиеся общепринятыми и бесспорными, подвергаются пересмотру. Следуя логике представителей ревизионист-

¹ Erasmus. Opus epistolarum. Vol. I. P. 483. Ep. 240.

² Ibid. Vol. I. P. 481. Ep. 239.

³ Осиновский 2006. С. 27.

⁴ Dickens 1964.

ского направления, справедливо предположить, что увеличение числа процессов по делам ереси, зафиксированное в документах, можно объяснить другими причинами. Какими? В попытке разрешения возникшей проблемы рассмотрим случай обвинения в ереси Джона Колета (1467–1519) – известного церковного деятеля, проповедника, декана кафедрального собора столицы, в прошлом – преподавателя теологии Оксфордского университета, создателя грамматической школы св. Павла, духовного наставника Т. Мора, патрона и друга Эразма.

Документальные свидетельства о преследовании Колета за ересь отсутствуют. Обвинение отразилось в памяти современников, среди которых наиболее пространным является сообщение о нем Эразма в биографии Колета (1521)⁵. Оно заслуживает самого пристального внимания в силу того, что гуманист в феврале-апреле 1512 года жил в Англии и получал информацию из первых рук⁶. По словам Эразма, обвинителями Колета выступили лондонский епископ Р. Фитцджереймс⁷ и два других епископа, чьи имена не названы. Декану были вменены три «еретические заблуждения» – отказ от поклонения образам, неортодоксальное толкование евангельского пассажа, критика практики *чтения* проповеди. Имели место некие другие пункты обвинения, названные биографом «еще более глупыми», но покровительство архиепископа Уильяма Уорема спасло Колета от суда.

При интерпретации данного сюжета в историографии выделяют две точки зрения. С одной стороны, многие исследователи не сомневаются в достоверности сообщения Эразма (следовательно, и в неортодоксальности взглядов Колета), хотя не располагают для его проверки неопровержимыми аргументами⁸. Как правило, в подтверждение слов Роттердамца приводятся: его же свидетельства о чтении Колетом еретических сочинений⁹, а также факт популярности проповедей Колета среди лоллардов¹⁰. На основании этих данных, ученые, сделав оговорку, что Колет не лоллард, тем не менее говорят о некотором созвучии его проповедей с учением английских еретиков¹¹. Од-

⁵ Латинский текст биографии см.: Erasmus. Opus epistolarum. T. IV. 1922. P. 507-527. Ep. 1211 (далее — Vita, первое число означает номер страницы, второе – номер строки); русский перевод см.: Софронова 2009. С. 388-423.

⁶ См. переписку Колета и Эразма данного периода: Софронова, Хазина 2014.

⁷ Ричард Фитцджереймс занимал лондонскую кафедру в 1506–1522 г.

⁸ Подробнее см.: Hunt 1956. P. 59-60; Dickens 1964. P. 50; Cross 1976. P. 36-43.

⁹ Vitae. 523: 516–517. Эразм Роттердамский. С. 356.

¹⁰ Foxe Vol. IV. Book VII. P. 230; Aston 1988. P. 142; Marshall 1994. P. 214.

¹¹ Ср.: Софронова, Кузнецов, Осинковский 1999.

нако чтение деканом сочинений Виклифа или других ересиархов, как и известность его проповедей среди лоллардов *per se* не могут считаться надежными свидетельствами его гетеродоксии. Недостаточность данных аргументов обусловила появление иной позиции, которая доминирует в современной историографии. Значительное число исследователей, напротив, считают «еретические заблуждения» Колета недоказуемыми, пытаясь обнаружить иные причины возникновения ситуации с обвинением: зависть престарелого епископа, конфликт декана с его капитулом, где епископ встал на сторону соборного клира, различие во взглядах на церковную реформу, политические разногласия¹². Эти ученые едины в том, что конфликт Колета и Фитцджереймса не связан с реальной ересью декана. Существует ли возможность проверить обоснованность вмененных Колету «еретических заблуждений», при условии, что тексты его проповедей, из которых брались доказательства его вины, не дошли до нас? На наш взгляд, такая возможность связана с привлечением материала из других, сохранившихся сочинений Колета, а главное, с прояснением смысла ключевого понятия «ересь» в английской религиозной практике того времени.

Первый пункт обвинения состоял в том, что Колет учил не поклоняться образам. Несомненно, это обвинение было опасным, поскольку иконоклазм был важнейшим элементом учения лоллардов¹³, наиболее устойчивым критерием идентификации ереси¹⁴. Среди еретиков-лондонцев, осужденных Фитцджереймсом в 1510-11 гг., 22 были обвинены именно за иконоклазм¹⁵. Здесь следует учесть, что в ортодоксальном христианском культе имело место различие *почитания* творений (святых, ангелов и их образов), выражавшегося греческим понятием *dulia*, и *поклонения*, объектом которого мог быть один Бог, обозначавшегося другим греческим словом – *latría*. Образ следовало чтить (культ *dulia*), но не поклоняться ему (культ *latría*). Еретики отвергали не только поклонение и почитание образов святых, но даже поклонение кресту как образу Христа¹⁶, для которого ортодоксы делали исключение¹⁷.

¹² Vitae. 523–524; 529–542; Marriott 1933. P. 165; Kaufman 1986. P. 73; Arnold 2007. P. 235.

¹³ Cf.: Wicliffe P. 156-157.

¹⁴ Подробный анализ взглядов Дж. Виклифа и лоллардов относительно поклонения образам см.: Aston 1984. P. 135-192; 1988.

¹⁵ Foxe. Vol. IV. Book VII. P. 174-177.

¹⁶ Wicliffe. P. 156: «... плохо, что через поклонение образам бывает отступление от истинной веры, что образ этот почитается как “латриа” или как “дулия”».

¹⁷ Ортодоксальную позицию см.: Thoma Aquinas...

В латинском языке с *latria* обычно соотносят глаголы *colo*, *adoro*, а с *dulia* – глагол *frequento*, *veneror*¹⁸. Эразмов текст – *docuisset non adorandas imagines* – позволяет полагать, что Колет, будучи образованным богословом, различал *latria* и *dulia*, и отвергал именно *поклонение* образам святых, занимая, следовательно, ортодоксальную позицию¹⁹. Об этом же свидетельствует его завещание, откуда нам известно, что некие «рисованные образы» украшали стены дома, выстроенного им для себя на территории картезианского монастыря в Ричмонде. Колет специально предписал, чтобы эти образы – а в монастырских кельях уместными были именно изображения святых – оставались там навечно²⁰.

Итак, иконоклазм, который оппоненты пытались приписать Колету, не был характерен для него. Принять такой однозначный вывод не мешают другие, часто обсуждаемые исследователями в связи с «иконоборческими симпатиями» Колета, обстоятельства. Как правило, в качестве доказательств наличия у него таких симпатий приводятся два аргумента. Во-первых, в той же биографии, в разделе *de opinionibus paradoxis*, Эразм еще раз коснулся темы образов, говоря, что в результате чтения Дионисия Ареопагита и других Отцов церкви, Колет стал «менее враждебен к тем, которые не признавали поклонения – без разбору – образам – нарисованным, деревянным, каменным, бронзовым, золотым, серебряным... Никоим образом не поддерживая подобные заблуждения, он, однако, был возмущен теми, кто ...давал повод для сомнений подобного рода»²¹. Итак, биограф отнес мнение Колета об образах к категории «странных». Оно отличалось от распространенной точки зрения, но не противоречило церковным канонам. Видимо, позиция декана характеризовалась двойственностью: сам не исповедуя ико-

¹⁸ *Locus classicus* в данной проблеме считается Книга Премудрости Соломона (особенно XIV: 12-15), поэтому авторитетным источником является комментарий на нее английского доминиканца Роберта Холькота (с.1290-1349). Ср.: *Holcot. Ser. XIII. Lectio CLVII. Ques. 79*: «"Латрия" это долг одному только Богу, но никакой образ не является Богом, следовательно, такое поклонение не должно воздавать ни одному образу. <...> То же самое можно сказать иначе: что образу не следует воздавать никакого поклонения, и что не позволено поклоняться чьему-либо образу. Истинное же поклонение – поклонение в духе и благочестии, и в высшей любви, и их мы никоим образом не должны обращать на любое творение».

¹⁹ В «Установлениях против ереси лоллардов» (1408) архиепископа Томаса Эрендла определены способы почитания креста, образов Христа, образов святых, равно как и мест их погребения и реликвий: *Lyndwood. P. 298*. О культе святых в английской церкви см.: *Duffy 1992. P. 155-206*.

²⁰ *Colet. Testamentum. P. 402*.

²¹ *Vitae. 521-22: 478-483*.

ноклазм и считая его заблуждением, декан с пониманием относился к его сторонникам, возлагая вину за ошибки паствы на клир, не только не прививавший прихожанам правильного отношения к образам, но и эксплуатировавший чрезмерное благочестие необразованных христиан.

Эта позиция четко обозначилась во время паломничества, совершенного Колетом вместе с Эразмом к мощам св. Томаса Бекета в Кентербери, вероятно, между летом 1512 и летом 1514 гг. Роттердамец описал эту поездку в диалоге «Благочестивое паломничество»²². Джон Колет выведен там под именем Грациан Пулл и охарактеризован автором как человек образованный и благочестивый, но мало приверженный этой стороне религии. Проследим, в каких эпизодах проявилось несогласие Пулла-Колета с культом святого Томаса. Первый казус: его смутили богатства алтаря и изваянный из серебра образ святого, позолоченный, расцвеченный множеством дорогих камней. При виде столь богатого образа он предложил раздать все эти сокровища нуждающимся в куске хлеба, ибо только так можно продолжить благодеяния святого, коими он славился при жизни. Второй эпизод: когда для паломников была открыта рака с мощами, приор рассказывал не о благочестивых подвигах святого, а о французских названиях, цене и именах дарителей того или иного самоцвета, украшавшего гробницу, сочтя эту информацию более уместной. Третий случай: Колет отказался от поклонения некоторым реликвиям, усомнившись, что они имеют отношение к святому (кости с кровавым еще мясом, куски ткани с непонятной слизью и т.п.) Наконец, на обратном пути, уже за пределами аббатства, он был возмущен настойчивым предложением некоего нищего за определенную плату поцеловать якобы башмак св. Томаса²³. Очевидно, что Колет почитал святого, не отказываясь от практики паломничества к святыням Кентерберийского аббатства. Его раздражение было обусловлено жадностью монахов, ложным благочестием, суевериями народа, вымогательствами и обманом верующих, паразитирующими на культе святых. Возможно, слушавшие его проповеди лолларды воспринимали его критику этих неприглядных аспектов культа святых и почитания их образов в актуальном для них контексте иконоклазма. Полагаем, что данное обстоя-

²² Erasmus. Peregrinatio. P. 488-492.

²³ Cf. Erasmus. Modus. P. 198: «Народные обычаи поклонения святым развились до такой степени, что их не могут отменить ни епископы, ни магистраты. ...В Англии требуют целовать башмак св. Томаса, некогда бывшим архиепископом Кентерберийским. Этот башмак может принадлежать и какому-нибудь шутнику; но даже если он св. Томаса, что может быть нелепее, чем целовать башмак? Джону Колету, который был тогда со мной, этот обычай показался возмутительным».

тельство и вызвало со стороны епископа подозрительное отношение к проповедям Колета. Его теологически правильная критика злоупотреблений в данном аспекте католического культа была опасна для церкви, особенно в условиях распространения иконоборческих идей лоллардов. Неудивительно, что Фитцджеримс увидел в ней угрозу для церкви. Но, как настойчиво повторял в биографии Эразм, декан, относясь с пониманием к сомнениям христиан в отношении католического культа святых и их образов, не преступал из-за этого церковные установления, и «никоим образом не разделял» еретического учения иконокlastов.

Второе обвинение имело экзегетический характер: в изъяснении пассажа из Евангелия от Иоанна «Паси, паси, паси овец моих»(XXI: 15-17) он частично расходился во мнении с другими комментаторами, отказываясь признать, что апостолы помимо окормления христиан словом учения и примером личного благочестия, должны были оказывать еще и материальную помощь своим пасомым. В сущности, данное разногласие не может быть классифицировано как ересь, поскольку принятая церковью версия толкования в то время еще не была четко сформулирована. Полагаем, в сообщении Эразма о втором обвинении – «объясняя то место из Евангелия, <...> якобы отвергал гостеприимство» – ключевой является вторая часть фразы. И тогда претензия епископа кардинально меняет значение: Колет отвергал гостеприимство, а для оправдания, видимо, использовал толкуемое в нужном смысле евангельское изречение.

Таким образом, речь не об экзегетике, а о нарушении местного церковного обычая *hospitalitatis*. Действительно, став деканом, Колет провел серию административных реформ, в том числе, сократил традиционное гостеприимство – ежедневные или праздничные трапезы, организуемые деканом для клириков собора²⁴. Осознавая свою ответственность за образ жизни, нравственный облик и репутацию соборных каноников, в соответствии с Уставом собора декан «пас» возглавляемую им коллегияю словом истинного учения (в регулярных проповедях), личным аскетическим примером. Он не отменил трапезы, а только сделал их более умеренными, способствуя, по словам Эразма, *non voluptati sed necessitati*. В других сочинениях Колета обнаруживаются два пассажа, разъясняющие его точку зрения на дела христианской благотворительности. Так, в толковании на Рим. XII: 20 он говорит: «Пасите врагов, и если враг жаждет, напоите его; и любую службу, которую вы в состоянии сделать, выполните для всех с готовностью и желанием. Ибо

²⁴ Vitae. 516: 307-310.

одним этим способом вы, несомненно, победите зло и дружески расположите к себе даже недоброжелателей. Своей любовью и добротой вы согреете тех, кто стынет в злобе и нечестии, и своей чуткостью смягчите их черствость и недружелюбие»²⁵. В изъяснении Рим. XV: 26-27 Колет указывал на необходимость добровольности в делах благотворения, распространяя этот принцип на десятины и другие подати мирян в пользу церкви: «Хотя люди обязаны питать духовных лиц, однако мы не должны требовать у них больше, чем им угодно дать. Ибо лучше им не давать вообще, чем давать по принуждению, так как всё, что в церкви делается недобровольно, является губительным. Следовательно, людей надо призывать не столько давать, сколько давать по доброй воле»²⁶. Все эти утверждения Колета, как и его меры по совершенствованию духовно-нравственного облика клира собора св. Павла не расходятся с христианской догмой и каноническим правом, следовательно, не являются ересью. Вместе с тем, Колет посягнул на местный церковный обычай, создавая опасный прецедент: его действия, с одной стороны, давали повод диссидентам усомниться в других элементах церковной традиции, а с другой, – могли быть истолкованы духовенством как пример не заниматься делами милосердия²⁷.

Если использовать Эразмову оценку предъявленных Колету обвинений как абсурдных, то, кажется, третий пункт больше других заслуживает такой характеристики. Критика практики зачитывания подготовленного текста проповеди не является ересью. Каковы причины появления столь странного обвинения? Эразм объясняет, что этой критикой Колет задел самого Р. Фитцджереймса, поступавшего таким образом из-за преклонных лет. В недавней монографии Дж. Арнольда принимается эта версия Роттердамца, обвинение связывается с личной обидой лондонского архиепископа²⁸. Но данная интерпретация не может быть окончательной, поскольку она объясняет только недовольство епископа, но не мотивы критических высказываний Колета. На наш взгляд, его критика практики зачитывания проповеди должна быть увязана с его представлениями о первостепенной роли иерарха в цер-

²⁵ Colet. Ad Romanos. P. 196.

²⁶ Ibid. P. 224.

²⁷ О традиции гостеприимства в Англии данного периода см.: Neal 1990. Об обязанности церковнослужителей разных рангов (от приходских священников до представителей епископата) отдавать четвертую часть своих доходов на дела милосердия и о реальном выполнении этого требования см.: Swanson 1989. P. 191-196, 209-228, 299-307; Heal 2008. P. 74-76, 95-100, 261-262, 321-325, 330-333.

²⁸ Arnold 2007. P. 145.

ковной жизни. В парафразе «О церковной иерархии» Дионисия Ареопагита Колет неоднократно указывал на высшую полноту откровения, данную церковной иерархии²⁹, и обязанность епископа (Колет предпочитал называть этот чин церковной иерархии понтификом), обладающего пониманием божественных истин, передавать это знание всей церкви³⁰. Епископ обязан проповедовать «постоянно и усердно». Его проповедь должна «трогать души людей». Слово епископа, который являет в себе «форму Христа», может (и должно) обладать той же силой убеждения, как и слово Христа. В понимании Колета проповедь представляла собой слово Божие, произносимое устами человека, прежде всего иерарха. Сравнивая современных ему епископов с образцом, обнаруженным у Дионисия, Колет с глубоким сожалением³¹ констатировал, что нынешние церковноиерархи не выполняют своих функций, в том числе, и как проповедники. Епископ Лондона регулярно выступал с проповедями, но, если верить Дж. Фоксу, следовал распространенной тогда практике чтения так называемых «записанных проповедей» (*bosom sermons*)³², «не сообщая людям ничего, кроме своих записей»³³. Вероятно, епископ зачитывал отрывки из пособий по гомилетике, содержавших образцы проповедей на различные дни и случаи³⁴. Возмущение Колета таким формальным подходом к проповеди, которую он сам считал важнейшим средством спасения, вероятно, усугублялось оттого, что читаемые записи, возможно, были сделаны и воспроизводились на латинском языке³⁵. Следовательно, Колет критиковал не столько собственно чтение, сколько неэффективность таких малопонятных для паствы выступлений и формализм клира. Свои перфекционистские требования к церковной проповеди иерархов Колет излагал с кафедры собора св. Павла. Даже если он не называл при этом имен, его слова звучали как критика тех представителей епископата, кто не соответствовал рисуемому идеалу. Р. Фитцджеримс мог усмотреть в проповедях декана хулу на церковь, посягательство на авторитет ее руководства, следовательно, ересь.

Возможно, одним из мотивов, побудивших епископа к обвинению декана, были явные симпатии лоллардов к его проповедям, созда-

²⁹ Colet. De Ecclesiastica Hierarchia. P. 248.

³⁰ Ibid. P. 242.

³¹ Ibid. P. 265.

³² Значение термина см.: Brewer...

³³ Foxe. Vol. IV. Book. VII. P. 246.

³⁴ О средневековых пособиях по *ars praedicandi* см.: Pasquarello 2005. P. 1-85.

³⁵ О преобладании латинского языка в текстах проповедей см.: Wenzel 2005.

вавшие впечатление сходства его взглядов с идеологией еретиков³⁶. Насколько обоснованным было это впечатление? О приязни лоллардов к настоятелю нам известно из мартиролога Джона Фокса, дважды указавшего на данное обстоятельство. Во-первых, в биографии самого Колета замечено, что его «проповеди очень стремились посещать «известные люди» (known men) из Бэкингемшира». Во-вторых, в деле Джона Батлера из Эмершема (пригород Чилторна, Бэкингемшир) упомянут портной из Аксбриджа Томас Джеффри, который «звал этого Джона Батлера в разные воскресные дни идти в Лондон слушать доктора Колета»³⁷. Скорее всего, факт посещения лоллардами проповедей настоятеля в соборе св. Павла был известен епископу Лондона³⁸.

Что могло привлечь Т. Джеффри в высказываниях Колета? Из судебного дела известно, что этот портной имел английскую Библию, читал и толковал (видимо, публично) Деяния и Послания апостолов; говорил, что подлинное паломничество состоит в посещении бедных и больных, которые представляют собой истинный образ Христа; не признавал в освященной гостии истинное тело Христово, указывая, что если в дароносицу поместить мышь, то она съест всю гостию; подобный опыт, по его словам, проделывали два известных ему священника из Эссекса; отвергал Святые Дары и святую воду как человеческие изобретения; утверждал, что Бог не создавал священников, поскольку во времена Христа не было ни одного священника; в деле упоминается и отказ от почитания образов³⁹. Критичность Колета по отношению к духовенству и к некоторым элементам культа давала Т. Джеффри и другим лоллардам повод думать, что декан собора св. Павла разделяет их учение, но ни одно из предъявленных Т. Джеффри обвинений мы не можем вменить Колету. Его воззрения в самых своих основах расходятся с идеями этого лолларда. Об отношении Колета к почитанию образов и паломничеств говорилось ранее. В парафразе «О церковной иерархии» Колет посвящает отдельную главу разъяснению мистического смысла высшего среди всех таинств – таинства евхаристии⁴⁰, однозначно и не-

³⁶ П. Гвин считает это обстоятельство главной причиной для обвинения: Gwyn 1990. P. 37. О посещении лоллардами проповедей Колета (со ссылкой на Фокса): Cross 1976. P. 37; Spufford 1995. P. 153.

³⁷ Foxe. Vol. IV. Book VII. P. 246, 230 (соответственно).

³⁸ Э. Рапп умозрительно, только на основе данного факта, нарисовал живую картину (Rupp 1966. P. 17): «Лоллардов можно было заметить во время проповедей Колета по их кивкам и одобрительным взглядам».

³⁹ Foxe. P. 229-230.

⁴⁰ Colet. De Ecclesiastica Hierarchia. P 216: «Это объединение в теле и крови Иисуса Христа является венцом всех таинств».

однократно называет освященный хлеб Христовым Телом⁴¹. Невозможно совместить эту ортодоксальную точку зрения с наивно материалистическими попытками лоллардов посредством мышей исследовать истинную сущность гостии. В толковании Послания к Римлянам, Колет оценивал любую ересь крайне негативно, как некую болезнь души, «блуждающей в темноте». Только в учении, одобренном церковью, сосредоточена истина⁴². Темы гетеродоксии Колет касается в толковании I Кор. XI: 19: «Надлежит быть и ересям, дабы открылись те, кто принимает истину». Комментируя эти слова апостола Павла, Колет по-прежнему негативен в своей оценке ереси, которая является смертельной пагубой для церкви. По его мнению, только по особой Божией благодати, зло ереси может быть обращено к благу церкви⁴³. Опасность ереси имплицитно обсуждалась Колетом в трактате «О строении мистического Тела Христова, которое есть церковь». Поврежденность одного, даже самого незначительного, члена церкви, губительно сказывается на всем христианском обществе. Единство всех во Христе является, полагал он, защитой любого члена от любого ущерба⁴⁴.

Негативное отношение Колета к еретикам не осталось теоретическим рассуждением: в середине 1511 г. он принимал участие в процессах над лоллардами Кента. Впервые этот факт был засвидетельствован в мартирологе Дж. Фокса, включившего Колета в список судей и обвинителей⁴⁵. Обнаружив данное обстоятельство, Дж. Лаптон пытался объяснить его формальным – по должности – введением имени декана в состав суда, настаивая на том, что реально Колет не принимал участия в процессах⁴⁶. Но Колет не имел прямых связей с диоцезом Кентерберри, следовательно, его должность не могла быть причиной включения его в состав судебной коллегии. Участие Колета подтверждено данными судебных протоколов Кентских процессов, свидетельствующих, что 8 мая 1511 г. Колет вместе с другими судьями расследовал дело Джона Брауна из Эшфорда и в тот же день – дело Эдварда Уокера из Мейдстоуна⁴⁷. В этот день суд заседал в Ламбетском дворце – столичной резиденции

⁴¹ Colet. De Sacramentis Ecclesiae. P. 93.

⁴² Colet. Ad Romanos. P. 192-193.

⁴³ Colet. Ad Corinthianos. P. 224.

⁴⁴ Colet. De compositione Corporis Christi. P. 193-194.

⁴⁵ Foxe. Vol. V. Book VIII. P. 648.

⁴⁶ Lupton 1909. P. 144. Свидетельство Фокса обсуждается в примечании (п. 1), что тоже красноречиво свидетельствует о желании историка не акцентировать внимание читателей на данном факте.

⁴⁷ См. материалы обоих дел: Kent Heresy Proceeding. 1997. P. 43-50; P. 50-52.

архиепископа Кентерберийского, который и возглавлял коллегия, включавшую, наряду с Колетом других приглашенных судей – епископов Дж. Фишера из Рочестера и Р. Найк из Норвича. В обоих процессах подсудимые, отказавшиеся отречься от своих взглядов, были переданы светской власти и казнены. У нас нет оснований полагать, что именно участие Колета обусловило столь жесткий приговор в обоих упомянутых случаях. О его роли можно только догадываться, но нельзя игнорировать тот факт, что из пяти случаев вынесения смертных приговоров Кентским лоллардам, к двум декан имел непосредственное отношение⁴⁸. Его участие в Кентском антиеретическом судопроизводстве 1511–12 гг. в числе других представителей церковной элиты Англии свидетельствует о том, что среди своих коллег Колет пользовался репутацией высокообразованного и деятельного церковного администратора. Архиепископ Уорем не подозревал его в сочувствии лоллардам и не усматривал близости его взглядов с идеологией лоллардизма.

От Эразма нам известно о скептическом восприятии Колетом бытовавших в церковной среде «богословских обоснований» казней еретиков. В комментарии на Тит. III: 10 «Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся» (*Haereticum hominem post unam et secundam correctionem devita*) Роттердамец сообщает следующий эпизод: «Здесь то самое место, которое истолковывал в конвокации один старик-теолог, особенно суровый. Когда он подошел к вопросу, есть ли какое место в каноническом праве, которое позволяло бы карать еретиков смертной казнью, он сказал: “*Devita, devita*”, думая, что латинское *devitare* (отвращаться. — *Л. С.*) означает *de vita tollere* (устранять из жизни. — *Л. С.*) Не стоит думать, что это мой вымысел. Я узнал о данном случае от Иоанна Колета, человека безукоризненной честности, при председательстве которого он произошел»⁴⁹. На основании этих слов Эразма можно заключить, что спустя несколько месяцев после процессов (в феврале 1512 года), на конвокации духовенства Кентерберийской провинции вопрос о допустимости смертной казни для еретиков обсуждался при участии Колета. Возможно, ему претила изошренная изобретательность современных теологов, проявившаяся в описанном случае. Но в своей «Соборной проповеди» на открытии конвокации он не стал (по крайней мере, открыто) защищать лоллардов – «безумных,

⁴⁸ Всего было рассмотрено 53 дела. Большинство обвиняемых отреклись от своих взглядов, пятеро переданы светской власти для сожжения. См.: Tanner 1997. P. 229-249; об участии Колета: P. 231.

⁴⁹ Erasmus. Ad Titum. P. 701.

непостижимого безрассудства людей», не осудил гонений, а только призвал перейти к борьбе с другим видом ереси (порочной жизнью духовенства), также угрожавшей единству церкви. Полагаем, что его стремление переключить внимание конвокации на обмирщение духовенства не следует рассматривать как замаскированную поддержку ереси⁵⁰. По его мнению, лолларды и порочный клир равным образом представляли угрозу для христианского общества. И в Кентских процессах, и в «Соборной проповеди» Колет ратовал за последовательное осуществление церковной реформы с целью оздоровления духовной жизни, за укрепление мистического Тела Христова – церкви.

Таким образом, Колету нельзя вменить обычных для лоллардов заблуждений. Высказывания и конкретные поступки декана (например, его отказ во время паломничества от поклонения тому, что выдавалось за реликвии) не противоречили христианскому учению. Если бы проповеди Колета содержали реальные элементы гетеродоксии, то Р. Фитцджереймс не преминул бы использовать их. Однако мы не считаем возможным отбрасывать обвинения как абсурдные. Как показали недавние специальные исследования⁵¹, в западной христианской традиции на исходе Средневековья произошла глубокая трансформация восприятия ереси. Наряду с пониманием ереси как сознательного уклонения от ясно сформулированного догмата христианской веры и выделения из состава церкви новой общины, в условиях предреформационного брожения распространилось более широкое ее толкование как универсального понятия для обозначения любой апостасии, любого инакомыслия или несогласия с деятельностью церковных инстанций. Подобная тенденция к изменению образа ереси характерна и для английской религиозной жизни этого периода⁵². Полагаем, что именно здесь, в чрезмерно чувствительной реакции епископата, а не в реальном увеличении числа еретиков, коренится, по крайней мере, одна из причин активизации судов по делам ереси⁵³. Руководствуясь расши-

⁵⁰ Если верить Дж. Фоксу, еще Джон Ламберт (казнен в 1538 г.) увидел в «Соборной проповеди» скрытую поддержку лоллардизма, сравнив Колета с еврейским Гамалиилом, «законоучителем, уважаемым всем народом», который советовал синедриону (Деян. V: 33-42) отпустить арестованных апостолов. Как Гамалиил, замаскировав свои личные убеждения (существует традиция считать его тайным сторонником христианства), постарался защитить апостолов, не показывая, что он делает это, так и Колет скрыто защищал лоллардов: Foxe. Vol. V. Book VIII. P. 217. Cf.: Lupton 1909. P. 144; Kaufman 1982. P. 3.

⁵¹ См.: Heresy in Transition. 2005. P. 1-9, 111-112.

⁵² Forrest 2005. P. 20.

⁵³ Cf.: Haigh 1990. P. 4-5; Marshall 2006. P. 173.

ренным пониманием ереси как любого действия, опасного для традиционной церкви, опытный церковный администратор Р. Фитцджермис обоснованно обвинил Колета в ереси, поскольку Колетово неприятие определенных крайностей в культе святых, ограничение им традиционного стола декана, критика формализма в проповеднической практике действительно расходились со средневековым католицизмом и в глазах консервативного епископата представляли угрозу для церкви и ее руководителей. В таком же ключе воспринимали проповеди Колета лолларды, которые, на наш взгляд, ошибочно поняли его критические высказывания об отдельных сторонах традиционной религиозной практики как признак его единомыслия с их идеологией.

Негативное отношение Колета к ересям и расколам обнаруживается как в его экзегетических сочинениях, так и в реальном его участии в Кентских процессах против лоллардов в 1511-1512 г. Полагаем, что последнее обстоятельство может подвести черту под любыми попытками сблизить Колета с движением лоллардов или усмотреть в его действиях сочувствие ереси. Открывая конвокацию Кентерберийской церковной провинции, Колет предложил духовенству перейти от преследования еретиков к реформе клира. Предложение декана не следует рассматривать в качестве замаскированной защиты лоллардизма. Как еретики, так и порочные представители духовенства представляли угрозу для церкви. После активных антиеретических мероприятий в 1510-1511 гг., проведенных архиепископом У. Уоремом и другими епископами в своих диоцезах, Колет предложил перейти к новому этапу церковной реформы, которая в обеих своих частях (борьба с ересью и борьба с порочным клиром) имела целью укрепление церкви. Но, несмотря на его искреннее стремление улучшить духовно-нравственное состояния клира, сохранить церковную иерархию и привилегии духовенства, консервативно настроенная часть епископата сочла его проект церковной реформы опасным антиклерикализмом и применила к нему испытанный метод борьбы с оппозицией – обвинение в ереси.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Colet J.* De compositione Sancti Corporis Christi Mystici, que est Ecclesia // *Colet J. Joannis Coleti Opuscula Quaedam Theologia* / Ed. and trans. J.H Lupton. L.: G. Bell and sons, 1876. P. 193-194.
- Colet J.* Joannis Coleti Enarratio in Epistolam Primam B. Pauli ad Corinthianos. Commentary on First Corinthians. A new Edition of the Latin Text / Trans. and introd. by B. O'Kelly and C.A.L. Jarrott. Binghampton (N.Y.), 1985. 349 p.

- Colet J.* Joannis Coleti Ennaratio In Epistolam S. Pauli ad Romanos. An Exposition of St. Paul's Epistle to the Romans, delivered as Lectures in the University of Oxford about the year 1497, by John Colet D. D. / Ed. and trans. J.H. Lupton. L.: G. Bell and sons, 1873. P. 192-193.
- Colet J.* Statuta Ecclesiae Cathedralis Sancti Pauli. Epitome of the Statutes, by Dean Colet, 1505–1518 // *Registrum Statutorum et Consuetudinum Ecclesiae Cathedralis Sancti Pauli Londiniensis* / Ed. W. S. Simpson. L.: G. Bell and sons, 1873. P. 217-237.
- Colet J.* Super opera Dionysii: Two Treatises on the Hierarchies of Dionysius by John Colet, D.D., formerly Dean of St. Paul's / Ed. and trans. J.H. Lupton. L.: G. Bell and sons, 1869. – 272 p.
- Colet J.* Testamentum Ioanni Coleti, decani ecclesiae cathedralis Sti Pauli Londinensis (22 August 1519) // Knight S. The Life of Dr. John Colet. Miscellanies. № XX. P. 400-409.
- Erasmus Desiderius.* Opus epistolarum Desiderii Erasmi Roterodami / Ed. P. S. Allen, H. M. Allen, H. W. Garrod. 12 vols. Oxford: Oxford University Press, 1906–1958.
- Erasmus Desiderius.* Modus orandi Deum. On praying to God // *Erasmus Desiderius. The Collected Works of Erasmus* / Trans. and ed. R. A. B. Mynors, D. F. S. Thomson, P. G. Bietenholz, W. K. Ferguson, J. K. McConica. Vol. 70. Toronto: The University of Toronto Press, 1998. P. 141-231.
- Erasmus Roterodamus.* Peregrinatio religionis ergo // *Opera omnia Desiderii Erasmi Roterdami.* T. I:3. Amsterdam, 1974. P. 488-492.
- Holcot R.* Super libros Sapientiae. Hagenau, 1494; reprint Frankfurt: Minerva G., 1974.
- Kent Heresy Proceeding, 1511-1512 / Ed. N. Tanner. Kent Archaeological Society Records. Vol. 26. Maidstone: Kent Archaeological Society, 1997. 129 p.
- Thomas Aquinas.* Summa Theologica. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ccel.org/ccel/aquinas/summa.html>
- Wicliffe J.* Tractatus de Mandatis divinis, 1375-76 / Ed. J. Loserth and F.D. Matthew. L.: Pub. for the Wyclif society by C. K. Paul & co. 1922. P. 156-157:
- Constitutiones domini Thomae Arundel, Cantuariensis archiepiscopi, factae in convocatione praelatorum et cleri Cantuariensis provinciae, in ecclesia cathedrali S. Pauli London. A. D. M.CCCC.viii contra haereticos // Lyndwood W. Provinciale (seu Constitutiones Angliae). Oxford, 1679; reprint 1968. P. 282-305.
- Эразм Роттердамский.* Разговоры запросто / Пер. с лат. С.П. Маркиша. М.: Художественная литература, 1969. 704 с.
- ## **Литература**
- Arnold J.* Dean John Colet of St. Paul's: Humanism and Reform in Early Tudor England. L.-N.Y.: I.B.Tauris & Co Ltd, 2007. 260 p.
- Aston M.* England's Iconoclasts: Laws against images. Oxford: The Oxford University Press, 1988. 568 p.
- Aston M.* Lollards and Reformers. Images and Literacy in Late Medieval Religion. L.: The Hambledon Press, 1984. 355 p.
- Brewer E.C.* Dictionary of Phrase and Fable. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.bartleby.com/81/2309.html> (дата обращения – ноябрь 2014).
- Cross C.* Church and People. 1450–1660. Oxford: Willey-Blackwell, 1976. 264 p.
- Dickens A.G.* The English Reformation. L: Bastford, 1964. 470 p.
- Duffy E.* The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England, c. 1400-c. 1580. New Haven–L.: Yale University Press, 1992. 654 p.

- Forrest I.* The Detection of Heresy in Late Medieval England. Oxford: Clarendon Press, 2005. 277 p.
- Foxe J.* Actes and Monuments / Ed. G. Townsend. L.: Seeley and Burnside, 1846. 800 p.
- Gwyn P.* The King's Cardinal: The Rise and Fall of Thomas Wolsey. L.: Barrie & Jenkins, 1990. 667 p.
- Heal F.* Hospitality in Early Modern England. Oxford: Clarendon Press, 1990. 452 p.
- Heal F.* Of Prelates and Princes: A Study of the Economic and Social Position of the Tudor Episcopate. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 380 p.
- Heresy in Transition: Transforming Ideas of Heresy in Medieval and Early Modern Europe (Catholic Christendom, 1300-1700) / Ed. Ian Hunter, J. Ch. Laursen, and C.J. Nederman. Ashgate, 2005. 205 p.
- Hunt E.W.* Dean Colet and His Theology. – L.: Society for Promoting Christian Knowledge, 1956. 142 p.
- Kaufman P.I.* John Colet's Opus de Sacramentis and Clerical Anticlericalism: the Limitations of "Ordinary Wayes" // Journal of British Studies. Vol. 22. 1982. P. 1-22.
- Kaufman P.I.* "The Polytyque Church": religion and early Tudor political culture, 1485-1516. – Macon (Georgia): Mercer University Press, 1986. 179 p.
- Lupton J.H.* A Life of John Colet, D.D., Dean of St. Paul's, and Founder of St. Paul's School. L.: G. Bell and sons, 1909. 323 p.
- Marriott J.A.R.* The Life of John Colet. L.: Methuen, 1933. 283 p.
- Marshall P.* The Catholic Priesthood and the English Reformation. Oxford: The Oxford University Press, 1994. 271 p.
- Marshall P.* Religious Identities in Henry VIII's England. Aldershot: Ashgate Pub. Ltd, 2006. 291 p.
- Pasquarello M.* Sacred rhetoric: preaching as a theological and pastoral practice of the church. N.-Y.: Wm. B. Eedermans Pub., 2005. 143 p.
- Rupp E.G.* Studies in the Making of the English Protestant Tradition (Mainly in the Reign of Henry VIII). Cambridge: University Press, 1966. 220 p.
- Spufford M.* The World of rural Dissenters: 1520-1725. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 459 p.
- Swanson R.N.* Church and Society in Late Medieval England. Oxford: Basil Blackwell, 1989. 428 p.
- Tanner N.* Penances imposed on Kentish Lollards by archbishop Warham, 1511-1512 // Lollardy and the Gentry in the Late Middle Ages / Ed. M. Aston and C. Richmond. N.-Y. – L., 1997. P. 229-249
- The English Reformation revised / Ed. C. Haigh. Cambridge: The Cambridge University Press, 1990. 229 p.
- Wenzel S.* Latin Sermon Collections from Medieval England: Orthodox Preaching in the Age of Wyclif. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 713 p.
- Софронова Л.В.* Джон Колет. Опыт реставрации образа христианского мыслителя ренессансной эпохи. Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2009. 450 с.
- Софронова Л.В., Кузнецов Е.В., Осинковский И.Н.* Джон Колет и лолларды // Проблемы английской и валлийской истории в позднее средневековье. Арзамас, 1999. С. 55-63.
- Софронова Л.В., Хазина А.В.* Ренессансный ученый в интеллектуальных и социальных практиках (по переписке Джона Колета и Эразма 1512-1513 гг. // Интеллигенция и мир. 2014. № 3. С. 105-122.

REFERENCES

- Colet J. De compositione Sancti Corporis Christi Mystici, que est Ecclesia // Colet J. Joannis Coleti Opuscula Quaedam Theologia / Ed. and trans. J.H. Lupton. L.: G. Bell and sons, 1876. P. 193-194.
- Colet J. Joannis Coleti Enarratio in Epistolam Primam B. Pauli ad Corinthianos. Commentary on First Corinthians. A new Edition of the Latin Text / Trans. and introd. by B. O'Kelly and C.A.L. Jarrott. Binghampton (N.Y.), 1985. 349 p.
- Colet J. Joannis Coleti Enarratio In Epistolam S. Pauli ad Romanos. An Exposition of St. Paul's Epistle to the Romans, delivered as Lectures in the University of Oxford about the year 1497, by John Colet D. D. / Ed. and trans. J.H. Lupton. L.: G. Bell and sons, 1873. P. 192-193.
- Colet J. Statuta Ecclesiae Cathedralis Sancti Pauli. Epitome of the Statutes, by Dean Colet, 1505–1518 // Registrum Statutorum et Consuetudinum Ecclesiae Cathedralis Sancti Pauli Londiniensis / Ed. W. S. Simpson. L.: G. Bell and sons, 1873. P. 217-237.
- Colet J. Super opera Dionysii: Two Treatises on the Hierarchies of Dionysius by John Colet, D.D., formerly Dean of St. Paul's / Ed. and trans. J.H. Lupton. L.: G. Bell and sons, 1869. – 272 p.
- Colet J. Testamentum Ioanni Coleti, decani ecclesiae cathedralis Sti Pauli Londinensis (22 August 1519) // Knight S. The Life of Dr. John Colet. Miscellanies. № XX. P. 400-409.
- Erasmus Desiderius. Opus epistolarum Desiderii Erasmi Roterodami / Ed. P. S. Allen, H. M. Allen, H. W. Garrod. 12 vols. Oxford: Oxford University Press, 1906–1958.
- Erasmus Desiderius. Modus orandi Deum. On praying to God // Erasmus Desiderius. The Collected Works of Erasmus / Trans. and ed. R. A. B. Mynors, D. F. S. Thomson, P. G. Bietenholz, W. K. Ferguson, J. K. McConica. Vol. 70. Toronto: The University of Toronto Press, 1998. R. 141-231.
- Erasmus Roterodamus. Peregrinatio religionis ergo // Opera omnia Desiderii Erasmi Roterodami. T. I:3. Amsterdam, 1974. P. 488-492.
- Holcot R. Super libros Sapientiae. Hagenau, 1494; reprint Frankfurt: Minerva G., 1974.
- Kent Heresy Proceeding, 1511-1512 / Ed. N. Tanner. Kent Archaeological Society Records. Vol. 26. Maidstone: Kent Archaeological Society, 1997. 129 p.
- Thomas Aquinas. Summa Theologica. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.ccel.org/ccel/aquinas/summa.html>
- Wicliffe J. Tractatus de Mandatis divinis, 1375-76 / Ed. J. Loserth and F.D. Matthew. L.: Pub. for the Wyclif society by C. K. Paul & co. 1922. P. 156-157:
- Sonstitutiones domini Thomae Arundel, Cantuariensis archiepiscopi, factae in convocatione praelatorum et cleri Cantuariensis provinciae, in ecclesia cathedrali S. Pauli Lon-don. A. D. M.CCCC.viii contra haereticos // Lyndwood W. Provinciale (seu Constitutiones Angliae). Oxford, 1679; reprint 1968. P. 282-305.
- Erazm Rotterdamskii. Razgovory zaprosto / Per. s lat. S.P. Markisha. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1969. 704 s.
- Arnold J. Dean John Colet of St. Paul's: Humanism and Reform in Early Tudor England. L.-N.Y.: I.B.Tauris & Co Ltd, 2007. 260 p.
- Aston M. England's Iconoclasts: Laws against images. Oxford: The Oxford University Press, 1988. 568 p.
- Aston M. Lollards and Reformers. Images and Literacy in Late Medieval Religion. L.: The Hambledon Press, 1984. 355 p.

- Brewer E.C. Dictionary of Phrase and Fable. [Elektronnyi resurs] – URL: <http://www.bartleby.com/81/2309.html> (data obrashcheniya – noyabr' 2014).
- Cross C. Church and People. 1450–1660. Oxford: Willey-Blackwell, 1976. 264 p.
- Dickens A.G. The English Reformation. L.: Bastford, 1964. 470 p.
- Duffy E. The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England, c. 1400-c. 1580. New Haven–L.: Yale University Press, 1992. 654 p.
- Forrest I. The Detection of Heresy in Late Medieval England. Oxford: Clarendon Press, 2005. 277 p.
- Foxe J. Actes and Monuments / Ed. G. Townsend. L.: Seeley and Burnside, 1846. 800 p.
- Gwyn P. The King's Cardinal: The Rise and Fall of Thomas Wolsey. L.: Barrie & Jenkins, 1990. 667 p.
- Heal F. Hospitality in Early Modern England. Oxford: Clarendon Press, 1990. 452 p.
- Heal F. Of Prelates and Princes: A Study of the Economic and Social Position of the Tudor Episcopate. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 380 p.
- Heresy in Transition: Transforming Ideas of Heresy in Medieval and Early Modern Europe (Catholic Christendom, 1300-1700) / Ed. Ian Hunter, J. Ch. Laursen, and C.J. Nederman. Ashgate, 2005. 205 p.
- Hunt E.W. Dean Colet and His Theology. – L.: Society for Promoting Christian Knowledge, 1956. 142 p.
- Kaufman P.I. John Colet's Opus de Sacramentis and Clerical Anticlericalism: the Limitations of "Ordinary Ways" // Journal of British Studies. Vol. 22. 1982. P. 1-22.
- Kaufman P.I. "The Polytyque Church": religion and early Tudor political culture, 1485-1516. – Macon (Georgia): Mercer University Press, 1986. 179 p.
- Lupton J.H. A Life of John Colet, D.D., Dean of St. Paul's, and Founder of St. Paul's School. L.: G. Bell and sons, 1909. 323 p.
- Marriott J.A.R. The Life of John Colet. L.: Methuen, 1933. 283 p.
- Marshall P. The Catholic Priesthood and the English Reformation. Oxford: The Oxford University Press, 1994. 271 p.
- Marshall P. Religious Identities in Henry VIII's England. Aldershot: Ashgate Pub. Ltd, 2006. 291 p.
- Pasquarello M. Sacred rhetoric: preaching as a theological and pastoral practice of the church. N.-Y.: Wm. B. Eedermans Pub., 2005. 143 p.
- Rupp E.G. Studies in the Making of the English Protestant Tradition (Mainly in the Reign of Henry VIII). Cambridge: University Press, 1966. 220 p.
- Spufford M. The World of rural Dissenters: 1520-1725. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 459 p.
- Swanson R.N. Church and Society in Late Medieval England. Oxford: Basil Blackwell, 1989. 428 p.
- Tanner N. Penances imposed on Kentish Lollards by archbishop Warham, 1511-1512 // Lollardy and the Gentry in the Late Middle Ages / Ed. M. Aston and C. Richmond. N.-Y. – L., 1997. P. 229-249
- The English Reformation revised / Ed. C. Haigh. Cambridge: The Cambridge University Press, 1990. 229 p.
- Wenzel S. Latin Sermon Collections from Medieval England: Orthodox Preaching in the Age of Wyclif. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 713 p.
- Sofronova L.V. Dzhon Kolet. Opyt restavratsii obraza khristianskogo myslitelya renessansnoi epokhi. N. Novgorod: Izd-vo NGPU, 2009. 450 s.

Sofronova L.V., Kuznetsov E.V., Osinovskii I.N. Dzhon Kolet i lollardy // Problemy angliiskoi i valliiskoi istorii v pozdnee srednevekov'e. Arzamas, 1999. S. 55-63.

Sofronova L.V., Khazina A.V. Rennsantsnyi uchenyi v intellektual'nykh i sotsial'-nykh praktikakh (po perepiske Dzhona Koleta m Erazma 1512-1513 gg. // Intelligentsiya i mir. 2014. № 3. S. 105-122.

Софронова Лидия Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина; lidiasof@yandex.ru.

Perception of heresy in English religious practice on the eve of the Reformation: the case of John Colet

This article is dedicated to verification of the widespread historiographical thesis about the rise of Lollardy in England on the eve of the Reformation. One case is considered - the charge of heresy against the Dean of the Cathedral of St. Paul J. Colet in early 1512. The author analyzes the evidences of contemporaries about the persecution of Colet and his own writings to detect the Dean's heterodoxy. The investigation presents Colet's orthodoxy and his negative perception of the heresy. As a judge, he took part in the proceedings against the Kent Lollards in 1511-1512. This casus indicates that heresy persecutions were not necessarily related to the actual heterodoxy of defendants. The conservative part of the English episcopate in the early 16th century used the charge of heresy as a weapon in the fight against violation of church tradition and lay criticism.

Keywords: John Colet, heresy, Erasmus, Lollardy, iconoclasm, the church, episcopate, reform.

Lidia Sofronova, Dr.Sc. (History), Professor of the Department of World History, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University.

С. М. ДУДАРЕНОК

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ, ВЕРУЮЩИЕ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В КОНЦЕ XIX – XX ВЕКЕ

В статье рассматриваются процессы, протекавшие в религиозной жизни российского Дальнего Востока с конца XIX по конец 1980-х гг., отмечаются особенности формирования дальневосточного конфессионального пространства. Дальневосточные земли обживались людьми с разнообразными этническими и вероисповедными корнями. В конце XIX – начале XX в. из-за недостатка священнослужителей, храмов, трудностей жизни в осваиваемом регионе происходило ослабление православных традиций. В первой половине XX в. религиозность дальневосточников эволюционировала в сторону усиления в регионе позиций протестантских конфессий. Особое внимание уделено политике Коммунистической партии и Советского государства, показано, что дальневосточное «религиозное подполье» было делом рук местных органов власти, объявивших религии настоящую войну.

***Ключевые слова:** религия, церковь, верующие, вероисповедная политика, Дальний Восток России, репрессии, веротерпимость.*

В последние годы в научной литературе было немало дискуссий о месте и роли религии в современном российском обществе. При этом число людей, знающих реальную ситуацию в этой области и основывающих свои суждения не на неких упованиях и предпочтениях, а на достаточных знаниях, невелико.

Бесспорно, религия является устойчивым фактором жизни современного российского общества, и её позиции будут укрепляться. Этот процесс проходит неоднозначно, особенно в таких поликонфессиональных и многонациональных регионах как Дальний Восток. Анализ ситуации в религиозной сфере позволяет некоторым исследователям сделать вывод, «что Дальний Восток к настоящему времени все еще по многим причинам представляет собой религиозно не оформившуюся территорию»¹. Во многом это определяется сложными процессами в духовной жизни, сопровождавшими процесс хозяйственного освоения дальневосточных земель.

На протяжении веков Православная церковь в России выступала как мощное средство воздействия на миллионы людей. Однако применительно к дальневосточникам, все, что в полной мере с этим связано, ограничивается периодом, немного превышающим 150 лет. Дальнево-

¹ Трофимчук, Свищев 2000. С. 188.

сточные земли обживались людьми с полиэтническими и самыми разнообразными вероисповедными корнями. Население региона из-за своей отдаленности пребывало практически вне сферы полноценного влияния Православной церкви. Из-за недостатка священнослужителей, храмов, трудностей жизни в осваиваемом регионе происходило ослабление православных традиций. Государственные органы в период дореволюционного освоения Дальнего Востока находились в двойственной ситуации. Как и везде Православная церковь пользовалась всемерной поддержкой со стороны светской власти, но, когда ее интересы вступали в противоречие с потребностями хозяйственного освоения края, властные структуры отставивали последние².

Вероисповедный состав дальневосточных земель в процентах к общему количеству населения выглядел в 1896 г. следующим образом:

Таблица 1. Вероисповедный состав дальневосточных земель на 1896 г.

Вероисповедание	Забайкальская	Амурская	Приморская	о. Сахалин
Православные	64,5	63	72	69
Протестанты	0,03	0,8	0,4	0,2
Раскольники	6,3	10	1,0	0,13
Католики	0,1	0,2	1,5	0,6
Буддисты	25	16	11	-
Евреи	0,95	0,2	0,7	0,05
Магометане	0,3	0,4	0,4	0,6
Конфуцианство	-	-	5	-
Проч. язычники	2,5	3	3	-

Таблица взята из газеты «Приамурские ведомости». 1896. апрель.

С конца 1920-х гг. под воздействием «теории» об обострении классовой борьбы в процессе социалистического строительства в одной отдельно взятой стране разворачивается настоящая борьба с религией. По логике партийных идеологов советское общество было расколото на два непримиримых лагеря: пролетариат и крестьянство с одной стороны и «буржуазно-капиталистические слои» – с другой. Религиозные организации объявлялись «проводниками» буржуазного влияния, духовенство и верующие были отнесены к «кулацко-нэпманской агентуре». Всех вместе их обвиняли в противодействии коллективизации и строительству социализма, идеологическим установкам партии. Администрирование, судебные и внесудебные расправы становятся опреде-

² См.: Сердюк 1998. С. 18-19.

ляющими чертами государственной церковной политики. На Дальнем Востоке деятельность партийных и советских органов, ОГПУ и НКВД, различных общественных организаций в борьбе с «кулацко-нэпманской агентурой» в лице духовенства и верующих была более «результативной», чем в центральных районах страны, где православие продолжало оставаться мировоззрением значительной части населения. Не успев по-настоящему укрепиться, Православная церковь к началу 1940-х гг. была практически разгромлена. Изменение конфессиональной принадлежности объясняется еще и тем, что Дальний Восток стал местом ссылки для религиозных диссидентов³: в регион ссылались представители вероучений, которых здесь никогда не было. Большинство ссыльных от своих убеждений не отказывались, активно вели миссионерскую деятельность, расширяя число своих последователей.

В годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие идеи «антирелигиозной борьбы», наступления на религию» приглушаются, отходят на второй план. Их место заняли идеи веротерпимости, что предопределило постепенную нормализацию государственно-церковных отношений и привело к определенному оживлению религиозной жизни. На Дальнем Востоке это выразилось в воссоздании структур Русской православной церкви⁴.

С начала 1960-х гг. антирелигиозная деятельность становится одной из первоочередных задач партийных и советских органов. В отчетном докладе ЦК КПСС XXII съезду партии (1961) специально подчеркивалось, что «коммунистическое воспитание» предполагает борьбу с «религиозными предрассудками и суевериями»⁵. В принятом съездом Уставе КПСС в перечень обязанностей члена коммунистической партии была внесена «решительная борьба с религиозными предрассудками»⁶.

Антирелигиозная работа признавалась главным рычагом в формировании научно-материалистического мировоззрения. Построение «общества без религии», причем в самое ближайшее время, объявлялось программной целью. Наиболее полно программа атеистической

³ См.: За нами придут корабли... 1999. С. 26-27.

⁴ Постановлением Священного Синода 25 января 1945 г. была создана Хабаровская и Владивостокская епархия с центром во Владивостоке⁴. В 1946 г. сюда, с титулом «Владивостокский и Камчатский», был назначен епископ Венедикт (Пляскин), а в 1948 г. – епископ Гавриил (Огородников). Епархия просуществовала самостоятельно до октября 1949 г., а затем, после отъезда епископа Гавриила, перешла под управление епископа Иркутского и Читинского. См.: Сердюк 2001. С. 366.

⁵ Материалы XXII съезда КПСС. С. 111-112.

⁶ Материалы XXII съезда КПСС. С. 430.

деятельности партии была представлена в докладе секретаря ЦК КПСС Л.Ф. Ильичева «Очередные задачи идеологической работы партии» на пленуме ЦК КПСС в 1963 г.: «Религия – главный противник научного мировоззрения внутри страны, один из самых цепких пережитков прошлого, от которого не освободились еще значительные слои населения. В нашей стране давно уже подрезаны социальные корни религии, но религиозные взгляды еще существуют как пережиток прошлого... У нас нет враждебных социализму классов и социальных слоев, но есть еще сознательные и несознательные носители взглядов и нравов враждебных социализму классов, есть, следовательно, люди, строй мысли и поступков которых чужд социализму, которые льют воду на мельницу врагов»⁷. В постановлении пленума предлагалось «вести настойчивую борьбу против религиозных пережитков, шире развернуть научно-атеистическую работу»⁸.

И в последующем, в решениях и постановлениях съездов и пленумов КПСС антирелигиозная работа выдвигалась на первое место в деятельности партийных комитетов, местных Советов депутатов трудящихся, профсоюзов, комсомола и других общественных организаций.

Политика государства в отношении религиозных объединений все более становилась заложницей партийной идеологии, которая опиралась на следующие положения: 1) «кризис религии» сводился исключительно к количественным показателям религиозной статистики; 2) развитие религиозной жизни представлялось лишь как прогрессирующий процесс «угасания» религии; 3) отрицалось наличие в СССР объективных условий и предпосылок появления «новых религий» или «оживления, возрождения», казалось бы, угасших культов; 4) в качестве приоритетного в процессе секуляризации общества по-прежнему использовался путь административного регулирования и давления в области взаимоотношений религиозных объединений и органов власти; 5) принималось как аксиома утверждение о том, что число *зарегистрированных* обществ адекватно отражало состояние и потребности верующих того или иного региона; 6) выдвигался и оправдывался принцип «достаточности» числа зарегистрированных объединений ведущих конфессий в том или ином регионе страны, сводящийся к тому, что в «мусульманском» регионе не следует регистрировать мечети, а в «православном» – церкви и т.д.⁹ Из подобного рода идеоло-

⁷ Ильичев 1963. С. 46.

⁸ См.: Пленум ЦК КПСС 18-21 июня 1963 г. С. 308.

⁹ См.: Одинцов 2002. С.24.

гических постулатов официальных партийно-государственных властных органов можно сделать только один вывод – правовой подход к проблемам свободы совести подменялся идеологическим.

«Новая идеология» требовала практического закрепления в деятельности государственных органов, призванных реализовывать политику в отношении религиозных организаций. В апреле 1961 года на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов обсуждался проект специальной Инструкции по применению законодательства о религиозных культах. Она должна была стать правовой основой государственной политики в вероисповедной сфере в новых условиях. И хотя в докладах В.А. Куроедова и А.А. Пузина¹⁰ говорилось, что Инструкция «восстанавливала ленинские принципы отношения к религии и церкви, устраняла сталинское наследие», в действительности же ее цель была в том, чтобы привлечь к «борьбе с религиозной идеологией» не только партийные комитеты, профсоюзные и комсомольские организации, но и советские органы, т.е. использовать возможности государства для решения идеологической задачи, чему должны были способствовать, в частности, вводимые в практику деятельности органов власти такие «новшества» как: обязательная регистрация служителей культа и отстранение их от финансово-хозяйственной деятельности религиозных обществ; ужесточение порядка налогообложения в отношении церковно- и священнослужителей; ограничение по производству колокольного звона; предоставление права регистрации обществ областным (краевым) Советам депутатов трудящихся¹¹.

Одновременно в Инструкции утверждались «надзирательные и карательные» функции Советов и их уполномоченных. Перед последними ставились следующие задачи в отношении зарегистрированных религиозных организаций: «прикрыть» каналы, через которые они могли «обогащаться»; бороться с благолепием в молитвенных домах и со всеми видами благотворительности; ликвидировать паломничества к «святым местам»; контролировать совершающиеся в молитвенных домах религиозные обряды; подбирать и вводить в состав органов церковного самоуправления «нужных людей», через которых можно было оказывать влияние на других верующих.

¹⁰ Куроедов В.А. (1906-1994) – председатель Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР в 1960-1965 гг., председатель Совета по делам религий при СМ СССР в 1965-1984 гг.; Пузин А.А. – председатель Совета по делам религиозных культов при СМ СССР в 1957-1965 гг.

¹¹ См. подробнее: Одинцов 1994. С. 125-127.

Политика властей в отношении незарегистрированных объединений была еще более жесткой. Ставилась задача-максимум – добиться прекращения их деятельности. Инструкция (п.23) устанавливала перечень религиозных организаций, не подлежащих регистрации, чья деятельность должна быть прекращена в уголовном или административном порядке: иеговисты, адвентисты-реформисты, иоанниты, иннокентьевцы, меннониты, пятидесятники, субботники, хлысты, чистые баптисты.

В целях получения полной и максимально приближенной к действительности информации был проведен единовременный учет всех зарегистрированных и незарегистрированных религиозных объединений. Информация собиралась по специально разработанным обоими Советами анкетам, которые заполняли местные органы власти на каждое религиозное объединение. Выяснилось, что на начало 1962 года на территории российского Дальнего Востока насчитывалось 154 религиозных объединения, и только 17 из них были зарегистрированы в установленном законом порядке или взяты на местный учет (9 православных, 8 евангельских христиан баптистов). Остальные 137 (88,9%) действовали без регистрации. В 1970 г. из 136 существующих религиозных объединений 111 (81,6%) действовали без регистрации, в 1980 г. – из 165 – 133 (80,6%), в 1989 – из 160 – 105 (65,6%). Все они находились в полной зависимости от воли местных властей, которые могли миловать, и общества, хотя и без регистрации, но действовали; но могли и не миловать, и тогда общества тотчас разгонялись, а в отношении их руководителей применялись меры судебного и несудебного преследования.

Следует подчеркнуть, что значительная часть незарегистрированных объединений вынуждена была действовать в полулегальном состоянии не потому, что верующие не хотели их зарегистрировать, а потому, что, подавая на протяжении многих лет заявления о регистрации, получали на них необоснованные отказы. Например, горисполком Александровска-Сахалинского попросил Сахалинский облисполком отказать в регистрации общине евангельских христиан-баптистов потому, что «в общине нашли место разного рода проходимцы, воры и жулики...»¹². Их единоверцы в Камчатской области в течение 10 лет с 1976 г. ежегодно обращались в местные органы власти с просьбой о регистрации¹³, но постоянно получали необоснованные отказы. В 1976 г. им отказали потому, что «община состоит из членов, проживающих в разных городах области», в 1979 и 1982 гг. по причине от-

¹² ГАСО. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 1. Л. 58.

¹³ ГАКО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.

сутствия у верующих молитвенного дома (хотя он у них был – С.Д.) и «отсутствия у горисполкома возможности продать или выделить верующим помещение под молитвенный дом» и пр.¹⁴ За это время верующие отправили в центральные партийные и советские органы 18 жалоб на неправомерные действия местных властей¹⁵.

Отказывали в регистрации не только протестантам, но и верующим Русской православной церкви. Так, на протяжении 10 лет (с 1974 по 1983 гг.) православные верующие Камчатки 15 раз подавали заявления с просьбой зарегистрировать их религиозное общество, каждое из этих заявлений подписали от 26 до 70 верующих¹⁶. Тем не менее, местные органы власти отказывали верующим, выискивая разные предлоги для подобных отказов. Например, в решении исполкома Камчатского областного Совета депутатов трудящихся от 20 июня 1975 г. основанием для отказа в регистрации названы «малочисленность (хотя заявление с просьбой о регистрации подписали 55 чел. – С.Д.) и отсутствие помещения у религиозной группы»¹⁷. Подобное отношение к просьбам православных верующих среди дальневосточных чиновников наблюдалось и в разгар «перестройки», накануне празднования 1000-летия крещения Руси. В конце 1987 года 70 верующих г. Охи Сахалинской области просили разрешения на открытие в городе православной церкви. После переписки с Москвой и проведения «бесед с верующими», Охинский горком КПСС и горисполком пришли к выводу, что «необходимости в строительстве православной церкви в городе Охе нет»¹⁸.

Очевидно, что столь значительное «религиозное подполье» на российском Дальнем Востоке – в подавляющей степени дело рук местных органов власти, результат их многолетней целенаправленной политики, позволявшей, с одной стороны, рапортовать об успехах атеистической работы, сокращении числа религиозных объединений (следовательно, и верующих), а с другой – скрывать истинную религиозную ситуацию.

Некоторые надежды на изменение ситуации в государственно-церковных отношениях связывались верующими и религиозными объединениями с принятием в октябре 1977 г. Конституции СССР. Ее ст. 54 гласила: «Гражданам СССР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Воз-

¹⁴ ГАКО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 2. Л. 4, 16.

¹⁵ ГАКО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.

¹⁶ ГАКО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

¹⁷ ГАКО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

¹⁸ ГАСО. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 22. Л. 45.

буждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается». Но ожидания не оправдались. Реализация провозглашенного принципа свободы совести в условиях стагнации и предкризисного состояния советского общества буксовала, сталкиваясь с господствующим в партийно-советской элите мнением, что охранительные и запретительные меры могут быть достаточными для разрешения проблем религиозной сферы. А в общественное сознание настойчиво привносилась убежденность в правильности и плодотворности устоявшихся стереотипов и методов «атеистической работы». Тем самым эта «работа» становилась еще одним препятствием на пути обновления общества.

Отношение органов власти Дальневосточного региона к религии и верующим в указанный период полностью соответствовало партийно-государственным установкам как в отношении учета общин и верующих, так и «профилактической работы» с ними. Итоги учета зарегистрированных и незарегистрированных религиозных объединений на Дальнем Востоке можно представить в виде следующей таблицы.

Таблица 2. Количество религиозных объединений, групп и верующих на российском Дальнем Востоке (1960-1989 гг.)

Область/край	1961		1970		1980		1989	
	общин	верующих	общин	верующих	общин	верующих	общин	верующих
Сахалинская	1	130	5	115	9	128	11	205
Камчатская	4	110	5	150	4	160	4	490
Амурская	40	1240	30	1130	35	1100	30	1360
Магаданская	7	310	10	82	19	109	19	157
Хабаровский	40	3079	37	2071	47	2488	53	3031
Приморский	62	3740	49	4264	51	5455	43	5368
ИТОГО:	154	8609	136	7812	165	9440	160	10611

Таблица составлена на основе Государственного архива Приморского края (ГАПК) (Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 60. Л. 7; Д. 67. Л. 164; Д. 106. Л. 23-26; Д. 108. Л. 2; Д. 116. Л. 2, 10-16; Д. 127. Л. 11-22; Д. 134. Л. 13-21; Д. 143. Л. 1; Д. 151, Л. 119; Д. 152. Л. 6-14; Д. 159. Л. 175.); Государственного архива Хабаровского края (ГАХК) (Ф. 1359. Оп. 3. Д. 20. Л. 2, 7, 12-13, 19-20; Д. 21. Л. 1-4, 9, 14, 17, 31-37, 43, 47, 50; Д. 26. Л. 4-6; Д. 312. Л. 8, 11-14, 21, 23, 41-42; Д. 47. Л. 98-101; Д. 48. Л. 3-5, 8, 87; Д. 50. Л. 22-23; Оп. 4. Д. 136. Л. 18, 21; Д. 157. Л. 68; Д. 165. Л. 35; Д. 177. Л. 10-19); Текущего архива отдела по связям с общественными и религиозными организациями Магаданской области (ТАОСОРОА МО) (Д. 3. Л. 22, 107, 111-117, 133-134, 141; Д. 4. Л. 67, 89, 98-99; Д. 5. Л. 10-12, 17, 23, 25, 36, 40-42, 46-49, 80); Государственного архива Россий-

ской Федерации (ГАРФ) (Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 963. Л. 1-3, 6); Текущего архива отдела по связям с общественными и религиозными организациями администрации Амурской области (ТАОСОРОА АО) (Д. 1. л. 70); Государственного архива Камчатской области (ГАКО) (Ф. Р-829. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-3; Д. 4. Л. 1-9; Д. 8. Л. 12-13; Д. 14. Л. 1); Государственного архива Сахалинской области (ГАСО) (Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 4. Л. 42, 58, 61; Д. 12. Л. 52, 55-56; Д. 22. Л. 54).

Анализ таблицы показывает, что в сравнении с другими регионами страны, где данные социологических исследований фиксировали уровень религиозности населения в 1960–70-х гг. от 11,5% до 28,4%¹⁹, религиозность дальневосточников не дотягивала и до 0,2%. Эта цифра отражает реальную ситуацию, так как число верующих в пограничном дальневосточном регионе выявлялось «оперативным путем». Знакомство с архивными фондами Уполномоченных Совета по делам религий при Совете Министров СССР субъектов Дальневосточного федерального округа показывает, что главным направлением деятельности Уполномоченных был сбор информации и контроль за деятельностью незарегистрированных «сектантских» религиозных объединений. На каждую такую общину составлялось объемное досье со списками руководителей и членов религиозной общины, иногда даже со списками членов их семей²⁰. Поскольку население российского Дальнего Востока к концу 1980-х гг. составляло около 6 млн. человек, количество верующих составляло всего 0,17% от населения региона.

В годы советской власти православная вера поддерживалась главным образом за счет сохранения традиций в семьях. Можно утверждать, что в этот период православие, не успев как следует упрочиться на территории Дальнего Востока, было практически искоренено. Из более чем 300 религиозных объединений Русской православной церкви, действовавших на территории Дальнего Востока до 1917 г.²¹ к началу 1970-х гг. осталось только 10²². В Амурской области три объединения²³ (300 чел.) в Хабаровском крае – два²⁴ (1150 чел.) и в Приморском крае – 5²⁵ (3700 чел.). Сахалинская, Камчатская и Магаданская области не имели к

¹⁹ Курочкин 1971. С. 93; Тепляков 1972. С. 121; Лебедев 1976. С. 41 и др.

²⁰ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 109. Л. 28-32.

²¹ Трофимчук, Свищев 2000. С. 190.

²² На территории Хабаровского края существовали еще 5 религиозных групп Русской православной церкви, две небольшие группы существовали и на территории Камчатской области. Данные группы не имели священнослужителей и собирались только по большим религиозным праздникам.

²³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 963. Л. 3.

²⁴ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 21. Л. 12.

²⁵ ГАПК. Ф. Р-1578, д. 187, л. 5.

этому времени ни одного зарегистрированного религиозного объединения РПЦ²⁶. В Камчатской и Магаданской областях действовали незарегистрированные религиозные группы православных верующих: две в Камчатской области, одна – в Магаданской, но они были так малочисленны и не активны в религиозной жизни, что местные власти просто не принимали их в расчет. По конфессиональной принадлежности религиозные общины были представлены следующим образом.

Таблица 3. Религиозные конфессии на российском Дальнем Востоке (1960-1989 гг.)

Наименование конфессии	1961		1970		1980		1989	
	общ	верующ.	общ	верующ.	общ	верующ.	общ	верующ.
РПЦ	17	3285	18	3700	18	5200	27	5700
ЕХБ (ВСХЕБ)	65	3190	51	1770	41	1665	41	1979
СЦ ЕХБ	-	-	7	434	13	361	12	352
ХВЕ (50-ки)	33	1043	23	1089	41	1193	30	1064
АСД	17	319	16	346	22	373	21	697
Св. Иеговы	5	60	2	17	6	245	7	415
Старообрядцы	10	518	16	318	6	142	6	140
Иудаизм	1	46	1	40	1	25	1	20
Меннониты	3	108	2	88	2	174	1	202
Молокане	2	30	-	-	1	20	-	-
Язычники		-	-	-	14	42	14	42
ИПЦ	1	10	-	-	-	-	-	-
ИТОГО:	154	8609	136	7812	165	9440	160	10611

Таблица составлена на основе Государственного архива Приморского края (ГАПК) (Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 60. Л. 7; Д. 67. Л. 164; Д. 106. Л. 23-26; Д. 108. Л. 2; Д. 116. Л. 2, 10-16; Д. 127. Л. 11-22; Д. 134. Л. 13-21; Д. 143. Л. 1; Д. 151, Л. 119; Д. 152. Л. 6-14; Д. 159. Л. 175); Государственного архива Хабаровского края (ГАХК) (Ф. 1359. Оп. 3. Д. 20. Л. 2, 7, 12-13, 19-20; Д. 21. Л. 1-4, 9, 14, 17, 31-37, 43, 47, 50; Д. 26. Л. 4-6; Д. 312. Л. 8, 11-14, 21, 23, 41-42; Д. 47. Л. 98-101; Д. 48. Л. 3-5, 8, 87; Д. 50. Л. 22-23; Оп. 4. Д. 136. Л. 18, 21; Д. 157. Л. 68; Д. 165. Л. 35; Д. 177. Л. 10-19); Текущего архива отдела по связям с общественными и религиозными организациями Магаданской области (ТАОСОРОА МО) (Д. 3. Л. 22, 107, 111-117, 133-134, 141; Д. 4. Л. 67, 89, 98-99; Д. 5. Л. 10-12, 17, 23, 25, 36, 40-42, 46-49, 80); Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) (Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 963. Л. 1-3, 6); Текущего архива отдела

²⁶ ГАКО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 3. Л. 1; ГАСО. Ф. 1142. Оп. 4. Л. 9. ЦХСД МО. Ф. 21. Оп. 41. Д. 218. Л. 8.

по связям с общественными и религиозными организациями администрации Амурской области (ТАОСОРОА АО) (Д. 1. л. 70); Государственного архива Камчатской области (ГАКО) (Ф. Р-829. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-3; Д. 4. Л. 1-9; Д. 8. Л. 12-13; Д. 14. Л. 1); Государственного архива Сахалинской области (ГАСО) (Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 4. Л. 42, 58, 61; Д. 12. Л. 52, 55-56; Д. 22. Л. 54).

В условиях господства атеистической идеологии иные вероучения, в первую очередь протестантские, проявили определенную устойчивость в силу наличия значительного опыта адаптации их приверженцев к неблагоприятным условиям существования. Хотя большинство молитвенных домов протестантов также было закрыто, их последователи существенных проблем не испытывали: они легко обходились без специально предназначенных для этого строений. В 1961 г. от общего числа религиозных объединений и групп общины и группы Русской православной церкви составляли всего 11% (17 из 154), в 1970 г. – 13% (18 из 136), в 1980 г. – 11% (18 из 165) и в 1989 г. – 16,5% (27 из 160). От общего количества верующих православные составляли в 1961 г. 38 %, в 1970 г. – 47%, в 1980 г. – 55%, а в 1989 г. их доля сократилась до 53,5%.

Православие на Дальнем Востоке, помимо Московского патриархата, было представлено в указанный период различными толками и согласиями старообрядчества. Старообрядческие общины активно функционировали на данной территории до октября 1917 года. Уходя от преследования властей, они переселялись на новые земли и сыграли значительную роль в хозяйственном освоении дальневосточного региона. В результате репрессий и массовой эмиграции численность старообрядцев резко сократилась, но, тем не менее, немногочисленные незарегистрированные общины продолжали существовать в 1960-80-е годы в Амурской, Магаданской областях и в Приморском крае. В силу специфики быта, закрытости от мира, стремления сохранить в чистоте свою веру амурские, магаданские и приморские старообрядцы не доставляли органам власти особого беспокойства. Религиозная жизнь протекала в семейном кругу или индивидуально.

В Хабаровском крае старообрядческая религиозная традиция никогда не прерывалась. В Хабаровске и его окрестностях проживало около 40 старообрядцев Белокрыницкого согласия, которые периодически организовывали молитвенные собрания. Раз в год, по разрешению отдела по делам православных церквей Совета по делам религий при СМ СССР, к ним из Ростова-на-Дону для совершения религиозных обрядов приезжал священник И.А. Рыбаков. Верующие, в подавляющем большинстве пожилого возраста, были лояльно настроены по отношению к властям. Соответственно и власти, взяв религиозное

объединение на местный учет, не препятствовали верующим в организации периодических религиозных собраний, хотя регистрацию данного религиозного объединения считали нецелесообразным²⁷. И только в 1988 г. данная община была официально зарегистрирована²⁸.

В четырех районах Хабаровского края (Облученском, Солнечном, Бикинском и им. Лазо) проживали 350-400 старообрядцев-беспоповцев. Большинство из них – потомки старообрядцев, бежавших от преследований на окраины царской России²⁹. Религиозных объединений и постоянных молитвенных домов старообрядцы не имели, а периодически по большим религиозным праздникам собирались на моления небольшими родственными группами³⁰. К 1985 г. число старообрядцев-беспоповцев сократилось в Хабаровском крае до 80 чел.³¹ Старообрядцы предпринимали попытки предотвратить тенденцию секуляризации своих семей. Старшее поколение запрещало школьникам вступать в пионеры, пользоваться школьными столовыми, понуждало детей соблюдать посты: в дни постов среди детей нередко были случаи голодных обмороков³². Это мало помогало, во многих семьях молодые, как отмечается в отчете Уполномоченного Совета по делам религии по Хабаровскому краю, «старообрядческих догматов и обрядов уже не придерживались». Были и такие, кто «дома, при родителях, изображают себя верующими, а за пределами семьи, на производстве ведут себя как неверующие»³³. Секуляризация старообрядческих семей значительно возросла в период активного строительства Байкало-Амурской магистрали, и власти обладали сведениями, что «отдельные старообрядцы вынашивают намерение искать место для поселения дальше, в тайге»³⁴.

²⁷ Культурного здания община не имела и собиралась чаще всего в доме № 7 по переулку Ушакова, именно в этом доме проходили богослужения, когда к верующим приезжал священник.

²⁸ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 50. Л. 26-27; Оп. 4. Д. 157. Л. 66; Д. 177. Л. 13.

²⁹ Часть верующих ранее проживала в Китае, в 1945 г. они были вывезены в СССР и осуждены к различным срокам тюремного заключения, а в 1953 г. освобождены по амнистии. В поселки Дуakit, Березовский и село Амгунь (переименованное в 1984 г. в Тавлинку) они переселились из Сибири в 1960-е гг.

³⁰ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 4. Д. 136. Л. 21; Д. 177. Л. 13-14; Д. 137. Л. 83; Оп. 3. Д. 21. Л. 35; Д. 31. Л. 26; Д. 137. Л. 183.

³¹ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 4. Л. 183.

³² ГАХК. Ф. 1359. Оп. 4. Д. 137. Л. 183

³³ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 4. Д. 136. Л. 21.

³⁴ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 4. Д. 136. Л. 22. Чтобы свести к минимуму общение с неверующими односельчанами, старообрядцы активного возраста, даже если имели образование, старались работать не в основном производстве леспромхозов, лесничеств и строительных организаций, а сторожами, уборщиками и т.п. Они имели

Наиболее активной в указанный период была деятельность евангельских христиан баптистов, их зарегистрированные и незарегистрированные общины имелись на всей территории российского Дальнего Востока. В 1961 г. в регионе действовали 65 объединений баптистов, объединяющих 3052 верующих. Демократическое устройство общин, принцип всеобщего священства, позволявший читать проповедь любому верующему, а не только рукоположенному пресвитеру, во многом способствовали жизнестойкости баптистов, их адаптации к условиям нового витка гонений на религию и церковь, начавшегося с приходом к власти Н.С. Хрущева, обещавшего показать советскому народу «последнего попа», покончить с «религиозным дурманом» и построить в течение ближайших двадцати лет коммунистическое общество.

В 1966 г. Совет по делам религий при СМ СССР разработал примерное положение о комиссиях содействия исполкомам Советов депутатов трудящихся по соблюдению законодательства о религиозных культурах³⁵. В течение нескольких лет такие комиссии были созданы практически повсеместно, в том числе и в краях и областях Дальнего Востока, на них возлагалась обязанность оказания помощи местным органам власти и Уполномоченным Совета в республиках, краях и областях СССР в соблюдении законов, касающихся религии и церкви. Комиссии разрабатывали планы специальных мероприятий, в центре которых зачастую были меры по прекращению деятельности незарегистрированных объединений, и прежде всего они касались так называемых «антигосударственных сект». Отказываясь от массовых репрессий в отношении верующих и создаваемых ими религиозных объединений, государство упор делало теперь на преимущественное использование мер административного и уголовного характера. 18 марта 1966 г. Президиум ВС РСФСР принял Указ «Об административной ответственности за нарушение законодательства о религиозных культурах»³⁶ и постановление «О применении статьи 142 УК РСФСР»³⁷ о нарушении закона

большие огороды, пасеки, держали много скота, а излишки продукции подсобных хозяйств реализовывали на рынке и через систему кооперации. Занимались старообрядцы и прибыльными побочными заработками: сбором дикоросов, охотой и рыбной ловлей. В результате, они значительно выделялись по благосостоянию среди своих односельчан: жили в добротных, рубленых лиственных домах, имели автомобили, мотоциклы и моторные лодки. ГАХК. Ф. 1359. Оп. 4. Д. 137. Л. 184.

³⁵ См.: Законодательство о религиозных культурах. М., 1971. С.161-164.

³⁶ См.: Законодательство о религиозных культурах. М., 1971. С. 259-260.

³⁷ Статья 142 УК РСФСР «Нарушение закона об отделении церкви от государства и школы от церкви» (в редакции Указа Президиума ВС РСФСР от 18.03.1966). «Нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви

об отделении церкви от государства и школы от церкви»³⁸. По Указу к нарушениям, которые карались штрафом в 50 рублей, отнесены были: уклонение от регистрации религиозных объединений в органах власти; проведение специальных детских и юношеских собраний; организация литературных и иных кружков и групп, не имеющих отношения к отправлению культа. Постановление же уточняло и расширяло перечень действий, которые влекут уголовную ответственность.

Анализ фондов Уполномоченных Совета по делам религий субъектов Дальневосточного федерального округа показывает, что данный Указ и Постановление ВС РСФСР в целях воздействия на верующих, их руководителей и ограничения деятельности религиозных объединений чаще всего использовался во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. в отношении евангельских христиан-баптистов. Во многом это определялось расколом в баптизме, вызванным принятием в 1959 г., под давлением государственных органов, руководством Всесоюзного Совета евангельских христиан-баптистов (ВСХЕБ) «Положения о Союзе евангельских христиан-баптистов в СССР» и «Инструктивного письма старшим пресвитерам ВСХЕБ»³⁹. Эти документы значительно ограничивали каноническую и духовную жизнь: отменялось проведение съездов представителей поместных церквей; старшие пресвитеры при посещении собраний в церквях лишались права участия в богослужении; предлагалось максимально ограничить крещение молодых верующих в возрасте от 18 до 30 лет; ограничивался и принцип «всеобщего священства» – к проповеди на богослужбных собраниях предписывалось допускать только пресвитера и членов исполнительного органа; не рекомендовалось использовать богослужения для привлечения новых членов; запрещалось хоровое пение во время богослужения и предписывалось удовлетворять «духовные потребности» только в помещении зарегистрированной церкви и т.д.⁴⁰ Определенная часть общин верующих баптистов, узнав об этих документах, предпочла нелегальное положение, стала уклоняться от регистрации общин, нарушая тем самым существующее законодательство. «Отколовшиеся» от ВСХЕБ евангель-

наказывается исправительными работами на срок до одного года или штрафом до пятидесяти рублей. Те же деяния, совершенные лицом, ранее судимым за нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви, а равно организационная деятельность, направленная к совершению этих деяний, наказываются лишением свободы на срок до трех лет».

³⁸ См.: Законодательство о религиозных культах. М., 1971. С. 271-272.

³⁹ См.: История евангельских христиан-баптистов в СССР. С.241.

⁴⁰ Там же. С. 240-241.

ские христиане-баптисты создали свой религиозный центр – Совет Церквей евангельских христиан баптистов (СЦ ЕХБ). Часть дальневосточных общин евангельских христиан-баптистов тоже перешла на позиции СЦ ЕХБ. К 1970 г. на территории Дальнего Востока действовало семь общин сторонников СЦ ЕХБ, объединяющих 421 верующего.

Иногда причиной перехода на позиции СЦ ЕХБ являлась целенаправленная деятельность органов власти по ликвидации деятельности религиозных общин. Например, община евангельских христиан баптистов г. Магадана, насчитывающая в 1960 г. около 150 чел., была фактически разгромлена, в 1970 г. в ней насчитывалось всего 20 человек.

В течение длительного времени, используя печать и радиопередачи, сотрудники местных правоохранительных органов и УКГБ по Магаданской области стремились всячески дестабилизировать ситуацию в общине, расколоть общину на враждующие между собой группировки. Это им удалось⁴¹. Скомпрометированные через газетные публикации руководители религиозного объединения потеряли былой авторитет. Значительная часть верующих покинула объединение, в общине произошел раскол, в результате которого большая часть оставшихся в общине верующих перешла на позиции СЦ ЕХБ⁴².

Наиболее активно сторонники СЦ ЕХБ действовали в Приморском и Хабаровском краях. Владивостокская община⁴³, которая с 1953 по 1965 гг. десять раз обращалась с заявлением о регистрации и всегда получала отказ без указания причин⁴⁴, также перешла на позиции СЦ ЕХБ в результате неправомερных действий местных властей. В октябре 1959 года городские власти снесли бульдозером их молитвенный дом, а в 1961 г. пристройку к дому, в которой верующие проводили свои молитвенные собрания. До лета 1964 года верующие проводили молитвенные собрания под открытым небом на месте разрушенного дома, во время одной из служб они были разогнаны с помощью милиции и того же бульдозера, но и после этого верующие в очередной раз подали заявление на регистрацию. В январе 1965 года община была зарегистрирована, но в ней произошел раскол в результате которого ее руководителей – Н.А. Дулю и М.А. Дулю отлучили от церкви. Они, не признав отлучения и собрав своих сторонников, в ноябре 1965 г. создали новую общи-

⁴¹ Огромную роль в этом сыграли «обличительные» статьи о руководителях общины. См.: Магаданская правда. 1959. 16 августа. 20 ноября; 1970. 17 апреля, 4 августа; 1962. 26 июня; 1964. 3 октября; 1971. 17, 18, 19 сентября и др.

⁴² ТАОСОРОА МО. Д. 3. Л. 106.

⁴³ Насчитывала в 1970 г. около 200 чел. ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 71. Л. 3.

⁴⁴ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д.71. Л.3.

ну, приспособив под молитвенный дом бывшую сторожку по ул. Селенгинской, 102. Вновь созданная община дважды обращалась с просьбой о регистрации (апрель 1966 г. и июнь 1967 г.), но получила отказ без рассмотрения заявления в установленном законом порядке. Все это, как утверждается в отчете Уполномоченного Совета по делам религии при СМ СССР по Приморскому краю «озлобило верующих... они встали на путь противозаконных действий и отказа от регистрации, квалифицируя её как покушение властей на их религиозную свободу»⁴⁵.

В Хабаровском крае наиболее последовательно придерживались позиции СЦ ЕХБ верующие хабаровской и вяземской общин СЦ ЕХБ. В хабаровской общине насчитывалось в 1970 г. 22 верующих, в вяземской – 62⁴⁶. Руководители этих общин за «организацию нелегальных сборищ» и «уклонение от регистрации» неоднократно привлекались к административной ответственности⁴⁷.

Дальневосточные общины евангельских христиан-баптистов (ВСХЕБ) входили в Дальневосточный регион, которым руководил старший пресвитер. Долгое время им был Ю.А. Максимчук⁴⁸. Старший пресвитер периодически посещал зарегистрированные общины евангельских христиан-баптистов и религиозные группы, стоящие на учете в местных органах власти, оказывая им посильную помощь в организации религиозной жизни. Однако, это не сдерживало процесс секуляризации, охвативший в 1960–1980-е гг. в результате целенаправленной работы органов власти с «религиозными пережитками» все существующие религиозные конфессии.

Численность верующих евангельских христиан-баптистов заметно сократилась к началу 1970-х гг. Если в 1961 г. их насчитывалось более 3190 чел., то к 1970 г. – всего 1770 чел. С одной стороны, такое резкое сокращение (на 44,5%) числа верующих евангельских христиан-баптистов объясняется расколом в российском баптизме, с другой – административными мерами местных органов власти. Численность верующих евангельских христиан баптистов стала увеличиваться во

⁴⁵ ГАПК. Ф. Р-1478. Оп. 1. Д. 71. Л. 34-35.

⁴⁶ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 312. Л. 17.

⁴⁷ Уполномоченный Совета по делам религий по Хабаровскому краю А. Кирмарский в одном из отчетов Совету высказывал сожаление, что в отношении вышеуказанных руководителей евангельских христиан баптистов у него нет достаточных оснований «привлечь главарей к уголовной ответственности по ст. 142 УК РСФСР...». ГАХК. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 31. Л. 41.

⁴⁸ Максимчук Юрий Алексеевич, 1929 г.р., среднее техническое образование, окончил двухгодичные библейские курсы. Впервые был избран старшим пресвитером ВСХЕБ по Дальнему Востоку в 1975 г. и находился на этом посту около 15 лет.

второй половине 1980-х гг. в результате изменения государственной вероисповедной политики, начавшейся в годы «перестройки».

Не менее прочные позиции занимали в 1960–80-е гг. на территории российского Дальнего Востока христиане веры евангельской (пятидесятники) (ХВЕ). Во многом это объясняется массовой миграцией пятидесятников на Дальний Восток из других регионов страны. Процесс миграции пятидесятников начался в годы Великой Отечественной войны и шел до начала 1980-х гг. Так как в Инструкции по применению законодательства о религиозных культах пятидесятники были отнесены к «антигосударственным религиозным организациям», чья деятельность должна была быть прекращена в уголовном или административном порядке, то все объединения пятидесятников на территории Дальневосточного региона действовали «нелегально». Проводя молитвенные собрания, верующие христиане веры евангельской старались соблюдать определенную конспирацию: собрания проходили в домах верующих и никогда дважды в одном и том же доме⁴⁹.

В середине 1940-х гг. община пятидесятников (34 чел.) появилась в поселке Хунгари Хабаровского края во главе с А.И. Кирилловым, учителем по профессии. В течение нескольких лет коммунисты Хунгаринской партийной организации «работали» с членами общины, «чтобы добиться полного ее самороспуска»⁵⁰. Самым результативным методом «работы» было уголовное преследование⁵¹. Помимо поселка Хунгари группы христиан веры евангельской существовали в начале 1960-х гг. в городах Облучье, Вяземск и две небольшие группы (от 7 до 12 чел.) в поселках Ванино и Высокогорный. К 1965 г. возникли еще две группы в городах Биробиджане и Бикине. Всего, по данным Уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР по Хабаровскому краю, в 1965 г. пятидесятников в крае насчитывалось около 50 чел. Верующие активно занимались миссионерской деятельностью. Только за один год количество активных верующих увеличилось на 28 чел. и составило в 1966 г. 78 чел. Группы периодически распадались и вновь объединялись, и число религиозных объединений христиан веры евангельской колебалось в Хабаровском крае в разные годы от 4 до 10⁵².

В Амурской области в начале 1960-х гг. проживало около 240 верующих христиан веры евангельской, объединенных в семь религиоз-

⁴⁹ ГАПХ. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 31. Л. 20.

⁵⁰ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 20. Л. 12.

⁵¹ Два руководителя пятидесятников в 1961 г. «были осуждены... по Указу как тунеядцы». ГАХК. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 20. Л. 13.

⁵² ГАХК. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 21. Л.2-4, 46; Д. 26. Л. 4-5; Д. 31. Л. 8.

ных групп, в Магаданской – 30. В Приморском крае общины пятидесятников стали возникать в годы Великой Отечественной войны. К началу 1960-х гг. на территории края функционировало 13 религиозных общин и групп ХВЕ, объединявших 699 верующих⁵³. Центром пятидесятничества на территории Дальнего Востока стал г. Находка Приморского края. Это связано с тем, что в результате ряда «пророчеств» руководителей Барнаульской общины ХВЕ о том, что в Находку «придут белые корабли-ковчег и увезут истинно верующих в землю Обетованную» (под которой подразумевались США), началась массовая миграция верующих в г. Находку из других регионов страны⁵⁴.

Местные власти, стремясь выполнить положения вышеуказанной Инструкции, стали применять к руководителям находкинской общины ХВЕ меры судебного преследования⁵⁵. Находкинский горисполком совместно с Уполномоченным Совета по делам религий по Приморскому краю на протяжении длительного времени проводил с верующими «разъяснительную и воспитательную работу», направленную на подведение их к пониманию необходимости приведения деятельности общины «в рамки закона»⁵⁶, путем ее вхождения во ВСХЕБ, продолжая использовать для этого методы административного давления.

Верующие ХВЕ обоснованно считали, что прежде чем общины будут регистрироваться, власти должны разрешить верующим христианам веры евангельской создать свой религиозный центр, который будет осуществлять координацию деятельности общин ХВЕ. Они утверждали, что из 75 тыс. последователей ХВЕ в СССР более 34 тысяч не собираются входить во Всесоюзный Совет евангельских христиан-баптистов, а желают создать свой религиозный центр, руководители которого и будут решать вопрос о возможной регистрации общин и групп ХВЕ⁵⁷.

Неправомерные действия властей вызвали появление среди находкинских пятидесятников в начале 1970-х гг. эмиграционных настроений. В 1973-74 гг. 14 верующих пятидесятников обратились в Президиум Верховного Совета РСФСР с ходатайством о выезде по религиозным мотивам на постоянное место жительства за границу, главным образом в Израиль⁵⁸. В своих заявлениях верующие апеллировали к Все-

⁵³ ГАПК. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 60. Л. 9.

⁵⁴ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 87. Л. 184.

⁵⁵ В 1961 г. по статье 227 УК РСФСР на различные сроки были осуждены Н.П. Горетой, В.О. Бобарыкин, Н.А. Райлян. ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 87. Л. 184.

⁵⁶ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 87. Л. 178.

⁵⁷ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 87. Л. 13.

⁵⁸ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 87. Л. 17-18.

общей декларации прав человека и Международному акту о гражданских и политических правах, ратифицированному Указом Президиума Верховного Совета СССР 21 января 1969 г. Чтобы ослабить эмиграционные настроения власти решили отпустить в Израиль семьи наиболее авторитетных руководителей данной группы Е.А. Бресендина (1975) и И.С. Плотникова (1976). Из Израиля И.С. Плотников переезжает в США и оттуда при помощи разных евангелических организаций начинает работу по организации выезда в США своих оставшихся родственников и других верующих⁵⁹. Часть верующих, получив приглашения от «родственников» или объединенного центра по эмиграции и беженцам в США, эмигрировали в Израиль в 1976 г. В результате появления эмиграционных настроений находкинская община ХВЕ разделилась на две группы: одна состояла из тех, кто собирался эмигрировать, другая из тех, кто считал эмиграцию большим грехом.

Всего подали заявления 97 семей верующих из Находки и 8 семей из Владивостока⁶⁰. Во многом этому способствовало новое «пророчество», что в землю Обетованную верующие должны перебираться своим ходом. Движение ХВЕ за выезд в США по религиозным мотивам вынудил местные власти изменить тактику работы с верующими. При горкоме КПСС была создана группа, основной задачей которой стало разъяснение верующим «ошибочности принятого ими решения о выезде за границу» и пресечение любых форм негативного отношения к верующим по месту их работы и учебы⁶¹. Определенную роль в ослаблении эмиграционных настроений сыграло посещение находкинских пятидесятников членами Президиума ВСХЕБ М.Я. Жидковым и П.К. Шатровым, а также старшим пресвитером ВСХЕБ по Дальнему Востоку Ю.А. Максимчуком (1976 г.)⁶². К началу 1978 г. находкинским властям удалось притушить эмиграционные настроения, чему способствовало широко распространенное среди верующих мнение том, что «пророчество» о необходимости перебираться в землю Обетованную не сбылось, и «не следует предпринимать каких-либо дальнейших шагов в этом направлении, так как коллективный выезд верующих... не угоден Богу»⁶³.

Группу верующих, не расставшихся с мыслью об эмиграции, возглавили В.Н. Степанов и Б.Г. Перчаткин. Они призывали использовать для получения разрешения на выезд все имеющиеся возможности

⁵⁹ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 87. Л. 67-68.

⁶⁰ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 87. Л. 97.

⁶¹ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 87. Л. 71.

⁶² ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 87. Л. 40-43.

⁶³ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 87. Л. 160.

вплоть до обращения в международные правозащитные организации. В апреле 1981 года судебная коллегия по уголовным делам Приморского краевого суда осудила Б.Г. Перчаткина на два года лишения свободы по ст. 190-1 УК РСФСР (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй)⁶⁴. После его осуждения эмиграционные настроения практически прекратились. Община зажила «нормальной» религиозной жизнью.

Драматично сложилась судьба Чугуевской общины ХВЕ. Верующие, в подавляющем большинстве немцы по национальности, переехали в начале 1981 г. в с. Чугуевку из г. Ахангара Ташкентской области. Община была многочисленной и молодой по составу: из 72-х взрослых членов общины 53 чел. были в возрасте от 18 до 35 лет⁶⁵. Пока местные власти не знали, что переселенцы – верующие ХВЕ, отношение к ним было доброжелательным. Переселенцы купили или построили дома, завели подсобное хозяйство, скот, птицу. Узнав о том, что прибывшие переселенцы – члены «антигосударственной секты», местные власти решили заставить общину зарегистрироваться или добиться «полного прекращения организованной деятельности общины в любой ее форме»⁶⁶. Начались гонения: только за полгода с июня по декабрь 1981 г. 18 чел. были привлечены к административной ответственности в виде штрафов, 3 чел. – приговорены к двум месяцам исправительных работ с вычетом 20% зарплаты, 7 чел. – к 15 или 10 суткам ареста. Пресвитер общины В.С. Вальтер трижды был приговорен к 10 суткам ареста⁶⁷.

За защитой от произвола местных властей верующие 23 декабря 1981 г. попытались обратиться к первому секретарю Приморского крайкома КПСС В.П. Ломакину, но Уполномоченный Совета по делам религий по Приморскому краю В.И. Чупин порекомендовал им обратиться к заместителю председателя крайисполкома П.Н. Реве. При встрече с ним верующие обрисовали сложившуюся вокруг их общины обстановку и передали составленный ими на семи листах документ под названием «Гонение, воздвигнутое властями в селе Чугуевка»⁶⁸. Для разрешения конфликтной ситуации в Чугуевку выехали В.И. Чупин, инструктор крайисполкома В.П. Знаев и помощник прокурора края И.С. Федотов. Они провели общее собрание членов общины, на котором «разъяснили им требования законодательства о культах» и потребовали «прекраще-

⁶⁴ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 87. Л. 170, 176.

⁶⁵ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 166. Л. 34-035,97.

⁶⁶ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 166. Л. 12.

⁶⁷ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 166. Л. 4-5, 43-44.

⁶⁸ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 166. Л. 4-10.

ния ими противозаконной деятельности и регистрации общины»⁶⁹. Хотя помощник прокурора края И.С. Федотов, изучив материалы «дел» верующих, признал, что в отношении многих из них «нарушена социалистическая законность», тем не менее он пришел к выводу, что опротестовывать и отменять ранее принятые решения не стоит, «чтобы не дать сектантским экстремистам возможность трактовать этот шаг как отступление местных органов власти»⁷⁰.

В 1982 г. в Чугуевке началась активная работа по «атеистическому воспитанию»: верующих, отбывших 10 или 15 суток необоснованного ареста, администрации предприятий стали переводить на неквалифицированную и низкооплачиваемую работу, а органы образования – грозить родителям верующих детей лишением их родительских прав и т.д. Чтобы настроить население против верующих был показан фильм «Тучи на Борском», в невыгодном свете показавший верующих-пятидесятников. После показа фильмов над детьми верующих стали «насмехаться и избивать, сопровождая все это фразами из фильма»⁷¹.

В результате такой «атеистической воспитательной работы» в апреле 1982 г. 50 верующих, никогда ранее не помышлявших об эмиграции⁷², отправили в Президиум Верховного Совета СССР обращение, в котором изложили факты неправомερных действий по отношению к ним со стороны органов власти⁷³, заявления и паспорта, «требуя выхода из гражданства и выезда из СССР в ФРГ к родственникам и друзьям по вере...»⁷⁴, что вызвало новое усиление административного давления на верующих со стороны местной власти⁷⁵.

Получив отказ от Президиума Верховного Совета СССР рассмотреть их заявления с просьбой о выезде в ФРГ, верующие в сентябре 1983 г. объявили 10-дневную голодовку, предварительно написав заявления по месту работы на отпуск без содержания на время проведения голодовки⁷⁶. Результатом голодовки для верующих стало либо увольне-

⁶⁹ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 166. Л. 1-2.

⁷⁰ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 166. Л. 3.

⁷¹ ГАПК. Ф. Р-1457. Оп. 1. Д. 166. Л. 30.

⁷² ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 166. Л. 74.

⁷³ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Л. 20-30.

⁷⁴ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Л. 43.

⁷⁵ В январе-феврале 1983 г. административной комиссией были оштрафованы четыре члена «братского совета», комиссией по делам несовершеннолетних две семьи были предупреждены, три оштрафованы, в марте семь человек из «братского совета» были арестованы на 15 суток. ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 166. Л. 103.

⁷⁶ В однодневной голодовке принимали участие и дети, которые по данной причине не явились в школу. ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 166. Л. 68.

ние с работы, либо перевод на нижеоплачиваемую работу, либо выговоры, лишение премиальных и тринадцатой зарплаты⁷⁷. Семеро верующих, уволенных по ст. 33 КЗОТ за «прогул», попытались восстановиться на работе, попросив в этом содействия райисполкома, но получили отказ, тогда они оставили в приемной райисполкома свои трудовые книжки и больше не пытались устраиваться на работу. Из Москвы паспорта верующих переслали в краевой паспортный стол, но верующие отказались забирать свои паспорта пока вопрос об их выезде не будет решен положительно. Родителям четырех младенцев, отказали в регистрации детей в районном ЗАГСе, так как начальник краевого паспортного стола запретил регистрировать детей без паспортов родителей⁷⁸. Все это еще больше укрепило верующих в их решении выехать в ФРГ.

Так как рассмотрение вопроса о возможности выезда затягивалось, верующие опять решили провести голодовку, но уже сроком на месяц. Должностные лица провели множество «бесед», убеждая верующих, что, если они не будут больше объявлять голодовок и заберут свои паспорта, вопрос о выезде будет решен положительно в ближайшее время. Поверив властям, верующие отказались от акций протеста⁷⁹, и власти решили, что вопрос об эмиграции отпал сам собой. Но через полгода верующие опять объявили голодовку, а 29 ноября 1984 г. забрали своих детей из школы и направили письмо в Президиум Верховного Совета СССР, объяснив данную акцию тем, что «в школе их детей воспитывают в атеистическом духе, подвергают постоянным оскорблениям и побоям»⁸⁰. Неясно, сколько бы продолжалось противостояние, но начавшаяся «перестройка» поставила в этой истории точку. Вопрос о выезде верующих был решен положительно, и все, кто желал уехать к родственникам в ФРГ, смогли это сделать.

Несмотря на преследование христиан веры евангельской на всей территории Дальнего Востока, количество общин и верующих в них было относительно стабильным. В 1961 г. на Дальнем Востоке действовали 33 объединения ХВЕ, в 1970 – 23, в 1980 г. их число возросло до 41, а в 1989 г. снизилось до 30. В общинах ХВЕ в 1961 г. было 1043 чел., в 1970 г. – 1089 чел., в 1980 г. – 1193, а в 1989 г. – 1064 чел.

Методы административного давления и уголовного преследования активно применялись на территории Дальнего Востока и к верующим общин адвентистов седьмого дня (АСД). В августе 1961 г. по ст. 142 УК

⁷⁷ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 166. Л. 82, 95.

⁷⁸ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 166. Л. 109.

⁷⁹ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 166. Л. 110-111

⁸⁰ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Л. 118.

РСФСР за «нарушение законодательства о религиозных культах» на один год исправительно-трудовых работ, с вычетом 20% зарплаты был осужден пресвитер Хабаровской общины АСД Н.М. Игнатов. Однако он не прекратил «заниматься религиозной деятельностью» и в марте 1962 г. был осужден «товарищеским судом по Указу как тунеядец»⁸¹.

Необходимо отметить, что в отношении АСД преследования не носили такого массового характера, как в отношении баптистов и пятидесятников. Возможно, это объясняется незначительным, по сравнению с баптистами и пятидесятниками, количеством верующих, религиозных групп и общин. В 1961 г. на территории Дальнего Востока действовало 17 общин АСД, объединяющих 319 верующих, наибольшее их число насчитывалось в Амурской области (110 чел., 5 общин) и в Приморском крае (150 чел., 9 общин). В 1971 г. самая многочисленная из них – владивостокская – была зарегистрирована в установленном законом порядке⁸². К 1980 г. число общин увеличилось до 22, незначительно возросло и количество верующих (на 60 чел.). Местные власти объясняли это миграцией адвентистов седьмого дня из центральных регионов страны.

Для дискредитации верующих АСД и особенно руководителей общин органы власти часто использовали надуманные причины. Так, в 1970 г. прокуратура Хабаровского края возбудила уголовное дело по ст. 107 УК РСФСР против пресвитера общины АСД Н.М. Игнатова и членов общины супругов Лелюковых. Основанием для возбуждения дела стала попытка суицида внучки Лелюковых Елены. Прокуратура пыталась доказать, что причиной попытки суицида является «понууждение девочки к отправлению религиозных обрядов» со стороны бабушки и дедушки. В ходе судебного разбирательства «преступление» Лелюковых и Игнатова доказано не было и дело за недоказанностью было прекращено. Именно этот факт стал основанием для отказа в 1970 г. в регистрации хабаровской общины АСД⁸³.

Чаще всего преследования верующих общин АСД опирались на следующие «нарушения» законодательства о религиозных культах: все субботние собрания адвентисты, в соответствии с вероучительной доктриной, начинали «с библейского урока с активным участием в нем несовершеннолетних»; родители препятствовали «своим детям посещать занятия в школах по субботам, вступать в пионеры и комсомол», и сами верующие «по субботам на работу не выходили»⁸⁴.

⁸¹ ГАРХ. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 209. Л. 13.

⁸² ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 108. Л. 2.

⁸³ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 31. Л. 24.

⁸⁴ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 48. Л. 32.

Дальневосточные общины АСД на 30-40% состояли из молодежи. Это во многом определялось своеобразной «молодежной политикой». Учитывая интерес подростков к различным формам состязательности общины ежегодно, начиная с 1972 г., устраивали конкурс среди подростков: «Кто лучше знает Библию?». Победители получали благодарности от руководителей общин и ценные подарки (иллюстрированную Книгу пророков или Библию)⁸⁵. Эта форма работы с молодежью была очень результативна, с каждым годом увеличивалось число желающих принять участие в очередном конкурсе, так как оно облегчало для многих молодых людей «духовное рождение» – принятие крещения. Проводили адвентисты и специальные молодежные собрания. Многие молодые верующие приводили на собрания своих неверующих друзей. Помимо чисто «духовных проблем», связанных с изучением Библии и распространением своего вероучения, на собраниях обсуждались и «мирские» проблемы: отношение к службе в армии, выполнение гражданских обязанностей и т.д. Можно утверждать, что именно проведение таких собраний способствовало увеличению доли молодых верующих в составе общин. Как известно, одна из основных функций любой религии – коммуникативная, удовлетворяющая потребность человека в общении не только с Богом, но и с единоверцами. Можно утверждать, что «молодежные встречи» представляли собой своеобразные «клубы по интересам» для совместного проведения досуга.

Понятно, что подобная деятельность АСД вызывала недовольство Уполномоченных Совета по делам религий, а также Комиссий по соблюдению законодательства о религиозных культах. Члены комиссий содействия соблюдению законодательства о религиозных культах во всех регионах Дальнего Востока ставили перед собой задачу «не допускать влияния реакционной адвентистской идеологии на несовершеннолетних»⁸⁶. Хотя крещение в общинах АСД принимается в «сознательном» возрасте, дети постоянно присутствовали на собраниях, с ними проводились «Библейские уроки», предусматривающие домашнее задание⁸⁷. Иногда, на религиозных собраниях АСД, несовершеннолетние дети присутствовали «даже без сопровождения родителей», что было категорически запрещено законом и давало основание Комиссиям привлекать руководителей общин к административной ответственности⁸⁸.

⁸⁵ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 109. Л. 30-31.

⁸⁶ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 4. Д. 119. Л. 16.

⁸⁷ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 109. Л. 29.

⁸⁸ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 4. Д. 119. Л. 16-17.

«Нарушал» советское законодательство о религиозных культах и помощник старшего пресвитера АСД по региону Сибири и Дальнего Востока (с июля 1984 г. исполняющий обязанности пресвитера зарегистрированной в 1982 г. хабаровской общины АСД) Л.Д. Ребанд: он организовывал «Библейские уроки» на субботних молитвенных собраниях и не пускал двух своих детей по субботам в школу. На этом основании ему долгое время не выдавалась справка о регистрации⁸⁹. В 1985 г. Ребанд был дважды привлечен к административной ответственности – штрафу и вызывался на комиссию по делам несовершеннолетних. Организовывать «Библейские уроки» он прекратил, но своих детей в школу по субботам так и не пускал. Школу по субботам не посещали еще несколько детей верующих родителей⁹⁰. Не имея справки о регистрации Ребанд, тем не менее, активно выполнял свои обязанности, периодически объезжая религиозные общины и группы АСД Дальнего Востока. В результате его деятельности количество верующих адвентистов практически удвоилось и насчитывало в 1989 г. 697 чел.

К «наиболее реакционной, человеконенавистнической секте»⁹¹ власти относили Свидетелей Иеговы. Свидетели Иеговы, как и верующие ХВЕ, как правило, мигрировали на территорию Дальнего Востока из других регионов страны, надеясь найти здесь относительную религиозную свободу. Первые Свидетели Иеговы появились в Хабаровском крае в середине 1950-х гг.⁹² Хотя свидетелей Иеговы в 1960-е годы на Дальнем Востоке было всего около 60 чел., власти и к ним начали применять методы уголовного преследования. Выполняя Инструкцию по применению законодательства о религиозных культах, сотрудники УКГБ по Магаданской области в первой половине 1960-х гг. смогли прекратить деятельность небольшой (20 чел.), но довольно активной общины Свидетелей Иеговы, которую возглавлял Н.К. Юрчук⁹³. В 1961 г. были привлечены к уголовной ответственности и осуждены к различным срокам наказания три руководителя общины Свидетелей Иеговы Хабаровского края⁹⁴; обезглавленная община практически прекратила свою деятельность и значительная часть верующих покинула территорию края.

⁸⁹ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 4. Д. 129. Л. 3.

⁹⁰ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 50. Л. 24.

⁹¹ См.: Законодательство о религиозных культах. 1971. С. 295.

⁹² ГАХК. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 50. Л. 156.

⁹³ Текущий архив отдела по связям с общественными и религиозными организациями администрации Магаданской области (ТАОСОРОА МО). Д. 3. Л. 133.

⁹⁴ ГАРХ. Ф. 1359. Оп. 4. Д. 177. Л. 18.

Возрождение организованной деятельности Свидетелей Иеговы в Хабаровском крае связано с переездом в г. Хабаровск в 1976 г. семьи А.Г. Воронина, которому удалось объединить вокруг себя лиц, ранее состоявших в общине, организовать миссионерскую работу среди верующих других вероисповеданий и неверующих. Для активизации религиозной жизни он пригласил на постоянное место жительства в Хабаровск несколько иеговистов-пионеров из других регионов страны⁹⁵. «Пионерское» служение дало результаты. Уже в 1978 г. в Хабаровском крае существовало три группы верующих Свидетелей Иеговы: в Хабаровске (более 50 чел.), Комсомольске-на-Амуре (9 чел.) и в Вяземске (5 чел.). Более половины из них были в возрасте до 30 лет⁹⁶.

В 1978-79 гг. административными органами были проведены мероприятия по компрометации руководителей общины, пресечению их «противозаконной» деятельности, внесению обстановки подозрительности в руководящее звено, что несколько снизило миссионерскую активность Свидетелей Иеговы⁹⁷. Однако, несмотря на усилия органов власти и различные меры «профилактического» характера, Хабаровская община Свидетелей Иеговы продолжала расти: к 1980 г. в ней состояло более 70 чел., из них свыше 40% в возрасте до 30 лет⁹⁸.

В 1982 г. за «организацию нелегальной религиозной деятельности и распространение политически вредной нелегальной иеговистской литературы»⁹⁹ трем руководителям объединения Свидетелей Иеговы краевой прокуратурой были вынесены официальные предупреждения. Но активная миссионерская деятельность Свидетелей Иеговы не прекращалась. В 1983 г. «административно было прекращено (разогнано с помощью милиции – С.Д.) 5 религиозных собраний иеговистов, в том числе одно молодежное и 8 миссионерских акций»¹⁰⁰.

Административные меры результатов не давали и тогда «все накопленные материалы были направлены прокурору края с целью определения возможности привлечения руководителей этого религиозного объединения к уголовной ответственности»¹⁰¹. По этим «материалам» 21 декабря 1983 г. прокуратурой Хабаровского края было возбуждено уголовное дело по статьям 142 и 227 УК РСФСР против одного из

⁹⁵ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 31. Л. 25; Д. 50. Л. 25.

⁹⁶ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 48. Л. 8, 32.

⁹⁷ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 48. Л. 32-33.

⁹⁸ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 48. Л. 87.

⁹⁹ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 4. Д. 113. Л. 8.

¹⁰⁰ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 4. Д. 1189. Л. 16.

¹⁰¹ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 4. Д. 130. Л. 141.

руководителей общины Свидетелей Иеговы Н.М. Бычкова. Среди «оснований» для возбуждения уголовного дела – «принуждение» несовершеннолетних сестер «своей жены Марии и Веры Морозовых к активной религиозной и миссионерской деятельности», а также «принуждение их с помощью угроз и запугивания божьими карами... исполнять ежедневные и неоднократные молитвы, систематически читать религиозную литературу, отказываться от общественной деятельности в школе»¹⁰².

В ходе «расследования» было установлено, что в 1984 г. в Хабаровске проживало более 200 Свидетелей Иеговы. Рассмотрение «дела» в суде длилось более года, было допрошено около 100 свидетелей¹⁰³. К уголовной ответственности были привлечены и осуждены восемь руководителей религиозного объединения. В их числе ближайшие сподвижники Н.М. Бычкова – Райков и Грачев, у которых власти во время обыска изъяли большое количество иеговистской литературы: брошюры, журналы «Сторожевая башня», различные листовки и «объявки», в которых содержались «призывы к гражданам СССР не участвовать в общественно-политической жизни, не исполнять гражданских обязанностей; не вступать в пионеры и комсомол; не участвовать в выборах (не голосовать), в манифестациях и демонстрациях, организуемых партийными и советскими органами; в компаниях борьбы за мир; не служить в Советской Армии»¹⁰⁴.

По мнению правоохранительных органов, члены общины «всячески стремились запутать следствие, лжесвидетельствовали, пытались использовать судебное заседание для распространения своего вероучения»¹⁰⁵. Против пяти верующих было возбуждено уголовное дело по ст. 181 УК РСФСР (лжесвидетельство). Один из них А.Д. Янцен «за дачу заведомо ложных показаний в период следствия» был осужден на год лишения свободы¹⁰⁶. Лишение общины руководства дезорганизовало ее деятельность. В религиозном объединении создалась обстановка недоверия и подозрительности. Часть верующих в 1984 г. выехала за пределы Хабаровского края, но окончательно прекратить деятельность общины Свидетелей Иеговы властям так и не удалось. Верующие ушли в «глубокое подполье», собираясь на свои студии небольшими группами по 5-7 человек, уследить за которыми власти не могли¹⁰⁷.

¹⁰² ГАХК. Ф. 1359. Оп. 4. Д. 113. Л. 50.

¹⁰³ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 4. Д. 130. Л. 142, 145.

¹⁰⁴ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 4. Д. 130. Л. 145.

¹⁰⁵ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 4. Д. 130. Л. 142..

¹⁰⁶ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 4. Д. 130. Л. 142.; Оп. 3. Д. 50. Л. 11.

¹⁰⁷ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 50. Л. 26; Оп. 4. Д. 137. Л. 196.

Через год, взамен осужденных в 1984 г. по статьям 142 и 227 УК РСФСР к различным срокам лишения свободы восьми руководителей Свидетелей Иеговы Хабаровского края, на руководящие должности в религиозной организации выдвинулись молодые и активные верующие, которые смогли оживить религиозную жизнь и восстановить численный состав общины в 200 человек¹⁰⁸. Летом 1988 года молодые руководители общины, по частным приглашениям, выезжали в Польшу для участия во Всемирном Конгрессе Свидетелей Иеговы¹⁰⁹. Вернувшись с Конгресса, они активизировали миссионерскую деятельность. Кроме организации собраний студийными группами в домах единоверцев, активно стали использоваться зоны отдыха, куда верующие группами по 30-40 человек выезжали на один-два дня для проведения учебы, совершения обрядов и молитвенного общения¹¹⁰.

В 1989 г. прокуратура края досрочно освобождает из мест заключения руководителя общины Н.М. Бычкова, 15 декабря уголовное дело в отношении всех восьми руководителей Свидетелей Иеговы было пересмотрено Пленумом краевого суда, семеро из них были оправданы¹¹¹.

Судьба приморских Свидетелей Иеговы почти полностью повторяет судьбу хабаровских верующих. Появились Свидетели Иеговы в Приморском крае в начале 1970-х гг. и на протяжении более чем 17 лет подвергались административному и уголовному преследованию.

В целом же можно констатировать, что к концу 1980-х гг. проявления религиозности на Дальнем Востоке были настолько незначительны, что даже с оптимистических позиций сегодняшнего дня можно с уверенностью говорить о тогдашней религиозной индифферентности подавляющего большинства населения региона.

БИБЛИОГРАФИЯ

Государственный архив Камчатской области (ГАКО).

Государственный архив Приморского края (ГАПК).

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Государственный архив Сахалинской области (ГАСО)

Государственный архив Хабаровского края (ГАХК).

Журнал Московской патриархии. 1988. № 10.

За нами придут корабли: Список реабилитированных лиц, смертные приговоры в отношении которых приведены в исполнение на территории Магаданской области /Авт. вступ. ст. А.М. Бирюков. Магадан. 1999. 215 с.

¹⁰⁸ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 50. Л. 158.

¹⁰⁹ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 4. Д. 157. Л. 68.

¹¹⁰ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 50. Л.858.

¹¹¹ ГАХК. Ф. 1359. Оп. 4. Д. 177. Л. 19.

- Законодательство о религиозных культурах. М. 1971. 336 с.
- Ильичев Л.Ф. Очередные задачи идеологической работы партии. М., 1963. 80 с.
- История евангельских христиан-баптистов в СССР. М. 1989. 623 с.
- Курочкин П.К. Эволюция современного русского православия. М., 1971. 273 с.
- Лебедев А.А. Конкретные исследования в атеистической работе. М. 1976. 72 с.
- Магаданская правда. 1959. 16 августа; 20 ноября; 1962. 26 июня; 1964. 3 октября; 1970. 17 апреля, 4 августа; 1971. 17 сентября, 18 сентября, 19 сентября.
- Материалы XX съезда КПСС. М. 1962.
- Материалы XXII съезда КПСС. М. 1962. 464 с.
- Одинцов М.И. Государство и церковь в России. XX век. М. 1994. 171 с.
- Одинцов М.И. Совет Министров СССР постановляет: «выселить навечно». М., 2002. 238 с.
- Пленум ЦК КПСС 18-21 июня 1963 г.: Стенографический отчет. М. 1964. 308 с.
- Сердюк М.Б. Православные епархии, епископы и монастыри на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XXI века //Религия и власть на Дальнем Востоке России. Сборник документов Государственного архива Хабаровского края. Хабаровск: Частная коллекция. 2001. 400 с.
- Сердюк М.Б. Религиозная жизнь Дальнего Востока (1858–1917): Автореферат дис. канд. истор. наук. Владивосток. 1998. 22 с.
- Текущий архив отдела по связям с общественными и религиозными организациями администрации Магаданской области (ТАОСОРОА МО).
- Тепляков М.К. Проблемы атеистического воспитания в практике партийной работы. Воронеж. 1972. 232 с.
- Трофимчук Н.А., Свищев М.П. Экспансия. М. 2000. 217 с.

REFERENCES

- Gosudarstvennyj arhiv Kamchatskoj oblasti (GAKO).
- Gosudarstvennyj arhiv Primorskogo kraja (GAPK).
- Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF).
- Gosudarstvennyj arhiv Sahalinskoj oblasti (GASO)
- Gosudarstvennyj arhiv Habarovskogo kraja (GAHK).
- Zhurnal Moskovskoj patriarhii. 1988. № 10.
- Za nami pridut korabli.: Spisok reabilitirovannyh lic, smertnye prigovory v otnoshenii kotoryh privedeny v ispolnenie na territorii Magadanskoj obla-sti /Avt. vstup. st. A.M. Birjukov. Magadan. 1999. 215 s.
- Zakonodatel'stvo o religioznyh kul'tah. M. 1971. 336 s.
- Il'ichev L.F. Ocherednye zadachi ideologicheskoi raboty partii. M., 1963. 80 s.
- Istoriya evangel'skikh hristian-baptistov v SSSR. M. 1989. 623 s.
- Kurochkin P.K. Jevoljucija sovremennogo russkogo pravoslavija. M., 1971. 273 s.
- Lebedev A.A. Konkretnye issledovanija v ateisticheskoi rabote. M. 1976. 72 s.
- Magadanskaja pravda. 1959. 16 avgusta; 20 nojabrja; 1962. 26 ijunja; 1964. 3 oktjabrja; 1970. 17 aprilja, 4 avgusta; 1971. 17 sentjabrja, 18 sentjabrja, 19 sentjabrja.
- Materialy HH s#ezda KPSS. M. 1962.
- Materialy HHII s#ezda KPSS. M. 1962. 464 s.
- Odincov M.I. Gosudarstvo i cerkov' v Rossii. HH vek. M. 1994. 171 s.
- Odincov M.I. Sovet Ministrov SSSR postanovljaet: «vyselit' navechno». M. 2002. 238 s.
- Plenum CK KPSS 18-21 ijunja 1963 g.: Stenograficheskij otchet. M. 1964. 308 s.

Serdjuk M.B. Pravoslavnye eparhii, episkopy i monastyri na Dal'nem Vostoke Rossii v konce XIX – nachale XX veka //Religija i vlast' na Dal'nem Vostoke Rossii. Sbornik dokumentov Gosudarstvennogo arhiva Habarovskogo kraja. Ha-barovsk: Chastnaja kollekcija. 2001. 400 s.

Serdjuk M.B. Religioznaja zhizn' Dal'nego Vostoka (1858–1917): Avtoreferat dis. kand. istor. nauk. Vladivostok. 1998. 22 s.

Tekushhij arhiv otdela po svjazjam s obshhestvennymi i religioznymi organizacijami administracii Magadanskoj oblasti (TAOSOROA MO).

Tepljakov M.K. Problemy ateisticheskogo vospitaniya v praktike partijnoj raboty. Voro-nezh. 1972. 232 s.

Trofimchuk N.A., Svishhev M.P. Jekspansija. M. 2000. 217 s.

Дударёнок Светлана Михайловна, доктор исторических наук, профессор Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток); dudarenoksv@gmail.com

Religion, Church, Believers In the Russian Far East in the late 19th – 20th c.

The article is devoted to the processes occurring in the religious life of the Russian Far East from the end of the 19th century to the late 1980s. The author looks at the peculiarities of formation of the Far Eastern religious confessions. The Far East has historically been multi-ethnic, and home to people with diverse religious roots. In the late 19th - early 20th century the Orthodox tradition in the Far East weakened due to the lack of priests, temples and difficulties of life in the region. In the first half of the 20th century the number of religious followers has further reduced, lead to the change in confession, and increased the influence of Protestant confessions. Special attention in the article is paid to the religious policy of the Communist Party and the Soviet State, showing that the Far Eastern "underground religion" was created by the local authorities, who declared Religion a real war.

Keywords: religion, church, believers, religious politics, the Russian Far East, repression, religious tolerance.

Svetlana Dudarenok, Dr.Sc. (History), Professor, School of Humanities, Far East Federal University (Vladivostok); dudarenoksv@gmail.com

CONTENTS

<i>'Dialogue with Time' – the 50th Issue</i>	5
<i>History and theory</i>	
<i>Irina Savelieva</i> . Has history become a social science? Energetic embrace of 'scientificity'.....	9
<i>Igor Ionov</i> . Problems of Modern Macrohistory. Article 1. Step Forward, Two Steps Backwards?.....	34
<i>Olga Leontieva</i> . "Memorial turn" in the contemporary Russian historical studies....	59
<i>Feodor Nickolai, Anna Khazina</i> . History of Emotions and 'Affective Turn': Prospects of a Dialogue.....	97
<i>Dmitry Timofeev</i> . Methodology of the history of concepts in the context of the history of pre-revolutionary Russia: prospects and application of principles.	116
<i>Intellectual history today</i>	
<i>Maya S. Petrova</i> . Platonic theories concerning division of the World as presented by the Latin encyclopedist Macrobius.....	139
<i>Anastasia Palamarchuk</i> . Noble honour, King's Justice: the Court of Chivalry and legal ideas in the Early Stuart England.....	152
<i>Elena Vishlenkova</i> . Reviewing as a means of self-regulation in the medical profession in Russia of 1830–1840s.....	172
<i>Svetlana Golikova</i> . Medical expert knowledge in Russian legislature of the first half of the 19 th century: the Rekrutsky Charter of 1831.....	201
<i>Natalia Alevras</i> . Dissertation history of a scholar as an event of intellectual biography of the 19 th century Russian historians.....	218
<i>History and Personality</i>	
<i>Ella Zadorozhnyuk</i> . Works by Taras Shevchenko: Growing reception and interpretations.....	242
<i>Irina Chikalova</i> . Olga Alexeevna Novikova: "Unofficial Agent of the Russian Government" in London.....	268
<i>Natalya Ageeva, Tatyana Ivanova</i> . A Portrait of an intellectual: for the 165 anniversary of S.F. Fortunatov.....	287
<i>Irina Vorobyova</i> . Natalya Fedorovna Oldenburg as the keeper of the traditions of Priyutinskoe Bratstvo.....	307
<i>World of sociocultural history</i>	
<i>Yulia Obidina</i> . The phenomenon of suicide in the identification of collective mentality.....	322
<i>Violetta Trofimova</i> . "Querelle des femmes" in European cultures in the late 16 th – early 17 th century.....	338
<i>History of religion and church</i>	
<i>Lidia Sofronova</i> . Perception of heresy in English religious practice on the eve of the Reformation: the case of John Colet.....	350
<i>Svetlana Dudarenok</i> . Religion, Church, Believers in the Russian Far East in the late 19 th – 20 th c.....	368
СОДЕРЖАНИЕ.....	399

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От Редакции</i>	5
<i>История и теория</i>	
<i>И.М. Савельева</i> . Стала ли история социальной наукой? Энергичные объятия сциентизма.....	9
<i>И.Н. Ионов</i> . Проблемы современной макроистории. Статья 1: Шаг вперед, два шага назад?.....	34
<i>О.Б. Леонтьева</i> . «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке.....	59
<i>Ф.В. Николаи, А.В. Хазина</i> . История эмоций и «аффективный поворот»: проблемы диалога.....	97
<i>Д.В. Тимофеев</i> . Методология «истории понятий» в контексте истории дореволюционной России: перспективы и принципы применения.....	116
<i>Интеллектуальная история сегодня</i>	
<i>М.С. Петрова</i> . Представления платоников о делении мира в изложении латинского энциклопедиста Макробия.....	139
<i>А.А. Паламарчук</i> . Дворянская честь, королевская справедливость: Рыцарский суд и правовые идеи в раннеюэартовской Англии.....	152
<i>Е.А. Вишленкова</i> . Рецензирование как механизм саморегулирования медицинской профессии в России (1830–1840-е гг.).....	172
<i>С.В. Голикова</i> . Медицинское экспертное знание в российском законодательстве первой половины XIX в.: Рекрутский Устав 1831 г....	201
<i>Н.Н. Алеврас</i> . Диссертационная история ученого как событие интеллектуальной биографии российских историков XIX века.....	218
<i>История и личность</i>	
<i>Э.Г. Задорожнюк</i> . Творчество Тараса Шевченко: ширяющиеся рецепции и интерпретации.....	242
<i>И.Р. Чикалова</i> . Ольга Алексеевна Новикова: «неофициальный агент русского правительства» в Лондоне.....	268
<i>Н.Н. Агеева, Т.Н. Иванова</i> . Портрет интеллектуала: к 165-летию С.Ф. Фортунатова.....	287
<i>И.Г. Воробьёва</i> . Наталья Фёдоровна Ольденбург – хранитель традиций Приютинского братства.....	307
<i>В мире социокультурной истории</i>	
<i>Ю.С. Обидина</i> . Феномен суицида в идентификации коллективной ментальности.....	322
<i>В.С. Трофимова</i> . «Спор о женщинах» в европейских культурах конца XVI – начала XVII века.....	338
<i>Из истории религии и церкви</i>	
<i>Л.В. Софронова</i> . Восприятие ереси в английской религиозной практике предреформационной эпохи: Казус Джона Колета.....	350
<i>С.М. Дударёнок</i> . Религия, церковь, верующие на российском Дальнем Востоке в конце XIX – XX веке.....	368
CONTENTS.....	398

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

50 / 2015

Главный редактор
Лорина Петровна РЕПИНА

Адрес редакции
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1517
Тел. (495) 938-53-91
Web-страница: <http://www.igh.ras.ru/intellect/books/index.htm>
Электронная почта: dialogue.time@yandex.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.

Дизайн обложки И. Н. Граве

Подписано в печать 27. 11. 2014
Формат 60x90 / 16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25. Тираж 600. Заказ №

Отпечатано в типографии Onebook.ru
ООО «Сам Полиграфист»
Москва, Протопоповский пер., д. 6.
Электронная почта: info@onebook.ru
Адрес в интернете: www.onebook.ru
Тел.: +7 495 545-37-10

ISSN 2073-7564
Эл. № ФС 77-53624